СИБИРЬ

КАКЪ

КОЛОНІЯ

КЪ ЮБИЛЕЮ ТРЕХСОТЛѢТІЯ.

Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее.

Н. М. Ядринцева.

Колоніи просвѣщеннаго общества, утверждающіяся въ безлюдной и малонаселенной странѣ, скорѣе всякаго другаго человѣческаго общества двигаются къ богатству и благосостоянію.

Адамъ Смитъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. О., 2 л., 7.
1882

Н73
П631

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I. Русская народность на Востокѣ.

Естественныя и географическія условія Сибири. — Климатъ и топографія. — Естественныя богатства. — Удобства жизни. — Рѣки какъ пути сообщенія.—Будущность края въ условіяхъ географическаго положенія. — Расположеніе русскаго населенія, его распространеніе.—Отношеніе къ инородческому элементу.—Взаимныя вліянія. — Вырожденіе и результатъ смѣшенія.—Культурное вліяніе.—Пропорція русскаго населенія къ инородческому.—Средства сохраненія національности и свойствъ высшей рассы. . . . . 1— 49

II. Областной типъ русской народности на Востокѣ.

Народно-областной типъ и этническія условія его образованія.—Послѣдствія видоизмѣненій подъ вліяніемъ природы, климата, питанія и смѣшенія съ инородческимъ элементомъ.—Характеръ сибиряковъ.—Опредѣленіе его Екатериною II.—Физическій типъ, измѣненія въ языкѣ. — Умственный складъ и уровень способностей.—Измѣненія великороссійскаго характера. — Взглядъ на природу.—Преданія.—Суевѣрія.—Любознательность и стремленіе къ новизнѣ.—Индивидуализмъ.—Промышленный характеръ.—Сибирская крестьянская община.—Процессъ народнаго творчества въ условіяхъ новой жизни. . . . . 50— 85

III. Инородцы и инородческій вопросъ Сибири.

Инородческій вопросъ. — Исторія его развитія. — Уменьшается или увеличивается инородческое населеніе.—Современныя статистическія свѣдѣнія объ уменьшеніи инородцевъ. — Историческія причины вымиранія инородцевъ. — Болѣзни и голодъ.—Экономическая обстановка жизни. — Признаки обѣднѣнія. — Уменьшеніе средствъ пропитанія и расширеніе потребностей.—Торговля.—Инородческій пролетаріатъ.—Наше культурное вліяніе. . . . . 86—105

СТРАН.

IV. Условія разрѣшенія инородческаго вопроса.

Гражданское положеніе инородцевъ.—Наше законодательство.—Покровительственная политика.—Ясачныя коммиссіи.—Инородческій уставъ Сперанскаго. — Современное положеніе инородцевъ и роль мѣстной администраціи.—Ясачные сборы и злоупотребленія.—Опека и снабженіе хлѣбомъ инородцевъ.—Распространеніе христіанства.—Попытки просвѣщенія.—Условія, при которыхъ онѣ могутъ достигнуть успѣховъ. — Задачи цивилизаціи.—Будущность инородческихъ племенъ . . . . . 106—125

V. Колонизація Сибири и современныя переселенія.

Сибирь, какъ продуктъ колонизаціи.—Движеніе вольнонародныхъ переселеній. — Эмиграція и побѣги въ Сибирь.—Періоды казенной колонизаціи, промышленная, торговая и земледѣльческая колонизація.—Современное движеніе переселеній.—Переселенія до освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и послѣ него.—Направленіе колонизаціи и мѣста, избираемыя народомъ.—Миновала ли потребность переселяться.—Неизбѣжность переселеній при увеличеніи населенія.—Современныя задачи переселенія, положеніе переселенцевъ.—Принципъ регламентаціи и свободнаго выбора земель.—Ихъ результаты.—Роль Сибири въ будущей колонизаціи . . . . . 126—163

VI. Ссылка въ Сибирь и положеніе ссыльныхъ.

Взглядъ на Сибирь, какъ страну ссылки.—Наличное число ссыльныхъ. — Экономическій бытъ ихъ.—Нищенство и бродяжество сосланныхъ. — Побѣги. — Преступленія ссыльныхъ.—Стоимость ссылки.—Вліяніе ея на сибирское общество.—Заявленія мѣстныхъ жителей.—Отзывы о ней администраторовъ.—Проекты отмѣны ссылки. 164—222

VII. Исторія эксплуатаціи богатствъ на Востокѣ.

Богатства Сибири и что подъ ними разумѣется.—Естественныя произведенія края.—Открытіе Сибири и вліяніе его на духъ русскаго народа.—Увлеченіе Сибирью.—Слава о ней.—Поиски за богатствами. — Послѣдовавшія разочарованія.—Исторія эксплуатаціи природы.—Мѣха, золото, земледѣльческіе и скотоводческіе продукты.—Хищническіе способы культуры.—Послѣдствіе этого.—Торговля и промышленность Сибири въ современномъ ея состояніи . . . . 223—263

VIII. Экономическое положеніе Сибири.

Зажиточность и бѣдность сибирскаго населенія.—Господствующія явленія монополіи, міроѣдства, кабалы и торговой зависимости. — Типы кулаковъ и міроѣдовъ. — Земледѣльческая и торговая кабала.—Зависимость инородцевъ.—Исторія монополіи и кабалы на Востокѣ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ.—Борьба администраціи съ монополистами.—Болѣе нормальные пути экономическаго развитія и будущность края . . . . . 264—296

СТРАН.

IX. Управленіе Сибирью и реформа Сперанскаго.

Затрудненія въ дѣлѣ управленія Сибирью за отдаленностью края. — Эпоха воеводскаго управленія, ея недостатки.—Воеводскій произволъ и злоупотребленія.—Петровскій періодъ.—Ревизіи въ Сибири. — Нравы чиновничества.—Пестель и Трескинъ въ Сибири.—Борьба съ городскими обществами.—Сибирскій доносъ.—Назначеніе Сперанскаго, его ревизія, открытіе злоупотребленій. — Взглядъ Сперанскаго на управленіе Сибирью.—Законодательныя работы.—Сибирскія учрежденія 1822 г.—Достоинства и недостатки учрежденій.—Результатъ 50-ти-лѣтней практики сибирскихъ учрежденій.—Новые административные проекты.—Современныя задачи управленія. 297—364

X. Потребность знанія на Востокѣ и образованіе въ Сибири.

Недостатокъ знаній при открытіи Сибири. — Характеристика сибирскаго общества въ XVIII ст.—Попытки просвѣщенія въ XIX стол.—Время Сперанскаго.—Ощутительный недостатокъ учебныхъ заведеній.—Умственный уровень сибирскаго общества и общественная жизнь городовъ.—Пробуждающаяся любознательность и стремленіе къ образованію.—Возникновеніе университетскаго вопроса на Востокѣ, его исторія и время основанія университета въ Сибири.—Надежды, возлагаемыя на него и открывающаяся лучшая будущность края. . . . . 365—431

XI. Будущность страны и условія ея преуспѣянія.

Наступающій моментъ сознательнаго отношенія къ своей исторіи. — Сибирь, какъ колонія Россіи.—Характеръ земледѣльческихъ колоній по опредѣленію Рошера.—Успѣхи развитія колоній у различныхъ народовъ.—Англійская и испанская колонизація.—Всякая національность вноситъ свой характеръ и институты.—Общія черты колоній. — Чего недостаетъ русскимъ колоніямъ. — Необходимыя условія процвѣтанія.—Будущность края. . . . . 432—450

Приложеніе. Статистическія свѣдѣнія о современномъ состояніи Сибири.

Пространство и населеніе Азіатской Россіи и свѣдѣнія о количествѣ земель и крестьянскихъ надѣлахъ въ Зап. Сибири. — Движеніе переселеній въ Тобольскую губернію съ 1846 по 1878 г. — Вѣдомость о перечисленіи крестьянъ въ Томскую губ. съ 1870 по 1879 г. Вѣдомость о переселеніи крестьянъ въ Алтайскій горный округъ.—Статистическія свѣдѣнія о ссылкѣ. — Статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ Зап. Сибири.—Земледѣліе. — Скотоводство.—Промышленность.—Просвѣщеніе. . . . . 451—471

ОТЪ АВТОРА.

Посвятивъ бо́льшую часть жизни изученію края интереснаго, но малоизвѣстнаго, мы рѣшились соединить въ одно цѣлое всѣ наши наблюденія и плоды литературныхъ работъ о Сибири, чтобы дать картину современной жизни нашего Востока, поучительную для русскаго общества. Ежели складъ народной жизни въ Европейской Россіи вызываетъ нынѣ особое вниманіе, то не менѣе интереса можетъ представить проявленіе той-же жизни русскаго народа на обширныхъ окраинахъ среди новыхъ условій и новой обстановки. Несомнѣнно, что здѣсь среди дѣвственной природы характеръ того-же населенія долженъ проявляться оригинальнѣе и самобытнѣе. Передать нѣкоторыя черты изъ жизни этого края и познакомить съ нимъ, въ виду недостатка сочиненій и существованія смутныхъ представленій о Сибири было нашею цѣлью.

Мы имѣли въ виду разсѣять предубѣжденіе и ложное понятіе о нашемъ Востокѣ, сложившееся по его печальному прошлому, и показать, что этотъ край могъ-бы при лучшихъ условіяхъ быть страной довольства, богатства и счастія.

Наши владѣнія на Востокѣ и обширныя пространства Сибири получаютъ особое значеніе теперь, когда поднимается „переселенческій вопросъ“, на которомъ сосредоточено одинаково вниманіе правительства и общества. Русскій народъ стремится съиз-

давна проложить тропу въ Сибирь, и въ виду чувствуемой потребности переселеній этотъ край несомнѣнно будетъ играть въ будущемъ еще бо́льшую роль. Избытокъ населенія и потребность въ землѣ не только не ослабѣютъ, но постепенно будутъ возростать, и поэтому мѣста свободныя для переселеній будутъ цѣниться болѣе и болѣе. Малонаселенныя земли, по выраженію Литтре́, призваны играть огромную роль въ будущности человѣчества.

Мы имѣли въ виду разсмотрѣть положеніе Востока именно съ этой точки зрѣнія. Затѣмъ мы не могли не коснуться того этнологическаго процесса и всѣхъ измѣненій, какія совершаются въ обстановкѣ новой страны. Необходимо изучить всѣ особенности ея, вліяніе на человѣка, всѣ оригинальныя проявленія быта для того, чтобы составить понятіе объ условіяхъ человѣческаго существованія здѣсь. Наконецъ въ этой странѣ мы видимъ зарождающееся общество, въ которомъ проявляются тѣ же человѣческія стремленія, постепенно формируются кости и мускулы живаго организма, совершается промышленный и культурный ростъ, пробуждается гражданская жизнь и духовныя потребности, которыя требуютъ удовлетворенія.

Конечно трудно было дать полную картину жизни и всѣхъ оттѣнковъ ея въ виду разнообразія племенъ и народностей, раскиданныхъ на обширнѣйшихъ въ мірѣ пространствахъ. Но мы старались хоть отчасти обобщить добытыя этнографическія наблюденія въ различныхъ мѣстностяхъ края, сознавая, что подробная научная разработка еще впереди. Наши очерки имѣютъ скорѣе въ виду возбудить любознательность и интересъ къ изученію Востока. Имѣя передъ собой наступающее трехсотлѣтіе историческаго существованія края, мы считали не безполезнымъ представить нѣкоторые итоги, познакомить съ насущными потребностями и съ вопросами, выступающими въ его жизни.

Касаясь современнаго положенія Сибири, рядомъ съ изслѣдованіями, въ своихъ текущихъ литературныхъ работахъ мы должны были часто давать отвѣты на немолчные запросы жизни, поэтому тонъ нашего изложенія не всегда является объективнымъ и спокойнымъ; но едва-ли мы заслуживаемъ упрека въ томъ, что

приходя на зовъ жизни, мы стремились отвѣтить на него всѣми силами души и полагали здѣсь весь жаръ своего сердца. Принадлежа къ поколѣнію, стремившемуся сознательно отнестись къ нуждамъ своей родины и быть ей полезнымъ, мы старались внести посильную дань въ изученіе ея вопросовъ, вѣруя что другія поколѣнія, одушевленныя тою-же любовью, выполнятъ послѣдующія задачи гораздо полнѣе и лучше нашего.

1881—1882 г.
С.-Петербургъ.

РУССКАЯ НАРОДНОСТЬ

НА ВОСТОКѢ.

I.

Естественныя и географическія условія Сибири. — Климатъ и топографія. — Естественныя богатства. — Удобства жизни. — Рѣки какъ пути сообщенія. — Будущность края въ условіяхъ географическаго положенія. — Расположеніе русскаго населенія, его распространеніе. — Отношеніе къ инородческому элементу.—Взаимныя вліянія.—Вырожденіе и результатъ смѣшенія.—Культурное вліяніе.—Пропорція русскаго населенія къ инородческому.—Средства сохраненія національности и свойствъ высшей расы.

Немного найдется странъ, представляющихъ столько новаго, оригинальнаго и любопытнаго, какъ въ естественно-историческомъ, такъ и этнологическомъ отношеніяхъ, подобно нашей Восточной окраинѣ и въ то же время едва-ли существуетъ страна, о которой бы соотечественники знали менѣе и имѣли болѣе смутныя и неопредѣленныя понятія. Не смотря на то, что уже три столѣтія какъ край этотъ пріобрѣтенъ Русскими и болѣе полутораста лѣтъ открытъ для изслѣдованія науки [1]), не смотря на то, что первѣйшія свѣтила европейской учености, какъ Гумбольдтъ, Ледебуръ, Эренбергъ, Розе, Бернардъ Котта и другіе, удостоили его изслѣдованіями и оставили здѣсь свои блестящія имена, не смотря на то, что со времени Мессершмидта и Палласа въ Сибири перебывало множество путеше-

[1]) Первыя свѣдѣнія о Сибири занесены въ книгу большаго чертежа 1627 г., а вообще Зауралье было извѣстно Русскимъ съ 1465 г. О Сибири упоминается въ космографіи Себастіана Мюнстера въ 1544 г.

ственниковъ и экспедицій; Гмелинъ, Георги, Клапротъ, Кастренъ изучали здѣсь азіятскія народности, а въ послѣднее время географія Азіи и въ томъ числѣ Сибири освѣщена великими трудами Риттера; не смотря на это, познанія о Сибири весьма слабо проникли въ русское общество. Многіе доселѣ вѣрятъ еще, что громадная площадь, лежащая къ Востоку отъ Урала, представляетъ негостепріимную пустыню съ суровымъ климатомъ, вѣчными зимами, неудобную для культуры и страшную для жизни. Это предубѣжденіе невѣжества доселѣ тяготѣетъ надъ злосчастною страною.

Отдаленность края, его нетронутость, подавляющая природа, могучее проявленіе стихій и трудность борьбы съ природою въ новыхъ мѣстахъ, какъ и сознаніе безсилія, чувствуемое не подготовленнымъ для борьбы человѣкомъ, въ связи съ миѳомъ о неизвѣстномъ и таинственномъ, всегда устрашающемъ, дѣйствительно заставляли видѣть въ этомъ краѣ нѣчто негостепріимное, но эти предубѣжденія день ото дня разрушаются жизнью, и несомнѣнно придется когда-нибудь пожалѣть, что наше незнаніе помѣшало оцѣнить настоящее значеніе столь богатаго края для государства.

Поэтому, приступая къ описанію жизни и исторіи распространенія русскаго населенія на Востокѣ, мы считаемъ не лишнимъ, хотя бѣгло, познакомить съ географическими и топографическими условіями нашего Востока по современнымъ даннымъ.

Пространство Сибири отъ Урала и до Восточнаго Океана и отъ южныхъ степей, входящихъ въ составъ края, до Ледовитаго Океана, т.-е. между 45% и 77% сѣверной широты, опредѣляется нынѣ въ 245,700 кв. миль, или 11,885,400 кв. верстъ, причемъ должно сказать, что всѣ исчисленія даютъ только приблизительное понятіе о величинѣ территоріи за неприведеніемъ въ извѣстность всѣхъ земель на этомъ огромномъ протяженіи [1]). Во всякомъ случаѣ должно признать, что территорія Азіятской Россіи или Сибири превосходитъ Европейскую Россію вмѣстѣ съ Финляндіей и Царствомъ Польскимъ болѣе чѣмъ вдвое; мало того, она занимаетъ пространство бо́льшее, чѣмъ вся Европа, составляетъ четвертую часть Азіи, превосходитъ Австралію и

---

[1]) По послѣднимъ свѣдѣніямъ пространство Сибири показывается въ 226,924 кв. м., но здѣсь не принимаются во вниманіе двѣ области, Акмолинская и Семипалатинская. По исчисленіямъ г. Венюкова пространство Азіятской Россіи равняется 268,855 кв. м. Кромѣ 245,000, указанныхъ нами, 61,400 кв. м. приходится на Туркестанскія владѣнія.

немного менѣе половины Африки. Такое протяженіе территоріи заставляетъ приравнивать ее скорѣе къ частямъ міра, чѣмъ къ областямъ государства. Одна изъ губерній, далеко не самая большая—за Ураломъ, Томская, составляетъ 18% всей Россіи, превосходитъ Великобританію въ 2½ раза, Пруссію въ 3 раза, Францію въ 1½ раза. Эта губернія равняется 15,688 кв. милямъ, но рядомъ съ нею Тобольская занимаетъ уже 25,749 кв. миль.

Все протяженіе Западной Сибири равно 2.964,649 кв. верстамъ и Восточной Сибири 8.654,000 кв. верстъ. Такая часть міра едва-ли можетъ почесться когда-либо излишнею и ненужною для человѣчества. Раскидываясь отъ полярнаго круга до средне-азіятскихъ степей, эта страна заключаетъ всѣ климаты отъ вѣчныхъ полярныхъ льдовъ до средне-азіятскихъ жаровъ, отъ безжизненной тундры и ледяныхъ пустынь съ ископаемыми мамонтами, усѣявшими своими костями прибрежья Ледовитаго моря, до цвѣтущихъ благословенныхъ уголковъ у подножія Алтая, до роскошныхъ оазисовъ Чуйской долины и озера Исыкъ-Куля, до береговъ поражающаго южною растительностью Амура. Эти измѣненія въ климатѣ сопровождаются самыми причудливыми измѣненіями природы съ самою разновидною флорою и фауною. Такимъ образомъ только развѣ часть Сибири въ широтахъ полярнаго холода, подъ 70°, можетъ быть признана суровой по климату и трудно доступной для жизни, но и это можно признать, только игнорировавъ тотъ фактъ, что торговцы и промышленники уже основали здѣсь свои факторіи и что здѣсь съиздавна существуетъ значительное инородческое населеніе съ своимъ промысломъ. Что касается средней и южной Сибири, то она обладаетъ умѣренностью климата, не уступающей среднимъ губерніямъ Россіи; мы не говоримъ уже о тѣхъ уголкахъ, дышащихъ южною природою, которымъ можетъ позавидовать Малороссія и которые влекутъ нынѣ къ себѣ цѣлые потоки русскаго крестьянства.

Все что можно сказать—это то, что континентальный климатъ Сибири обладаетъ крайними переходами отъ суровыхъ зимъ къ жаркому лѣту, но это жаркое, почти тропическое лѣто вознаграждаетъ человѣка за леденящій морозъ, какъ яркіе цвѣты Сибири награждаютъ за блѣдные покровы зимы.

Для человѣка, привыкшаго къ климату Великороссіи, зимы Сибири не кажутся болѣе тягостными. Вскрытіе рѣкъ въ Апрѣлѣ и замерзаніе въ Октябрѣ и Ноябрѣ не представляетъ ничего

необыкновеннаго [1]). Напротивъ, въ различныхъ широтахъ Сибири, какъ доказываетъ сама жизнь, легко аклиматизовывается самое разнообразное по привычкамъ населеніе, начиная съ малоросса и бессарабца, кончая архангельцемъ; малороссы при этомъ выбираютъ болѣе южныя степи Сибири. Вообще же полоса между 60° и 45° представляетъ слишкомъ достаточно простора на огромномъ протяженіи въ 8,000 в., чтобы найти мѣсто для жизни и развернуть извѣстную культуру [2]).

Природа и топографія Зауралья представляетъ крайнее разнообразіе. На большомъ протяженіи здѣсь чередуются равнины, степи, огромная лѣсная полоса и наконецъ на югѣ и востокѣ проходятъ нѣсколько значительныхъ горныхъ хребтовъ, придающихъ многимъ мѣстностямъ Сибири горный характеръ. Степи средней Сибири весьма отличаются отъ средне-азіятскихъ и киргизскихъ степей; такъ-называемая барабинская, ишимская и кулундинская степи составляютъ ни что иное какъ равнины, покрытыя роскошной травяной растительностью и усѣянными березовыми рощами, плодородіе которыхъ изумило академика Миддендорфа. Нѣкоторыя степи можно назвать пампасами Сибири, среди нихъ помѣщаются огромные водные бассейны въ родѣ озера Чановъ, занимающаго 2,910 кв. верстъ, окруженнаго массой другихъ второстепенныхъ озеръ. Озера эти усѣяны табунами сибирской дичи. Къ югу степи покрыты солеными озерами.

Благодаря обширнымъ пастбищамъ на сѣверѣ и югѣ Сибири, въ ней пропитывается по послѣднимъ свѣдѣніямъ только въ одной западной половинѣ 11.249,900 головъ скота, въ томъ числѣ 2.703,300 лошадей, 93,500 оленей, 170,500 верблю-

---

[1]) Недавно напечатанныя таблицы замерзанія Сибирскихъ рѣкъ въ запискахъ Зап. Сиб. Отдѣла Географич. Общества кн. 2, 1880 г. даютъ слѣдующія указанія:

	Вскрытіе.	Замерзаніе.
Югъ Сибири: Бія—въ Бійскѣ	11—13 Апрѣля,	2 Ноября 28 Октября.
Омь—въ Омскѣ	12—22 „	1 „ 28 „
Обь—Барнаулъ	12—19 „	24 Октябр. 27 „
Иртышъ—Усть-Каменогор.	10—18 „	10 Ноября 11 Ноября.
Средн. Сибирь: Томь—Томскъ	21—22 „	16 Октябр. 27 Октября.
Тоболь—Тобольскъ	13—25 „	8 Ноября 3 Ноября.
Сѣверъ: Обь—Обдорскъ	19—24 Мая	22 Октябр. 28 Октября.
Обь—Нарымъ	30 Апрѣля	12 Октябр. 3 Ноября.

[2]) Пространство удобное по климатическимъ условіямъ для жизни и для культуры между 60° и 45° исчисляется въ 115,152 кв. мили.

довъ, 1.606,000 рогатаго скота и 5.679,300 барановъ. При этомъ верблюды, 1.300,000 лошадей, 700,000 рогатаго скота и 4.200,000 барановъ приходится на киргизскую степь, а остальное на земледѣльческую полосу. Если мы прибавимъ къ этому половину такого количества скота въ Восточной Сибири, мы поймемъ, что скотоводческія богатства Сибири замѣчательны и превосходятъ Австральское скотоводство, считавшее недавно до 10.000,000 головъ скота.

Лѣсная полоса Сибири, начинающаяся съ 57° с. ш., простираясь къ сѣверу, представляетъ сплошные урманы и тайги. Сѣверная тайга смѣняется къ югу въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округахъ Томской губерніи—такъ-называемой „чернью".

Эти дѣвственные лѣса изобильны вѣковыми кедрами, лиственницами, елями, соснами и другими породами хвойныхъ деревьевъ, а въ южной черни—береза, тополь, осина и даже липа увеличиваютъ разнообразіе; множество ягодъ, кустарники, какъ товалга, жимолость, аргай и другія породы прибавляютъ растительность, а дикій хмѣль и вьющіяся растенія, обвивая эти лѣса ліанами, напоминаютъ кущи дѣвственной Америки.

Лѣсная площадь Западной Сибири въ 11 округахъ Томской и Тобольской губерній считается въ 56 милліоновъ десятинъ, не считая лѣсовъ Семипалатинской и Акмолинской областей, имѣющихъ около 1 милліона десятинъ. Такое количество превышаетъ пространство казенныхъ лѣсовъ трехъ крупныхъ сѣверныхъ губерній Россіи, Олонецкой, Вологодской и Пермской, имѣющихъ только 55.000,000 десятинъ. Мы не говоримъ о лѣсахъ Восточной Сибири и Амура, превышающихъ приведенныя цифры болѣе, чѣмъ вдвое.

На югѣ Сибири обиліе рѣкъ, падающихъ съ высокихъ горъ въ плодоносныя долины, составляетъ ирригацію этой мѣстности. Въ то же время долины Бухтармы или часть Забайкалья и Амура пользуются благословеннымъ климатомъ.

Цвѣтущая альпійская растительность здѣсь покрываетъ луга и склоны горъ, благопріятствуя развитію скотоводства и пчеловодства, которыя представляютъ нынѣ уже богатые задатки жизни. Многія горныя мѣстности Алтая и Минусинскаго края по своей живописной природѣ не уступаютъ Швейцаріи, а теченіе Иртыша въ горахъ напоминаетъ Рейнъ. Горный районъ одной Западной Сибири равняется пространству пяти европейскихъ Швейцарій и представляетъ несравненно болѣе разнообразія. Въ ней тѣ же альпійскія озера, величественные водопады и вершины горъ,

увѣнчанныя облаками и вѣчнымъ снѣгомъ [1]). На югѣ Сибири, въ Катунскихъ альпахъ находится свой Монъ-бланъ, не менѣе живописный, съ спускающимися въ долину глетчерами. Горы Сибири достигаютъ высоты 10 и 12,000 футовъ надъ поверхностью моря. Хлѣбопашество на нихъ простирается до высоты 4,000 ф. Обращаясь вообще къ полосѣ доступной для земледѣлія, мы не можемъ не признать, что въ виду протяженія Сибири, полоса эта не можетъ быть незначительной. Почвенныя условія въ большинствѣ крайне благопріятны. Десять округовъ Тобольской губерніи и почти вся Томская, исключая сѣверныхъ частей Нарымскаго округа, находятся въ земледѣльческой полосѣ; точно также и значительная часть Енисейской, Иркутской губ. и все Забайкалье. Земледѣліе распространяется нынѣ въ степяхъ и горныхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ азіятскіе народы съиздавна употребляютъ орошеніе.

Почва Сибири по своей тучности не требуетъ удобренія. Бремъ выразился, что настоящее золото Сибири—это ея черноземъ. Урожаи на дѣвственной почвѣ огромны.

Такихъ способныхъ къ хлѣбопашеству земель Министерство Государственныхъ Имуществъ высчитало въ Западной Сибири 660,915 кв. в., или 69.465,866 десятинъ, или 32,4% общаго пространства, а въ Восточной Сибири 1.612,390 кв. верстъ или 167.890,110 десят. Не смотря на этотъ поверхностный разсчетъ однѣ цифры поражаютъ воображеніе. По свѣдѣніямъ казенныхъ палатъ, въ числѣ крестьянскихъ надѣловъ пахатныхъ земель къ 1878 г. въ Тобольской губерніи было 5.773,272 дес. и вдвое болѣе въ Томской.

Но русское населеніе ежегодно еще завоевываетъ множество земель изъ-подъ лѣсовъ и земледѣльческое пространство все болѣе расширяется. Принявъ во вниманіе эту земледѣльческую полосу Сибири, мы должны признать, что въ будущемъ здѣсь можетъ найти пропитаніе населеніе въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, и Сибирь, какъ колонія, будетъ представлять достаточный запасъ земель для избытка населенія Европейской Россіи.

Огромныя разстоянія и континентальная замкнутость Сибири мѣшали долго ея открытію и сообщеніямъ съ ней.

Морскіе берега ея долго были недоступны, береговой кон-

---

[2]) Алтайская флора роскошна и разнообразна: фіалки, жасминъ, бѣлая и желтая роза, сибирская лилія, піоны, дельфиніумъ, роскошныя мальвы, гіацинты, великолѣпные рододендроны покрываютъ горы.

тинентъ бѣденъ разчлененіями, но съ другой стороны внутренія пространства богато надѣлены озерами и рѣками. Нѣкоторыя озера, какъ Байкалъ, составляютъ родъ внутренняго моря, оно равняется 576 кв. м. Озеръ величиною отъ 300 до 10 миль считается 17.

Что касается рѣкъ, то онѣ еще болѣе представляютъ удобствъ сообщенія и по нимъ съиздавна двигалась колонизація.

Сибирь обладаетъ четырьмя первокласными рѣчными бассейнами, которые могутъ уподобиться только величинѣ американскихъ рѣкъ; три изъ нихъ текутъ съ юга на сѣверъ и могутъ облегчить обезпеченіе продовольствія безплодному сѣверу произведеніями юга. Съ другой стороны огромныя рѣки богатствомъ притоковъ составляютъ сѣть воднаго сообщенія между западомъ и востокомъ. Совокупность всѣхъ четырехъ бассейновъ, обнимая 152,500 кв. миль, то-есть $^3/_5$ всей азіятской Россіи, показываетъ, что рано или поздно представится возможность обнять рѣчнымъ сообщеніемъ большую часть Сибири, отъ Якутска и Восточнаго Океана до Камско-Волжскаго бассейна, и отъ Туруханска и Обдорска до Минусинска, Кяхты, Бійска, Зайсана и Уссурійскаго края. Ничтожность волоковъ давно возбуждаетъ мысль о соединеніи небольшихъ промежутковъ каналами; такихъ волоковъ на всемъ протяженіи насчитывается не болѣе двухъ.

Эти же волоки могутъ быть легко соединены нынѣ желѣзными дорогами [1]).

Самыя моря, какъ Ледовитый Океанъ, являются не столь недоступными, судя по послѣднымъ экспедиціямъ Норденшельда и опытамъ сношеній Европы съ Сибирью. Точно также есть основаніе надѣяться, что прибрежья Амура не всегда будутъ пустынными и торговля на Восточномъ Океанѣ получитъ оживленіе.

Что касается южныхъ границъ Сибири, отдѣленныхъ отъ азіятскихъ государствъ хребтами Тянь-Шаня, Алтая и Саяновъ, какъ и среднеазіятскими пустынями, то нельзя сказать, чтобы сообщенія съ Азіей не были доступны чрезъ нихъ, хотя они и способствовали изолированію Сибири въ древнее время. Намѣченные уже русскими торговые тракты въ Китай, Монголію и

---

[1]) Соединеніе Камско-Волжскаго бассейна съ Обскимъ уже осуществляется проведеніемъ Тюменской желѣзной дороги. А соединеніе Обскаго и Енисейскаго—каналомъ по пути открытому Фунтусовымъ, подтвердилось изысканіями инженеровъ Сиденснера и Аминова, и признано вполнѣ осуществимымъ (см. Экспедиція Министер. Путей Сообщенія на водораздѣлъ Оби и Енисея 1875 г. капитанъ-лейтенанта Сиденснера. Изв. И. Р. Г. О. т. XIV, вып. 3).

Туркестанъ при условіяхъ новѣйшей цивилизаціи могутъ только совершенствоваться; поэтому азіятскія государства не могутъ считаться для насъ болѣе чуждыми.

Такое географическое положеніе Азіятской Россіи, смыкающейся съ одной стороны съ европейскимъ міромъ и соприкасающейся съ другой—съ внутренней Азіей, не можетъ не указывать въ будущемъ важной политической и культурной роли, которая намѣчается ей историческою жизнью.

Все будетъ зависѣть отъ того, насколько русское населеніе на востокѣ съумѣетъ овладѣть своимъ положеніемъ и развить свои внутреннія общественныя силы. По естественнымъ и экономическимъ произведеніямъ Сибирь давно заслуживала вниманіе и обладаетъ дарами природы въ завидной степени.

До сихъ поръ ея богатства въ видѣ пушнины, дорогихъ мѣховъ, золота и минераловъ не всегда разсчетливо эксплуатировались и, исчезая безслѣдно изъ страны, не создали прочной мѣстной промышленности, но такое положеніе не всегда будетъ продолжаться.

Безъ сомнѣнія, этому краю предстоитъ еще промышленное развитіе, причемъ его естественныя богатства будутъ открываться болѣе и производительность увеличиваться.

Природныя и естественныя условія края такимъ образомъ открываютъ намъ богатую страну вмѣсто безжизненной пустыни. Послѣ того, какъ четырехъ-милліонное населеніе, раскинувшись въ различныхъ широтахъ, создало здѣсь начала осѣдлости и формируется въ гражданское общество, едва-ли придетъ кому-либо въ голову отвергать здѣсь возможность жизни. Напротивъ, обширные потоки колонизаціи и увеличивающееся влеченіе русскаго населенія на востокъ указываетъ, что ей предстоитъ когда-нибудь играть весьма важную роль въ будущемъ. Вотъ почему на положеніе востока, его жизнь, составъ населенія, его насущныя нужды и потребности болѣе чѣмъ когда-либо предстоитъ обратить вниманіе.

Разсматривая по этнографической картѣ распространеніе русскаго населенія восточной окраины, отъ Урала къ Восточному океану, мы видимъ слѣдующую картину: по югу всей Сибири, тотчасъ по переходѣ черезъ Уралъ, вплоть до границъ верхней Тунгузки, впадающей въ Енисей, тянется сплошная лента рус-

скаго населенія; эта сплошная масса занимаетъ пространство между Верхотурьемъ и Троицкомъ, Тобольскомъ и Петропавловскомъ, съуживающееся между Тарой и Омскомъ и нѣсколько расширяющееся между Томскомъ и Біей; далѣе, въ Енисейской уже губерніи, по рѣкамъ, впадающимъ въ Енисей, около Нижне-Удинска она рѣзко обрывается. Остальное пространство—пустыня; только по теченію рѣкъ въ этой пустынѣ тянутся еще тонкія красныя нити населенія по Оби, Енисею, Ленѣ до Якутска и по заселяемому Амуру, едва-едва развѣтвляясь кое-гдѣ въ паутину, какъ, напримѣръ, къ Вилюйску или съ Амура по правой сторонѣ Уссури и къ Николаевску. Остальное пустынное пространство отмѣчено кое-гдѣ разбросанными крапинками и гнѣздами, какъ бы пикетами русской народности. Въ сущности это распредѣленіе можно сравнить съ двигающейся на востокъ колонной, сначала сплошной, потомъ съуживающейся, наконецъ, совершенно теряющейся въ пустынѣ, какъ теряется рѣка въ песчаной степи; непріятеля здѣсь изображаетъ оттѣсняемый по ту и другую сторону инородецъ; армія эта ведетъ ожесточенную борьбу съ природой; она намѣчаетъ дороги, наводитъ мосты, рубитъ лѣса, и ея развѣдчики, часто удаляясь далеко впередъ, не успѣваютъ оглянуться, какъ лѣса эти снова за ними поднимаются, выпрямляются и передовая колонна остается замкнутая ими и одинокая среди пустыни, отдѣленная отъ прочаго населенія.

Кругомъ этого русскаго населенія и между нимъ по пустынямъ расположены инородцы, остатки финскихъ и тюркскихъ племенъ. На этнографической картѣ—по обѣ стороны красной ленты русскаго населенія—пустыни Сибири отмѣчены этими азіятскими инородцами. Мы видимъ здѣсь самые разнообразные типы туземцевъ, примыкающихъ съ юга и сѣвера къ русскому населенію. Прежде всего тотчасъ за Ураломъ встрѣчается съ русскими племя вогуловъ, далѣе сибирскіе татары, потомки Маметъ-Кула; сѣвернѣе—остяки, самоѣды, тунгузы, якуты, юкагиры, коряки, чукчи, камчадалы, гиляки; къ югу окружаютъ русскихъ киргизы, алтайцы-калмыки, сойоты, буряты, корейцы, китайцы, а на западѣ—сарты и узбеки Туркестанскаго края.

Нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ, не смотря на то, что своими поселеніями занимаютъ обширныя пространства, довольно малочисленны въ сравненіи съ русскими, какъ тунгузы, чукчи, камчадалы; нѣкоторые же — киргизы, буряты — составляютъ довольно значительное сплошное населеніе, представляющее всѣ задатки крѣпкаго и прочнаго существованія. Въ общей же слож-

ности всѣ инородцы, окружающіе русское племя, своею численностію немного уступаютъ русскимъ.

Колонна русскаго населенія прошла, какъ мы сказали, въ средину, она раздвинула инородцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ остались еще почти неприкосновенными, другіе совершенно исчезли; есть и такіе, которые перемѣшиваются съ русскими или уцѣлѣли въ самой срединѣ, окруженные русскимъ племенемъ. Не смотря на свое преобладаніе и расовое превосходство, русская народность не могла, однакожъ, поглотить инородцевъ, не смѣшиваясь съ ними, не купивъ свою побѣду слитіемъ, т.-е. не окрасившись сама побѣжденнымъ инородческимъ элементомъ. Смѣшеніе это происходило и происходитъ по преимуществу тамъ, гдѣ русское населеніе тѣснѣе сталкивается съ инородческими племенами и гдѣ оно уступаетъ численностью, т.-е. преимущественно по окраинамъ своей колонны.

Воспринимая инородцевъ по сторонамъ, русское населеніе въ срединѣ быстро всасываетъ, претворяетъ ихъ и поглощаетъ. Поэтому только около самыхъ границъ мы встрѣчаемъ рѣзкія инородческія помѣси, а въ срединѣ идетъ уже сплошной слой русскаго племени, переварившій и переработавшій уже смѣшанные элементы.

Такая ассимиляція и смѣшеніе съ инородцами русскаго населенія, закинутаго за Уралъ около трехъ столѣтій назадъ и медленно освѣжаемаго притоками колонизаціи, не могли не наложить особой печати на тамошнее населеніе. Мы знаемъ, что такая ассимиляція, смѣшеніе между расами, происходили у многихъ народовъ, и когда-то русское населеніе смѣшивалось и претворяло въ себя инородческіе элементы и по сю сторону Урала. Теперь оно претворяетъ ихъ за Ураломъ, и предъ нами живой анатомическій разрѣзъ старой исторической картины.

До сихъ поръ о подобныхъ измѣненіяхъ народностей, о перерожденіи ихъ подъ вліяніемъ природы, новой обстановки, и, наконецъ, о соединеніи въ новые типы при смѣшеніи съ чуждыми расами, существовали различныя мнѣнія и строились гипотетическія теоріи, которыя, правда, даютъ приблизительное объясненіе процесса, какимъ шло сформированіе народности, но не могутъ достаточно освѣтить нѣкоторыхъ подробностей этого процесса. На нашемъ востокѣ происходитъ одинъ изъ подобныхъ процессовъ, чрезвычайно важный и интересный для изслѣдователя — этнографа и историка. Кромѣ того, мы можемъ здѣсь, такъ сказать, по живымъ слѣдамъ, прослѣдить, какими средствами обладаетъ русское населеніе на востокѣ для сохраненія

своей расовой самобытности, а также каковы сила и значеніе нашего колонизаціоннаго движенія.

Путешественники-этнографы даютъ довольно ясное понятіе о томъ, какъ мѣняются характеръ и складъ жизни населенія на востокѣ подъ вліяніемъ новой обстановки. „Чувствительную разницу замѣчаете вы, пишетъ одинъ изъ нихъ,—когда изъ середины Россіи перенесетесь чрезъ Уральскій хребетъ и очутитесь гдѣ-нибудь на равнинахъ Иртыша и Оби или на холмистыхъ берегахъ Томи: другой говоръ, другой обычай, иной характеръ во всемъ, котораго вы съ-разу не опредѣлите, но тѣмъ не менѣе чувствуете. Затѣмъ ѣдете до Красноярска и далѣе по Енисейской губерніи — и новыхъ особенностей уже не встрѣчаете, и только вступивъ въ Иркутскую губернію и еще болѣе приближаясь къ г. Иркутску, встрѣчаете новый типъ. Преобладаніе черныхъ волосъ передъ русыми, черные или каріе съ томнымъ выраженіемъ глаза, значительно выдающіяся скулы, широкій носъ,—всѣ эти признаки очень ясно указываютъ на примѣсь монгольской расы“ [1]).

Другой авторъ такъ рисуетъ довольно наглядную картину сохраненія и измѣненія славяно-русской народности въ различныхъ географическихъ и этнологическихъ сферахъ ея колонизаціоннаго распространенія: „Въ Западной Сибири, особенно по центральной географической линіи колонизаціоннаго распространенія русскаго населенія отъ Урала до Енисея, славяно-русская народность, повидимому, не подверглась рѣзко-замѣтнымъ измѣненіямъ. Но и здѣсь такіе наблюдательные путешественники, какъ Эрманъ, Кастренъ и другіе, замѣчали нѣкоторыя варіаціи или оттѣнки въ національномъ типѣ и характерѣ туземнаго русскаго населенія. Особенно замѣтны физическія и нравственныя особенности въ русско-сибирскомъ населеніи Приалтайскаго и Сѣверно-Поморскаго края, съ одной стороны, въ верховьяхъ Иртыша и Оби, а также по рѣкамъ Тарѣ, Тоболу и другимъ, вблизи татаръ, киргизовъ и алтайскихъ калмыковъ или бурутовъ-теленгитовъ, а съ другой въ низовьяхъ Оби и за сѣверо-восточнымъ склономъ Урала, въ прежнемъ средоточіи вогуличей, обско-поморскихъ самоѣдовъ и остяковъ. По Иртышу и Оби многіе ясачные остяки и вогулы, вслѣдствіе смѣшенія съ великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусѣли и вошли въ составъ великорусскаго населенія“. Точно также во многихъ западно-сибирскихъ деревняхъ, бывшихъ нѣкогда

[1]) Ровинскій, путеш. въ Восточн. Сибирь. Зап. Спб. отд. Геогр. Общ.

„ясачными татарскими селеніями“, въ настоящее время живетъ совершенно обрусѣлое или переродившееся смѣшанное потомство татаръ и русскихъ [1]).

Такимъ образомъ, смѣшеніе и перерожденіе на востокѣ совершалось двумя путями: при посредствѣ кровнаго родства и примѣси къ русской народности инородческаго элемента, а также вслѣдствіе воспринятія самими инородцами русскаго языка, образа жизни, смѣшенія съ русскими, а затѣмъ полнаго слитія и исчезновенія среди русской народности. Такое смѣшеніе происходитъ на востокѣ съ очень дявняго времени, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ обстоятельствъ. Оно началось немедленно по завоеваніи Сибири, можетъ быть, потому, что, какъ завоеватели, такъ и завоеванные, въ ту эпоху стояли на довольно близкомъ уровнѣ культуры и развитія. Происхожденіе большей или меньшей массы такого смѣшаннаго населенія въ Западной Сибири, по географическимъ и историко-географическимъ условіямъ, было неизбѣжно. Просматривая даже немногіе сибирскіе акты первой половины XVIII вѣка, мы и въ нихъ находимъ довольно указаній на ближайшее и непрерывное бытовое общеніе и физіологическое смѣшеніе русскихъ съ азіятцами, въ особенности съ татарами, киргизами и калмыками. Калмыцкіе, бухарскіе и киргизскіе купцы постоянно пріѣзжали съ товарами въ Тобольскъ и Ирбитъ, разъѣзжали и проживали по другимъ сибирскимъ городамъ и по деревнямъ партіями человѣкъ по 170 и болѣе, имѣли здѣсь своихъ дружковъ. Многіе изъ нихъ селились въ сибирскихъ городахъ и деревняхъ, принимали русскую вѣру и женились на русскихъ. По словамъ Миллера, „многіе изъ бухарскаго народа поселились въ сибирскихъ городахъ“.

Сибирскія казачьи команды нарочно отправляются въ улусы или юрты калмыцкія и киргизскія, чтобы, по словамъ актовъ, захватывать въ полонъ калмыцкихъ и киргизскихъ бабъ, дѣвокъ и ребятъ, и сибирская губернская канцелярія „взятую добычу людей отдавала имъ въ раздѣлъ“. Многіе русскіе покупали киргизскихъ и калмыцкихъ дѣвушекъ и мальчиковъ; нерѣдко сами урянхайцы или калмыки дарили русскимъ старшинамъ и сержантамъ близъ-лежащихъ сибирскихъ крѣпостей „бабъ и дѣвокъ и ребятъ калмыцкихъ, круглыхъ сиротъ“, особенно въ голодные годы. Такимъ образомъ, въ составъ населенія западно-

---

[1]) Подъ именемъ татаръ разумѣется въ Сибири и часть алтайскихъ народностей. Волости обрусѣвшихъ и выродившихся татаръ находятся въ Кузнецкомъ, Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ Томской губерніи.

сибирскихъ городовъ и деревень непрерывно прибывали калмыки, киргизы и другіе инородцы, которые, принимая русскую вѣру и женясь на русскихъ женщинахъ, постепенно русѣли: одни изъ нихъ находились въ услуженіи и на работахъ у своихъ хозяевъ, другіе обучались разнымъ ремесламъ и записывались въ цехи и т. п. Такой способъ обрусѣнія калмыковъ и другихъ племенъ утвержденъ былъ высочайшимъ указомъ отъ 16 ноября 1737 г. Русскіе, въ свою очередь, женились на киргизкахъ, калмычкахъ и друг. Съ другой стороны, и въ самые центры поселеній или кочевьевъ сибирско-азіятскихъ племенъ невольно вносился большій или меньшій контингентъ русскаго племени, и тѣмъ способствовалъ образованію и выдѣленію обрусѣлыхъ поколѣній. Русскіе частію попадались въ плѣнъ, а частію и сами добровольно уходили въ кочевья калмыковъ и киргизовъ, и тамъ нерѣдко женились. Такъ, напримѣръ, въ кошахъ калмыцкихъ находились, между прочимъ, русскіе яицкіе казаки, женатые на калмычкахъ. Иногда бѣглые русскіе солдаты укрывались у киргизовъ и женились на киргизскихъ женщинахъ. У калмыцкихъ родоначальниковъ, зайсановъ или нойоновъ, русскихъ плѣнныхъ находилось человѣкъ по 25; нѣкоторые были мастера, устраивали заводы для плавки серебра, мѣди и литья пушекъ. Еще больше, кажется, было русскихъ женщинъ въ плѣну у калмыковъ и киргизовъ.

Вообще по свидѣтельству историческихъ актовъ, съ начала XVII вѣка славяно-русская народность въ западной Сибири болѣе или менѣе подвергалась непрерывному и продолжительному смѣшенію съ мѣстными азіятскими племенами и особенно съ вогуличами, остяками, татарами, калмыками и киргизами. Уже въ первой четверти XVII вѣка физіологическое смѣшеніе первыхъ русскихъ колонистовъ съ азіятскими племенами до того усилилось, что московское высшее духовенство находило нужнымъ прекратить или ограничить этотъ естественно-историческій организаціонный процессъ. Точно также въ первой половинѣ XVIII вѣка митрополиты тобольскіе нерѣдко вопіяли противъ такого-же беззазорнаго смѣшенія русскихъ съ женщинами вогулицкими, остяцкими, татарскими, калмыцкими и киргизскими. И вотъ, вслѣдствіе такого физіологическаго смѣшенія съ разными сибирскими азіятскими племенами, славяно-русская народность и въ западно-сибирскомъ русскомъ населеніи, естественно, болѣе или менѣе подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ въ самомъ своемъ физическомъ типѣ, усвоила нѣкоторые признаки или оттѣнки физическаго очертанія татарскаго, киргизскаго, калмыцкаго, остяц-

каго и вогулицкаго. Эти новоприобрѣтенныя особенности замѣчены были уже въ прошломъ столѣтіи. Въ нихъ (т.-е. въ жителяхъ западной Сибири), писалъ еще Татищевъ,—довольно въ лицѣ смуглыхъ, калмыковатыхъ, и довольно отъ природы смѣшанной калмыцкой, татарской и киргизской". Смѣшеніе съ азіятскими инородцами, конечно, должно было сильнѣе отразиться на окраинахъ. Въ срединѣ, какъ замѣчаютъ изслѣдователи, русское населеніе еще остается чистымъ, но на сѣверѣ, напримѣръ въ Обдорскомъ или Березовскомъ краяхъ, смѣшеніе русскихъ колонистовъ съ остяками, самоѣдами и татарами доходитъ до того, что русскіе совершенно превращаются въ инородцевъ. Кастренъ нашелъ въ этомъ краѣ русскихъ, совершенно смѣшавшихся съ самоѣдами. Наиболѣе любопытныя данныя въ позднѣйшее время по этому предмету дала туруханская экспедиція, которая, кромѣ наглядныхъ наблюденій, дѣлала различныя анатомическія и краніологическія измѣренія. Сѣверъ Сибири когда-то колонизовали казаки и служилые люди, а часто и великорусскіе торговые и промышленные ходаки, вышедшіе преимущественно изъ уѣздовъ холмогорскаго, устюжскаго и вологодскаго. Вмѣстѣ съ русскими поселялись тамъ и зыряне. Впрочемъ, главная масса переселенцевъ состояла изъ русскихъ. Физіологическое смѣшеніе малочисленнаго русскаго населенія съ разными туземными племенами въ Туруханскомъ краѣ началось съ перваго десятилѣтія XVII вѣка и болѣе или менѣе продолжается и до сихъ поръ. Въ началѣ русской колонизаціи всѣ инородческія племена Туруханскаго края были, по выраженію актовъ, „не мирны", т.-е. возмущались противъ русскихъ служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей. Потомъ, послѣ усмиренія немирныхъ племенъ, между ними и русскими торговыми и промышленными людьми установились болѣе или менѣе мирныя торгово-промышленныя отношенія. И вмѣстѣ съ тѣмъ началось болѣе тѣсное бытовое сближеніе и физіологическое смѣшеніе русскихъ и инородцевъ, продолжающееся и теперь. Надобно, правда, замѣтить, что въ Туруханскомъ краѣ физіологическое или брачное смѣшеніе русскаго племени съ инородческими племенами, повидимому, еще не очень сильно. Причиной этому, относительно остяковъ, вѣроятно, слишкомъ низкая степень развитія въ нихъ домохозяйственныхъ способностей и привычекъ и отталкивающая неопрятность этого племени, а относительно другихъ инородцевъ—ихъ наибольшая изолированность отъ русскихъ, недоступность, вслѣдствіе ихъ уединенности и разбросанности въ тундрахъ и лѣсахъ. При всемъ томъ, хотя и поодиночное и медленное, но неизбѣжное, непрерывное и по-

всемѣстное смѣшеніе инородцевъ съ русскимъ населеніемъ и въ Туруханскомъ краѣ составляетъ существенный историческій или этнологическій фактъ. Начиная съ Верхнеимбацка (63° с. ш.) до Дудинки (69° с. ш.) простирается область племенной метисаціи сравнительно болѣе слабой или менѣе замѣтной. Съ Дудинки-же по низовью Енисея и за Тундрой, по увѣренію туруханскаго миссіонера, священника Доброхотова, и долго находившихся тамъ казаковъ, представляется настоящая область смѣшенія или, какъ говорятъ туруханскіе казаки, „смѣшицы“ племенъ. Какъ ни мало замѣтно смѣшеніе русскихъ съ остяками и другими азіятцами въ имбацкихъ предѣлахъ, но „мы, говоритъ г. Щаповъ, членъ туруханской экспедиціи,—даже при самомъ скоромъ проѣздѣ отъ Верхнеимбацка до Туруханска (63°—65° с. ш.), еще не задаваясь вопросомъ о смѣшеніи русскихъ съ туземными племенами, видѣли уже нѣсколько примѣровъ русско-инородческой метисаціи, рѣзко бросавшихся въ глаза. Такъ въ Верхнеимбацкѣ одинъ поселенецъ изъ духоборцевъ женился на остячкѣ и до ранней смерти ея прижилъ съ нею пять дѣтей съ смѣшаннымъ русско-остяцкимъ обликомъ“. На низу Енисея и за Тундрой русскіе, по недостатку своихъ женщинъ, еще чаще женятся на инородкахъ или, какъ говорятъ туруханцы, на „азіяткахъ“. Туруханскіе казаки, долго жившіе тамъ вахтерами при хлѣбныхъ магазинахъ, единогласно утверждали этотъ фактъ. Вотъ слово-въ-слово ихъ разсказъ: „На низу—народъ смѣшица: русскіе берутъ азіятокъ, азіятцы берутъ русскихъ женщинъ. За Тундрой тоже; самоѣды женятся на тунгузкахъ и долганкахъ, долганы (помѣсь тунгузовъ съ якутами) и тунгузы берутъ и самоѣдокъ, и тунгузокъ, и якутокъ; русскіе всѣхъ берутъ—и самоѣдокъ, и тунгузокъ, и якутокъ, и долганокъ, и юратокъ, и остятокъ, Дальше до Анбары—тоже народъ все смѣшица; долганы, якуты и крестьяне, другъ у друга берутъ бабъ“. Такъ, по общему наблюденію самыхъ туруханскихъ жителей, русское населеніе въ ихъ краѣ довольно сильно смѣшивается съ инородческими племенами. Точныхъ и подробныхъ статистическихъ свѣдѣній объ этой метисаціи, конечно, въ туруханскомъ „отдѣльномъ управленіи“ нѣтъ да и собрать ихъ чрезвычайно трудно. Но и за отсутствіемъ общихъ числовыхъ показаній, представленные нами факты, при всей ихъ отрывочности и неполнотѣ, съ полною достовѣрностью и достаточною убѣдительностью подверждаютъ то общее заключеніе, что и на сѣверѣ Енисея, и по сторонамъ его славяно-русская народность постоянно болѣе или

менѣе смѣшивалась и смѣшивается съ туземными азіятскими племенами.

Такое-же смѣшеніе съ инородцами мы находимъ и далѣе на востокѣ. „Если мы взглянемъ на русскую народность въ якутской области, сообщаетъ журналъ сибирскаго отдѣла географическаго общества,—то увидимъ и тамъ, быть можетъ, еще болѣе поразительный примѣръ ея физическаго и психическаго видоизмѣненія. Здѣсь въ видоизмѣненіи ея опять дѣйствовали вмѣстѣ физико-географическія и этнологическія края. Русскіе колонисты, при ихъ малочисленности въ сравненіи съ туземнымъ якутскимъ населеніемъ, неизбѣжно и невольно должны были утратить свою національную самобытность и устойчивость, и во всемъ, за-одно съ якутами, подчиняться мѣстнымъ физико-географическимъ и этнологическимъ условіямъ. И вотъ они почти совершенно слились съ якутами, объединились съ ними брачнымъ смѣшеніемъ и образовали своеобразную, смѣшанную якутско-русскую народность. Черты лица и всего физическаго строенія русскаго или обрусѣвшаго и смѣшаннаго якутско-русскаго населенія почти вполнѣ усвоили признаки племенного типа якутовъ. Природные якутскіе уроженцы, проживающіе въ Иркутскѣ и сами въ своемъ лицѣ довольно замѣтно представляющіе обликъ природныхъ, чистыхъ якутовъ, такъ характеризовали намъ физическій типъ обрусѣлыхъ якутовъ и русскихъ, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ якутско-русскихъ браковъ: „Народъ этотъ болѣе сухощавый, какъ и коренные, природные якуты, и смугловатый, но уже не такъ, какъ настоящіе якуты, которые весьма смуглы. Волосы у чистыхъ, природныхъ якутовъ черные, даже „свѣтятъ“, и жестки, а у обрусѣлыхъ якутовъ или у якутскихъ русскихъ — весьма темнорусы и менѣе жестки, но нерѣдко бываютъ также и очень черны и жестки. Бѣловолосыхъ или рыжеволосыхъ вовсе нѣтъ ни между чистыми якутами, ни между обрусѣлыми. Глаза у обрусѣлыхъ якутовъ и у природныхъ якутскихъ русскихъ жителей больше походятъ на глаза природныхъ чистыхъ якутовъ, чѣмъ на глаза россійскихъ поселенцевъ, но менѣе узки, чѣмъ у китайцевъ или монголовъ. У обрусѣлыхъ якутовъ, равно какъ и у давнишнихъ, природныхъ русскихъ якутскихъ жителей, скулы нѣсколько выпуклы, но менѣе, чѣмъ у прирорныхъ, чистыхъ якутовъ; носъ плосковатый, но „не чрезвычайно“. Якутки красивѣе бурятокъ, и потому русскіе сплошь и рядомъ берутъ ихъ за себя замужъ. Оттого природные якутскіе русскіе жители, представляющіе четвертое, пятое или шестое туземное смѣшанное поколѣніе, по на-

ружности почти нисколько не разнятся отъ якутовъ или весьма мало въ чемъ разнятся".

Но если мы находимъ смѣшавшееся и почти превращающееся въ инородцевъ русское населеніе на сѣверѣ Сибири, поглощеніе котораго могло-бы быть объяснено его незначительностью, то подобною-же бѣдностью и недостаткомъ русскаго элемента оно не можетъ быть объяснено на югѣ, куда русское населеніе подошло къ инородцамъ, такъ-сказать, сплошною стѣною. А между тѣмъ здѣсь совершаются тѣ-же явленія, какъ на сѣверѣ: русскіе смѣшиваются съ тунгузами, якутами, бурятами. Смѣшеніе населенія здѣсь происходитъ также двумя путями: обрусѣніемъ нѣкоторыхъ инородцевъ, браками ихъ съ русскими женщинами и внесеніемъ своихъ національныхъ признаковъ въ среду русскую; точно также и обратно, въ силу брачнаго влеченія русскаго населенія къ инородческому.

Въ юго-восточной Сибири, говорятъ извѣстія сибирскаго отдѣла, въ верховьяхъ Ангары до Братскаго порога, особенно въ верховьяхъ Лены до р. Илги, по р. Иркуту, въ окрестностяхъ Байкала и во всемъ Забайкальѣ до Амура, славяно-русская народность подверглась не менѣе замѣтному и, кажется, еще болѣе типичному видоизмѣненію въ физическомъ строеніи. Здѣсь въ измѣненіи ея главнымъ образомъ дѣйствовали не столько физико-географическія, сколько этнографическія условія, не столько климатъ, почва или вообще физическая экономія края, сколько физіологическое смѣшеніе славяно-русской народности съ монголо-бурятскимъ и отчасти тунгузскимъ племенемъ. Самое характеристическое явленіе въ этнографической организаціи восточно-сибирскаго населенія представляютъ такъ-называемые „ясачные". Это крещеные буряты, женившіеся на русскихъ женщинахъ или иногда на крещеныхъ бурятkахъ и живущіе особыми дворами или селеніями, отдѣленными отъ бурятскихъ улусовъ. Они частію поселены въ особыхъ селеніяхъ или деревняхъ, частію разсѣяны по русскимъ селамъ, деревнямъ и даже городамъ. Такъ-называемыя „ясачныя селенія" большею частію цѣликомъ населены одними „ясачными", т.-е. осѣдлыми и обрусѣлыми бурятскими поколѣніями. Такихъ селеній, напримѣръ, въ галаганскомъ округѣ 13, въ верхоленскомъ—7; едва-ли не больше всего ихъ въ Забайкальской области. Другіе ясачные водворены вмѣстѣ съ русскими крестьянами въ русскихъ селеніяхъ. Во многихъ русскихъ селеніяхъ половина жителей состоитъ изъ русскихъ крестьянъ, а другая половина изъ обрусѣлыхъ бурятъ или ясачныхъ.

Вотъ эти-то своеобразные жители юго-восточной части Сибири, такъ-называемые „ясачные“ и „осѣдлые инородцы“, по всей наглядности представляютъ намъ самый типическій примѣръ видоизмѣненія славяно-русской народности подъ вліяніемъ физическаго смѣшенія ея съ азіятскимъ племенемъ, совершенно другой расы. Достаточно взглянуть на представителя этого ясачнаго, бурятско-русскаго населенія восточной Сибири и сравнить его съ родоначально-русскимъ типомъ или съ болгаромъ, чехомъ, сербомъ, полякомъ, чтобы увидѣть, до какой степени видоизмѣнился чистый славянскій типъ въ этомъ восточно-сибирскомъ ясачномъ населеніи, вошедшемъ въ составъ русской народности и годъ отъ году пополняющемся новыми поколѣніями, привходящими въ составъ его изъ бурятскаго и тунгузскаго племенъ. Но и помимо ясачныхъ селеній, вездѣ въ иркутской губерніи, и особенно въ забайкальской области, постоянно совершается естественно-историческій процессъ мѣстнаго этнологическаго видоизмѣненія русской народности, вслѣдствіе постояннаго сожительно-бытового смѣшенія русскаго населенія съ бурятскимъ племенемъ. Вѣроятно, многіе, а мѣстами, быть можетъ, и большая часть крестьянъ, которые, числясь подъ этимъ именемъ въ ревизскихъ сказкахъ и церковныхъ вѣдомостяхъ, живутъ вмѣстѣ съ ясачными въ однихъ селеніяхъ, не что иное, какъ „выродки“ (по туземному сибирскому выраженію) или потомки болѣе древнихъ ясачныхъ, жившихъ еще въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, а теперь уже совершенно слившихся съ русскимъ населеніемъ, или мало-по-малу перешедшихъ въ составъ и категорію сословія крестьянъ или же разночинцевъ, купцовъ и мѣщанъ. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить, напримѣръ, такихъ сплошь и рядомъ встрѣчающихся явленій, какъ брацковатый типъ многихъ изъ старинныхъ уроженцевъ такъ-называемыхъ чисто-русскихъ крестьянскихъ селъ и деревень и въ частности, часто встрѣчающійся, особенно въ нерчинскомъ краѣ, въ духовенствѣ и его потомствѣ. Эрманъ также описываетъ, какъ замѣчательную мѣстную этническую особенность, почти повсемѣстное распространеніе въ русскомъ населеніи города Иркутска и Забайкалья монголо-бурятскаго типа. Въ самомъ городѣ Иркутскѣ, не только въ простонародьѣ, но и въ среднемъ сословіи, онъ встрѣчалъ множество лицъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, которые поражали его своимъ монголо-бурятскимъ обликомъ. А въ Забайкальской области онъ сплошь и рядомъ видѣлъ мѣщанъ, купцовъ и особенно крестьянъ и казаковъ, почти совершенно обурятившихся по наружности,

языку и быту [1]). Докторъ медицины Шперкъ, долго занимавшійся медико-топографическими изслѣдованіями и наблюденіями въ восточной Сибири, въ забайкальскихъ казакахъ также замѣтилъ сильное измѣненіе русской народности подъ вліяніемъ бурятской крови. „Забайкальскій казакъ, говоритъ онъ,—это смѣсь русскаго выходца съ забайкальскимъ бурятомъ; въ наружности бурятскій типъ даже значительно преобладаетъ: кровная помѣсь съ бурятами имѣла вліяніе и на черты лица, и на все физическое строеніе тѣла, и на самую психическую сферу забайкальскихъ казаковъ [2]). Въ нѣкоторыхъ прибайкальскихъ деревняхъ, напримѣръ, въ Алацахѣ, въ 1801 году водворены были вольные военные поселенцы, служившіе въ Россіи при Суворовѣ. Они, по словамъ Мартоса, переженились здѣсь на бурятках и уже имѣли (около 1827 г.) взрослыхъ дѣтей. При первомъ взглядѣ на взрослое поколѣніе тотчасъ видно нѣчто общее съ характеристикою монголовъ. То же замѣчено было уже давно Палласомъ.

Подобное-же слитіе съ инородцами мы замѣчаемъ во всей Сибири, какъ въ восточной, такъ и западной; но западная Сибирь до сихъ поръ изслѣдована менѣе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири жители прямо называютъ себя *смышицей*, смѣшаннымъ народомъ, выродками. „Изъ обоюдныхъ или взаимныхъ браковъ бурятъ и русскихъ происходитъ, пишетъ Палласъ,—*родъ мулатовъ*, которые имѣютъ нѣсколько монгольское обличье и черные или очень темные волосы, но въ то-же время правильныя и пріятныя черты лица; они извѣстны подъ именемъ *карымовъ* или *карымокъ*“. Такимъ образомъ, потомки, происходящіе отъ подобной помѣси, получили даже областное мѣстное названіе. Мы уже говорили о смѣшанной расѣ, образовавшейся отъ смѣшенія якутовъ съ русскими; обратимся теперь къ остяцкимъ карымамъ.

Вслѣдствіе физіологическаго смѣшенія съ сѣверо-енисейскими азіятскими племенами, преимущественно съ остяками, физическое строеніе русскаго туруханскаго населенія, естественно, болѣе или менѣе подверглось нѣкоторымъ весьма замѣтнымъ измѣненіямъ. Въ физіономіи русскаго туруханскаго населенія сплошь и рядомъ проглядываютъ черты обличья остяцкаго, юрацкаго, тунгузскаго, самоѣдскаго и якутскаго. Дѣти отъ браковъ коренныхъ, природныхъ русскихъ туруханцевъ съ остячками сохраняютъ

[1]) Ermans, Reise, II, 250.

[2]) Медико-топограф. сборн., стр. 66.

общія черты остяцкой наружности, большую или меньшую выпуклость скулъ, смуглый цвѣтъ лица, черные, жесткіе волосы, общую сухощавость тѣлосложенія при нѣсколько выдающейся остяцкой неуклюжести, непропорціональность частей въ общей структурѣ тѣла. А дѣти отъ браковъ новоприхожихъ русскихъ поселенцевъ съ остячками болѣе принимаютъ черты русскаго облика, бѣлый цвѣтъ лица, свѣтлые волосы, большую стройность и крѣпость тѣлосложенія, но все-таки нѣсколько разнятся отъ чистокровныхъ русскихъ людей. Здѣсь даже русскіе, несмѣшавшіеся съ инородцами, въ послѣдующихъ поколѣніяхъ измѣняютъ складъ тѣла и становятся нѣсколько похожи на инородцевъ, особенно на остяковъ. У многихъ русскихъ, особенно у мѣщанъ туруханскихъ, цвѣтъ волосъ, лица и всей кожи на тѣлѣ, а также сложеніе костей лицевыхъ, плечевыхъ и ножныхъ почти совершенно такіе-же, какъ и у остяковъ. Оттого они, подобно остякамъ, при довольно низкомъ ростѣ, болѣе или менѣе сутуловаты, коренасты, съ плечами широкими, большею частію толстошеи, часто съ замѣтно кривыми и довольно массивными ногами, выглядываютъ, подобно остякамъ, нѣсколько изподлобья.

Такой-же новый типъ встрѣчается и въ ясачныхъ селеніяхъ отъ смѣси бурятъ съ русскими. „Въ большей части ясачныхъ селеній въ настоящее время живутъ уже по-преимуществу почти совершенно обрусѣлыя бурятскія поколѣнія. Въ нихъ сначала поселены были крещеные буряты, женатые большею частію на русскихъ женщинахъ. Теперь въ нихъ живутъ ихъ дѣти и внуки, женатые также на русскихъ или ясачныхъ и обрусѣлыхъ изъ бурятокъ женщинахъ. По наружности, при поверхностномъ взглядѣ, эти обрусѣлыя бурятскія поколѣнія часто кажутся уже совершенно русскими крестьянами, хотя съ перваго-же взгляда кажутся и отличными, отмѣнными чѣмъ-то отъ нихъ. Цвѣтъ лица и кожи у обрусѣлыхъ потомковъ первоначальной русско-бурятской помѣси становится изсмугла-бѣлымъ или смугловатымъ; у женщинъ, при черныхъ волосахъ и бровяхъ, часто значительно болѣе или ярче окрашенъ, чѣмъ у мужчинъ; волосы дѣлаются болѣе мягкими, по большей части сохраняютъ черный цвѣтъ, но иногда бываютъ и темно-русые; узкость глазъ и выпуклость щекъ или верхней части скулъ, хотя и не вполнѣ, но значительно уменьшается, у мужчинъ является даже борода, хотя большею частію и даже почти всегда, небольшая, короткая, рѣдкая. Всѣ эти измѣненія окончательно или наиболѣе выразительно обозначаются во второмъ, но большею частію въ третьемъ

поколѣніи. Но, съ другой стороны, нерѣдко въ третьемъ, четвертомъ и даже дальнѣйшихъ колѣнахъ бываетъ хотя и не полная, но весьма замѣтная реверсія или довольно рѣзко бросающееся въ глаза возвращеніе къ признакамъ бурятскаго прародительскаго типа. И вообще, во всѣхъ тѣхъ смѣшанныхъ поколѣніяхъ, которыя первоначально произошли отъ смѣшенія бурятъ съ русскими женщинами и русскихъ съ женщинами бурятскими или ясачными, и потомъ отъ времени до времени подвергались повторному скрещиванію съ бурятами или ясачными, образовался такой своеобразный народный типъ, который представляетъ болѣе или менѣе однородные характеристическіе признаки, но не вполнѣ или не во всѣхъ отношеніяхъ сходные съ признаками родоначальныхъ, прародительскихъ типовъ—славяно-русскаго и монголо-бурятскаго. Во всѣхъ этихъ поколѣніяхъ болѣе или менѣе сохраняется черный цвѣтъ волосъ на головѣ, свойственный бурятамъ, большая или меньшая съуженность или какъ-бы сшитость глазныхъ вѣкъ съ правой и лѣвой стороны лица, большая или меньшая выпуклость и массивность верхней части скуловой или челюстной кости, часто большая или меньшая кривоногость, или выдающаяся въ разныя стороны изогнутость колѣнной части ногъ, походка съ большимъ или меньшимъ перекачиваніемъ съ боку на бокъ и часто довольно подвижная, живая. Наконецъ, борода большею частію бываетъ, какъ мы сказали, короткая и рѣдкая или жидкая и нерѣдко проявляется даже стремленіе къ безбородости“.

Точно такіе-же типы образуются отъ помѣси съ тунгузами, коряками около Охотска, съ березовскими остяками, киргизами и т. д. Всѣ эти помѣси носятъ общій характеръ монгольскаго или финскаго типа; въ западной-же Сибири подобный отпечатокъ въ физіономіи называютъ калмыковатостью. Въ казачье войско западной Сибири входило много различныхъ расъ въ видѣ выкрещенныхъ плѣнниковъ; кромѣ сибирскихъ инородцевъ, на семипалатинскій рынокъ привозились на продажу рабы изъ каракалпаковъ, бухарцевъ, индійцевъ и проч. Поэтому у сибирскихъ казаковъ нѣтъ общаго типа, какъ, напримѣръ, у уральскихъ; въ сибирскомъ войскѣ замѣчается необыкновенное разнообразіе, и, по словамъ одного наблюдателя, можно и теперь еще узнать чисто-русскую кровь по широкому и крутому лбу—таковы фамиліи, происшедшія отъ драгунъ, записавшихся въ казаки, или отъ малолѣтковъ. Есть типы необыкновенно красивые, можетъ быть, происходящіе отъ бухарцевъ; но много широкоскулыхъ физіономій, обличающихъ монгольское происхожденіе;

послѣднія, кажется, преобладаютъ. Встрѣчаются иногда странные типы: такъ, одинъ типъ подходилъ вполнѣ подъ описаніе гунна, приведенное Миль-Эдвардсомъ; другой типъ напоминалъ китайца до такой степени, что казаки звали его „чюрчютъ“ (по-киргизски—китаецъ). При смѣшеніи русскимъ передаются инородческія черты: узкоглазость, небольшая скуластость, смуглый цвѣтъ лица и волосъ; за то инородцы получаютъ русскія черты, смягчающія рѣзкія отступленія низшей рассы.

Смѣшанный типъ такъ распространенъ въ Сибири, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при недостаткѣ велико-русскаго чистаго населенія, достигъ даже такого господства, что чистый великорусскій типъ считается за нѣчто исключительное и также получилъ мѣстную кличку „маганый“. Маганый—это бѣлокурый пришлецъ съ великорусскимъ типомъ, противоположность метису-карыму. Когда хотятъ ихъ отличить, говорятъ: „Это маганый, это—карымъ“. Сибирская дѣвушка говоритъ напримѣръ: „Я не люблю маганаго, я люблю карыма“.

Своеобразный, полуинородческій типъ карыма не представляетъ рѣзкаго безобразія; нѣкоторые находятъ его даже красивымъ въ европейскомъ смыслѣ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ одного изъ этнографовъ: „Вообще едва-ли мы ошибемся,—говоритъ онъ,—если скажемъ положительно, что въ общемъ составѣ или результатѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, происшедшіе путемъ смѣшенія русскаго племени съ бурятскимъ, представляютъ собой часто довольно красивый физическій типъ или обликъ, нѣсколько похожій на типъ греческій или иногда цыганскій, а по замѣчанію нѣкоторыхъ другихъ наблюдательныхъ лицъ, похожій и на типъ итальянскій“. Очень можетъ быть, что такое сходство получается въ силу южнаго отпечатка, который носятъ на себѣ инородцы. Подобные отзывы о помѣси съ инородцами въ крайнихъ своихъ сравненіяхъ съ итальянками и гречанками, можетъ быть, и грѣшатъ нѣкоторою преувеличенностью, но указанія, что типъ этотъ находятъ вообще не непріятнымъ, подтверждается такимъ безпристрастнымъ судьею, какъ Палласъ. Онъ говоритъ, что карымы обладаютъ „правильными и пріятными чертами лица“. Типъ этотъ во всякомъ случаѣ можетъ считаться если не особенно красивымъ, то привлекательнымъ или, въ крайнемъ случаѣ, не безобразнымъ [1]).

---

[1]) При изслѣдованіи инородцевъ въ 1880 г. во время нашей экспедиціи въ Алтай мы видѣли весьма многіе инородческіе типы и нашли, что типы сѣверныхъ алтайцевъ, живущихъ въ лѣсахъ бійскаго и кузнецкаго округа, весьма

Постепенное смѣшеніе съ инородцами не могло не повліять на привычки, вкусы и влеченія русскаго населенія на востокѣ. Такъ, у мѣстнаго населенія образовалось даже особенное расположеніе къ бракамъ съ инородцами. „Благосостоятельные русскіе сельскіе жители, говоритъ Палласъ,—а также и многіе горожане съ давнихъ поръ уже имѣютъ обычай выбирать себѣ въ жены бурятскихъ или монгольскихъ женщинъ, кровь которыхъ, по ихъ увѣренію, горячѣе крови русскихъ женщинъ, и буряты, побуждаемые временными выгодами или разсчетами, охотно дозволяли своимъ дочерямъ креститься и выходить замужъ за русскихъ. Встрѣчаются и такіе примѣры, что богатые буряты крестятся изъ-за того только, чтобы имѣть возможность взять замужъ за себя русскихъ женщинъ". Расположеніе къ бракамъ съ инородками на восточной окраинѣ замѣчается не у однихъ простолюдиновъ, часто подчиняющихся горькой необходимости; оно встрѣчается и въ болѣе требовательныхъ, насчетъ красоты, сословіяхъ. Вотъ что говорятъ по поводу этого „Извѣстія сиб. отдѣла Г. О.": „Брацковатый или бурятскій типъ и обличье появляются постоянно въ сибирскихъ туземно-урожденныхъ родахъ казачьихъ, мѣщанскихъ, купеческихъ и чиновничьихъ. Все чаще и чаще русскіе женятся на крещеныхъ буряткахъ, а новокрещеные буряты—на русскихъ женщинахъ, — и поколѣнія ихъ опять сливаются съ русскимъ населеніемъ, привнося съ собою въ народный складъ его болѣе или менѣе своеобразныя особенности". И далѣе: „достойно замѣчанія, что даже въ половомъ подборѣ русско-сибирскій вкусъ болѣе или менѣе согласуется со вкусомъ бурятскимъ и нерѣдко *плѣняется* бурятскимъ идеаломъ женской красоты". Обольщеніе инородческою красотою явилось на востокѣ настолько-же чисто физіологическимъ процессомъ, на-сколько и проявленіемъ сердечнаго чувства. Забайкальскій поэтъ Баульдауфъ стихами изобразилъ истинную исторію одного русскаго, влюбившагося въ тунгузку. Русскій полюбилъ ее за дикую смѣлость, за своеобразную прелесть дикарки, отдающей беззавѣтно свое сердце. Идеалъ инородческой красоты поэтъ передаетъ слѣдующими стихами:

„ . . . онъ пожираетъ
Очами чудныя красы.
Тунгузки черные власы

отличаются отъ южнаго монгольскаго типа, а населеніе кумандинцевъ представляетъ весьма привлекательный типъ, весьма приближающійся къ кавказскому. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырожденье произвело то, что невозможно отличить русскихъ отъ потомковъ инородцевъ, смѣшанныхъ съ русскими.

Кругомъ повиты оргуланомъ (повязка);
Онъ, разукрашенный маржаномъ,
На стройномъ дѣвственномъ челѣ
Горитъ какъ радуга во мглѣ.
Въ ея устахъ не дышатъ розы,
Но дикій огненный ургуй (сибирскій полевой цвѣтокъ)
Манитъ любовь и поцѣлуй".

Въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ буряткѣ, поэтъ вспоминаетъ о бѣдной инородкѣ, подарившей участіемъ его, больного и одинокаго, среди пустынной степи; онъ съ признательностію говоритъ о ея самоотверженіи. По всей вѣроятности, не разъ подобныя чувства играли роль въ привязанностяхъ русскаго человѣка, закинутаго на далекій востокъ. Въ одной русской пѣснѣ, распространенной въ Сибири, поется, какъ добрый молодецъ долго блуждалъ по пустынѣ, пока не нашелъ „полоняночку", т.-е. инородку. Любовь руководитъ фатально красивою буряткою, уходящей изъ семьи, чтобы соединиться съ бѣднымъ русскимъ парнемъ, какъ и чувствами нерѣдко вполнѣ развитаго русскаго и обладающаго тонкимъ эстетическимъ чутьемъ. Таинственный голубой цвѣтокъ любви отыскивается во всѣхъ широтахъ; русскій находилъ этотъ „милый цвѣтъ" также и „въ Даурiи пустынной и угрюмой".

Вкусъ къ инородческому типу сильно развитъ въ современной Сибири. Пріятный типъ, происходящій отъ послѣдовательной метисаціи, великорусская національность на востокѣ даже предпочла своему и отдала ему всѣ свои симпатіи. „Нѣсколько черноватый или смуглый цвѣтъ лица, говоритъ авторъ этнографическаго изслѣдованія,—сибирякамъ, повидимому, нравится болѣе, чѣмъ рыжій или красный. По крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстахъ Сибири, особенно восточной, слово „краснорожій" синонимично слову „безобразный", и употребляется какъ бранное слово, тогда какъ слова „черномазый халзанъ, карымъ или карымочка" употребляются, сколько мы слышали, какъ слова ласкательныя или любезно-шутливыя, напримѣръ, относительно дѣтей или дѣвицъ. Блондины, рыжіе и краснолицые великороссы поэтому не въ ходу въ Сибири и мѣстный вкусъ ставитъ идеаломъ красоты брюнетовъ. Это подтверждается, напримѣръ, слѣдующимъ наблюденіемъ. Разъ въ Иркутскѣ, въ одной мѣщанской семьѣ, переселившейся изъ окрестностей Байкала, нѣсколько дѣвушекъ, природныхъ русскихъ сибирячекъ, разсматривали картину, изображавшую преимущественно монгольскія или китайскія лица. Когда онѣ сообщали другъ другу свои мнѣнія о томъ, которыя лица, мужскія и женскія, казались имъ „хорошенькими", то оказалось, что все это

были такія лица, которыя по преимуществу или даже съ особенною типичностью выражали собою чисто-азіятскій, монгольскій или китайскій типъ: узкіе глаза, плоскій носъ, широкія и толстыя скулы и проч., только при большей пропорціональности и округленности общаго очертанія лица. Лица, смахивавшія нѣсколько на черкесовъ, татаръ или цыганъ и грековъ, казались имъ „страмными“.

При такой склонности сибирскаго русскаго населенія къ слiянію съ инородцами, необходимо заняться изслѣдованіемъ, къ какимъ послѣдствіямъ, какъ физическимъ, такъ и нравственнымъ, приводить это слiяніе. Необходимо изслѣдовать, какія дурныя послѣдствія происходятъ отъ смѣси съ расой низшей, болѣе слабосильной и развивавшейся въ крайне скудныхъ естественныхъ условіяхъ. Таковы измѣненія въ ростѣ, силѣ и въ потерѣ многихъ культурныхъ чертъ и инстинктовъ. Этнографическія наблюденія доказали особенную невыгоду для славяно-русской народности при смѣшеніи съ сѣверными инородцами. Физіологическое смѣшеніе русскаго туруханскаго населенія съ туземными азіятскими племенами весьма замѣтно сопровождалось нѣкоторыми измѣненіями въ его ростѣ. Нѣтъ сомнѣнія, суровый туруханскій климатъ и скудное питаніе составляютъ существенную причину общей малорослости природныхъ туруханскихъ жителей. Но несомнѣнно и то, что и постоянное, изъ поколѣнія въ поколѣніе переходившее смѣшеніе русскихъ съ остяками и другими туземными инородцами оказываетъ не менѣе существенное вліяніе на уменьшеніе роста русскихъ туруханскихъ поколѣній. Въ средней и особенно южной части Енисея и климатъ благопріятнѣе, и русское населеніе, повидимому, болѣе свободно отъ примѣси инородческой крови. Тамъ и населеніе выше ростомъ. Изъ русскихъ жителей туруханскаго края, туземные урожденцы, казаки и особенно мѣщане, у которыхъ не отцы только, но и дѣды и прадѣды родились въ туруханскомъ краѣ, ростомъ, съ одной стороны, немного выше туземныхъ остяковъ и тунгузовъ, съ которыми они отъ времени до времени смѣшивались посредствомъ брачныхъ союзовъ, а съ другой стороны ниже южно-сибирскихъ русскихъ жителей и новоприхожихъ изъ Россіи поселенцевъ. Средній ростъ остяковъ енисейскихъ и байхинскихъ — 2 арш. 1 верш.; самые высокіе изъ нихъ достигаютъ до 2 арш. 5 в.; у русскихъ жителей туруханскаго края средній ростъ 2 арш. 3 вер., высшій — 2 арш. $5^1/_2$ верш. Жители южныхъ частей Енисея уже выше ростомъ; даже казаки туруханскіе, у которыхъ отцы или дѣды родились гдѣ-нибудь южнѣе въ Сибири,

ростомъ до 2 арш. 6 верш. Точно такое-же вліяніе производитъ смѣшеніе съ сѣверными расами и на пониженіе силы. Физическая, мускульная сила русскаго туруханскаго населенія также, повидимому, нѣсколько понизилась, частію вслѣдствіе неудовлетворительнаго питанія, а частію и вслѣдствіе смѣшенія его съ такими слабосильными инородцами, какъ остяки, тунгузы и проч. У верхнеимбацкихъ остяковъ, по собственному ихъ сознанію, самый сильный человѣкъ легко поднимаетъ только 5 пудовъ. По сознанію байхинскихъ остяковъ, у нихъ самый сильный поднимаетъ 6 пудовъ и весьма рѣдко 7 и 8 пудовъ; средней силы байхинскій остякъ поднимаетъ только 4 пуда, также какъ и юракъ. Русскіе объясняютъ малосиліе остяковъ тѣмъ, что они мало питаются хлѣбомъ, а больше ѣдятъ рыбу, порсу, изрѣдка пробавляясь зимой мясомъ, напримѣръ, оленьимъ, медвѣжьимъ и больше всего бѣличьимъ. Но и сами русскіе туруханскіе жители большею частію немного сильнѣе остяковъ. Изъ 12 туруханскихъ мѣщанъ и казаковъ, при насъ поднимавшихъ съ возовъ на плечи и переносившихъ въ амбаръ кули съ мукой, на разстояніи не болѣе 2 саженъ, человѣкъ 10, помоложе, могли сами поднять съ воза на плечи и нести въ амбаръ куль пудовъ въ 5 или 6. Нѣкоторые могли поднимать и пудовъ 7 тяжести. Вообще-же, почти всѣ эти 12 человѣкъ, хотя въ неодинаковой степени, но съ бо́льшимъ или меньшимъ трудомъ и усиленнымъ напряженіемъ поднимали и переносили кули пудовъ въ 5 и 6. Особенно слабѣе силой оказывались, повидимому, тѣ природные русскіе урожденцы туруханскаго края, у которыхъ и тѣлосложеніе, и обличье наиболѣе представляли оттѣнки остяцкой породы. Вообще, по всей сѣверной долинѣ Енисея, между 61 и 65° с. ш., сколько мы могли разузнать, средней мѣрой силы считается способность поднятія 6 пудовъ, и сами „низовые“ енисейскіе жители сознаются, что они малосильнѣе „верховыхъ“ русскихъ жителей. Въ селѣ Вороговѣ (61° с. ш.) одинъ 60-лѣтній старикъ намъ говорилъ: „низовой народъ, мы такъ полагаемъ, силой противъ верхового не будетъ; мы полагаемъ, говядина силы придаетъ человѣку: вотъ на пріискахъ верховые живутъ на говядинѣ и подымаютъ по 8 пудовъ, а мы, какъ ѣдимъ одну рыбу, то съ трудомъ поднимаемъ и 6 пудовъ“. Сами русскіе туруханскіе жители сохраняютъ преданіе, будто прежде, особенно въ началѣ, когда отцы ихъ пришли изъ Россіи, они были сильнѣе, а нынѣшнія поколѣнія совсѣмъ измельчали и обезсилѣли.

Самая невыгодная сторона новой расы, происшедшей отъ

смѣшенія, это—уменьшеніе плодовитости. Плодовитость русскаго смѣшаннаго туруханскаго населенія ослабѣла въ сравненіи съ плодовитостью великоруссовъ, частію подъ вліяніемъ суроваго полярнаго климата, недостаточнаго питанія и усиленнаго напряженія рабочей энергіи въ упорной борьбѣ съ дикой природой, а частію и вслѣдствіе унаслѣдованія болѣе слабой плодовитости путемъ смѣшенія русскихъ съ остяками, тунгузами и другими сѣверно-сибирскими инородцами. Русская туруханская женщина нѣсколько плодовитѣе женщины остяцкой, но значительно менѣе плодовита въ сравненіи съ женщиною южно-сибирскою или великорусскою (особенно въ зажиточныхъ семьяхъ). По словамъ нижнеимбацкихъ остяковъ, у нихъ женщина никогда не родитъ болѣе восьми дѣтей; такая плодовитость составляетъ рѣдкое исключеніе, обыкновенно-же онѣ родятъ не болѣе четырехъ и даже трехъ дѣтей. Нѣсколько южнѣе, у верхнеимбацкихъ остяковъ, женщина родитъ иногда даже девять дѣтей. Байхинскіе остяки-самоѣды увѣряли насъ, что прежде женщина родила у нихъ до десяти дѣтей, и это было самое большое число рожденій; нынѣже изъ 43 остяковъ только у одного жена родила восемь дѣтей. Русскія туруханскія женщины родятъ больше, чѣмъ инородческія, но меньше, чѣмъ русскія женщины въ болѣе умѣренныхъ и теплыхъ полосахъ Россіи, въ средѣ иной этнической метисаціи и при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ скотоводческаго и земледѣльческаго способа пропитанія. Вообще, производительность русскихъ женщинъ, не только по мѣрѣ удаленія въ сферу суроваго полярнаго климата, но и по мѣрѣ усиленія русско-инородческой метисаціи, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, частію вслѣдствіе климатическаго вліянія, частію вслѣдствіе наибольшаго расхода силы на трудное добываніе пищи и другихъ средствъ жизни, а частію и вслѣдствіе физіологическаго смѣшенія русскаго населенія съ наименѣе плодовитыми племенами, каковы остяки, тунгузы, самоѣды и другія сѣверо-азіятскія племена. Въ частности, отъ браковъ русско-остяцкихъ метисовъ родится всѣхъ дѣтей, сколько мы узнали, шесть, семь и, самое большее, девять. Такія послѣдствія, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ роста и силы, конечно, должны считаться печальною утратою лучшихъ національныхъ и расовыхъ чертъ русской народности; они выражаютъ собою пониженіе и вырожденіе высшей расы. Фактъ этотъ заслуживаетъ серьёзнаго вниманія.

Мы имѣемъ основаніе однако думать, что не вездѣ и не со всѣми инородческими племенами метисація производитъ ослабленіе плодовитости. При нашихъ изслѣдованіяхъ мы видѣли при-

мѣры, гдѣ потомки русскихъ смѣшанныхъ съ инородцами весьма размножились. Такъ по ревизскимъ спискамъ мы прослѣдили наростаніе населенія въ кумышской инородной управѣ, гдѣ было до десяти семей инородцевъ въ прошломъ столѣтіи. Нынѣ-же потомки ихъ образовали цѣлыя деревни и представляютъ многочисленное поколѣніе. Инородцы кумышской инородной управы притомъ совершенно выродились, и утеряли инородческій типъ; то же замѣчается на быстренской управѣ бійскаго округа.

Любопытно было-бы прослѣдить, какія измѣненія происходятъ при смѣшеніи въ отдѣльности съ каждою изъ туземныхъ народностей Сибири національнаго русскаго типа, чтобы судить о тѣхъ или другихъ наслѣдственныхъ послѣдствіяхъ. Какъ мы видимъ, помѣси съ низшими сѣверными инородцами ведутъ къ прямому ущербу, но, можетъ быть, этотъ фактъ имѣетъ мѣсто только при смѣшеніи съ сѣверными инородцами, а при смѣшеніи съ другими послѣдствія происходятъ другія, не столь опасныя и ведущія къ совершенному вырожденію расы. Затѣмъ необходимо опредѣлить, какія измѣненія въ типѣ потомковъ, происходящихъ отъ метисаціи, можно считать неважными, и какія ведутъ къ ослабленію физической организаціи, силы и способностей. Извѣстно, что уменьшеніе роста не всегда сопровождается уменьшеніемъ силы; извѣстны національности низкорослыя, но приземистыя, коренастыя и плотныя, отличающіяся значительною силой. Точно также инородцы-дикари обладаютъ при низкорослости иногда замѣчательной ловкостью, гибкостью, проворствомъ, напримѣръ буряты въ борьбѣ, и такъ далѣе. Любопытно поэтому знать, переходятъ-ли къ русскимъ при смѣшеніи подобныя способности. Въ умственномъ и духовномъ отношеніи точно также не всѣ инородческія расы лишены способностей; нерѣдко онѣ отличаются замѣчательнымъ развитіемъ ихъ. Мы чрезвычайно мало знаемъ нашихъ инородцевъ и съ именемъ киргиза, бурята и якута привыкли соединять тупоуміе и относиться къ нимъ презрительно. Но вотъ что сообщаютъ, напримѣръ, русскіе и иностранные путешественники объ якутахъ: „Прекрасно одаренные во всѣхъ отношеніяхъ, искусные во всѣхъ ремеслахъ, которыя быстро перенимаютъ у русскихъ, и при этомъ, какъ кочевники, немного требующіе, якуты производятъ мирныя завоеванія даже русской народности, т.-е. объякучиваютъ русскихъ. Своими склонностями, хитрой ловкостью и безстыдствомъ, якуты, особенно городскіе, напомнили Миддендорфу жидовъ. Народъ, который, такимъ образомъ, умѣетъ господствовать, несмотря на чужое владычество, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ нашего вниманія, и какіе-бы

ни были недостатки этого народа, ему нельзя отказать въ силѣ его народности". Точно также замѣчаютъ, что киргизы обладаютъ развитой фантазіей, замѣчательнымъ поэтическимъ и художественнымъ чувствомъ и самымъ веселымъ юморомъ. Интересно изслѣдовать, на-сколько подобныя способности отражаются на русскихъ при физіологическомъ сліяніи. При смѣшеніи расъ обыкновенно замѣчается законъ, по которому, при слитіи съ новыми народностями, присоединяются и нѣкоторыя новыя качества, небывшія въ прежней расѣ. Какъ ни поверхностны этнологическія наблюденія на нашемъ востокѣ, но и здѣсь замѣчается, что нѣкоторыя особенно-изощренныя способности, выработанныя инородцами въ условіяхъ ихъ мѣстнаго быта, передаются и русскимъ. Такъ тунгузы извѣстны, напримѣръ, своею зоркостью. Когда одинъ путешественникъ въ Сибири слѣдилъ за затмѣніемъ спутниковъ Юпитера при помощи телескопа, инородецъ видѣлъ простымъ глазомъ и объяснялъ, какъ большая звѣзда проглотила и выплюнула маленькую. Георги пишетъ о нихъ: „Тунгузы чрезвычайно зорки и чутки, но тѣмъ тупѣе у нихъ обоняніе. Въ стрѣляніи изъ луковъ они мѣтки. Въ мѣстахъ, гдѣ они кочуютъ, имъ знакомо почти всякое дерево, всякій камень и проч. Слѣды звѣрей узнаютъ на утоптанномъ мхѣ, травѣ или просто по знакамъ на голой землѣ, гдѣ посторонній человѣкъ никакъ не можетъ примѣтить ничего особеннаго. Когда хотятъ имѣть свиданіе въ другихъ мѣстахъ, то мѣсто умѣютъ отыскивать такъ точно, либо дѣлаютъ пальцемъ на снѣгу или на землѣ такіе чертежи, что непремѣнно гдѣ надо сойдутся". И туруханскіе тунгузы обладаютъ такою-же зоркостью, остротою и примѣтливостью органа зрѣнія. „Они знаютъ въ лѣсахъ, говорилъ про чепагирскихъ тунгузовъ одинъ туруханскій казакъ (Кандинъ), ходившій вмѣстѣ съ ними „лѣсовать", — знаютъ каждый хребетъ, каждый камень, каждое дерево. Имъ замѣтна всякая узя, всякая чуть замѣтная дорожка въ лѣсу; они узнаютъ слѣдъ всякой лыжи, бѣлки, волка. По слѣду на землѣ или на снѣгу, продавленному ладыжками медвѣдя или волка, узнаютъ сердитый или нѣтъ медвѣдь, опасный или нѣтъ для ихъ оленей, хитрый или нѣтъ волкъ. Своихъ они узнаютъ по разнымъ слѣдамъ лыжъ, по размашкѣ шаговъ, по кругамъ на снѣгу, по заломамъ на деревьяхъ, по сучьямъ, набросаннымъ на дорогу, по обтоптаннымъ на снѣгу слѣдамъ. Каждая баба узнаетъ слѣдъ лыжъ своего мужа. Есть такіе зоркіе тунгузы, что видятъ далеко, съ хребта на хребетъ, съ камня на камень,

за 7 верстъ пересчитываютъ стадо дикихъ оленей, стрѣляютъ и никогда не прострѣливаются мимо".

„Русскіе, сообщаетъ этнографическое изслѣдованіе Щапова,— вслѣдствіе скрещиванія съ остяками и тунгузами, пріобрѣли, хотя и въ слабой степени, тѣ-же ихъ особенности. Такъ они усвоили замѣчательную способность тунгузовъ—особенную утонченность зрѣнія. Точно также и русскіе туруханскіе урожденцы, особенно низовые, „затундренные", отличаются такою-же зоркостью и примѣтливостью. Они пріобрѣли эту особенность частію вслѣдствіе усиленнаго употребленія органа зрѣнія, какое необходимо обусловливается у туземныхъ звѣропромышленниковъ блужданіями по лѣсамъ и тундрамъ, а частію, быть можетъ, и вслѣдствіе унаслѣдованія этого свойства отъ тунгузовъ, путемъ физіологическаго смѣшенія съ ними. Несмотря на то, что на низу Енисея и за тундрой страшныя пурги и мятели заносятъ и безъ того едва проторенныя, чуть видныя дороги, и нерѣдко случаются тамъ такъ-называемыя галюцинаціи пустыни и снѣжная слѣпота, какую испыталъ и Миддендорфъ, природные низовые и затундренные жители никогда не сворачиваютъ, не уклоняются съ дороги и не заблуждаются, тогда-какъ новоприхожіе поселенцы нерѣдко теряются безъ вѣсти въ тундрѣ, не имѣя возможности никуда убѣжать. Природные низовые и затундренные жители примѣчаютъ и узнаютъ дорогу по такъ-называемымъ ими „кычамъ" или по расположенію куржаковъ и заиндевѣлостей на деревьяхъ, по наклоненію или, какъ тамъ говорятъ, „прилежанію травы" на тундрѣ, по направленію конусообразныхъ сторонъ, застругъ или сугробовъ и суметовъ снѣга и т. п.". Въ доказательство этого приводится слѣдующій примѣръ: „Разъ Кирьянъ Евдокимовъ Іевлевскій, крестьянинъ за Толстымъ Носомъ, съ Толстаго Носа ѣхалъ домой, ниже, въ Коргу, взялъ да нарочно оставилъ дорогой стойку вина, чтобы попробовать сына, можетъ-ли онъ ѣздить въ темную дорогу, въ пургу. Пріѣхалъ домой, да и послалъ сына найти флягу. „А въ которомъ вѣтру ты ее оставилъ, по какому вѣтру ѣхать?" спросилъ сынъ.—„Поѣзжай, какъ знаешь, какъ глаза научатъ". Поѣхалъ сынъ и въ темнотѣ разглядѣлъ и нашелъ фляжку".

Изъ сдѣланныхъ доселѣ наблюденій такимъ образомъ оказывается, во-первыхъ, что славянская раса при смѣшеніи своемъ съ инородцами весьма нерѣдко оказывала весьма слабое вліяніе и терпѣла пониженіе въ своихъ качествахъ; отсюда явилось вырожденіе русской народности; но рядомъ съ этимъ нельзя было не замѣтить въ другихъ случаяхъ, что русская народность, асси-

милируя инородческія племена, пріобрѣтаетъ не одни отрицательные признаки, но и разнообразитъ свои способности, а также заимствуетъ нѣкоторыя положительныя качества въ изощренныхъ способностяхъ и ощущеніяхъ. Каковы бы ни были новыя положительныя качества, пріобрѣтаемыя расою, другая сторона явленія даетъ однако извѣстное предостереженіе и указываетъ на необходимость принять какія-либо мѣры противъ пониженія славянской расы въ Сибири.

Изъ нашихъ личныхъ наблюденій и изслѣдованій по этому предмету мы вывели, что воспріятіе и преобладаніе инородческихъ признаковъ зависитъ отъ числа русскихъ и инородцевъ и численнаго преобладанія того и другого племени, какъ и процентнаго отношенія въ той или другой мѣстности. Такъ на сѣверѣ въ березовскомъ, туруханскомъ краѣ и на Ленѣ встрѣчается чаще вырожденіе и объинородчиваніе русскихъ и пониженіе расы, чѣмъ въ среднихъ округахъ Сибири. Преобладаніе на сѣверѣ инородцевъ выражается въ 354%—445% надъ русскими, а въ срединѣ Сибири отъ 3% до 16% на русское населеніе.

Далѣе смѣшеніе съ различными племенами и расами даетъ различныя послѣдствія. Наименѣе выгодныя въ этомъ случаѣ смѣшенія съ наиболѣе низшими расами, и индифферентны или выгодны съ равными и высшими.

Къ наиболѣе низшимъ инородцамъ въ Сибири по типу, культурѣ и образу жизни могутъ быть отнесены: остяки, самоѣды, кочевые калмыки, киргизы, буряты, тунгузы, коряки, чукчи, камчадалы-гиляки и т. п. Это низшіе представители финской и монгольской расы.

Къ болѣе высшимъ: тюрки, бухарцы и сарты, татары, часть осѣдлыхъ алтайцевъ, какъ кумондинцы, кузнецкіе черневые татары, вогулы, зыряне.

Смѣшеніе съ послѣдними отражается меньшими измѣненіями въ типѣ и пониженіемъ расы, въ качественномъ достоинствѣ. Мы не могли не обратить вниманіе, что культура и образъ жизни, который ведутъ инородцы, весьма способствуетъ расовымъ особенностямъ и различіямъ. Поэтому всѣ племена, переходящія къ высшей культурѣ, измѣняютъ и свои качественныя способности. Истина можетъ быть не вполнѣ доказанная, но подтверждающаяся нѣкоторыми научными соображеніями и отдѣльными наблюденіями. Въ дѣлѣ смѣшенія культурная сторона инородцевъ даетъ себя чувствовать. Указанные высшіе типы сибирскихъ инородцевъ обладаютъ и болѣе развитой культурой. Очень не му-

дрено, что по мѣрѣ повышенія въ культурѣ и образѣ жизни остальныхъ низшихъ племенъ поднимется нѣсколько самая раса и смѣшеніе будетъ имѣть менѣе невыгодныхъ сторонъ.

Но если славяно-русская національность при сближеніи и слитіи на востокѣ съ инородцами была часто безсильна сопротивляться физическимъ и физіологическимъ измѣненіямъ, подчиняющимся законамъ метисаціи, то любопытно взглянуть на сохраненіе ею культурныхъ чертъ и традицій, принесенныхъ изъ-за Урала, которыми должны измѣряться ея нравственная высота и культурная устойчивость населенія. Культурное значеніе славяно-русской національности при сближеніи съ инородцами должно было обнаруживаться, во-первыхъ, отстаиваньемъ собственныхъ культурныхъ качествъ отъ инородческаго вліянія, и, во-вторыхъ, вліяніемъ этой культуры на самихъ инородцевъ. Но какъ при всякомъ сближеніи, здѣсь не могло не произойти взаимнодѣйствія и, вмѣстѣ съ передачею инородцамъ кое-чего русскаго, усвоенія и многаго инородческаго. Способностью этой передачи и степенью заимствованія отъ инородцевъ можетъ измѣряться только степень нашего культурнаго вліянія за Ураломъ. Культурныя черты всякаго народа выражаются въ его бытовомъ складѣ, занятіяхъ, привычкахъ, обычаяхъ, міросозерцаніи, вѣрованіи и языкѣ. Русскіе принесли съ собою, конечно, то и другое. Культурныя черты русской національности были, безъ сомнѣнія, выше инородческихъ,—вотъ почему она должна была-бы, мало того, что отстоять свою культуру, но и привить ее къ средѣ низшей. Вліяніе русской народности на инородцевъ, дѣйствительно, не могло пройти безслѣдно, но точно также произошло и обратное дѣйствіе, т.-е. русскіе сами восприняли многое отъ инородцевъ. Заимствованіе инородческой культуры, обычаевъ и языка русскими на востокѣ составляетъ несомнѣнный фактъ. При этомъ, конечно, игралъ роль тотъ уровень развитія, которымъ обладала русская раса за Ураломъ, точно также, какъ и многія другія внѣшнія условія. Тѣмъ не менѣе этнографическія изслѣдованія убѣждаютъ насъ, что здѣсь русскіе теряли очень часто вмѣстѣ съ типомъ и свои характеристическіе признаки, нравы, обычаи, вѣру и даже языкъ,—словомъ, утрачивали свою національность. Съ кѣмъ-бы они ни сталкивались, — остяки, тунгузы, якуты, буряты и киргизы имѣли на нихъ сильное вліяніе и русскіе имъ уступали. Особенно замѣтное обынородченіе русской расы мы замѣчаемъ, конечно, на окраинахъ. Съ самаго момента завоеванія обнаружилась уже склонность русскихъ къ подражанію многимъ ино-

родческимъ обычаямъ. Затѣмъ, при совмѣстной жизни съ инородцами, заимствованныя привычки получили еще большее развитіе.

Многія точныя изысканія свидѣтельствуютъ, что подобное объинородчиваніе происходило уже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Прежде всего, имѣло мѣсто отатаренье русскихъ и полигамія среди русскаго населенія. „Вообще, какъ ясачные, крещеные полуобрусѣлые татары, такъ и смѣшавшіеся съ ними русскіе, сообщается въ географическомъ журналѣ,—долго сплошь и рядомъ отличались татарскими полигамическими наклонностями, сладострастною чувственностью и непокорностію православно-церковнымъ русскимъ нравамъ и обычаямъ. По свидѣтельству одного документа 1746 года, какъ русскіе плѣнныхъ киргизовъ крестили, такъ киргизы русскихъ „обасурманивали“ [1]). Какъ киргизы и калмыки, принимая русскую вѣру, принимались и за хлѣбопашество, такъ иногда бѣглые солдаты, по свидѣтельству одного рапорта 1748 года, „принимали киргизскую вѣру и стада овечьи пасли“. При замѣтной наклонности русскаго сибирскаго населенія подражать азіятцамъ, иногда сами сибирскіе начальники находили необходимымъ или полезнымъ усвоять нѣкоторые азіятскіе обычаи, напримѣръ, калмыцкіе и вводить ихъ въ бытъ русскаго населенія. Вообще, по примѣру киргизовъ и калмыковъ и сообразно съ мѣстными условіями климата и степей, западно-сибирское и особенно при-алтайское русское населеніе больше сдѣлалось скотоводческимъ, чѣмъ земледѣльческимъ, обзавелось, посредствомъ вымѣна у киргизовъ и калмыковъ, большими табунами лошадей и стадами рогатаго скота, даже большею частію вело полукочевой образъ жизни, постоянно перемѣщаясь изъ одного мѣста поселенія на другое. Въ самомъ земледѣліи русскіе усвоили нѣкоторые пріемы коренныхъ туземныхъ азіятцевъ.

Вслѣдствіе тѣхъ-же историческихъ условій русское населеніе до послѣдняго времени обнаруживаетъ подобныя-же свойства. И теперь русскіе, въ отношеніи усвоенія ими инородческихъ обычаевъ и отступленія отъ національной культуры, стоятъ почти въ томъ-же положеніи, какъ и ихъ предки. Отзывы путешественниковъ, ученыхъ и этнографическіе отчеты, которые даютъ намъ записки ученаго общества, представляютъ намъ картину даже болѣе безотрадную, чѣмъ можно было предполагать. Вотъ, напримѣръ, свидѣтельство Кастрена о русскомъ обдорскомъ населеніи: „Обдорскіе жители, представляющіе разнородную по-

[1]) Матер. для истор. Сибири, стр. 152.

мѣсь, заброшены судьбой на ледяные берега Ледовитаго океана, и духъ ихъ окованъ узами, которые такъ-же крѣпки, какъ этотъ ледъ, который оцѣпеняетъ сердце природы въ ихъ теперешнемъ отечествѣ. Оковы эти—грубость, невѣжество и дикость. Правда, эта грубость соединена со многими прекрасными, любви достойными качествами, съ хорошими инстинктами, съ невинными чувствами и добросердечностью; но при этихъ прекрасныхъ, добрыхъ и благородныхъ чертахъ, къ несчастью, встрѣтилъ я у этихъ-же людей такъ много отвратительнаго, такъ много звѣриной грубости, что, наконецъ, я ихъ менѣе люблю, чемъ соболѣзненно оплакиваю... Русская колонизація началась здѣсь (въ обской тундрѣ) столѣтіе назадъ; большая-же часть колонистовъ утвердилась здѣсь въ послѣднія 30 лѣтъ. Коренные жители этой страны—остяки и самоѣды. Какъ у нихъ, такъ и у русскихъ, совершенно имъ уподобившихся, нѣтъ никакихъ умственныхъ интересовъ, хотя сколько-нибудь выходящихъ изъ ряда обыденной остяцко-самоѣдской жизни. Въ своемъ образѣ жизни, даже въ способѣ питанія, русскіе здѣсь уподобились туземнымъ остякамъ и самоѣдамъ. Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Обдорскъ и вошелъ въ домъ одного мѣщанина, переселившагося сюда изъ Тобольска, я нашелъ всю его семью сидящею на полу и пожирающею сырую рыбу, которую самъ хозяинъ дома разрѣзывалъ на части. Образованнѣйшій житель города хвастался тѣмъ, что въ теченіи цѣлаго полгода ѣлъ одно сырое мясо. Проживавшій тамъ полякъ, хорошій поваръ, жившій прежде въ Петербургѣ, жаловался, что его искусство приноситъ ему мало пользы въ Обдорскѣ, такъ-какъ люди здѣсь живутъ по-самоѣдски. Одежда у русскихъ здѣсь такая-же, какъ у самоѣдовъ и остяковъ. Многіе изъ нихъ схожи съ самоѣдами и въ томъ, что держатъ болѣе или менѣе многочисленныя оленьи стада. Наконецъ, русскіе жители обдорскаго края стали такъ-же дики, боязливы, какъ туземные остяки и самоѣды. Живетъ здѣсь одна старинная русская фамилія. Ихъ праотецъ во время войны Петра Великаго съ королемъ шведскимъ измѣнилъ царю и бѣжалъ въ этотъ отдаленный уголокъ свѣта, чтобы здѣсь избавиться отъ напасти. Сочлены, сродники этой фамиліи не хотѣли имѣть со мной никакого сообщенія. Встрѣтилъ я ихъ на улицѣ, въ разстояніи на выстрѣлъ, такъ они побѣжали и заперлись у себя дома. Съ такимъ-же страхомъ и непріязненностью принимала меня и большая часть прочихъ жителей города, которымъ я казался опаснѣйшимъ пройдохой въ коммерческихъ сдѣлкахъ". Наконецъ, вмѣстѣ съ умонастроеніемъ и понятіями остяковъ,

самоѣдовъ и татаръ, березовскіе и обдорскіе русскіе жители усвоили и много словъ остяцкихъ, самоѣдскихъ и отчасти татарскихъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ березовскомъ краю, изъ 78 мѣстныхъ русскихъ словъ, записанныхъ г. Абрамовымъ, до 28 словъ остяцскихъ и татарскихъ. Подобныя черты приводятся о столкновеніи и взаимнодѣйствіи нашемъ съ бурятами: „Сообразно съ большей или меньшей физической ассимиляціей, и умственный складъ русскаго населенія въ дауро-монгольской, а равно и въ верхоленской странѣ, во многихъ отношеніяхъ, весьма замѣтно приспособился къ умонастроенію монголо-бурятскаго племени и усвоилъ не мало его умственныхъ и нравственныхъ качествъ“. Палласъ, сказавъ о физіологическомъ смѣшеніи забайкальскаго русскаго населенія съ бурятскимъ племенемъ, замѣчаетъ, что „вслѣдствіе этого смѣшенія, русскіе жители усвоили и бурятскій языкъ, такъ-что послѣдній сдѣлался почти господствующимъ языкомъ простого народа“ [1]). Шперкъ также замѣчаетъ: „кровная помѣсь забайкальскихъ казаковъ съ бурятами имѣла вліяніе не на однѣ черты лица и физическое строеніе тѣла; она обнаруживается и въ психической сферѣ. Этому, конечно, много способствовали и обстоятельства жизни казака въ Забайкальи. Въ результатѣ вышло, что казакъ сдѣлался болѣе звѣропромышленникомъ и пастухомъ, чѣмъ домовитымъ человѣкомъ и хлѣбопашцемъ“. Влѣдствіе этого скотоводство нигдѣ въ восточной Сибири такъ не развито, какъ въ забайкальскихъ степяхъ. Въ домашнихъ дѣлахъ и обычаяхъ русское забайкальское населеніе не мало усвоило издѣлій, обычаевъ, поступковъ и сноровокъ бурятскихъ. Такъ, напримѣръ, русскія бабы, по примѣру бурятокъ, шьютъ по-бурятски „яргачи“—козлиныя или тарбаганьи шубы, у которыхъ на груди нашиваются шелкомъ разные узоры и передняя пола дѣлается шире исподней, при опоясываніи накладывается наверхъ другой полы, застегивается на боку шеи, такъ-что пола покрываетъ грудь. У бурятъ русскіе заимствовали умѣнье или обычай выдѣлывать пуговицы и корольки изъ разныхъ костей. У бурятъ русскіе переняли обычай и искусство дѣлать у ножей черешки костяные, по бурятскому образцу; по тому-же образцу они стали дѣлать разныя вещи, относящіяся къ конской сбруѣ,—стреножники, узды и проч. Подражая бурятамъ, русскіе пріучаютъ, посредствомъ стреноживанія, по всѣмъ правиламъ бурятскаго наѣзднического искусства, самыхъ дикихъ лошадей останавливаться вдругъ, куда

[1]) Pallas, Reise, III, S. 275.

пріѣдутъ, и стоять безъ привязи на одномъ мѣстѣ. У бурятъ они заимствовали и всѣ принадлежности сѣдланія лошадей, удержавъ и названія бурятскія. Подобно бурятамъ, русскіе „сидятъ арака“—вино, только не изъ кобыльяго молока, но по всѣмъ правиламъ бурятскаго винокуренія и со всѣми бурятскими орудіями, усвоивъ при томъ и бурятскія названія этихъ орудій. По примѣру бурятъ, русскіе приготовляютъ „секшу“, т.-е. варятъ кровь животнаго и, смѣшивая кровяной свертокъ съ жиромъ, ѣдятъ съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ и буряты. Подражая бурятамъ, русскіе научились искусно ѣсть полусырое мясо изъ-подъ ножа, разрѣзывая его у самыхъ губъ снизу. Казаки обыкновенно „бросаютъ въ воду цѣлаго барана, въ большой котелъ, скипятятъ кое-какъ и ѣдятъ, сидя кругомъ, поджавъ подъ себя ноги по-бурятски и по-бурятски-же разрѣзывая куски мяса ножомъ у самаго рта, подъ нижней губой. Подобно бурятамъ, русскіе, за неимѣніемъ трубки, курятъ изъ земли, выкапывая ямку и вкладывая въ нее какую-нибудь дудку отъ растенія, соломенку и т. п.“ Мало того: въ самомъ умонастроеніи, въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ забайкальское русское населеніе значительно ассимилировалось съ бурятами. Напримѣръ, почти всѣ забайкальскіе казаки и крестьяне, и мѣщане, у которыхъ отцы и дѣды родились уже тамъ и многіе предки были бурятско-русскаго смѣшаннаго происхожденія, вполнѣ вѣрятъ въ бурятское шаманство или ламайское прорицательство. Это замѣчено не только въ отдаленной глуши Забайкалья, въ средоточіи монголо-бурятскаго населенія, но и въ окрестностяхъ Байкала, вблизи Иркутска, напримѣръ въ селеніяхъ Култукѣ, Тункѣ и др., гдѣ, по словамъ одного миссіонера, русскіе держатъ даже и бурятскихъ идоловъ, истукановъ или божковъ на вышкахъ своихъ домовъ и тамъ шаманствуютъ тайкомъ. Въ нерчинскомъ округѣ русскіе лечатся у шамановъ, къ шаманамъ обращаются съ просьбой пошаманить, когда потеряютъ какую-нибудь вещь. Согласно съ бурятами, русскіе, отправляясь въ путь, на половинѣ дороги кладутъ что-нибудь на дерево—деньги или хоть волосокъ съ головы, въ благодарность за то, что благополучно проѣхали до половины дороги.

Наконецъ, множество словъ монголо-бурятскаго языка вошло въ составъ русскаго языка, которымъ говорятъ казаки и крестьяне; такъ въ сборникѣ словъ русскаго нарѣчія нерчинскаго округа, составленномъ однимъ тамошнимъ священникомъ, записано 96 словъ чисто-монгольскихъ или бурятскихъ, совершенно

усвоенныхъ мѣстнымъ русскимъ нарѣчіемъ и безсознательно произносимыхъ, какъ коренныя славянскія слова.

Какъ въ забайкальской области, такъ и въ верхоленскомъ краѣ русское населеніе значительно ассимилировалось съ туземными бурятами и тунгузами. По рѣкамъ Илгѣ и Тутурѣ, особенно въ селеніяхъ, находящихся въ вершинахъ этихъ рѣкъ, крестьяне, подобно мѣстнымъ тунгузамъ и бурятамъ, болѣе занимаются звѣроловствомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ. Во всѣхъ селеніяхъ верхоленскаго округа, крестьяне, подобно окружающимъ ихъ бурятамъ, завели такъ-называемые по-бурятски „утуги“ или особыя загороди за огородами и гуменниками или позади селеній, десятинъ отъ 2 до 4 и болѣе, частію для пастьбы въ немъ телятъ, но главнымъ образомъ для кошенія лучшаго, такъ-называемаго „утужнаго“ сѣна, состоящаго преимущественно изъ пырья. Подобно бурятамъ, богатые крестьяне имѣютъ обычай держать, сверхъ надобности, болѣе или менѣе многочисленные табуны лошадей и стада коровъ и овецъ, которые, какъ и у бурятъ, „ходятъ на волѣ“ или пасутся въ степяхъ безъ пастуха. Наконецъ, подобно бурятамъ, многіе русскіе крестьяне, особенно въ прежнее время, имѣли обычай строить хотя на одномъ дворѣ два дома: лѣтній и зимній; зимняя изба называлась „зимовьемъ “и какъ-бы соотвѣтствовала зимникамъ или зимнимъ избамъ бурятъ.

Въ нѣкоторыхъ домашнихъ издѣліяхъ русскіе также усвоили бурятскіе образцы. Напримѣръ, форма колесъ у телѣгъ и особенно одноколокъ, „крюкъ“, устройство трубицъ у нихъ, а также большія деревянныя чашки грубаго издѣлія, халбагаи или большія деревянныя ложки, деревянныя ганзы или трубки, берестяные чуманы и т. п., все это принято отъ бурятъ и отчасти отъ тунгузовъ. Нѣкоторые русскіе даже нарочно нанимали ясачныхъ изъ бурятъ работниковъ для дѣланья колесъ по образцу бурятскому и продавали эти колеса русскимъ на телѣги: ихъ хорошо раскупали и расхваливали. Въ обыденной жизни русскихъ крестьянъ верхоленскаго округа также не мало привычекъ и обычаевъ, схожихъ съ бурятскими. Они, подобно бурятамъ, не брезгаютъ ѣсть мясо вонючее, съ червями; убивая скотину, тутъ-же варятъ въ котлѣ начиненныя кровью кишки и ѣдятъ ихъ. Подобно бурятамъ, и крестьяне варятъ „саламатъ“ изъ сметаны съ мукой. Подобно бурятамъ, они ѣдятъ большею частію безъ вилокъ и ножей, изъ деревянныхъ чашекъ, подобныхъ бурятскимъ и дѣлаемыхъ нерѣдко бурятами. Въ одеждѣ русскихъ жителей ленскаго края также кое-что перенято отъ бурятъ или тунгузовъ. Подобно туземнымъ отдаленнымъ отъ

Иркутска бурятамъ, и русскіе ленскіе жители въ значительной степени отличаются диковатостью и тупостью. При всякомъ внезапномъ и новомъ впечатлѣніи они „дивуются“ и какъ-бы съ дикарскою рефлективностью, всплескивая руками и разиня ротъ, восклицаютъ: „а-а-а! ахъ! Ой-дивоньки!“ или совершенно по-бурятски: „ай-нохой, ай-нохой!“ Когда ссыльные поляки стали дѣлать въ верхоленскихъ селахъ колбасы, шить сапоги по европейскому фасону, то мѣстные жители, по словамъ одного ленскаго жителя, „дивовались“ всему этому и говорили: „диковинка, калбазы какія-то стали дѣлать, сапоги косые; хитро!“ Какъ буряты, по словамъ Болдонова, побывши въ городѣ, съ дикимъ удивленіемъ разсказываютъ какъ о диковинкахъ, о хорошихъ домахъ, о хорошихъ экипажахъ и лошадяхъ, о всемъ, что видѣли на базарѣ, въ лавкахъ и магазинахъ и т. п., такъ и ленскіе крестьяне, изрѣдка бывая въ „Иркутскомъ“, какъ они выражаются, тоже всему тамъ „дивуются“. При грубости и дикости, русскіе жители верхоленскаго округа, наравнѣ съ бурятами и тунгузами, отличаются высшею степенью азіятской лѣни и неподвижности. „Говоря о хозяйствѣ верхоленскихъ крестьянъ, замѣчаетъ Шперкъ,—нужно сознаться, что, при грязи и бѣдности, совершенная апатія къ разумному хозяйству такъ и проглядываетъ на каждомъ шагу, показывая совершенное отсутствіе стремленія къ улучшенію его“. Подобно бурятамъ и тунгузамъ, многіе ленскіе мужики, особенно „низовые“, сваливаютъ всю тяжелую работу на бабъ. Наконецъ, и въ умственномъ отношеніи русскіе жители верхоленскаго округа значительно освоились съ бурятами и тунгузами. И здѣсь многіе крестьяне вѣрятъ въ шаманство и нарочно ѣздятъ въ бурятскіе улусы шаманить по бурятской лопаткѣ, когда кто занеможетъ въ семьѣ или потеряется что-нибудь. Въ русскомъ нарѣчіи ленскихъ жителей также не мало словъ бурятскихъ и тунгузскихъ, какъ и въ забайкальскомъ. Они также говорятъ, напримѣръ: адали (подобно), галахай (крапива), качирикъ (двухгодовалый бычекъ), нохой (собака) или нохъ-нохъ-нохъ! (скликаніе собакъ) и т. п. Въ самомъ русскомъ языкѣ они выговариваютъ нѣкоторыя буквы какъ буряты, напр., букву с какъ ш: вмѣсто „Семенъ“ говорятъ „Шеменъ“, вмѣсто „все“—„вше“ и т. д.

То-же явленіе замѣчается и при столкновеніи русской народности съ якутами. Соотносительно съ физическими измѣненіями, и въ умственномъ складѣ якутско-русской народности можно подмѣтить болѣе или менѣе значительныя уклоненія отъ славяно-русскаго умственнаго типа. Воспитаніе молодыхъ поколѣній, про-

исшедшихъ изъ смѣси русскихъ съ якутами, ихъ понятія, нравы и языкъ—все подверглось преобладающему вліянію якутской народности. „О воспитаніи дѣтей здѣсь заботятся мало, пишетъ Врангель о русскихъ жителяхъ города Якутска;—ребенка съ малолѣтства отдаютъ обыкновенно какой-либо якуткѣ, которая, вскормивъ посильно и по крайнему своему разумѣнію, года черезъ два или три возвращаетъ воспитанника, конечно, уже нѣсколько объякученнаго, родителямъ; дома онъ доростаетъ, и научившись нѣсколько грамотѣ у священника или причетника, посвящается постепенно въ таинства сибирской торговли пушнымъ товаромъ или опредѣляется въ писцы какого либо присутственнаго мѣста, для достиженія чиновъ, на которые и въ Якутскѣ бываютъ крайне падки. Такимъ первоначальнымъ воспитаніемъ здѣшняго юношества объясняется, съ перваго взгляда страннымъ кажущееся, явленіе, что даже въ нѣсколько высшемъ кругу общества якутскій языкъ играетъ почти столь-же главную роль, какую французскій въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило меня на одномъ блестящемъ праздничномъ обѣдѣ, который давалъ богатѣйшій изъ здѣшнихъ торговцевъ мѣхами въ имянины своей жены. Общество состояло изъ областного начальника, почетнѣйшаго духовенства, чиновниковъ и нѣкотораго числа купцовъ, но большая часть разговоровъ была такъ испещрена фразами изъ якутскаго языка, что я, по незнанію его, принималъ въ бесѣдѣ весьма слабое участіе“. Гартвигъ, основываясь на словахъ Миддендорфа и другихъ путешественниковъ, высказываетъ даже такое замѣчаніе: „якуты представляютъ намъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ,—народа, не только не подвергшагося вліянію завоевателей, но, напротивъ, втянувшаго его въ свою сферу. Такъ въ Якутскѣ или городѣ якутовъ (этимъ именемъ называютъ себя, не безъ нѣкоторой національной гордости, всѣ тамошніе уроженцы) несравненно болѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по-русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники якуты, всѣ няньки—якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ нерѣдко женится на якуткѣ“. Не менѣе поразило Миддендорфа, что, вступивъ въ якутскую область, онъ встрѣтилъ русскихъ только по происхожденію, а по образу жизни совершенно объякутившихся; даже трудно было въ земледѣльческой, первоначально русской колоніи Амгинской найти проводника, говорящаго по-русски. Точно также удивляло Миддендорфа, что въ пустынѣ между Якутскомъ и Охотскомъ не только тунгузы и ихъ жены говорили чисто по-якутски, но и въ самой

прислугѣ путешественника находился тунгузъ, не понимавшій другого языка, кромѣ якутскаго. Ни одинъ русскій не задумается вступить въ бракъ съ якуткою. Въ домашнемъ быту русское якутское населеніе во многомъ ассимилировалось съ туземными природными якутами. Дома въ селахъ строятся „на вкусъ якутскій“, какъ выражался одинъ бесѣдовавшій съ нами русскій якутъ, проживающій въ Иркутскѣ. Въ домахъ, на якутскій ладъ, подѣланы сплошныя лавки отъ стѣны до стѣны изъ цѣлыхъ, „четвероугольно“ обдѣланныхъ и вмѣстѣ сплоченныхъ бревенъ, на подобіе наръ, съ аршинъ ширины.

Наконецъ, и русскій языкъ въ якутскомъ краѣ подвергся значительному вліянію языка якутскаго. Большинство окрестнаго населенія Якутска, хотя и знаетъ русскій языкъ, но довольно плохо, и говоритъ по-якутски. Еще болѣе поразительныя данныя представляютъ намъ ученыя изслѣдованія объ одичаніи и объ инородченіи туруханскаго края. Еще въ 1814 году смотритель туруханскихъ поселенцевъ, Давыдовъ, справедливо замѣтилъ о русскихъ жителяхъ верховыхъ станковъ туруханскаго края: „по замѣчанію моему, въ 18-ти зимовьяхъ зимовщики поступками своими болѣе походятъ на азіятцевъ“. И дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ записки сибирскаго отдѣла, туземные или природные русскіе туруханцы и въ психическомъ отношеніи довольно выразительно разнятся не только отъ великоруссовъ, но и отъ другихъ юго-восточныхъ сибиряковъ. Недаромъ они и сами представляютъ юго-восточную и юго-западную Сибирь другою, нѣсколько чуждою или этнографически отличною страною и называютъ ее „Русью“: „мало-ли чего у васъ тамъ на Руси не по-нашему, лучше“, говорилъ одинъ туруханскій мѣщанинъ, по виду похожій на остяка, когда у насъ зашла рѣчь объ южной Сибири. Природные русскіе туруханцы до того чувствуютъ себя чуждыми прочимъ мѣстностямъ Сибири, что запуганные молвой объ упраздненіи города Туруханска и о переселеніи ихъ на югъ, они хотятъ лучше переселиться еще дальше на сѣверъ, на низъ Енисея, чѣмъ, напр., въ минусинскій край. Какъ остяки, которымъ мы совѣтовали переселиться куда-нибудь въ южныя края Сибири и заняться земледѣліемъ, наотрѣзъ отвѣчали намъ: „нѣтъ, душѣ неохотно, сердцу неугода“,—такъ и русскіе туруханскіе мѣщане на тотъ-же совѣтъ энергически возражали намъ: „мы неподходячи туда, намъ неохотно оставить свое мѣсто, гдѣ родились, да и не умѣемъ взяться за тамошнія работы“. Вообще, при всемъ, замѣтно отличающемъ ихъ добродушіи, простосердечіи и откровенной сообщи-

тельности, при ближайшемъ, простомъ и кроткомъ обращеніи съ ними, они обнаруживаютъ, однакожъ, подобно остякамъ и тунгузамъ, нѣкоторую недовѣрчивость, боязливость, скрытность и лукавство въ отношеніи новопріѣзжихъ „изъ Руси“; особенно на людей чиновныхъ они поглядываютъ диковато, какъ-бы изподлобья, отвѣчаютъ на вопросы какъ-будто нехотя, желая поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ. Далѣе, вслѣдствіе давнишняго смѣшенія и сожительства съ инородческими племенами, коренные русскіе туруханцы, естественно, унаслѣдовали, вмѣстѣ съ инородческою кровью, множество инородческихъ свойствъ и привычекъ. Образъ жизни ихъ во многомъ походитъ на образъ жизни туземныхъ остяковъ, самоѣдовъ, якутовъ.

Подобно остякамъ и другимъ туземнымъ инородцамъ, они любятъ ѣсть сырую рыбу, лѣтомъ, во время рыболовства, живутъ въ чумахъ отдѣльными семьями. Въ домашнемъ употребленіи у нихъ не мало тунгузскихъ и особенно остяцкихъ принадлежностей или издѣлій, въ родѣ „потакуя“—кожанаго саквояжа тунгузскаго, или въ родѣ „ытовъ“—берестяныхъ корзинокъ въ $1^1/_2$ четверти длины и въ четверть ширины, въ родѣ „унтіевъ“—берестяныхъ ведеръ для носки воды, или „бальтій“—изъ бересты согнутыхъ, круглыхъ и низенькихъ шкатулокъ для нитокъ, иголокъ и проч. Подобно бродячимъ инородцамъ, тунгузамъ и затундреннымъ самоѣдамъ или долганамъ, и русскіе поселенцы или посадскіе города Туруханска до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія предпочитали бродячій образъ жизни звѣропромышленника осѣдлой городской жизни. Многіе туруханскіе мѣщане „отходили“ на низъ Енисея, за тундру, для звѣроловства и, подобно тамошнимъ инородцамъ, жили разрозненно въ такъ-называемыхъ „отъѣзжихъ зимовьяхъ“, похожихъ на тунгузскія „голомы“. Въ началѣ нынѣшнаго столѣтія за тундрой было до 26 такихъ отъѣзжихъ зимовей. Вообще наклонность къ бродячему быту пересиливала въ туруханскихъ мѣщанахъ великорусскую народную наклонность къ городской, промышленной осѣдлости.

Въ умственномъ складѣ и понятіяхъ природныхъ русскихъ туруханскихъ жителей также много сходнаго съ примитивнымъ міросозерцаніемъ туземныхъ остяковъ, тунгузовъ, юраковъ и самоѣдовъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что природный здравый смыслъ у нихъ, вообще, развитъ достаточно, есть смѣтливость, находчивость въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ разсказахъ своихъ и бесѣдахъ съ нами они обнаруживали довольно смышлености, остроумія и наблюдательности.

Но при всемъ томъ и умъ ихъ замѣтно поддался вліянію туземныхъ азіятскихъ понятій. Въ низовьяхъ Енисея русскіе придерживаются даже нѣкоторыхъ инородческихъ суевѣрій: за образами, напримѣръ, на божницахъ держатъ „инородческихъ истуканчиковъ“ или божковъ и занимаются, вмѣстѣ съ туземными инородцами, шаманствомъ. Какъ тунгузы туруханскіе, проникнутые фанатическимъ страхомъ таинственныхъ силъ природы, поклоняются, напримѣръ, высокимъ горамъ и приносятъ въ жертву имъ бѣлку, соболя, горностая или лисицу, чтобъ эти высокія горы не задержали ихъ, такъ и русскіе туруханскіе казаки и промышленники нѣкогда со страхомъ проплывали мимо одной высокой горы на Нижней Тунгузкѣ, такъ-называемой „Цапаниной-Сопки“ и, боясь, чтобы какое-то горное чудовище— Цапанъ не задержалъ ихъ лодки, клали на берегу у горы нѣсколько соболей, бѣлокъ и проч.

Наконецъ, вслѣдствіе смѣшенія съ разными туземными племенами, русское населеніе Туруханскаго края пріобрѣло и нѣкоторыя лингвистическія особенности. Мѣстное, областное нарѣчіе его усвоило не мало варіяцій и отличій подъ вліяніемъ языковъ остяцкаго, тунгузскаго и проч. Въ Туруханскѣ нѣкоторые казаки и мѣщане умѣютъ говорить по-остяцки и по-тунгузски. А на низу Енисея и за тундрой русскіе почти вовсе не употребляютъ русскаго языка, а говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ — на якутскомъ, самоѣдскомъ и тунгузскомъ. Наконецъ, самый выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ туруханскихъ урожденцевъ отличаются, сколько мы замѣтили, почти тѣми-же особенностями, какъ и у остяковъ. Напримѣръ, подобно остякамъ, они вмѣсто буквъ *ч, ш, ж* и *р* выговариваютъ *с, з* и *л* или *рл* и т. п.; говорятъ: „поселъ осень больсой дозль, въ избѣ сыпко зарко, бѣдняски худо зивутъ, мѣрлой альсинъ и т. п.

Не менѣе русскіе подвергались инородческому вліянію и въ другихъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Западной Сибири, на границѣ киргизской степи, гдѣ казаки, мало того, что перешли мѣстами къ скотоводству, но заимствуютъ у киргизовъ одежду, обычаи и языкъ. Нравы эти проникли даже въ среду офицерскаго сословія. Иногда офицеры являются въ города совершенно окиргизившіеся. Крестьянство на Бухтармѣ и южной границѣ Сибири также усвоиваетъ азіятскую одежду и т. п. Подобную-же азіятскую окраску пріобрѣтаетъ, какъ говорятъ, и русское населеніе въ Туркестанской области. Что касается вліянія

русскихъ на инородцевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и это обратное вліяніе дѣйствовало довольно ощутительно. Такому обрусенію особенно подверглись буряты, которые при смѣшеніи съ русскими усвоиваютъ земледѣліе, начинаютъ жить осѣдло, принимаютъ русскій языкъ и вѣру. Точно также мы видимъ якутское населеніе, не только перешедшее къ русской культурѣ, языку, совершенно обрусѣвшее, но и сдѣлавшееся самымъ промышленнымъ и способнымъ населеніемъ Восточной Сибири. За то нѣкоторыя инородческія національности не только туго поддаются вліянію русской культуры, но рѣшительно подчиняютъ ее себѣ. Въ этомъ случаѣ мы видимъ, такъ-сказать, различную упругость и стойкость расъ, которыя замѣчены и во многихъ національностяхъ. Есть національности, которыя способны необыкновенно быстро перейти къ другой культурѣ, вѣрованіямъ, языку, какъ, напримѣръ, зыряне, вогулы, но есть и такія, которыя отстаиваютъ свою національность вѣками, какъ, напримѣръ, евреи. Точно также и въ средѣ азіятскихъ народностей любопытно сдѣлать подобную этнографическую классификацію. Рядомъ съ этимъ, многое въ жизни нашихъ инородцевъ зависитъ отъ ихъ объема, численности, плотности, въ какой они живутъ и соприкасаются съ русскимъ населеніемъ, отъ высоты ихъ культуры, свойствъ религіи и способности сливаться съ другими расами.

Склонность къ смѣшенію и слитію русскихъ въ Сибири обнаруживается, по нашимъ наблюденіямъ, наиболѣе и совершается легче съ финскими племенами и тюркскими, причемъ съ новокрещеными изъ язычества болѣе чѣмъ съ переходящими изъ магометанства, которыхъ число очень невелико. Скрещиваніе и полное смѣшеніе цѣлыхъ волостей, какъ и вырожденіе инородцевъ, замѣчается среди вогуловъ, алтайскихъ черновыхъ татаръ въ Кузнецкомъ, Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ, гдѣ находится совершенно выродившаяся кумышская инородная управа.

Помѣси съ киргизами, монголами, тунгузами и т. п. также попадаются, но составляютъ менѣе обычное явленіе.

Опредѣлить въ точности всѣ физіологическія, психическія, какъ и культурныя метаморфозы русскаго населенія, совершающіяся въ различныхъ мѣстностяхъ на нашемъ востокѣ, точно также, какъ и выяснить законы метисаціи, предстоитъ, безъ сомнѣнія, дальнѣйшимъ этнографическимъ изысканіямъ, но и собранныя уже нынѣ данныя даютъ нѣкоторый матеріалъ для нѣкоторыхъ соціологическихъ выводовъ. Первое, къ чему можно придти, — это къ тому, что если русскіе, въ силу своего расоваго и культурнаго превосходства, наконецъ, въ роли завоева-

телей, хотя и повліяли на инородцевъ поднятіемъ ихъ расы при помощи метисаціи, передачею имъ своей культуры, языка, нѣкоторымъ нравственнымъ и умственнымъ вліяніемъ, то въ то-же время не могли и сами перенести подобнаго вліянія безъ потери своихъ расовыхъ чертъ и безъ измѣненія въ своемъ типѣ, физіологическомъ складѣ, способностяхъ и даже бытовыхъ и культурныхъ чертахъ. Пониженіе и отступленіе это было временами въ такой степени сильно, что уподобило ихъ совершенно инородцамъ. Мы видимъ, что смѣшеніе, какъ и бытовое сожительство нашего населенія на востокѣ съ инородцами, отразилось не однимъ физіологическимъ измѣненіемъ, какъ слѣдствіемъ метисаціи, но и выразилось въ духовномъ и нравственномъ родствѣ съ азіятскими племенами, въ перемѣнѣ воззрѣній, нравовъ и образа жизни. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ общемъ русскіе переходятъ къ полигаміи, къ инородческимъ воззрѣніямъ на женщину; они воспринимаютъ фетишизмъ, антропоморфизмъ, шаманизмъ и идолопоклонство, усвояютъ предразсудки, примѣты и суевѣрія инородцевъ, измѣняютъ одежду, переходятъ къ образу жизни и промысламъ инородцевъ, наконецъ, забываютъ русскій языкъ и воспринимаютъ инородческій. Всѣ эти явленія одичанія нашего населенія уже теперь даютъ себя чувствовать. Постоянное заимствованіе отъ инородцевъ входитъ въ обычай вообще русскаго населенія за Ураломъ и вліяетъ на весь его складъ. Многое незамѣтно вошло въ нравы, иное смѣшалось съ предразсудками, съ миѳологіей и демонологіей русской, третье находится въ сыромъ видѣ и путается съ русскими обычаями, какъ часто полуазіятскій костюмъ съ русской рубахой. А это даетъ намъ поводъ заключить, что расовая устойчивость русскихъ на востокѣ далеко не такъ прочна, какъ предполагалось, что русскіе во многихъ случаяхъ склонны были скорѣе подчиняться инородцамъ, чѣмъ надъ ними господствовать, и что они болѣе заимствовали отъ инородцевъ, чѣмъ передали имъ. Все это наводитъ на вопросы: надо-ли считать наше слитіе и метисацію съ инородцами при настоящихъ условіяхъ выгодными для русской національности? Что будетъ, если на такихъ-же условіяхъ она будетъ продолжаться въ будущемъ? И каковы должны быть предприняты мѣры, чтобы избавиться отъ тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыя нынѣ обнаруживаются? Подобные вопросы имѣютъ тѣмъ болѣе жизненное значеніе въ нашей исторіи, что метисація съ инородцами на востокѣ далеко не представляетъ явленія отжившаго, законченнаго; она только еще начинается и дальнѣйшій процессъ ея развитія угрожаетъ въ буду-

щемъ охватить русское населеніе на всемъ востокѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ на востокѣ русское населеніе среди значительнаго количества инородцевъ, стоящаго передъ нимъ стѣной. Населеніе это еще нетронутое, сближеніе съ которымъ не проникло еще внутрь, всѣ эти народности вѣрны своему языку, національности и полудикому образу жизни. Болѣе развивающіяся сношенія, самое просвѣщеніе инородцевъ и обращеніе между русскими должно повести въ будущемъ непремѣнно къ усиленію метисаціи и взаимнаго вліянія. Взглянемъ-же на контингентъ русскихъ на востокѣ, который долженъ одержать верхъ въ своей національности.

По произведеннымъ нами изслѣдованіямъ въ западной части Сибири, русское населеніе находится въ слѣдующемъ отношеніи къ инородческому:

	Инородцевъ.	Русскихъ.
Въ Тобольской губерніи . .	74,220	1.121,259
„ Томской губерніи . . .	67,971	930,914
„ Акмолинской области . .	335,103	110,469
„ Семипалатинской области .	472,656	49,883

Такимъ образомъ отношеніе это въ различныхъ областяхъ и округахъ является далеко не равномѣрнымъ, такъ въ двухъ южныхъ областяхъ мы видимъ инородческое населеніе преобладающимъ. Точно также въ частностяхъ распредѣленіе по округамъ въ двухъ губерніяхъ показываетъ весьма различные проценты инородческаго населенія, какъ-то:

Въ округахъ:	
Березовскомъ	445,90%
Сургутскомъ	354,67%
Тобольскомъ	16,92%
Тюменскомъ	9,34%
Туринскомъ.	6,72%
Тарскомъ	7,06%
Ялутровскомъ	3,05%
Въ Томской губерніи, округахъ:	
Кузнецкомъ	16,48%
Бійскомъ	12,89%
Томскомъ	7,94%
Маріинскомъ	2,42%
Каинскомъ	1,83%
Барнаульскомъ.	0,56%

Изъ этого видно, что въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи инородцы превосходятъ русскихъ въ числѣ, въ южныхъ округахъ Томской губерніи они составляютъ видный процентъ. Точно то же мы видимъ на окраинахъ Енисейской и Иркутской губерній.

Въ Туруханскомъ краѣ, Минусинскомъ округѣ и Забайкальи число инородцевъ весьма значительно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ господствуетъ надъ русскимъ элементомъ. Это неравенство увеличивается все болѣе къ востоку въ Якутской области, на Амурѣ и въ Камчаткѣ. Наконецъ, въ Западной Сибири съ юга примыкаетъ еще огромный инородческій раіонъ — Туркестанъ. Поэтому, уступающее численности русскихъ, инородческое населеніе въ Сибири обновляется новыми силами съ нашими завоеваніями на востокѣ. Въ общемъ по этнографическому составу племенъ согласно счету, приводимому г. Венюковымъ, численность всѣхъ инородцевъ съ оренбургскими киргизами на нашемъ востокѣ равняется 4.515,736 д. Между тѣмъ русская національность можетъ считаться никоимъ образомъ не болѣе 4.800,000.

Перевѣсъ этотъ, при неравномѣрномъ распредѣленіи, нельзя не признать весьма слабымъ. Такое огромное число инородцевъ, воздѣйствующихъ на русскую національность и, такъ сказать, могущее ослабить ея расовыя и культурныя качества, невольно заставляетъ задуматься о томъ, насколько необходимо обезпечить ея отъ ослабленія и поглощенія постояннымъ обновленіемъ и подкрѣпленіемъ высшей расы путемъ колонизаціи.

Съ другой стороны, мы видимъ, что сближеніе и слитіе русскихъ съ инородцами является неизбѣжнымъ и неотразимымъ въ силу физіологическаго влеченія. Огражденіе искусственными мѣрами отъ этой метисаціи и затрудненія, дѣлаемыя ей, едва-ли приведутъ къ цѣли, да и едва-ли раціональны, такъ какъ мы должны стремиться не къ отчужденію отъ инородцевъ, а сближенію съ ними; культурное повышеніе ихъ для насъ будетъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ предоставленіе имъ полной замкнутости. При такомъ положеніи намъ остается разсмотрѣть только тѣ шансы, при которыхъ сближеніе это можетъ быть наиболѣе благопріятнымъ для русской расы, въ виду сохраненія ея высокихъ расовыхъ чертъ и способностей. Въ этомъ случаѣ важенъ перевѣсъ качественный, кромѣ количественнаго, въ русскомъ населеніи. Безъ сомнѣнія, сила сохраненія расовыхъ и національныхъ чертъ обусловливается высотою культуры, умственнымъ развитіемъ и тѣми средствами, которыми обладаетъ населеніе. Какими культурными и умственными средствами обладало русское

населеніе въ прежнее время — это легко себѣ представить, если мы припомнимъ, какими явились за Уралъ русскіе нѣсколько столѣтій назадъ, въ среду чуждыхъ народностей, и какъ низокъ былъ ихъ нравственно-умственный уровень.

Представителемъ нашей колонизаціи на востокѣ былъ русскій крестьянинъ. Онъ явился сюда безъ всякихъ знаній, безъ могущественныхъ научныхъ и техническихъ средствъ и силъ для борьбы съ природою, суровымъ климатомъ, физическими преградами. Населеніе за Ураломъ, сверхъ того, было изолировано, оно находилось безъ всякаго сообщенія десятки лѣтъ въ лѣсахъ и тундрахъ; оторвавшись отъ земледѣлія, оно было поставлено въ звѣроловческую среду и само переходило къ скотоводству, звѣроловству и рыболовству. Даже независимо отъ инородцевъ, оно, такимъ образомъ, отступало отъ культуры и дичало. Можно удивляться, какъ при такихъ ничтожныхъ средствахъ русскій народъ еще могъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, т.-е. проходилъ моря, степи и льды, проложилъ повсюду пути, основался и удержалъ огромную территорію, въ два раза бо̀льшую, чѣмъ занятая всѣмъ русскимъ народомъ. Положивъ основаніе повсюду будущей колонизаціи, онъ выполнилъ большую часть самой трудной работы и совершилъ половину исторической задачи. Едва-ли можно отказать ему въ героизмѣ, но трудно также и не понять, что подобная борьба не отразилась на утратѣ многихъ высшихъ, культурныхъ свойствъ и не сдѣлала это населеніе болѣе грубымъ и отсталымъ.

Какими слабыми культурными и умственными средствами обладаетъ русское населеніе среди инородцевъ до настоящаго времени — это видно изъ многихъ свидѣтельствъ путешественниковъ и ученыхъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ того-же географическаго журнала. О Нижнеколымскѣ сообщаетъ, напримѣръ, одинъ авторъ:

„Не только въ городѣ, но и во всемъ Нижнеколымскомъ краѣ замѣчается полное отсутствіе грамотности. Нѣтъ ни одной школы. Мѣстное начальство и священники относятся къ этому дѣлу съ полнымъ равнодушіемъ; до сихъ поръ они не сдѣлали ни одного шага къ образованію народа. Все занятіе дѣтей нижнеколымцевъ состоитъ въ томъ, чтобъ съ утра до вечера, въ буквальномъ смыслѣ, гонять собакъ; неприличную брань они употребляютъ на каждомъ шагу. Понятно, какіе плоды происходятъ отъ такого воспитанія и для нравственнаго, и для умственнаго развитія населенія; невѣжество и грубѣйшіе пороки — отличительная черта мѣстныхъ жителей. Почта получается три раза

въ годъ, читать положительно нечего; нѣтъ ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ". То-же сообщаетъ г. Кастренъ объ Обдорскомъ краѣ: „Въ Обдорскѣ не нашелъ я ни одной книги, кромѣ сибирскаго регламента, ни одной ежедневной газеты, кромѣ тѣхъ, какія дамы въ потемкахъ сочиняютъ, никакого собранія естественныхъ предметовъ и древностей, хотя для всего этого тамъ могли-бы быть значительныя собранія. Изъ числа христіанъ я не могъ найдти тамъ ни одного индивидуума, который былъ-бы занятъ инымъ интересомъ, чѣмъ тотъ, какъ бы получить безчеловѣчный процентъ. Другого ничего нельзя и ждать отъ людей, которые чужды утѣхъ и наслажденій цивилизованной жизни и у которыхъ одно только на умѣ — какъ бы хитростью и обманомъ притянуть къ себѣ трудомъ и потомъ пріобрѣтенное имущество простодушнаго и довѣрчиваго туземца. Такіе поступки, правда, дѣлаютъ ихъ счастливыми, но, вслѣдствіе этого, большая часть изъ этихъ искателей счастья стали нравственно портиться, погружаться въ звѣрскую грубость" (Извѣст. сиб. отдѣла).

Не лучше положеніе и Туруханскаго края, по описанію Третьякова и другихъ позднѣйшихъ посѣтителей. Но не однѣ глухія окраины и тундры находятся въ такихъ условіяхъ. Отсутствіемъ умственныхъ и просвѣтительныхъ средствъ отличаются вообще всѣ провинціи на востокѣ. Какъ самыя отдаленныя, онѣ были поставлены въ самыя худшія условія въ этомъ отношеніи; какъ на мѣстности отдаленныя, мы не обращали на нихъ вниманія. Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ просвѣщеніе менѣе развито. Чѣмъ, значитъ, ближе сталкивается русское населеніе съ инородческимъ, тѣмъ меньшими орудіями для борьбы оно снабжается. Въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ нѣтъ умственныхъ центровъ, нѣтъ ученыхъ обществъ, могущихъ развивать потребность къ знанію; единственное ученое общество — географическій отдѣлъ, страдаетъ такимъ недостаткомъ и умственныхъ, и матеріальныхъ средствъ, какъ свидѣтельствуютъ его отчеты, что не только не можетъ удовлетворить своимъ обширнымъ задачамъ науки на востокѣ, но едва поддерживаетъ свое существованіе. Точно также на отдаленномъ востокѣ мы не встрѣчаемъ и другихъ учрежденій, могущихъ поддерживать высшее образованіе, сдѣлать его представителемъ европейской цивилизаціи и содѣйствовать расовымъ преимуществамъ, помощью поднятія умственнаго уровня.

А при такихъ умственныхъ средствахъ едва-ли можно надѣяться на культурныя завоеванія и цивилизацію дикарей, окружающихъ насъ. При отсутствіи этихъ средствъ, наша передовая

колонна цивилизаціи, врѣзавшаяся среди инородцевъ за Ураломъ и идущая совершать завоеваніе, становится похожа на отрядъ піонеровъ, высланныхъ впередъ прочищать дорогу безъ кирокъ, топоровъ, лопатъ и другихъ инструментовъ.

Единственнымъ залогомъ и умственнаго, и соціальнаго преобладанія русскаго населенія должно быть его высшее культурное развитіе. „Чтобы выдержать борьбу, пишетъ одинъ изъ ученыхъ географическаго общества, — и въ то-же время исполнить культурную миссію относительно превосходящаго и поставленнаго въ лучшее положеніе инородческаго населенія, нужно имѣть достаточный запасъ существеннаго развитія, энергіи и вообще нравственной силы“ (Извѣст. сиб. отдѣла, 1871 г., №№ 4 и 5, стр. 51). „Прогрессъ будетъ еще большій, если вы дадите русскому населенію школу“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ путешественникъ. Чѣмъ болѣе играетъ роль физіологическое вырожденіе и пониженіе расы, тѣмъ болѣе должно быть гарантировано повышеніе культурное. Если просвѣщеніе и цивилизація составляютъ естественное право человѣчества, то здѣсь оно имѣетъ особое значеніе, какъ единственное спасеніе народности. Понятно, какія заботы и усилія необходимы здѣсь, чтобы поднять населеніе на высшую степень развитія и дать ему, такъ сказать, нравственный перевѣсъ. Надо помнить, что отъ умственныхъ и просвѣтительныхъ средствъ будетъ зависѣть и судьба нашего существованія на востокѣ.

ОБЛАСТНОЙ ТИПЪ

РУССКОЙ НАРОДНОСТИ НА ВОСТОКѢ.

II.

Народно-областной типъ и этническія условія его образованія.—Послѣдствія видоизмѣненій подъ вліяніемъ природы, климата, питанія и смѣшенія съ инородческимъ элементомъ.—Характеръ сибиряковъ.—Опредѣленіе его Екатериною II.—Физическій типъ, измѣненія въ языкѣ.—Умственный складъ и уровень способностей.—Измѣненія великороссійскаго характера.—Взглядъ на природу.—Преданія.—Суевѣрія.—Любознательность и стремленіе къ новизнѣ.—Индивидуализмъ.—Промышленный характеръ.—Сибирская крестьянская община.—Процессъ народнаго творчества въ условіяхъ новой жизни.

Колонизація Сибири есть фактъ далеко не завершившійся, а потому произнести надъ нимъ какой-нибудь рѣшительный приговоръ было-бы слишкомъ смѣло; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черты и особенности этой колонизаціи и теперь знакомятъ насъ съ тѣми явленіями, которыя уже сложились окончательно при данныхъ историческихъ условіяхъ. Мы хотѣли только выяснить въ нашей первой главѣ, что соприкосновеніе и метисація русскаго населенія съ инородческими племенами на громадныхъ пространствахъ Сибири сопровождались не только измѣненіемъ физіологическихъ и общественныхъ свойствъ пришлаго племени, но отчасти и совершеннымъ его поглощеніемъ. Русская колонія не только усвоивала физическій типъ и психическія особенности инородца, но даже воспринимала его культуру. Измѣненія эти не составляли отдѣльныхъ и случайныхъ фактовъ, но отразились на всей массѣ русскаго населенія на Востокѣ. Врѣзавшись въ среду инородческаго населенія, русскіе преимущественно объинородчивались по окраинамъ, и отъ окраинъ, въ большей или

меньшей степени, вліяніе это распространялось на всю массу населенія, такъ что инородческая кровь окрашивала русскую національность даже тамъ, гдѣ она не была въ непосредственномъ соприкосновеніи съ инородцами. Поэтому изъ русскаго населенія на Востокѣ долженъ былъ сформироваться новый типъ. На образованіе этого новаго этнографическаго типа, какъ въ физическомъ строеніи, такъ и въ нравственныхъ признакахъ, указываютъ послѣднія этнографическія изслѣдованія восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго Общества. „Обобщая всѣ, изложенные нами выше, факты физіологическаго смѣшенія въ Сибири славяно-русскаго племени съ разными сѣверо-азіятскими племенами, говорятъ „Извѣстія сибирскаго отдѣла Геогр. Общ.“,—мы приходимъ къ тому общему выводу, что, во-первыхъ, въ физическомъ типѣ своемъ сибирское русское населеніе, путемъ скрещиванія съ туземными азіятскими племенами, повидимому, стремится образовать нѣсколько *своеобразный народно-областной типъ*, нераздѣляющій въ одинаковой степени признаковъ родоначальныхъ расъ—славяно-русской и азіятско-инородческихъ. Общей, наиболѣе выдающейся въ настоящее время характеристической чертой ея физическаго типа, повидимому, представляется особенный преобладающій типъ, если можно такъ выразиться, брюнетическій, отпечатлѣвающій въ себѣ однородное, но въ то же время и замѣтно—своеобразное выраженіе помѣси славяно-русскаго племени съ смуглыми, черноволосыми сѣверно-азіятскими племенами. Конечно, всѣ эти отличительные признаки физической структуры русскаго сибирскаго населенія еще не выразились рѣзко, не установились въ строго-очерченный, всеобщій, однородный физическій типъ; въ очертаніяхъ его часто встрѣчаются бо̀льшія или меньшія реверсивныя уклоненія, варіяціи и вообще неустановившіяся черты. Это естественно и неизбѣжно среди, только-что начинающейся, разнородной помѣси народонаселенія, при сліяніи разнообразныхъ племенныхъ элементовъ. Но, не смотря на то, все-таки, повторяемъ, уже и въ настоящее время въ сибирскомъ населеніи, болѣе или менѣе, замѣтно стремленіе къ образованію, путемъ скрещиванія и мѣстныхъ физико-географическихъ и этнологическихъ условій, *однородной* и *нѣсколько своеобразной областной народности*“. Итакъ, вотъ одинъ изъ новыхъ фактовъ, подмѣченныхъ нашей этнографіей:—измѣненіе велико-русской народности на Востокѣ во всемъ ея составѣ. Конечно, это измѣненіе происходило не отъ одной метисаціи и воспринятія инородческой крови русскимъ племенемъ; оно также обусловливалось другимъ пришлымъ элементомъ, наконецъ, климатомъ и мно-

гими другими физическими вліяніями. Такія-же измѣненія, подъ вліяніемъ новой природы и ея особенностей, мы видимъ въ исторіи колонизаціоннаго движенія и у другихъ народовъ. Антропологія и этнографическая географія не мало приводятъ этому примѣровъ. Физическія условія имѣли вліяніе на вырожденіе европейцевъ въ Абиссиніи и Аравіи. Въ Австраліи признаки, свойственные англичанамъ, начинаютъ измѣняться съ перваго поколѣнія, какъ удостовѣряетъ Кунингамъ. Медики давно доказали это физическое видоизмѣненіе англо-саксонской расы, подъ вліяніемъ новой, чуждой ей среды.

Броссеръ, извѣстный своею наблюдательностью и обширнымъ изученіемъ, свидѣтельствуетъ о значительныхъ измѣненіяхъ типа англичанъ въ Америкѣ въ типъ янки. „Не особенно много времени нужно на то, говоритъ онъ,—чтобы установить значительную разницу между типомъ настоящаго англичанина и англичанина—переселенца въ Америку". Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи русскіе колонизаторы Сибири не могли составлять исключенія изъ общаго правила.

Сибирскій климатъ, сухой и континентальный, отразился на физической организаціи сибирскаго населенія. Сила этого вліянія хорошо доказана Дезоромъ. Вліяніе сухого континентальнаго климата отражается въ различныхъ видоизмѣненіяхъ анатомическаго и физіологическаго строенія, такъ въ дыхательныхъ органахъ, строеніи железъ, замѣченномъ слабомъ развитіи ихъ и т. п. Замѣчено, что сухой климатъ вліяетъ также на всю жизненную обстановку. Дома весьма быстро становятся годными для жизни послѣ постройки, вслѣдствіе быстраго высыханія; въ сибирскихъ жилищахъ нѣтъ сырости, не смотря на то, что здѣсь весьма часто моютъ полы и стѣны, хлѣбъ скоро дѣлается черствымъ, тысячи другихъ мелочныхъ обстоятельствъ не могутъ не составить особенность жизни. [1]).

Кромѣ чисто-географическихъ условій, на пришлую расу должны были воздѣйствовать и другія особенности колонизуемаго края, какъ напримѣръ, пища. Новѣйшія изслѣдованія ясно до-

---

[1]) Въ только что вышедшемъ Очеркѣ санитарнаго состоянія западной Сибири, составленной при Окружномъ Западно-Сибирскомъ Военно-Медицинскомъ управленіи 1880 г., подтверждается и констатируется фактъ сухости климата и рѣзкихъ термическихъ перемѣнъ; къ сожалѣнію, читатель не находитъ никакихъ указаній вліянія такого климата на физическую организацію человѣка Гораздо болѣе интересны статьи о климатѣ въ Томской губ: Вѣдомости 1875 г., также и наблюденія доктора Думберга объ алтайскомъ климатѣ. Въ общемъ вліяніе Сибирскаго климата подлежитъ еще изслѣдованію.

казали, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, особенно въ Охотскомъ и Гижигинскомъ краю, а также Амурской области, русское населеніе, подъ вліяніемъ мѣстной діэты или образа питанія, подвергается очевиднымъ измѣненіямъ въ самыхъ пищеварительныхъ органахъ. Къ такимъ измѣненіямъ надо отнести приспособленность желудка мѣстныхъ жителей къ очень медленному прохожденію экскрементовъ черезъ кишки, вслѣдствіе питанія рыбою и мясною пищею исключительно, чѣмъ питаются по преимуществу на Востокѣ. (Изслѣд. Шперка и „Извѣст. сиб. отдѣл.“, т. III, № 5, 1873 г., стр. 249).

По сдѣланнымъ доселѣ наблюденіямъ пища, которою питается сибирское населеніе и въ томъ числѣ крестьянство, состоитъ въ преобладаніи и разнообразіи мучныхъ блюдъ. Въ Сибири, въ хлѣбородныхъ полосахъ, питаются болѣе пшеничнымъ хлѣбомъ, который вытѣсняетъ ржаной, далѣе преженики, шаньги, пироги, аладьи составляютъ у многихъ ежедневную принадлежность пищи. Пироги всевозможныхъ родовъ—съ мясомъ и рыбой, иногда цѣльно запеченной, а также пельмени въ огромномъ количествѣ,—составляютъ любимыя кушанья сибиряковъ. Мясо, благодаря изобилію скотоводства, во многихъ мѣстахъ составляетъ видную часть питанія и доступно крестьянству. Во многихъ мѣстахъ Сибири создался обычай, при каждомъ удобномъ случаѣ, по нѣскольку разъ въ день находить предлогъ для ѣды; сибирскій чай сопровождается всегда „прикусками“, т.-е. пирогами и проч. У крестьянъ существуютъ завтраки, паужины, ужины и т. д. Чай вошелъ въ общее употребленіе среди всѣхъ сословій и употребляется въ большомъ размѣрѣ, какъ и вино. Все это, если и способствуетъ съ одной стороны хорошему питанію, дородству сельскаго населенія, съ другой стороны въ городской жизни и зажиточныхъ классахъ порождаетъ чрезмѣрное употребленіе яствъ и создало преобладаніе животно-питательныхъ наслажденій вмѣстѣ съ тяжеловатостью и медленностью психическихъ отправленій.

Всѣ эти разнообразныя вліянія новой природы, взятыя вмѣстѣ, не могли, конечно, не измѣнить нѣсколько физической организаціи типа и не придать психическихъ отличій „русско-сибирскому“ населенію. Подобное областное отличіе въ мѣстныхъ жителяхъ было замѣчено еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, и Императрица Екатерина II сдѣлала этнографическую характеристику русскаго населенія на Востокѣ: „какъ естественныя произведенія, растенія и животныя, такъ и люди въ Россіи и Сибири, говоритъ она,—не схожи ростомъ и лицомъ; сибиряки

смуглы, самые восточные изъ нихъ *похожи на китайцевъ* (на монголовъ); русскіе, напримѣръ, нижегородцы, не имѣютъ ничего общаго съ сибиряками. На берегахъ Волги жители рослы и стройны; бѣлокурыя ярославскія красавицы не имѣютъ никакого сходства съ сибирскими женщинами, особенно иноплеменными. Жители Ярославля, Архангельска, Вологды трудолюбивы и веселы, новгородцы слывутъ сутягами, галичане слывутъ простыми и прямодушными. Сибиряки умны, любознательны и предпріимчивы". (XVIII вѣкъ, М. 1869 г. кн. IV, стр. 440—442). Какъ бы ни была поверхностна эта характеристика, но она доказываетъ тотъ-же фактъ, что новообразующаяся сибирская народность—природная вѣтвь славяно-русскаго племени—вслѣдствіе колонизаціи подверглась уже значительному измѣненію своего родоначальнаго типа. Но, кромѣ измѣненій, такъ сказать, физіологическихъ и этнографическихъ, самыя бытовыя формы, занятія и нравы русскаго населенія должны были получить особый оттѣнокъ. Измѣненія эти произошли даже въ языкѣ, который, по замѣчанію г. Ровинскаго, представляетъ нѣкоторыя особенности въ новомъ областномъ говорѣ. „Сибирское нарѣчіе, конечно, произошло отъ сѣверно-русскаго, пишетъ г. Ровинскій,—но двухсотлѣтняя разъединенность съ коренною Россіею, совершенно иныя естественныя условія жизни и иныя условія историческія, вмѣстѣ съ разнообразными столкновеніями со множествомъ другихъ народностей, о которыхъ въ коренной Россіи не имѣютъ и понятія, дали ему развитіе вполнѣ оригинальное. Распространенность и устойчивость говора восточной Сибири, имѣющаго свою особую фонетику, много особенныхъ грамматическихъ формъ, отчасти особенное словообразованіе и своеобразный способъ выраженія, съ словаремъ болѣе чѣмъ въ 3,000 чисто-мѣстныхъ словъ, неизвѣстныхъ въ общемъ русскомъ языкѣ,—даютъ ему полное право занять мѣсто въ ряду съ остальными нарѣчіями Россіи". (Замѣчан. и словарь сибир. нарѣч.; Извѣст. сиб. отд., т. IV, 1873, стр. 21).

Ясно, что на Востокѣ слагается новый этнографическій типъ, съ которымъ насъ хорошо знакомятъ изслѣдованія г. Ровинскаго и статьи г. Щапова, напечатанныя въ „Извѣстіяхъ сибирскаго Отд. Геогр. Общества". Мы постараемся коснуться тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли эти почтенные изслѣдователи. Физіологическая помѣсь съ инородческимъ элементомъ, вліяніе новыхъ физическихъ и историческихъ условій, какъ мы сказали, не могли не отразиться и на психической природѣ русской народности. Она неизбѣжно должна была пріобрѣсти

новые инстинкты и новыя наклонности, а потому и развитіе способностей должно было принять новое направленіе; нѣтъ сомнѣнія, что это своеобразное развитіе въ будущемъ пріобрѣтетъ еще большее значеніе. Вотъ какіе приговоры и обобщенія, между прочимъ, сдѣланы о способностяхъ и оригинальныхъ психическихъ проявленіяхъ областного населенія Востока. Въ духовно-физической организаціи его прежде всего замѣчается больше, чѣмъ въ развитіи европейско-россійскаго народонаселенія, проявленіе разныхъ рѣзкихъ измѣненій и уклоненій физіологическихъ и патологическихъ, прогрессивныхъ и регрессивныхъ. Они обусловлены многими неблагопріятными обстоятельствами при первоначальномъ заселеніи страны и первыхъ столкновеніяхъ съ другими расами, а также невыгоднымъ естественнымъ подборомъ. На нихъ-то ученое изслѣдованіе и останавливаетъ свое главное вниманіе.

Путешественникъ, посѣтившій Сибирь, на каждомъ шагу поражается рѣзкими контрастами и хаотическимъ смѣшеніемъ всевозможныхъ противорѣчій и крайностей; онъ замѣчаетъ въ сибирскомъ населеніи, съ одной стороны, болѣе или менѣе замѣчательныя умственныя дарованія, съ другой—микроцефаловъ, кретиновъ, идіотовъ или вообще „дурачковъ“, какъ говорятъ въ Сибири, а также карликовъ съ недостаточнымъ нервно-мозговымъ развитіемъ. Такія крайности и видоизмѣненія то въ ту, то въ другую сторону очень понятны при помѣси различныхъ народностей, при внесеніи самыхъ разнообразныхъ элементовъ и признаковъ прародителей. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстны и нѣкоторыя мѣстныя патологическія проявленія уродствъ въ данной мѣстности, еще не объясненныя и, можетъ быть, находящіяся въ связи съ климатомъ и неблагопріятными физическими условіями. Къ такимъ явленіямъ относится, напримѣръ, въ верхоленскомъ округѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ восточной Сибири развитіе зобовъ и сопровождающаго ихъ кретинизма и идіотизма.

Зобатость начинаетъ проявляться вообще съ началомъ половой зрѣлости. Одна статья изъ мѣстныхъ свидѣтельствъ представляетъ намъ несчастное положеніе сибирской дѣвушки, тщательно скрывающей свое уродство передъ замужествомъ (газета „Сибирь“). Зобатость въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири стремится сдѣлаться наслѣдственною органическою особенностью всѣхъ жителей данной мѣстности. Докторъ Кашинъ, производившій изслѣдованія на Ленѣ, свидѣтельствуетъ, что зобъ распространяется и разносится даже по селеніямъ, гдѣ прежде его не было. „Мы убѣждены, пишетъ онъ,—что существующая здѣсь

эндемія зоба будетъ имѣть непремѣннымъ своимъ послѣдствіемъ перерожденіе туземнаго населенія и прогрессивное увеличеніе числа кретиновъ, если только не обратятъ вниманія на уничтоженіе вредныхъ мѣстныхъ условій“ [1]). Кромѣ зоба, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири замѣчаются и другія патологическія явленія, такъ, напримѣръ, „икота“, „порча“, составляющія какіе-то нервные припадки и господствующія между крестьянствомъ Западной Сибири. Юродивые и дурачки, выродившіеся идіоты, предвѣщатели и вѣдуны встрѣчаются въ каждомъ сибирскомъ городѣ.

Къ другимъ причинамъ мѣстнаго быта, вліяющимъ неблагопріятно на рожденіе и здоровье, развитіе населенія, относятъ наши этнографы разныя болѣзни, заносимыя пришлымъ населеніемъ. Въ этомъ отношеніи играетъ роль громадный приливъ ссыльнаго люда, приносящаго съ собой изъ русскихъ тюремъ и арестантскихъ и физическую хилость, и нравственную испорченность.

Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Щаповъ: „Намъ кажется, рожденіе уродовъ, идіотовъ, дураковъ и т. п. въ Сибири, въ значительной степени зависитъ отъ безпорядочности половаго подбора и неправильности половыхъ отношеній, обусловливаемыхъ преобладаніемъ ссыльныхъ преступниковъ, испорченной нравственности и съ разными физическими пороками, численнымъ неравенствомъ половъ въ Сибири, а также сильнымъ развитіемъ проституціи, соединенной съ безобразнымъ пьянствомъ“, и т. п. О неправильности половаго подбора, не рѣдко проявлявшагося и въ бракахъ, въ Сибири сложилась даже особая пословица: „Платье на грядкѣ, уродъ на рукѣ“. Къ числу постоянныхъ патологическихъ явленій, подтачивающихъ организмъ сибирскаго населенія, надо отнести и занесеніе сифилиса въ Сибирь партіями ссыльныхъ и амурскими штрафными солдатами и чрезвычайное распространеніе его между мѣстными жителями [2]). Въ Сибири, говорятъ очевидцы, есть деревни,

---

[1]) Въ Западной Сибири зобъ замѣченъ въ Алтаѣ въ Тигерецкомъ, Андреевскомъ поселкахъ и между жителями Риддерскаго рудника. Но онъ существуетъ также по р. Біи въ Енисейской волости, и зобатое населеніе находится на берегу Телецкаго озера, по Пыжѣ, — по р. Лебенью и въ Кузнецкихъ лѣсахъ.

[2]) Въ пересыльныхъ замкахъ и въ больницахъ находится, какъ показываютъ наблюденія, масса арестантовъ, зараженныхъ сифилисомъ. Ссыльные несутъ его въ Сибирь скрытнымъ и онъ, обыкновенно, развивается на дорогѣ. Точно также арестантскія партіи, какъ доказали изслѣдованія, разносятъ тифъ

сплошь зараженныя, цѣлыя инородческія племена, охвачены этой болѣзнью [1]). Понятно, что, въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, населеніе, предоставленное самому себѣ, безъ медицинскихъ средствъ, гдѣ въ цѣлые районы и округа не заглядывалъ ни одинъ докторъ, болѣзнь можетъ охватить населеніе и принять страшное развитіе, она можетъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе и никто ея не будетъ знать. При суровомъ, холодномъ климатѣ, при скудномъ питаніи рыбой, при лишеніяхъ, простудахъ, при той жизни, какою живутъ инородцы и крестьяне, болѣзнь эта быстро распространяется, осложняясь другими мѣстными недугами. Докторъ Соколовъ, при изслѣдованіи Березовскаго края и мѣстныхъ инородцевъ, находилъ, напримѣръ, такія осложненія скорбута, сифилиса, простуды и проч., что невозможно было уже отличить одно патологическое явленіе отъ другого и принять тѣ или другія медицинскія средства. Все это, нѣтъ сомнѣнія, должно подрывать въ самомъ корнѣ народное здоровье, отзываться какъ на физическомъ вырожденіи сибирскаго населенія, такъ и на пониженіи его умственнаго уровня. Но такія явленія мы считаемъ случайными и предотвратимыми, если бы на нихъ было обращено большее вниманіе.

Обративъ вниманіе на отрицательныя явленія, этнографія останавливается и на положительныхъ чертахъ русскаго областнаго населенія на Востокѣ. Въ физическомъ отношеніи оно довольно крѣпко сложено и здорово, хотя не всегда обладаетъ высокимъ ростомъ и толщиной. Сибирякъ „приземистъ и коренастъ“, какъ говорятъ о нихъ. Въ развитіи чувствъ и воспріимчивости впечатлѣній сибирякъ выработалъ, а отчасти и получилъ наслѣдственно отъ инородца многія изощренныя способности, какъ, напримѣръ, чуткость слуха и зоркость, примѣры которой мы привели въ первой главѣ. Этими особенностями сибирякъ обязанъ окружающимъ его громаднымъ тундрамъ, пустынямъ и лѣсамъ, гдѣ ему приходится встрѣчаться лицомъ къ лицу со всевозможными препятствіями и опасностями, наблюдать и замѣчать ихъ, охранять и защищать себя. Относительно даровитости и ума русскаго населенія факты свидѣтельствуютъ, что сибиряки не глупы. Изслѣдователи ссылаются уже на замѣчаніе

по Сибири и ими же въ 1871—72 г. была занесена холера. Очерки санитар. состояніе Западн. Сибири 1880 г. стр. 83—84.

[1]) О распространеніи сифилиса см. Санитарн. Список. Западн. Сибири изд. 1880 г. Омскъ стр. 85—86 и болѣзни господствующія въ Березовскомъ округѣ. Медико-топографическіе матерьялы Д-ра Соколова.

Екатерины, что сибиряки „вообще умны, любознательны и предпріимчивы“, и въ заключеніе приводятъ примѣры, что изъ сибирскаго населенія выходили болѣе или менѣе ученые и писатели, какъ Славцовъ, Батенковъ, Пассеки, Менделѣевъ, Чигуновъ, Корсакъ, Полевой, Бабровниковъ, Елисѣевъ, Потанинъ, Бонзаровъ, Велихановъ и проч. Не мало также на Востокѣ и даровитыхъ самородковъ, выходящихъ изъ среды народа.

Не отрицая даровитости сибирско-русскаго населенія, мы, однакожъ, должны замѣтить, что самая необходимость пріискивать доказательство въ пользу его, указываетъ на неособенно лестное мнѣніе до сихъ поръ вообще о народности. Доказательства эти похожи на тѣ, которыя обыкновенно приводятся въ пользу негровъ и женщинъ; для всякаго другого человѣческаго общества они должны были бы показаться нѣсколько обидными. Однако, приводимые примѣры въ пользу даровитости сибирско-русскаго населенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что пробужденіе и развитіе сибирскаго таланта совершалось до сихъ поръ только на другой почвѣ и въ другой соціальной средѣ. Пожалуй, сибирско-русское населеніе и даровито, но оно поставлено въ такія печальныя условія, что выдающаяся умственная сила, подавленная въ своей средѣ, должна была непремѣнно вырваться изъ нея и бѣжать изъ этого края. О психическихъ особенностяхъ сибирскаго населенія этнографы сообщаютъ слѣдующее: „Нельзя не замѣтить въ этомъ населеніи нѣкоторыхъ своеобразныхъ умственныхъ и нравственныхъ чертъ или особенностей, болѣе или менѣе замѣтно отличающихъ его какъ отъ психическаго настроенія великорусскаго или малороссійскаго народа, такъ и отъ умонастроенія сибирскихъ инородческихъ племенъ, съ которыми оно смѣшивалось и смѣшивается. Сравнивая, во-первыхъ, вообще мыслительную способность ссыльныхъ великорусскихъ и малорусскихъ поселенцевъ Сибири съ природными сибирскими — туземными сибирско-русскими — поколѣніями, можно замѣтить, правда, что русскій или, какъ говорятъ въ Сибири, „россійскій“ человѣкъ, преимущественно городской, болѣе развязанъ въ своихъ сужденіяхъ, чѣмъ сибирякъ. У него умственный кругозоръ большею частію шире, эмпирическія знанія разнообразнѣе, разсудочныя способности болѣе культированы и развиты, умственные взгляды и наблюденія шире и разностороннѣе, разсказы разнообразнѣе и живѣе, рѣчь обильнѣе, витіеватѣе и выразительнѣе съ большею примѣсью словъ книжнаго языка, хотя часто и своеобразно употребляемыхъ. Сибирякъ, наоборотъ, первобытнѣе. Умъ его менѣе развитъ и гибокъ. Логическіе пріемы его мышленія

менѣе развиты, ассоціаціи идей не такъ многосложны, какъ у великорусса,—какого-нибудь нижегородца или ярославца. Зато въ сибирскомъ русскомъ населеніи разсудокъ, кажется, гораздо болѣе преобладаетъ надъ чувствомъ, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ. „Холодно-разсудочная, практическая разсчетливость сибиряковъ или преобладающая наклонность къ реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляетъ въ нихъ почти всякое идеалистическое умонастроеніе...“ Оттого сибиряки менѣе мистичны и религіозны чѣмъ „россійскіе“ люди. Сибиряки въ большинствѣ случаевъ совершенно чужды мистицизма; они, такъ сказать, болѣе утилитаристы и матеріалисты, чѣмъ мистики и идеалисты“, заключаетъ этнографія свое изслѣдованіе. Итакъ, при всей неразвитости и некультированности ума, въ сибирякѣ замѣчаются признаки реалистическаго направленія мысли. Эта черта характера проявляется и въ языкѣ. Словцовъ подмѣтилъ, что сибирскій разговоръ лѣнивъ, *холоденъ*, *безъ легкомыслія*, не текучъ и малословенъ, *какъ бы съ числомъ и вѣсомъ*, къ сожалѣнію, темноватъ, по привычкѣ пропускать глаголы, оживляющіе мысль“. При разсудочности и практическомъ взглядѣ умонастроеніе сибиряковъ въ значительной степени отличается еще юмористическими наклонностями. Но эта способность не проявляется пока ни въ критикѣ, ни въ сатирѣ, а сохраняется только въ проявленіяхъ обыденной „просмѣшливости“ (пересмѣиваньи), выражающейся, по словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, нерѣдко въ простыхъ и грубыхъ формахъ. Слѣды мѣстнаго умонастроенія обнаруживаются также въ томъ, что сибирское населеніе на многія традиціонныя учрежденія или принципы и правила смотритъ гораздо свободнѣе и смѣлѣе, чѣмъ великорусскій народъ; оно руководствуется болѣе натуральными чувствами, потребностями и побужденіями. Такъ простонародье смотритъ весьма свободно, говоритъ Г. Щаповъ, въ Иркутскѣ и вообще въ Сибири, на „свободные“ или гражданскіе браки. Великорусскіе раскольники для объясненія этихъ браковъ усиливаются создать свое религіозное воззрѣніе, пишутъ объ этомъ церковныя догматическія сочиненія, а народъ въ Сибири руководствуется въ этомъ отношеніи непосредственными влеченіями чувства и страсти. Самый расколъ въ Сибири прививается скорѣе своими раціоналистическими сторонами. То же самое примѣняется по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ. Умъ великорусса отличается историко-традиціоннымъ воспитаніемъ, а умъ сибиряка характеризуется непосредственно-натуральной дрессировкой. „Въ умственномъ складѣ великорусскаго человѣка болѣе отразилось вліяніе, пишетъ г. Ща-

повъ,—продолжительнаго, историческаго, тысячелѣтняго опыта и отчасти вліяніе европейски-образованнаго класса. Въ умонастроеніи сибиряка болѣе отпечатлѣлось вліяніе дикой сибирской природы". Это умонастроеніе характеризуется забывчивостью всякой исторической традиціи, утратой поэзіи и отсутствіемъ всякаго идеальнаго чувства и поэтической мечтательности. Сибиряки, большей частію, говоритъ г. Щаповъ, забыли всю древне-русскую старину, всѣ эпическія сказанія или былины великорусскаго народа, даже большую часть великорусскихъ народныхъ вѣрованій или суевѣрій, примѣтъ и обрядовъ увеселительныхъ. Среди великорусскаго народа, даже въ сферѣ такой суровой непривѣтной природы, какъ природа олонецкаго края, гг. Рыбниковъ и Гильфердингъ находили множество „сказателей", любившихъ разсказывать старинныя былины русскаго народа, а въ Сибири едва ли есть гдѣ-нибудь такіе „сказатели". Наконецъ, самая пѣсня, не только малороссійская, но и великорусская, какая занесена была переселенцами съ Днѣпра, Волги или Сѣверной Двины и Камы, въ Сибири почти забыта или поется нѣсколько своеобразно, какъ-то уныло, монотонно, болѣе низкими нотами, съ меньшими варіяціями голоса, или даже нѣсколько похожа на пѣсни татаръ или бурятъ въ степи, или на „христорадную, милосердную пѣснь" арестантскихъ партій. „По сю пору мнѣ не удалось, не только у семейскихъ, пишетъ г. Ровинскій, — но вообще у сибиряковъ найти ни одной оригинальной пѣсни, кромѣ нѣсколькихъ сложенныхъ ссыльными. Всѣ ихъ пѣсни занесены изъ Россіи и содержаніемъ своимъ совершенно неподходящія къ нимъ; поэтому, при ихъ оригинальныхъ недостаткахъ, онѣ искажаются еще больше ихъ перенимателями и являются совершенно безсмысленнымъ наборомъ словъ". (Изв. сибир. отд. имп. геогр. общества, т. IV, № 3, Иркутскъ, 1873 г.). За то мѣстная этнографія замѣчаетъ, что въ сибирское населеніе, даже въ среду простолюдиновъ, проникло болѣе пѣсенъ изъ образованныхъ слоевъ. Здѣсь часто поются романсы, взятые изъ печатныхъ пѣсенниковъ.

Относительно взглядовъ сибиряка на природу одинъ изъ наблюдателей чрезвычайно мѣтко сдѣлалъ слѣдующее опредѣленіе: „достойно замѣчанія, что міросозерцаніе сибирскаго простаго народа въ сферахъ, не столь непосредственно связанныхъ съ практическою жизнью, взглядъ на природу и ея силы рѣзко отличаются отъ понятій народа европейской Россіи, какъ будто старинныя эпическія представленія, нѣкогда тамъ сложившіяся, улетучились изъ головъ переселенцевъ, во время ихъ пути въ Сибирь: коренной сибирякъ смотритъ на природу, какъ на мертвую массу,

не населяетъ ее лѣшими, русалками и даже никогда не задумывается, на чемъ земля стоитъ".

То-же повторилось и съ историческими преданіями. Сибирякъ не задумывается и не подозрѣваетъ своего кровнаго родства съ кореннымъ русскимъ человѣкомъ; напротивъ, онъ считаетъ себя русскимъ, а на русскаго поселенца смотритъ какъ на совершенно чуждаго ему человѣка и сомнѣвается въ его русской національности. Это забвеніе о своемъ происхожденіи приводитъ сибиряка къ забавному толкованію даже извѣстныхъ ему историческихъ фактовъ, касающихся жизни первоначальныхъ русскихъ колонизаторовъ: такъ въ отдаленныхъ мѣстахъ Восточной Сибири предполагаютъ, что Ермакъ, пришелецъ изъ Россіи, покорилъ прадѣдовъ, исконныхъ русскихъ обитателей Сибири, и привелъ ихъ на подданство царю, или что въ старину буряты дѣлали набѣги на русскихъ коренныхъ обитателей Сибири, чтобы выгнать ихъ изъ домовъ и овладѣть землей, всегда принадлежавшей русскимъ [1]). Сибирякъ забылъ не только вынесенную изъ Россіи, но и собственную исторію. Это отсутствіе историческихъ традицій объясняется постоянными приливами и смѣшеніемъ населенія, его разнородностью, какъ и отдаленностью отъ центра исторіи. Все это положило на сибиряка печать извѣстнаго индифферентизма. Въ исторіи послѣ Петра оно рѣдко принимало участіе въ общей судьбѣ государства, самыя событія сюда доносились смутно и нерѣдко вели къ недоразумѣніямъ, какъ, напримѣръ, внезапный бунтъ тарскихъ жителей, не признавшихъ акта о наслѣдіи Петра I. Народныя волненія, какъ пугачевскій бунтъ, едва коснувшись западныхъ частей, дошли до Сибири въ смутныхъ преданіяхъ и разсказахъ.

Войны, государственная жизнь не возбуждали здѣсь особаго патріотизма. Во время отечественной войны 1812 г. въ Иркутскѣ были построены тріумфальныя ворота, говоритъ преданіе, для пріема Наполеона; историческія торжества не возбуждали особеннаго воодушевленія. Недавно одинъ забайкальскій городъ отказывался чѣмъ-либо ознаменовать память Петра I, и если на восточной окраинѣ гдѣ-нибудь устраивались собранія и читались натянутые спичи въ память заслугъ Ломоносова, то это были демонстраціи только заѣзжаго образованнаго сословія, въ которыхъ сибирское населеніе играло пассивную роль. Пристрастія къ историческимъ лицамъ, къ историческимъ разсказамъ здѣсь не замѣчается. Память Ермака мы находимъ уважаемой только

[1]) Очеркъ сельской жизни въ Сибири. Разсказъ „Коршуновцы".

въ Тобольской губерніи, гдѣ преданіе болѣе уцѣлѣло. Въ другихъ мѣстахъ оно менѣе напоминается.

Это не то, что Малороссія и Украйна, столь богатыя своими воспоминаніями и такъ нѣжно лелѣющія ихъ. Русская общественная жизнь далека отъ сибиряка и только иногда доносится до него въ неясныхъ отголоскахъ. Вотъ почему путешественника сибирское населеніе поражаетъ своимъ безучастіемъ къ тому, что дѣлается за Ураломъ.

Кромѣ того, этнографическою чертою мѣстнаго населенія является нѣкоторая грубость и диковатость, какъ-бы общая съ инородцами. Диковатость эта, конечно, происходитъ и оттого, что населеніе восточныхъ окраинъ совершенно замкнуто въ своей полудикой сферѣ; оно живетъ вдали отъ центровъ просвѣщенія и цивилизаціи, въ своей захребетной и затаежной лѣсной глуши, среди некультированной сибирской природы, гдѣ нѣтъ почти никакихъ источниковъ для умственнаго развитія и интеллектуальныхъ интересовъ.

Но въ этой диковатости нельзя не замѣтить проблесковъ смѣлой любознательности и пытливаго ума. Вотъ отзывъ аббата Шаппа о сибирякахъ: „сибиряки дики и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытны“. Онъ приводитъ примѣръ, какъ въ одномъ домѣ при его появленіи „четыре или пять женщинъ мгновенно спрятались за какую-то занавѣску, но потомъ мало по малу онѣ *„приручились“*. Жители сначала дичились астрономическихъ опытовъ путешественника, а потомъ начали съ любопытствомъ смотрѣть на нихъ. Такъ принимаютъ всѣхъ путешественниковъ въ глухихъ мѣстахъ Сибири: жители сначала дивуются на нихъ, но потомъ выказываютъ самую живую любознательность и участіе къ нимъ. Но въ то время, когда нѣкоторые, какъ дикари, въ Сибири удивлялись термометру, сибирякъ же Невѣровъ, едва узнавъ употребленіе его, производитъ въ Якутскѣ 26 лѣтъ метеорологическія наблюденія, которымъ отдалъ честь даже Миддендорфъ. „Диковатость, соединенная съ любопытствомъ замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири“, прибавляетъ этнографическое свидѣтельство. Это дикарское любопытство, однако, быстро переходитъ и въ настоящую любознательность, въ быструю переимчивость. Черту эту такъ характеризовалъ одинъ иркутскій мѣщанинъ г. Щапову: „нашъ братъ сибирякъ, когда увидитъ въ первый разъ какую-либо машину, дивится, но потомъ любопытствуетъ узнать, въ чемъ въ ней сила, какъ она сдѣлана и какъ дѣйствуетъ. На первый взглядъ, прибавилъ мѣщанинъ, — конечно, оно диво—хитрая машина; но какъ разсмотришь въ ней всѣ

части, что къ чему придѣлано, что чѣмъ дѣйствуетъ, въ чемъ сила, такъ и самъ можешь сдѣлать такую машину, и диковинки тутъ не будетъ никакой". Въ сибирской жизни бѣдной впечатлѣніями, за неимѣніемъ предметовъ, могущихъ удовлетворять эту любознательность, она выражается склонностью ко всякимъ неожиданнымъ зрѣлищамъ и часто проявляется суетнымъ и легкомысленнымъ образомъ: ходятъ смотрѣть покойниковъ, выбѣгаютъ на улицу при всякомъ шумѣ и проч. Вѣроятно, театръ когда-нибудь будетъ имѣть огромный успѣхъ въ Сибири. Въ низшей средѣ народа этотъ инстинктъ любознательности проявляется массою самоучекъ и самородковъ, о которыхъ также упоминаетъ г. Щаповъ.

Диковатость и отчужденность сибирскаго населенія понемногу пропадаетъ, и нынѣ далеко уже не вездѣ чувствуется. Даже въ глухихъ мѣстахъ, путешественниковъ встрѣчаетъ живое и бойкое населеніе, поражающее своеобразностью. „Обитатели Баробы (степь Тобольской губерніи), пишетъ Гельмерсенъ, прекрасная и сильная раса, отчасти потомки ссыльныхъ, преумножающіеся новыми переселенцами. Они повидимому крѣпки, ловки, зажиточны. Ихъ обращеніе свободно и непринужденно, при этомъ они показываютъ чувство собственнаго достоинства и сознаніе силы. Они насъ съ перваго же раза убѣдили въ справедливости мнѣнія, что сибиряки Европейскую Россію и русскихъ принимаютъ за чужеземщину или иностранцевъ и говорятъ такъ, какъ мы о западно-европейскихъ странахъ.

Если сибирякъ русскому, который посѣщаетъ его гостепріимный домъ, говоритъ дружелюбно: Милостивый Государь, вы русскій (при этомъ онъ обыкновенно употребляетъ слова *россійскій*), то этимъ онъ не хочетъ сказать, что вы землякъ, а напротивъ хочетъ этимъ обозначить противоположность себѣ, какъ сибиряку". (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches von Baer und Helmersen. St.-Pet. 1848. Bänd. 14).

Нѣкоторая самоувѣренность, гордость и сознаніе особенностей своего областнаго типа и до сихъ поръ господствуетъ въ коренномъ сибирскомъ населеніи. Такъ всѣ старожилы новыхъ переселенцевъ называютъ „россійскими". Въ своихъ объѣздахъ по Сибири мы также почти не встрѣчали дикости и замкнутости населенія, напротивъ среди него всё чаще встрѣчаются черты общительности, развязности и извѣстной бывалости. Эти черты замѣчены нами даже на глухихъ трактахъ, гдѣ населеніе жило повидимому отчужденно. Такимъ образомъ въ мѣстномъ населеніи совершается извѣстная метаморфоза и оно дѣлаетъ извѣстные

успѣхи въ своемъ развитіи и міросозерцаніи. Это объясняется тѣмъ, что если съ одной стороны отдаленность, отсутствіе обмѣна, сосѣдства инородцевъ, жизнь въ лѣсахъ и отсутствіе культурныхъ вліяній и способствовали диковатости и грубости населенія, то съ другой стороны были и другія вліянія.

На почвѣ Сибири совершается постоянный притокъ новаго населенія переселенцевъ и ссыльныхъ, которые не могли не измѣнять нравовъ. При торговомъ движеніи, при промышленной жизни, обусловливавшей движенія, населеніе въ Сибири болѣе подвижно, болѣе имѣетъ случаевъ насмотрѣться на людей. Сибирь страна бывалыхъ людей. Сперанскій, столкнувшись съ сибирскимъ обществомъ, замѣтилъ, что это „страна Донкихотовъ", здѣсь можно встрѣтить людей бывавшихъ и въ Камчаткѣ и на Амурѣ. Сибирскій крестьянинъ исхаживалъ съ обозами отъ Иркутска до Москвы. Затѣмъ жизнь населенія не могла оставаться въ застоѣ. Сибирь пережила уже нѣсколько культуръ: звѣроловную, земледѣльческую, золотопромышленную и торговую. Мы наталкивались на типы крестьянъ въ глухихъ деревняхъ, гдѣ аттрибуты недавняго звѣроловческаго промысла висѣли рядомъ съ представителями позднѣйшихъ занятій. „Мы занимались ямщичиной и съ купцами водились, теперь торговлей лѣсомъ сами занимаемся", говорилъ крестьянинъ-земледѣлецъ, отецъ котораго былъ звѣроловъ-промышленникъ.

Надо замѣтить, что воспріимчивость сибирскаго населенія была живѣе и оно могло, благодаря свободной жизни и довольству, совершать легче прогрессъ въ матеріальномъ отношеніи и обстановкѣ жизни. Быстрое воспріятіе новыхъ культурныхъ чертъ, всякихъ нововведеній, какъ и усвоеніе новыхъ привычекъ, совершается поэтому необыкновенно быстро въ Сибири. Этимъ объясняются весьма быстрыя перемѣны въ образѣ жизни сибирскаго населенія, нескованнаго никакой традиціей. Всякая новизна, всякое культурное заимствованіе, разъ оно пришлось понутру и обольстило, жадно воспринимается и проходитъ въ массу. Живая непосредственная любознательность, какъ и любопытство дикаря, оказываютъ одинаковую услугу. Всякое культурное заимствованіе и обычай цивилизаціи въ Сибири разливается шире въ массѣ населенія и дѣлается общимъ достояніемъ.

Въ Сибири нѣтъ монополизирующаго за собою культурную жизнь сословія, и сибирскій крестьянинъ, какъ и средній классъ населенія, поэтому ведетъ себя непринужденно, и развязно. Сибирскій крестьянинъ чувствуетъ себя равноправнымъ, онъ смѣло входитъ въ комнату, подаетъ вамъ руку, садится съ вами за

столъ и, если вы его пригласите, совершенно непринужденно будетъ пить чай, ѣсть и свободно вести съ вами рѣчь. Это мѣняетъ обхожденіе съ простымъ народомъ самихъ пріѣзжихъ въ Сибирь. До извѣстной степени, при добрыхъ отношеніяхъ, такое общеніе практикуется между начальствующими и народомъ. Даже пріѣзжій кровный господинъ (seigneur) въ Сибири долженъ сдѣлать уступку купечеству, мѣщанину и крестьянину, если онъ захочетъ съ ними сблизиться, какъ бы это ни оправдывалось уступкой „обычаямъ дикарей“. Нѣтъ предмета роскоши и комфорта, нѣтъ вещи, которая бы составляла недоступный и запретный предметъ для сибирской массы. Всякій крестьянинъ сознаетъ, что онъ все можетъ пріобрѣсти, были бы средства. Поэтому сибирскому крестьянину доступны сюртукъ и картина, книги, счеты, стѣнныя жирандоли, гардины и зеркала, украшающія дома торговыхъ крестьянъ. Въ сибирской жизни торговое сословіе, золотопромышленники и первѣйшіе богачи постоянно выходятъ изъ крестьянскаго сословія и гордятся мужичьимъ происхожденіемъ. Бывшіе крѣпостные крестьяне, явившіеся въ Сибирь, дѣлались видными капиталистами, занимали почтенную роль въ обществѣ и только впослѣдствіи выкупались и получали вольную [1]). Сибирское чиновничество, постоянно зависимое въ матеріальномъ отношеніи и несоставляющее особаго класса, нерѣдко выходящее изъ тѣхъ же низшихъ слоевъ, имѣетъ общеніе только съ мѣщанами и купцами, уѣздное же съ сельской мужичьей аристократіей; поэтому сибирское общество, неотдѣляемое перегородками, составляетъ однородную массу, гдѣ жизнь и обмѣнъ ея свободенъ. Все это не можетъ не поднимать уровень жизни крестьянства.

Мода всецѣло господствуетъ въ Сибири и покоряетъ населеніе. Пиджаки, жилеты, фуражки составляютъ принадлежность костюма сельской молодежи. Сибирскій крестьянинъ никогда не зналъ лаптей и сапогъ для него постоянная обувь. У женщинъ сарафанъ составляетъ рабочій костюмъ, большинствомъ носится блуза и шерстяное платье, вязаные воротнички, чулки и ботинки. Такіе костюмы мы видѣли въ деревняхъ бійскаго округа у потомковъ новоселовъ или переселенцевъ, то-есть „лапотниковъ“, основавшихся въ Сибири не болѣе 50 лѣтъ. Мы не говоримъ о селахъ на пути золотыхъ пріисковъ, гдѣ крестьянинъ и рабочій бросаетъ деньги. Трудно представить себѣ, до чего достигаютъ

[1]) Братья Швецовы, бывшіе крѣпостные, получивъ университетское образованіе даже за границей, были промышленными дѣятелями въ Сибири.

исключительныя заимствованія и переимчивость. Иногда разбогатѣвшій крестьянинъ заводитъ себѣ богатые экипажи, дѣлаетъ балъ для чиновниковъ, выписываетъ вино. „Сибирское простонародье отличается увлеченіемъ ко всему новому въ своей одеждѣ и вообще въ домашней обстановкѣ, пишетъ Щаповъ. Даже въ деревняхъ можно видѣть шиньоны, кринолины, бурнусы съ стеклярусомъ, сюртуки, часы съ цѣпочками; въ домахъ зеркала, обои, диваны, хорошую мебель, цвѣты въ цвѣтникахъ и проч. Нѣтъ ни одного сибиряка, который бы, подобно великорусскому старовѣру, отворачивался, какъ отъ чертовщины, отъ папиросы, сигары, чаю или кофе и т. п.“

Мода и щегольство сибирскихъ простолюдиновъ у русскихъ крѣпостниковъ, пріѣзжавшихъ въ Сибирь на службу, вызывали даже жалобы на развращенность населенія. Одинъ киренскій исправникъ формальной бумагой жаловался на роскошь костюмовъ, такъ какъ въ одной деревнѣ на ярмаркѣ онъ видѣлъ на крестьянкахъ „драповыя кофточки послѣдней парижской моды въ 35—40 руб., башмаки рублей въ 8, *лакированныя галоши*“ и проч., и просилъ принять мѣры противъ пагубнаго разврата. Въ среднемъ классѣ подобная склонность къ модѣ выражается въ подражаніи великосвѣтской жизни. Сибирское торговое сословіе брѣетъ бороды и носитъ нѣмецкіе сюртуки. Европейскіе танцы не только проникли въ мѣщанскую, но и въ крестьянскую среду. Конечно, въ умственной сферѣ усвоеніе новаго уже менѣе имѣетъ простора и у сибиряковъ менѣе для этого пищи, но все-таки въ этомъ отношеніи сибиряки, пишетъ г. Щаповъ, повидимому, воспріимчивѣе и любознательнѣе, по крайней мѣрѣ, старовѣрческой массы великорусскаго народа. Менѣе услѣдимымъ является просачиваніе взглядовъ, идей, но тѣмъ не менѣе развитіе сибирскихъ простолюдиновъ не могло не поражать многихъ. Примѣромъ служатъ отзывы Флеровскаго о сибирскомъ крестьянинѣ.

Нѣтъ круга идей, въ которомъ бы онъ не оріентировался при помощи здраваго смысла. Многіе изъ низшаго класса усвоивали въ Сибири грамотность, развивали себя и пріобрѣтали начитанность. Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, по свидѣтельству путешественника Фалька, около Тобольска жили ямщики Черепановы, изъ которыхъ одинъ составилъ замѣчательную сибирскую хронику-лѣтопись, сдѣлавъ сводъ изъ многихъ историческихъ сочиненій, а братъ его занимался живописью. Многіе изъ подобныхъ зажиточныхъ крестьянъ имѣли библіотеки, интересовались наукой. Сибирскіе раскольники сносились съ отдаленнѣйшими своими собратьями.

Такимъ образомъ даже крестьянскій умъ работалъ надъ своимъ развитіемъ. Характеръ подобныхъ явленій, представляя оригинальную сторону сибирской жизни, долженъ былъ останавливать вниманіе путешественниковъ, сопоставляющихъ контрастъ косности и отупѣнія, въ которомъ пребывало и вырождалось до послѣдняго времени крѣпостное крестьянство Россіи. Эти метаморфозы населенія и различныя измѣненія его на сибирской почвѣ не могутъ не броситься въ глаза; они доказываютъ какъ способности къ умственному прогрессу вообще при условіяхъ свободы обмѣна, такъ и ту быстроту, съ которой можетъ идти культурное развитіе русскаго племени при благопріятныхъ условіяхъ.

Если въ Сибири существуютъ мѣста, гдѣ населеніе остается диковатымъ и отсталымъ, сохраняя слѣды замкнутой жизни, то всѣми ознакомившимися съ Зауральемъ признается нынѣ какъ фактъ, что вообще сибирское крестьянство по привычкамъ и развитію стоитъ выше своихъ собратій въ Европейской Россіи, жившихъ подъ другими условіями.

Прежняя жизнь въ лѣсахъ и пустыняхъ Сибири, какъ и борьба съ природою, если отражалась съ одной стороны отступленіемъ отъ культуры, одичаніемъ и огрубѣніемъ,—черты, которыя отмѣчены этнографами, то то же населеніе пріобрѣло извѣстную крѣпость, выработало сметку, находчивость, способности Робинзона, и стремленіе къ самопомощи. Жизнь среди природы воспитывала рѣшимость, отвагу, неустрашимость и дала въ силу опыта долю самоувѣренности, которыя отличаютъ сибирскаго охотника. Типъ этого охотника и звѣролова, отличающагося замѣчательными качествами, неустрашимостью и ловкостью, признаны и засвидѣтельствованы извѣстнымъ сибирскимъ знатокомъ охотничьихъ нравовъ Черкасовымъ, сдѣлавшимъ многочисленныя наблюденія въ сибирской тайгѣ [1]). Онъ не могъ не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ качествамъ сибирскаго звѣровщика при самыхъ убогихъ его средствахъ и оружіи. Этотъ охотникъ, зная обычаи разныхъ звѣрей, обладаетъ неустрашимостью въ борьбѣ съ медвѣдемъ, быстротою въ бѣгѣ за оленемъ и сохатымъ, находчивостью при скитаньяхъ въ лѣсахъ. Мы сами видѣли типы горныхъ охотниковъ и крестьянъ въ Алтаѣ, которые не могли не поразить насъ своимъ богатырскимъ сложеніемъ, умѣньемъ ориентироваться въ лѣсу, и замѣчательно мѣткой стрѣльбою изъ своихъ винтовокъ. Образцомъ неустрашимости и отваги является гор-

[1]) Записки сибирскаго охотника, Черкасова.

ное населеніе бѣглыхъ русскихъ крестьянъ, извѣстныхъ подъ именемъ каменьщиковъ [1]).

Къ числу качествъ, воспитанныхъ въ новой странѣ русскимъ населеніемъ, точно также принадлежитъ предпріимчивость. Непочатыя богатства края, увлеченіе звѣроловствомъ, соболеваніе, бѣлкованье, открытіе рудъ и пріисковъ, впослѣдствіи торговля и промысловыя предпріятія, благодаря свободѣ пользоваться промыслами, развили этотъ духъ предпріимчивости. У первыхъ піонеровъ онъ питался завоеваніями и походами,—всѣ сибиряки въ это время были землепроходцами. Затѣмъ этотъ духъ проявлялся въ исканіи богатствъ по пустынямъ. До половины прошлаго столѣтія русское населеніе находилось еще въ движеніи и постоянно кочевало. Впослѣдствіи, тотъ же духъ предпріимчивости воскресъ во времена золотопромышленности. Сибирь въ это время кишѣла открывателями, героями и выдвинула многія имена, присвоивъ имъ титулъ „Наполеоновъ тайги". Такъ называли извѣстнаго открывателя золота Мошарова. Этотъ духъ предпріимчивости выражался среди крестьянства въ колонизаціонныхъ попыткахъ самаго отважнаго свойства, въ занятіи мѣстъ на границахъ и за границами Китая, точно также въ нѣкоторыхъ смѣлыхъ морскихъ предпріятіяхъ, торговлѣ на островахъ, проложеніяхъ путей въ степяхъ, хожденіи съ караванами и т. д. Къ сожалѣнію предпріимчивость торговаго и промышленнаго населенія часто руководилась жадностью къ наживѣ, что деморализировало, развращало населеніе, точно также какъ жизнь въ лѣсахъ и охота не могли не создать рядомъ съ твердостью характера нѣкоторой загрубѣлости, безчувственности. Звѣроловъ впослѣдствіи легко охотился на инородца и на ссыльнаго, фактъ этого „паляничанья" и охота на „горбуновъ [2])" составлялъ темную сторону старинной Сибири. Жажда наживы повела отъ открытія богатствъ къ взаимному хищничеству. Таковы были обратные результаты выработанныхъ свойствъ, которые при другихъ условіяхъ культурнаго развитія могли бы проявиться болѣе блестяще и плодотворно.

Намъ остается еще указать на одну черту мѣстнаго характера, точно также отмѣчаемую путешественниками и этнографами. Этою чертою, отличающею русское населеніе на Востокѣ, признаютъ „наклонность къ простору, волѣ и равенству". Дѣйстви-

---

[1]) Каменьщики описаны Принтцемъ, Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. т. I с. 567—582; Томскія Губ. Вѣдомости 1858 г., также отзывы Щапова.

[2]) „Охота на горбуновъ" есть преслѣдованіе бѣглыхъ и бродягъ въ Сибири.

тельно, нельзя отрицать, что жизнь колоніи, при извѣстномъ просторѣ, при вольнонародной колонизаціи, свободѣ въ отысканіи промысловъ и, главное, отсутствіи въ Сибири крѣпостного права, не могла не наложить на населеніе своего отпечатка. Сибирское населеніе съ виду является поэтому менѣе забитымъ, подавленнымъ, болѣе независимымъ. Этого нельзя не видѣть даже въ нисшихъ классахъ. Но съ другой стороны, по наблюденію тѣхъ же изслѣдователей и этнографовъ, были и другія вліянія, которыя далеко не способствовали воспитанію независимости характера. Находились наблюдатели, которые, разбирая психическія свойства сибирскаго населенія, говорили, что оно не менѣе низкопоклонно, раболѣпно, угодливо передъ высшими, какъ грубо и дерзко съ равными и посторонними.

Административный произволъ воеводъ и чиновниковъ долженъ былъ дѣйствовать на мѣстное населеніе подавляющимъ образомъ, говорятъ эти изслѣдователи. Нигдѣ чиновникъ не пользуется такой властью, какъ въ Сибири, располагая имуществомъ и состояніемъ людей; нигдѣ не существуетъ менѣе обезпеченія и гарантій для личности. Законности въ Сибири почти не существовало. „Вѣковой административный гнетъ до Сперанскаго стоилъ крѣпостнаго права“. Поэтому запуганное общество и личность далеко не могли сохранить здѣсь независимости и воспитать чувства человѣческаго достоинства; въ доказательство приводятъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ заискиваній, угощеній, униженія, какъ въ Сибири, а потому выставляются лесть, хитрость, лукавство и скрытность сибиряковъ. Итакъ, съ одной стороны штрихами сибирскаго характера рисовалось грубость и дерзость, лукавство и униженіе,—свойства раба. Но съ другой,—они далеко не могутъ быть единственной характеристикой сибирской жизни, складывавшейся не совсѣмъ благопріятно. Сибирь много терпѣла отъ административнаго и воеводскаго произвола; но онъ все-таки не могъ подавить всей жизни и самое давленіе на личность было другого характера, чѣмъ крѣпостной феодальный гнетъ. Сибирскій крестьянинъ о гнетѣ въ экономической сферѣ, въ смыслѣ ограниченія пользованія благами природы, не имѣетъ даже понятія. Когда сибирскому крестьянину разсказываютъ о крѣпостномъ правѣ, о стѣсненіяхъ въ землѣ, онъ не вѣритъ и почти не можетъ составить представленія о жизни въ этихъ условіяхъ. Свобода пользованія различными благами укоренила въ немъ извѣстное міросозерцаніе о присущемъ ему неотъемлемомъ правѣ на жизнь и распоряженіе извѣстными благами. Административный произволъ разнился отъ крѣпостного права тѣмъ, что въ убѣжденіяхъ народной массы

онъ не входилъ какъ сознаніе его неизбѣжности, необходимости и законности. Напротивъ, это административное распоряженіе судьбою личности разсматривалось во-первыхъ, какъ явленіе, отъ котораго можно защититься, откупиться, спрятаться, наконецъ, противъ котораго можно протестовать, бороться. Все населеніе убѣждено было въ незаконности такихъ порядковъ и искало средствъ защиты противъ нихъ. Во-вторыхъ, сибирское населеніе не постоянно жило подъ давленіемъ чиновнаго произвола, но временами у него были просвѣты. Историки, подобно Щапову, придававшіе огромное значеніе сибирскому чиновному произволу, упускали изъ виду многія другія соціальныя явленія въ исторіи Сибири, гдѣ проявлялась борьба и извѣстная самодѣятельность народнаго духа. Въ первое время, избѣгая гнета крѣпостного и воеводскаго, русскій человѣкъ спѣшилъ бѣжать въ Сибирь, ища здѣсь „своей воли“. При свободѣ колонизаціи, въ началѣ этотъ духъ успѣлъ все-таки немного отдохнуть и внѣдриться. Когда явился воеводскій произволъ и казенная регламентація, населеніе отчасти продолжало отодвигаться на окраины, искать на нихъ убѣжища старой свободѣ, кромѣ того оно проявило жизненную борьбу противъ самовластія. Весьма крупнымъ фактомъ, выросшимъ на сибирской почвѣ, явилась борьба городовъ и городского начала противъ административнаго. Эти черты борьбы можно видѣть въ эпоху начала XIX стол., когда городскія общества достаточно созрѣли и сплотились, чтобы показать свою силу. Трескинъ и Пестель употребили всѣ усилія, какъ видно изъ исторіи этого времени, чтобы подавить независимость и оппозицію этого городскаго начала. Щаповъ, разбирая исторію этого времени въ своемъ очеркѣ „Исторія Сибирскаго Общества въ XIX стол.“ (Записк. Сиб. Отдѣла), находилъ въ этомъ только борьбу возникающей буржуазіи, и богатыхъ классовъ, сочувствуя подавленію ея административной властью Трескина, но это воззрѣніе едва ли исторически правильно. Когда буржуазія соблюдала свои выгоды, она шла въ союзѣ съ произволомъ и въ стачкѣ съ нимъ. Но когда произволъ переходилъ всякія границы, городское начало стремилось отражать общій протестъ массъ, принципъ извѣстной независимости, общественной безопасности, требованіе гарантій личности и имущества, принципъ дорогой и необходимый для жизни каждаго отдѣльнаго члена, независимо отъ привилегій и сословности. Этотъ характеръ дѣятельности не разъ проявлялся въ сибирскихъ городскихъ обществахъ и лежитъ доселѣ въ сословіяхъ сибирскаго населенія. Точно также сибирское населеніе

заявляло себя попытками исканія законности и справедливости. Сибирь была страною челобитчиковъ, истцовъ, и даже прославлена за страну „ябедниковъ". Доносъ на злоупотребленіе и челобитье были обыкновенными формами протеста, хотя эта борьба не дешево обходилась,—она стоила многихъ жертвъ мѣстному населенію [1]). Но тѣмъ не менѣе исканіе правосудія, законности, правды волновало сибирское общество и проявлялось при каждой ревизіи; оно получило еще бóльшую силу и увѣренность со времени, когда нѣкоторые администраторы, подобно Сперанскому, становились на сторону интересовъ населенія. Это сопоставленіе высшей правды мѣстному произволу и до сихъ поръ живуче въ массѣ населенія. Доказательствомъ служатъ весьма частые жалобы и протесты, слышащіеся изъ Сибири на мѣстныя неурядицы. Такимъ образомъ въ исторіи и жизни сибирскаго населенія можно найти не мало и другихъ чертъ, указывающихъ на извѣстную живучесть народнаго духа. Конечно, всевозможныя испытанія, произволъ, царствовавшій въ странѣ отдаленной, единственный способъ защиты — подкупъ, не могли не деморализировать мѣстнаго характера,—отсюда замѣчаемыя въ немъ свойства раболѣпія и заискиванія. Но эти психическія черты, имѣя свое оправданіе въ тяжкой жизни, далеко не принадлежатъ всѣмъ слоямъ народа въ одинаковой степени.

Приводимые въ примѣръ сибирскаго раболѣпія обѣды, угощенія и подкупы властей, получившіе, въ послѣднее время, замаскированный видъ пожертвованій съ благотворительными цѣлями, практикуются правда и доселѣ въ Сибири, но они касаются извѣстныхъ классовъ торговцевъ, монополистовъ, кулаковъ и міроѣдовъ, всегда находящихся въ дружбѣ съ исправниками и составляющихъ комплотъ противъ остального населенія. Что касается массы народа, то ей не всегда подъ-силу эти угощенія и заискиванія, она лишена матеріальной возможности къ этому, а потому ей суждено не столько заискивать и угощать, сколько молча выносить и терпѣть. Слабому естественно лукавить, а угнетенному скрывать горечь въ душѣ своей. Печать сибирскаго молчанія, какъ и замкнутость населенія въ себѣ точно также, при подобныхъ условіяхъ, являются весьма понятными. Это плодъ историческаго раздумья. Вотъ тѣ объясненія, которыя могутъ быть приведены для освѣщенія указанныхъ свойствъ мѣстнаго населенія.

---

[1]) Напомнимъ исторію Иркутскихъ ссылокъ и гоненій при Пестелѣ и Трескинѣ, а также и при послѣдующихъ администраторахъ.

Къ другимъ чертамъ, характеризующимъ населеніе восточныхъ окраинъ и отмѣченнымъ изслѣдованіями, относится индивидуалистическій промышленный духъ мѣстнаго населенія, стремленіе къ наживѣ и преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ общественными. Развитіе этихъ своекорыстныхъ, узкихъ и эгоистическихъ мотивовъ среди сибиряковъ ярко отмѣчено и развито историкомъ Щаповымъ и безпощадно бичуется имъ [1]). „Русское населеніе, развивая въ себѣ умственную и нравственную смѣлость, предпріимчивость и стремленіе къ обзаведенію, къ устройству, наконецъ, наткнувшись на богатства новой страны, быстро усвоило инстинкты хищности. Умъ сибиряка всецѣло поглощенъ матеріальной наживой, его увлекаютъ только текущіе практическіе цѣли и интересы. Этотъ холодный разсчетъ и корыстныя страсти подавили въ населеніи всякое идеальное настроеніе и даже общественность". „У сибиряка нѣтъ того, такъ-сказать, соціалогическаго умонастроенія, пишетъ г. Щаповъ, — нѣтъ тѣхъ общинно-устроительныхъ идеаловъ и стремленій, какими отличается великорусскій народъ, по крайней мѣрѣ, въ раскольничьемъ старообрядческомъ самоустройствѣ, въ родѣ общиннаго самоустройства секты „общихъ" или духоборцевъ за Кавказомъ. Оттого къ сибирскому населенію не прививаются никакіе общественные идеи и уставы. Какъ у простого народа въ Сибири нѣтъ ни религіознаго, ни метафизическаго идеала, такъ и у самого общества не существуетъ стремленія къ идеалу общественному. Сама общественность мало развита на Востокѣ; это общество по преимуществу индивидуалистическое; такимъ его воспитала бродячая жизнь и разрозненность въ лѣсахъ и степяхъ, нажива и утрата прежнихъ соціальныхъ связей въ новой странѣ".

Въ доказательство этого индивидуалистическаго направленія приводится весьма много примѣровъ изъ современной жизни Сибири и ея склада. У сибирскаго общества нѣтъ другихъ цѣлей кромѣ своекорыстныхъ и пріобрѣтательныхъ, говорятъ изслѣдователи. Это арена вѣчной борьбы и погони за богатствомъ. Деньги и нажива деморализировали сибиряка прежде, чѣмъ онъ получилъ развитіе и составилъ себѣ понятіе о другихъ цѣляхъ жизни. Типъ сибирскаго кулака и сибирскаго монополиста „чумазаго", нажившаго милльонъ, грубаго, невѣжественнаго, чваннаго своими связями съ мѣстными взяточниками, питающаго убѣжденіе, что нѣтъ ничего въ мірѣ что бы онъ не могъ ку-

[1]) Статья г. Щапова „Объ отсутствіи высшихъ чувствъ у Сибиряковъ" была помѣщена когда-то въ „Отеч. Записк.".

пить и подкупить, производитъ отвратительное впечатлѣніе на новаго человѣка. Типъ этотъ грубый и безсердечный недоступенъ человѣческимъ чувствамъ, справедливости и упоренъ въ своей косности. Такіе чумазые кулаки побывали даже въ Европѣ и Америкѣ, пріобрѣтали тамъ внѣшній лоскъ, но оставались неизмѣнными эксплуататорами и кабалителями какого-нибудь дальняго Забайкальскаго края, угнетателями на пріискахъ, тиранами и мошенниками родной страны. Эти выродки, производя отталкивающее впечатлѣніе, клали позоръ на все сибирское населеніе. За грѣхи и преступленья этихъ людей нынѣ цѣлая народность заклеймена безпощаднымъ приговоромъ. Едва-ли однако по этимъ выродкамъ мѣстной среды должно заключать о цѣломъ населеніи. Индивидуалистическій и промышленный духъ долженъ разсматриваться въ общей жизни населенія, но не въ однѣхъ частностяхъ.

Можно обвинять населеніе въ увлеченіяхъ, односторонности; можно сознавать его паденіе, но едва-ли можно отрицать въ немъ обыкновенныя свойства человѣческой природы и способность къ возрожденію лучшихъ человѣческихъ чувствъ. Нѣтъ извращеннаго существа, нѣтъ падшаго человѣка, на днѣ души котораго не нашлось бы истинныхъ чувствъ и проявленій инстинктовъ добра. Иначе, нѣтъ души, гдѣ не было бы Бога. Тѣмъ менѣе можно отвергать задатки жизни, возможность пробужденія лучшихъ стремленій и высшихъ чувствъ въ цѣломъ обществѣ, хотя это было-бы отчужденное, забытое, горемычное общество, подобное обществу сибирскому.

Указывая различныя проявленія жизни на Востокѣ и послѣдствія индивидуалистическаго промышленнаго духа, изслѣдователи и наблюдатели отмѣтили давно весьма крупное явленіе современной жизни въ Сибири: это необыкновенное развитіе промышленнаго и торговаго класса, и стремленіе его къ монополіи и преобладанію, точно также какъ развитіе міроѣдства, кулачества и кабалы въ крестьянскомъ населеніи.

Сибирская деревня представляетъ два типа — разжившихся кулаковъ и находящихся въ зависимости у нихъ и въ долгу бѣдныхъ крестьянъ [1]). Погоня за наживой, промышленный духъ, пробуждающійся среди крестьянъ, давленіе богатыхъ

[1]) Рабочій классъ въ Сибири еще въ XVIII столѣтіи, по словамъ Радищева, состоялъ изъ покручниковъ и обязанъ былъ долгами. Вліяніе на сельскую массу современныхъ міроѣдовъ весьма рельефно изображено въ этнографическихъ очеркахъ Н. И. Наумова „Сила солому ломитъ“ и въ „Тихомъ Омутѣ“.

и разрозненность силъ бѣдняковъ вызываетъ нынѣ серьёзныя опасенія. Съ точки зрѣнія изслѣдователей почему-то составилось убѣжденіе, что явленіе кулачества, міроѣдства и кабалы свойственно исключительно Сибири и вызывается особенностью мѣстнаго характера жителей, за что сибирское общество и подверглось такимъ ожесточеннымъ обличеніямъ и филиппикамъ, какія отразились въ статьяхъ Щапова по поводу отсутствія высшихъ чувствъ у сибиряковъ.

Едва-ли здѣсь можно однако все сваливать на одинъ характеръ и испорченность сибирскаго населенія, какъ на качества врожденныя и неизмѣнныя. Причины общественныхъ явленій должны быть изслѣдованы глубже. Посвятивъ отдѣльное изслѣдованіе исторіи кабалы и монополіи въ Сибири, мы должны замѣтить, что это явленіе было вызвано торговой зависимостью и особенностями, гдѣ населеніе въ разсыпную кинулось въ борьбу, стремясь пріобрѣтать и накоплять. Это явленіе возникло, благодаря той свободѣ и простору, которые представляла Сибирь для пріобрѣтенія матеріальныхъ благъ, какъ и одинаковой возможности всего населенія преслѣдовать ихъ достиженіе. Словомъ, то, что въ другихъ мѣстахъ выпадало на долю исключительныхъ привилегированныхъ классовъ, то въ Сибири разлилось въ массѣ. Явленіе это обязано новой странѣ и демократическому складу общества, гдѣ большее число лицъ пустилось въ погоню за наживой. Что кабала и монополія нашла себѣ болѣе простора, болѣе почвы и благопріятныхъ условій для развитія въ Сибири, зависѣло не отъ характера общества, а отъ его беззащитности и отсутствія гарантій противъ эксплуатаціи. Міроѣдъ, кулакъ и промышленникъ въ Сибири нашелъ союзъ съ царствовавшимъ здѣсь беззаконіемъ и выразилъ гнетъ рѣзче и безцеремоннѣе. Сибирскій кулакъ „Колупаевъ“ и „Разуваевъ“ (по Щедрину) дѣйствовалъ въ союзѣ съ взяточникомъ-чиновникомъ и находилъ въ немъ поддержку, защиту и средство для давленія на массу населенія.

Промышленный духъ и неправильное распредѣленіе богатствъ въ колоніяхъ и новыхъ земляхъ выражается рѣзче, чѣмъ гдѣлибо. Американское общество также обвиняется въ этомъ промышленномъ духѣ и индивидуалистическомъ характерѣ, что однакожъ не мѣшало его гражданскому процвѣтанію. Этотъ индивидуалистическій духъ, погоня за пріобрѣтеніемъ, борьба, неправильный захватъ, кулачество и міроѣдство выступаетъ нынѣ въ массѣ одинаково и въ жизни Россіи. Сибирь испытала его только ранѣе.

Развитіе индивидуальныхъ страстей и промышленный характеръ слѣдуетъ за періодомъ опеки и феодализма, когда жизнь массъ имѣла болѣе экономическаго равенства, но въ то же время была болѣе подавлена. Таково было положеніе феодальной Европы и крѣпостныхъ массъ въ Россіи; въ Сибири, свободное населеніе вступило ранѣе въ періодъ индивидуальной погони за пріобрѣтеніемъ. Этотъ періодъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не выступятъ у народовъ вновь соціальные общественные интересы и не образуется утерянныя связь и солидарность. Прежняя крѣпостная крестьянская община въ Сибири потеряла свою связь, но тѣмъ не менѣе въ своемъ развитіи жизнь массъ стала выше. Опытъ индивидуалистической жизни, пережитый въ новой странѣ, однако не могъ не выразиться, какъ всегда, весьма дурными послѣдствіями и явленіями, результаты которыхъ хорошо сознаются. Нельзя сказать также, чтобы это воспитаніе индивидуальной жизни прошло безплодно. Оно закалило мѣстный характеръ, пріучило къ труду, самостоятельности и самодѣятельности. Такому обществу предвидится впереди не разложеніе, а развитіе. Недостатки современнаго склада сибирскаго общества съ его разрозненностью, съ его своекорыстными пріобрѣтательными мотивами, съ господствомъ промышленнаго класса монополистовъ, кулаковъ, міроѣдовъ и кабалою бѣднаго населенія хорошо чувствуются мѣстнымъ населеніемъ, сознается и образованными людьми края. Путешественники не первые открыватели этого явленія. Вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы создать противовѣсъ этому вліянію и возвратить общество къ нормальнымъ путямъ человѣческаго развитія. Русское населеніе въ новой странѣ, если временно стало на почву хищничества, взаимной борьбы и утеряло свою солидарность, то ему незаказаны пути въ будущемъ снова сомкнуться. Русская поземельная крестьянская община не разлагается за Ураломъ, какъ думаютъ, а только слагается.

Что касается вообще обвиненій сибирской крестьянской общины въ стремленіи къ индивидуализму, то мы должны отложить свой приговоръ до окончательнаго изслѣдованія характера этой общины. Сибирская земледѣльческая община доселѣ не имѣла еще своего изслѣдователя. Покойный Щаповъ сдѣлалъ опытъ изслѣдованія жизни верхоленской крестьянской общины, но здѣсь этотъ обличитель сибирскаго индивидуализма нашелъ одинаково черты, доказывающія сплоченность общинъ и замѣчательную способность къ веденію общественныхъ дѣлъ. Другой весьма наблюдательный изслѣдователь, авторъ замѣчательныхъ по глубинѣ мысли и бо-

гатству данныхъ о сибирской общинѣ статей [1]), не отрицая въ ней индивидуалистическихъ чертъ, характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ. „Мнѣ кажется, что она имѣетъ особенности довольно оригинальныя, пишетъ онъ. И эти особенности произошли отъ ея историческаго происхожденія. Сибирскую общину нельзя сравнивать ни съ древней русской общиной—новгородской, ростовской, рязанской и проч. земель, ни съ болѣе новой, производной, такъ сказать, сѣверной общиной въ землѣ Двинской, въ Вятской и Пермской областяхъ. Первая древняя община у славянъ (т.-е. новгородцевъ), древлянъ, радимичей и проч. была вервью, волостью, погостомъ, была, однимъ словомъ, территоріальной общиной. Она распалась на деревенскія общины уже позднѣе, въ неизвѣстный періодъ времени, можетъ быть, въ XII или XIII вѣкахъ и въ силу политическихъ и финансовыхъ причинъ. Община сѣверная, въ Двинской, Вятской, Пермской земляхъ была, вѣроятно, сразу деревенской. Но произошла она путемъ выселенія вольницы. Эта вольница, иногда однодеревенская, иногда разнодеревенская, шла *артельно,* занимала небольшое артельное мѣсто на Двинѣ, по Камѣ широкой, по хребтамъ, въ лѣсу, и занятую мѣстность разрубила, разметывала, дѣлила по разметамъ, по жеребью. Естественно, что такая община, происшедшая изъ артели, сохраняя основной принципъ личной силы, какъ мѣры завладѣнія, тѣмъ не менѣе имѣла сильную альтруистическую закваску, была сильна чувствами симпатіи и солидарности. Совсѣмъ не то сибирская община. Территоріальной родовой она никогда не была, какъ община древнерусская. Не была основана она и артелями вольницы. Она была и осталась тѣмъ, чѣмъ представляли себѣ славянофилы русскую общину — *продуктомъ семьи.* Фактъ происхожденія однородовыхъ общинъ въ Сибири отъ разросшейся семьи былъ замѣченъ почти всѣми изслѣдователями Сибири — Щаповымъ, Равинскимъ [2]), но фактъ происхожденія разносоставныхъ общинъ еще подлежитъ изслѣдованію.

Другой авторъ объ общинномъ землевладѣніи Сибири (Сибирь, 1877 г., №№ 20 и 21) подтверждаетъ такое историческое происхожденіе сибирскихъ общинъ. Земли было много. Каждый крестьянинъ бралъ себѣ добровольно столько земли,

[1]) Община, ея принципъ и ея возможное будущее. Сибирь, 1877 г., №№ 43, 44, 45 и 46.

[2]) Мы видѣли общину крещеныхъ и обрусѣвшихъ инородцевъ, разросшуюся изъ 10 семей въ 1,500 душъ нынѣ съ 7 деревнями, подтверждающую семейное начало общинъ.

сколько хотѣлъ и могъ обработать за платимый имъ оброкъ. Поэтому каждый смотрѣлъ на взятый имъ участокъ, какъ на наслѣдственный; по мѣрѣ распложенія семьи участокъ росъ и превращался въ селеніе. Отсюда въ Сибири многія деревни населены сплошь однофамильцами. Точно также къ основанной заимкѣ, которая представляетъ форму совершенно частнаго хозяйства, приселяются другія лица и образуется цѣлая община, въ которую входитъ и первоначальный хозяинъ мѣста. Земля *вольная* и *земская* до тѣхъ поръ, пока ея много. Какъ скоро пашни начинаютъ сближаться, и переселенцы или многосемейные захотятъ расширить хозяйство — сейчасъ обнаруживаются права общины и являются на сцену условія *общиннаго владѣнія*, пишетъ авторъ. Міръ дѣлитъ ближайшія пашни и луга; въ Сибири и нынѣ уже въ большинствѣ передѣляютъ покосы и т. д.

„Такимъ образомъ, прибавляетъ изслѣдователь, общинное землевладѣніе въ Сибири, не будучи приведено въ форму какого-либо положенія, является началомъ живымъ, развивающимся сообразно нуждамъ и условіямъ самой общины“. Разъ мы признаемъ, какъ фактъ и допустимъ развитіе этого общиннаго инстинкта въ сибирской общинѣ и постепеннаго его развитія, вмѣстѣ съ формированіемъ общины, мы должны признать, что она съумѣетъ, при помощи того же народнаго инстинкта, уберечь себя отъ разложенія. Будущее историческое развитіе этой общины и лучшее сознаніе своихъ интересовъ, конечно, гарантируетъ ее отъ преобладанія въ ней своекорыстныхъ стремленій отдѣльныхъ личностей.

Могущество монополистовъ и міроѣдовъ въ Сибири не можетъ быть долговѣчно и далеко не покоится на прочномъ и непреложномъ промышленномъ фундаментѣ. Сибирскія беззаконія и старыя формы суда его поддерживаютъ, но новыя условія административной и гражданской жизни, конечно, положатъ извѣстный предѣлъ незаконной наживѣ и обману. Историкъ Щаповъ, раскрывая печальное направленіе, господствующее въ сибирскомъ обществѣ, указываетъ прежде всего спасеніе въ гуманитарномъ воспитаніи. Другой изслѣдователь говоритъ: Примѣръ Сѣверной Америки и Сибири доказываетъ, что одно богатство не можетъ создать настоящее человѣческое общество, его нужно цементировать учрежденіями, которыя бы воспитали въ немъ человѣчность“. „Страшно за общество, продолжаетъ тотъ-же мыслитель, въ которомъ маклаковщина хочетъ обратиться въ народную теорію, хочетъ залечь основаніемъ жизни“.

Несомнѣнно, въ силу этой сознаваемой односторонности раз-

витія и для сибирскаго населенія, не смотря на господствующій индивидуальный характеръ наживы, такъ-же найдется выходъ. Этотъ выходъ найдется въ тѣхъ-же общечеловѣческихъ духовныхъ качествахъ, которыя присущи всякому обществу.

Въ этомъ отношеніи надежды возлагаются на ту-же общину, утратившую свою связь и солидарность только на первыхъ порахъ, при завоеваніи пустыни. Вотъ эти надежды, высказываемыя стороною, не питающею столь мрачнаго взгляда на будущее сибирскаго общества.

Община можетъ не только выполнить экономическую роль, но и создать самую здоровую интеллигенцію края и образовать народный капиталъ въ странѣ. Для этого необходимо призвать ее вновь къ жизни, которая въ ней замерла отъ бюрократической зависимости и недостатка коллективнаго духа. Современная сибирская община имѣетъ олигархическій характеръ; она состоитъ изъ богатыхъ крестьянъ, міроѣдовъ и бѣдныхъ, находящихся въ экономической зависимости отъ первыхъ; здѣсь, какъ и въ старой Сибири, задатки подъ будущій трудъ ставятъ рабочихъ въ кабалу; богатые мужики уплачиваютъ за бѣдныхъ подати въ видѣ задатка на разныя работы. Эти люди составляютъ почти особое сословіе въ общинѣ. Сословіе это вызвано какъ существующей неудовлетворительной системой сбора податей, обращающей богатаго крестьянина въ поруки или даже въ сборщика податей, и безденежьемъ въ странѣ, производимымъ неправильнымъ балансомъ торговли Сибири и торговой зависимостью. Обращеніе общины въ чисто-фискальный органъ по податнымъ дѣламъ сопровождалось лишеніемъ ея всѣхъ другихъ функцій — суда и самоуправленія. Волостное „согласіе“, — такъ называется сходка въ Сибири, — обратилось въ одну пустую форму; волостные писаря, которые должны-бы подчиняться и отвѣчать передъ выборными чинами, превратились въ крестьянское начальство; такое положеніе дѣлъ тѣмъ хуже, что писаря не отвѣтственны за свои злоупотребленія; отвѣчаютъ безграмотные и часто неповинные выборные чины; отъ этого злоупотребленія остаются безнаказанными, и выборное начало не приноситъ никакой пользы.

Улучшеніе положенія общины — самая первая потребность сибирскаго края. Къ сожалѣнію, она до сихъ поръ задвигалась другими стремленіями. Улучшивъ ея положеніе, на нее можно возложить отправленіе тѣхъ трехъ функцій, для которыхъ теперь придумываются новые органы.

Такъ община можетъ замѣнить проектируемыхъ землевладѣльцевъ въ скопленіи богатства и образованіи народнаго капи-

тала. Если у современной общины богатство плыветъ изъ рукъ, то это еще не свидѣтельствуетъ, что у нея не будетъ желанія и способностей удержать его въ своихъ рукахъ, когда будутъ измѣнены мертвящія ее условія. Освобожденная отъ нихъ община не уступитъ землевладѣльцамъ въ стремленіи къ скопленію богатства, да притомъ и стимулъ этого стремленія будетъ нравственнѣе, чѣмъ конкурренція, основанная на борьбѣ; мѣсто этой зависти займетъ здѣсь заботливость объ общемъ добрѣ. Что это чувство присуще крестьянской общинѣ, можно видѣть на томъ, какъ крестьяне строятъ свои церкви, какъ они сколачиваются на иконостасъ, на колоколъ и съ какимъ наслажденіемъ слышатъ, какъ первый ударъ колокола разнесется на далекое пространство отъ деревни, какъ потомъ крестьяне любятъ показывать свою церковь и передавать исторію ея постройки. А любовь крестьянъ къ своимъ полямъ? Абсентеистъ-землевладѣлецъ неспособенъ такъ любить свои поля, потому что безъ насилія нравственности не можетъ смотрѣть съ чувствомъ самодовольства на поля, обработанныя батракомъ.—Развѣ эта любовь крестьянъ не можетъ быть перенесена съ полей и церкви на школы, на общественныя машины и проч. Только этимъ путемъ можетъ земледѣліе быть улучшено и можетъ образоваться капиталъ въ странѣ безъ тѣхъ пожертвованій, какія сопряжены съ землевладѣльческой культурой. Община одна способна водворить въ Сибири раціональное хозяйство. Что-же касается до нареканій общины въ застоѣ, которымъ отличалась ея жизнь до настоящаго времени, то справедливы-ли эти нареканія? Можно ли отъ общины, въ теченіи трехъ-сотъ лѣтъ безжалостно эксплуатируемой на всѣ лады, требовать того-же, что можно требовать отъ новаго немногочисленнаго класса людей, выдѣленнаго изъ населенія и освобожденнаго отъ подобной эксплуатаціи?

Наконецъ, третья роль общины заключается въ охранѣ себя отъ монополистовъ; и эта функція можетъ найдти опору въ чувствѣ самоохраненія, которое очень сильно въ общинахъ; протекціонный характеръ всегда отличалъ общину съ самыхъ древнихъ временъ; община относилась недовѣрчиво къ каждому иноземцу, каждая община имѣла своего торговца, которому только и довѣряла; это и до сихъ поръ сохранилось въ такихъ захолустьяхъ, какъ Сибирь; до какой степени сильно это чувство самосохраненія въ общинахъ, можно видѣть на старѣйшей и значительнѣйшей русской общинѣ, извѣстной подъ названіемъ уральскаго войска. Правда, эта старая отчужденность и протек-

ціонизмъ разгораживали общины высокими стѣнами, дѣлали ихъ безучастными другъ къ другу; въ то время, какъ одну общину судили, пытали и садили на колъ, другая уськала и тюкала: „коловичи, коловичи! коломъ въ дворянство жаловали"!—сознаніе солидарности интересовъ являлось только во время общаго несчастья. Но противъ этого узкаго консерватизма, ведущаго къ неподвижности, есть средство — коалиція общинъ, при помощи которой онѣ сознаютъ единство интересовъ и въ обыкновенное спокойное время.

Изученіе жизни сибирской крестьянской общины, по нашему мнѣнію, должно привлечь, по преимуществу, пытливость и силы молодого поколѣнія въ Сибири. Въ настоящее время мы относительно ея въ совершенномъ невѣжествѣ, мы вовсе не знаемъ ея историческаго значенія; между тѣмъ, если-бы мы познакомились съ ней ближе, мы увидѣли-бы, что прожитая сибирской общиной жизнь имѣетъ большее историческое значеніе [1]).

Сибирское крестьянство находится въ вѣчной блокадѣ отъ штрафного бродяжескаго населенія: до 20,000 бродягъ находятся въ постоянномъ движеніи по Сибири; они грабятъ, воруютъ и обманываютъ сибирскаго мужика, „панкрутятъ", какъ сами они выражаются; занимаются разнообразнѣйшими видами шарлатанства, эксплуатируя страсть крестьянина къ наживѣ и къ фальшивымъ деньгамъ, и его суевѣріе, развращаютъ, насилуютъ и уводятъ ихъ женъ; сифилисъ, развратъ и отсутствіе добросовѣстности въ промышленности невозможно искоренить въ Сибири, пока будетъ существовать штрафная колонизація. И эта картина, вѣроятно, была прежде вдесятеро сильнѣе, и была бы и теперь сильнѣе, если-бы крестьянская община не выказала удивительной способности къ самозащитѣ и любви къ честному и тяжелому труду. Земская полиція въ Сибири была безсильна и незамѣтна; чиновники терпѣли и игнорировали существованіе этого зла въ странѣ.

И вотъ, крестьянская община приняла миссію дисциплинированія многочисленнаго бродяжескаго контингента на себя; мѣры, которыя она употребила, были круты; но не другія мѣры принимала и сама администрація, когда только являлось у ней желаніе сократить зло, хотя въ ея рукахъ и были возможны другія, болѣе гуманныя средства, тогда какъ въ рукахъ крестьянской общины грубая самозащита было единственное средство

---

[1]) Въ 1879 году при западно-сибирскомъ отдѣлѣ Географ. Общ. издана программа изслѣдованія сибирской общины.

избавленія; поэтому винить ее за жестокость было-бы несправедливо. Такимъ образомъ въ крестьянствѣ выработалась система отношеній къ бродяжеству, которая отличается единствомъ на всемъ пространствѣ отъ Нерчинска до Иртыша. Крестьянство создало обычное право, создало разныя обязательства, стѣсняющія бродягъ и служащія предупредительной мѣрой противъ катастрофъ, и имѣло въ себѣ физическую силу постоянно поддерживать въ бродягахъ уваженіе къ этимъ обязательствамъ. [1])

Не менѣе интересна и другая миссія, принятая на себя сибирской крестьянской общиной, это ассимиляція новоселовъ. Откуда-бы ни были новоселы, они подвергаются отъ туземщины безпрерывной критикѣ и ироніи, сопровождаемымъ и положительными совѣтами, какъ поступать на сибирской почвѣ, какъ пахать землю, какія сдѣлать уступки ея дѣвственности, насколько и когда быть благосклонными къ бродягамъ, и когда жестокими, наконецъ, даже совѣтами, какъ говорить, не возбуждая смѣха. Подъ гнетомъ этихъ насмѣшекъ и совѣтовъ, подтверждаемыхъ собственнымъ опытомъ, новые колонисты быстро уступаютъ мѣстнымъ обычаямъ, и не далѣе какъ слѣдующее-же поколѣніе считаетъ уже себя коренными сибиряками и на новоселовъ смотритъ съ ироніей.

Этихъ однихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какое историческое значеніе имѣетъ крестьянская община для Сибири.

Несмотря на то, что при своемъ переселеніи на зауральскую почву община должна была выдерживать столько разрушительныхъ вліяній, что могла придти къ разложенію и потерять свой кооперативный духъ, несмотря на тягость фискально-монопольной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ ея, не оставлявшихъ ей никакихъ сбереженій, она все-таки составляетъ въ странѣ почтенный трудолюбивый элементъ, въ которомъ лежатъ прочные задатки будущей гражданской жизни. Первоначальный просторъ для дѣятельности частнаго лица въ Сибири былъ такъ великъ, что не было никакого повода къ ограниченію дѣятельности одного лица обществомъ; конкурренція и эксплуатація человѣка человѣкомъ пользовались такой свободой, какъ въ странѣ съ сильнымъ индивидуалистическимъ характеромъ. Перешедши черезъ Уралъ, русская община, подобно леднику, переваливающему черезъ скалу, разбилась на куски, но потомъ пластическая сила начинаетъ склеивать разрозненные обломки. Съ уплот-

---

[1]) „Русская Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“ Н. Ядринцева, изд. 1872 г. „Бродячее населеніе Сибири“.

неніемъ населенія община начинаетъ создавать въ Сибири тѣ формы пользованія источниками богатства, которыя присущи ей были на западной сторонѣ Урала, подобно тому, какъ зерно, брошенное на новую почву, постепенно начинаетъ развивать свои первичныя формы.

Для полнаго возрожденія сибирская община нуждается въ реформахъ, въ уступкѣ ей самоуправленія въ хозяйственныхъ дѣлахъ и въ улучшеніи ея гражданскихъ отношеній; этимъ былъ-бы ускоренъ ея прогрессъ. Только въ свободномъ теченіи жизни общины и въ возбужденіи общинной энергіи и самодѣятельности заключается залогъ преуспѣянія мѣстнаго сибирскаго населенія.

При благопріятныхъ условіяхъ и равновѣсіи общественныхъ силъ, будущность мѣстнаго населенія можетъ измѣниться и далеко не оправдаетъ тѣхъ мрачныхъ предсказаній, которыя дѣлаются, на основаніи прошлаго. Характеръ формируется подъ вліяніемъ условій жизни и достаточно того, чтобы они измѣнились, какъ измѣнится и складъ характера.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ современномъ характерѣ сибирскаго населенія совокупляются разнородныя черты, наложенныя жизнью, природою и историческимъ складомъ. Съ одной стороны диковатость, слѣдъ инородческаго вліянія, отступленіе отъ культурныхъ привычекъ, холодная разсудочность, несогрѣваемая чувствомъ, часто огрубѣлость среди лѣсной жизни, отсутствіе идеальныхъ стремленій, преобладаніе индивидуалистическихъ интересовъ надъ общественными и развитіе промышленныхъ и своекорыстныхъ мотивовъ. Съ другой стороны, у этого населенія нельзя отнять ума, любознательности, энергіи, практичности, умѣнья оріентироваться, находчивости, воспитанной жизнью, предпріимчивости, извѣстнаго закала характера, самобытности, самостоятельности и способности къ самодѣятельности. Эти таланты, воспитанные тяжкими уроками колонизаціонной дѣятельности, застыли въ своихъ грубыхъ первоначальныхъ формахъ, ихъ не коснулась еще прогрессивная сила знанія, ихъ не развивали историческія обстоятельства, ихъ не осмыслила и не возбудила ни одна соціальная и гражданская идея, не вызвалъ къ жизни ни одинъ преобразовательный умъ. Но нельзя сказать, что совершенствованіе природныхъ способностей здѣсь останется всегда недоступно. Несмотря на диковатость и низкій уровень развитія мы видимъ, что населеніе на востокѣ значительно измѣняется къ лучшему и обнаруживаетъ быстроту воспріятія, способность къ новизнѣ и къ прогрессу болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Кромѣ неблагопріятныхъ условій, мы видимъ рядомъ особенности, въ которыхъ есть немалыя преимущества. Жизнь народа слагается въ Сибири въ обстановкѣ новой страны, создающей и новыя формы жизни.

Необыкновенный просторъ въ пользованіи угодьями и богатствами природы, надолго обезпечивающій отъ бѣдности, свобода, съ которою пользуется населеніе благами природы, благодаря ея раздолью, отсутствію привилегій, и равноправность населенія,—это такія преимущества и условія развитія, которыя могутъ дать возможность широко развернуть силы и способности славянской расы въ своей колоніи.

Указывая и изучая эти свойства и черты сибирскаго населенія, мы далеки однако отъ того чтобъ прилагать ихъ ко всей массѣ населенія и предполагать въ нихъ окончательно выработавшійся характеръ. Сибирское населеніе состоитъ изъ разныхъ слоевъ и представителей по происхожденію (хотя и однородно по сословіямъ). Недостатокъ наблюдателей заключался въ томъ, что они о сибирякахъ и о сибирской жизни дѣлали заключенія только по одной части общества. Между тѣмъ должно замѣтить, что нигдѣ нѣтъ такого разнообразія въ индивидуальныхъ проявленіяхъ и качествахъ, какъ на востокѣ. Это объясняется колонизаціоннымъ происхожденіемъ этого населенія, какъ и разнообразіемъ профессій, труда и упражненія способностей въ новой странѣ. Промышленное, индивидуалистическое и своекорыстное направленіе господствуетъ болѣе всего въ городскихъ слояхъ и въ промышленныхъ пунктахъ. Эти качества городскихъ классовъ, приписанныя сибирякамъ, невозможно переносить на всю сельскую массу. Затѣмъ съ сибирскимъ населеніемъ не должно смѣшивать временно-наѣзжее населеніе, явившееся для спекуляціи, наживы и высасыванія соковъ изъ страны. Это толпа пріѣзжихъ ташкентцевъ, Разуваевыхъ, въ видѣ мути и пѣны носится вѣчно по поверхности сибирской жизни, она возбуждаетъ обыкновенно ненависть и презрѣніе мѣстнаго населенія и далеко не служитъ представителемъ мѣстной жизни. Авантюристы, искатели счастія, являются сплошь и рядомъ изыскивать богатства и даже цивилизовать Сибирь, но въ сущности составляютъ язву края. Мѣстное населеніе ихъ называетъ „наѣзжими“ и „навозными“. За этимъ временнымъ наѣзжимъ элементомъ стоятъ ссыльные, которые также ничего не имѣютъ общаго съ страною и населеніемъ,—ихъ назначеніе наполнять остроги и наводнять Сибирь бѣглыми. Только потомки этихъ ссыльныхъ по немногу ассимилируются сибирской массой и дѣлаются сибиря-

ками. Что касается большинства мѣстнаго населенія, то ядро его составляютъ старожилы Сибири, освоившіеся со страною; съ ихъ коренными этнографическими чертами, они даютъ самую яркую окраску жизни,—это старинное населеніе городовъ и селъ. Въ средѣ многообразнаго сельскаго населенія вырисовывается нѣсколько типовъ,—старожилъ крестьянинъ, старинный піонеръ и колонизаторъ, потомокъ гулящихъ людей, промышленникъ, звѣроловъ, рудокопатель, ямщикъ и земледѣлецъ. Въ нихъ замѣтна смѣсь съ инородческимъ элементомъ, слѣдъ жизни въ лѣсахъ и культурная отсталость; но эти піонеры вынесли на своихъ плечахъ всю колонизацію, всѣ культурныя завоеванія. Далѣе мы видимъ типъ сибирскаго раскольника, жившаго замкнуто въ своей общинѣ, подобно забайкальскимъ семейскимъ и алтайскимъ раскольникамъ, которые, закинутые въ Сибирь, отстаивали свое существованіе, не смѣшивались ни съ ссыльными, ни съ инородцами, и хотя ихъ существованіе было довольно эгоистично и безучастно въ общей формировкѣ жизни, но они сохранили чистоту типа и славянской расы въ Сибири для будущаго. Эти общины, состоя часто изъ бѣглыхъ и разныхъ скитальцевъ, подобно общинѣ „каменьщиковъ“ въ Алтаѣ, или раскольниковъ въ вершинѣ Енисея, среди горной могучей природы и глухихъ дебрей, у подножія сибирскихъ альпъ, воспитали свои физическія силы, ловкость, смѣлость и составляютъ необыкновенно крѣпкое, богатырское и отважное населеніе. Если сибирская жизнь преимущественно въ верхнихъ слояхъ портится и деморализуется, если мѣстами существуетъ вырожденіе, то здѣсь въ глубинѣ народныхъ массъ скрываются еще непочатыя могучія силы, которыя со временемъ дадутъ здоровые соки жизни.

Далѣе, какъ противовѣсъ инородческой крови и живая сила обновленія, въ Сибирь вѣчно движется колонизаціонный потокъ свободныхъ переселенцевъ изъ представителей всѣхъ губерній. Въ сущности въ сибирской жизни совершаетси вѣчное движеніе, постоянный приливъ и смѣшеніе разнообразныхъ элементовъ огромной Имперіи. Этотъ постоянный приливъ переселенцевъ, обновляя сибирское населеніе, вливая новые соки и прибавляя новыя черты, составляетъ пеструю амальгаму жизни! Здѣсь снуютъ представители всѣхъ губерній, сѣверяне и южане, великоруссы и малороссы. Переселенческія деревни поражаютъ пестротою элементовъ, яркостью и переливами этнографическихъ красокъ, причемъ все это перерождается, сливается въ одну сплошную массу съ новымъ этнографическимъ типомъ и однородными чертами.

Эта вѣчная этнологическая борьба, эти сліянія противоположнѣйшихъ элементовъ русской жизни въ новой обширной странѣ въ одно цѣлое, это вѣчное претвореніе и нарощеніе представляетъ гигантскую работу народнаго творчества въ обширной колоніи, придающее сибирской жизни нѣчто созидающее и подготовляющее для будущаго.

ИНОРОДЦЫ

и

ИНОРОДЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ СИБИРИ.

III.

Инородческій вопросъ.—Исторія его развитія.—Уменьшается или увеличивается инородческое населеніе.—Современныя статистическія свѣдѣнія объ уменьшеніи инородцевъ.—Историческія причины вымиранія инородцевъ.—Болѣзни и голодъ.—Экономическая обстановка жизни.—Признаки обѣднѣнія.—Уменьшеніе средствъ пропитанія и расширеніе потребностей.—Торговля.—Инородческій пролетаріатъ.—Наше культурное вліяніе.

Судьба инородцевъ въ Сибири до сихъ поръ весьма мало заслуживала вниманія, а роль ихъ въ исторіи восточной окраины, также какъ настоящее и будущее ихъ въ гражданской жизни страны, остается весьма мало выясненною. Несмотря на то, что Сибирь была когда-то болѣе инородческой колоніей, чѣмъ нынѣ, что она такъ сказать пострѣла инородческимъ людомъ и племенами, судьбѣ этихъ племенъ мало удѣлялось вниманія; единственною нашей задачею въ исторіи бы ло вытѣсненіе этихъ племенъ и пріобрѣтеніе надъ ними господства. Задача эта нынѣ выполнена. Мы видѣли, что русская народность раздвинула міръ инородцевъ и водворилась въ Сибири, она получила нынѣ даже нѣкоторый численный перевѣсъ; тѣмъ не менѣе инородческій вопросъ остается по-прежнему живучимъ, хотя и является нѣсколько въ иной формѣ. Мало того, жизнь русскаго населенія и гражданское развитіе самой окраины заставляютъ обратить на него гораздо большее вниманіе.

Въ прежнее время, инородческіе вопросы въ Сибири, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, и отношенія русскаго племени къ инородческому имѣли другой характеръ и значеніе. Когда русское населеніе явилось на востокъ, инородческое царство было обширно, а русское населеніе слабо. Въ это время разыгрывалась борьба за существованіе и преобладаніе въ странѣ, причемъ главною цѣлью являлось ослабленіе инородческаго элемента, и уменьшеніе его. Таковъ былъ взглядъ конвикторовъ-завоевателей. Вслѣдъ за покореніемъ инородцевъ явилось усмиреніе ихъ бунтовъ, обложеніе ясакомъ, подчиненіе и насильственное введеніе управленія. Такимъ образомъ инородческій вопросъ пережилъ нѣсколько фазисовъ и наложилъ тяжелую печать на существованіе инородцевъ. Тогда выступало только два вопроса: о подчиненіи и опекѣ. Но постановка этихъ вопросовъ должна была измѣниться, когда инородческій элементъ явился подчиненнымъ и подавленнымъ, когда русское населеніе стало достаточно сильнымъ, а инородцы болѣе слабыми, и заслуживающими попеченія и помощи. Самыя отношенія и чувства племенъ принуждены были измѣниться, потому что причины вражды уничтожились; на почвѣ мирной жизни предстояло слагаться—инымъ гражданскимъ отношеніямъ, а русской политикѣ измѣнить свои цѣли, зачисливъ инородческій элементъ въ число равноправныхъ подданныхъ. Такимъ образомъ инородческій вопросъ въ современной жизни Сибири получилъ иной характеръ и значеніе.

Посвятивъ себя въ послѣднее время спеціальному изученію инородческаго вопроса въ Сибири, мы, если и не намѣрены дать общую картину положенія всѣхъ инородцевъ въ частности съ ихъ современными нуждами и потребностями, то, по крайней мѣрѣ, рѣшились свести въ одно цѣлое вопросы, выдвигаемые современною жизнью большинства инородческихъ племенъ, и разсмотрѣть ихъ по отношенію къ сибирской жизни. Этими живыми вопросами выступаютъ нынѣ: 1) вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи инородцевъ и предупрежденіи вымиранія расъ; 2) экономическій вопросъ объ обезпеченіи ихъ существованія рядомъ съ культурнымъ вопросомъ ихъ развитія; 3) вопросъ административно-политическій, касающійся гражданскаго полноправія инородцевъ и гарантій закона, наконецъ 4) вопросъ духовнаго развитія и просвѣщенія ихъ, также какъ обезпеченіе благъ высшаго человѣческаго существованія. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ связывается съ той ролью, которая отведена будетъ этимъ народностямъ на нашемъ востокѣ.

Въ числѣ указанныхъ нами вопросовъ самымъ капитальнымъ

является вопросъ о сохраненіи жизни расъ и ихъ дальнѣйшемъ существованіи; онъ находится въ связи съ существующимъ явленіемъ вымиранія и уменьшенія инородцевъ, явленіемъ весьма общимъ всѣмъ расамъ покореннымъ и сталкивавшимся съ народностями болѣе сильными и многочисленными.

Конечно, прежде всего здѣсь необходимо констатированіе факта: увеличиваются или уменьшаются инородцы въ Сибири. Для этого, разумѣется, требовались бы болѣе подробныя изслѣдованія, чѣмъ доселѣ сдѣланныя. Въ научномъ отношеніи этотъ вопросъ почти не тронутъ, по крайней мѣрѣ собраніе ученыхъ на конгрессѣ оріенталистовъ въ 1876 г. не могло дать никакого опредѣленнаго на него отвѣта. Но и при настоящихъ имѣющихся свѣдѣніяхъ и источникахъ о сибирскихъ инородцахъ, нельзя сказать, чтобы не существовало нѣкоторыхъ весьма важныхъ указаній и отвѣтовъ по этому поводу. Мы позволимъ себѣ отмѣтить отзывы нѣкоторыхъ историковъ, свидѣтельства путешественниковъ, санитарныя изслѣдованія и статистическія исчисленія, какія существуютъ. Свидѣтельства о многочисленномъ истребленіи инородцевъ во время войны мы находимъ у Миллера, Фишера, Словцова, составлявшихъ сибирскую исторію, а также въ описаніяхъ Камчатки Крашенинникова, у Гагемейстера и многихъ другихъ.

Путешественники, посѣщавшіе сѣверъ, Камчатку и Алеутскіе острова, передавали о поголовномъ избіеніи инородцевъ и захватахъ ихъ въ рабство: таковы были походы Хабарова на Амуръ, Павлуцкаго въ Камчаткѣ. „Промышленники истребили большую часть алеутовъ, говоритъ г. Шашковъ, [1]) въ 1792 г. жителей на островахъ Уналашкинскаго отдѣла считалось 2,500 человѣкъ, а до прибытія русскихъ ихъ было вдесятеро болѣе этого. По мнѣнію Врангеля, до покоренія русскими народонаселеніе Сибири было гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе. Изслѣдователи сибирскихъ племенъ указываютъ на исчезновеніе многихъ изъ нихъ; такъ вымерли, не оставивъ слѣда, омоки, котты, хойданы, шелаги, анюиты, маторы, асаны, аринцы и другія сибирскія племена. Историкъ Щаповъ также констатируетъ фактъ о вымираніи и уменьшеніи сибирскихъ инородческихъ расъ; кромѣ насилій и болѣзней, ослабившихъ ихъ число, онъ находитъ, „что лишеніе ихъ прежней свободы уменьшило энергію къ плодородію; измѣнило дѣйствіе производительной системы, организацію населенія, ростъ и довело инородцевъ до вымиранія“. (Щаповъ).

---

[1]) Россійско-американская компанія, историч. этюды Шашкова, кн. II, с. 297.

Щаповъ въ историко-философскомъ спектрѣ соединяетъ и освѣщаетъ цѣлую совокупность причинъ, способствовавшихъ вымиранію инородцевъ, (см. Русское Слово 1865 г. статьи Щапова). Кромѣ ожесточенной борьбы и истребленія во время сопротивленій при завоеваніяхъ русскими, масса инородческихъ племенъ, ослабляемая съ вторженіемъ русскихъ, начала подвергаться междоусобіямъ и нападеніямъ отъ сосѣднихъ азіатскихъ и китайскихъ соперниковъ. Прежніе союзы распадаются и инородцы, лишась способности самозащиты, представляютъ беззащитныя толпы. Съ юга киргизы и джунгары мстятъ сѣвернымъ инородцамъ за подданство Россіи, нападаютъ на нихъ и уводятъ плѣнниковъ. Сибирскіе татары подвергаются нападеніямъ, Енисейскихъ киргизъ истребляютъ калмыки, телесы нападаютъ на принявшихъ подданство телеутовъ. Калмыки, принявшіе подданство Россіи, послѣ паденія Джунгаріи, преслѣдуются джунгарами. Въ 1756—1757 гг. калмыковъ преслѣдуютъ и разоряютъ монголо-китайцы,—ими было перерѣзано до полумилліона населенія. Киргизы также воюютъ съ калмыками и т. д. Словомъ въ это время извнѣ и внутри мы видимъ разрушеніе инородческихъ царствъ. Вторженіе русскихъ въ Азію уничтожаетъ прежнія связи и отношенія, повсюду происходитъ передвиженіе и разряженіе силъ, которое сопровождается разложеніемъ и катастрофами. Цѣлыя пространства пустѣютъ, инородческія племена эмигрируютъ. Огромное населеніе на югѣ Сибири, оставившее многочисленные памятники, куда-то исчезло безъ слѣда. Но уменьшеніе и исчезновеніе сибирскихъ племенъ продолжается и позднѣе подъ дѣйствіемъ болѣе медленныхъ, но губительныхъ вліяній. Г. Шашковъ въ своемъ изслѣдованіи положенія сибирскихъ инородцевъ въ XIX столѣтіи приводитъ многіе факты положительнаго уменьшенія сибирскихъ инородцевъ. „На устьѣ Индигирки видны до сихъ поръ слѣды жилищъ исчезнувшаго народа омаковъ, „которые по преданіямъ были многочисленны, какъ звѣзды небесныя“. Во время русскаго завоеванія существовалъ народъ аринцы, въ 1608 г. ихъ было 300 семей. Въ 1753 г. Миллеръ и Гмелинъ видѣли послѣдняго инородца, говорившаго по-арински, наконецъ изъ 300 семей ихъ осталось всего 5 человѣкъ. Богорадскій родъ, бывшій въ 1763 г. однимъ изъ многочисленныхъ во время ясачной коммиссіи, показанъ былъ *вымершимъ* и въ живыхъ было 2 человѣка. Въ Туруханскомъ краѣ съ 1763 г. по 1816 г. вымерло $^3/_4$ инородческаго народонаселенія. Когда ясачная коммиссія посѣтила березовскій округъ, то не могла найти шести родовъ. Затѣмъ г. Шашковъ приводитъ

статистическія данныя изъ различныхъ документовъ, подтверждающія это уменьшеніе. Въ 1744 г. камчадаловъ обоего пола было 20,000 человѣкъ, въ 1823 г. 2,760 человѣкъ, въ 1850 уже 1,951.

Въ Березовскомъ округѣ инородцевъ обоего пола было 21,001 чел. въ 1828 г.—19,652, убыло въ 12 лѣтъ 1,349.

Въ Томскомъ округѣ съ Нарымскимъ краемъ въ 1816 году было инородцевъ 10,135 чел. о. п., а въ 1832 г. 9,724 чел.

Въ 7 барабинскихъ волостяхъ въ 1846 г. было татаръ 4,918 чел., въ 1858 г. по 4,419. Въ Тогоурскомъ отдѣленіи населеніе убыло съ 1763 г. по 1816 г. на 137 ч., а съ 1816 г. по 1832 г. на 306 человѣкъ.

Въ 22 волостяхъ Кузнецкаго округа инородцевъ въ 1827 г. считалось 5,160 чел., въ 1832 г. 4,399, убыло 771 чел. Въ пяти волостяхъ Туринскаго округа въ 1763 г. было 555 чел., въ 1816 г. 467 ч.

Въ Енисейскомъ округѣ съ Туруханскимъ краемъ въ 1838 г. инородцевъ было 7,740 чел.,—въ 1864 г. 7,483, убыло 257 ч. Такимъ образомъ несомнѣнно, что во многихъ мѣстахъ инородческое населеніе *убываетъ!* заключаетъ уважаемый изслѣдователь (с. 291). Офиціальный изслѣдователь по статистикѣ Сибири Гагемейстеръ приводитъ подобные же факты о нѣкоторыхъ инородцахъ, какъ напримѣръ вогулахъ,—съ 8-й до 9-й ревизіи по его словамъ коренныхъ вогуловъ убыло почти 50%. О томъ же уменьшеніи вогуловъ въ послѣднее время свидѣтельствуетъ д-ръ Альквистъ и Маліевъ.

Докторъ Соколовъ приводитъ исчисленіе остяковъ и самоѣдовъ въ Березовскомъ округѣ съ 1763 г., гдѣ населеніе въ 53 г. увеличилось на 2,431 чел., въ 12 лѣтъ позднѣе прибыль была 259 чел., въ 22 года уменьшилось на 127 чел. Вымираніе остяковъ въ Нарымскомъ округѣ подтверждаетъ Осиповъ, въ Енисейскомъ округѣ Кривошапкинъ, о смертности енисейскихъ же инородцевъ свидѣтельствуетъ академикъ Миддендорфъ. Наконецъ позднѣйшее изученіе и сличеніе числа инородцевъ въ Западной Сибири привели насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Вогуловъ въ 1838 г. въ Тобольскомъ и Туринскомъ округахъ было 4,527 чел., въ 1859 г. по спискамъ населенныхъ мѣстъ Тоб. губ. 3,286. Въ 1875 г. по офиціальнымъ свѣдѣніямъ 3,913 чел. Такимъ образомъ съ 1838 г. началась положительная убыль, а въ послѣдній періодъ самое ничтожное приращеніе.

Населеніе остяковъ и самоѣдовъ во многихъ волостяхъ пред-

ставляетъ положительное уменьшеніе, въ чемъ мы убѣдились, сравнивая статистическія свѣдѣнія въ Кодской, Подгородной, Ляпинской и Кунаватской волостяхъ, а также въ Сургутскомъ округѣ. Точно тоже уменьшеніе инородцевъ мы видимъ изъ позднѣйшихъ свѣдѣній въ Нарымскомъ округѣ, (въ 1869 г. 7,611 д., въ 1878 г. 7,127). То же подтверждаютъ и податные списки; ясакъ накладывался въ 1834 г. въ Томскомъ округѣ на 4,965 д., въ 1842 г. на 2,608, въ 1878 г. на 2,134.

Въ Маріинскомъ округѣ еще въ 1868 г. считалось инородцевъ 2,439 д., въ 1878 г. только 1,870 д. Но что всего поразительнѣе, это уменьшеніе инородческаго осѣдлаго населенія въ Западной Сибири.

Въ 1851	г.	его	считалось	40,470 д.
„ 1868	„	„	„	37,153 „
„ 1878	„	„	„	37,880 „

Факты эти подтверждаются ухудшеніемъ быта и разореніемъ тобольскихъ, тарскихъ и другихъ татаръ, также какъ и несчастнымъ ихъ положеніемъ, доказательствомъ чего служатъ огромныя податныя недоимки. Кромѣ приведенныхъ данныхъ объ уменьшеніи числа инородцевъ, вымираніе ихъ подтверждается съ издавна свирѣпствующими среди нихъ эпидеміями, производящими здѣсь свои опустошительныя дѣйствія. Съ половины прошлаго столѣтія извѣстно множество эпидемій, свирѣпствовавшихъ между инородцами, между прочимъ оспа, тифъ, цинга, проказа и сифилисъ. Эти болѣзни поглощали тысячи людей, находившихся безъ всякой медицинской помощи. Въ половинѣ прошлаго столѣтія оспа свирѣпствовала въ Забайкальѣ, въ Камчаткѣ, въ Енисейской, Томской и Тобольской губерніяхъ. Въ 1768 году погибало отъ нея до 20,000 камчадаловъ. Въ 1824—25 гг. на Ленѣ отъ горячки вымерли тунгусы. Въ Туруханскомъ краѣ тифъ и оспа не прекращались. Проказа (lepra) и ужасная болѣзнь elephantiasis, по словамъ доктора Кибера, распространена между всѣми сѣверо-восточными инородцами.

Докторъ Соколовъ свидѣтельствуетъ о печальномъ положеніи Березовскаго округа, гдѣ оспа, тифы и сифилисъ имѣютъ широкое развитіе и угрожаютъ обезлюденіемъ сѣверу [1]). Сифилисъ былъ занесенъ въ этотъ округъ уже въ началѣ XVIII ст., о

---

[1]) О болѣзняхъ въ Березовскомъ округѣ Д-ра М. Соколова. Архивъ Судеб. Медицины 1867 г.

чемъ упоминаетъ спутникъ Филофея Лещинскаго—Новицкій. „Человѣку гнилостью снѣдаетъ уста, нóсъ, ноги и многимъ всѣ тѣло даже до костей, пишетъ онъ. Егда кого начинаетъ сія болѣзнь язвити, то онъ нетокмо не имѣетъ попеченія о исцѣленіи, но ниже, ради облегченія болѣзни язвы согнившія чѣмъ прикрывать; но не радя о семъ, берестомъ обвивъ язву, за промысломъ идетъ, и доселѣ ходитъ донеле же язвою весь пораженъ падаетъ". Болѣзнь эта скоро получила названіе березовской проказы; распространеніе ея было такъ сильно, что въ 1830 годахъ д-ръ Бѣлявскій, посѣтившій березовскій округъ для изслѣдованія сифилиса, доносилъ, что нѣтъ почти ни одного инородца, который бы не былъ зараженъ имъ. Болѣзни являются на сѣверѣ осложненными, часто сифилисъ, ревматизмы и цинга соединяются въ одинъ чудовищный бичъ. Подобное же положеніе инородцевъ въ Нарымскомъ округѣ описываетъ врачъ Докучаевъ. Штабъ-лекарь Богдановъ свидѣтельствуетъ о страшной болѣзненности въ Туруханскомъ округѣ. Недавно изданный Санитарный Очеркъ Западной Сибири подтверждаетъ беззащитное положеніе инородцевъ до послѣдняго времени и свирѣпствующую среди нихъ болѣзненность. Въ Березовскомъ округѣ, по словамъ отчета, распространены среди инородцевъ главныя болѣзни отъ жизни въ чумахъ и вліянія ослѣпительнаго дѣйствія снѣга, глисты отъ питанія рыбой, накожныя сыпи отъ нечистоты и сифилисъ въ различныхъ формахъ. Инородцы весьма рѣдко обращаются (а большинство и не можетъ обращаться за дальностью разстоянія) къ единственному врачу въ Березовѣ. Смертность отъ болѣзней весьма значительна; въ Сургутскомъ округѣ 19,3% смертности даетъ кровавый поносъ и 8,8% сифилисъ, здѣсь весьма часто бывающій смертельнымъ. Нѣкоторыя эпидемическія болѣзни пріобрѣтаютъ характеръ стаціонарный. „Если прибавить, говоритъ отчетъ, губительное дѣйствіе между инородцами оспы, и весьма неудовлетворительное устройство въ сѣверныхъ округахъ медицинской части (временами наѣзжающій одинъ врачъ на все населеніе), то нельзя не вывести того печальнаго заключенія, что сѣверные инородцы, эксплуатирумые кромѣ того рыбопромышленниками, обречены на вырожденіе.

Статистика указываетъ на уменьшеніе самоѣдовъ. (Въ 1828 г.—5140 чел. об. п.,—въ 1868 г. 4705 чел.). Подобное же вырожденіе (вымираніе?), вѣроятное и у другихъ сѣверныхъ инородцевъ, конечно будетъ продолжаться, если не подоспѣетъ

правительственная помощь“ [1]). Тифъ и сифилисъ, по словамъ того же медицинскаго отзыва, угрожаетъ въ Сибири развиться до ужасающихъ размѣровъ. Такимъ образомъ вымираніе инородцевъ отъ болѣзней тоже должно быть признано фактомъ. Далѣе инородцы, при скудныхъ и случайныхъ способахъ обезпеченія и съ измѣненіемъ ихъ прежняго распредѣленія, начали чаще и чаще подвергаться голодамъ, извѣстнымъ еще съ прошлаго столѣтія и кончавшимся смертностью и людоѣдствомъ. Г. Шашковъ въ описаніи положенія инородцевъ приводитъ нѣсколько характеристическихъ случаевъ подобнаго людоѣдства въ Туруханскомъ, Березовскомъ округѣ и другихъ. (Въ 1847 г. о людоѣдствѣ у инородцевъ печаталось въ Сѣверной Почтѣ). Въ 1814—1816 г. голодъ уничтожаетъ населеніе Туруханскаго края, въ 1827 году онъ свирѣпствуетъ среди остяковъ въ Нарымскомъ округѣ, въ 1844 г. въ окрестностяхъ Аяна. Въ 1862 г., по словамъ д-ра Соколова, голодъ настигаетъ инородцевъ Березовскаго округа. Въ 1878 г. доносятся слухи вновь о такомъ-же бѣдствіи въ Нарымѣ. Голода въ Енисейской губерніи, на Ленѣ, въ Камчаткѣ, составляютъ нерѣдкое явленіе. Если печальныя послѣдствія и, вліяніе голодовъ страшны въ странахъ болѣе населенныхъ и обладающихъ путями сообщенія, то они должны были въ нѣсколько разъ сильнѣе отражаться на инородцахъ. Въ отдаленныхъ пустыняхъ, гдѣ эти люди лишены всякой помощи, картина голода у нихъ ужасающая. Въ Туруханскомъ краѣ въ 1814—16 годахъ русскіе и инородцы питались падалью и пихтовою корою. Умирало много дикарей и русскихъ, жившихъ по берегамъ Енисея. Трупы умершихъ отъ голода валялись по тундрѣ. Даже около Туруханска валялись трупы, оторванные члены которыхъ растаскивались по улицамъ города. Въ одной семьѣ съ голоду мать съѣла дочь, потомъ сыновьямъ приказала убить брата, семья нѣсколько дней питалась его мясомъ, — наконецъ съѣли второго сына. Когда вышло мясо и голодная смерть начала угрожать, мать снова приказала одному изъ оставшихся сыновей убить другого и, раздраженная отказомъ, бросилась на него съ ножемъ, но братья зарубили ее топоромъ и питались нѣсколько дней трупомъ матери. Наконецъ они таскались по тундрѣ, отыскивая труповъ или живыхъ людей. На дорогѣ они открыли тѣло остяка и съѣли его. (Шашковъ. Инородцы въ XIX ст.). Докторъ

---

[1]) Очеркъ Санитарнаго Состоянія Зап. Сибири, сост. при Западно-Сибир. военно-медицинскомъ управленіи. Омскъ, 1880 г. с. 56, 58, 86.

Соколовъ, говоря о голодѣ въ Березовскомъ округѣ въ 1862 г., говоритъ, что инородцы здѣсь ѣли кротовъ и мышей. Осиповъ, описывая голода въ Нарымскомъ краѣ, говоритъ, что люди съ жадностью истребляли падаль и ловили плывущіе по рѣкѣ трупы.

Безпомощное населеніе среди глухихъ пустынь при такихъ условіяхъ гибло часто безслѣдно и только вдолгѣ послѣ несчастія слухъ о ихъ бѣдствіяхъ доносился до жилыхъ мѣстъ Сибири. Въ 1881 г. разнесся слухъ тоже о голодѣ въ Нарымскомъ округѣ, и затѣмъ появилось не описаніе этого голода, а сообщеніе, что выѣхалъ на мѣсто его исправникъ. Но въ состояніи ли онъ будетъ прекратить бѣдствіе — не объяснено. Въ „Сибирской Газетѣ“ 1881 г. (№№ 21 и 22) между тѣмъ раскрыто въ какомъ бѣдственномъ экономическомъ положеніи съиздавна находится этотъ край и его населеніе. Такимъ образомъ фактъ вымиранія и уменьшенія инородцевъ въ Сибири долженъ быть признанъ какъ несомнѣнный. Въ исторіи встрѣчается нѣсколько весьма крупныхъ причинъ, прямо вліявшихъ на уменьшеніе инородческаго населенія и объясняющихъ это явленіе. Эти симптомы бѣдствій стоятъ рядомъ съ другими: обѣдненіемъ и ухудшеніемъ экономическаго состоянія. Точно также рядомъ съ уменьшеніемъ и вымираніемъ нѣкоторыхъ племенъ заслуживаетъ вниманія весьма малый приростъ сибирскихъ инородцевъ, показывающій слабую производительную силу расы. Такъ по нашимъ изслѣдованіямъ встрѣчаются такого рода выводы. Татарское осѣдлое населеніе въ нѣкоторыхъ волостяхъ Тобольскаго округа въ 25-лѣтіе давало весьма слабый приростъ, а именно на 2057 челов едва 100 челов. въ другихъ только 40 челов., въ Тюменскомъ округѣ въ 12 лѣтъ татарское населеніе съ 9083 д. увеличивается только на 19 чел. Въ Березовскомъ округѣ въ 53 года населеніе остяковъ съ 21,000 увеличилось едва на 2400 д. и т. д. Такого же вниманія заслуживаетъ непропорціональность половъ среди сѣвернаго кочеваго населенія, причемъ мужчинъ встрѣчается болѣе чѣмъ женщинъ, процентъ женщинъ падаетъ до 30 и 40% на муж. населеніе, что далеко не способствуетъ нормальному размноженію.

Фактъ вымиранія и уменьшенія инородцевъ, правда, не охватываетъ всѣ мѣстности и всѣ сибирскія племена; такъ исключеніе составляютъ, повидимому, пока южные кочевники — буряты, киргизы и калмыки. Хотя среди послѣднихъ появляются нынѣ тѣ же признаки бѣдствій, но тѣмъ не менѣе отрицательное явленіе охватываетъ такую массу другихъ пле-

менъ – остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ, вогуловъ, и распространяется даже на осѣдлыхъ татаръ, что невольно заставляетъ задуматься.

Что, если въ Сибири повторится судьба многихъ австралійскихъ и американскихъ племенъ; что, если и здѣсь повторится драма гибели послѣдняго тасманца или оправдается предсказаніе одной печальной самоѣдской сказки, въ которой разсказывается, какъ у самоѣдовъ стояло 700 шатровъ, гдѣ жило 700 человѣкъ, ими управляло 7 мужей, всѣ они были бездѣтны и только у одного былъ лѣнивый и слабосильный сынъ. Въ одно утро онъ проснулся и увидѣлъ, что всѣ люди его племени умерли, а всѣ олени пропали. Онъ шелъ по пустынѣ несчастнымъ и безпомощнымъ, онъ падаетъ отъ усталости, грызетъ кости обглоданныя уже собаками. Встрѣчаются ему люди, но безжалостные люди другихъ племенъ, которые коварно и враждебно относятся къ нему, его бьютъ и нѣсколько разъ убиваютъ, каждый разъ однако его воскрешаетъ миѳическое существо—однорукій и одноглазый старикъ съ желѣзною палицей.

Неужели эта несчастная судьба долго будетъ преслѣдовать сибирскаго инородца и кто явится волшебнымъ старикомъ, сжалившимся надъ нимъ и пробудившимъ жизнь?

Изслѣдованія доказываютъ, что явленіе вымиранія и уменьшенія инородцевъ въ Сибири связано съ постояннымъ обѣдненіемъ инородческихъ племенъ, упадкомъ быта, обнищаніемъ и всѣми сопровождающими это явленіе бѣдствіями.

Обѣдненіе и жалкое состояніе оленеводовъ, сопряженное съ уменьшеніемъ оленя, замѣчается на всемъ сѣверѣ Сибири, начиная съ Мезенскаго края архангельской губерніи, продолжая березовскимъ краемъ, туруханскимъ и кончая оленными Чукчами. Кенанъ и Нейманъ одинаково свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи оленей и бѣдствіяхъ, постигающихъ инородцевъ какъ послѣдствіи этого явленія. (Нейманъ „Историческій Обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи. Извѣст. Восточно-Сибирск. Отдѣл. Географич. Общества за 1871 г., вып. 3, №№ 4 и 5). Обѣдненіе и нищенское состояніе березовскихъ остяковъ было замѣчено уже Кастреномъ. Онъ положительно указываетъ на бѣдность остяковъ-рыболововъ, жизнь которыхъ все болѣе ухудшается подъ вліяніемъ упадка рыболовныхъ промысловъ и эксплуатаціи остяковъ русскими рыбопромышленниками. То же самое подтверждаетъ д-ръ Соколовъ въ своемъ санитарномъ описаніи Березовскаго округа. Г. Поляковъ, въ путешествіи на сѣверъ, удостовѣряетъ, что всѣ рыболовные пески на Оби захвачены русскими

и что остяки и инородцы составляютъ кабальное рабочее сословіе, лишенное собственныхъ промысловъ [1]). Въ Нарымскомъ краѣ множество инородцевъ бросили звѣропромышленность и поступили въ работы къ купцамъ, мѣщанамъ, и крестьянамъ. Другіе всѣ переселились въ Тарскій округъ и поступили въ работы къ крестьянамъ. Тѣ васюганскіе инородцы, которые, обремененные большими семьями, не могли поступить въ работы, остались скитаться въ окрестностяхъ. „Надо видѣть, говоритъ очевидецъ, это несчастное семейство, которое должно жить подъ открытымъ небомъ, вырывъ подъ густымъ деревомъ яму въ снѣгу и устлавъ ее вѣтвями хвойнаго дерева. Эти бѣдняки въ своихъ рубищахъ кое-какъ отогрѣваютъ у костра свои закоченѣвшіе члены. Женщины разрѣшаются здѣсь отъ бремени и, не имѣя пріюта и для прочихъ дѣтей, отогрѣваютъ только на холодной груди въ 45° мороза своего ребенка“.

Инородцы въ кабалѣ у крестьянина гибнутъ и матерьяльно и нравственно (отзывъ Осипова о жизни въ Нарымскомъ округѣ). Г. Павловъ, путешествуя по Оби, описываетъ самое жалкое матерьяльное положеніе инородцевъ [2]). Объ енисейскихъ остякахъ академикъ Миддендорфъ говоритъ слѣдующее: „Во всей Сибири я не видѣлъ такихъ жалкихъ кочевниковъ какъ остяковъ у Бахтинскаго селенія. Въ лохмотьяхъ, дрожа отъ холода, они приходили ко мнѣ жаловаться, что имъ отпускаютъ очень мало хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ. Одинъ изъ видѣнныхъ инородцевъ перенесъ голодный тифъ и страдалъ еще болью въ икрахъ. Мнѣ разсказывали, говоритъ путешественникъ, что умирали не только отдѣльныя лица, но даже цѣлые чумы. Повторялась старинная исторія о гибели этихъ народовъ. Они погибали отъ соприкосновенія съ развитіемъ культуры, въ особенности съ наплывомъ золотыхъ пріисковъ и неизбѣжнаго съ ними разгула. Для инородцевъ были построены казенные хлѣбные магазины: но о возвратѣ займа не могло быть и рѣчи. Когда бѣднякамъ, съ каждымъ годомъ должавшимъ, прекратили выдачу продовольствія, они начали умирать съ голоду. (Путешест. на сѣверъ и востокъ Сибири. Ч. II, ст. 14, 659,660). Бытъ карагасовъ, камчадаловъ, чукчей и прочихъ сѣверныхъ бродячихъ и кочующихъ инородцевъ представляется не лучшимъ. Д-ръ Алькивистъ, изслѣдовавшій обстоятельно бытъ вогуловъ, удостовѣряетъ какъ

[1]) Поляковъ. Письма и отчеты о путешествіяхъ въ долину р. Оби. 74—76.

[2]) Обѣдненіе Нарымскаго края свидѣтельствуется паденіемъ пушной торговли. До 1844 г. отсюда вывозилось товара на 200,000 р., въ 1844 г.—30,000 р. и въ 1854 г., на 13,000 р.

уменьшеніе ихъ такъ и полное обѣдненіе вслѣдствіе упадка промысловъ, болѣзней, пьянства и эксплуатаціи русскими. Наконецъ еще болѣе изумительную картину представляетъ уменьшеніе въ числѣ, отступленіе отъ культуры и обѣдненіе сибирскихъ осѣдлыхъ татаръ. Въ Тобольскомъ, Тарскомъ и друг. округахъ эти татары были до половины прошлаго столѣтія богатымъ сословіемъ Сибири, они были осѣдлы, имѣли земли и угодья, купленныя и жалованныя, занимались торговлей и обладали капиталами. Бытъ ихъ въ настоящее же время совершенно нищенскій, они лишились земель, представляютъ полудикое несчастное населеніе, почти сплошной пролетаріатъ. Несостоятельность ихъ признана офиціально, и за ними въ Тобольской губерніи считалось 480,234 р. безнадежныхъ недоимокъ. Ихъ несостоятельность объяснялась упадкомъ промысловъ, неурожаями, пожаромъ лѣсовъ и уменьшеніемъ звѣря. (Журналъ Главнаго Управл. Западной Сибири 1879 г. № 154). Въ заключеніи положеніе ихъ является въ настоящее время почти непоправимымъ. Земли у нихъ заложены крестьянамъ, земледѣліе ничтожное, скотъ выпалъ, и сами татары признаются лѣнивымъ и апатичнымъ населеніемъ. Въ подобномъ же положеніи находятся барабинскіе татары, бывшіе прежде также болѣе богатыми (см. о Барабинскихъ татарахъ Князь Костровъ, а также Вагинъ, Томск. губ. Вѣдомости. Каинская Бараба). Тоже уменьшеніе и обѣдненіе татаръ происходитъ въ Томскомъ и Маріинскомъ округахъ. Въ 1868 году маріинскихъ татаръ считалось 2,439, а въ 1878 году 1,870 человѣкъ. Ухудшеніе быта, при столкновеніи съ русской культурой, замѣчается кромѣ того, не въ одной сѣверной и средней Сибири, но и среди южныхъ кочевниковъ. Такъ, бытъ алтайскихъ калмыковъ, все болѣе оттѣсняемыхъ русскимъ населеніемъ, по словамъ всѣхъ путешественниковъ и наконецъ, по мѣстнымъ свидѣтельствамъ, не представляетъ ничего отраднаго. Было время, когда горные калмыки считались богатымъ скотоводческимъ народомъ, — стада ихъ были громадны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ученый оріенталистъ и путешественникъ В. В. Радловъ видѣлъ еще въ Алтаѣ нѣкоторые признаки богатства и значительные табуны, но черезъ нѣсколько лѣтъ и они исчезли, перейдя въ руки русскихъ промышленниковъ. Русскіе люди въѣзжая въ чернь лѣса, лишаютъ инородцевъ послѣднихъ средствъ пропитанія. Благосостояніе алтайскихъ калмыковъ, свидѣтельствуетъ исправникъ Замятинъ, въ послѣднее время сильно пострадало, такъ что весьма уже рѣдко встрѣчается калмыкъ, который имѣетъ большое количество скота. (Памятная книжка Томск. губ., 1871 г., стр. 236).

То-же паденіе быта свидѣтельствуютъ и другіе путешественники. „Ни купецъ, ни миссіонеръ, ни чиновникъ не спасъ алтайца отъ обѣдненія“, говоритъ авторъ примѣчаній къ Риттерову землевѣдѣнію Азіи.

Посѣтивъ Алтай въ 1878 и 1880 годахъ, мы сами убѣдились, что бытъ калмыковъ и черневыхъ татаръ не улучшается, а ухудшается. Русское населеніе все болѣе вторгается въ Алтай, множество волостей и русскихъ селеній раскидано на мѣстѣ бывшихъ кочевій. Крестьяне поставили въ калмыцкихъ земляхъ пасѣки, купцы — заимки и магазины для склада орѣховъ. Стада забраны за долги и перешли къ купцамъ; на цѣлые десятки верстъ не встрѣчается инородческихъ табуновъ, — они принадлежатъ торговцамъ и крестьянамъ хотя и пасутся калмыками. Огромное количество бѣдняковъ нынѣ наполняетъ кочевья и лѣса, и даже въ пустынныхъ мѣстахъ, какъ около Телецкаго озера и на Чулышманѣ, мы не видѣли среди инородцевъ ничего, кромѣ бѣдности.

Тѣ-же признаки обѣдненія и упадка хозяйства замѣчаются и среди киргизскаго населенія, обладавшаго огромнымъ количествомъ скота. Съ нѣкотораго времени падежи скота и безкормица все чаще посѣщаютъ киргизскія степи. Бѣдствіе киргизской степи „джутъ“, гибель скота, во время гололедицы довершаетъ опустошеніе. Какъ обширны эти падежи, можно судить по тому, что въ 1876 году у киргизъ-кочевниковъ Западной Сибири пало 173,998 штукъ скота, а по отчету мѣстнаго ветеринара въ Семипалатинской области ежегодно падаетъ отъ различныхъ болѣзней до 200,400 головъ. (Очерки санитарнаго состоянія Западной Сибири, 1880 г., стр. 239). Въ 1879 году безкормица въ степи и падежи такъ были велики, что на Туркестанско-Оренбургскомъ трактѣ не было уже лошадей и ѣзда прекратилась. Падежи скота ведутъ за собой обѣдненіе и полное раззореніе кочевниковъ.

Въ общемъ трудно не замѣтить, что инородческое населеніе начинаетъ представлять сплошной пролетаріатъ, надъ будущимъ котораго стоитъ задуматься. Несомнѣнно, что всѣ внѣшнія проявленія голода, болѣзни, уменьшеніе плодовитости и самое вымираніе, за устраненіемъ древняго фактора воинственнаго истребленія, суть результаты только постепеннаго паденія быта и ухудшающагося экономическаго состоянія инородцевъ. Фактъ этотъ является на столько общимъ и очевиднымъ, что не можетъ не возбуждать вниманія всѣхъ изслѣдователей [1]).

[1]) Инородцы въ XIX столѣтіи Шашкова, Сибирскіе инородцы и некультурныя расы Потанина, изслѣдованія Щапова о Сибири, Радловъ объ Алтаѣ, Поляковъ объ остякахъ, Миддендорфъ объ остякахъ и тунгусахъ и т. д.

Существуютъ свидѣтельства, что инородцы въ прежнее время менѣе бѣдствовали, когда у нихъ было болѣе стадъ и угодьевъ для промысла. Правда, они не были на высокой степени культуры, но они были сыты. Добычи звѣря, пушнины и рыбы такъ было достаточно въ древней Сибири, что инородцы роскошно, по-своему, удовлетворяли своей потребности защиты отъ холода. Когда-то вышли остяки на встрѣчу русскимъ въ бобрахъ и соболяхъ, что и возбудило въ послѣднихъ зависть и жажду къ наживѣ насчетъ дикарей. Питательныхъ продуктовъ, благодаря заповѣднымъ нетронутымъ лѣсамъ, которыхъ не коснулся огонь сибирскихъ паловъ, и благодаря свободному промыслу на рѣкахъ, было вдоволь. Оленеводство на сѣверѣ не было еще убито,—впослѣдствіи, съ погрома казаковъ, оно уже не поправлялось. Кочевья южныхъ инородцевъ занимали гораздо большія пространства, чѣмъ нынѣ: калмыки и киргизы кочевали до Томска и Красноярска, наконецъ, по Тоболу, Ишиму и Иртышу. Среднюю Сибирь съ лучшими угодьями занимали татары. Исторія и памятники убѣждаютъ, что если инородцевъ въ Сибири было не болѣе, то, во всякомъ случаѣ, они раскидывались шире и свободнѣе, чѣмъ нынѣ. Отзывы историковъ и путешественниковъ о жизни инородцевъ въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтій, показываютъ, что древній бытъ ихъ былъ гораздо обезпеченнѣе настоящаго. Все это говоритъ, что фактъ обѣдненія инородцевъ, упадокъ ихъ промысловъ и постигающее ихъ вымираніе есть фактъ позднѣйшей исторіи и современнаго ихъ положенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить и сообразить ту сумму историческихъ вліяній и всѣ тѣ измѣненія въ инородческой жизни, которыя произошли со времени покоренія Сибири.

Прежде всего намъ приходится обратить вниманіе на то, что раіонъ размѣщенія инородцевъ не остался тотъ-же самый, какъ до пришествія русскихъ, онъ все болѣе и болѣе съуживался и, наконецъ, явился довольно ограниченнымъ въ то время, когда населеніе инородцевъ не могло не увеличиваться въ общей суммѣ. Раіонъ-же промысловъ, при занятіи края русскимъ населеніемъ, все болѣе отодвигался и ограничивался. Само собою, что большинство лучшихъ земель и угодьевъ перешли къ русскому населенію. Точно также какъ въ Америкѣ индѣйцы отодвигаются на западъ, такъ инородческія племена Сибири отодвинуты на сѣверъ и на югъ, небольшіе-же оазисы и клочки инородческаго населенія внутри Сибири замкнуты русскимъ населеніемъ. Понятное дѣло, что съ уменьшеніемъ земельнаго раіона для звѣроловства, охоты, рыбной ловли, съ сокращеніемъ паст-

бищъ и уменьшеніемъ возможности передвиженія, сокращались и средства пропитанія. Это первое. Второе, самыя территоріи, куда инородцы были оттѣснены и гдѣ они по необходимости должны были размѣщаться, далеко не всегда по климатическимъ, топографическимъ и физическимъ условіямъ соотвѣтствовали тѣмъ мѣстамъ, которыя они прежде занимали. Весьма разнится перемѣщеніе и переселеніе добровольное по выбору отъ перемѣщенія по необходимости, поэтому многія инородческія племена могли не найти ни тѣхъ удобствъ жизни, ни того естественнаго богатства и изобилія природы, какимъ прежде пользовались. Нечего говорить, что сѣверъ Сибири и полоса тундръ были менѣе гостепріимны, чѣмъ лѣсная и средняя полоса Сибири, солонцеватая и голая степь бѣднѣе для пастбищъ, чѣмъ степи и луга близъ большихъ рѣкъ и озеръ, занятыхъ русскими.

Инородцу приходилось пріучаться, приноровляться къ новому климату и условіямъ не постепенно, но сразу, вотъ начало того экономическаго кризиса, который мы разсматриваемъ. Процессъ оттѣсненія инородцевъ и ограниченіе ихъ раіона продолжается вмѣстѣ съ успѣхами колонизаціи, расчисткой лѣсовъ, занятіемъ устьевъ рѣкъ, долинъ и т. д. Мало того, угодья инородцевъ не остались неприкосновенными и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя составляютъ, повидимому, кругъ ихъ раіона. Русскія колоніи не оставили инородческаго раіона, мы видимъ поселенія русскихъ промышленниковъ и торговцевъ на крайнемъ сѣверѣ, въ Обдорскѣ, въ Березовѣ, въ Самаровѣ, въ Нарымѣ и другихъ мѣстахъ. На югѣ колонизація вторглась въ калмыцкій раіонъ, средина Алтая занимается пасѣками и заимками, въ киргизской степи лучшія земли взяты въ собственность казачьяго войска. По отношенію къ распредѣленію землевладѣнія замѣчается повсюду фактъ перехода лучшихъ земледѣльческихъ угодій, луговъ, сѣнокосовъ, наконецъ, рыбныхъ ловель къ русскимъ.

Затѣмъ, намъ приходится обратить вниманіе на истощеніе естественныхъ запасовъ и продуктовъ природы, которыми питался дикарь. Нынѣ фактъ уже несомнѣнный, что звѣрь уничтоженъ во многихъ мѣстахъ Сибири, въ другихъ мѣстахъ онъ остается въ ничтожномъ количествѣ, — „неурожаи“ звѣря чаще и чаще встрѣчаются. Уменьшеніе это совпадаетъ съ заселеніемъ края, съ истребленіемъ и выжиганіемъ лѣсовъ, которое водворилось и вошло въ обыкновеніе съ пришествіемъ русскихъ, наконецъ, съ усиленной эксплуатаціей звѣря, рыбы и всякихъ другихъ продуктовъ. Напряженіе силъ инородцевъ, между тѣмъ, явилось большее, отлучки становились опаснѣе, изнеможеніе чувствовалось сильнѣе. Ранѣе

инородецъ безъ особаго труда, добывая себѣ извѣстное количество звѣря и рыбы, употреблялъ ихъ на собственныя нужды и болѣе ему ничего не требовалось. Теперь онъ обязанъ былъ добыть извѣстное количество звѣря для себя и семьи, затѣмъ, для оплаты ясака и всѣхъ поборовъ, какими его облагали для того, чтобы откупиться отъ притѣсненій, завоевать себѣ безопасность; но и этого мало, онъ теперь напрягаетъ всѣ усилія добыть возможно болѣе по требованію рынка. Онъ становится рабомъ этого рынка или торговли, которая импульсируетъ, побуждаетъ инородца къ большему истребленію царствъ природы, не заботясь о будущихъ средствахъ его пропитанія.

Истощая одинъ промыселъ, инородецъ переходитъ къ другому, такіе переходы въ занятіяхъ племенъ не подъ вліяніемъ культуры, а чисто подъ вліяніемъ случайныхъ жизненныхъ условій, весьма капризны. Оленеводъ часто, обѣднѣвъ, дѣлается рыболовомъ, также какъ и охотникъ-рыболовъ, передавъ рыбныя угодья, бросается въ лѣса, инородецъ часто отъ высшихъ привычекъ жизни переходитъ къ низшимъ. Выловивъ звѣря, онъ истощаетъ рыбные запасы, все это продаетъ за безцѣнокъ и ни мало не окупаетъ свою жизнь. Онъ, добывающій и соболей, и чернобурыхъ лисицъ, бобровъ и горностаевъ, носящій у груди своей драгоцѣннѣйшіе мѣха, не въ состояніи обогрѣться и мерзнетъ въ тундрахъ, коченѣетъ отъ холода въ лѣсахъ, вылавливая огромныхъ осетровъ, нельмъ, щукъ, семгу, налимовъ и стерлядей, онъ страдаетъ нерѣдко отъ голода и съѣдаетъ своихъ собакъ. Что можетъ быть изумительнѣе! Но тѣмъ не менѣе это такъ, потому что рынокъ беретъ у него все, но не удовлетворяетъ его потребностямъ.

Вкусы и требованія дикаря создаются подъ вліяніемъ особыхъ законовъ. Онъ увлекается часто предметами и произведеніями не столько утилитарными, обезпечивающими его жизнь, совершенствующими и направляющими ее къ лучшему, сколько потакающими его страсти и дѣтскому увлеченію. Чаще всего дикарь обольщается блестящими, но дешевыми игрушками, украшеніями какъ дитя, за которыя готовъ отдать лучшія произведенія своего труда, что его ставитъ въ весьма невыгодныя условія. Затѣмъ онъ ищетъ минутнаго удовлетворенія ощущеній и страстей; всякій наркозъ, будь то табакъ, вино или опіумъ, для него является соблазнительнымъ и развиваетъ въ немъ страстное влеченіе и губительную привычку. Торговля въ этомъ случаѣ плохой руководитель жизни, она предлагаетъ то, что соблазнительнѣе, но не то, что полезнѣе и мало заботится о послѣдствіяхъ.

Собственно нормальныхъ условій торга съ инородцами никогда и нигдѣ не существуетъ. Если съ одной стороны передъ нимъ является богатый рынокъ съ своею разнообразною мануфактурою, окрѣпшею подъ вліяніемъ цивилизаціи, то дикарь является невооруженнымъ сырьевщикомъ. Покупатель располагаетъ денежными знаками, мѣновыми цѣнностями, кредитомъ, наконецъ, массой товаровъ, у него цѣлая экономическая армія со всѣми родами войскъ, съ цѣлой торговой стратегіей, у дикаря ничего, кромѣ убогаго его продукта. Онъ получаетъ и товаръ, и деньги, онъ обязывается долгомъ покупателю и чувствуетъ отъ него полную зависимость. У представителя рынка болѣе ума, знанія, хитрости и, главное, безцеремонности, кодексъ нравственности у него вычеркнутъ, хотя онъ и является подъ маской благодѣтеля; инородецъ выходитъ съ открытой душою, простодушіемъ дикаря и первобытной дѣтской честностью. Замѣчено, что если торговцы допускаютъ всевозможные начеты и обманы, то инородецъ старается честно платить долги, не подозрѣвая, что они записаны двойнымъ мѣломъ. Самые худшіе элементы цивилизаціи группируются около дикаря съ цѣлью наживы. Все это ставитъ обмѣнъ въ самыя невыгодныя условія. Европейскій рынокъ поэтому дѣлаетъ инородца рабомъ, но не поднимаетъ его экономической и культурной жизни. Силу и могущество этого рынка хорошо сознаютъ высшія расы и цивилизаторы. Достаточно англичанамъ было забросить въ глухія мѣста Азіи и Америки красный европейскій платокъ и участь дикаря была рѣшена. Потребность развита, а съ этимъ создана и зависимость; зависимость крѣпчайшая, чѣмъ зависимость отъ силы и оружія. Теперь сознано, что во всѣхъ странахъ дикарей европейская торговля, при существующихъ пріемахъ эксплуатаціи, народила чуть-ли не болѣе зла, чѣмъ добра. Эксплуатація, раззоренія и опустошенія, произведенныя ею, стоятъ предшествовавшихъ войнъ. Сибирскіе дикари, обставленные еще болѣе грубыми и безцеремонными торговцами, не избѣгли своей участи. Познакомясь съ хлѣбомъ, водкою, табакомъ, порохомъ, желѣзомъ, они постоянно требуютъ ихъ, но получая эти предметы по неимовѣрной цѣнѣ, истощили всѣ средства, перепродали всѣ продукты свои, но потребность осталась неудовлетворенною и они остаются въ положеніи умирающаго Тантала. Вотъ источникъ экономическихъ бѣдствій. Въ результатѣ явился весьма странный фактъ. По словамъ путешественниковъ и изслѣдователей, тѣ инородцы чаще терпятъ бѣдствія, которые ознакомились съ хлѣбомъ. Докторъ Соколовъ приводитъ, что березовскіе инородцы прежде питались оленьимъ

мясомъ, молокомъ и рыбьимъ жиромъ, пища эта, имѣя азотистыя вещества и углероды, была здоровѣе. Нынѣ-же хлѣбъ, доставляемый промышленниками, самаго дурнаго качества, мука затхлая, что, часто неудовлетворяя питанію, развиваетъ болѣзни. Самоѣды, оставшіеся при животной пищѣ, здоровѣе остяковъ. Миддендорфъ говоритъ тоже о тунгусахъ, для которыхъ были созданы хлѣбные магазины. Когда отпускали хлѣбъ въ домъ, инородцы брали его, но не могли оплатить долга; когда перестали отпускать хлѣбъ, они начали вымирать. Казенные хлѣбные магазины создали наживу для вахтеровъ, обогащавшихся продажею хлѣба инородцамъ по произвольной цѣнѣ, та-же продажа въ рукахъ торговцевъ приносила неменьшія злоупотребленія. Въ томъ и другомъ случаѣ результаты явились плачевные. Бѣдность сидячихъ чукчей и инородцевъ сравнительно съ кочевыми оленеводами свидѣтельствуется Нейманомъ, американцемъ Кенаномъ и докторъ Шперкомъ. (Топографо-патологическіе очерки Восточной Сибири). Многіе тунгусы, остяки, чукчи, послѣ истребленія оленя, перешли къ рыболовству, и сдѣлались осѣдлыми рыболовами. Положеніе сидячаго—признакъ полной нищеты и бѣдности, положеніе это презирается. Иные отъ скотоводства переходятъ назадъ къ звѣроловству. Такимъ образомъ у инородцевъ является регрессъ въ жизни и развитіи, какъ слѣдствіе обѣднѣнія,—фактъ указанный уже Тейлоромъ. (См. Доисторическій бытъ человѣка и начало цивилизаціи, ст. 246). Въ Киргизской степи люди потерявшіе скотъ также дѣлаются осѣдлыми, но это не признакъ культурнаго развитія, это послѣдняя степень бѣдности. Рѣзче всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что снабженіе хлѣбомъ и казеннымъ порохомъ инородцевъ, не только не подняло ихъ быта, но, создавъ новыя привычки, въ концѣ сдѣлало ихъ положеніе безъ исходнымъ [1]).

Въ жизни инородцевъ, при уменьшеніи угодьевъ и промысловъ, и съ развитіемъ потребностей осуществился тотъ безжалостный законъ, который превысилъ ихъ потребности надъ способами и средствами пропитанія; при ухудшающихся условіяхъ жизни и при первобытной культурѣ, инородецъ поставленъ искусственно въ такія условія, что не въ состояніи окупить своего существованія. Вотъ гдѣ лежитъ ключъ къ общимъ его бѣдствіямъ. Разсматривая эти сложныя причины ухудшенія быта, обѣднѣнія, голода и совершающагося вымиранія, мы должны придти

---

[1]) Шашковъ, Положеніе инородц. въ XIX ст., стр. 259 Нарымскіе инородцы, Сибир. газета. Путешествіе по восточной Сибири Миддендорфа.

къ заключенію, что причины эти лежатъ далеко не въ однихъ физическихъ условіяхъ и не въ свойствѣ расъ, но всѣ бѣдственныя условія ихъ, какъ болѣзни, заразы, эпидеміи, и т. п. несчастія, есть результатъ безъисходныхъ окружающихъ обстоятельствъ, ухудшенія экономическаго положенія и безпомощной жизни инородцевъ. Сообразно съ этимъ предстоитъ въ предупрежденіе вымиранія позаботиться объ улучшеніи быта и экономическомъ положеніи населенія, обезпечивъ его въ смыслѣ гражданскихъ правъ отъ вторженія всякаго насилія. Весьма видную роль въ улучшеніи быта инородцевъ должно было бы играть наше культурное вліяніе. Несомнѣнно, что успѣхи наши въ распространеніи культуры были бы сильнѣе, если бы знали лучше бытъ и положеніе нашихъ инородцевъ. Къ сожалѣнію этого-то у насъ недоставало и наши культурныя завоеванія совершались помимо насъ тамъ, гдѣ мы не подозрѣвали. Кузнецкіе черневые татары, считающіеся доселѣ дикарями, звѣроловами, дали, напримѣръ, болѣе представителей осѣдлаго быта, чѣмъ кочевники-скотоводы, на которыхъ преимущественно сосредоточивалось вниманіе. Попытки побужденія и принужденія кочевниковъ-номадовъ къ переходамъ въ осѣдлое состояніе продолжаются до сихъ поръ, но рѣшительно не имѣютъ успѣховъ. Это бываетъ большею частью плодъ легкомысленныхъ проектовъ и мѣстныхъ канцелярскихъ измышленій.

Нечего говорить, что измѣнить культуру народа, обусловленную физическими условіями и вѣковыми привычками, не такъ легко, какъ и заставить предпочесть одно хозяйство другому. Такіе переходы совершаются подъ вліяніемъ весьма сильныхъ экономическихъ стимуловъ, по мѣрѣ накопленія средствъ и знаній въ населеніи. Часто весьма цивилизованные народы предпочитаютъ скотоводство земледѣлію. Примѣръ тому представляетъ Австралія, Америка и т. п. Замѣчательно, что наши побужденія и средства всегда состояли только въ принудительныхъ и стѣснительныхъ мѣрахъ, которыя скорѣе отталкивали и запугивали инородцевъ отъ всякихъ заимствованій. Составлялись приказы заниматься инородцамъ земледѣліемъ, но при этомъ не спрашивалось объ ихъ способностяхъ. Выходя изъ теоріи, что необходимо заставить заниматься земледѣліемъ, предполагается заставить, наприм., киргизъ сдѣлаться осѣдлыми путемъ запрещенія перекочевокъ, раздачею земель русскимъ въ степи и стѣсненіемъ кочеваго образа жизни. Между тѣмъ перекочевки киргизъ были экономическою потребностью передвижнаго скотоводства, которое доставляло пропитаніе милліонному населенію. Стѣсненіе

передвиженій и лишеніе лучшихъ угодій привело киргизъ къ обѣднѣнію, падежамъ скота и голодамъ.

Требуя часто невозможнаго отъ скотоводовъ, гдѣ физическія условія не позволяли перемѣну хозяйствъ, мы упускали изъ виду племена весьма близкія къ земледѣльческому быту. Многія осѣдлыя волости черневыхъ татаръ и кумандинцевъ, занимавшихся земледѣліемъ, записаны въ кочевыя, а земли ихъ раздаются крестьянамъ для поселеній. Такимъ образомъ инородцы лишаются своихъ пашенъ и луговъ. Подобныя же послѣдствія предвидятся въ киргизской степи. Этимъ самымъ, принуждая инородцевъ въ одномъ мѣстѣ, къ земледѣлію, въ другомъ, мы лишаемъ ихъ возможности заниматься этимъ промысломъ.

Изъ этого видно, что культурный вопросъ нашихъ инородцевъ остается далеко не разрѣшеннымъ и, при существующихъ отношеніяхъ русскихъ къ этимъ племенамъ, весьма затруднительнымъ.

УСЛОВІЕ

РАЗРѢШЕНІЯ ИНОРОДЧЕСКАГО ВОПРОСА.

IV.

Гражданское положеніе инородцевъ. — Наше законодательство. — Покровительственная политика.—Ясачныя коммисіи.—Инородческій уставъ Сперанскаго.—Современное положеніе инородцевъ и роль мѣстной администраціи.—Ясачные сборы и злоупотребленія.—Опека и снабженіе хлѣбомъ инородцевъ.—Распространеніе христіанства.—Попытки просвѣщенія. Условія, при которыхъ онѣ могутъ достигнуть успѣховъ.—Задачи цивилизаціи. — Будущность инородческихъ племенъ.

Намъ предстоитъ далѣе разсмотрѣть гражданскія условія существованія инородцевъ на Востокѣ и тотъ рядъ законодательныхъ мѣръ, которыми правительство стремилось дать имъ извѣстныя права. Съ самаго покоренія Сибири правительство признавало необходимымъ оказывать покровительство завоеваннымъ народамъ, указы твердили воеводамъ, чтобы они обращались „*кротко*“ съ покорившимися и служилымъ людямъ повелѣвалось „приказывать накрѣпко, чтобы они, ходя за ясакомъ, ясачнымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому не чинили а собирали бы съ нихъ ясакъ ласкою и привѣтомъ“ [1]). Идея покровительства и заботы объ инородцахъ еще рѣзче выступаетъ въ наказахъ Екатерины II, которая смотритъ на Сибирь, какъ на инородческую колонію и русскую Индію, гдѣ необходима либеральная колоніальная политика. Общечеловѣческіе идеалы XVIII столѣтія заставляютъ ее смотрѣть на міръ, а

---

[1]) Истор. Соловьева т. VII, 390, 391, т. IX, 430, 431.

также и на имперію, какъ на арену, гдѣ должны примириться всѣ племена. Въ это время императрица простираетъ свое вниманіе до вызова инородцевъ-дикарей ко двору, до покровительства бухарцамъ въ Сибири, предоставленія имъ многихъ привилегій, какъ торговому сословію, и водруженію нѣкоторыхъ символовъ инородческаго царства. Въ своихъ указахъ Екатерина II является настоящею защитницею и покровительницею обиженныхъ инородцевъ. Взглядъ этотъ выразился довольно опредѣленно въ указѣ по поводу посылки маіора Щербачева для переписи инородцевъ въ 1763 г. „Монаршимъ нашимъ словомъ обнадеживаемъ, говорилось въ этомъ указѣ, что не только всѣ подвластные подданные наши ясачные, равнымъ образомъ и впредь въ Имперію нашу и въ подданство приходящіе, содержаны будутъ въ желаемомъ спокойствіи, почему мы всѣ нашимъ вѣрноподданнымъ повелѣваемъ съ оными ясачными обходиться ласково, показывая имъ всякое доброхотство и не чиня имъ не только какихъ-либо притѣсненій, обидъ, грабительствъ, но ниже малѣйшихъ убытковъ; если же кто за симъ нашимъ Монаршимъ повелѣніемъ дерзнетъ чинить ясачнымъ народамъ нашимъ грабительства и раззоренія, а отъ ясачныхъ въ учрежденныхъ отъ насъ правительствахъ принесены будутъ намъ на кого во взяткахъ и въ прочемъ тому подобномъ жалобы, то повелѣваемъ наистрожайше слѣдовать и съ винными поступать по законамъ, а обидимыхъ по справедливости защищать безъ промедленія малѣйшаго времени, о чемъ сей нашъ манифестъ по всей Сибирской губерніи публиковать во всенародное извѣстіе“ (Манифестъ 1763 г. іюня 13 дня). Вмѣстѣ съ тѣмъ при Екатеринѣ II за осѣдлыми инородцами было весьма много укрѣплено земель. Къ сожалѣнію этотъ взглядъ государей не получилъ примѣненія въ Сибири. Въ 1763 г. усчитано было число инородцевъ въ 186,000 чел. и положенъ окладъ 165,000 р. Притѣсненія инородцевъ между тѣмъ не уменьшились, не смотря на внушенія правительства, окладъ продолжаетъ оставаться неизмѣненнымъ до Сперанскаго, т.-е. до 1822 г., или скорѣе до новой ясачной коммисіи; между тѣмъ число инородцевъ во многихъ мѣстахъ измѣнилось. Такъ въ Туруханскомъ краѣ вымерло отъ голода и болѣзней до $^3/_4$ инородческаго населенія, тогда какъ остальные должны были нести весь окладъ [1]). Уложеніе объ инородцахъ Сперанскаго въ 1822 г. пытается ввести порядокъ въ управленіе инородцевъ, раздѣлить ихъ на разряды по образу жизни и дать имъ нѣкоторыя

[1]) Шашковъ, Положеніе инородцевъ. Ист. этюды, стр. 174.

гарантіи самоуправленія, образовать инородныя думы, управы и т. д. Но и этотъ уставъ, замѣчательно доброжелательный по духу, не могъ осуществиться и повелъ точно также только къ недоразумѣніямъ. Прежде всего едва ли какая либо классификація могла быть сдѣлана безъ точнаго изслѣдованія быта инородцевъ однимъ канцелярскимъ путемъ. Еще болѣе явилось произвола при осуществленіи этого устава и зачисленіи инородцевъ въ разряды. Эти недостатки въ регламентаціи были обнаружены въ 1828 г. новою ясачною коммисіею. Ясачная коммисія старалась только поправить разряды и установить новый опредѣленный окладъ. Этотъ окладъ по переписи 1835 года остается неизмѣннымъ и доселѣ, а законодательство для инородцевъ, созданное Сперанскимъ, продолжаетъ существовать болѣе полустолѣтія въ нашемъ сводѣ законовъ. Не смотря на его благія желанія урегулировать управленіе инородцевъ и дать имъ нѣкоторые права и законы, этотъ уставъ рѣшительно не привился на дѣлѣ въ Сибири. Духъ его остался непонятымъ, не усвоеннымъ, а бытъ инородцевъ остается въ томъ же, если не худшемъ, видѣ, чѣмъ до устава Сперанскаго 1828 г. Уступки инородческому обычному праву не оказали никакихъ гарантій. Древнее самоуправленіе исчезало, старый общественный союзъ разрушался, новый не создавался, и инородцы представляли стадо, запуганное земской полиціей. Тамъ, гдѣ инородцы обязывались организовать волости, тамъ все вручалось присланному писарю, который и являлся хозяиномъ и посредникомъ волости съ властью. Распоряженія такихъ писарей инородческою судьбою вели только къ массѣ злоупотребленій и поборамъ. Инородческая волость явилась подчиненною на дѣлѣ однимъ земскимъ засѣдателямъ, власть которыхъ явилась безконтрольною. Это давленіе земской полиціи, ея безцеремонный характеръ, низкое развитіе, ограниченное содержаніе въ Сибири, и своекорыстныя стремленія не позволили водворить ни малѣйшаго порядка и справедливости въ волостяхъ, а создали многочисленныя злоупотребленія, безотчетные поборы, практикуемый произволъ, жестокія наказанія, нечеловѣчное обхожденіе съ инородцемъ, уничтожали всякіе слѣды законности. Вдали отъ надзора мелкіе исполнители и земская полиція съ своими нравами дискредитировали такимъ образомъ лучшія намѣренія правительства. Сибирскіе засѣдатели и исправники до послѣдняго времени свирѣпствуютъ въ инородческихъ волостяхъ; ни указы государей, ни законодательство, ни гуманный уставъ Сперанскаго, ни страхъ закона, ни внушенія человѣческой совѣсти не могли защитить, оградить инородца и заставить уважать его человѣческія права. При отсутствіи знанія инородче-

скаго быта, распредѣленія инородцевъ и движенія населенія переписка объ устройствѣ инородческихъ волостей и общественнаго управленія продолжалась нѣсколько десятковъ лѣтъ, но къ сожалѣнію отъ неумѣнія организовать это дѣло, не привела ни къ чему. „Въ теченіи 40 лѣтъ дѣло это ограничивалось мертвой канцелярской перепиской и не заключаетъ ничего, чтобы можно было сдѣлать заключеніе о томъ, что и какъ слѣдуетъ учредить между инородцами". Таковъ былъ оффиціальный приговоръ этого дѣла [1]). „Въ основѣ административныхъ началъ, говоритъ журналъ Томской казенной палаты, долженъ лежать бытъ народа т.-е. его нравы, обычаи, образъ жизни, степень развитія, а равно и мѣстныя условія; чтобы безошибочно опредѣлить какой порядокъ управленія свойственнѣе и полезнѣе для инородцевъ, необходимо знать ихъ прошедшее и настоящее, и для этого необходимъ умъ пытливый, наблюдательный, дѣятели научные и привычные къ такого рода трудамъ; между тѣмъ изъ 40-лѣтней переписки видно, что столь серьезный трудъ возлагался на земскую полицію, на земскихъ засѣдателей, у коихъ не было ни времени, ни умѣнья взяться за это дѣло, какъ слѣдуетъ, почему весь трудъ заявлялся въ мертвой канцелярской отпискѣ бумагъ, парализовавшей всѣ распоряженія мѣстной высшей власти". Но вслѣдъ за вопросомъ управленія, является не менѣе серьёзнымъ и, пожалуй, болѣе важнѣйшимъ вопросъ податнаго обложенія инородцевъ. Ясачные сборы причиняли съиздавна не мало безпорядковъ и служили поводомъ къ ухудшенію быта инородцевъ. Ясачные сборы съ инородцевъ мѣхами стали съ перваго-же раза, благодаря недобросовѣстности сборщиковъ, тягостью и разореніемъ для инородцевъ; не смотря на огромные поборы за инородцамя все-таки показывались недоимки. Вслѣдъ за покореніемъ Сибири въ 1596 г., мы находимъ свѣдѣнія объ обремененіи пелымскихъ и нарымскихъ инородцевъ сборами, вслѣдствіе чего уменьшены съ нихъ сборы ясака и прощены недоимки. Тѣ же явленія продолжаются во все послѣдующее время, инородцы жалуются на раззореніе, насилія надъ ними; правительство приказываетъ, по возможности, щадить инородцевъ и взыскивать одну только подать, но никакія мѣры и самое прощеніе недоимокъ не помогаетъ. Въ 1763 г. составляется Щербачевымъ перепись инородцевъ и на инородческое населеніе въ 186,000 налагается ясачный окладъ въ 165,000 рублей; окладъ этотъ не могъ быть обременительнымъ, если бы, во-1-хъ, онъ взыскивался только въ

[1]) Журналъ Томской казенной палаты по 1864 г.

опредѣленномъ казною количествѣ, во-вторыхъ, болѣе соотвѣтственно съ количествомъ рабочихъ душъ. Но съ 1763 г. въ бытѣ инородцевъ произошли замѣчательныя потрясенія и измѣненія, а окладъ этотъ оставался тотъ же до 1824 г.

Съ распредѣленіемъ инородцевъ въ новые разряды и съ переводомъ нѣкоторыхъ въ число осѣдлыхъ, соотвѣтственно Уставу Сперанскаго, положеніе дѣлъ не только не улучшается, но податная система легла еще тяжелѣе. Многіе изъ инородцевъ, не смотря на осѣдлость, къ этому времени совершенно были раззорены. Платя до 1824 г. по 1 р. 50 к. съ души, съ этого года, съ перевода въ разрядъ осѣдлыхъ поселянъ, съ нихъ послѣдовало обложеніе въ 11 р. съ души, да по стольку же за умершихъ съ ревизіи 1816 г. Все это привело къ тому что съ инородцевъ тобольскихъ, вмѣсто прежняго оклада въ 127,819 р. съ 1824 по 1832 г. пришлось денежной повинности за 8 лѣтъ взыскать 1.359,845 р. Инородцы смогли уплатить въ счетъ этой громадной суммы всего 735,397 р., слѣдовательно въ недоимкѣ за ними состояло 624,648 р.; въ такомъ же положеніи очутились и другіе осѣдлые инородцы. Хотя ясачныя коммисіи обнаружили всю несоразмѣрность, всю тяжесть обложенія и открыли приэтомъ много несправедливостей, тѣмъ не менѣе онѣ не могли улучшить быта инородцевъ и сократить оклады. Напротивъ, послѣ ясачной коммисіи въ общемъ сумма сборовъ возвысилась. Такъ, инородцы съ 1835 г. по обложенію вмѣсто прежнихъ 146,460 р. 55 к. стали платить 525,162 р. 99 к. Злоупотребленія при сборѣ ясака не уменьшались; кромѣ того на нихъ наложены были новыя повинности. Резолюціи и заключенія, къ которымъ пришла ясачная коммисія, были однако замѣчательны. Коммисія ходатайствовала о сложеніи недоимокъ, „такъ какъ взыскать ихъ было невозможно, не доведя инородцевъ до совершеннаго раззоренія“. Недоимки по 1 января 1832 г., были такимъ образомъ прощены „по уваженію разстроеннаго состоянія инородцевъ отъ обременительной экзекуціи и другихъ допущенныхъ злоупотребленій“, какъ сказано въ указѣ Сената генералъ-губернатору Западной Сибири. Но и за такимъ важнымъ облегченіемъ осѣдлые инородцы не въ состояніи были платить полнаго крестьянскаго оклада, поэтому предположено было для нихъ въ продолженіи десяти лѣтъ съ 1840 по 1850 платить $^2/_3$ крестьянскаго оклада; а съ 1-го января 1850 года полный окладъ. Не смотря на сдѣланныя облегченія и льготы, а также не смотря на то, что нѣкоторыя изъ осѣдлыхъ управъ доселѣ обложены податью только въ количествѣ 4 руб. 41 коп.

(осѣдлыя волости татаръ Томской губерніи), недоимки не только не уменьшились, но возрасли. Такъ съ 1850 г. по 1860 г., увеличились недоимки у тѣхъ же тобольскихъ осѣдлыхъ татаръ и томскихъ. Недоимки эти въ 1875 г. по 4 округамъ равнялись 480,234 рублямъ. Накопившіяся недоимки взыскиваются обыкновенно самымъ безпощаднымъ образомъ, продажею имущества инородцевъ, отдачею ихъ въ заработки промышленникамъ и только по истощеніи всѣхъ средствъ, они представляются къ сложенію, то-есть когда раззореніе достигло крайнихъ предѣловъ; наконецъ, что еще важнѣе, самые оклады взыскивались всегда не въ положенномъ казною размѣрѣ, но въ гораздо высшемъ, часто суммы взысканныя съ инородцевъ оставались въ рукахъ сборщиковъ и засѣдателей, а на нихъ отмѣчались недоимки. Подобные двойные сборы, какъ причина недоимки, не всегда было удобно объяснять мѣстному начальству; но несомнѣнно они играли значительную роль. Что касается общихъ повинностей, налагаемыхъ на инородцевъ, то они такъ были тяжелы что инородцы закладывали свои угодья и нанимали для выполненія ихъ русскихъ. Мірскіе расходы ложились на инородцевъ большею тяжестью, чѣмъ самыя подати.

Что касается ясачнаго сбора съ кочевыхъ инородцевъ, то окладъ этотъ могъ быть точно также не обременительнымъ, если бы только онъ не отражался въ увеличенныхъ сборахъ и въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыми сопровождалось внесеніе ясака мѣхами. Правительство, желая облегчить инородцамъ внесеніе подати, въ виду недостатка денежныхъ знаковъ, предоставило имъ вносить мѣха, которые шли въ доходъ Кабинета Его Величества, но сборъ мѣховъ съиздавна былъ поводомъ для злоупотребленій въ Сибири. Не смотря на то, что инородцамъ предоставляется вносить ясакъ въ казначейство деньгами, на практикѣ является, что инородцы, напуганные чиновниками, что ихъ запишутъ въ осѣдлый окладъ, предпочитаютъ вносить мѣхами; между тѣмъ постоянное уменьшеніе звѣря въ Сибири и его „неурожаи“ ставятъ инородцевъ въ большое затрудненіе. Самые цѣнные мѣха, въ большинствѣ случаевъ, покупаются у торговцевъ, которые пользуются случаемъ взять съ инородцевъ высшія цѣны; соболь покупается въ 15 и 25 р., когда въ казну сдается по 3 р. Затѣмъ, сборъ въ волости производится обыкновенно звѣриными шкурами съ юрты, причемъ сбираются князьями и зайсанами не по оцѣнкѣ, а произвольно; здѣсь должны войти всѣ расходы по поѣздкѣ сборщиковъ въ городъ, на переводчиковъ, на сношеніе съ властями. При сдачѣ ясака, во избѣжаніе злоупотребленій, законъ

предполагалъ для бо̀льшихъ гарантій создать взносъ въ особомъ составномъ присутствіи изъ казначея, исправника, стряпчаго и т. д. Но это повело только къ тому, что въ пріемѣ ясака явилось болѣе лицъ заинтересованныхъ. Удивительно, что при всей требовательности, съ какою относятся пріемщики, при огромной стоимости ясака для инородцевъ, результаты явились совершенно неожиданные. Въ Кабинетъ доставлялись мѣха худшаго качества и вся вина сваливалась на несчастныхъ инородцевъ. По поводу дурнаго взноса ясака не разъ Кабинетомъ начинались переписки; мѣстное начальство изыскивало причины ухудшенія лова звѣря, но истинной причины какъ будто бы не открывало. Такимъ образомъ, не смотря на ничтожный окладъ въ 1 р. и 1 р. 50 к. съ души, сборы съ кочевыхъ инородцевъ удесятерялись. Недоимки на кочевыхъ инородцахъ были также часты; а между тѣмъ, земскіе чиновники составляли себѣ состояніе въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Такія злоупотребленія, какъ мы убѣдились обзоромъ инородческаго раіона, продолжаютъ существовать. Къ этому-же присоединилось образованіе волостей, содержаніе писарей въ кочевыхъ раіонахъ, которые внесли не столько порядка въ управленіе, сколько новые незаконные поборы. Въ такомъ свойствѣ податной системы лежитъ одна изъ видныхъ причинъ инородческаго обѣднѣнія и раззоренія. Податной вопросъ, такимъ образомъ, заслуживаетъ наиболѣе вниманія, тѣмъ болѣе, что оклады инородцевъ остаются неизмѣненными съ 1835 г., а современная платежная способность инородцевъ невыяснена. Система взиманія ясака и преобразованіе его въ денежный сборъ, въ устраненіе существующихъ злоупотребленій, составляетъ также очередную задачу. Какъ попытки введенія правильнаго управленія среди инородцевъ, такъ и опека правительства въ огражденіе инородцевъ отъ притѣсненій, злоупотребленій, а также заботы объ обезпеченіи продовольствія инородцевъ въ моменты тяжкихъ бѣдствій, къ сожалѣнію, не привели къ должному результату. Правительство съиздавна запрещало ввозъ вина въ стойбища инородцевъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Сибирскій комитетъ въ 1830 году запрещаетъ ввозить къ самоѣдамъ даже лекарства настоянныя на винѣ. Тѣмъ не менѣе винная продажа вездѣ проникла. Торговлю виномъ практиковали не одни торговцы, съ жаждой барыша, но этимъ занимались священники, засѣдатели-управители инородцевъ и т. д. Въ настоящее время, благодаря проникновенію русскихъ, вино повсюду доставляется инородцамъ и запрещеніе не привело ни къ чему, развѣ только повысило цѣну вина. Являясь какъ запретный плодъ и дѣйствуя на инородцевъ

временами, періодически, оно имѣло тѣмъ болѣе губительное вліяніе. Что касается созданія казенныхъ магазиновъ для продовольствія, то они повели только къ накопленію долговъ на инородцахъ, которые взыскивались съ безпощадной строгостью; раздача хлѣба вела, наконецъ, къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ, такъ какъ находилась въ рукахъ казенныхъ вахтеровъ. Г. Шашковъ приводитъ, что долгъ за хлѣбъ въ туруханскомъ округѣ простирался иногда до 200 р. на человѣка. Въ 1861 г. на 63 инородцахъ считалось 13,000 р. с. хлѣбной недоимки. Въ березовскомъ краѣ въ 1850 г. хлѣбный долгъ былъ равенъ 12,947 руб. с., въ 1852 г. 17,000 р. О накопленіи подобной же недоимки въ нарымскомъ округѣ въ 50,000 р., и о тѣхъ-же злоупотребленіяхъ сообщаетъ очевидецъ въ 1881 г. (Сибирская газета „Инородцы Нарымскаго Округа“, 1881 г. №№ 21 и 22). Это снабженіе хлѣбомъ имѣло чисто фиктивный характеръ; вахтера записывали хлѣбъ на инородцевъ, но сами продавали его торговцамъ, которые уже снабжали инородцевъ по двойной цѣнѣ. Наконецъ, эта торговля кончилась разореніемъ инородцевъ и накопленіемъ состоянія у вахтеровъ. (См. тоже Сибирск. Газета о нарымскомъ краѣ №№ 21 и 22). Магазины эти признается нынѣ своевременнымъ сдать самимъ инородческимъ обществамъ съ завѣдываніемъ ихъ избранными сторожами. Къ тѣмъ же злоупотребленіямъ вела продажа свинца и пороха.

При такихъ условіяхъ и инстинктахъ русскаго населенія весьма трудно было думать о цивилизующихъ вліяніяхъ, о православіи, просвѣщеніи и снабженіи инородца лучшими духовными благами.

Что русскіе упустили свою роль въ дѣлѣ вліянія, это можно видѣть на религіозномъ вопросѣ. Среди сибирскихъ инородцевъ распространяется нѣсколько религій. Большинство сибирскихъ инородцевъ были язычниками или шаманистами, въ томъ числѣ даже нынѣшніе магометане и буддисты. Тобольскіе татары приняли магометанство изъ Бухары тотчасъ передъ пришествіемъ русскихъ, и эта религія получила огромное распространеніе уже во время владычества русскихъ; такъ барабинскіе татары принимаютъ магометанство только въ 1745 г., то-есть болѣе полутораста лѣтъ находясь подъ русскимъ вліяніемъ. Нынѣ изъ 142,191 инородцевъ Тобольской и Томской губерній 47,326 магометанъ; если мы присоединимъ до 788,000 сибирскихъ киргизъ, также принявшихъ исламъ, то увидимъ, что магометанство здѣсь совершило наибольшія побѣды. Во всё время средняя Азія снабжала Сибирь своими проповѣд-

никами ходжами, муллами, которые ревностно проповѣдуя исламъ среди инородцевъ, уже подвластныхъ русскимъ, обратили значительную часть ихъ въ свое вѣроисповѣданіе.

Точно также весьма сильное вліяніе имѣлъ на сибирскихъ инородцевъ и буддизмъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1741 г., въ Восточной Сибири оказалось, что большинство бурятъ держится шаманской вѣры, то-есть язычники, а у буддистовъ было только 11 дацановъ и 150 ламъ, но въ 1845 г. оказалось буддистовъ 85,060, а ламъ 3514, въ 1848 буддистовъ было уже въ Забайкальи 125,000, а ламъ 4,546. Нынѣ между бурятами совершенно распространился буддизмъ. Вліяніе буддизма видно и на южныхъ алтайскихъ племенахъ. Что касается остальныхъ язычниковъ, то они составляютъ теперь уже меньшинство, по крайней мѣрѣ въ Западной Сибири на 820,191 чел. инородцевъ остается язычниковъ 35,873 чел., то-есть 4,3%.

Русскіе встрѣтили въ Сибири три различныхъ міровоззрѣнія, боровшіеся между собою, изъ коихъ двѣ могучихъ старыхъ религіи, испытавшихъ уже свою силу и вліяніе въ мірѣ; поэтому христіанство здѣсь должно было встрѣтить гораздо болѣе препятствій къ распространенію своему. Притомъ вліяніе его появляется весьма поздно, когда другія религіи овладѣли полемъ въ народномъ міровоззрѣніи. Первое время русскіе были заняты завоеваніями и пріобрѣтеніями, тогда было не до проповѣди. Весь XVII вѣкъ проходитъ въ усмиреніи инородческихъ бунтовъ. Только въ XVIII вѣкѣ выступаютъ заботы объ обращеніи инородцевъ въ христіанство, но проповѣдь распространяется только на сѣверныхъ инородцевъ, причемъ выдается энергія обращенія остяковъ и вогуловъ Филофеемъ Лещинскимъ съ 1712 по 1714 годъ. Что касается утвердившихся религій—магометанской и буддійской, то здѣсь мы чаще видимъ полное признаніе ихъ и желаніе только, чтобы религіозные центры ихъ находились не внѣ русскихъ владѣній. Съ этою цѣлью даже оказывается покровительство; этимъ религіямъ; въ киргизской степи распространяются мечети по повелѣнію правительства, мулламъ изъ тобольскихъ татаръ назначается жалованье отъ казны. То же самое дѣлается по отношенію къ буддизму. Въ Забайкальи создается высшая буддійская духовная власть хамба-ламы. На долю обращенія въ христіанство при этомъ остается весьма небольшой контингентъ язычниковъ Миссіонерская дѣятельность весьма слабо практикуется. Только въ 1828 г. въ березовскій и алтайскій округи командируются миссіонеры; дѣятельность этихъ миссій, какъ оказалось впослѣдствіи, была весьма незначительна. Вообще обращены въ православіе только

вогулы и остяки; въ тобольской губерніи они составляютъ 27,949 д., затѣмъ въ томской крещеныхъ инородцевъ считается нынѣ 26,726 принадлежащихъ къ финскимъ народностямъ и частью алтайцамъ. Итого 54,000 д. на всѣхъ инородцевъ. Православіе распространялось при этомъ не между самыми культурными и развитыми инородцами, но среди низшихъ ихъ представителей, осѣдлые же татары, окруженные русскимъ населеніемъ, остаются фанатиками ислама. Что касается Восточной Сибири, то православіе распространилось въ енисейской губерніи, гдѣ болѣе 30,000 крещеныхъ инородцевъ, въ Забайкальской и Якутской областяхъ; тѣмъ не менѣе приверженцы шаманизма и постоянно расширяющаго кругъ своихъ послѣдователей буддизма, составляютъ видный процентъ и на востокѣ Сибири. Судьба православія въ средѣ инородческихъ племенъ низкаго развитія, рядомъ съ борьбою и соперничествомъ древнихъ религій Азіи, выразилась, конечно, своеобразно. При распространеніи религій, кромѣ факта воспріятія, весьма важно знать на сколько усвоена религія, понята, и поддерживается ли религіознымъ воспитаніемъ и примѣромъ культурной расы. Это зависитъ всегда отъ народности ее прививающей. Въ результатѣ борьбы мы видимъ, судя по числовымъ даннымъ, что господство и преобладаніе далеко не остается за православіемъ; это можетъ объясняться какъ тѣмъ, что инородческія племена по своему міросозерцанію болѣе тяготѣли къ восточнымъ религіямъ, такъ и родствомъ происхожденія, языка и проч., которое соединяло инородцевъ съ магометанами-татарами и буддистами-монголами. Во-вторыхъ и главнѣе всего, мы видимъ магометанскую и буддійскую пропаганду болѣе дѣятельною въ Сибири; муллы и ламы, проникая и живя среди инородцевъ, болѣе заискали, болѣе пріобрѣли симпатій и, наконецъ, умѣли подѣйствовать на духъ инородца. Магометанство и буддизмъ являются поэтому довольно окрѣпшими въ Сибири, православіе же, совершая пріобрѣтеніе въ средѣ низшей, и, какъ мы сказали, языческой, имѣетъ весьма слабое вліяніе на магометанъ и буддистовъ. Съ 1860 по 1869 г. изъ среды татаръ тобольской губерніи, составляющей 40,000 сплоченнаго фанатическаго магометанскаго населенія, крещено было только 300 человѣкъ, а въ послѣднее время въ 5 лѣтъ 58 человѣкъ. Съ весьма давняго времени, (съ 1712 г.), какъ мы видимъ, крещена значительная часть остяковъ и вогуловъ, но время нисколько не укрѣпило ихъ въ православіи; по отзывамъ всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ они признаются христіанами номинально. „Двѣ трети остяковъ, считающихся православными съ первой четверти прошлаго столѣтія, не отрѣ-

шились отъ языческихъ понятій", говоритъ Губаревъ, посѣтившій березовскій округъ. „Остяки окрещены 150 лѣтъ назадъ, пишетъ другой очевидецъ, но руководствуются внѣшними обрядами и иконы лежатъ въ заднемъ углу или подъ лавкой и вынимаются въ рѣдкихъ случаяхъ при пріѣздѣ священника". Начальникъ тобольской губерніи въ своемъ отчетѣ за 1864 годъ свидѣтельствуетъ то же. Обращенные въ православіе бурята и якуты остаются при прежнихъ суевѣріяхъ и продолжаютъ сноситься съ шаманами (см. Шашковъ. Инородцы въ XIX ст.). „Это наружное принятіе русской вѣры, по словамъ Щапова, не приноситъ имъ пользы, не просвѣщаетъ ихъ дѣйствительно и существенно". Весьма часто неумѣлые и неспособные проповѣдники христіанства только вооружаютъ и озлобляютъ инородческія племена своими пріемами; создавъ нѣсколько обращенныхъ, они предпринимаютъ гоненіе на остальную массу язычниковъ, вооружаютъ инородческое населеніе и отталкиваютъ отъ обращенія. Таковъ между прочимъ характеръ миссіонерской дѣятельности въ Сибири. Миссіонерскихъ центровъ было весьма немного, но и въ нихъ выразились всѣ недостатки низшаго духовенства и монашества, а также извѣстная деморализація его. Миссіонеръ въ Сибири далеко не былъ человѣкомъ высоко сознающимъ свои задачи изученія народности и ея духа, прежде чѣмъ приняться измѣнять міросозерцаніе, онъ не былъ даже человѣкомъ образованнымъ. Изолированность и замкнутость самого его доводила до отчаянія, не принося пользы окружающей средѣ.

Наиболѣе замѣтной и отличающейся культурнымъ и просвѣщеннымъ характеромъ явилась дѣятельность алтайской миссіи; благодаря усиліямъ и плану основателя ея, архимандрита Макарія, среди алтайцевъ были нѣкоторые успѣхи обращенія, хотя число обращенныхъ крайне не велико; въ 50 лѣтъ существованія въ миссіи было крещено при всей энергіи до 5,000, т.-е. по 100 на годъ, хотя штатъ миссіи всегда состоялъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ духовенства. Нынѣ находится въ алтайской миссіи 12 миссіонеровъ и 22 лица въ званіи причетниковъ. Алтайская миссія рядомъ съ обращеніемъ въ христіанство стремится новокрещеныхъ пріучить и къ осѣдлости. Но это чаще запугиваетъ кочевниковъ, осѣдлость же прививается только благодаря русскимъ крестьянамъ, живущимъ въ деревняхъ миссіонеровъ.

Жалкая жизнь новокрещеныхъ осѣдлыхъ инородцевъ не разъ обращала вниманіе всѣхъ путешественниковъ: Радлова въ Алтаѣ, Кастрена среди васъюганскихъ остяковъ, миссіонера Аргентова

среди чукчей. Послѣдній приводитъ замѣчательный отзывъ самихъ инородцевъ о результатѣ крещенія при помощи принудительнаго обращенія къ осѣдлости. Когда миссіонеръ предложилъ одному старику крещеніе, онъ отвѣтилъ:—„Я былъ молодъ, русскіе ласкали меня и я окрестился, теперь я гляжу на былое иными, стариковскими глазами. Что принесло намъ крещеніе? Люди бѣднѣютъ, стада ихъ уменьшаются, олени переводятся, да и самые люди переводятся; стариковъ почти вовсе не стало, многіе умерли не по-людски. Нѣтъ, я хочу умереть по-нашему, по-человѣчески!“ — Этотъ страхъ вымиранія при измѣненіи образа жизни и прежнихъ промысловъ отталкиваетъ инородцевъ отъ православія, гдѣ оно является синонимомъ осѣдлости.

Такимъ образомъ, фактъ непремѣннаго принятія осѣдлости съ крещеніемъ является не всегда въ интересѣ новообращенныхъ, захватъ же земель и хозяйственныя распоряженія еще губительнѣе дѣйствуютъ на остальное необращенное населеніе. Такіе экономическіе эксперименты пріобрѣтенія огромныхъ земель въ пользу миссіонерскихъ монастырей и общинъ, подрываютъ окончательно представителей православія въ глазахъ язычниковъ. Только этимъ, а не духомъ религіи, можно объяснить слабые успѣхи обращенія инородцевъ миссіонерами.

Замѣчательно, что тамъ, гдѣ миссіонеровъ не было, но шире распространялась русская колонизація, тамъ инородцевъ перешло въ православіе гораздо болѣе и совершенно добровольно. Сравнивая населеніе кузнецкаго округа, томской губерніи, гдѣ колонизація уже сдѣлала успѣхи, съ бійскимъ округомъ, гдѣ переселеніе въ инородческій раіонъ запрещалось, мы видимъ, что въ первомъ изъ 15,000 инородцевъ уже 7,300 осѣдлыхъ, въ бійскомъ же округѣ изъ 27,400 едва 4,500 душъ. Православныхъ въ кузнецкомъ округѣ 13,800 душъ, а въ бійскомъ не болѣе 5,000. Таково вліяніе русской колонизаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхи православія и распространенія культуры были бы гораздо шире, если-бы рядомъ шло образованіе и просвѣщеніе инородцевъ, точно также въ этомъ умственномъ развитіи инородцевъ и пробужденіи ихъ духовныхъ силъ мы видимъ могучее средство ихъ спасенія и залоги будущаго существованія. До тѣхъ поръ, пока инородцы будутъ подъ опекой, не съумѣютъ сами заявлять нуждъ своихъ, не укажутъ средствъ для спасенія существованія и сохраненія племени, трудно разсчитывать на постороннія заботы.

Со стороны русской народности въ Сибири къ сожалѣнію почти ничего не сдѣлано для инородческаго образованія и про-

бужденія инородческаго ума. Ни системы инородческихъ школъ, ни ихъ характеръ и задачи воспитанія не разработывались въ Сибири. Попытки основанія школъ были случайныя, точно такъ же, какъ и доступъ инородцевъ въ русскія учебныя заведенія. Никакого привлеченія и поощренія здѣсь не дѣлалось и опека надъ инородцами, столь ревностная въ другихъ случаяхъ, здѣсь совершенно устранялась.

Въ 1782—1784 году администрація старалась о распространеніи школъ и обученіи корану татаръ и киргизовъ, но это было чисто магометанское, а не общее образованіе. Въ XVIII столѣтіи были попытки основанія нѣсколькихъ школъ, но онѣ не оставили никакой памяти. Въ XIX столѣтіи началось водвореніе миссіонерскихъ школъ. Такія школы были созданы при кондинской миссіи у остяковъ; ихъ показывалось, въ 1847 г., девять съ 71 чел. учащихся, но, какъ обнаружилось, средства имѣлись всего на 12 мальчиковъ. Школы, кондинская и обдорская, по оффиціальному отзыву начальника тобольской губерніи въ 1864 году, существовали скорѣе на бумагѣ. Прежде брали въ кондинское училище 10 мальчиковъ у остяковъ принудительно, при помощи земской полиціи. Мальчики учились по 3 и 4 года, но преподаваніе было такъ дурно и небрежно, что въ нихъ ничему не выучивались. При церквахъ въ березовскомъ округѣ, хотя и были предположены школы, но не открывались, такъ какъ духовенство не желало учить безъ вознагражденія; въ березовскомъ уѣздномъ училищѣ учился всего одинъ остякъ. Всѣ создававшіяся и существовавшія въ весьма маломъ числѣ миссіонерскія школы отличаются вдобавокъ такою односторонностью, что обучившіеся мальчики не получаютъ дальнѣйшаго образованія, а самое большее зачисляются въ причетники и служки миссіи, стало быть о способностяхъ инородцевъ вообще къ наукѣ здѣсь ничего нельзя сказать. Что касается доступа инородцевъ въ русскія учебныя заведенія, то, конечно, онъ былъ весьма труденъ, и если попадали сюда инородцы, то случайно.

Правительство не разъ пытались поднять вопросъ объ инородческихъ школахъ; такъ между прочимъ въ 1853 г. министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ спрашивалъ объ этомъ сибирскую администрацію, но вопросъ этотъ къ сожалѣнію не получилъ нормальнаго направленія и даже не могъ быть основательно разработанъ.

Вопросъ объ образованіи инородцевъ съ перваго же раза выдвигаетъ нѣсколько практическихъ вопросовъ, требующихъ вни-

мательнаго отношенія и соображенія съ положеніемъ народности. Эти вопросы состоятъ, во-первыхъ, въ средствахъ, на которыя должны содержаться школы, во-вторыхъ, принудительности, обязательности или свободномъ привлеченіи къ образованію и въ третьихъ, о самомъ характерѣ преподаванія для инородцевъ, причемъ является вопросъ о выгодахъ распространенія знанія на русскомъ или инородческомъ языкахъ. Что касается средствъ, на которыя должны быть создаваемы школы, то весьма обширная переписка объ этомъ предметѣ въ 1853 г. привела къ одному заключенію, что созданіе школъ на счетъ инородцевъ невозможно и неосуществимо въ виду крайне жалкаго быта и бѣдности большинства, находящагося въ положеніи дикарей; всякіе новые налоги и тягости угрожаютъ имъ окончательнымъ раззореніемъ. Несомнѣнно, что созданіе этихъ школъ должно быть обязанностью высшей расы, имѣющей въ виду привитіе циливизаціи. На предложеніе инородцамъ завести школы они отвѣчали обыкновенно отказомъ и просьбами не заводить ихъ, будучи предубѣжденными и испытавъ въ своей жизни горькія послѣдствія всевозможныхъ мѣропріятій. Съ этимъ же связанъ вопросъ объ обязательности и принужденіи обученія инородцевъ. Обыкновенно доселѣ отъ инородцевъ дѣтей отбирали насильственно. Нечего говорить, какъ это вооружило инородцевъ противъ образованія. Мысль объ обязательности, а особенно принудительности образованія, непримѣнимая ни къ какому населенію, могла вытекать только изъ дикихъ взглядовъ мѣстнаго чиновничества. Она мало того, что не полезна въ смыслѣ образованія, но безчеловѣчна сама по себѣ и нарушаетъ всякую законность. Между тѣмъ другой системы мѣстная земская администрація никогда не понимала; отсюда вытекала масса злоупотребленій именемъ просвѣщенія. „Давай деньги, какъ отступное, или возьмемъ дѣтей у тебя и сдѣлаемъ русскими, обратимъ въ иную вѣру и отдадимъ въ солдаты!“ Понятно, какой ужасъ могло навести на инородцевъ такое просвѣщеніе. И вотъ инородцы доселѣ находятся подъ вліяніемъ такой мысли, внушенной имъ просвѣщенной сибирской администраціей. Недавно, въ нѣкоторыхъ школахъ и въ интернатахъ Киргизской степи вынуждаемые инородцы прибѣгли къ покупкѣ дѣтей у бѣдняковъ и отдачѣ ихъ въ школы, которыя кажутся имъ гибелью. Вопросъ руссификированія, какъ жгучій вопросъ національностей, неумѣло и грубо примѣняемый, порождаетъ весьма часто только насиліе и возбуждаетъ отвращеніе. Къ сожалѣнію эта руссификація также предлагается по отношенію къ инородческимъ школамъ безъ размышленія о послѣдствіяхъ.

Если народность весьма сблизилась съ русскими и даже усвоила русскій языкъ, тогда нѣтъ никакихъ препятствій, конечно, къ обученію на русскомъ языкѣ и вопросъ обученія здѣсь сливается съ обыкновеннымъ сельскимъ образованіемъ. Другое дѣло относительно народностей и племенъ, пока весьма склонныхъ удерживать свою національность, свой языкъ, свои вѣрованія, страшащихся нарушенія ихъ и всякаго принужденія. Для такихъ племенъ полезнѣе привитіе знанія на природномъ языкѣ и переводъ учебниковъ, какъ и самого священнаго писанія на инородческій языкъ; при этомъ, смотря по предубѣжденію и характеру народности, нужно обсудить, что должно предшествовать грамотности: развитіе ума, какъ начало дальнѣйшаго образованія и знакомство съ высшимъ христіанскимъ міросозерцаніемъ, которое явится само собою при знакомствѣ съ христіанской наукой, или воспитаніе прямо религіозное. Намъ кажется, что вопросъ образованія и знакомство съ наукою должны быть выдѣлены для инородцевъ, какъ относительно всѣхъ племенъ, держащихся иныхъ вѣроисповѣданій, гдѣ предполагается постепенное подготовленіе къ иной религіи, а не навязываніе ея, могущее дать обратные результаты. Просвѣщеніе на инородческомъ языкѣ и знакомство съ наукою, надо замѣтить, ни мало не оттолкнетъ образованнаго инородца отъ русскаго языка и національности, но болѣе сблизитъ его, такъ какъ развернувшаяся любознательность заставитъ его познакомиться не только съ жизнью русскаго просвѣщеннаго міра, но и европейскаго. Мы видимъ, что успѣхи развитія и просвѣщенія шли у инородцевъ быстрѣе, когда религіозныя книги и евангеліе переводились на инородческіе языки. Доказательствомъ служитъ дѣятельность англійскихъ миссіонеровъ въ забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, эта миссія прожила около 20 лѣтъ, завела монгольскую типографію, библіотеку, сдѣлала превосходный переводъ библіи на монгольскій языкъ, обучала бурятъ ремесламъ и создала до 3,000 христіанъ. Къ сожалѣнію въ началѣ сороковыхъ годовъ эта миссія была выслана изъ Сибири и перенесла свою дѣятельность на Зондскіе острова. Нынѣ въ успѣхахъ дѣла алтайская духовная миссія прибѣгла къ подобнымъ же переводамъ и преподаванію также на алтайскомъ языкѣ, хотя онъ не имѣлъ своей азбуки. Знакомство съ языкомъ инородцевъ дало большія знанія народности и миссіонерамъ. Далѣе добровольный миссіонеръ Григоровскій въ нарымскомъ краѣ основалъ остяцкую школу, перевелъ на остяцкій языкъ священное писаніе и дѣятельно распространяетъ христіанство. Еще къ болѣе высшей просвѣтительной

дѣятельности мы должны отнести опыты переводовъ руководствъ на бурятскій языкъ въ 1860 г. Болдоновымъ, школу Пирожкова и т. п. Такимъ образомъ вопросъ объ инородческой школѣ является весьма важнымъ и очереднымъ въ Сибири, такъ какъ насильственное привитіе къ инородцамъ русскаго языка и обязательное преподаваніе на немъ одномъ терпитъ много неудачъ. Такія школы и заведенія вызываютъ нынѣ только жалобы, а со стороны русскихъ сторонниковъ просвѣщенія полное осужденіе. Такъ, наприм., недавно заявлено о плачевномъ состояніи образованія среди якутовъ, гдѣ нетолько первоначальное обученіе на русскомъ языкѣ, но даже гимназическое, не приноситъ никакихъ плодовъ, но служитъ истинною мукою для учениковъ. Въ Якутскѣ основана, напримѣръ, классическая прогимназія на деньги якутовъ, гдѣ якутамъ предлагается сразу изученье 4-хъ языковъ; всѣ эти языки преподаются людьми, незнающими ни слова по-якутски и неумѣющими объясняться съ учениками. „Это горькая насмѣшка надъ населеніемъ, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ. Для якута даже русскій языкъ труднѣе, чѣмъ для русскаго латинскій и греческій. Между тѣмъ у населенія нельзя отнять жажду знанія, оно хочетъ учиться. Кромѣ прогимназіи существуетъ въ улусахъ нѣсколько начальныхъ школъ съ полуграмотными учителями. Вліяніе этихъ школъ ничтожно, потому что учителя ихъ мало знакомы съ преподаваніемъ, при полномъ отсутствіи какого-либо намека на страстное, любовное отношеніе къ дѣлу, а во-вторыхъ, всѣ учебники и книжки для первоначальнаго чтенія трактуютъ *на неизвѣстномъ языкѣ* еще менѣе извѣстную природу и жизнь. Что принесетъ подобное образованіе!“ (Сибирская Газета, изъ Якутска 1881 г. № 4). Подобныя же неудачныя попытки преподаванія на русскомъ языкѣ бывали и среди киргизъ, мы не говоримъ уже о созданныхъ искусственныхъ пансіонахъ для нихъ. Обрусѣвшіе инородцы, въ лицѣ переводчиковъ азіатскихъ школъ, писаря и проч., являются обыкновенно самымъ дурнымъ элементомъ и эксплуататорами, взяточниками и совершенно не имѣютъ никакого благотворнаго вліянія на среду инородцевъ. Такимъ образомъ, привлеченіе инородцевъ къ школѣ и знанію безъ насилія, добровольно, не отталкивая отъ просвѣщенія, само собою связывается съ первоначальнымъ преподаваніемъ на инородческомъ языкѣ, съ созданіемъ особыхъ инородческихъ школъ и подготовленіемъ учителей изъ самихъ инородцевъ, знающихъ свою народность, ея характеръ и желающихъ ей блага. „Отъ школы требуется, чтобы она вложила въ инородца любовь къ наукѣ и просвѣщенію, но въ немъ уже есть любовь къ

окружающей природѣ и къ своему племени", говоритъ одинъ изъ знатоковъ инородческаго быта. „Школа должна воспользоваться этой, воспитанной помимо ея, любовью, она должна перенести эту любовь на науку". „Дайте ему прежде всего описаніе его жизни, его кочевья, описаніе его племени, его нравовъ и его исторію, пусть онъ увидитъ описаннымъ самого себя и то, что къ нему ближе, пусть онъ узнаетъ, что̀ его племя совершило и что̀ ему слѣдуетъ совершить. Вамъ нужно, чтобы инородецъ началъ понимать тѣ идеи о будущемъ, какія волнуютъ образованнаго европейскаго человѣка, дайте ему напередъ представленіе о его племени" (Сибирскіе инородцы „Сибирь"). Этими словами указывается, что истинное образованіе инородца не должно порывать его связь съ своимъ народомъ. Цѣлью образованія должно быть: внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его, а не стремленіе оттолкнуть его отъ прежней семьи, вырвать его и предоставить массѣ ту же нищету, несчастіе и вымираніе. Только весьма немногіе образованные инородцы сохраняли связи съ своимъ племенемъ и желали посвятить себя его развитію. Въ числѣ этихъ именъ должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева изъ бурятъ, и Чекана Валиханова изъ киргизъ. Какъ Валихановъ, такъ и Банзаровъ получили высшее образованіе, они были даровитѣйшими и учеными людьми даже въ европейской средѣ и тѣмъ не менѣе ихъ симпатіи оставались на сторонѣ ихъ несчастнаго племени. Къ сожалѣнію, такія личности только случайно пробивались изъ инородческой среды. Высшее европейское образованіе оставалось чуждо большинству инородцевъ, а между тѣмъ такія личности болѣе всего могли бы принести услугъ инородческому просвѣщенію и позаботиться о судьбѣ своей народности. Въ пробужденіи инстинкта любознательности, духовной жизни и въ сознательномъ отношеніи къ своему настоящему и будущему будутъ лежать залоги сохраненія племенъ отъ вымиранія и гибели. Мы думаемъ, что такое просвѣщеніе будетъ источникомъ жизни и спасителемъ, который воскреситъ легендарнаго, умирающаго отъ голода и бѣдствій, самоѣда. Духъ сибирскаго инородца остается пригнетеннымъ, глубокая меланхолія лежитъ на немъ, мрачная безнадежность сковываетъ его сердце, нѣтъ вѣры въ лучшее, нѣтъ надежды на будущее. Вотъ эту-то вѣру, эту общечеловѣческую надежду и должно создать инородческое просвѣщеніе. До сихъ поръ мы пренебрегали инородческими способностями; но эти народности и племена, въ виду данныхъ уже образцовъ просвѣщенія, какъ и общаго выраженія своихъ способностей, едва ли мы имѣемъ право признавать бездарными. Мы не будемъ ука-

зывать на выдающіяся личности инородцевъ, получившихъ образованіе, подобно ученому Банзарову и блестящему Валиханову, извѣстному путешественнику, другу ученыхъ и поэтовъ,—подобныя личности могли бы сдѣлать честь своимъ присутствіемъ любому образованному европейскому обществу; но мы позволимъ себѣ указать на многіе отзывы о способностяхъ инородцевъ весьма серьёзныхъ и авторитетныхъ изслѣдователей. О самой дикой народности, — самоѣдахъ, Абрамовъ, изслѣдовавшій березовскій край, онъ же смотритель училища, отзывается какъ о весьма способномъ народѣ; ученики, попадавшіе въ уѣздное училище, обнаруживали способности къ математикѣ. Ученый Миддендорфъ обращаетъ вниманіе на замѣчательныя природныя дарованія и изумительную жизненную энергію тунгусовъ. Якуты отличаются съиздавна способностями, и усвоили весьма быстро культуру. Киргизы давали даровитыхъ людей и представляютъ народъ, поражающій остроуміемъ и богатствомъ фантазіи. Алтайцы отличаются, судя по религіознымъ воззрѣніямъ и умственному складу, не меньшими способностями, чѣмъ киргизы; миссіонерскія попытки просвѣщенія дали образцы весьма способныхъ людей; телеуты же и черневые татары своей наклонностью къ культурѣ и осѣдлости выразили положительно способность къ гражданственности. Мы не будемъ говорить объ отличительныхъ способностяхъ, какъ напримѣръ сартовъ и татаръ къ торговлѣ, таланты, которыми они превзошли русскихъ въ прошломъ столѣтіи. Достаточно припомнить также, что русскіе застали уже въ Сибири извѣстную осѣдлость и тюркскую культуру; завоеватели обязаны многими открытіями инородцамъ, инородческіе памятники содѣйствовали открытію металловъ, путешественники отмѣчаютъ въ инородческой культурѣ множество изобрѣтеній, а также умѣнье приноровиться къ климату, природѣ и сохраненію своего существованія; эти жизненные таланты не могутъ быть пренебрегаемы;—русскимъ помимо своей воли, пришлось позаимствовать многое у инородцевъ съ цѣлью собственной акклиматизаціи. Спрашивается, въ правѣ ли мы отнимать послѣ этого способности у низшихъ расъ и неужели способности цѣлыхъ племенъ не могутъ пригодиться для насъ въ будущемъ? Сравнительная психологія инородцевъ еще далеко не изслѣдована научнымъ путемъ, точно такъ же, какъ мы не знаемъ ихъ прошлаго, а ихъ историческія услуги русской народности въ Сибири еще не оцѣнены вполнѣ. Чѣмъ можетъ отразиться возрожденіе этихъ народностей, проявленіе ихъ таланта и народнаго генія—это загадка будущаго. Многія азіатскія народности выдвигали учителей

человѣчества и творили своеобразныя цивилизаціи. Такимъ образомъ, введеніе въ міровую жизнь и область духовнаго творчества другихъ племенъ не можетъ остаться безъ результатовъ. Изо всего этого слѣдуетъ, что сохраненіе инородческихъ племенъ, развитіе образованія среди нихъ, такъ же, какъ призваніе ихъ къ гражданской и умственной жизни, есть настолько же историческое право инородцевъ на общечеловѣческое существованіе, сколько и историческій долгъ русской народности на Востокѣ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, какъ мы видѣли, находится въ связи со многими законодательными мѣрами и культурными условіями, но еще болѣе оно зависитъ отъ умственнаго развитія самого русскаго населенія въ Сибири. Авторъ, посвятившій талантливую монографію судьбѣ сибирскихъ инородцевъ въ XIX вѣкѣ, г. Шашковъ, оканчиваетъ свой трудъ слѣдующимъ заключеніемъ: „Участь инородцевъ можетъ улучшиться только тогда, когда истинное образованіе и гуманная нравственность сроднятся съ сибирякомъ; безъ этихъ благодѣтельныхъ факторовъ свобода—сонъ, а счастіе народа—безумная мечта; безъ нихъ сибирякъ всегда найдетъ возможность эксплуатировать инородца, какъ бы ревниво ни охранялъ законъ интересы послѣдняго". Этотъ совершенно справедливый выводъ показываетъ только то, на сколько необходимо гражданское развитіе Сибири и усвоеніе самою ею началъ гуманизма, просвѣщенія и вообще цивилизаціи, какъ въ интересахъ своихъ собственныхъ, такъ и во спасеніе другихъ народностей. Инородческій вопросъ, выступившій и занимающій свое мѣсто въ жизни Сибири, нетолько вопросъ настоящаго, но и вопросъ будущаго. При всѣхъ бѣдствіяхъ инородцевъ и при уменьшеніи нѣкоторыхъ племенъ, число ихъ все-таки слишкомъ значительно, — а именно около 4.500,000 считая и Туркестанскій край, — чтобы не быть замѣтнымъ среди русскаго населенія. Сосѣдство съ азіатскими странами: Бухарой, Средней Азіей, Монголіей, Китаемъ, при сближеніи съ этими странами, при облегченіи путей сообщенія, не можетъ не выразиться новыми притоками инородческаго населенія. Китайцы и нынѣ уже начинаютъ эмигрировать въ Сибирь, они вторгаются на Амуръ и въ Забайкалье. Такимъ образомъ, это грозный вопросъ будущаго. Онъ явится когда-нибудь, вѣроятно, весьма важнымъ гражданскимъ и политическимъ вопросомъ, къ которому мы должны подготовиться. Часть азіатскихъ народностей вошла и неминуемо войдетъ въ составъ русскаго общества и жизнь этихъ народностей, какъ мы указали, можетъ внести новые оригинальные элементы въ складъ будущей цивилизаціи. Наконецъ, по самому географическому своему

положенію, Сибирь естественно будетъ въ соприкосновеніи съ азіатскими государствами, которыя не всегда же будутъ жить замкнутою жизнью и когда-нибудь будутъ доступны европейскому просвѣщенію. Если Сибири суждено будетъ играть какую-нибудь роль въ этомъ міровомъ цивилизующемъ вліяніи, то сибирскіе инородцы, усвоившіе, при посредствѣ русской національности, европейское просвѣщеніе, могутъ явиться весьма видными посредниками этой цивилизаціи и оказать великія услуги общечеловѣческому прогрессу.

КОЛОНИЗАЦІЯ СИБИРИ

и

СОВРЕМЕННЫЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ.

V.

Сибирь какъ продуктъ колонизаціи.—Движеніе вольнонародныхъ переселеній.—Эмиграція и побѣги въ Сибирь.—Періоды казенной колонизаціи, промышленная, торговая и земледѣльческая колонизація.—Современное движеніе переселеній.—Переселенія съ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и послѣ него.—Направленіе колонизаціи и мѣста, избираемыя народомъ.—Миновала ли потребность переселяться.—Неизбѣжность переселеній при увеличеніи населенія.—Современныя задачи переселенія, положеніе переселенцевъ.—Принципъ регламентаціи и свободнаго выбора земель.—Ихъ результаты.—Роль Сибири въ будущей колонизаціи.

Всякая колонизація есть результатъ извѣстныхъ натурально-историческихъ и экономическихъ потребностей міроваго разселенія, точно такъ же, какъ колонія есть памятникъ народно-исторической творческой работы и колонизаціонныхъ способностей даннаго народа. Сибирь по происхожденію есть продуктъ самостоятельнаго народнаго стремленія и творчества; результатъ порыва русскаго народа къ эмиграціи, къ переселеніямъ, и стремленію создать новую жизнь въ новой странѣ. Безъ этого движенія не было бы Сибири. Ватага Ермака была только продуктомъ броженія русской народной жизни, искавшей выхода, она была движима тою же силою, какою впослѣдствіи въ XVI и XVII вв. управляла тысячами народовъ, кинувшимися въ Сибирь искать приволья, изъ-

подъ ига крѣпостнаго права, „отъ безурядицы, смуты, гнета суровой регламентаціи, непосильныхъ тягостей и злоупотребленій".

Поэтому, мы въ правѣ считать Сибирь по преимуществу продуктомъ вольно-народной колонизаціи, которую впослѣдствіи государство утилизировало и регламентировало. Обратимъ вниманіе на самое проявленіе колонизаціонныхъ силъ на нашемъ Востокѣ. Передвиженіе русскаго народа до Ѳеодора и Бориса Годунова было довольно свободно, а наклонность „брести въ рознь" начала довольно сильно практиковаться въ XVI столѣтіи. Сибирь дала готовый выходъ этимъ элементамъ и открыла клапанъ движенію. Законы объ укрѣпленіи крестьянъ и „Юрьевъ день" стѣснилъ народъ и юридически прикрѣпилъ его къ землѣ, но не остановилъ движеніе, а напротивъ далъ ему новый импульсъ и побужденіе „брести". Очень немудрено, что первыя бѣгства отъ крѣпостнаго права были сильнѣе послѣдующихъ, когда народъ сжился съ крѣпостнымъ правомъ и создались мѣры предупрежденія побѣговъ. Около ста лѣтъ со времени завоеванія, Сибирь по своему положенію представляетъ просторъ для гуляющаго и бѣглаго люда, хотя рядомъ идетъ и колонизація казенная. Въ 1622 г. производится въ Сибири первая перепись населенія, причемъ оказывается уже въ ней 70,000 жителей и 7,400 ссыльныхъ (Словцовъ, с. 138 — 152). Въ 1688 г. послѣдовало повелѣніе пашенныхъ крестьянъ, прибывшихъ послѣ переписи, отослать въ Иркутскъ на водвореніе, и такихъ пришельцевъ отправлено 500 чел. Послѣ переписи въ 1683 г. правительство предписываетъ поставить „заставы крѣпкія чтобы запретить бѣглымъ во множествѣ перебираться въ Сибирь (Приказъ Соликамскому и Чердынскому воеводамъ). Въ 1697 г. производится повторительная перепись въ Сибири. Свободная колонизація, однако, не прекращается, и послѣ созданія заставъ мы видимъ, что, въ виду ея значенія, съ этимъ фактомъ примиряется само правительство. Въ 1697 г. государь въ наказѣ верхотурскому воеводѣ не изъявляетъ неудовольствія по случаю пришедшихъ крестьянъ изъ-за Урала, вслѣдствіе неурожая, а предполагаетъ опредѣлить ихъ на десятинную пашню. Напротивъ, какъ видно изъ указа 1686 г., правительство само предназначаетъ Сибирь для гулящихъ людей; всѣхъ пришлыхъ и проживающихъ безъ указанныхъ видовъ въ Москвѣ съ 1686 г. велѣно штрафовать, а въ случаѣ несостоятельности ссылать въ Сибирь (Словцовъ, ч. I, с. 212). Наказъ государевъ Нерчинскому воеводѣ доказываетъ, что тамошній край предполагалось заселить крестьянами, семейно бѣжавшими въ Сибирь въ большихъ толпахъ. Въ

1697 г. послано ихъ съ женами и дѣтьми 624 души. Къ сожалѣнію и третьей доли не дошло до мѣста (ibid. 212). Историкъ Сибири, Словцовъ, отводитъ довольно обширное мѣсто этимъ самовольнымъ передвиженіямъ народа. Говоря о населеніи Сибири во второй періодъ къ 1709 г., онъ упоминаетъ объ эмиграціи съ 1600 по 1662 г., потомъ въ теченіи 47 лѣтъ и особенно съ 1680 по 1686 г., считая „большими ватагами уклонявшихся въ Сибирь“ во время волненій въ крѣпостномъ классѣ послѣ строгихъ указовъ 1685 г., изданныхъ противъ старообрядцевъ, наконецъ—во избѣжаніе рекрутскихъ наборовъ. „По длинной границѣ отъ Верхотурья до Исети тогдашняя власть не могла удержать людей, говоритъ историкъ, наконецъ многіе воеводы находили свой расчетъ потворствовать преумноженію переселенцевъ, которые не прежде обнаруживались, когда разрубятъ лѣса и поднимутъ пашенные выгоны“. „*Полевая независимость*, продолжаетъ историкъ, ускользнувшихъ изъ Россіи, не скоро вызывала къ знакомству съ городами и властями“. Приходило однакожъ время, когда власти узнавали о новичкахъ и облагали оброкомъ и десятинной пашней,—такъ насаждались въ Сибири починки, заимки и цѣлыя деревни, записывавшіяся уже въ окладъ вдолгѣ послѣ ихъ основанія. Соотвѣтственно этому населеніе Сибири постепенно росло и въ 1709 г. она имѣла уже 229,227 душъ, итогъ же податныхъ сословій равнялся 130,957 душамъ [1]). Вѣроятно въ эту перепись, однако, не входило множество народа, скитавшагося по Сибири. Первое время воеводскаго управленія въ Сибири, огромный произволъ обложенія казенной пашней, повинностями, ямской гоньбой при рѣдкости населенія, фискальный характеръ управленія и грубая, принудительная воеводская система, наконецъ, злоупотребленіе и нажива служилыхъ людей, вошедшія въ поговорку и въ примѣръ безцеремонности и наглости, создали и въ Сибири побужденье разбредаться и скрываться. По крайней мѣрѣ историкъ Соловьевъ, описывая сибирскія дѣла при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и разсказывая какъ въ Енисейскѣ не дали обыватели проѣзжимъ служилымъ людямъ подводъ и разбрелись врознь, говоритъ, что обычай этотъ практиковался преимущественно на окраинахъ (Соловьевъ. Истор. Россіи, т. IX, с. 400—403). Видя разбредающуюся Сибирь, съ половины XVIII ст. начинаются жестокія преслѣдованія бѣглыхъ и въ Сибири, заставляющія удаляться народъ въ лѣса. Наконецъ, съ начала XVIII ст.

---

[1]) Историч. Обозр. Словцовъ ч. I, с. 309—315.

мы видимъ преслѣдованіе раскольниковъ. Словцовъ упоминаетъ о 3000 уничтоженныхъ и побитыхъ старообрядцахъ на Уралѣ, а около 1760 г., подъ вліяніемъ гоненій, множество старообрядцевъ прибѣгло къ самосожженію. Всѣ эти мѣры, вмѣстѣ съ заставами, таможнями и разъѣзжавшими драгунскими командами, не могли не положить предѣла самовольнымъ передвиженіямъ и обширной эмиграціи толпами, но онѣ не прекратили побѣговъ въ Сибирь. Мало того, вскорѣ Сибирь начала получать для народа устрашающее значеніе; направленная сюда ссылка дискредитировала и подорвала репутацію этой страны въ глазахъ русскаго народа, и вмѣсто миѳовъ объ обѣтованной землѣ, начали слагаться другіе миѳы о странѣ, гдѣ люди ходятъ подъ землею и гдѣ не свѣтитъ солнце. Не смотря однако на это предубѣжденіе, внушаемый страхъ, а впослѣдствіи положительныя запрещенія самовольныхъ переселеній и преслѣдованіе бѣгствъ, дорога въ Сибирь не заростала; подлѣ торной дороги, по которой со звономъ кандаловъ гнали партіи преступниковъ, вилась незамѣтная лѣсная тропа, по которой тайкомъ перебирался русскій свободный переселенецъ и бѣглецъ. Народъ переселялся въ Сибирь подъ разными предлогами и во всевозможныхъ видахъ. Бывали случаи, что дѣти ссыльныхъ отцовъ бѣжали въ Сибирь и здѣсь съ помощью денегъ записывались въ число ссыльныхъ. Положеніе ссыльнаго поселенца было легче въ Сибири, чѣмъ участь крѣпостнаго крестьянина въ Европейской Россіи. Когда противъ общаго колонизаціоннаго стремленія были приняты мѣры, началась эмиграція тайная, и народъ началъ выбирать болѣе укромныя и глухія мѣста въ самой Сибири. По мѣрѣ правительственной организаціи, начались преслѣдованія противъ передвиженій и скитаній народа въ самой Сибири. Въ XVIII столѣтіи, какъ обнаруживаютъ многія дѣла и акты, Сибирь представляла древнюю бродячую Русь. Въ разныхъ мѣстахъ ея открывали всевозможныхъ бѣглецовъ, странниковъ, промышленниковъ, скитавшихся годы по лѣсамъ, скиты раскольниковъ и блокгаузы скваттеровъ. Бѣглецы эти, подъ вліяніемъ преслѣдованія, превращались впослѣдствіи въ разбойниковъ, какъ напримѣръ крестьяне Селезневы на Бухтармѣ (пограничныя дѣла Омскаго областнаго архива 1759, т. 47, стр. 78). Драгунскія команды разъѣзжали по Сибири ловить бѣглецовъ и людей безпаспортныхъ, ихъ забирали и судили. Правительство, въ 1743 году, указомъ запретило проникать за пограничную линію и, за нарушеніе, приказало наказывать кнутомъ всѣхъ свыше 40 лѣтъ возрастомъ—и плетьми и батогами, кто моложе. Но это не

прекращало авантюризмъ, скитальчество и промышленное піонерство, далеко за линіями, отдѣлявшими русскіе посты; на границахъ кочевниковъ, калмыковъ и киргизовъ, раскидывались промышленныя избушки, балаганы охотниковъ, и русское крестьянство разсыпалось далеко, уходя иногда въ глубь Средней Азіи подъ именемъ охотниковъ соболевщиковъ, хмѣлевщиковъ, рыболововъ и кладоискателей (см. акты Омскаго обл. архива 1759, 1762, т. 67, 68, 73, и матеріалы, собранные къ исторіи Сибири Потанинымъ). По мѣрѣ того, какъ мѣстныя власти изслѣдовали территорію и приближались къ китайскимъ границамъ, они открывали поселки вольныхъ и бѣглыхъ людей. Такъ, въ прошломъ столѣтіи, при Екатеринѣ, были открыты на Бухтармѣ цѣлыя слободы бѣглыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ каменьщиковъ, которые были приняты въ русское подданство, какъ инородцы. Переселенія въ Сибирь, такимъ образомъ, съиздавна дѣлятся на два рода: правительственныя обязательныя или по вызову и указанію и вольно-народныя. Къ правительственному способу заселенія Сибири принадлежали: высылка служилыхъ людей, казаковъ, пахотныхъ людей, ямщиковъ, наконецъ, преступниковъ. Мы видимъ первыя распоряженія отправлять и селить людей въ Сибирь около 1590 г., когда велѣно было въ Сольвычегодскѣ на всемъ посадѣ и въ уѣздѣ выбрать въ Сибирь на житье тридцать человѣкъ пашенныхъ людей съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ; а у всякаго человѣка было-бы по три мерена добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пяти куръ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телѣги, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодскіе посадскіе и уѣздные люди должны были дать имъ по 25 рублей человѣку [1]). Съ тѣхъ поръ отправка людей для колонизаціи продолжается. Подобный же актъ мы встрѣчаемъ, въ 1592 году, относительно заселенія Пелыма, для житья въ которомъ повелѣно набрать 50 человѣкъ казаковъ конныхъ, до 100 человѣкъ стрѣльцовъ пѣшихъ, которымъ, вмѣсто хлѣбнаго жалованья, велѣно служить изъ пашенъ, чтобы впредь хлѣбныхъ запасовъ не привозить въ Пелымъ изъ Россіи. Кромѣ того, переведены въ Пелымъ на пашню изъ Москвы, Каргополя, Перми и Вятки крестьяне и велѣно имъ пахать на Государя. Грамота 1592 года воеводамъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „О всемъ промышляти, и городъ дѣлать, и

[1]) Акты Археограф. Экспедиц. I, № 349, Соловьевъ т. VII, ст. 419—420.

люди устроить, и мѣста подъ дворы раздавати жилецкимъ людямъ и казакамъ, смотря по тамошнему мѣсту, какъ бы впередъ было государеву дѣлу прибыльнѣе. А казакамъ терскимъ государево жаловальное слово, чтобъ они Государю послужили. А которые захотятъ въ жильцы туто изо всякихъ ратныхъ людей, и ихъ переписати, а устроить туто пятьдесятъ человѣкъ конныхъ: тѣмъ и земли, помѣтивъ, раздавать; а жалованья годоваго сулить имъ польскимъ казакамъ по семи рублевъ, а атаману десять рублевъ, а хлѣба по семи четь муки, а овса потомужъ. А стрѣльцовъ прибирать пѣшихъ до ста человѣкъ, а сотнику потомужъ, что и атаману, а пѣшимъ стрѣльцамъ по пяти рублевъ, да хлѣба по пяти четь муки, да по чети крупъ, да по чети толокна человѣку. А земли бы имъ всѣмъ давати, чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ, и хлѣба бы не возить. А которые московскіе веденцы девять человѣкъ изъ Каргополя посланы, и тѣмъ указать земли и угодья, чтобъ они изъ Перміи съ собою взяли и лошади, и животины, и сохъ, хотя немного, чтобъ имъ пашни вскорѣ завести. А которые посланы изъ Перміи и съ Вятки на житье для пашни, и у тѣхъ бы, и хотя у четырехъ человѣкъ была лошадь, и животина бы съ ними была, и сохи бы съ ними были, хотябъ къ паранинѣ завести и немного пашни, да и ржи взяти на заводъ десять четь изъ Перміи; и велѣти жилецкимъ людямъ дворы себѣ ставить и слободы у города устроить, въ которомъ мѣстѣ пригоже и земли на пашни высмотрѣть лучшія, и у крѣпостей подавать пашни на Государя пахать всякимъ людямъ. А лучшія мѣста выбравъ, оставить про государевъ обиходъ до трехъ сотъ четь; а впредь та земля пахать на Государя жилецкимъ людемъ, которыхъ устроятъ на житье. Да изъ таборовъ и кошуковъ пашенныхъ молодчихъ людей взять со всѣми семьями и съ лошадьми и посадить туто на пашнѣ, и пашни пахати велѣти на Государя. На таборы и кошуки, на тутошные люди, положить хлѣбомъ оброкъ, чтобъ съ нихъ ничего не имать, никакого оброку, ни соболей, а имать бы хлѣбомъ. Только устроя городъ и укрѣпя,— положить на нихъ оброкъ хлѣбной, разспроса про нихъ, что пригоже на нихъ не положить. А церковное строеніе устроить, а попа и дьякона взять ѣдучи въ Сибирь и, въ подмогу, съ посадскихъ тамошнихъ поповъ, собрать сорокъ рублевъ. А на церковь послано съ Москвы два фунта ладану, два фунта темьяну, да пудъ воску, да ведро вина церковнаго, и образы, и книги, и колокола, и все церковное строеніе".

Постройка городковъ и остроговъ была плодомъ военной колони-

заціи, она двигалась весьма быстро вмѣстѣ съ завоеваніемъ. Въ XVI столѣтіи уже основаны были казаками Тюмень, Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ, Тара, Сургутъ, Обдорскъ, Нарымъ, Кетскъ, и Верхотурье. Въ XVII столѣтіи—Томскъ, Ачинскъ, Туруханскъ, Кузнецкъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Якутскъ, Олекминскъ, Канскъ, Баргузинъ, Балаганскъ, Киренскъ, Нерчинскъ, Иркутскъ, Селенгинскъ и Албазинъ въ 1650 г. Такимъ образомъ, въ 70 лѣтъ, мы достигли Амура; въ продолженіи XVIII столѣтія занимается Камчатка и дѣлаются пріобрѣтенія въ южной Сибири, въ XVIII столѣтіи заселяются промежуточные пункты и новыя крѣпости, какъ Омская, Петропавловская, Ямышевская, основывается Бійскъ, Семипалатинскъ, Устькаменогорскъ, Петропавловскъ въ Камчаткѣ и другія. Въ XVI столѣтіи мы видимъ созданіе первыхъ ямовъ или станцій, для обезпеченія проѣзда по Сибири, таковы были первые Самаровскій и Демьянскій ямъ, около 1732 г., въ Сибири считалось 6,723 ямщиковъ. Это было поселеніе, заселенное по указамъ, подневольное, оно совершало безпрестанные побѣги и было постояннно подновляемо. Въ XVIII столѣтіи началось казенное заселеніе трактовъ и линій. Правительству понадобилось соединить промежуточными пунктами, намѣченныя острогами и крѣпостями границы завоеваній. Такъ заселяется трактъ, въ 1593 г. между Верхотурьемъ и Тобольскомъ, въ 1637 г. трактъ между Березовомъ и Тобольскомъ. Въ 1744—1745 г. между Тобольскомъ и Тарою, въ 1762 г. между Ишимомъ и Омскомъ, въ 1761 г., между Чаусскимъ Острогомъ и Томскомъ, въ 1763 году пролагается Екатеринбургская дорога, въ 1762—1780 г. трактъ между Тарою и Чаусскимъ Острогомъ и производится заселеніе Барабы. Наконецъ, съ XVIII столѣтія, начинаютъ ограждаться границы посредствомъ казачьихъ линій и поселеній. Въ 1720—1773 г. возводится Иртышская линія, въ 1755 г.—казачья линія между Омскомъ и Звѣриноголовскомъ, въ 1759 г.—Колывано-Кузнецкая линія, въ 1764 г.—Новоколыванская Кузнецкая линія, въ 1780 г. Бухтарминская. Подобныя же черты казенной колонизаціи проводятся въ новопокоренныхъ мѣстахъ въ XIX столѣтіи.

Вслѣдъ за военною и казенною колонизаціею, слѣдуетъ промышленная, торговая и вольно-народная колонизація. Промышленники и искатели богатствъ наполняютъ Сибирь не менѣе гуляющихъ людей, они рыщутъ по сибирскимъ пространствамъ, по глухой тайгѣ и прокладываютъ тропы, они создаютъ блокгаузы, промышленныя избушки и даже предшествуютъ военной колонизаціи. Эти промышленныя избушки и заимки мы на-

ходимъ впереди нашихъ линій, когда Алтай и киргизская степь не находились еще въ предѣлахъ нашихъ границъ. Промышленники, охотники и гулящіе люди, ищущіе дѣла, куда бы имъ пристроиться, являлись не худшими піонерами, чѣмъ предпріимчивые казаки. Но главную основу колонизаціи на Востокѣ составляло земледѣльческое населеніе, усѣявшее край деревнями; безъ него бы казенная колонизація не имѣла поддержки и стерлась бы, какъ смѣлый очеркъ, какъ замысловатый планъ, неполучившій реальнаго осуществленія, какъ право на землю, очерченное ремнемъ воловьей шкуры, охватившее неизмѣримыя пустыни, но, попрежнему, оставившее ихъ безплодными. Истинная основа жизни должна была лечь—когда въ землю завоеванныхъ странъ упало первое хлѣбное зерно завоевателя. Таково было значеніе волнъ добровольной народной колонизаціи, слѣдовавшей за военною и казенною. Въ XVI столѣтіи мы видимъ, какъ работящій народъ поморскихъ мѣстъ продолжаетъ намѣченную колонизацію по Турѣ, Ирбити, Ницѣ, далѣе на Исети и устьѣ Міаса. На одной Исети возводится Шадринская слобода въ 1662 г., не далеко отъ нея острогъ Масленскій, Красногорскій, Мехонскій; слободы: Башкильская, Инголинская, Терсѣтская, Базневская, Устьміасская, и это все между 1662 и 1668 годомъ. Такимъ образомъ, наполняются промежутки между острогами и городами цѣлымъ рядомъ слободъ изъ охочихъ вольныхъ людей, которые превосходили числомъ казенныхъ крестьянъ, высылаемыхъ весьма часто по воеводскимъ распоряженіямъ, пускавшимися въ путь съ тѣмъ, чтобы бѣжать съ дороги.

Самовольная колонизація, чуть-ли не превосходила въ первое время правительственную. По крайней мѣрѣ мы находимъ слѣдующую обрисовку ея у мѣстныхъ изслѣдователей.

„Неправительственная колонизація, какъ кажется, шла значительно быстрѣе правительственной. Сибирь, по покореніи ея, открылась привольною страною, въ которой могли найти успокоеніе всѣ недовольные условіями своей прежней жизни. Подъ прикрытіемъ лѣсовъ и болотъ, а также при неводворенномъ еще порядкѣ управленія, не находя сопротивленія между слабосильными инородцами, сюда бѣжали воры, грабители, разбойники и разные преступники, раскольники, крѣпостные отъ своихъ господъ, люди, избѣгавшіе рекрутчины и платежа государственныхъ повинностей, и вообще всѣ тѣ, которые по какимъ-либо причинамъ считали свободнѣе жить въ привольныхъ и никѣмъ не занятыхъ обширныхъ пространствахъ Зауралья. Конечно, тобольская губернія, какъ первая полоса, лежащая на пути еще въ

не совсѣмъ извѣстную страну, подвергалась и болѣе частымъ заселеніямъ всего этого бѣглаго люда. Даже само правительство, въ первое время, смотрѣло на эти переселенія довольно благосклонно; такъ, указомъ 1597 года повелѣно было бѣжавшимъ за 6 лѣтъ и болѣе, кому бы они ни принадлежали, оставаться на своихъ мѣстахъ. Но усиленныя переселенія 1680—1686 годовъ вывели, наконецъ, изъ терпѣнія правительство; въ 1683 году воспослѣдовалъ указъ, по которому не дозволялось пропускать въ Сибирь безъ государевыхъ проѣзжихъ грамотъ. Бѣглецы обыкновенно селились гдѣ-нибудь въ урманѣ, заводя *заимки*, превращавшіяся впослѣдствіи въ деревни и села; бѣглые расчищали лѣсъ, заводили пашню и жили иногда по нѣскольку лѣтъ, не будучи извѣстны правительству. Воеводы, открывая подобныя поселенія, накладывали на нихъ государственную подать, но не доносили царю, такъ какъ для нихъ были весьма выгодны подобные поселенцы, заселявшіе и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивавшіе на будущее время обладаніе чужеземнымъ краемъ. Чрезъ такое разселеніе переселенцы знакомились съ окрестными мѣстами: нашедши болѣе удобныя, они переселялись частями. Уже въ половинѣ XVII столѣтія мѣста, лежавшія на дорогѣ изъ Верхотурья чрезъ Туринскъ и Тюмень въ Тобольскъ, были значительно заселены; русскіе разселялись по ту и другую сторону дороги, въ отдаленіи, по рѣкамъ и озерамъ, заводили слободы и деревни. Самовольныя переселенія крестьянъ, какъ кажется, продолжаются и въ настоящее время; такъ, напр., деревня *Кирилинская* тарскаго округа, образовавшаяся *самовольно* въ Бутаковской волости, утверждена казенною палатою только въ 1869 году“ (Списки населенныхъ мѣстъ Россійск. Имперіи. LX. Тобольская губернія, стр. XCVIII).

Съ XIX столѣтія, когда въ Сибири сформировалось вполнѣ административно-гражданское управленіе, и не было угла, гдѣ бы не было своего исправника, бродить свободно и скрываться по Сибири уже было весьма затруднительно. Паспортная система и запрещеніе безъ разрѣшенія основывать поселки и деревни, сковали переселенія въ тѣсныя границы; вмѣсто бѣгства и свободнаго перехода, возможно было только формальное перечисленіе, но для многихъ-ли было оно возможно при крѣпостномъ правѣ? Правда, народъ употреблялъ всевозможные способы къ тому, чтобы проникнуть въ свободную отъ крѣпостнаго права и обильную землями Сибирь, но какихъ усилій это стоило. Исторія ссылки намъ открываетъ много фактовъ, какъ въ формѣ иногда подневольной ссылки сквозило затаенное желаніе найти свободу.

Русскій крестьянинъ записывался то въ дезертиры, то въ бродяги. Многіе добивались быть сосланными по волѣ помѣщика, т.-е. по капризу, безъ особой вины, и подобные случаи встрѣчаются въ легендахъ этого времени. Наконецъ, въ Россіи создался особый типъ „непомнящаго", — въ этомъ типѣ взялъ свою роль и эмигрантъ. Свободное легальное переселеніе выпадало только на долю государственныхъ крестьянъ. Когда правительство открывало клапанъ колонизаціи, она лилась широкимъ потокомъ. Въ современной исторіи переселеній мы встрѣчаемъ такой періодъ съ 1847 по 1855 годъ. Въ одномъ 1854 году въ Тобольскую и Томскую губерніи было приписано 19,163 души переселившихся. Въ эти годы переселеніе въ Сибирь двигалось по вызову правительства; причемъ переселенцамъ обѣщаны были льготы и вспомоществованія. Не смотря на то, что эти переселенія требовали особыхъ заявленій и удостовѣреній, также, не смотря на то, что они замыкались въ тѣсномъ кругѣ государственныхъ крестьянъ, переселенцы дружно двинулись въ Сибирь и начали наполнять губерніи. По произведеннымъ нами изслѣдованіямъ по двумъ губерніямъ Западной Сибири, Тобольской и Томской, мы видимъ, что въ Тобольскую губернію съ 1846 по 1879 годъ перечислено было 43,753 души, въ Томскую губернію съ 1852 по 1879 годъ — 35,000 душъ. По межевымъ свѣдѣніямъ, въ этихъ двухъ губерніяхъ съ 1852 года до 55,311 душъ крестьянъ получили полный земельный надѣлъ. По точнымъ изслѣдованіямъ число переселенцевъ въ одну Томскую губернію съ 1852 по 1863 годъ опредѣляется въ 18,340 душъ. Самые большіе размѣры переселеніе имѣло передъ крымской кампаніей; затѣмъ съ 1855 года ослабѣло, но по окончаніи войны и съ вызовомъ на Амуръ переселенцевъ, оно снова усилилось; передъ 1862 годомъ — временемъ освобожденія крестьянъ, число переселенцевъ опять начало уменьшаться, а потомъ, за освобожденіемъ — возрастать, причемъ въ движеніи приняли участіе и бывшіе крѣпостные. По количеству этихъ переселеній и распространенію ихъ можно было бы, вѣроятно, прослѣдить исторію внутренней жизни Россіи и ея экономическіе фазизы, еслибы мы имѣли достаточно цифровыхъ данныхъ о выселеніяхъ. Несомнѣнно, что всѣ измѣненія народной жизни, всѣ ея волненія выражались тѣмъ количествомъ эмиграціоннаго матеріала, который всплывалъ на поверхность и вырывался за предѣлы постоянныхъ границъ жизни, подъ вліяніемъ кипѣнія, зависѣвшаго отъ температуры историческаго момента. При передвиженіи государственныхъ крестьянъ въ Сибирь до 1863 года, мы встрѣчаемъ,

играющими роль, десять губерній, восемь изъ нихъ принадлежатъ внутренней Россіи и двѣ восточной. На первомъ планѣ стояли: Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская и Курская губерніи. Хотя исчисленіе переселеній, по отдѣльнымъ губерніямъ, даетъ весьма слабое понятіе обо всей совокупности движенія, но изъ этого видно, какъ значительны были переселенія. Въ 25 лѣтъ, до послѣдняго времени, въ одну Томскую губернію было перечислено 34,988 душъ крестьянъ. Въ 20-тилѣтіе въ двѣ сибирскія губерніи переселеніе равнялось 60,000 душъ, и если мы прибавимъ къ этому восточныя губерніи Сибири, то формально перечисленныхъ, въ 20 лѣтъ, въ Сибирь должно быть не менѣе 100,000 душъ [1]). Извѣстно, что послѣ освобожденія крестьянъ, и особенно по исполненіи ими девятилѣтней обязательной повинности, въ Россіи ожидалось огромное передвиженіе населенія, нѣчто въ родѣ переселенія народовъ, фактъ, къ которому одни относились съ опасеніемъ и робостью, другіе же въ этомъ видѣли неминуемое послѣдствіе задержки населенія, которое слишкомъ долго было сковано насильственными цѣпями крѣпостнаго права. Опасенія эти и предположенія, тѣмъ не менѣе, далеко не оправдались, вѣроятно потому, что легальныя условія нашихъ переселеній, какъ и многія условія народнаго хозяйства, не совсѣмъ совпадали съ стремленіемъ къ передвиженіямъ. По нѣкоторымъ даннымъ, мы замѣчаемъ, правда, что перечисленія послѣ освобожденія крестьянъ вообще получили нѣкоторый просторъ, и въ извѣстные годы, какъ въ 1871 и 1872 годахъ, они довольно замѣтно поднимались по Томской губерніи (напримѣръ, съ 1,400 на 2,210 въ 1871), но переселенія все-таки далеко не достигли ожидаемыхъ громадныхъ размѣровъ. Разницу въ проявленіяхъ колонизаціоннаго стремленія, за послѣдующій послѣ реформы періодъ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить. Судя, по произведеннымъ нами, наблюденіямъ въ Сибири, видно, что вмѣсто *десяти* прежнихъ губерній, нынѣ фигурируютъ въ переселеніяхъ *тридцать семь губерній;* причемъ весьма видную роль занимаютъ восточныя губерніи, какъ Пермская, Вятская, Оренбургская. Переселенія въ Сибирь не ослабѣваютъ и до послѣдняго времени, хотя распредѣленія по губер-

[1]) Кромѣ того, мы должны принять во вниманіе, переселенія въ другія области, какъ напр., сѣверо-восточныя губерніи. По свѣдѣніямъ уфимскаго статистическаго комитета въ Уфимскую губернію переселялось до 6,000 душъ въ 10 лѣтъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Семирѣченскую область — до 7,000 душъ.

ніямъ измѣняются. Напримѣръ, прекратились перечисленія въ Тобольскую губернію, но направляются все болѣе въ Томскую.

Томская губернія, о которой мы собрали болѣе всего фактовъ, представляетъ по годамъ слѣдующую лѣстницу переселеній:

Въ	1870	году. . . .	1,412
„	1871	„	1,574
„	1872	„	2,210
„	1873	„	1,393
„	1874	„	1,608
„	1875	„	1,610
„	1876	„	1,254
„	1877	„	1,477
„	1878	„	1,648

Это не ослабѣвающее, но ровно поднимающееся движеніе, въ среднемъ числѣ, показываетъ, что колонизаціонное напряженіе у насъ, по крайней мѣрѣ, нисколько не уменьшается. Мы должны при этомъ замѣтить, что приводимыя нами цифры о формальныхъ перечисленіяхъ, какъ мы убѣдились личнымъ наблюденіемъ, далеко не опредѣляютъ размѣра переселеній въ Сибирь и не исчерпываютъ ихъ. Переселенія до послѣдняго времени совершаются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Въ сущности, струю народнаго движенія опредѣлить не представляется даже возможности. Кромѣ легальныхъ перечисленій, къ которымъ встрѣчается много препятствій и затрудненій, народъ изыскалъ много другихъ способовъ и путей переселенія. Многіе крестьяне идутъ по паспортамъ и остаются на новыхъ мѣстахъ, только подновляя билеты. Списки, проживающихъ въ сибирскихъ деревняхъ, крестьянъ показываютъ, что люди живутъ здѣсь лѣтъ по десяти и болѣе, обзаведясь домами, но находясь въ зависимости отъ прежнихъ обществъ. Множество лицъ хлопочетъ по нѣскольку лѣтъ о перечисленій, находясь въ переходномъ состояніи, давно совершивъ фактъ переселенія; множество — скрывается въ глухихъ мѣстахъ и дебряхъ или продолжаетъ жить безъ приписки по лицу широкой и гостепріимной матери-Россіи и привольной Сибири. Фактъ, такъ-называемыхъ самовольныхъ переселеній, играетъ и до сего времени весьма важную роль въ исторіи нашей колонизаціи. Переселенія, такъ же, какъ и въ древній періодъ, вѣтвятся въ двѣ формы. Легальную—при помощи оффиціальнаго перечисленія и самовольную, совершающуюся безъ всякихъ формальностей, завѣщанную отъ вольныхъ движеній прошлаго. Нѣкоторые факты доказываютъ, что проявленія послѣдней весьма

значительны. Въ Сибири нерѣдкость—открываемыя цѣлыя деревни и слободы: въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Тобольской губерніи упоминается, образовавшаяся самовольно, деревня Кирилинская, Тарскаго округа, приписанная палатою только въ 1869 году; но подобныхъ деревень много и въ Томской губерніи. Въ Алтаѣ и другихъ глухихъ мѣстахъ не мало деревень, которыя признаются и утверждаются послѣ многихъ лѣтъ существованія. Мы встрѣчаемъ въ Сибири множество мѣстъ, которыя долго считались на картѣ пустынями, но впослѣдствіи, когда являлось межеваніе, оно находитъ готовыя обстроенныя деревни и довольно значительныя завоеванія колонизаціи. Такъ, въ настоящее время производится колонизація по правымъ притокамъ Иртыша, по Ую, Шишу и Тарѣ, соединяя огромный Васюганскій волокъ въ Тарскомъ округѣ и пролагая дорогу на сѣверъ; такъ идетъ колонизація по Карасуку, въ Барнаульскомъ округѣ, по Бухтармѣ и т. д. Въ Семирѣчинской области крестьяне также садятся оазисами среди пустынь, ищутъ укромныхъ мѣстъ на границахъ и иногда селятся около самыхъ китайскихъ владѣній. Но и внутри Сибири, въ глухихъ лѣсахъ и тайгахъ, находятся еще донынѣ скиты, заимки, хутора и расчистки. Къ сожалѣнію, эти несчастные піонеры колонизаціи, часто принимаемые за бѣглыхъ, возбуждаютъ, при открытіи ихъ, самое безжалостное отношеніе къ нимъ со стороны патріархальной сибирской полиціи, которая выжигаетъ эти поселки съ хлѣбами, съ обзаведеніемъ, а люди цѣлые годы томятся въ тюрьмахъ.

Русское крестьянство, боясь преслѣдованій и изыскивая свободныя мѣста, стремится все глубже и глубже къ азіатскимъ границамъ. Извѣстно, что прежде чѣмъ прибыли географы, а также и пограничныя власти къ подножьямъ Катунскихъ альпъ, въ вершинахъ р. Катуни, какъ они были уже посѣщены бухтарминскими охотниками-крестьянами, расположившимися въ сосѣдствѣ ихъ деревнями. Горячіе рахмановскіе ключи названы по имени крестьянина Рахманова. Относительно весьма смѣлаго проникновенія крестьянъ и колонизаторовъ на наши окраины, мы позволимъ себѣ привести два характеристическихъ разсказа изъ недавняго времени. Во время нашего военнаго движенія на Кульджу, на границѣ былъ поставленъ военный постъ, близъ р. Борохудзиръ, гдѣ оставлена была сотня казаковъ и военный лазаретъ,—вдругъ около этого мѣста появляются телѣги переселенцевъ. Оказалось, что они пришли поселяться. Какъ ихъ ни разубѣждали, что здѣсь военная линія и заселеніе преждевременно, — крестьяне рѣшились ждать генерала, управлявшаго

краемъ. Пріѣхалъ начальникъ и также представлялъ имъ разныя неудобства селиться на мѣстахъ, не вполнѣ безопасныхъ, пушилъ ихъ даже, что далеко зашли, но крестьяне, прошедши дальній путь, ни за что не хотѣли уходить и просили записать ихъ хотя въ казаки. Съ разрѣшенія семирѣчинскаго губернатора, наконецъ, они были записаны, и скоро сермяжный строй, подъ руководствомъ казаковъ, учился артикулу, а между прочимъ, и завелъ пашни, т.-е. удовлетворилъ главной потребности. Нынѣ Борохудзиръ — цвѣтущее русское осѣдлое населеніе семирѣчинской области. Второй примѣръ. Одинъ начальникъ, объѣзжая границы, узналъ, что казаки ведутъ споры съ мужиками. — Да какіе же здѣсь мужики?—спрашиваетъ изумленный начальникъ. Отправившись въ экспедицію, онъ увидѣлъ въ неприступныхъ горахъ, выросшую самовольно, русскую деревню.—Кто вы такіе? —спрашиваетъ пограничный начальникъ.—Мы россійскіе!—Кто вамъ дозволилъ здѣсь поселиться и какъ вы смѣли? — Мы не на твоей землѣ живемъ,—отвѣчали переселенцы.—А на чьей же? —Мы киргизскому султану, что въ Китаѣ живетъ, другой годъ дань за землю платимъ,—отвѣчали наивные русскіе колонисты, вообразившіе, что они находятся въ китайскихъ предѣлахъ,—на самомъ дѣлѣ, они были еще въ предѣлахъ Россіи, хотя въ такой мѣстности, которую знали плохо и русскіе. На границахъ минусинскаго округа, по Енисею, уже образовываются заселенія. Послѣдніе путешественники, бывшіе въ Монголіи, удостовѣряютъ, что сибирскія заимки, хутора, встрѣчаются далеко за русской границей на монгольскихъ земляхъ, русскіе люди давно проникаютъ сюда, хотя географическая наука только-что начинаетъ открывать эту terram incognitam.

Заселеніе и передвиженіе народа въ Сибири, такимъ образомъ, постоянное. Иногда переселенцы цѣлыми массами наполняютъ мѣстности и неизвѣстно куда исчезаютъ. Такъ, въ 1874 г., заявлялось въ печати, что томскую губернію наполнили вятскіе переселенцы, въ числѣ 1,700 человѣкъ, которые долго отыскивали возможности перечислиться сюда, но встрѣтивъ много препятствій, разсыпались, Богъ знаетъ, куда, и до 200 человѣкъ перебралось въ енисейскую губернію. Когда-то шедшіе на Амуръ переселенцы, не дойдя до мѣста, также разсыпались по Сибири. Въ 1875 году, на югѣ томской губерніи въ обширномъ резервуарѣ переселеній, за послѣднее время оказалось множество лицъ водворившихся, но не перечисленныхъ; когда поднятъ былъ вопросъ о приписке этихъ лицъ на мѣстахъ водворенія, ихъ оказалось 1,345 семей, въ числѣ ихъ были и шедшіе на Амуръ.

По другимъ же свѣдѣніямъ, такихъ переселенцевъ насчитывалось 2,177 душъ, но, вѣроятно, и это не все число; когда получено было разрѣшеніе оставить переселенцевъ на мѣстѣ водворенія, мѣстное начальство было поставлено въ новое недоумѣніе: вмѣсто прежнихъ лицъ, которыя опять исчезли въ колонизаціонномъ потокѣ, оказались все новые самовольные переселенцы. — Въ губерніяхъ Восточной Сибири, по послѣднимъ извѣстіямъ, оказалось, только оффиціально извѣстныхъ до 200 семей самовольныхъ переселенцевъ, а сколько еще ихъ не приведено въ извѣстность. Нынѣ о такихъ переселенцахъ возбуждаются постоянныя ходатайства, такъ какъ возвращеніе ихъ массами изъ Сибири является дѣломъ невозможнымъ, оно поведетъ къ уничтоженію цѣлыхъ поселеній и неразсчетливому раззоренію людей,— такимъ образомъ, правительство фактически уже примиряется съ этимъ народнымъ движеніемъ.

По этимъ фактамъ можно судить, съ какимъ крупнымъ и грандіознымъ явленіемъ русской жизни мы имѣемъ дѣло. Исторія этихъ движеній и многообразное проявленіе всѣхъ формъ и видовъ колонизаціи подлежитъ еще многимъ внимательнымъ изслѣдованіямъ и, вѣроятно, откроетъ замѣчательныя черты для наблюдателя народной жизни. Обратимся же теперь къ ея результатамъ и разселенію пришельцевъ на новыхъ земляхъ. Приведенные факты доказываютъ, какъ давно русскій народъ намѣтилъ нашъ сѣверо-востокъ. Разселеніе по Сибири избрало различные пути, обусловленные народными инстинктами, экономическими потребностями и физическими условіями мѣстности. Въ исторіи колонизаціи Востока и Сибири мы видимъ, что колонизація направлялась сначала сѣверными путями, вѣтвилась по сибирскимъ рѣкамъ, единственнымъ удобнымъ путямъ сообщенія древняго времени. Это былъ первый остовъ колонизаціи. Расположившись на двухъ обширныхъ бассейнахъ сибирскихъ рѣкъ, Иртыша и Оби, колонизація достигла крайняго сѣвера. Огромныя пространства и пустыни, раздѣлявшія водораздѣлы, оставались незаселенными, такими были: Тарскій волокъ, Бараба до Томска и пространство до Енисея. Съ главныхъ рѣкъ разселеніе располагалось по-немногу по притокамъ съ низу рѣкъ къ вершинамъ, это называлось по сибирски „вывершить рѣку“. При этомъ населеніе начало вѣтвиться и избирать мѣста преимущественно по южнымъ притокамъ рѣкъ, приближаясь къ болѣе плодороднымъ мѣстностямъ. Такой путь колонизаціи по рѣкамъ отъ мѣстъ менѣе плодородныхъ къ болѣе плодороднымъ есть естественный путь разселенія всѣхъ народовъ. Законъ этотъ за-

мѣтилъ и выяснилъ, между прочимъ, Кэри [1]). „Воздѣлываніе земли идетъ въ глубь страны къ плодороднымъ долинамъ“, — говоритъ онъ. Таковъ былъ путь разселенія въ Америкѣ въ Массачузетѣ, Нью-Норкѣ, Нью-Гавенѣ, въ Нью-Джерсеѣ по теченію Делавары, въ Висконсинѣ, въ сѣверной Каролинѣ, на Миссисипи и въ Техасѣ; таково же было заселеніе Мексики, Вестъ-Индіи и Южной Америки. Естественнымъ стремленіемъ переселенца является занять болѣе сносныя мѣста для жизни, хотя и менѣе плодородныя. Только въ позднѣйшій, второй періодъ, русская колонизація заняла среднюю земледѣльческую полосу Сибири, и такимъ путемъ образованы самые заселенные округа тобольской и томской губерній. Наконецъ, съ присоединеніемъ степей, съ расширеніемъ русскихъ границъ къ Китаю и оттѣсненіемъ кочующихъ ордъ, очистился югъ Сибири. Въ климатическомъ отношеніи это лучшая полоса. Русское населеніе уже въ прошломъ столѣтіи подвигалось къ границамъ и начинало населять предгорья Алтая, но пограничныя линіи полагали предѣлъ попыткамъ колонистовъ и промышленниковъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія, осѣдлая крестьянская колонизація прорвала эти линіи и началось заселеніе огромной территоріи Алтая. Наконецъ, къ Сибири присоединились новыя области на югѣ, таковы были Семирѣчье и Амуръ. Для русской колонизаціи открылось новое обширное поле.

Разсматривая современное направленіе русскихъ переселеній въ предѣлахъ Сибири, мы видимъ, что русскій народъ избираетъ для поселеній преимущественно югъ. Такъ, переселенцы идутъ въ семирѣчинскую область, на югъ томской губерніи, въ Алтай, въ минусинскій край енисейской губерніи. Трудно избрать лучшія мѣста по плодородію и богатымъ экономическимъ условіямъ. Вся Алтайская мѣстность съ горами, долинами, лѣсами, изобиліемъ минеральныхъ богатствъ, составляетъ драгоцѣннѣйшій перлъ Сибири. Лѣтъ сорокъ назадъ, началась колонизація, и тѣмъ не менѣе создались уже пѣлыя цвѣтущія волости. Въ 5-ти новообразованныхъ волостяхъ находится до 50,000 жителей. Во всемъ бійскомъ округѣ 203,855 жителей обоего пола. Съ 1866 по 1878 годъ сюда перечислилось до 8,124 крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Здѣсь совершается великая колонизаціонная работа русскаго населенія. Не смотря на запрещеніе, крестьянство проникло въ районъ инородческихъ земель, куда переселеніе не разрѣшалось, и занимаетъ нынѣ калмыцкія земли. Нако-

[1]) Руководство къ соціальной наукѣ, Кэри, стр. 93, 98, 294 и др.

нецъ, крестьянство упорно стремится разомкнуть государственныя границы—и нынѣ находится у предѣловъ Китая.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ мы видѣли цвѣтущія поселенія, пользующіяся замѣчательнымъ благосостояніемъ. Кромѣ Алтая, мы должны привести другой крупный примѣръ колонизаціонныхъ и культурныхъ завоеваній. Это—заселеніе семирѣчинскаго края. Семирѣчье было присоединено почти одновременно съ Амуромъ; такое названіе носятъ плодоносныя долины Или, около озера Балхаша, на русской границѣ,—нынѣ это цѣлая область, въ которую стремится русское переселеніе. Вотъ что́ сообщается объ этомъ краѣ въ послѣднее время. Семирѣчинскій край, населеніе котораго въ 1872 году простиралось до 543,000 душъ съ туземцами, имѣетъ нынѣ 31,800 русскихъ жителей, но съ каждымъ годомъ привлекаетъ къ себѣ все больше и больше переселенцевъ.

Послѣ 19 февраля 1861 года, въ Семирѣчье стали переселяться малороссы, тамбовцы, воронежцы и вятскіе вотяки; черезъ десять лѣтъ ихъ уже насчитывалось до 7,000; всѣ они занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ. Производительность почвы, при орошеніи, изумительна. По разсказу автора замѣтокъ о Семирѣчинскомъ краѣ („Акмолинскія Областныя Вѣдомости", 1876, № 6 — 8), лѣтъ восемь назадъ, при церковномъ домѣ въ малой Алматинской станицѣ было воткнуто до 500 тополевыхъ колышковъ,—теперь они стали деревьями, имѣющими болѣе 5 вершковъ въ отрубѣ; боярка вырóстаетъ болѣе 3 саженъ, въ отрубѣ—до 5 вершковъ; облѣпиха—тоже; бѣлая акація—до 8 саженъ. Прививки къ плодовымъ деревьямъ даютъ въ первое же лѣто большіе побѣги, которые приносятъ въ слѣдующемъ году плоды,—вообще тамъ не растетъ только то, что́ не посажено". „Семирѣчинскій край изобилуетъ всѣмъ необходимымъ для человѣка: въ горахъ Алатаусскихъ и Тяньшанскихъ находятся серебряныя, мѣдныя, свинцовыя, никкелевыя, желѣзныя и иныя руды; большое природное сокровище составляютъ цѣлебные минеральные источники, теплые и холодные. Иссыкъ-кульскіе ключи имѣютъ весьма высокую температуру. Въ малой Алматинкѣ, близъ Вѣрнаго, находится источникъ, вода котораго, отъ множества выдѣляющагося газа, кажется кипящею и такъ холодна, что окунувшемуся въ нее, въ жаркую лѣтнюю пору, едва ли можно выдержать леденящую температуру этого Нарзана. Здоровость и живописность Семирѣчинскаго края дополняютъ общую картину и невольно привлекаютъ къ нему симпатіи".

Приводимъ также изъ „Туркестанскаго Ежегодника“ описаніе станицы Лепсинской, гдѣ колонизуется нынѣ крестьянство. Лепса—одна изъ 7-ми рѣкъ, впадающихъ въ Балхашъ. Мѣстность Лепсинской станицы, составлявшая прежде любимое кочевье джунгарскихъ (калмыцкихъ) хановъ, замѣчательна также своимъ превосходнымъ, благорастворенным климатомъ. Весна начинается здѣсь въ концѣ апрѣля. Верховья Лепсы, лѣтомъ маловодныя, превращаются въ это время въ стремительные потоки, увлекающіе камни и деревья. Весною идутъ проливные дожди, увлажающіе почву, а лѣтомъ нерѣдко случаются сильныя грозы въ горахъ. Вслѣдствіе возвышеннаго мѣстоположенія долины Чубаръ-агачъ (Лепсинской), лѣтомъ тамъ зной не такъ ощутителенъ, а ночи даже довольно холодны. Лѣтомъ дожди бываютъ рѣдко, но травы однако же не высыхаютъ, какъ въ киргизской степи. Яркая зелень, испещренная цвѣтами, ежедневно освѣжается по утрамъ росою и сохраняетъ свѣжесть до осени, которая обыкновенно начинается въ октябрѣ и сопровождается густыми туманами. Въ ноябрѣ выпадаетъ снѣгъ, а въ декабрѣ уже устанавливается полная зима.

Таково же описаніе долины Борохудзира, гдѣ, вслѣдъ за русскимъ отрядомъ, также явилось крестьянство. Долина Борохудзирская, лежащая по обѣимъ сторонамъ рѣки Борохудзиръ, орошаемая холодными ключами и арыками (ирригаціонными каналами), проведенными изъ самой рѣчки, изобилуетъ превосходными пастбищными и луговыми мѣстами. Растущая здѣсь въ большомъ количествѣ трава и клеверъ весьма сочны и питательны. Почва долины плодородна и удобна для хлѣбопашества, доказательствомъ чему служитъ хорошій урожай хлѣба (самъ-25 и 30), въ особенности у китайскихъ эмигрантовъ. На киргизскихъ же пашняхъ, расположенныхъ между развалинами пикетовъ Ку и Шакыръ, урожай пшеницы и проса бываетъ самъ-15 и 20. Огородныя овощи также родятся въ изобиліи. На Борохудзирѣ эмигрантами разводится хлопокъ, который, однако, по достоинству своему, уступаетъ бухарскому. Берега рѣки Борохудзира покрыты тальникомъ и мѣстами густымъ камышомъ. Лѣсъ на топливо, преимущественно тополь (туранты) и кустарникъ саксаулъ, находится въ 25 верстахъ отъ отряда: первый на рѣкѣ Или, а второй—на урочищѣ Айдарлы-кумъ; какъ тотъ, такъ и другой ростутъ въ изобиліи. На Борохудзирѣ водятся утки, кулики и множество фазановъ, а въ камышахъ встрѣчаются и кабаны, стада которыхъ бываютъ отъ 50 до 80 головъ.

Кокъ-кезень—при сліяніи рѣкъ Большаго и Малаго Усека.

Мѣстность этого урочища живописна, богата водою и изобилуетъ хорошими пастбищными и луговыми мѣстами; въ лѣсѣ также нѣтъ недостатка: на долинѣ урочища растутъ въ изобиліи—тополь, тальникъ, береза, урюкъ и кустарники облѣпихи, барбариса и шиповника. Берега Усека покрыты высокимъ и густымъ камышомъ, гдѣ скрывается множество кабановъ. Строевой еловый лѣсъ растетъ въ верховьяхъ рѣки Усека, въ горахъ, на отвѣсныхъ скалахъ. Земля урочища, по отзывамъ киргизовъ и китайскихъ эмигрантовъ, плодородна и удобна для хлѣбопашества.

Въ IV томѣ „Ежегодника", изданномъ туркестанскимъ статистическимъ комитетомъ, извѣстный нашъ ученый, г. Сѣверцовъ, указываетъ благодатныя и роскошныя мѣста для поселеній къ югу отъ Исыкъ-куля.

Кромѣ Семирѣчинскаго края, является не менѣе привлекательнымъ для переселеній минусинскій округъ, енисейской губерніи. Минусинскій округъ занимаетъ самую южную часть енисейской губерніи,—это житница для цѣлаго края. Округъ раскидывается на 105,775 квадратныхъ верстъ; обширный Енисей прорѣзываетъ округъ во всемъ его протяженіи; на югѣ высится Саянскій хребетъ, пуская горные отроги. Степи, лѣса и альпійскіе луга чередуются въ этой роскошной мѣстности; горныя рѣки орошаютъ ее и способствуютъ богатой растительности; горы представляютъ разнообразныя кристаллическія породы. Минеральныя богатства округа чрезвычайно значительны: каменный уголь, соль, желѣзо и золото, давшее возможность развиться широко золотопромышленности. Нынѣ округъ заселенъ 45,000 душъ крестьянъ, 2,785 осѣдлыхъ инородцевъ и 23,800 кочевыхъ. Населеніе въ округѣ тѣмъ не менѣе прибываетъ путемъ колонизаціи. Земледѣліе играетъ важную роль между занятіями жителей и особенно распространено въ долинахъ Енисея и въ рѣчныхъ областяхъ Ои и Тубы. При необыкновенномъ плодородіи почвы, минусинскій округъ, въ отношеніи земледѣлія, занимаетъ первое мѣсто въ восточной сибири и снабжаетъ хлѣбомъ всю губернію. Подъ хлѣбопашествомъ въ округѣ занято до 50,000 десятинъ, обрабитываемыхъ трудомъ 20,000 душъ муж. пола. Скотоводство ведется также въ широкихъ размѣрахъ. Въ округѣ до 118,000 лошадей, 130,000 крупнаго рогатаго скота и 200,000 овецъ. Но еще болѣе привольныя мѣстности расположены къ югу округа; мѣста эти не заняты и влекутъ поселенца въ свои неисповѣдимо-богатыя и прекрасныя нѣдра. Въ Минусинскомъ краѣ населеніе также стремится примкнуть къ границамъ Китая и поселиться въ вершинахъ Енисея, какъ и въ

западной Сибири—въ вершинахъ Катуни и Иртыша. Здѣсь, сначала въ глухихъ мѣстахъ, какъ на Усѣ, образовались раскольничьи поселенія, долго невѣдомыя и слывшія подъ именемъ миѳическаго „Бѣловодья“. Теперь сюда стремятся проникнуть крестьяне, и колонизація ихъ, по свидѣтельству мѣстнаго жителя, была бы въ высшей степени благодѣтельна для Усинскаго края.

Кромѣ этихъ мѣстъ, населеніе стремится также въ наши киргизскія степи: такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ уже прибываютъ переселенцы въ Кокчетавскій округъ, акмолинской области,—лучшій округъ во всей степи; нынѣ поселено здѣсь до 600 душъ.

Подобные примѣры показываютъ, съ какимъ вѣрнымъ чутьемъ и знаніемъ народъ избираетъ себѣ мѣста для поселеній. Распространеніе русскаго населенія въ три вѣка на обширной территоріи Сибири служитъ достаточно наглядымъ примѣромъ той пользы и той существеннной заслуги, какую принесла наша колонизація. Тѣмъ не менѣе представляется вопросъ: миновала ли надобность въ этой колонизаціи, представляется ли необходимымъ поощреніе переселеній въ ея цѣляхъ—или, напротивъ, имъ пора положить предѣлъ?

При всей важности и значеніи переселеній для государства, при всемъ томъ, что вопросъ этотъ захватываетъ интересы милліоновъ трудящагося населенія, ищущаго выхода и облегченія своего экономическаго положенія, къ сожалѣнію, онъ остается у насъ въ Россіи все-таки весьма мало разработаннымъ и выясненнымъ не только въ частностяхъ, но и въ принципѣ. Поэтому намъ кажется своевременно поставить вопросъ: насколько выгодны вообще переселенія на новыя земли, какъ должно смотрѣть на выселенія народа изъ различныхъ мѣстностей, должна ли имъ быть предоставлена свобода, оказываться поддержка, или, напротивъ, должны быть употреблены старанія къ удержанію населенія на старыхъ мѣстахъ.

Въ настоящее время нѣтъ въ Европѣ государства, которое бы задерживало переселенія насильственно, такъ какъ право человѣка искать лучшихъ условій существованія—весьма естественно. „Право переселенія есть право жизни“, говоритъ одинъ изслѣдователь европейской колонизаціи [1]). Европа давно испытала историческое значеніе колонизаціи, начиная съ греческихъ и римскихъ колоній (клерухій и апойкій), составлявшихъ могуще-

[1]) L'émigration Européenne, son importance, ses causes, ses effets, par A. Legoyt. 1861, p. XLVIII.

ство и славу греческаго и римскаго міра, кончая созданіемъ американскихъ государствъ и насажденіемъ колоній во всѣхъ частяхъ свѣта. Поэтому въ Европѣ покровительствуютъ колонизаціи даже такія націи, которыя не имѣютъ собственныхъ колоній, и кажется, ничего не выигрываютъ отъ нея, напримѣръ, Германія. Что касается до переселенія людей въ собственныхъ владѣніяхъ и выселенія въ колоніи, то это считается однимъ изъ выгоднѣйшихъ предпріятій, какъ для старой, такъ и для новой страны. „Вывозъ работниковъ и капитала изъ старыхъ странъ въ новыя, оттуда, гдѣ они имѣютъ меньшую—туда, гдѣ они имѣютъ бо́льшую производительную силу, увеличиваетъ сумму богатствъ старой и новой страны", говоритъ англійскій экономистъ Милль. „При нынѣшнемъ состояніи дѣлъ на земномъ шарѣ, колонизація—выгоднѣйшее изъ всѣхъ коммерческихъ дѣлъ, какимъ можетъ заниматься капиталъ старой и богатой страны", прибавляетъ онъ. Поэтому Англія, сознавъ эту истину, издавна покровительствуетъ переселеніямъ. Смотря на нихъ какъ на весьма важное народно-экономическое и государственное средство помочь населенію, Россія точно также обязана многимъ совершившемуся въ ней разселенію: благодаря ему, она получила возможность укрѣпить за собою обширнѣйшія владѣнія въ мірѣ, которыми обусловливается ея могущество. Но, кромѣ этого политическаго значенія, колонизація у насъ имѣетъ также важное экономическое значеніе. Нашъ народъ, ища лучшихъ и болѣе просторныхъ мѣстъ, при своемъ экстензивномъ хозяйствѣ, въ переселеніяхъ всегда находилъ способъ поднять свое экономическое благосостояніе. Потребность въ переселеніяхъ, какъ мы видимъ изъ многихъ приведенныхъ фактовъ русской народной жизни, не только не уменьшается, но постоянно увеличивается. Густота населенія при опредѣлившихся границахъ надѣла даетъ себя все болѣе чувствовать. Даже въ лучшихъ губерніяхъ преобладающая норма надѣла очень мало удаляется отъ двухъ десятинъ, говоритъ г. Воропоновъ при изслѣдованіи вопроса переселеній,—и не доставляетъ крестьянину полныхъ средствъ для содержанія. Кромѣ того, надѣлы, замкнувъ крестьянство разъ въ земельные предѣлы, не позволяютъ даже расширенію земельныхъ участковъ. Земли съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе недостаточно, тогда какъ населеніе возрастаетъ. Если приростъ населенія въ плодородныхъ губерніяхъ положить не болѣе процента съ четвертью ($1^1/_4\%$), то населеніе должно удвоиться въ 55 лѣтъ, а увеличиться въ полтора раза — въ 32 года. Если при предполагаемомъ умѣренномъ разсчетѣ также будетъ возрастать и по-

требность въ землѣ, то черезъ 10 лѣтъ настоятельная нужда въ переселеніи коснется уже цѣлыхъ милліоновъ крестьянъ. Сила вещей поставитъ тогда вопросъ въ рѣшительной формѣ. Князь Васильчиковъ въ своей извѣстной книгѣ справедливо указываетъ на колонизацію, какъ на одно изъ средствъ отъ накопленія пролетаріата [1]). Дѣйствительно, явленіе переселеній уже теперь становится фактомъ повсемѣстно распространеннымъ. Неизбѣжность и настоятельная потребность переселенія очевидны для насъ, какъ и для другихъ народовъ, и противъ принципа переселеній едва ли могутъ найтись достойныя вниманія возраженія.

Всего менѣе въ выигрышѣ отъ переселеній, повидимому, должна быть мѣстность, откуда люди выселяются, такъ какъ здѣсь потеряны, а не пріобрѣтены рабочія руки. По этому поводу иногда высказываются людьми, нуждающимися въ этихъ рукахъ, различныя опасенія. Но противъ подобныхъ опасеній существуютъ весьма вѣскія возраженія.

Опасеніе, будто мѣста, покидаемыя переселенцами, останутся безъ рабочихъ рукъ — опасеніе совершенно неосновательное; между тѣмъ, всякое стѣсненіе свободы, несправедливое въ самомъ принципѣ, повело бы къ величайшимъ несправедливостямъ при практическомъ разрѣшеніи вопроса о переселеніи крестьянъ. Что движеніе переселенцевъ, говорятъ, должно имѣть свои границы, это не подлежитъ сомнѣнію, но такія границы даются сами собою, дѣйствіемъ естественныхъ законовъ. Эмиграція будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока на мѣстахъ заселяемыхъ условія жизни будутъ выгоднѣе, нежели на мѣстахъ покидаемыхъ. Первые поселенцы пожнутъ въ новой странѣ самые обильные плоды; но ихъ преемники, по мѣрѣ занятія края, будутъ получать уже меньшее вознагражденіе за свой трудъ. Между тѣмъ, въ покидаемыхъ мѣстахъ разрѣженіе населенія естественно будетъ имѣть слѣдствіемъ постоянное возрастаніе заработковъ. Этими двумя противоположными теченіями цѣнъ труда—нисходящимъ въ заселяемыхъ мѣстностяхъ и восходящимъ въ покидаемыхъ—рано или поздно, и тамъ и здѣсь, вознагражденіе труда будетъ приведено къ одному и тому же уровню, и тогда наступитъ конецъ выселенію. Чѣмъ виноваты люди, которыхъ новая мѣра задержитъ въ мѣстности, откуда они стремятся, подъ тѣмъ предлогомъ, что кто-то можетъ пострадать отъ недостатка рабочихъ рукъ? Такая задержка равнялась бы наложенію на свободныхъ людей обязанности продавать свой трудъ въ пользу другихъ

[1]) «Земледѣліе и Землевладѣніе», кн. Васильчикова.

лицъ по низшей цѣнѣ сравнительно съ стоящею на рынкѣ. Съ другой стороны, всякая мѣра къ опредѣленію границъ колонизаціи допускаетъ обширное поприще для произвола и случайности. Разрѣшеніе или запрещеніе выселяться будетъ поставлено въ зависимость отъ обилія или недостатка рабочихъ рукъ. Но понятіе о недостаткѣ рабочихъ рукъ есть, очевидно, относительное. Землевладѣлецъ жалуется на такой недостатокъ всякій разъ, какъ только онъ не находитъ рабочихъ по цѣнѣ, какую платилъ до тѣхъ поръ; между тѣмъ, стоитъ увеличить цѣну, и отъ рабочихъ не будетъ отбоя. Въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, откуда, вслѣдствіе чрезмѣрной населенности, крестьяне цѣлыми тысячами отправляются въ отхожіе промыслы, сплошь и рядомъ раздаются голоса о невозможности достать рабочихъ. Курскій землевладѣлецъ уже начинаетъ кричать объ отсутствіи рабочихъ, какъ скоро не оказывается охотниковъ обработывать его поля по 5 р. за десятину. Между тѣмъ, очевидно, что самое стремленіе удалиться съ привычнаго, насиженнаго мѣста, самая рѣшимость на лишенія во время отдаленнаго переѣзда есть уже признакъ избытка рабочихъ рукъ, невозможности найти для труда занятіе, обезпечивающее человѣку сколько-нибудь сносное существованіе. Такимъ образомъ, вопросъ объ обиліи и недостаткѣ рабочихъ рукъ можетъ быть рѣшаемъ совершенно различно, смотря по тому, смотритъ ли рѣшающій на дѣло съ точки зрѣнія крестьянина или землевладѣльца. Кто бы ни былъ судьею вѣрности этихъ противоположныхъ взглядовъ, ему, во всякомъ случаѣ, будетъ трудно, подъ многообразными побочными вліяніями удержаться въ столь деликатномъ вопросѣ на почвѣ строгой справедливости.

Во всякомъ случаѣ, колонизація не можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія интересовъ лицъ, заинтересованныхъ въ конкурренціи рабочихъ, хоть бы часть ихъ умирала съ голоду, она не можетъ быть подчинена также частнымъ интересамъ губерній,—она есть дѣло самихъ лицъ, чувствующихъ потребность въ выселеніи, и дѣло государства, которое отъ этого не проигрываетъ, а, напротивъ, выигрываетъ, получая, вмѣсто разоренныхъ пролетаріевъ, зажиточныхъ производителей.

Есть еще мнѣнія противъ колонизаціи, раздающіяся изъ лагеря лицъ, заинтересованныхъ въ развитіи отечественной земледѣльческой культуры. Они состоятъ въ томъ, что колонизація разрѣжаетъ населеніе и тѣмъ задерживаетъ переходъ къ болѣе совершенному хозяйству. Чѣмъ гуще будетъ населеніе, тѣмъ скорѣе земледѣльцы перейдутъ къ усовершенствованнымъ систе-

мамъ, думаютъ они. Но это едва ли такъ, потому что переходъ къ высшему хозяйству совершается не подъ вліяніемъ только тѣсноты и малоземелья, но для этого нужны и другія условія— извѣстное накопленіе средствъ, орудія и умѣнье, т.-е. капиталъ и знаніе, которое не вдругъ пріобрѣтетъ бѣдное и невѣжественное населеніе. Человѣкъ нужды и голода не изобрѣтетъ машины Уайта, Аркрайта, пароваго плуга и т. д., а если и додумается до новыхъ орудій, до новыхъ пріемовъ хозяйства, то не въ состояніи будетъ примѣнить ихъ, потому что на это нужны будутъ средства. Обрекать же населеніе на голодъ и раззореніе въ ожиданіи, когда оно накопитъ эти средства, слишкомъ дорогая цѣна пріобрѣтаемаго прогресса. Никто, конечно, не будетъ указывать на колонизацію, какъ на разрѣшеніе всѣхъ народно-экономическихъ вопросовъ, которые находятся въ связи съ аграрными законами, установившимися спеціальными отношеніями, распредѣленіемъ богатствъ, знаній и т. п. Въ этомъ отношеніи колонизація, безъ сомнѣнія, должна быть признана палліативою соціальныхъ золъ, но она важна тѣмъ, что въ переходныя времена кризисовъ, по мѣрѣ движенія экономическаго прогресса, она предотвращаетъ бѣдствія и катастрофы, открывая во время клапанъ жизни.

Несомнѣнно, что общій законъ разселенія и распространенія населенія присущъ и намъ. Міровая роль колонизаціи громадна. Выдѣляя часть населенія, въ однихъ мѣстахъ, она создаетъ новыя ячейки жизни въ видѣ колоній, содѣйствуетъ болѣе равномѣрному распредѣленію населенія по земному шару, распространяетъ жизнь, культуру и часто создаетъ среди пустынь новые государственные организмы.

Переселенія русскаго народа и колонизаціонная его дѣятельность составляютъ весьма видный актъ народной исторіи. Но играя видную роль въ прошломъ, переселенческій вопросъ обѣщаетъ играть еще большую роль въ будущемъ. Доселѣ вопросъ этотъ не былъ жгучимъ и очереднымъ вопросомъ русской жизни, такъ сказать, вопросомъ неотложной необходимости. Правда, въ государственной жизни Россіи и въ народной исторіи онъ не разъ выступалъ весьма наглядно и заставлялъ обращать на себя вниманіе. Такова его роль была въ эпохи эмиграцій и передвиженій населенія, но затѣмъ это явленіе, регламентируемое государствомъ, сковываемое старыми формами жизни и учрежденіями, въ родѣ крѣпостнаго права, какъ бы умалялось, погружалось на дно и получало болѣе скрытую, чѣмъ явную дѣятельность. Важнѣе всего, что вопросъ этотъ, до послѣдняго времени, не выступалъ

въ формѣ неизбѣжно экономическаго вопроса, какимъ онъ былъ давно уже на Западѣ въ Европѣ. Недавно у насъ еще говорилось: „Намъ-ли думать о переселеніяхъ, когда сама Россія такъ рѣдко заселена“? Эта фраза, но уже пониженная нѣсколькими нотами, слышится и теперь; но за нею выступили два факта, заставляющіе задуматься, это—фактъ вполнѣ обнаруженный жизнью, недостатокъ земельныхъ надѣловъ, и послѣдствіемъ этого—чувствуемое малоземелье, другой фактъ — стремленіе населенія къ выселенію. Такимъ образомъ къ фразѣ: „намъ-ли думать о переселеніяхъ“ неожиданно приплелась другая: „но что же намъ дѣлать съ самовольными переселеніями народа?“ Такимъ образомъ, въ настоящій періодъ исторіи, выдвинулся въ Россіи колонизаціонный вопросъ, помимо нашего желанія, помимо всякой теоріи и требуетъ отвѣта. Составляя предметъ текущаго обсужденія и разсмотрѣнія съ различныхъ точекъ зрѣнія, онъ является тѣмъ-же насущнымъ экономическимъ вопросомъ, тою же потребностью, какъ и на Западѣ въ Европѣ. Россія, въ этомъ случаѣ, не избѣгла общаго историческаго жребія. Вопросъ этотъ, выразившійся въ народной жизни весьма замѣтными явленіями, обнаружится со временемъ, вѣроятно, еще болѣе. Несомнѣнно, что число населенія и потребность въ землѣ будутъ возрастать, въ то-же время культурныя совершенствованія и развитія другихъ средствъ жизни, помимо земли, для огромнаго земледѣльческаго класса едва-ли подоспѣютъ разомъ. Между тѣмъ, страданія отъ малоземелья, подобно голоду, вызовутъ сами собою передвиженіе населенія. При этомъ, надо замѣтить, что никакія стѣснительныя мѣры не помогутъ удержать выселеній, порождая развѣ одно, что изъ движенія явнаго и открытаго они превратятся въ явленіе тайное и скрытое отъ официальныхъ взоровъ, какою и была наша колонизація во все время чиновной регламентаціи, искусственныхъ задержекъ и цѣпей крѣпостнаго права. Она вырождалась то въ „побѣгъ“, то въ „самовольныя переселенія“, но никогда не останавливалась. Породивъ для государства извѣстный дефицитъ въ окладномъ населеніи, она явилась для народа источникомъ превратностей, случайностей и создала много жертвъ, несчастій и бѣдствій, вмѣсто ожидаемаго блага и устройства быта. Нѣтъ сомнѣнія, что такое положеніе ея не могло считаться нормальнымъ. Поэтому вопросъ о переселеніяхъ, выступающій нынѣ, заставляетъ подумать о томъ, какимъ образомъ сдѣлать, чтобы стремленія народа были удовлетворяемы лучше, чтобы въ дѣлѣ колонизаціи интересы государства болѣе гармонировали съ народными и самая колонизація имѣла болѣе благіе результаты по

послѣдствіямъ. Въ настоящую минуту народныя переселенія, предоставлены самимъ себѣ и силамъ народнымъ. Они существуютъ безъ всякой поддержки, и участь переселенца часто безпомощна.

Вотъ въ какомъ видѣ по сдѣланнымъ наблюденіямъ представляются переселенія нашихъ крестьянъ.

Цѣлые караваны повозокъ во 100 и болѣе семей, человѣкъ въ 300 и 400 душъ, за разъ двигаются по сибирскимъ дорогамъ. Переселенцы не имѣютъ нигдѣ крова, они останавливаются подъ открытымъ небомъ въ полѣ. Здѣсь располагаются цѣлыя семьи подъ телѣгами, больные и дѣти находятся тутъ же. Нерѣдко прирощеніе семей, какъ и смерть, застаетъ людей во время путешествія тоже среди поля. Положеніе значительной части переселенцевъ нищенское. Входя въ Сибирь, они уже начинаютъ питаться подаяніями по деревнямъ, и нищенство составляетъ профессію переселенца, иначе дойти до мѣста у него не достало бы средствъ. На главной трактовой дорогѣ Сибири, крестьяне-старожилы сообщили намъ, какъ фактъ, что изо всего числа обозовъ они помнятъ только двѣ партіи переселенцевъ, не побиравшихся, и это была большая рѣдкость. Весь налогъ, по части пропитанія переселенца, падаетъ, такимъ образомъ, цѣликомъ на сибирскаго крестьянина; но помощь эта, исходящая изъ добровольной благотворительности, весьма случайная.

Затрудненія и лишенія нашихъ переселенцевъ, какъ указываютъ факты, далеко не оканчиваются дорогой, они часто только начинаются; вслѣдъ за перемѣщеніемъ, является исканіе мѣстъ для водворенія, затѣмъ процессъ обзаведенія и, наконецъ, легальное перечисленіе.

Выселеніе у насъ обставлено такими затрудненіями, связанными съ поземельными обязанностями и съ цѣлой сущностью податной и паспортной системы, что перечисленіе никогда почти не начинается съ мѣста, оно совершается, какъ мы наблюдали, въ концѣ процесса переселенія. На это есть много причинъ. Обыкновенно, переселенцы не могутъ проситься о перечисленіи своемъ заранѣе, не видя мѣстъ, куда намѣрены переселиться, часто они не знаютъ даже гдѣ найдутъ ихъ. Отыскиваніе этихъ мѣстъ чрезъ ходаковъ не всегда является возможнымъ, потому что снаряженіе этихъ ходаковъ и довѣренныхъ требуетъ предварительныхъ затратъ, при томъ земледѣлецъ, слишкомъ ревнивый въ выборѣ почвы, не можетъ ни на кого положиться, кромѣ себя. Вслѣдствіе этого хлопоты о перечисленіи являются тогда, когда переселенецъ порядочно постранствовалъ, нашелъ мѣсто, облюбилъ его, обжился и загладилъ первыя по-

тери при переходѣ. Множество лицъ, поэтому, живетъ долго по паспортамъ, пока не соберется перечислиться; положеніе это довольно шаткое, достаточно малѣйшей случайности и паспортъ не будетъ высланъ. Когда начинается перечисленіе, для переселенца наступаетъ переходное состояніе, тянущееся иногда года; мы имѣли случай видѣть людей живущихъ по 12 лѣтъ и болѣе по паспортамъ безъ перечисленія, точно также, какъ и людей, лѣтъ по 11 хлопочущихъ о перечисленіи, и находящихся въ переходномъ состояніи. Здѣсь на пути встрѣчаются всевозможныя формальности. Переселенецъ, какъ бы не принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому обществу, но онъ несетъ и податную тяжесть и повинность въ новомъ мѣстѣ, наконецъ, онъ несетъ расходы по перечисленію. Если счетъ на него не предъявляется сразу за это переходное положеніе, то онъ предъявляется послѣ. Между тѣмъ, надо обратить вниманіе на матерьяльныя средства переселенца и на расходы, которые онъ долженъ вынести при переселеніи и перечисленіи.

Совокупность всѣхъ расходовъ и затратъ, которые долженъ перенести переселенецъ при своемъ переселеніи, какъ убѣждаетъ наблюденіе и разсчетъ, превосходятъ въ большинствѣ сумму всего проданнаго крестьянскаго имущества. Одна дорога въ ближайшія сибирскія губерніи обходится отъ 50 до 100 р. на повозку; иные имѣли по 175 руб. расходовъ на семью; по показаніямъ харьковцевъ, расходы на подводу съ парой воловъ обошлись имъ въ 300 р.; затѣмъ нужны расходы на обзаведеніе, покупку или постройку дома, покупку, скота, орудій. Подобное обзаведеніе, чтобы стать на ноги, требуетъ, меньшее—100 р. Переселенецъ въ новыхъ условіяхъ хозяйства въ Сибири не можетъ обойтись съ ничтожнымъ количествомъ скота напр., съ одной лошадью, ему нужно при дѣвственныхъ и тучныхъ почвахъ Сибири, при разстояніяхъ пашни, имѣть ихъ отъ 3 до 5. При всѣхъ этихъ расходахъ, переселенецъ долженъ оплатить исправно всѣ подати и повинности при своемъ выходѣ, по крайней мѣрѣ за 2 года, иначе его не выпустятъ изъ общества, затѣмъ онъ долженъ подновлять паспортъ до перечисленія и нести нѣкоторыя повинности на новомъ мѣстѣ; за все время дороги, когда онъ не имѣлъ возможности работать, онъ долженъ, какъ и за время производительнаго труда, оплатить подати Мало того, на мѣстѣ у него начинаются новые расходы по перечисленію. Какъ ни оттягиваетъ время переселенецъ, какъ онъ ни расчитываетъ обернуться, но время перечисленія должно наступить. Для этого нужно окупить пріемный

приговоръ, увольнительный, расходы по подачѣ прошеній, уладить дѣла съ волостнымъ правленіемъ; всякая юридическая ошибка приноситъ новые расходы и затягиваетъ время. Пріемный приговоръ со всѣми другими расходами обходится 40—50 р., меньшее— 15 р., но часто прежнее общество запрашиваетъ съ переселенца, чтобы уволить его рублей 40—50. Переселенцу остается сниматься съ мѣста или платить. Пока длится перечисленіе, переселенецъ сходитъ пѣшкомъ изъ волости въ городъ, подастъ прошеніе въ казенную палату и губернскому начальству, кто-нибудь надоумитъ его подать прошеніе и на Высочайшее имя. Бывали случаи, что во время этихъ ходатайствъ, попавъ въ руки жадныхъ кляузниковъ и ходатаевъ, переселенцы раззорялись поголовно, недождавшись перечисленія. Въ такія сѣти попали, напримѣръ, до 1,700 душъ вятскихъ переселенцевъ, пришедшихъ въ томскую губернію въ 1874 году. (Случай, опубликованный въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1875 г. № 278). Кто только не пользуется во время этого страшнаго переходнаго времени переселенцемъ!..

Бюджетъ расходовъ показываетъ, что переселенія, на собственный счетъ и безъ всякой помощи, доступны весьма немногимъ, иначе говоря — онѣ доступны только состоятельнымъ и богатымъ крестьянамъ, имѣющимъ фондъ не менѣе 500 р. с.

Что же остается на долю остальныхъ? Само собою, полное истощеніе и нищета, при всемъ томъ, что переселенецъ ограничивается minimum'омъ потребностей, часто голодаетъ, дрожитъ изъ за каждаго гроша и т. п. Но это еще не все,—переселенецъ, послѣ переселенія на свой счетъ, безо всякой льготы, является, по перечисленіи, съ кучею, подоспѣвшаго на его голову, долга и недоимки, причемъ податная система придавливаетъ его сразу своею коллоссальною тяжестью. Пока переселенецъ идетъ и, пришедши, соберется начать перечисленіе, пока тянется дѣло,—въ его семьѣ произойдетъ масса измѣненій—часть членовъ помретъ, имущество будетъ прожито; ревизскія же души остаются на счету, и подать по его слѣдамъ все наростаетъ. Кончается тѣмъ, что въ результатѣ получается комбинація самаго сложнаго и запутаннаго свойства, которую не можетъ разобрать ни канцелярія, ни распутать сама жизнь.

Мы имѣли случай видѣть такого рода дѣла: крестьянинъ старикъ проситъ перечислить его въ Сибирь съ двумя сыновьями; пока идетъ перечисленіе, одинъ сынъ взятъ въ солдаты, другой умираетъ, но хилый старикъ перечисленъ въ числѣ 3-хъ душъ, и обязанъ платить за нихъ. Другой случай. Долги на пересе-

ленцахъ достигаютъ невѣроятныхъ размѣровъ. Мы имѣемъ документъ, въ которомъ значится, перечисленныхъ въ Сибирь, 25 душъ крестьянъ, взысканіе на нихъ равняется 2,097 руб. 33 коп.; изъ этихъ 25 человѣкъ только 8 оказались въ живыхъ и изъ нихъ только одинъ, имѣющій имущество, которое и подлежало продажѣ.

Встрѣтить переселенцевъ съ 100 руб. податнаго долгу—не рѣдкость. Если мы сообразимъ крестьянскія средства и крестьянскій бюджетъ, не превышающій иногда 50 р. на семью, если мы примемъ во вниманіе, что семьѣ этой нужно прокормиться и что многіе въ Сибири начинаютъ свою жизнь нищенствомъ и батрачествомъ, причемъ входятъ въ частные долги,—мы поймемъ, что такіе переселенцы являются вѣчными недоимщиками.

Таковы результаты нашихъ переселеній при существующей податной системѣ, непосильныхъ взысканіяхъ недоимокъ, фискальныхъ условіяхъ и отсутствіи облегченія и поддержки во время пути [1]).

Что касается водворенія на мѣстахъ, пріемовъ и способовъ колонизаціи, то заселеніе Сибири даетъ также нѣкоторые важные уроки. Здѣсь мы видимъ два вида колонизаціи: казенной и народной.

Пріобрѣтеніе, завоеваніе, наконецъ, заселеніе Сибири есть продуктъ двухъ силъ—государственной и вольно-народной Мы видимъ, что государство намѣчаетъ остроги, крѣпости, проводитъ линіи, наконецъ, пролагаетъ тракты и такимъ образомъ создаетъ, такъ сказать, вѣхи и колья, межи и планъ для колонизаціи. Народная колонизація, въ видѣ народа-плотника, мало того, что осуществляетъ планъ, но и наполняетъ всѣ промежутки и сѣтку колонизаціи живымъ матерьяломъ; мало того, она часто идетъ дальше архитектора, расширяетъ зданіе, при чемъ вѣхи, колья и планъ являются послѣ того, какъ уже началась постройка.

При правительственной колонизаціи мы видимъ массу обязанныхъ служилыхъ людей, казаковъ, водворенныхъ крестьянъ по распоряженію правительства, прикрѣпляемыхъ ямщиковъ, назначенныхъ на мѣста преступниковъ, высланныхъ ремесленниковъ и мастеровъ, даже женщинъ для уравновѣшиванья половъ, но государство къ этому вынуждается только необходимостью. Это не административная обязанность, иначе говоря, архитекторъ, увле-

---

[1]) О положеніи переселенцевъ см. наши статьи „Вѣстн. Европы 1880 и 1881 гг., а также путешествіе въ Алтай Зап. Сиб. Отдѣл. Имп. Геогр. Обществ. 1880 г.“.

каемый жаждой созиданія, желая скорѣе обезпечить за собой мѣста постройки, берется самъ за топоръ. Когда настоящій работникъ появляется, архитекторская работа исчезаетъ подъ новой громадной работой настоящихъ плотниковъ. Казенная колонизація, составляя временную функцію, весьма часто дѣлаетъ промахи, увлекается планомъ и фасадомъ, не сообразивъ прочности почвы и окружающихъ удобствъ, она ломитъ и заставляетъ создавать массу непроизводительной работы, не щадитъ силъ и не соблюдаетъ экономіи; много народу гибло на казенныхъ трактахъ, не мало было создано искусственныхъ деревень и городовъ, которые послѣ падали и теряли значеніе. Образецъ такой колонизаціи—въ степяхъ и на Амурѣ. Но еще важнѣе то, что эта искусственная и принудительная колонизація не можетъ создать настоящаго импульса жизни, здѣсь не достаетъ живой силы, могучей воли, энергіи, творчества, народнаго вдохновенія. Сама по себѣ, она одна не создала бы Сибири, не заселила бы всѣхъ пространствъ ея, не одухотворила бы жизнью и не привлекла бы къ работѣ такую массу населенія. Это могла сдѣлать только добровольная колонизація. Сколько бы не было употреблено изобрѣтательности и остроумія со стороны администраторовъ и регламентаторовъ, они не могутъ замѣнить народнаго ума, они не изыщутъ тѣхъ новыхъ путей и тропъ по своей картѣ, которые находитъ народъ среди лѣсовъ и пустынь, пролагая самъ себѣ дорогу. Вотъ почему народно-историческія зданія выростаютъ такъ неожиданно и созидаются такъ оригинально, какъ не можетъ вообразить себѣ самый смѣлый государственный умъ. что въ 80 лѣтъ съ небольшимъ будетъ завоевана и укрѣплена цѣлая часть свѣта, какъ Сѣверная Азія, территорія, превосходящая Римскую Имперію,—не рѣшится предсказать ни Цезарь, ни Наполеонъ; народъ же совершаетъ это, не имѣя даже полководца во главѣ. Обѣщать, въ пустынномъ краѣ, въ извѣстный срокъ создать населеніе, культурную жизнь, водворить осѣдлость, построить деревни и города, проложить дороги, насадить промышленность, едва-ли возьмется самый могущественный государственный человѣкъ; по крайней мѣрѣ онъ не можетъ ручаться за успѣхъ подобной работы, онъ не можетъ, силою одной своей воли, сотворить культурную жизнь, хотя бы его воля и способность двигать массами превосходила силы Фараона. Но народъ, пущенный живымъ токомъ въ новую страну, создаетъ это съ не предусмотрѣнной быстротой.

Оттого часто тамъ, гдѣ копошился незамѣтно народный трудъ, гдѣ работалъ онъ въ тайнѣ, гдѣ, какъ муравей, скользилъ

онъ подъ почвою и за корою деревьевъ, гдѣ часто скрывался онъ въ подземельяхъ, въ тайникахъ и дебряхъ лѣсовъ отъ регламентаціи и принудительной работы,—срывая занавѣсъ, мы внезапно открываемъ нѣчто болѣе грандіозное и превосходящее египетскія пирамиды, мы видимъ сфинксы и обелиски живой народной работы, одухотворенные, дышащіе исторической жизнью и будущностью, величественныя архитектурныя зданія подобно тѣмъ, какія насаждены народными силами въ дебряхъ Америки, Австраліи и Сибири.

Подобные примѣры показываютъ намъ, во-первыхъ, настоящаго фактора жизни и исторіи, во-вторыхъ, убѣждаютъ, что народный трудъ въ дѣлѣ колонизаціи, въ области его самодѣятельности и творчества, не долженъ быть стѣсняемъ, а предоставленъ до извѣстной степени самому себѣ.

До сихъ поръ въ дѣлѣ государственной колонизаціи борются еще два направленія, это—регулированіе народныхъ движеній, управленіе ими, искусственныя поощренія, назначеніе на извѣстныя мѣста, доходящее до указаній пунктовъ поселеній, до вышивки казенныхъ узоровъ, и другое—оставившее уже эти цѣли и имѣющее въ виду лишь помогать народному движенію въ томъ направленіи, куда оно стремится, содѣйствовать народной самодѣоятельности и выбору мѣстъ, сообразно требованіямъ жизни и условіямъ культуры. Послѣдній способъ составляетъ пріемъ, практикуемый нынѣ европейской колонизаціей.

Требуется не мало проницательности и государственной сообразительности, чтобы понять и соразмѣрить роль административной государственной функціи въ дѣлѣ колонизаціи и не брать на свою отвѣтственность доли труда, которой по свойству своему никакая администрація выполнить не въ состояніи; она не заставитъ искусственно дѣйствовать народъ такъ, какъ онъ бы самъ дѣйствовалъ и не удержитъ его тамъ, гдѣ естественныя условія не благопріятствуютъ народному труду. Точно также какъ не удержать ей токъ могучихъ народныхъ движеній туда, куда народъ имѣетъ естественное влеченіе стремиться. Одной административной самоувѣренности не дано творить жизнь и культуру. Этого не надо забывать. Наиболѣе проницательная государственная мудрость должна убѣдиться, въ концѣ концовъ, что въ рукахъ ея находится только одинъ механизмъ пароваго клапана, отпускающаго или задерживающаго народную силу, но никоимъ образомъ она не должна отождествлять себя съ дѣйствіемъ пара. Къ сожалѣнію эти ошибки и заблужденія повторяются

доселѣ, мѣшая свободному развитію народныхъ силъ и исторической творческой ихъ дѣятельности.

Остатокъ регламентаціи, искусственнаго задержанія и направленія народныхъ движеній и колонизаціи, все еще остается въ традиціяхъ отъ прошлой казенной колонизаціи, хотя она давно отжила свое время. Бюрократическая самоувѣренность и привычка вмѣшательства затмѣваетъ здоровую государственную политику и задерживаетъ культурную историческую работу въ сферѣ колонизаціи. Вотъ почему часто наша колонизація и самое обновленіе нашихъ колоній не имѣютъ тѣхъ успѣховъ и прогресса, которые онѣ имѣютъ на Западѣ.

Результаты нашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній до сихъ поръ были значительны: у насъ заняты огромныя пространства новыхъ земель. Нельзя сказать, чтобы наша народная колонизація не сдѣлала никакихъ успѣховъ и была робкою. Занятіе Сибири, отъ Урала до береговъ Тихаго океана, съ Камчаткой, русской Америкой и островами, въ весьма короткій періодъ, было не малымъ подвигомъ, обнаружившимъ нашу колонизаціонную способность не ниже другихъ народовъ. Духъ стараго землепрохода, духъ піонерства, проторенія тропъ, не умеръ и до сихъ поръ въ русскомъ народѣ: русскіе переселенцы идутъ впереди путешественниковъ, впереди военныхъ отрядовъ и посѣщаютъ невѣдомыя мѣста Средней Азіи—въ родѣ Чернаго Иртыша, вершинъ Енисея и Лобъ-нора [1]) — и тѣмъ не менѣе результаты нашей колонизаціи слабы, хотя порывы широки. Не смотря на вѣковыя заселенія, наша азіатская территорія все еще остается пустынною и слабо заселенною. Физическія условія были слишкомъ неодолимы въ новой странѣ, а культурныя силы населенія—слишкомъ слабы. Когда-то сообщеніе съ Сибирью чрезъ Уральскій хребетъ происходило разъ въ годъ, движенія совершались по рѣкамъ, населеніе — обязанное ямской повинностью— разбѣгалось, поселенное насильно на трактахъ—вымирало. Всѣ усилія правительства были сосредоточены въ первое время— установить сообщенія по главнымъ дорогамъ и соединить раскиданные передовые посты русской осѣдлости, намѣченные въ завоевательный періодъ. Большею частью сама колонизація была осуждена служить средствомъ заселенія трактовъ и проведеніемъ путей. Это видно изъ существующаго распредѣленія жителей по Сибири. На поселенія по трактамъ въ самой населенной ча-

---

[1]) Г. Пржевальскій, посѣтивъ озеро Лобъ-Норъ, узналъ, что здѣсь были и прожили зиму русскіе раскольники-переселенцы.

сти края выпадаетъ 1/5 часть жителей, вообще же въ тобольской и томской губерніяхъ 1/4 разселена по дорогамъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ, какъ каинскомъ, на почтовомъ трактѣ— 93,31% жителей округа. Такимъ образомъ, рѣдкое населеніе, тянущееся нитями по длиннымъ сибирскимъ дорогамъ, едва связываетъ отдаленныя пространства, куда закинула исторія русское населеніе. Не смотря на борьбу съ разстояніями и усиленное проведеніе путей во все прошлое столѣтіе, сообщенія въ краѣ представляютъ огромныя трудности. На всю огромную территорію въ 240,000 квадратныхъ миль, мы видимъ съ запада только одинъ торговый путь въ Сибирь, соединяющій Азію съ Европою черезъ Уралъ. На всемъ громадномъ протяженіи южной сибирской границы существуетъ только четыре торговыхъ прохода, обширные промежутки между этимипунктами не проницаемы для внѣшней торговли. Югъ Сибири отдѣленъ обширными степями на тысячи верстъ, какъ отъ Средней Азіи, Туркестана, такъ и внутренняго Китая. На востокѣ, не смотря на примыкающій океанъ, существуютъ только три значительныхъ порта, и вся береговая полоса остается мертвымъ пространствомъ. Еще болѣе безлюденъ сѣверъ Сибири съ устьями величайшихъ рѣкъ въ мірѣ, текущихъ съ юга. Такимъ образомъ, страна даже съ внѣшней стороны кажется уединенною и недоступною, а населеніе отрѣзаннымъ; немногія дороги составляютъ только первую брешь, пробитую въ этотъ замкнутый міръ. Что касается внутреннихъ трактовъ, то они также едва намѣчены предшествовавшей колонизаціей. Мы видимъ одну транзитную дорогу, тянущуюся на разстояніи 6,000 верстъ, пробитую кяхтинской торговлей среди пустынныхъ мѣстностей. Сообщенія въ сторону, по проселкамъ, представляютъ первобытные пути среди дебрей и болотъ; мѣстами эти дороги въ лѣсахъ превращаются въ тропинки для верховыхъ, а во всей лѣсной и южной гористой Сибири сообщенія и перевозки тяжестей производятся верхомъ, вьюками. Алтай представляетъ образецъ вьючныхъ дорогъ: проѣзды здѣсь, среди скалъ, даже верхомъ совершаются съ опасностью жизни. Въ общемъ, населеніе, располагающееся лишь по нѣкоторымъ рѣкамъ и главнымъ трактамъ, составляетъ не болѣе какъ тригонометрическую сѣть, или едва намѣченныя черты будущей колонизаціи; промежутки же этой сѣти составляютъ пустыни [1]). Рѣдкость населенія Сибири обнаруживается тѣмъ, что

[1]) Мы позволимъ себѣ попросить обратить вниманіе на карту Сибири, гдѣ остаются такія огромныя пространства незаселенныя, какъ пространство между

тобольская губернія, превосходящая вдвое болѣе, по пространству, самую значительную изъ губерній россійскихъ, занимаетъ однако сороковое мѣсто по густотѣ населенія и заключаетъ всего 46 жителей на квадратную милю, томская губернія—64, но есть области, какъ Амурская, гдѣ приходится одинъ житель на квадратную милю. Предоставляемъ судить о сравнительной населенности, когда въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи приходится по 2,500 и по 2,000 жителей на то же пространство (кв. милю). Даже нѣкоторыя мѣстности Средней Азіи, наполненныя кочевымъ населеніемъ, какъ, напримѣръ, Туркестанъ, являются гуще населенными, чѣмъ остальныя сибирскія губерніи.

Обратимъ вниманіе теперь на пространства, доставшіяся намъ въ удѣлъ для колонизаціи. Одна томская губернія обладая 15,688 квадратными милями или 752,068 кв. верст. составляетъ 18% пространства всей европейской Россіи, превосходитъ европейскія владѣнія: Великобританію въ 2½ раза, Пруссію въ 3 раза и Францію въ 1½ раза. Тобольская губернія имѣетъ 26,749 кв. миль или 1.295,788 кв. верстъ (съ областями вся западная Сибирь заключаетъ 61,296 кв. миль). Если мы представимъ себѣ хотя часть этого пространства, а именно всю среднюю черноземную полосу Западной Сибири, способную безусловно къ заселенію, населенною такъ же, какъ Европа, то мы получимъ, что край этотъ можетъ пропитать не менѣе 51.360,000 жителей,—если же населить ее подобно Франціи и Англіи то гораздо больше. Между тѣмъ все нынѣшнее населеніе тобольской и томской губерніи равняется всего 2.861,100. Вся же Сибирь, по недавнимъ свѣдѣніямъ, имѣетъ едва 4.500,000 душъ русскаго населенія. Въ виду этого, нельзя не признать, что заселеніе Сибири, принимая во вниманіе ея уже трехсотлѣтнее существованіе, шло весьма медленно. Съ ограниченіемъ попытокъ свободнаго переселенія, правительство когда-то думало достигнуть увеличенія населенія ссылкою въ Сибирь, но опытъ этотъ, какъ доказываютъ исторія ссылки и существующее ея положеніе, не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Ссылка наполняла Сибирь бездомнымъ, несчастнымъ пролетаріатомъ, который не создавалъ осѣдлаго гражданскаго элемента, но постоянно вымиралъ. Ссылка оставляла едва ⅕ людей на мѣстахъ, остальные исчезали или погибали. Нечего говорить, что такой контингентъ

Иртышемъ и Обью, къ сѣверу отъ Тары на Нарымъ и Томскъ,—наконецъ, весь Алтай, степи, значительная часть Мариинскаго округа, не говоря уже о Восточной Сибири

весьма вредно вліялъ на гражданственность, онъ не обновлялъ страны, не оживлялъ производительности, но деморализировалъ общество, портилъ его соки и составлялъ помѣху и опасность для свободнаго гражданина. Попытка колонизаціи Сибири ссыльными должна, такимъ образомъ, скоро покончиться въ интересахъ страны. Полезно сравнить, въ этомъ случаѣ, успѣхи заселенія новыхъ земель европейцами. Американскіе Штаты, благодаря привлеченію свободной колонизаціи, обладаютъ уже 40.000,000 населенія. Астралія, получившая въ 1788 году 757 человѣкъ ссыльныхъ, нынѣ, благодаря свободной эмиграціи, имѣетъ болѣе 2.000,000 свободныхъ гражданъ. Даже Канада имѣетъ населеніе 3.672,116 человѣкъ.

Чтобы понять насколько европейскія колоніи обязаны увеличеніемъ своего населенія свободному притоку колонизаціи, достаточно указать, что одни Соединенные-Штаты приняли, съ 1820 по 1870 годъ, семь милліоновъ пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ переселенцевъ!

Результаты нашей колонизаціи показываютъ, что роль наша въ Сибири еще далеко не окончена. Положеніе нашихъ окраинъ и ихъ пустынность удостовѣряютъ въ чувствуемой потребности: колоніи наши слабы, безсильны и бѣдны. Мы далеко не воспользовались всѣми выгодами нашихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Между тѣмъ такія выгоды могутъ быть извлечены для населенія при одномъ условіи заселенія пустынныхъ пространствъ. Изъ всего этого остается вывести одно заключеніе, что періодъ нашихъ разселеній и колонизаціи, какъ и задачи ея, не прекратились, но только начинаются. Когда внутри государства чувствуется экономическій кризисъ и возстаетъ уже грозный призракъ малоземелья, тогда переселенія и колонизація должны возбудить особое вниманіе. Нужды нашего крестьянства отъ малоземелья уравновѣшиваются избыткомъ земель въ другихъ мѣстахъ, и если народный инстинктъ самъ научился удовлетворять своимъ потребностямъ путемъ переселеній, то странно было бы отнимать у него эту возможность. На новыхъ мѣстахъ Сибири народъ находитъ удовлетвореніе своимъ насущнымъ потребностямъ въ землѣ. Остается, стало быть, направить только колонизаціонное движеніе и воспользоваться уже существующей наклонностью къ переселеніямъ народа—къ выгодѣ настолько же населенія, какъ и къ пользамъ государства.

Сибирь и наши сѣверо-восточныя владѣнія Азіи въ этомъ случаѣ представляютъ многочисленныя выгоды. Въ Сибири весьма много свободныхъ земель, представляющихъ всѣ удобства для зем-

ледѣлія и скотоводства, слѣдовательно, гораздо большій выборъ этихъ земель для переселенца. По характеру страны, здѣсь есть мѣстности степныя, лѣсистыя, земледѣльческія равнины и горныя пространства; климатъ разнообразенъ, начиная съ сураваго сѣвера, кончая южными широтами южнаго Алтая, Бухтармы, Зайсана, Семирѣчья и Амура; все это можетъ удовлетворить привычкамъ самаго разнообразнаго населенія, начиная съ малоросса, кончая архангельцемъ. Далѣе, Сибирь представляетъ полную возможность просторнаго экстенсивнаго хозяйства, обширность луговъ благопріятствуетъ скотоводству; во многихъ мѣстностяхъ, населеніе можетъ пользоваться почти по 60 и по 100 десятинъ на душу. Обыкновенный надѣлъ равняется отъ 18 до 21 десятины, но при перелогахъ дается вдвое. Въ Сибири большинство земель государственныхъ, исключая только горнаго алтайскаго вѣдомства, гдѣ кабинетскія земли оплачиваются 6-ти-рублевымъ оброкомъ съ души, сколько бы кто ни владѣлъ землею. Надѣленіе переселенцевъ землею поэтому переходитъ въ вѣчное ихъ пользованіе совершенно безплатно. Для государственныхъ крестьянъ въ Сибири еще не совершенъ окончательный надѣлъ, да и едва ли можетъ быть скоро совершенъ, такъ какъ огромныя пространства остаются еще необмежеванными. Пріобрѣтеніе государственныхъ земель безъ особенной платы и ренты составляетъ драгоцѣнную особенность Сибири передъ всѣми другими мѣстностями. Переселенецъ, привлекаемый въ другія мѣста на земли собственниковъ-землевладѣльцевъ, не пользуется такими выгодами; самое привлеченіе переселенцевъ обусловлено выгодами и барышами бывшихъ помѣщиковъ, а рента или выкупъ земли ставитъ переселенца въ зависимое и часто кабальное отношеніе къ владѣльцу земли. Доходъ отъ земледѣлія идетъ не на поправленіе земледѣльца и усиленіе его хозяйства, но на потребу землевладѣльца, причемъ улучшеніе земли и трудъ, прилагаемый къ ней, становится достояніемъ только лица, которому принадлежитъ земля; поэтому привлеченіе переселенцевъ на владѣльческія земли есть прямой разсчетъ однихъ, окупленный ограниченіемъ хозяйствъ и дохода другихъ. Необременяемый рентой и платой землевладѣльцу, переселенецъ въ Сибири получаетъ, наоборотъ, полную возможность расширить свое хозяйство, пріобрѣтаетъ весь доходъ изъ земледѣлія въ свою пользу, и такимъ образомъ все благопріятствуетъ здѣсь его свободному труду и широкому примѣненію силъ.

Кромѣ выгодъ переселенца, съ колонизаціей Сибири выдвигаются и экономическія выгоды государства: государству выгод-

нѣе имѣть колонію заселенною, чѣмъ пустынною, естественныя богатства которой остаются доселѣ нетронутыми; въ три столѣтія мы едва коснулись природныхъ даровъ ея—и коснулись, должны сознаться, самымъ неразсчетливымъ образомъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что переселенцы изъ европейской Россіи, селясь между старожилами, вносятъ улучшенные способы хозяйства и культуры, которые замѣняютъ прежніе способы захвата и истощенія почвы. Увеличеніе населенія въ Сибири будетъ содѣйствовать развитію промышленности, созданію фабрикъ и заводовъ, для чего доселѣ недоставало на окраинѣ рабочихъ рукъ. При богатой природѣ, прекрасной почвѣ и лугахъ, при огромныхъ залежахъ минералогическихъ богатствъ, Сибирь можетъ приносить въ сто разъ болѣе дохода, чѣмъ теперь. Привлеченіемъ переселеній усилится въ Сибири русскій элементъ; колонизація придастъ ему болѣе прочности, стойкости и окажетъ бо́льшее вліяніе на инородцевъ, способствуя ихъ гражданственности. При обладаніи инородцевъ надъ русскими, мы видимъ ослабленіе и вырожденіе русскихъ. Тамъ, гдѣ русское населеніе въ Сибири преобладаетъ, мы видимъ поглощеніе, ассимиляцію инородцевъ. Перевѣсъ русскаго населенія на востокѣ окажетъ также значительное вліяніе и на наше политическое положеніе въ Азіи. Онъ дастъ возможность развернуть національныя силы, создать дѣйствительную гражданственность, которой не достаетъ намъ при всѣхъ нашихъ завоевательныхъ стремленіяхъ. Только гражданственность укрѣпитъ наши владѣнія и обезпечитъ ихъ цвѣтущую будущность. Приступить къ этому намъ становится тѣмъ необходимѣе, что азіатскія государства, какъ Японія и даже Китай, начинаютъ выходить изъ положенія застоя, и при помощи европейскаго вліянія могутъ явиться серьёзною силою. Инстинктъ цивилизаціи не можетъ быть чуждымъ и имъ, и разъ ступивъ на этотъ путь, они пойдутъ по немъ неизбѣжно въ силу необходимости. Мы не можемъ уже болѣе пренебрегать нашими владѣніями на востокѣ и ихъ культурою, хотя ради того, чтобы не отстать предъ остальными азіатскими государствами. Задачи, оставляемыя для будущаго, приблизились къ намъ незамѣтно, и часъ дѣятельности на нашемъ востокѣ пробилъ.

Имѣя въ виду перечисленныя выгоды и весьма серьёзныя указанія, мы должны обратить всю энергію на колонизацію Сибири, воспользовавшись всѣми благопріятствующими для этого условіями времени и обстоятельствъ. Пропущенное нами время до сихъ поръ—должно быть наверстано.

Отъ свободы переселеній въ Сибирь и прочнаго водворенія

переселенцевъ будетъ зависѣть вся будущность этого края, его культурные успѣхи и развитіе. Мы разумѣемъ, конечно, переселенія свободнаго земледѣльческаго класса Россіи. Весь вопросъ въ томъ, пожелаемъ ли мы имѣть этотъ край населеннымъ, цвѣтущимъ, полнымъ жизни или по прежнему оставимъ его безжизненнымъ и пустыней. Что касается Сибири то ея интересъ стремится всѣми средствами привлекать переселенія и содѣйствовать устройству колонистовъ, такъ-какъ это условіе ея питанія, роста и пріобрѣтенія жизненныхъ силъ въ будущемъ.

ССЫЛКА ВЪ СИБИРЬ

и

ПОЛОЖЕНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ.

VI.

Взглядъ на Сибирь какъ страну ссылки.—Наличное число ссыльныхъ.—Экономическій бытъ ихъ.—Нищенство и бродяжество сосланныхъ.—Побѣги.—Преступленія ссыльныхъ.—Стоимость ссылки.—Вліяніе ея на сибирское общество.—Заявленія мѣстныхъ жителей.—Отзывы о ней администраторовъ.—Проекты отмѣны ссылки.

Весьма недавно еще съ понятіемъ о Сибири соединялось непремѣнно представленіе о мѣстѣ ссылки, не болѣе. Заблужденіе это доселѣ еще сохраняется въ русскомъ обществѣ къ невыгодамъ Сибири и задержкѣ ея развитія. Огромныхъ усилій стоило въ послѣднее время разубѣдить русскую публику, что здѣсь не одно сборище преступниковъ, но довольно давно уже вполнѣ сформировавшееся гражданское населеніе и мѣсто для жизни полноправныхъ гражданъ. Самая ссылка въ гражданской жизни края давно отошла на второй планъ и приноситъ не столько пользы, сколько вреда Сибири. Обширная литература накопилась въ послѣдніе годы по поводу ссыльнаго вопроса и значенія ссылки. Мы лично много лѣтъ принимали участіе въ борьбѣ противъ ссыльной системы и ея послѣдствій. Обрисовка положенія ссыльныхъ и ихъ роли, изложенная въ настоящей главѣ, укажетъ чѣмъ являлась ссылка въ Сибири.

О количествѣ и самомъ состояніи нашей ссылки обыкновенно до сихъ поръ судили по числу высылаемыхъ ежегодно въ Сибирь преступниковъ; единственныя свѣдѣнія, которыя мы могли

получать о нихъ—это вѣдомости Приказа о ссыльныхъ, удостовѣряющія, сколько прошло уголовныхъ преступниковъ черезъ рубежъ Россіи въ Сибирь. Цифры ежегодно отправляющихся въ Сибирь ссыльныхъ казались намъ довольно внушительными, чтобы сдѣлать заключеніе о довольно видномъ значеніи ссылки въ дѣлѣ колонизаціонномъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ число ссыльныхъ доходитъ до 19,000 въ годъ—контингентъ довольно значительный. Прежде ссылка равнялась отъ 6,000 до 9,000. Это дало поводъ заключить, что съ начала нынѣшняго столѣтія, лѣтъ въ 50 слишкомъ, ссылка дала Сибири полмилліона народа. По естественному приросту она должна была образовать въ этотъ періодъ болѣе одного милліона жителей; такой контингентъ лицъ не могъ остаться безъ пользы для малонаселенной Сибири. Далѣе, мы думали, что населеніе это должно было внести извѣстный трудъ въ край и содѣйствовать его экономическому преуспѣянію. Ссыльные, естественно, должны были населять его и обзаводиться здѣсь хозяйствомъ; такимъ образомъ, ссылка, исключая изъ общества вреднаго члена, дѣлала изъ преступника честнаго и благонадежнаго работника. Избавляя одну страну отъ вредныхъ и опасныхъ элементовъ, устрашая другихъ силою кары и угрозою депортацій, мы давали другому краю новую кровь, трудовыя силы, и самое зло, такъ сказать, претворяли въ добро на другой почвѣ. Вслѣдъ за высылкой за Уралъ мы были убѣждены, что все наличное населеніе ссыльныхъ находится на лицо, обзавелось хозяйствомъ, семьею, крѣпко водворилось здѣсь и благополучно производитъ потомство. Вотъ тѣ заключенія, которыя могли быть сдѣланы на счетъ нашей ссылки и которыя дѣйствительно были сдѣланы. Все это давало поводъ заключить объ особенныхъ преимуществахъ этого наказанія и той пользы, какую приносило оно Россіи. Наказаніе это считалось, такимъ образомъ, караніемъ и исправленіемъ, очищеніемъ общества отъ дурныхъ элементовъ и полезной колонизаціей новаго края. Оно удовлетворяло и суровыхъ криминалистовъ и представителей исправительнаго принципа, наконецъ, гуманистовъ, предпочитавшихъ его душной тюрьмѣ, такъ какъ здѣсь ссыльные несутъ наказаніе и работаютъ на чистомъ воздухѣ. Оно обольщало даже утопистовъ, желавшихъ наказаніе сдѣлать совсѣмъ нечувствительнымъ. Казалось бы, что соединеніе уже столь противоположныхъ свойствъ, въ сущности и на дѣлѣ вытѣснявшихъ другъ друга въ самомъ принципѣ, могло бы зародить нѣкоторыя сомнѣнія въ его дѣйствительности и осуществимости, но на самомъ дѣлѣ оно содѣйствовало обольщенію, соединило около себя

только массу защитниковъ ссылки и усыпило общество. Вслѣдъ за успокоеніемъ, что мы имѣемъ полмилліона ссыльнаго населенія за Ураломъ, мы уже не заботились справляться о томъ, насколько находится въ наличности это населеніе, чѣмъ оно занимается и какова судьба его. Только при началѣ тюремно-ссыльной реформы и послѣ удостовѣренія писателей и этнографовъ, побывавшихъ въ Сибири, какъ, напримѣръ, Достоевскаго, Львова, Максимова, Д. Завалишина, Ровинскаго и другихъ, мы узнали, что жизнь ссыльныхъ и „несчастныхъ“ въ Сибири далеко не находится въ удовлетворительномъ состояніи. Отдѣльныя картины нашей каторги и ссылки, а также частныя описанія ея безнадежнаго положенія въ Сибири не могли, однако, удовлетворить насъ вполнѣ. При началѣ реформы естественъ былъ вопросъ о состояніи ссылки въ цѣлой ея совокупности и на основаніи самыхъ достовѣрныхъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, принимаясь за реформу, нужно было себѣ выяснить, что́ реформировать и почему реформировать?.. Къ сожалѣнію, такихъ-то данныхъ и недоставало до послѣдняго времени. Желая отчасти пополнить этотъ пробѣлъ, мы взялись за статистическое изслѣдованіе нашей ссылки.

Прежде всего мы были поражены тѣмъ недостаткомъ свѣдѣній, какой имѣется по этому предмету, и были поставлены въ затрудненіе отыскать самые источники, изъ которыхъ могли бы ими пользоваться.

Единственныя свѣдѣнія, которыми у насъ привыкли руководствоваться,—это только цифры Приказа о ссыльныхъ, дающія знать, сколько уголовныхъ преступниковъ прошло черезъ рубежъ Урала изъ Россіи въ Сибирь. За этимъ рубежомъ, спустя моментъ перехода, какъ о числѣ, такъ и о положеніи ссыльныхъ мы уже не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; самыя вѣдомости Приказа о ссыльныхъ—о количествѣ ссылки за прошлые годы, далеко не были полны, а цифры Приказа не были разработываемы и публикуемы вплоть до изслѣдованія г. Анучина, кончившагося, къ сожалѣнію, 1846-мъ годомъ [1]).

Ссылка въ Сибирь ведетъ начало съ XVI вѣка; являясь сначала мѣрою исключительною, она скоро получила значеніе мѣры общегосударственной и въ XVII и XVIII столѣтіяхъ за-

---

[1]) Должно пожалѣть, что трудъ г. Анучина, во 2-й своей части изслѣдованій гораздо позднѣйшихъ и гораздо интереснѣйшихъ для исторіи ссылки, до сихъ поръ не могъ появиться.

нимаетъ видное мѣсто въ ряду наказаній [1]). Высылка людей въ каторжныя работы въ XVIII столѣтіи направлялась не въ одну Сибирь, но въ Рогервикъ и другія мѣста. Число высылаемыхъ въ Сибирь однако не приведено въ извѣстность. Болѣе точныя извѣстія о ссылкѣ появляются съ начала XIX столѣтія, и то именно съ 1807 года. Въ это время ссылка доходила до 2,035 чел. въ годъ, но къ 1823 году возросла до 6,667, а въ 1824—1827 годахъ она достигла 11,000 чел. ежегодно. Причиною такого возростанія ссылки были указы объ очищеніи крѣпостей и обращеніи въ Сибирь какъ маловажныхъ преступниковъ, слѣдовавшихъ въ военную службу, такъ и бродягъ (полное собраніе законовъ, томъ XXXVIII, №№ 2,818 и 29,328); въ слѣдующее десятилѣтіе ссылка нѣсколько уменьшается, колеблясь между 6,000 и 8,000 ежегодно, но затѣмъ опять начинаетъ возростать, доходя до 10—11,000 ежегодно.

Ссылка въ Сибирь, расположенная по десятилѣтіямъ съ 1823 года, т.-е. со времени, когда приказъ о ссыльныхъ (бывшій въ Тобольскѣ, нынѣ перенесенный въ Тюмень), могъ точно усчитывать число препровождаемыхъ, представляетъ слѣдующую картину:

Съ 1823	по 1832	—	сослано было	преступниковъ	98,725	чел.
„ 1833	„ 1842	—	„	„	„	86,550	„
„ 1843	„ 1852	—	„	„	„	69,764	„
„ 1853	„ 1862	—	„	„	„	101,238	„
„ 1863	„ 1872	—	„	„	„	146,380	„
„ 1873	„ 1877 (за 5 лѣтъ)	„	„	„	91,257	„
					Всего	393,914	чел.

Разсматривая увеличеніе нашей ссылки по періодамъ, мы замѣчаемъ, что ссылка наша съ 1853 года особенно возростаетъ; противъ 1843—1852 годовъ она увеличилась на 31,474, съ 1862 по 1872 на 45,142 и, судя по пятилѣтію съ 1873 по 1877 годъ, давшему 91,257 чел., она должна будетъ подняться еще болѣе и дать къ 1882 году наименьшее 182,514 чел., но цифра эта будетъ по всей вѣроятности болѣе. Такимъ образомъ ростъ ссылки отъ 30,000 до 45,000 въ десятилѣтіе не подлежитъ сомнѣнію.

Затѣмъ можетъ быть желательно обратить вниманіе и на ежегодное число ссыльныхъ въ Сибирь.

---

[1]) Въ числѣ первыхъ ссыльныхъ были въ 1593 году при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ угличскіе жители, судимые по дѣлу убіенія царевича Дмитрія и отправленные въ Пелымъ. Въ 1653 году повелѣно было указомъ смертную казнь для воровъ и разбойниковъ замѣнить ссылкою.

Изъ отчетовъ приказа, мною лично провѣренныхъ въ подлинникахъ, оказывается, что ссылка еще въ 1866 году равнялась 10,776 чел.; съ 1856 по 1866 гг. цифра не поднималась выше 10 и 11,000, исключая 1863—1865 года, когда перевѣсъ дала ссылка политическая, принимая во вниманіе польское возстаніе. Съ тѣхъ поръ распредѣленіе ссылки приказомъ возросло къ 1876 году до 19,063. По навигаціонному же отчету главнаго инспектора тюменско-ачинскаго тракта препровождено было въ Тюмень арестантовъ 20,482 чел.

Въ 1877 году препровождено 19,042 чел. и распредѣлено 17,424.

Въ 1878 году препровождено 19,972 чел. и распредѣлено 17,760.

Такимъ образомъ, наша ежегодная ссылка доходитъ, какъ показываютъ точныя свѣдѣнія, до 19,000, даже при вычетѣ обратныхъ, слѣдующихъ изъ Сибири, арестантовъ (318).

Такое быстрое увеличеніе числа ссыльныхъ, съ 10,000 на 19,000, невольно останавливаетъ вниманіе и не можетъ не возбудить нѣкоторыхъ опасеній за размѣры этой ссылки. Въ одно десятилѣтіе она почти удвоилась. Принимая же во вниманіе, что съ 1807 года ссылка была по 2,035 чел. въ годъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, видно, что она удесятерилась. Все это не можетъ не возбудить вопроса, до какихъ же размѣровъ она дойдетъ въ будущемъ?

Одно неоспоримо, что ссылка у насъ ростетъ неимовѣрно, и трудно предвидѣть ей предѣлы, до которыхъ можетъ она разростись. Мы пользовались ссылкой, ни мало не стѣсняясь, въ видахъ карательныхъ, какъ и предупредительныхъ, въ формѣ уголовной, какъ и административной. По вычисленію г. Анучина, въ 20 лѣтъ, съ 1826 по 1846 г., болѣе половины ссылки приходится на лицъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ (79,909). Позднѣе на одинъ Амуръ прошло 12 штрафныхъ солдатъ. Кромѣ того, масса людей высылается по приговорамъ сельскихъ обществъ, для поощренія чего въ послѣднее время ассигнуются значительныя суммы всѣми земствами. Изъ этого видно, что ссылка, какъ наказаніе, практиковалась у насъ, во многихъ случаяхъ, за неимѣніемъ тюремъ, арестантскихъ ротъ, рабочихъ домовъ, и создала обширный параллелизмъ въ уголовномъ кодексѣ. Ссылка по суду до послѣдняго времени играетъ меньшую роль, чѣмъ ссылка административная въ Сибирь.

Число ссыльныхъ, идущихъ по категоріямъ, располагается

въ слѣдующемъ видѣ за послѣднія десять лѣтъ съ 1867 по 1876 годъ:

Каторжныхъ	18,582
Ссыльныхъ на поселеніе	28,382
Сосланныхъ на водвореніе	23,383
„ на житье	2,551
„ въ административномъ порядкѣ.	78,686
	151,584

Изъ этого видно, что административная ссылка преобладаетъ въ послѣднее время передъ всѣми прочими категоріями ссылки по суду и составляетъ большую половину всей ссылки,—фактъ, также обращающій на себя вниманіе.

Такимъ образомъ, ссылка должна разсматриваться у насъ какъ мѣра предупредительная и какъ замѣна массы другихъ наказаній, очень незначительныхъ по сущности, и еще какъ мѣра колонизаціонная, необыкновенно широко примѣнимая во всѣхъ случаяхъ.

Итакъ, допуская, что ссылка наша съ послѣдними годами обнимаетъ болѣе полумилліона людей (мы также охотно готовы были бы допустить, что она обнимаетъ и милліонъ), намъ остается спросить, гдѣ эти полмилліона народа, насколько они сохранились и каково ихъ приращеніе въ Сибири. Это для насъ будетъ, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣе цифры высланныхъ. Въ этомъ случаѣ чрезвычайно важно становится знать, сколько находится наличнымъ числомъ всѣхъ ссыльныхъ, переселенныхъ и водворенныхъ въ Сибири Къ сожалѣнію нашему, мы нашли менѣе всего объясненій по этой части въ нашей оффиціальной статистикѣ. Нѣкоторые увѣряютъ, что число приписанныхъ ссыльныхъ въ Сибири, числящихся по оффиціальнымъ отчетамъ, равно 202,854 человѣка. Насколько вѣрна эта цифра, мы не беремся судить, принявъ за основаніе самостоятельныя изысканія. Цифра приписанныхъ ссыльныхъ однако можетъ быть измѣрена по свѣдѣніямъ Приказовъ о ссыльныхъ, распредѣляющихъ ихъ на мѣсто поселенія, и по губернскимъ отчетамъ. Изъ губернскихъ отчетовъ за 1873 годъ видно, что на каждую изъ четырехъ главныхъ сибирскихъ губерній числилось ссыльныхъ поселенцевъ отъ 40 до 50,000 человѣкъ; въ Иркутской губерніи считалось до 1873 года 40,000 человѣкъ [1]). Въ Томской губерніи по губернаторскимъ отчетамъ 50,000 человѣкъ; въ Забайкальской

[1]) Памятная книжка Иркутской губерніи за 1873 г., стр. XI.

области за 1870 и 1872 г. ссыльныхъ числилось 21,335; въ Якутской области 2,987 [1]). Такимъ образомъ, на всѣ губерніи Сибири съ областями и Амурскимъ краемъ можно считать числящихся водворенными на поселеніе до 209,000 человѣкъ и прибывающихъ ежегодно на губернію около 3,000 [2]). Замѣтимъ кстати, что свѣдѣнія эти крайне противорѣчивы и неопредѣленны; но самое важное то, что число людей, считающихся по оффиціальнымъ спискамъ, далеко не составляетъ числа дѣйствительно на лицо существующаго населенія. Многіе частные изслѣдователи, какъ Пейзенъ, д-ръ Ширекъ, производившій исчисленіе приписаннымъ поселенцамъ въ Верхоленскомъ округѣ, доказали, что на лицо ссыльныхъ можетъ считаться едва $^1/_5$ часть. Теперь это подтверждается и другими оффиціальными данными, по отношенію къ цѣлымъ губерніямъ. Уже къ 1872 г. во время статистической переписи Иркутской губерніи оказался недочетъ въ 15,987 душъ. Это объяснено было тѣмъ, что въ оффиціальныя свѣдѣнія вносилось всюду все населеніе, приписанное къ извѣстному участку, а въ статистическую перепись попало лишь одно наличное населеніе. Убыль, по мнѣнію статистическаго комитета, произошла оттого, что масса лицъ находится въ безвѣстной отлучкѣ съ мѣста причисленія, и что эти отлучки падаютъ исключительно на 40,000 ссыльнаго населенія (Пам. кн. Ирк. губерніи 1873 года, XI). Позднѣйшія оффиціальныя данныя еще болѣе разъяснили дѣло. Подворная опись по Иркутской губерніи ясно опредѣлила громадный недочетъ ссыльно-поселенцевъ противъ числившихся по спискамъ. Начальникъ Иркутской губерніи, генералъ Шалашниковъ, лично убѣдился, что на лицо ихъ едва $^1/_5$ часть на мѣстѣ; затѣмъ столько же уволены на заработки, а большая половина въ бѣгахъ и неизвѣстной отлучкѣ, нерѣдко со дня прихода своего въ участокъ. Для болѣе точной повѣрки были командированы, наконецъ, особые чиновники въ три округа, нижнеудскій, балаганскій и иркутскій, которые донесли, что въ этихъ волостяхъ *„нѣтъ болѣе двухъ третей ссыльныхъ“*. Изъ 10,378 душъ, приписанныхъ и числящихся въ волостяхъ, оказалось въ наличности только 1994 души обоего пола, 2,476 уволены на заработки, а остальные 5,561 человѣкъ въ бѣгахъ. Другія свѣдѣнія подтверждаютъ, что на 45,000 приблизительно ссыльнаго населенія только тысячъ 14 живетъ въ

---

[1]) Восточная Сибирь, Календарь 1875 г., стр. 136, 137.

[2]) Въ 1873 году въ Енисейскую губернію въ теченіи года прибыло ссыльныхъ 2619. Въ Томскую губернію 2,234 человѣка.

мѣстахъ причисленія, около 10,000 находятся на промыслахъ и заработкахъ, остальные въ безвѣстной отлучкѣ. Есть волости, какъ Мандзурская, въ которой изъ 2,400 причисленныхъ поселенцевъ живетъ только 300, но указываются примѣры, когда и вмѣсто 5 и 7,000 въ волости приписанныхъ ссыльныхъ очутится 200 и 300, какъ видно изъ отзывовъ мѣстнаго начальства о положеніи ссыльныхъ и ихъ отлучкахъ; то же подтверждается и во всей Сибири.

По показаніямъ тобольской администраціи, въ 1875 году ссыльныхъ въ Тобольской губерніи числилось по спискамъ 51,122, находилось же въ наличности 34,293, т.-е. недоставало 16,829 человѣкъ.

Въ Томской губерніи считалось 29,675 чел., а находилось на лицо 25,024, т.-е. недоставало 4,651 чел.

Приэтомъ та же администрація удостовѣряла, что въ Тобольской губерніи считается до 13,226 чел. въ неизвѣстныхъ отлучкахъ, а въ Томской губерніи до 1,450 чел.

По послѣднему учету, произведенному въ Томской губерніи особо командированными чиновниками, оказалось, изъ 28,828 числящихся на причисленіи ссыльныхъ, 9,796 лицъ въ неизвѣстныхъ отлучкахъ, т.-е. $^1/_3$ часть не находится на лицо.

Для болѣе тщательнаго исчисленія ссыльныхъ была кромѣ того произведена подробная перепись ссыльныхъ по волостямъ, одной на округъ, причемъ оказалось, что въ 11-ти волостяхъ Западной Сибири, изъ 14,722 причисленныхъ ссыльныхъ, находилось только 6,277 въ наличности, т.-е. недоставало 57%.

Все это едва ли говоритъ за колонизаціонное значеніе ссылки при существующихъ условіяхъ.

Оно приводитъ къ заключенію, что наличное ссыльное населеніе въ Сибири составляетъ громадную разницу съ числомъ высланныхъ сюда и числомъ приписанныхъ по волостямъ. Мы видимъ, что кромѣ числа вымирающихъ по дорогѣ, бѣгущихъ съ пути, оно уменьшается противъ приписки немедленно по прибытіи отъ какихъ-то причинъ на $^2/_3$ и даже $^4/_5$. Такимъ образомъ, изъ 200,000 мы вправѣ считать наличными едва 40 и 60,000 остающихся въ мѣстахъ ссылки, а вмѣсто указываемыхъ 500,000 ссыльныхъ во весь періодъ и милліона, выросшаго путемъ нарожденія, которые, какъ мы предполагали, обогатили Сибирь, намъ представляется 400,000 потерянаго и неизвѣстно куда дѣвшагося народа, умершаго или погибшаго въ бѣгахъ. Картина совершенно обратная и крайне неутѣшительная.

Если бы подобная потеря людей и могла показаться пре-

увеличенной, то, во всякомъ случаѣ, недочетъ цѣлыми десятками тысячъ, который нынѣ является доказаннымъ, не можетъ не заслужить вниманія.

Увеличеніе населенія Сибири путемъ ссылки было крайне ничтожно, какъ указываютъ факты. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что до настоящаго столѣтія и вплоть до двадцатыхъ годовъ ссылка была ничтожна по численности. Второе — безпорядками этой ссылки, самымъ составомъ, возрастомъ и отношеніемъ между полами въ средѣ ссыльныхъ, которые ни мало не способствовали плодовитости, размноженію и приросту населенія въ Сибири. Наконецъ, пропорціей ссыльнаго люда къ числу другихъ жителей Сибири, какъ прежде, такъ и нынѣ. Уже Сперанскій, въѣхавъ въ Сибирь и собравъ всѣ свѣдѣнія о составѣ и количествѣ ссыльнаго населенія, дѣлаетъ слѣдующія открытія въ одномъ изъ своихъ писемъ: „не думай и не позволяй себѣ думать,—пишетъ онъ,—чтобы Сибирь населена была ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ, ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, они едва составляютъ до 21 т. въ годъ, и въ томъ числѣ никогда и десятой части нѣтъ женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу“ [1]). Сперанскій, кажется, заключилъ поэтому о ничтожной преступности въ Россіи. Таблицы, изданныя г. Анучинымъ, подтвердили эту ничтожность ссылки въ прежнее время. Эти же таблицы указали на составъ ссыльныхъ по возрастамъ и поламъ. Средняя продолжительность жизни поселенцевъ въ Сибири не могла быть болѣе десяти лѣтъ, такъ какъ всѣ они являются уже взрослыми и преимущественно между 30 и 50 годами [2]). Затѣмъ, самая пропорція ссыльныхъ женщинъ не соотвѣтсвовала мужскому населенію, такъ какъ ссыльныя женщины составляли $^1/_6$ часть, если 18 женщинъ приходилось на 100 мужчинъ, и $^1/_8$ часть ихъ была старѣе 40 лѣтъ [3]). Притомъ, самый характеръ женскаго населенія, какъ мы укажемъ ниже, далеко не былъ благонадеженъ и благопріятенъ бракамъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ о пересылкѣ за 1867, 68, 69 и 70 годы видно, что женщинъ проходило съ ссыльными партіями черезъ Тюмень $^1/_{11}$,

---

[1]) Ист. свѣд. о дѣятельности гр. Сперанскаго въ Сибири, Вагина, 1872. Т. I, стр. 76 и 77.

[2]) Анучинъ. „Матеріалы для угол. стат. Россіи“. Тобольскъ, ч. 1, стр. 44.

[3]) Анучинъ. „Матеріалы для уголов. статист. Россіи“. Ч. 1.

$^1/_{10}$, $^1/_8$ и $^1/_7$ на число мужчинъ [1]). Ссыльные рѣдко обзаводились семействомъ въ Сибири. Существующія изслѣдованія указываютъ, что ссыльное населеніе въ Сибири рѣшительно не увеличилось; такъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ г. Гагемейстеръ въ статистическомъ обозрѣніи Сибири, предпринятомъ по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ.

О существующемъ распредѣленіи контингента ссыльныхъ и ихъ отношеніи къ числу мѣстнаго населенія можно имѣть нѣкоторыя позднѣйшія свѣдѣнія по губерніямъ. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ томской губерніи, изд. центральнаго статистическаго комитета за 1868 г., приводятся слѣдующія, довольно полныя цифры о числѣ и составѣ ссыльныхъ въ губерніи. Каторжныхъ, приписанныхъ на поселеніе, водворенныхъ на льготѣ, въ цехѣ слугъ, съ женщинами и дѣтьми, числилось всего 34,915 человѣкъ; изъ нихъ было 21,622 м. п. и 13,293 ж. п. Изъ подробной таблицы въ спискахъ видно, что собственно ссыльные составляютъ 77,1%, ихъ дѣти 21,4%, и по волѣ пришедшіе съ ссыльными женщины и дѣти 1,5% всѣхъ ссыльныхъ. На 100 д. муж. пола вообще приходится по 61,5 женщ., въ частности на 100 д. муж. пола собственно ссыльныхъ по 53,3 женщ.; на 100 мальчиковъ 88,1 дѣвочекъ. *Изъ общаго числа ссыльныхъ наибольшую категорію составляютъ дряхлые,* именно 42,4%, приписные 27,1% и поселенцы 5,3%. Распредѣленіе по округамъ является далеко неравномѣрнымъ, особенно въ томской губерніи; въ округахъ: томскомъ ихъ 51,4%, изъ числа распредѣленныхъ въ губерніяхъ, т.-е. болѣе половины; въ маріинскомъ— 28,2%; въ каинскомъ — 19,7%; въ прочихъ округахъ 0,7%; въ барнаульскомъ горномъ округѣ за то нѣтъ ни одного ссыльнаго. На число всѣхъ жителей губерніи приходится ссыльныхъ по округамъ: въ томскомъ по 12,6 души на 100 обоего пола, общаго населенія; въ маріинскомъ—19,3 и въ каинскомъ 7,8 на 100 [2]).

О распредѣленіи ссыльныхъ и числѣ ихъ въ иркутской губерніи даютъ понятіе послѣднія свѣдѣнія иркутск. статистическаго комитета за 1873 годъ. На 100 жителей общаго населенія губерніи, взятыхъ въ каждомъ округѣ особо, приходится ссыльныхъ, считая всѣхъ приписанныхъ на поселеніе въ губерніи: въ иркутскомъ 15,3%; изъ этого числа женщинъ только 4,7%; въ бала-

[1]) Табл. прик. о ссыльныхъ, опублик. въ № 171, 1875 г. „Голоса". Съ 1870 г. и по 1877 г. преступниковъ прошло 81,519 мужчинъ и 4,745 женщинъ. Добровольно слѣдуетъ за ними въ годъ на 13,000 м. 2,035 ж. и 3,976 дѣтей.

[2]) Списки населен. мѣстъ, изд. центр. стат. ком., т. LX, томск. губ. 1868 г.

ганскомъ 9,1%, изъ этого числа женщинъ 1,6%; въ нижнеудинскомъ 15,5%, женщинъ 4%; верхоленскомъ 4,3%, женщинъ 1%; киренскомъ—3,6%, женщинъ 0,7%. Вообще ссыльные составляютъ 10,7% изъ 100% общаго числа жителей губерніи, изъ коихъ 7,8% мужч. и 2,9% женщинъ [1]). Изъ этого распредѣленія видно, что губернія, наиболѣе наполненная ссыльными, содержитъ все-таки довольно ничтожный контингентъ по отношенію ко всему другому населенію. Надобно помнить притомъ, что это далеко не наличное число ссыльныхъ, а только фиктивный maximum, числящійся по спискамъ. На каждую изъ сибирскихъ губерній приходится ссыльныхъ, какъ видно по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ:

Въ тобольской губ.	на 1.228,433	жит.	59,000	ссыльн., то-есть	4,8%
„ томской „	„ 1.032,599	„	29,800	„ „	2,9%
„ енисейской „	„ 427.517	„	45,000	„ „	10,5%
„ иркутской „	„ 383,573	„	40,000	„ „	10,4%
„ забайкальской обл.	488.000	„	21,335	„ „	4,3%
„ якутской „	242.001	„	2,987	„ „	1,2%

На всю Сибирь, такимъ образомъ, можно положить 198,122 ссыльныхъ, а на все находящееся свободное русское населеніе 5,2%. Распредѣленіе ссыльныхъ не равномѣрно, какъ по губерніямъ, такъ и по округамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они скучены до чрезвычайности; въ каинскомъ и маріинскомъ округахъ томской губерніи они составляютъ почти 1/6 населенія и могутъ ввести въ заблужденіе о значеніи ссылки въ Сибири; за то въ иныхъ округахъ ихъ нѣтъ совершенно, точно также, какъ и въ цѣлыхъ областяхъ, такъ, напримѣръ, въ Семипалатинскѣ, въ Камчаткѣ, въ Охотскомъ краѣ, въ Акмолинской области и т. п.

Точныхъ свѣдѣній о приростѣ ссыльныхъ путемъ браковъ и рожденій рѣшительно не собиралось до сего времени, поэтому о потомствѣ ссыльныхъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но судя по причинамъ, препятствовавшимъ размноженію и потомству ссыльныхъ, можно заключить, что приростъ этотъ былъ ничтоженъ. А причинъ, препятствующихъ плодовитости, было множество, какъ-то: 1) преобладаніе между ссыльными холостыхъ, остающихся таковыми на цѣлую жизнь; 2) поздній возрастъ; 3) преобладаніе между ссыльными дряхлыхъ и старыхъ, въ огромномъ процентѣ, какъ показываетъ томская губернія; 4) запрещеніе бродягамъ вступать въ бракъ первыя 5 лѣтъ; 5) затрудненіе браковъ для каторжныхъ; 6) разрывъ браковъ при

[1]) Памятная книжка ирк. губ., изд. стат. комит. 1873 г., стр. XII.

отправкѣ въ Сибирь; 7) нерасположеніе ссыльныхъ изъ бродягъ къ семейной жизни; 8) нерасположеніе туземцевъ заключать браки съ ссыльными; 9) преобладаніе въ ссыльномъ населеніи проституціи, развитіе болѣзней, сифилиса и многое другое. Всѣ эти причины составляли издавна препятствіе размноженію ссыльнопоселенцевъ и парализовали его. Поэтому, всѣ изслѣдователи приходили къ заключенію, что приростъ здѣсь былъ незначительный [1]). За то есть неопровержимыя свидѣтельства преобладающей смертности между ссыльными. Смертность эта огромна до послѣдняго времени и начинается во время пересылки; пересыльные арестанты заболѣваютъ въ партіяхъ и нерѣдко на дорогѣ ихъ поражаютъ цѣлыя эпидеміи. Въ 1873 году еще доносило енисейское начальство, что между арестантами появился такой тифъ, что больницы были переполнены, больные заражали конвой, врачей и окружныхъ арестантовъ, больныхъ было 1156 чел. и умерло въ одной больницѣ 109 чел. Далѣе идетъ смертность ссыльныхъ въ ссылкѣ, подъ вліяніемъ бѣдственныхъ условій быта на сибирскихъ пріискахъ, гдѣ смертность болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, рядъ скоропостижныхъ смертей, которыя на ссыльныхъ выпадаютъ по преимуществу, и, наконецъ, погибель во время бѣговъ и исчезновеніе людей въ неизвѣстности во время бѣгствъ и бродяжничества. Такой смертности и счета не ведется въ Сибири: пропалъ, такъ пропалъ! но въ концѣ огромный дефицитъ ссыльнаго населенія ясно показываетъ, какъ велики подобныя потери людей. Что касается ѣдущихъ за ссыльными женщинъ и дѣтей, то объ нихъ извѣстно и выяснено только два факта. Между женщинами замѣчается нравственное паденіе вслѣдствіе пребыванія въ партіяхъ, и въ Сибирь онѣ являются неспособными къ семейной жизни; что касается дѣтей, то они поражаютъ смертностью въ пути; недавно изъ Москвы еще отправлялись арестантскія дѣти, зараженныя корью, и разносили эпидемію [2]). При отсутствіи медицинской помощи на баржахъ и пароходахъ, на этапахъ и во время пѣшеходнаго странствія по Сибири, *смертность эта постигла половину всѣхъ дѣтей*. Нечего говорить, что подобныя условія никогда не способствовали сохраненію и цѣлости даже существующихъ ссыльныхъ семействъ.

---

[1]) Къ этому выводу пришелъ въ „Статистическомъ обозрѣніи Сибири“ г. Гагеймейстеръ и изслѣдователь сибирской колонизаціи г. Пейзенъ. Медленный ростъ сибирскаго населенія, достигающій нынѣ 3.500,000, показываетъ одну прибыль путемъ рожденій свободнаго населенія и полное безучастіе ссылки.

[2]) Извѣстіе изъ Тюмени. „Голосъ“, N 283, 1874 г.

Все это даетъ намъ поводъ предположить скорѣе о вымираніи ссыльныхъ, чѣмъ объ ихъ приростѣ, что̀ подтверждается вполнѣ недочетомъ числящагося по спискамъ населенія, котораго вмѣсто прибыли оказывается на $^4/_5$ менѣе. Всякое предположеніе объ ихъ семейственномъ приращеніи привело бы иначе насъ къ заключенію, что они въ объемѣ $^4/_5$ всего числа исчезли куда-то съ женами и дѣтьми.

Обратимся теперь къ самому положенію и жизни ссыльныхъ въ Сибири, которыя лучше всего откроютъ намъ современное состояніе ссылки и дадутъ понятіе о значеніи этого наказанія, какъ оно проявляется въ дѣйствительности.

Неутѣшительное и бѣдственное положеніе ссыльныхъ давно уже свидѣтельствуется многими изслѣдователями; намъ остается остановиться на самыхъ позднѣйшихъ и — какъ менѣе всего оспоримыхъ — оффиціальныхъ донесеніяхъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ быта ссыльныхъ мы сочли нужнымъ представить извлеченіе изъ отчета о бытѣ ссыльныхъ иркутской губерніи, доставленнаго ревизоромъ иркутскихъ поселеній. Записка эта касается современнаго положенія ссыльныхъ въ волостяхъ и степени ихъ зажиточности и осѣдлости въ мѣстѣ приписки. Всѣхъ ссыльно-поселенцевъ въ экономическомъ отношеніи иркутскій ревизоръ дѣлитъ на два главныхъ разряда: „*домовладѣльцевъ*“ и „*бездомовныхъ*“. Изъ *домовладѣльцевъ* одни занимаются *хлѣбопашествомъ*, другіе *ремеслами* и т. п. *Вторая* категорія бездомовныхъ *бобылей* находится въ *сельскихъ работникахъ* у крестьянъ на сроки или поденно, наконецъ, занимается ремеслами, и *третья* категорія — *нищенствующіе*. Домовлядѣльцевъ вообще очень мало, пишетъ ревизоръ; такъ, напримѣръ — въ кимельмейской волости изъ 496 ссыльныхъ, проживающихъ въ мѣстахъ причисленія, насчитывается лишь только 109 домохозяевъ; изъ нихъ только 59 сами хозяева-хлѣбопашцы, остальные живутъ въ работникахъ. *Большая часть домовъ — лачуги*, разваливающіяся отъ времени; хлѣбопашество производится въ чрезвычайно маломъ размѣрѣ, многомного, если поселенецъ засѣваетъ 4 десят. (надо замѣтить, что при сибирскомъ хозяйствѣ крестьяне засѣваютъ вдвое и втрое болѣе), т.-е. столько, сколько нужно для прокормленія его съ семействомъ; избытка хлѣба для продажи почти не бываетъ. Рѣдко у кого можно найти нѣсколько штукъ рогатаго скота: большая часть имѣетъ по одной лошади и коровѣ, но есть и такіе, которые и того не имѣютъ, а нанимаютъ лошадей у крестьянъ на время полевыхъ работъ. Вообще, положеніе поселенцевъ-хозяевъ далеко не удовлетворительно, притомъ многіе изъ

нихъ имѣютъ большія семейства, по 5 и болѣе человѣкъ дѣтей. Рѣдкія исключенія зажиточности представляютъ или поселенцы, бывшіе долго кабачниками, или вынесшіе что́ съ пріисковъ. Поселенцевъ работниковъ въ описываемой волости было 236 человѣкъ, и изъ нихъ 200 человѣкъ живетъ срочно у крестьянъ, остальные нанимаются временно на разныя работы и идутъ въ пастухи, сторожа и проч. Эти послѣднія обязанности исполняютъ старые и болѣзненные люди, неспособные къ тяжелому труду. Изъ числа 236 чел. работниковъ только 15 имѣютъ кое-какіе дома. Обыкновенно хорошій работникъ въ этой мѣстности получаетъ въ годъ 70 р. и, кромѣ того, обувь и верхнюю одежду; но хорошихъ работниковъ-поселенцевъ очень мало, и бо́льшая часть изъ нихъ люди пожилые, слабосильные, потратившіе свои силы въ острогахъ и по большой сибирской дорогѣ. Поэтому и оцѣнка труда ихъ очень низкая: многіе изъ нихъ получаютъ не болѣе 30 рублей въ годъ, другіе еще менѣе. Нѣкоторые выговариваютъ у хозяевъ себѣ присѣвокъ, то-есть, обсѣмененіе съ четверть десятины земли сѣменами хозяина. Если положеніе поселенцевъ-домохозяевъ не удовлетворительно, сообщаетъ ревизоръ, то *положеніе работниковъ-поселенцевъ* можно назвать *бѣдственнымъ*. Проходятъ годы тяжкаго безпрерывнаго труда, а онъ, работникъ, не сберегъ самъ ни копѣйки изъ получаемой платы; притомъ это обусловливается способностью сибирскаго крестьянина кабалить работника. Такой закабаленный безправенъ; работникъ получаетъ деньги въ праздники отъ хозяина „на пропой“ и ежегодно находится *въ долгу*. Поэтому большинство предпочитаетъ быть поденщиками, хотя заработокъ ихъ ничтоженъ: рублей 50 въ годъ, что́ едва хватаетъ на прокормленіе. Ремесленники въ волости имѣютъ слѣдующій заработокъ: деревенскій портной 30 коп. въ день, на хозяйскихъ харчахъ,—сапожникъ 30 коп., кузнецъ, плотникъ и столяръ выработываютъ даже болѣе рубля въ день, повидимому достаточно; но, во-первыхъ, работа бываетъ не постоянная, случаются долгіе перерывы по недостатку заказчиковъ; во-вторыхъ, ремесленники бо́льшею частью пьяницы, поэтому и ихъ бытъ неудовлетворителенъ. Другіе же, какъ, напр., пастухи, караульные сторожа, получаютъ вознагражденіе еле-достаточное на пропитаніе, а нѣкоторые живутъ изъ одного хлѣба. Наконецъ, въ каждой волости находится нѣсколько десятковъ положительно неспособныхъ ни къ какому труду, это— старики, дряхлые, немощные, калѣки, напр., слѣпые, хромые, разбитые параличомъ, они терпятъ и холодъ и голодъ — *холодъ* потому, что лѣтомъ и зимой ходятъ въ однихъ изорванныхъ лох-

мотьяхъ, а *голодъ*, — когда болѣзнь, сильный морозъ принудятъ ихъ сидѣть въ избѣ, лишенныхъ возможности собрать христовымъ именемъ нѣсколько кусковъ хлѣба.

Все это относится, однако, до положенія поселенцевъ, обжившихся въ Сибири, осѣвшихъ и составляющихъ культурный классъ. Это, конечно, меньшинство поселенцевъ. Еще интереснѣе замѣчанія иркутскаго ревизора о поселенцахъ льготныхъ и только-что приписанныхъ; онъ приводитъ просто цифры ихъ пребыванія на лицо, которыя служатъ достаточной характеристикой этихъ людей. На выдержку взяты 1869 и 1870 годы: всѣхъ вновь причисленныхъ въ эти годы къ описываемой волости поселенцевъ было 555 человѣкъ, изъ нихъ уволено по билетамъ на золотые промыслы и другія работы 193 чел., живутъ на мѣстѣ, причислены—125, умерло 12 и *въ неизвѣстной отлучкѣ* 225 человѣкъ; слѣдовательно, изъ всего числа поступившихъ только *одна четвертая часть проживаетъ въ мѣстахъ водворенія, и половина почти неизвѣстно гдѣ находится.* Всѣхъ же ссыльныхъ находится въ отлучкѣ въ упомянутой волости 645 человѣкъ. Самовольныя отлучки, по мнѣнію иркутскаго ревизора, объясняются происхожденіемъ приписанныхъ ссыльныхъ. Указанные 555 человѣкъ ссыльныхъ происходили: 21 изъ рядовыхъ, сосланныхъ за неоднократные побѣги изъ службы, 8 киргизовъ, 9 изъ крестьянъ, а остальные всѣ *бродяги,* судимые и сосланные за бродяжество. Таковъ контингентъ, изъ котораго предполагалось сдѣлать осѣдлое населеніе въ Сибири. Замѣтимъ кстати, что, по преступленіямъ, ссылаемые за бродяжество составляютъ главный контингентъ ссылки; такъ, въ 20 лѣтъ въ Сибирь было сослано 48,556 бродягъ, что̀ составляетъ $^2/_3$ всего числа преступниковъ (Анучинъ). По свидѣтельству иркутскаго ревизора ссыльныхъ, бродяги, происходящіе бо̀льшею частью изъ бѣглыхъ солдатъ, скрывающихъ свое прежнее происхожденіе, и изъ ссыльныхъ, возвращенныхъ снова въ Сибирь, представляютъ по преимуществу нравственно испорченныхъ людей. Ко всякому даже малѣйшему труду они чувствуютъ отвращеніе; какъ наблюдатель, авторъ записки свидѣтельствуетъ, что подобные бродяги, содержась въ тюрьмѣ, прятались подъ нарами, какъ дѣти, чтобъ не выдти почистить дворъ. Для бродяги, вкусившаго всю сладость бродяжеской жизни, невыносимо тяжело приняться за топоръ, соху, борону, поэтому большая часть бродягъ скорѣе нанимается на золотые промыслы, прельщаясь задатками и разгульной жизнью; но на промыслахъ надо работать, и бродяга бѣжитъ съ пріисковъ большею частію даже во время слѣдованія туда, пропивши

и задатокъ и одежду нанимателя. Не являясь на мѣсто причисленія изъ боязни быть возвращеннымъ на пріиски для отработки задатка, онъ уходитъ въ бѣга, бродитъ по Сибири, ища легкихъ средствъ наживы, и тамъ, гдѣ подобные бродяги появились, начинаются кражи, грабежи и разбои. Допытываясь о причинахъ бродяжничества, свидѣтель удостовѣряетъ, что не разъ слышалъ разсужденіе бродяги, что „жить на одномъ мѣстѣ ему тоскливо“, да и не къ чему „особенно привязываться къ мѣсту“; вѣдь онъ хотя и „безшабашная“ голова, да одна, поэтому не для чего ему и трудиться; онъ „несчастный“, обреченъ самою судьбою закончить свою одинокую забубенную жизнь гдѣ-либо въ захолустьяхъ Сибири. И дѣйствительно, большая часть поселенцевъ, происходящихъ изъ бродягъ, ведетъ безобразную жизнь; къ тому же первыя пять лѣтъ по прибытіи въ Сибирь имъ запрещено вступать въ бракъ самимъ закономъ (650 ст. Уст. о пасп. и бѣглыхъ).

Къ довершенію картины положенія ссыльныхъ ревизоръ поселеній рисуетъ намъ отношенія туземцевъ и крестьянъ къ ссыльному населенію. Онъ говоритъ, что поселенцы жаловались на стѣсненіе, причиняемое имъ крестьянами и на недружелюбныя отношенія къ нимъ. Ревизоромъ приводится по этому поводу въ примѣръ нѣсколько разобранныхъ имъ жалобъ, изъ которыхъ видно, что крестьяне довольно пристрастны въ жизни къ поселенцамъ. Бывшій крестьянскій голова выстроилъ конюшни, примкнувъ ихъ къ поселенческой избушкѣ, и не обратилъ вниманія на его жалобы, что ссыльный будетъ жить какъ кротъ въ темнотѣ. Когда поселенецъ обратился къ крестьянскому сходу, то, вмѣсто удовлетворенія, получилъ предложеніе перенести домъ на другое мѣсто. Другой крестьянинъ вывезъ себѣ изъ лѣса приготовленное поселенцемъ „дранье“ (тесъ), воспользовавшись неопытностью ссыльнаго, не сдѣлавшаго на драньѣ условленныхъ знаковъ по мѣстному обычаю. Поселенцы другой волости жаловались, что крестьяне обложили ихъ сборомъ, такъ-называемымъ рекрутскимъ. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ предъявляли претензіи, что они не избавлены отъ постоя въ ихъ домахъ проходящихъ рекрутскихъ партій и несутъ эту повинность наравнѣ съ крестьянами и т. п.

Вообще, чуть не повсемѣстно, прибавляетъ ревизоръ, поселенцы жалуются на стѣсненія въ надѣлѣ пахатной землею и сѣнокосами, чѣмъ и объясняютъ свое нерасположеніе къ хлѣбопашеству. Они говорили, что имъ отводятъ лѣсную чащу или землю кочковатую, требующую неимовѣрныхъ усилій для обра-

ботки, вслѣдствіе чего большая часть ссыльныхъ нанимаетъ готовую уже расчищенную землю, а между тѣмъ въ распоряженіи почти каждаго сельскаго общества находятся огромныя залежи разработанной земли, никѣмъ не занятой, остающейся послѣ смерти владѣльцевъ или по другому случаю безъ употребленія. Считая подобную землю своею собственностью, крестьяне предполагаютъ лучше отдавать землю въ наймы за деньги, чѣмъ надѣлять безплатно поселенцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ссыльные жалуются также на принужденіе ихъ къ отбыванію повинностей, преимущественно дорожной, хотя по 738 ст. Уст. о ссыльныхъ, поселенцы въ видѣ льготъ избавляются отъ этихъ повинностей до приписки ихъ къ обществу. Всѣ жалобы поселенцевъ, обращаемыя къ крестьянскимъ сходамъ и къ сельскимъ властямъ, оказывалось, остаются безъ послѣдствій или рѣшаются не въ ихъ пользу.

Вообще, крестьяне относятся къ поселенцамъ враждебно, пишетъ ревизоръ: какъ только поселенецъ поправитъ свое состояніе, они начинаютъ завидовать ему, или чаще, подозрѣвать его. Говорятъ обыкновенно, что поселенецъ кого-нибудь ограбилъ, нажилъ деньги фальшивыми бумажками, и ищутъ разные способы раззорить его. Поселенцу представляется одинъ выходъ — кабальнаго труда у крестьянина, и трудъ этотъ, конечно, не отличается справедливостью: жалобы на хозяина въ сельскую расправу остаются безъ удовлетворенія, а при жалобахъ хозяина—поселенца обвинятъ, хотя бы онъ былъ правъ. Сверхъ того, хозяева-крестьяне расправляются часто съ работниками собственноручно. Апелляціи для поселенца нѣтъ. У крестьянъ сложилась поговорка: „варнаку, — какъ называютъ крестьяне ссыльнаго сограждапина, ругаясь и шутя,—вѣры нѣтъ“.

Приводимыя печальныя отношенія къ ссыльнымъ, раскрываемыя лицомъ вполнѣ достовѣрнымъ, показываютъ намъ, во-первыхъ, прежде всего, что происхожденіе ссыльныхъ нимало не забывается въ новой мѣстности и въ новомъ обществѣ, какъ предполагала цѣль этого наказанія, и какъ были увѣрены теоретики до сего времени. Примѣръ отношенія къ ссыльнымъ въ Сибири могъ быть объясненъ однимъ продуктомъ грубости нашего крестьянства. Но такое же недружелюбное отношеніе къ ссыльнымъ проявлялось и въ другихъ несравненно болѣе развитыхъ обществахъ, какъ, напр., въ Австраліи, изъ одного уже смѣшенія элементовъ общества честныхъ гражданъ съ людьми, заклейменными закономъ, опозоренными, да вдобавокъ и на самомъ дѣлѣ сомнительнаго нравственнаго характера. Если подобное предубѣжденіе воз-

никло въ Сибири, въ средѣ крестьянства, не могшаго по своему неразвитію понимать, что уравненіе и сожительство съ ссыльными не безчеститъ ихъ, то оно показываетъ, что здѣсь были болѣе ощутительныя и дѣйствительныя причины. Одинъ уже составъ преступниковъ указываетъ на ихъ сомнительныя нравственныя достоинства, — почему крестьянство и не могло проникнуться уваженіемъ и признать ихъ за одинаковыхъ себѣ согражданъ. Поведеніе ссыльныхъ въ Сибири, ихъ побѣги, преступленія и средства наживы вдобавокъ также не показывали ихъ благонадежности. Все это заставило въ общемъ установиться такому взгляду среди мѣстнаго крестьянства, который прямо вынесенъ былъ изъ опытовъ, и потому самое предубѣжденіе имѣло нѣкоторое основаніе. Въ заключеніе, трудно было бы отъ одного сибирскаго крестьянства требовать особенно возвышенныхъ, гуманныхъ отношеній къ преступнику и забвенія всего его прошлаго, когда другая гражданская среда извергла его за преступность и съ этимъ же клеймомъ приписывала къ крестьянскому обществу. Но въ жосткости этихъ отношеній была и не одна тенденціозная сторона: горечь ихъ увеличивалась тѣмъ, что мѣстное сибирское крестьянство несетъ съ-издавна огромныя траты, повинности и тяжести, налагаемыя ссылкой, которыхъ не можетъ не чувствовать; онѣ заключались въ подводныхъ, различныхъ земскихъ повинностяхъ по препровожденію ссыльныхъ, по содержанію въ волости до устройства ихъ; въ оплачиваніи ихъ содержанія въ больницахъ, въ различныхъ хлопотахъ при приселеніи ссыльнаго. При огражденіи своего имущества и интересовъ отъ подобнаго пришлаго и незнакомаго населенія, надо сознаться, все-таки не совсѣмъ безопаснаго; при всѣхъ этихъ налогахъ, обремененіяхъ, и заботахъ, налагаемыхъ ссылкою, крестьянство не могло остаться къ ссылкѣ хладнокровнымъ, а къ самому ссыльному дружелюбнымъ. Утвердившіяся въ средѣ крестьянства предубѣжденія и враждебныя отношенія вообще къ ссыльному не могли не отражаться въ частностяхъ, безъ сомнѣнія, многими несправедливостями — это обусловливалось въ общемъ убытками и затратами крестьянскихъ обществъ, стремившихся выместить чѣмъ-нибудь на ссыльномъ, какъ и безправнымъ положеніемъ послѣдняго, представлявшимъ просторъ и возможность его стѣсненія. Вслѣдствіе этого, воззрѣніе на ссыльныхъ установилось въ крестьянствѣ почти враждебное, но явилось и другое зло: отсутствіе прочнаго положенія у ссыльнаго, отсутствіе всякаго имущества и его безправное положеніе, обусловливаемое лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, создали для него такое зависимое положеніе въ дѣлѣ

изысканія труда, которое повело прямо къ кабалѣ. Ссыльный, даже при желаніи заняться трудомъ, ставится въ необходимость соглашаться на всѣ условія крестьянина. Условія эти крайне невыгодны: ссыльный не имѣетъ никакихъ гарантій, что трудъ его оплатится. Въ самыхъ обидахъ, наносимыхъ хозяиномъ, онъ не можетъ найти управы. Все это не столько поощряетъ его, сколько отвращаетъ окончательно отъ труда и побуждаетъ къ бродяжеству. Оставляя деревни старожиловъ, ссыльные отправляются искать по Сибири болѣе выгоднаго заработка; поэтому они стремятся массами на пріиски, гдѣ, однако, встрѣчаютъ тотъ же кабальный трудъ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ. Положеніе это рисуется слѣдующими чертами у автора „Списковъ населенныхъ мѣстъ въ томской губерніи“:

„Ссыльные, не имѣющіе осѣдлости, составляютъ большинство; они живутъ преимущественно въ работникахъ у старожиловъ, или переходятъ для работъ изъ одной деревни въ другую; но самая главная ихъ масса нанимается ежегодно на золотые пріиски. Результатомъ подобной жизни людей этого разряда бываетъ по бо́льшей части крайняя нищета и преступность. Въ большинствѣ случаевъ это происходитъ отъ разгульной бездѣятельной жизни самихъ поселенцевъ, но частью же отъ равнодушія и даже нѣкотораго презрѣнія къ нимъ старожиловъ, которые не называютъ ихъ иначе, какъ „варнакъ“, техническое слово, выражающее мошенникъ. Главной ловушкой для ссыльныхъ служатъ золотые пріиски, привлекающіе ихъ тѣмъ, что, проработавъ менѣе полугода, можно возвратиться съ деньгами, тѣмъ болѣе, что задатки даются весьма хорошіе. Однако же, заработки кончаются почти всегда тѣмъ, что ссыльный не только не приноситъ съ собой денегъ, но даже не имѣетъ возможности возвратиться въ мѣсто своей приписки. Наемъ въ работники къ старожиламъ не менѣе гибеленъ для ссыльныхъ. Старожилы, задатками и обѣщаніемъ устроить со временемъ жизнь ссыльнаго, удерживаютъ его годъ-за-годъ только до тѣхъ поръ, пока ссыльный имѣетъ силы работать; по истощеніи же силъ отказываютъ такому работнику, не только не устроивъ его будущности, но даже иногда не заплативъ слѣдуемыхъ денегъ“ [1]).

Кабальныя отношенія и несправедливость къ поселенческому труду, такимъ образомъ, вошли въ обыкновеніе въ Сибири во всѣхъ отрасляхъ занятій. Довершеніемъ характеристики быта

---

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ Р. И., изд. цент. статистич. комит. Т LX томск. губ., 1868 г., стр. LXXVI.

ссыльныхъ по губерніямъ и ихъ положенія могутъ служить отзывы мѣстныхъ губернаторовъ въ ихъ ежегодныхъ отчетахъ. Начальникъ томской губерніи въ 1873 году доносилъ, напримѣръ, слѣдующее: „всѣхъ ссыльныхъ въ губерніи находится 50,000. Экономическій бытъ ссыльныхъ не измѣнился и по прежнему находится въ жалкомъ положеніи. Большая часть этихъ людей, отвыкнувъ отъ трудовой жизни, по прибытіи на мѣсто ссылки не имѣетъ осѣдлости и ведетъ жизнь почти бродячую. Осѣдлость пріобрѣтаютъ тѣ только изъ нихъ, которые приходятъ сюда съ семействами и приносятъ съ собой матеріальныя средства для первоначальнаго домообзаводства. Отношеніе ссыльныхъ къ коренному населенію хотя и не враждебное, но тѣмъ не менѣе всякій сибирякъ смотритъ недовѣрчиво на ссыльнаго, а ссыльный на сибиряка, и оба они не долюбливаютъ другъ друга“.

Въ заключеніе, томскій губернаторъ характеризуетъ особенный наплывъ ссыльныхъ въ округахъ и обремененіе ими волостей. При скопленіи ссыльныхъ послѣдстіемъ является то, что многіе ссыльные при недостаткѣ заработковъ впадаютъ въ новое преступленіе и дѣлаются никуда негодными членами общества; поэтому начальникъ края находилъ бы нужнымъ пріостановить на десять лѣтъ снабженіе губерніи ссыльными.

Вопросъ объ устройствѣ быта ссыльныхъ занималъ постоянно высшее начальство, которымъ, по соглашенію съ мѣстнымъ, принимались различныя мѣры къ прочному водворенію ихъ на мѣстахъ поселенія. Енисейскій губернаторъ пишетъ: „устроивались казенныя поселенія изъ ссыльныхъ, выдавались и до сихъ поръ выдаются возвратныя и безвозвратныя пособія; были устроиваемы дома и цехи слугъ, ходатайствуется о разрѣшеніи ссыльнымъ пріобрѣтать недвижимое имущество“, но всѣ принимавшіяся мѣры не привели къ ожидаемой цѣли и вопросъ этотъ до сихъ поръ остается открытымъ. Въ настоящее время, путемъ различныхъ запросовъ лицами, хорошо знакомыми съ бытомъ ссыльныхъ и ихъ отношеніемъ къ коренному поселенію, добыты только свѣдѣнія, подкрѣпленныя цифровыми данными, которыя свидѣтельствуютъ, что коренное населеніе, какъ сельское, такъ и городское, страдаетъ отъ постояннаго наплыва ссыльныхъ, несетъ за нихъ тягости, а взамѣнъ не получаетъ ничего, кромѣ массы преступленій и заботъ о поддержаніи существованія, уже неспособныхъ ни къ какимъ работамъ по изнуренію, старости и т. п. Изъ цифръ, приведенныхъ въ статьѣ „Народная нравственность“, очевидно, что громадный процентъ преступленій падаетъ на ссыльныхъ, къ тому же, самыхъ важныхъ, въ сильной степени под-

рываетъ и благосостояніе, и нравственность населенія, среди котораго они живутъ. Безъ всякаго участія ссыльныхъ, это населеніе, вслѣдствіе преступности ихъ, по необходимости несетъ обязанность устраивать и поддерживать волостныя и сельскія тюрьмы, разыскивать повсюду арестантовъ, держать надъ ними караулъ, отбывать этапную повинность, наряжать облавы, понятыхъ и т. д. Кромѣ того, большая половина дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ суть дѣла по завѣдыванію ссыльно-поселенцами, а расходы на содержаніе этихъ управленій, простирающіеся до весьма значительной цифры, лежатъ исключительно на крестьянахъ. Наконецъ, поселенцы, признанные неспособными къ пропитанію себя, хотя и получаютъ ежегодно пособіе изъ переселенческаго капитала въ размѣрѣ 19 р. 13 к. на душу, все-таки остаются на попеченіи крестьянъ, такъ какъ за невозможностью существовать на полученное пособіе обращаются къ нищенству. Такимъ образомъ поселенцы, съ самаго вступленія въ Сибирь, еще полные силъ, въ рѣдкихъ случаяхъ обращаются къ труду постоянному, могущему доставить прочное благосостояніе, а по большей части поддерживаютъ свое существованіе работой случайной, неопредѣленной, переходя съ мѣста на мѣсто, что пріучаетъ ихъ къ бродяжничеству, или же нанимаются на золотые промыслы, заработываютъ тамъ хорошія деньги, но употребляютъ ихъ, по окончаніи операціи, на пьянство, разгульную жизнь, снова нанимаются и остаются на промыслахъ до старости или полнаго упадка физическихъ силъ отъ изнурительной работы. Съ наступленіемъ же этихъ періодовъ расходятся по деревнямъ и селеніямъ для нищенства".

Иркутскій губернаторъ, въ тѣхъ же отчетахъ, приводилъ, что положеніе ссыльныхъ находится неустроеннымъ до послѣдняго времени. Положеніе поселенцевъ, какъ по значительности числа ихъ, такъ и по разбросанности и по затруднительности регулированія этой бродячей массы, представляетъ болѣе трудности и часто совсѣмъ лишаетъ администрацію возможности принять какія-либо мѣры къ улучшенію быта этой части населенія, тѣмъ болѣе, что и средства администраціи крайне ограничены.

Еще болѣе безутѣшнымъ представляется положеніе ссыльныхъ въ якутской области, по отчету ея начальника. Ссыльно-поселенцы якутской области въ селеніяхъ никакого хозяйства не имѣютъ; незнакомые съ образомъ жизни якутовъ и языкомъ ихъ, они никакъ не могутъ сжиться съ ними, и потому при первомъ случаѣ уходятъ на пріиски олекминскаго и киренскаго округовъ.

Большинство изъ нихъ — бездомовныхъ, нисколько не заботится объ обезпеченіи своей будущности, и заработки пропадаютъ немедленно въ кабакахъ. Въ деревню они возвращаются послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, истощенные физически, увѣчные и дряхлые, гдѣ живутъ скитальчествомъ и подаяніемъ. Съ 1873 г. прибыло на поселеніе въ область 115 скопцовъ и 534 человѣка башкиръ, но устройство ихъ невозможно, такъ какъ башкиры не имѣютъ собственныхъ средствъ на устройство. Они претерпѣваютъ во всемъ недостатокъ; скопцы также бѣдствуютъ. Сверхъ того,—якутскій начальникъ просилъ о прекращеніи ссылки старыхъ и дряхлыхъ сектантовъ, богадѣленъ для которыхъ нѣтъ достаточно, а содержаніе ихъ для правительства дорого (36 р. 50 к.). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ отчетовъ мѣстнаго сибирскаго начальства оказывается, что бытъ ссыльныхъ находится далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Большинство ссыльныхъ не находится на лицо: значительная часть изъ нихъ не имѣетъ никакого имущества и домообзаведенія, ведетъ бродячую жизнь, условія труда дурны и стѣснительны, средства обезпеченія скудны; даже у приписанныхъ и осѣдлыхъ ссыльно-поселенцевъ преимущественно господствуетъ бѣдность и нужда. Бѣдственное положеніе ссыльныхъ, обреченныхъ въ большинствѣ на бродяжничество и нищенство, свидѣтельствуется въ заключеніе накопляющимися на нихъ недоимками. По оффиціальнымъ отчетамъ означено, что въ томской губерніи недоимка на ссыльныхъ простирается до 41,015 рублей. Въ енисейской губерніи всего недоимки считалось въ 1873 г. 655,872 р. Бо́льшая часть недоимки считается на ссыльно-поселенцахъ и крестьянахъ изъ поселенцевъ, какъ выражается отчетъ. Въ иркутской губерніи только въ четырехъ волостяхъ за ссыльными числилось въ 1873 г. недоимокъ 20,783 р. Недоимки эти обусловливались тѣмъ, что ссыльные не имѣли собственности и никакихъ средствъ обзавестись хозяйствомъ, присутствіемъ дряхлыхъ и старыхъ, приписанныхъ къ обществамъ, пребываніемъ ссыльныхъ въ неизвѣстной отлучкѣ и, въ заключеніе, отказомъ крестьянскихъ обществъ принимать эту недоимку на свой счетъ, такъ какъ приписка совершается безъ согласія общества. Но кромѣ податныхъ недоимокъ несостоятельность ссыльныхъ характеризуется хлѣбными долгами и ссудами изъ хлѣбныхъ капиталовъ. Хлѣбной недоимки на поселенцахъ иркутской губерніи вѣдѣнія экспедиціи о ссыльныхъ числилось 2,256 р., тогда какъ на крестьянахъ только 940 р.; на ссыльныхъ болѣе, чѣмъ на инородцахъ (Памятн. книжк. иркут. губ. 1865 г.). Все это доказываетъ, что наши ссыльные во все время пребыванія въ Си-

бири обречены на бѣдственное существованіе. Понятно, что при такихъ условіяхъ никогда не было достижимо и исправленіе; напротивъ, должны были проявиться результаты обратные.

Экономическій бытъ ссыльныхъ уже потому не можетъ быть удовлетворительнымъ, что ссыльные ничѣмъ не обезпечиваются и ихъ приписываютъ къ деревнямъ и городамъ, оставляя пропитываться какъ они вздумаютъ. Понятно, что ссыльный, безъ всякихъ средствъ, встрѣчаемый не всегда дружелюбно, въ средѣ совершенно незнакомой, не можетъ сразу пріискать занятій если-бы и хотѣлъ; приэтомъ надо принять во вниманіе, что масса ссыльныхъ вдобавокъ неспособна къ труду, такъ какъ это и было въ большинствѣ причиною ихъ преступленія. Ничего нѣтъ удивительнаго, что масса ссыльныхъ находится безъ занятій, бродяжничаетъ и нищенствуетъ.

Къ 1876 году изъ 51,122 чел. ссыльныхъ по Тобольской губерніи показано 13,226 въ бѣгахъ и 9,689 чел. безъ опредѣленныхъ занятій.

Обзаведшихся домами ссыльныхъ въ тобольской губерніи въ 1877 году считалось 11,325 чел., т.-е. $^1/_4$ часть.

Въ двухъ губерніяхъ, ссыльныхъ на попеченіи сельскихъ обществъ состояло 1,347, свободныхъ отъ платежа податей 14,287, наконецъ, количество недоимокъ за ссыльными достигаетъ нынѣ 661,718 р., не считая 9,000 р. хлѣбной недоимки и 23,930 р. за леченіе. Недоимки эти въ большинствѣ признаны безнадежными.

Произведенная провѣрка ссыльныхъ въ томской губерніи обнаружила, что на 28,828 чел. ссыльныхъ, только 3,445 чел. занимается хлѣбопашествомъ и 20,824 чел. не имѣютъ ровно никакого имущества; недоимки за ссыльными считается 191,496 рублей. Недоимки эти накопляются, не смотря на предоставленную ссыльнымъ въ первые годы льготу. Такія данныя въ общемъ итогѣ по губерніямъ далеко не рекомендуютъ быта ссыльныхъ. Разсматриваемый въ частностяхъ, онъ представляется не болѣе утѣшительнымъ. Экономическій бытъ ссыльныхъ, по произведенной переписи въ волостяхъ, такъ выражается цифровымъ способомъ: на 100 ссыльныхъ приходится: семейныхъ 44%, домовладѣльцевъ 22% и земледѣльческихъ хозяйствъ 13%. Затѣмъ на 100 ссыльныхъ: 57% считается въ отлучкахъ и только 43% на-лицо. Изъ числа послѣднихъ: старыхъ и увѣчныхъ 15% и нищенствующихъ 7%. Что касается положенія ссыльныхъ въ городахъ, то бытъ ихъ является еще болѣе безотраднымъ. Изъ приговоровъ мѣщанскихъ обществъ въ сибирскихъ городахъ

видно, что ссыльные въ большинствѣ пребываетъ въ праздности и нищенствѣ и едва 16% изъ нихъ живетъ осѣдло. Перепись по нѣкоторымъ городамъ обнаружила, что на 100 ссыльныхъ: 67% находится въ неизвѣстной отлучкѣ и только 33% на-лицо. Изъ этихъ послѣднихъ: 8% живетъ на квартирахъ, 10% на заработкахъ, 10% въ услуженіи, остальные 15% бездомные пролетаріи, „неимѣющіе не только пристанища, но и одежды".

Намъ остается прибавить, что всѣ до сихъ поръ предпринимавшіяся мѣры и попытки улучшенія быта ссыльныхъ, начиная съ организаціи ихъ по деревнямъ въ 1809 г. и кончая проектами Сперанскаго и уставомъ о ссыльныхъ, не привели ни къ чему.

Мѣстная администрація никогда не въ силахъ была справиться съ массой присылаемыхъ ссыльныхъ и была занята исключительно только разсылкою и распредѣленіемъ ихъ по деревнямъ. Въ этомъ состоитъ роль ея до послѣдняго времени. Годъ отъ году увеличивающаяся ссылка принесла только безпорядокъ. Печальный бытъ ссыльныхъ остается все тотъ же, что и сообщается въ ежегодныхъ отчетахъ.

Дурныя матеріальныя условія жизни ссыльныхъ поселенцевъ создали изъ нихъ пролетаріатъ, который породилъ и многія другія явленія въ Сибири, а именно: нищенство, бродяжество и побѣги ссыльныхъ. Что касается нищенства поселенцевъ, то оно является обыденнымъ и обыкновеннымъ, которому уже никто не удивляется.

Масса дряхлыхъ и неспособныхъ ссыльныхъ содержится самимъ правительствомъ на казенномъ вспомоществованіи и въ богадѣльняхъ. Недостатокъ этихъ богадѣленъ однако постоянно вызываетъ жалобы мѣстнаго начальства, большая часть нищенствующихъ живетъ насчетъ селъ и городовъ. Нѣкоторые города жалуются на обремененіе ихъ нищенствомъ; такъ, въ 1870 г. въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" мы встрѣчаемъ „мысли объ уничтоженіи бродяжества и нищихъ въ городѣ"; статья жалуется на скопленіе нищихъ, бродягъ и высчитываетъ тѣ суммы, которыя несетъ мѣстная благотворительность. Полагая самую умѣренную сумму по копѣйкѣ съ каждаго дома на нищихъ, и то образуется сумма въ 8,000 р., но въ нѣкоторыхъ домахъ выходитъ до 10 руб. и болѣе въ годъ, пишетъ авторъ. Изъ нищихъ встрѣчаются и мелкіе воришки, причиняющіе ущербъ жителямъ; затѣмъ между ними находится масса дѣтей безъ призрѣнія. Факты эти привели мѣстнаго изслѣдователя къ мысли объ основаніи цѣлаго нищенскаго учрежденія и рабочаго дома, куда соединить всѣхъ нищенствующихъ ссыльныхъ, такъ какъ это было бы дешевле для города и полезнѣе для нравственности са-

михъ нищихъ („Томск. Губ. Вѣд." 1870 г. № 20). Это показываетъ, что даже мѣстное общество, при безпорядочности нашей ссылки, начало приходить къ мысли объ устройствѣ какого-нибудь исправительнаго заведенія (своего рода пенитенціарнаго заведенія) для блуждающихъ ссыльныхъ. Бродяжество и нищенство по деревнямъ, конечно, менѣе подлежатъ учету, но несомнѣнно, что содержаніе массы нищенствующихъ сводится къ значительнымъ пожертвованіямъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне для проходящихъ поселенцевъ строятъ и отводятъ особыя избы и содержатъ на свой счетъ проходящихъ ссыльныхъ, нерѣдко снабжая ихъ въ первое время и домашними принадлежностями. Проходящіе бѣглые, до 30-ти тысячъ въ годъ, исключительно ложатся на счетъ крестьянъ. Количество этого бродяжества, судя по отлучкамъ ссыльныхъ изъ волостей, засвидѣтельствованныхъ оффиціальными данными, огромно. По паспортнымъ книгамъ иркутской губерніи выдано было поселенцамъ видовъ для отлучекъ 9,195, но масса поселенцевъ уходитъ безъ всякихъ паспортовъ или, взявъ ихъ только на первое время для отлучки, совершенно исчезаетъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же неестественныхъ условій, въ средѣ ссыльныхъ рождаются побѣги; побѣги эти идутъ съ каторги и съ поселенія; причинами ихъ являются, какъ доказано, для каторжныхъ — дурныя условія на каторгѣ, отсутствіе строго устроенныхъ мѣстъ заключенія, отсутствіе всякаго надзора и безнадежность самихъ каторжныхъ достигнуть когда-либо лучшаго положенія. Что касается до бѣгствъ ссыльно-поселенцевъ, то они обусловлены отчасти контингентомъ преступниковъ, изъ которыхъ присылается большинство уже готовыхъ бродягъ и людей неспособныхъ къ труду, дурными матеріальными условіями, встрѣчаемыми тотчасъ на мѣстѣ поселенія, отсутствіемъ всякаго имущества и связей въ мѣстѣ поселенія, невыгодными и несправедливыми отношеніями кабальнаго наемнаго труда, полной безправностью ссыльнаго въ мѣстѣ поселенія, дающею поводъ его притѣснять, безнадежностью ссыльнаго при безсрочной ссылкѣ и тоской по родинѣ. Бѣгства изъ Сибири начинаются уже изъ ссыльныхъ партій и съ дороги. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству военнаго министерства извѣстно, что при пѣшей пересылкѣ всегда оказывалось 15% бѣглыхъ на 120,000 передвижныхъ арестантовъ. Переходъ отъ бродяжества къ бѣгству у ссыльно-поселенцевъ является естественнымъ; для ссыльно-поселенца малѣйшій поводъ даетъ случай къ бѣгству; нанимающіеся на пріиски бѣгутъ съ нихъ и не возвращаются въ мѣста приписки изъ опасенія быть высланными на-

задъ, и это ихъ разомъ дѣлаетъ бѣглыми. Значительная часть ссыльныхъ не знаетъ что дѣлать въ Сибири, и по привычкѣ къ скитальчеству, наконецъ, подъ вліяніемъ чувствъ, влекущихъ ихъ, естественно стремятся въ Россію. Бѣгство поселенцевъ, не имѣющихъ никакихъ препятствій, гораздо значительнѣе даже бѣгства каторжныхъ. Есть доказательства, что изъ одной губерніи, енисейской, въ три года ушло въ бѣга до 6,000 поселенцевъ. Весь недосчитываемый статистическими переписями по волостямъ контингентъ приписанныхъ ссыльныхъ, равный $^4/_5$, долженъ считаться въ большинствѣ на долю бѣглыхъ. Какъ мы приводили, по послѣдней повѣркѣ въ четырехъ иркутскихъ волостяхъ изъ 10,378 душъ числится 5,651 въ бѣгахъ, кромѣ уволенныхъ на заработки. Въ манзуровской волости той же губерніи изъ 2,400 приписанныхъ поселенцевъ только 300 живетъ на мѣстахъ причисленія, до 500 человѣкъ на золотыхъ промыслахъ и частныхъ работахъ, а остальные 1,600 человѣкъ въ неизвѣстной отлучкѣ, т.-е. въ бѣгахъ. Мѣстами на 5,000 поселенцевъ приходится только 300 въ наличности. Судя по этимъ исчисленіямъ по волостямъ, нужно положить почти половинное число на каждую губернію ссыльныхъ отсутствующихъ. На нѣкоторыя губерніи число это доходило до 20,000, а на весь контингентъ ссыльныхъ въ Сибири до 100,000. Число это было бы ужасно для бѣглыхъ, если бы оно не заключало въ себѣ безвѣстно пропавшихъ въ бѣгахъ и погибшихъ; доказанъ и извѣстенъ кромѣ того тотъ фактъ, что масса бѣглыхъ убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лѣсамъ, ихъ просто стрѣляли какъ звѣря. Это дало поводъ одному изъ наблюдателей сибирской жизни замѣтить даже, что если бы крестьяне не уничтожали бѣглыхъ, то съ ними едва-ли Сибирь могла бы справиться (Д. Завалишинъ, письма о Сибири, „Моск. Вѣд.“ 1865 г.). Погибель, самая страшная, массы людей такимъ путемъ заслуживаетъ вниманія даже болѣе, чѣмъ усиленная смертность ссыльныхъ. Исчисленіе бродягъ показываетъ приблизительно, что число пропавшихъ безъ вѣсти, т.-е. погибшихъ въ лѣсахъ, должно считать до $^2/_3$. Тачимъ образомъ на существующій въ живыхъ и постоянно передвигающійся контингентъ бѣглыхъ приходится положить не менѣе 30,000 — 40,000 [1]). Число пойманныхъ ссыльныхъ въ Сибири и въ Россіи могло бы дать нѣкоторое понятіе о всемъ количествѣ побѣговъ, но, къ сожалѣнію, данныя эти не вездѣ извѣстны, отчетности имъ не велось и они не сведены ни къ какому общему итогу. Что касается Сибири, то собраніе этихъ свѣдѣній затруднялось тѣмъ, что ссыльные бѣглые судились различными вѣдом-

ствами, а именно: гражданскими судами, судомъ военнымъ, гдѣ побѣги сопряжены были съ значительными преступленіями, наконецъ полицейскими управленіями, которыя исключительно разбирали бродягъ. Поэтому число бѣглыхъ не вошло ни въ однѣ судебныя вѣдомости, не вошло оно и въ какіе бы то ни было статистическіе отчеты. Значительная часть бѣгло-каторжныхъ просто высылалась назадъ на заводы. Однако значительность бѣгствъ изъ Сибири свидѣтельствуется тѣмъ, что съ 1827 по 1846 г. въ числѣ ссыльныхъ въ Сибирь, по свѣдѣніямъ тобольскаго Приказа, означено было 18,328 возвращенныхъ сибирскихъ бѣглыхъ. По отчетамъ, опубликованнымъ г. Максимовымъ изъ вѣдомостей сибирскихъ заводовъ, видно, что со всѣхъ заводовъ каждое десятилѣтіе бѣжало 12,929 человѣкъ, ловили же и возвращали ихъ только 2,730 чел. Въ девять лѣтъ въ Сибири было поймано 13,788 бродягъ мужчинъ и 3,528 женщинъ. Бѣгства изъ Сибири не прекращаются и до послѣдняго времени. Къ 1-му января 1859 г. считалось во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ не возвращенныхъ изъ бѣговъ ссыльно-каторжныхъ 3,104 и 508 горныхъ служителей. Въ бѣгахъ оказывалось, такимъ образомъ, 24% всѣхъ ссыльныхъ. По свѣдѣніямъ 1869, 1870 и 1871 гг., представленнымъ чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ Власову при ревизіи сибирской каторги, видно, что съ кары нерчинскихъ пріисковъ изъ числа 7,462 чел. бѣжало 1,016. Вообще съ Амура, съ Сахалина, съ Забайкальскихъ каторжныхъ работъ за это время изъ 10,228 каторжныхъ бѣжало 1,430 чел. Процентъ бѣглыхъ мѣстами доходитъ до 50%.

По имѣющейся оффиціальной таблицѣ иркутскаго солеваренаго завода за нѣсколько лѣтъ, которую мы могли добыть, видно, что съ 1860 по 1870 на 2,999 рабочихъ процентъ бѣглыхъ равняется ежегодно:

Въ	1860	25 %
„	1861	9 „
„	1862	18½ „
„	1863	28½ „
„	1864	32½ „
„	1865 . . . ,	32½ „
„	1866	90½ „
„	1867	53½ „
„	1868	37½ „
„	1869	45 „
„	1870	41 „

Такимъ образомъ, можно убѣдиться, что были годы, когда съ иркутскаго солевареннаго завода уходили изъ 100 человѣкъ 90!

Причины побѣговъ съ каторги до сихъ поръ не устранены и находятся въ связи съ ея недостатками и неустройствами, на что ссылаются мѣстныя власти. Послѣднія свѣдѣнія о положеніи каторги, заимствованныя нами изъ оффиціальныхъ отчетовъ, рисуютъ слѣдующую картину [1]). Въ 1873 году на нерчинскихъ рудникахъ было 2,758 ссыльно-каторжныхъ; большая часть ихъ употреблялась на золотые промыслы кабинета. Ссыльно-каторжные только испытуемые содержатся въ тюрьмахъ, а разряда исправляющихся, по неимѣнію помѣщеній, живутъ внѣ тюремъ, въ собственныхъ домахъ и по квартирамъ у другихъ ссыльныхъ и обывателей. Зданія, въ которыхъ содержатся каторжные, ветхи и тѣсны; та же тѣснота въ казармахъ конвоя, которая не даетъ возможности держать три смѣны. Больные преступники помѣщаются въ зданіи, которое находится въ разрушенномъ состояніи; вслѣдствіе такого положенія тюремъ приступлено было къ выводу изъ карійскихъ промысловъ „богадѣльщихъ“ въ числѣ 300 человѣкъ. Бѣжало съ заводовъ ссыльно-каторжныхъ въ этомъ году 585 человѣкъ, а возвращено изъ бѣговъ 28. Кромѣ того, въ забайкальской области взято 372 бродяги. Въ теченіе года ссыльно-каторжными сдѣлано было 50 преступленій.

Въ иркутской губерніи ссыльно-каторжныхъ въ 1873 году считалось 1,867. Они содержались въ солеваренныхъ заводахъ, иркутскомъ и усть-кутскомъ, желѣзно-дѣлательномъ николаевскомъ и частію въ вновь строющейся александровской центральной тюрьмѣ (бывшемъ винокуренномъ заводѣ). Въ этой тюрьмѣ помѣщено въ концѣ 1873 года 384 челов. об. п. Каторжные содержатся частью въ квартирахъ, частью въ казармахъ по неимѣнію тюремъ, вслѣдствіе чего побѣги значительны. Въ 1873 году изъ иркутскаго солевареннаго завода бѣжало 231 человѣкъ, а изъ александровской тюрьмы — 16 человѣкъ. Въ 1872 году изъ усть-кутскаго изъ 110 человѣкъ бѣжало 56.

О содержаніи ссыльныхъ на Сахалинѣ мы имѣемъ свѣдѣнія по оффиціальнымъ отчетамъ г. Власова [2]).

---

[1]) Это подтверждается и многими другими данными: отзывами и свѣдѣніями, добытыми нами въ Сибири при этнографическомъ изслѣдованіи распредѣленія сибирскаго бродяжества (см. Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ, Ядринцева).

[2]) Какъ удостовѣряютъ мѣстные источники побѣги съ Сахалина также часты и ссыльные зимою перебираются на Амуръ и далѣе. Этотъ прибрежный островъ далеко не гарантируетъ безопасности Сибири.

Такимъ образомъ, тяжкія условія каторги при безпорядочномъ и неустроенномъ состояніи естественно вызвали побѣги. Въ прежнее время это было столь привычное явленіе, что начальникъ завода при пріемѣ партіи выкрикивалъ: „кто хочетъ оставаться, получай одежду, а кто въ бѣга, тому незачѣмъ!“ Каторжнымъ предоставлялось на волю оставаться на заводѣ или уходить немедленно. Одежда же, которую не брали бѣглые во избѣжаніе преслѣдованій, представляла выгодную экономію начальству. Начальство знало, что все равно каторжныхъ не удержишь,— результатомъ явилось, что нѣтъ такого опытнаго каторжнаго или бродяги, который не былъ бы увѣренъ, что онъ уйдетъ съ сибирской каторги. Въ послѣднее время это заявляется гласными процессами. Корреспондентъ одной газеты передаетъ (1875 г.) о слѣдующей сценѣ, происходившей 23 января въ ярославскомъ окружномъ судѣ, при объявленіи въ окончательной формѣ рѣшенія суда бѣглому каторжнику Гарному (онъ же Гармановъ). Эффектно звеня цѣпями и поглаживая свою бородку, онъ спокойно выслушалъ судебный приговоръ, обрекавшій его на каторжную работу въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ и одного мѣсяца, и на семьдесятъ-одинъ ударъ плетьми. Когда былъ объявленъ этотъ приговоръ, Гарный, до того времени молчавшій, оперся на рѣшетку и повторилъ:

— Семьдесятъ одна плеть! Двѣнадцать лѣтъ съ мѣсяцемъ въ каторгѣ! Многонько-съ, господа судьи! Строгонько-съ!

Ему велѣли молчать; но Гарный, очевидно, рисуясь передъ публикой, произнесъ слѣдующій протестъ противъ судебнаго рѣшенія:

— Вѣдь, пожалуй, и лошадь не вынесетъ 71 удара! И зачѣмъ меня осудили къ нечеткѣ? Почему не 70 плетей? Лучше бы ужъ дали круглое число, 75, да ровно на 12 лѣтъ или на 13 годковъ въ каторгѣ быть приказали... Ну, ужъ судъ! Господа судьи были строги, а господа присяжные спали.

Гарный освѣдомился, кто исполнялъ обязанность старшины, и далъ обѣщаніе когда-нибудь покороче познакомиться съ нимъ. Такое обѣщаніе смутило многихъ присяжныхъ, вовсе не желавшихъ воспользоваться знакомствомъ съ головорѣзомъ, который далѣе потребовалъ возвращенія ему разныхъ отобранныхъ у него вещей и денегъ.

Предсѣдательствующій, г. Волковъ, объяснилъ дерзкому преступнику, сохраняя хладнокровіе и полное достоинство, подобающее суду, что вещи и деньги пойдутъ на покрытіе судебныхъ издержекъ. Гарный, выслушавъ этотъ законный отвѣтъ, воскликнулъ:

— Ну, судъ! У вора деньги воруютъ!.. Ну, да ничего: пусть мои денежки полежатъ здѣсь въ сохранности, по крайней мѣрѣ проценты накопятся. *Я вѣдь возвращусь сюда и получу капиталъ съ процентами...*

Бродяжничество въ Сибири до послѣдняго времени не уменьшается. Въ одной томской губерніи поймано бродягъ:

Въ	1870 году	1,600
„	1871 „	904
„	1872 „	662
„	1873 „	703

Въ Забайкальѣ до 500 человѣкъ и т. д.

Это показываетъ, что бѣгство и бродяжество ссыльныхъ и каторжныхъ продолжаетъ существовать въ Сибири, несмотря на неоднократно возбуждаемый вопросъ объ этомъ и предпринятыя въ послѣдніе годы въ Восточной Сибири особенныя преслѣдованія бѣглыхъ. Даже самый Сахалинъ не гарантируетъ отъ бѣгства, такъ такъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ видно, что съ поста Дуэ, съ 1869 по 1871 г., бѣжало до 60 каторжныхъ, черезъ проливъ поймано изъ нихъ 27, 8 убито при поимкѣ, а 25 такъ и исчезли. Одинъ изъ нашихъ бѣглыхъ каторжныхъ на Сахалинѣ перерѣзалъ цѣлое японское семейство. Все это приводитъ къ заключенію, что побѣги эти не могутъ быть устранены при настоящей формѣ и положеніи ссылки. Постройка каторжныхъ тюремъ не прекратитъ бродяжничества и побѣговъ ссыльно-поселенцевъ, не могущихъ примириться съ ссылкою. Мѣстныя условія Сибири только благопріятствуютъ этому: обширныя пространства, невозможность услѣдить за ссыльными, покровительство и пристанодержательство бродягамъ со стороны другихъ ссыльныхъ, составляющихъ осѣдлое населеніе, наконецъ, терпимость и боязнь со стороны крестьянъ, обусловленная ихъ собственными интересами, не начинать войны съ ссыльнымъ бродячимъ элементомъ, изъ опасенія мести поджогами, которыми угрожаютъ ссыльные, въ случаѣ ихъ поимки; въ заключеніе, администрація въ Сибири, какъ сама сознается, не обладаетъ достаточными средствами и силами бороться съ этимъ явленіемъ, а тѣмъ менѣе прекратить его. Сибирскія тюрьмы по тракту до того наполняются иногда бродягами, что мѣстное начальство отказывается помѣщать ихъ, и дается увѣдомленіе волостнымъ властямъ оффиціально „прекратить преслѣдованіе бродягъ“. Томскій губернаторъ сдѣлалъ однажды около города облаву, и въ одно утро было взято 800 человѣкъ. Такія облавы на бѣглыхъ, какъ на волковъ, устраи-

ваются во всѣхъ сибирскихъ городахъ. Около нѣкоторыхъ деревень Сибири зимуютъ по 2 и по 3 т. скопившихся этихъ странниковъ; въ сибирскихъ тюрьмахъ сосредоточивается временами по 1,000 и 1,500 бѣглыхъ бродягъ. Въ екатеринбургскомъ замкѣ недавно встрѣчалось по 300 задержанныхъ бродягъ изъ ссыльныхъ, возвращающихся въ Россію [1]). Бѣглые изъ Сибири попадаются во всѣхъ городахъ Россіи и въ Петербургѣ. Съ 1867 г. по 1873 годъ, по свѣдѣніямъ петербургскаго оберъ-полиціймейстера было задержано въ Петербургѣ 8015 бродягъ, 145 бѣглыхъ и 276 дезертировъ—таково распространеніе изъ Сибири бродяжества. Нечего говорить, что оно не можетъ быть устранено частными мѣрами. Оно находится въ связи съ неудовлетворительною системою. Нѣкоторые, объясняя бродяжество, какъ явленіе мирное, находятъ его не столь опаснымъ, какъ другіе; но это, во-первыхъ, не подтверждается, ибо преступленія бродягъ значительны; а второе, во всякомъ случаѣ, условія жизни, сопровождаемыя бродяжествомъ, и результатъ его—острогъ, плети или гибель, едвали могутъ считаться нормальными, и самое явленіе желательнымъ для кого-либо. Достаточно для того разсмотрѣть ближе самыя преступленія бродягъ; мы увидимъ при этомъ, какое они оказываютъ вліяніе на общій уровень нравственности.

Однимъ изъ самыхъ печальныхъ результатовъ неудовлетворительнаго состоянія ссыльныхъ являются преступленія ихъ, обнаруживающія свое вліяніе на общій уровень нравственности. Конечно, ссыльные не приносятъ съ собой нравственныхъ элементовъ,—но сторонники ссылки выражаютъ всегда мнѣніе, будто преступники въ Сибири съ перемѣною мѣста и среды теряютъ свои дурныя наклонности и становятся нравственнѣе. Мало того, составилось мнѣніе, что Сибирь представляетъ даже меньшую преступность, чѣмъ Россія. Въ виду такого утвержденія необходимо повѣрить, дѣйствительно ли все это такъ. Мы уже видѣли, что обстановка ссыльныхъ и ихъ настоящее неудовлетворительное положеніе никакъ не могло способствовать особенному сохраненію нравственности. Тяжкія условія труда, нищета и бѣдность, отсутствіе осѣдлости, праздность и бродяжество, наклонность къ побѣгамъ не могли не усилить наклонности къ преступленіямъ. Точно также не могъ благопріятствовать нравствен-

---

[1]) Изъ Томска отъ 17 марта 1881 г. извѣщали, что по дорогѣ, идущей въ село Богородское (въ 60 в. отъ Томска), было найдено 13 труповъ, неизвѣстныхъ личностей. Полагаютъ, что погибшіе бродяги бѣглые ссыльные. Несчастные погибли во время буроновъ.

ности ссыльныхъ целибатъ, преобладаніе въ нихъ мужскаго населенія надъ женскимъ, предшествовавшая жизнь по острогамъ, долгое этапное странствованіе по прежнимъ тюрьмамъ,—все это не могло не отразиться на нравахъ ссыльныхъ. Но оставимъ все это въ сторонѣ и возьмемъ ссыльнаго, какъ человѣка, независимо отъ прошедшей его жизни; каково окажется развитіе его нравственности исключительно подъ вліяніемъ условій сибирской жизни?

Обращаясь къ мнѣніямъ лицъ, близко сталкивавшихся съ ссыльнымъ населеніемъ, къ отчетамъ мѣстнаго начальства, наконецъ къ мнѣнію сибирскихъ обществъ и крестьянства, мы приходимъ къ заключенію, что отзывы эти о нравственности ссыльныхъ въ большинствѣ не особенно благопріятны и не даютъ права заключить многаго объ ихъ способностяхъ и поведеніи.

Администрація, управлявшая ссыльными въ Сибири, давнымъ-давно высказывала взглядъ не особенно выгодный о жизни ссыльныхъ и ихъ нравственномъ достоинствѣ.

Изъ позднѣйшихъ отзывовъ мы можемъ указать на слѣдующее; вотъ что свидѣтельствуетъ иркутскій ревизоръ поселеній: „ссыльные ремесленники не отличаются нравственностью и въ большинствѣ пьянствуютъ. Ссыльные, иногда хорошіе работники и ремесленники, по низкой степени своей нравственности, лѣни и безпечности дѣлаются неспособными къ постоянному труду, почему и предаются бродяжеству или же уходятъ въ золотые промыслы, гдѣ работа временная и требуетъ не искусства, а физической силы. Съ подобными рабочими частная предпріимчивость не можетъ двигаться“. Такой отзывъ приводитъ томское начальство въ 1873 году. Енисейское губернское начальство говоритъ: „изъ цифръ, приведенныхъ въ статьѣ „народная нравственность“, очевидно, что громадный процентъ преступленій ссыльныхъ въ сильной степени подрываетъ и благосостояніе, и нравственность населенія, среди котораго они живутъ“. Якутское начальство даетъ слѣдующій отзывъ: „большинство поселенцевъ, находящееся въ заработкахъ на золотыхъ пріискахъ, развратившееся въ тюрьмахъ, каторжной работѣ, арестантскихъ ротахъ и во время продолжительнаго слѣдованія ихъ въ Сибирь, продолжаетъ и здѣсь развивать всѣ дурныя наклонности. Они нисколько не безпокоятся о своей будущности, и все, что заработываютъ на пріискахъ, оставляютъ въ питейныхъ заведеніяхъ и снова нанимаются въ работу, гдѣ и продолжаютъ свое существованіе, до негодности ихъ къ работѣ, нищенствуя, бродяжа и дѣлая преступленія“. Всѣ отзывы сводятся къ тому, что един-

ственный трудъ, доступный для ссыльныхъ — золотопромышленный, дѣйствуетъ на нихъ исключительно деморализующимъ образомъ. Что касается отзывовъ мѣстнаго населенія, то оно исполнено еще большихъ предубѣжденій. Названіе посельщика всегда намекаетъ въ Сибири на сомнительное нравственное качество. Поведеніе ссыльныхъ не пользуется репутаціей, а трудъ ихъ чрезвычайно низко цѣнится по его достоинству. Что касается ссыльныхъ изъ бродягъ, то они совсѣмъ оказываются неспособными къ труду. Мѣстами отношенія туземнаго населенія къ ссыльному элементу доходить до ненависти. Не довѣряя вполнѣ сложившемуся предубѣжденію, точно также какъ и считая его довольно неточнымъ опредѣленіемъ, мы должны однако обратиться къ болѣе доказательнымъ даннымъ въ оцѣнкѣ сравнительной нравственности ссыльныхъ и ихъ вліянія на окружающую среду. Единственно безспорною и опредѣленною мѣркою здѣсь могутъ быть цифры уголовной статистики и сумма преступности въ Сибири. Къ сожалѣнію, такихъ-то изслѣдованій и недоставало. Поэтому намъ составило не мало труда выдѣлить и добыть нѣкоторыя свѣдѣнія по этой части [1]).

Несмотря на то, уже нѣкоторыя общія данныя по уголовной статистикѣ Россіи указываютъ на участіе ссылки въ распредѣленіи преступленій. Уголовныя свѣдѣнія г. Анучина представляютъ намъ постоянное возрастаніе преступленій и увеличеніе преступности отъ запада къ востоку. Maximum этой преступности возрастаетъ въ приуральскихъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, уголовныя данныя эти кончаются предѣломъ Урала и не охватываютъ Сибири, которая не вошла еще въ нашу уголовную статистику. Но уже первое мѣсто по преступленіямъ, принадлежащее пермской и оренбургской губерніи, дало поводъ заключить изслѣдователю, что развитіе преступленій стоитъ здѣсь въ связи съ распространеннымъ бродяжествомъ бѣглыхъ и ссыльныхъ, воз-

---

[1]) Обыкновенно преступленія ссыльныхъ, находившихся въ Сибири, смѣшивались съ преступленіями всѣхъ другихъ сословій въ Сибири. Въ общей же суммѣ преступность въ Сибири входила въ общіе итоги преступности всей Россіи. Во-вторыхъ, отчеты о преступленіяхъ ссыльныхъ доставлялись только изъ судебныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ значительная часть преступленій совершенно не входила въ счетъ, такъ какъ ссыльно-поселенцы и каторжные и особенно бродяги подлежали въ Сибири разбирательству различныхъ учрежденій: на каторгѣ — заводскому начальству, на пріискахъ — горному начальству, въ городахъ — гражданскимъ судамъ, судамъ военнымъ, полицейскимъ учрежденіямъ, разбиравшимъ исключительно бродягъ,—тюремному начальству и т. д., которыя никогда не соединялись въ одну вѣдомость, а о многихъ до сихъ поръ свѣдѣній не имѣется.

вращающихся изъ Сибири, что подтверждается и цифрами (Анучинъ, Матер. къ Угол. Статист. Россіи. Ч. I, ст. 188). Это одно уже даетъ намекъ, что востокъ въ дѣлѣ уровня преступности едва ли подлежитъ особому исключенію, и что положеніе его не можетъ находиться въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ сосѣднія съ нимъ губерніи. Напротивъ, возрастающая прогрессія преступности по направленію къ Уралу намекаетъ на совершенно обратное.

Число преступленій, сдѣланныхъ поселенцами и каторжными и бывшихъ на разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ въ Сибири, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ министерство юстиціи, считалось въ 1867 году — 93 и 1868 — 98. Первое мѣсто занимало по преступленіямъ ссыльныхъ бродяжество, второе—убійство, третье —воровство, четвертое—зажигательство. Цифра 98 преступленій однако составляетъ, какъ мы увидимъ ниже, только ничтожную часть общаго числа преступленій ссыльныхъ въ Сибири. То же подтверждается и опубликованной таблицей о преступленіяхъ ссыльныхъ съ 1838 по 1847 г., взятой, вѣроятно, изъ отчетовъ приказа о ссыльныхъ (таблица эта напечатана нынѣ въ иркутскомъ календарѣ на 1875 г., стр. 177). Какъ ни неполны подобныя свѣдѣнія, но распредѣленіе преступленій и въ ней показываетъ, что вслѣдъ за бродяжествомъ, которое мы не вносимъ въ число уголовныхъ преступленій, первую роль играетъ у ссыльныхъ убійство, вторую—воровство, третью—грабежъ, четвертую—поддѣлка ассигнацій. Но для насъ, конечно, болѣе интересны самыя позднѣйшія и болѣе полныя свѣдѣнія. Собственно преступленій по послѣднимъ отчетамъ во всей Сибири значилось: въ иркутской губерніи въ 1872 г. 426, и число осужденныхъ 160; въ 1873 г. число преступленій было 473, число осужденныхъ 113; въ енисейской губерніи по статистикѣ 1873 г. преступленій 1,545 и осужденныхъ 1,188, на населеніе въ 372,000; въ томской губерніи преступленій было 826, осужденныхъ 401; въ забайкальской области въ 1873 г. число преступленій 73, число осужденныхъ 137; въ приморской области за тотъ же годъ преступленій 35, осужденныхъ 102; въ якутской области преступленій 112, осужденныхъ 43; въ Семипалатинской области преступленій 285, осужденныхъ 41. (Въ Семипалатинской области ссыльныхъ нѣтъ). По уголовнымъ отчетамъ, въ сибирскихъ губерніяхъ первое мѣсто по роду преступленій занимаетъ смертоубійство, второе—поддѣлка кредитныхъ бумагъ, третье мѣсто—кража, четвертое—нанесеніе ранъ. Въ эти дѣла судебныхъ мѣстъ не вошло бродяжество, которое занимаетъ конечно первое мѣсто

въ Сибири. Распредѣленіе преступленій, какъ мы видимъ, совершенно оригинально. Въ россійскихъ губерніяхъ распредѣленіе преступленій идетъ въ такомъ порядкѣ: кража, грабежъ, смертоубійство, зажигательство, увѣчья и раны [1]). Проявленіе въ Сибири на первомъ планѣ такихъ преступленій, какъ убійство, грабежъ, поддѣлка монеты, нанесеніе ранъ, показываетъ уже на какія-то особыя условія проявленія преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь имѣетъ вліяніе ссылка. Значеніе цифръ мѣстной уголовной статистики объясняется слѣдующими характеристиками мѣстной нравственности въ отчетахъ губернаторовъ. Мѣстную уголовную лѣтопись сибирскіе начальники губерніи дополняютъ слѣдующими характеристиками: пополняясь людьми, не имѣющими твердыхъ нравственныхъ убѣжденій, томская губернія, какъ и вся Сибирь, представляетъ больше всякой другой страны вѣроятности для проступковъ и преступленій. Вообще ссыльные обнаруживаютъ на нравственность народа самое неблагопріятное вліяніе, и это вліяніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отношеніе ссыльныхъ къ коренному населенію. Преступленія въ томской губерніи увеличились въ такомъ порядкѣ: въ 1870 г. ихъ было 639; въ 1871 г.—893; въ 1872 г.—766; въ 1873 г.—826, т.-е. въ годъ увеличились на 60. Кражъ было 206; убійствъ—100; увѣчій и нанесеній ранъ—82. Число преступленій по нарушенію устава монетнаго и поддѣлки кредитныхъ билетовъ равнялось: въ 1870 г.—83-мъ; въ 1871 г.—132-мъ, въ 1872 г.—90; въ 1873 г.—93-мъ. Фальшивые кредитные билеты входятъ въ губернію путемъ провоза ихъ арестантскими партіями и проходящими бродягами; часть ихъ поддѣлывается на мѣстѣ преимущественно ссыльными. Сбытъ ихъ производится инородцамъ и малограмотнымъ крестьянамъ. Бродягъ поймано въ четыре года 3,869 человѣкъ". (Томскій отчетъ).

Въ послѣднее время собраны свѣдѣнія о преступленіяхъ, совершонныхъ исключительно ссыльными; причемъ оказалось изъ данныхъ за 5 лѣтъ, что по тобольской губерніи ссыльные совершаютъ ежегодно до 1,093 преступленій, по томской губерніи 1,749, причемъ одно преступленіе приходится на 28 ссыльныхъ. Воровство, бродяжество и особенно убійство занимаютъ наиболѣе видное мѣсто среди преступленій. Кража—56%, убійство — 7,63%, грабежи — 3,6%, нанесеніе ранъ — 3,62%, поддѣлка кредитныхъ билетовъ — 2,25%, бродяже-

[1]) См. общ. обз. дѣятельности судебныхъ мѣстъ и статистическихъ свѣдѣній о подсудимыхъ, изд. министерства юстиціи, 1874 г.

ство — 14%. Съ 1870 по 1876 года, по собраннымъ свѣдѣніямъ, задержанныхъ бродягъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ оказалось 8,047 чел. Число содержавшихся ссыльныхъ въ тюремныхъ замкахъ, за 10 лѣтъ, въ тобольской губерніи было 9,828, въ томской 6,728. Изъ 40 и 50 ссыльныхъ ежегодно одинъ бываетъ въ тюрьмѣ за преступленіе или по подозрѣнію. Приэтомъ нельзя не обратить вниманія, что округа, гдѣ ссыльные водворяются, по удостовѣренію томскаго начальства, даютъ въ 5 разъ болѣе заключенныхъ, чѣмъ округа, изъятые отъ ссылки, какъ-то: Бійскій, Барнаульскій и Кузнецкій. Всѣ эти данныя, какъ мы полагаемъ, не особенно рекомендуютъ исправительное значеніе нашей ссылки, а также не совсѣмъ подтверждаютъ теоретическія измышленія о томъ, что ссыльный, въ новой средѣ, при обиліи земель въ Сибири и благословенномъ сибирскомъ климатѣ, долженъ возвратиться на путь истины.

Еще болѣе наглядную картину преступленій представляетъ енисейская губернія по отчетамъ губернатора. Въ теченіе 1873 г. разсмотрѣно было въ судебныхъ мѣстахъ 1,545 дѣлъ; число осужденныхъ въ общемъ населеніи губерніи составляетъ больше 0,4% или 4 осужденныхъ на 1,000 человѣкъ. Противъ 1872 г. число осужденныхъ болѣе на 267 человѣкъ и число преступленій на 554. По многочисленности первое мѣсто между преступленіями занимаетъ смертоубійство, составляя 72% въ общемъ числѣ преступленій; затѣмъ слѣдуютъ: воровство-кража и воровство-мошенничество— 23,3%; нанесеніе ранъ и увѣчій—15,6%; нарушеніе уставовъ монетныхъ—5,9%; грабежи—4,6%; преступленія по службѣ государственной и общественной—3,3%; бродяжество—2,9%. По сословіямъ, въ числѣ осужденныхъ было дворянъ потомственныхъ и личныхъ—1,2%; купцовъ и мѣщанъ —15,5%; крестьянъ—23,5%; военнаго сословія—7,3%; инородцевъ—13,1%; поселенцевъ—30,6% и ссыльно-каторжныхъ — 8,8%. Принимая во вниманіе, что въ числѣ крестьянъ есть крестьяне изъ поселенцевъ, оказывается, что *болѣе половины всѣхъ преступленій совершено уже разъ осужденнымъ въ россійскихъ губерніяхъ населеніемъ: поселенцами, каторжными и крестьянами изъ поселенцевъ.* Изъ 507 человѣкъ поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ, осужденныхъ за всѣ преступленія, обвинено: въ смертоубійствѣ 135 чел., что составитъ 26,7% общаго числа обвиняемыхъ; въ воровствѣ-кражѣ и въ воровствѣ-мошенничествѣ — 21,1%; въ нанесеніи ранъ, увѣчій и другихъ поврежденій—19,5%; въ нарушеніи уставовъ монетныхъ—5,0%; въ остальныхъ 22-хъ разныхъ преступленіяхъ обвинено изъ 507

чел. только 65, или 12,9%, слѣдовательно, это пришлое населеніе совершаетъ самыя важныя преступленія.

О преступленіяхъ иркутской губерніи, выпадающихъ на долю ссыльныхъ, мы собрали слѣдующія свѣдѣнія: въ 1868 г. осуждено было къ каторгѣ 19 чел., къ ссылкѣ и на водвореніе—5 и къ исправительнымъ наказаніямъ—51 ч. Изъ числа 19 приговоренныхъ къ каторгѣ 11 ч. ссыльно-поселенцевъ. Въ 1871 г., къ каторгѣ приговорено 30 чел., изъ нихъ поселенцевъ 26 ч.; къ исправительнымъ наказаніямъ 85 чел., въ числѣ ихъ ни одного поселенца; въ 1872 г. къ каторгѣ приговорено 42 ч., въ томъ числѣ 31 поселенецъ; къ исправительнымъ наказаніямъ 118 чел., въ числѣ приговоренныхъ 31 поселенецъ и 39 другихъ сословій. По вѣдомости о преступленіяхъ за 1873 г. видно, что ссыльныхъ осуждено было 38 ч. по губерніи, т.-е. столько же, сколько крестьянъ, не считая осужденныхъ бродягъ; все это показываетъ, во-первыхъ, что число уголовныхъ преступленій въ четыре года увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, и, во-вторыхъ, что болѣе важныя преступленія совершаются исключительно ссыльными [1]). То же самое обнаруживается и изъ другихъ вѣдомостей. Въ забайкальской области въ 1873 г. совершено было 73 преступленія, изъ которыхъ главную роль играли убійство, нанесеніе ранъ и кража; въ теченіе года ссыльно-каторжными сдѣлано

---

[1]) Въ дополненіе къ этимъ даннымъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Всѣ сибирскія тюрьмы, какъ извѣстно, переполнены ссыльно-поселенцами: изъ 139 подсудимыхъ арестантовъ, содержавшихся съ 1-го октября 1874 г. въ иркутской тюрьмѣ, 86 челов. поселенцы, 15 каторжные и только 42 чел. люди полноправные; итакъ, 69% содержащихся арестантовъ приходится на долю ссыльнаго элемента; слѣдующая таблица покажетъ, за что именно содержится большинство поселенцевъ.

Побѣги и бродяжество	35
Кража со взломомъ	12
Конокрадство	8
Убійство	7
Перемѣна имени и фамиліи	5
Нанесеніе ранъ	4
Грабежъ	3
Подлогъ	4
Поддѣлка монеты	2
Переводъ хлитническаго золота	2
Захватъ	1
Проживаніе по фальшивому виду	1
Оскорбленіе должностныхъ лицъ	1
Разбой	1
Итого	86

было 50 преступленій; сверхъ того, судилось пойманныхъ 372 бродяги. О нравственности якутской области, начальникъ области въ 1873 г. заявляетъ: преступленій въ 1873 году, въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ, увеличилось на 60, и прибавляетъ, что большинство осужденныхъ ссыльные, лишенные всѣхъ правъ состоянія за прежнія преступленія, и, какъ безнравственные, уже разъ сосланы въ отдаленную область.

Такимъ образомъ, уголовная статистика приводитъ насъ къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ до сихъ поръ предполагалось. Она показываетъ, что ссыльное населеніе далеко не такъ добродѣтельно и нравственно, какъ думали, а Сибирь далеко не обладаетъ такимъ спокойствіемъ, какъ увѣряютъ.

Мѣстная уголовная статистика открываетъ намъ: 1) что преступность въ Сибири превосходитъ всѣ другія мѣстности; 2) лѣстница преступленій представляетъ то оригинальное явленіе, что здѣсь крупныя и самыя опасныя преступленія стоятъ въ первомъ ряду, какъ убійство; 3) Сибирь, благодаря ссылкѣ, обладаетъ нѣкоторыми специфическими преступленіями, какъ-то бродяжествомъ и поддѣлкой монеты и кредитныхъ бумагъ, стоящими — бродяжество на первомъ мѣстѣ передъ убійствомъ, а преступленіе по поддѣлкѣ монеты на второмъ мѣстѣ послѣ убійства; 4) усиленіе преступленій въ Сибири годъ-отъ-году возникаетъ въ неимовѣрно быстрой прогрессіи. Такъ, въ томской губ. оно увеличивается ежегодно на 60 по отношенію къ цифрѣ 600. Въ якутской тоже на 60, въ енисейской возросло въ годъ на 500 съ 1,000 и въ иркутской увеличилось въ четыре года болѣе чѣмъ вдвое; 5) въ заключеніе, исчисленія уголовной статистики обнаруживаютъ, что преступленія въ Сибири падаютъ въ большинствѣ на долю ссыльныхъ. Такъ, по оффиціальному отчету енисейской губерніи заявлено, что болѣе 50% самыхъ тяжкихъ преступленій совершалось ссыльными. Осужденныхъ изъ крестьянъ было 23,54 поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ — 39,04. Въ иркутской губерніи отношенія осужденныхъ ссыльныхъ къ свободнымъ сословіямъ, по тяжко-уголовнымъ дѣламъ, выражаются въ такомъ отношеніи: ссылалось въ три года въ каторгу 11 ссыльныхъ на 8 крестьянъ, 24 на 4, 31 на 11, и въ 1873 г. осужденныхъ было какъ ссыльно-поселенцевъ, такъ и крестьянъ по 38. Но при этомъ надо принять еще во вниманіе число тѣхъ и другихъ. Количество преступленій ссыльныхъ распредѣляется на ихъ число въ 40 и 45,000, число же преступниковъ остальныхъ сословій на количество въ 327,000 и 328,000 жителей — это разница огромная. При такой пропорціи числен-

ное преобладаніе количества преступленій ссыльныхъ обнаруживаетъ, что преступность между ссыльнымъ сословіемъ является не только не ничтожною, но поразительною. Вотъ факты, которые не могутъ быть не признаны знаменательными.

Въ дополненіе къ уголовнымъ свѣдѣніямъ и анализу преступленій въ Сибири, слѣдуютъ происшествія, публикуемыя въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, которыя также даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе объ особенностяхъ многихъ сибирскихъ преступленій и ихъ мѣстномъ типическомъ характерѣ.

Образчикомъ преступленій могутъ быть слѣдующія. „Иркутскія Губернскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что въ киренскомъ округѣ, въ деревнѣ Чугуевой, 10-го мая, въ одиннадцатомъ часу вечера, поселенцы (ссыльные): Вукановъ 22 лѣтъ и Мухамедъ Непомнящій 50 лѣтъ, чрезъ взломъ окна въ питейномъ заведеніи крестьянина Якова Черкашина, вошли въ горницу, гдѣ спали самъ Черкашинъ съ женою, оба пьяные и дочери ихъ: Анна 15 лѣтъ, у которой были на рукахъ отцовскія деньги, и Авдотья 5 лѣтъ. Злодѣи изранили прежде всего маленькую дѣвочку, которая вскорѣ и умерла затѣмъ; допытываясь денегъ у Анны, нанесли ей нѣсколько тяжелыхъ ранъ, и отнявъ деньги, хотѣли убить, но въ это время постучался поселенецъ Вороновъ. Узнавъ его голосъ, Анна начала кричать и звать на помощь, что и заставило бѣжать убійцъ.

Изъ Ишима, отъ 28-го февраля 1875 года, извѣщали въ „Биржу“: въ послѣдній день масляницы, 22 февраля, въ нашемъ городѣ было совершено звѣрское, неслыханное преступленіе. Подъ вечеръ этого дня, къ устроенной среди города горѣ для катанья подъѣхало трое ухарей, схватили въ свои сани дѣвушку тринадцати лѣтъ и увезли ее за городъ, несмотря на отчаянные вопли несчастной жертвы. За городомъ дѣвочка была растлѣна и изнасилована троими похитителями поочередно. Потомъ негодяи возвратились въ городъ и выбросили полумертвую дѣвочку на улицу. Полиція, не могшая предупредить звѣрскаго преступленія, хотя и оказала энергію при розыскѣ злодѣевъ, но дѣвочкѣ это не было утѣшеніемъ: она черезъ сутки умерла въ городской больницѣ.

Недавно изъ Красноярска было разсказано такое событіе. Въ мѣстной женской гимназіи пропала горничная. Вслѣдъ затѣмъ найдена была на берегу обезображенная голова, косы продѣты въ уши. Далѣе, собака таскала по городу человѣческую руку. По этимъ частямъ узнали пропавшую дѣвушку; она была варварски умерщвлена и изрѣзана, у ней вырѣзаны были груди,

половыя части и проч. Одновременно въ городѣ исчезли швейцаръ женской гимназіи и писарь изъ какой-то канцеляріи, на которыхъ и падало подозрѣніе. Вскорѣ оказалось, что они были оба ссыльно-каторжные, жившіе въ Красноярскѣ по фальшивымъ паспортамъ, и одинъ изъ злодѣевъ былъ даже сторожемъ дѣвическаго заведенія. Наконецъ, характеристическимъ происшествіемъ можетъ служить преступленіе въ Иркутскѣ, 5 октября 1873 г. Въ Иркутскѣ была убита вдова, купчиха Чурина, съ дочерью, кухарка, бурятъ работникъ и дворникъ; послѣдніе двое брошены въ Ангару, на набережной которой стоялъ домъ Чуриныхъ; горничная дѣвушка была обезчещена однимъ изъ убійцъ и задушена петлей, но по счастливой случайности осталась жива и явилась впослѣдствіи единственной обличительницей преступниковъ. Вообще убійство это сопровождалось возмутительнѣйшими истязаніями. Конечно, обстоятельство это надѣлало много шуму въ столицѣ нашей ссыльной страны, хотя подобныя убійства не рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ. Убійство было совершено по заранѣе обдуманному плану и составляло, говорятъ, первое изъ задуманныхъ. Въ преступленіи участвовали трое ссыльно-поселенцевъ и трое бродягъ. Преступники вели себя на судѣ, какъ и передъ наказаніемъ, весьма хладнокровно. Нѣкоторые изъ нихъ сознавались на судѣ въ совершонномъ злодѣйствѣ, говорили весьма спокойно: „взялъ да и придушилъ“, или: „придушилъ да и бросилъ въ Ангару“. Нѣкоторые изъ нихъ въ тюрьмѣ еще обѣщались перерѣзать половину города; они были урожденцы витебской, каменецъ-подольской и тверской губерній, ссыльные въ Сибирь, попавшіе въ чужую страну, озлобленные на все ихъ окружающее. Въ виду звѣрскаго преступленія трое изъ главныхъ преступниковъ, виновныхъ въ убійствѣ и грабежѣ, судимы были военнымъ судомъ и приговорены къ повѣшенію. Иркутскъ былъ свидѣтелемъ самаго ужаснаго зрѣлища.

Значительная часть сибирскихъ преступленій отличается звѣрствомъ и грубостью. Это зависитъ какъ отъ свойства преступниковъ, озлобленныхъ каторжниковъ, артистовъ преступленія, такъ и отъ мѣстныхъ суровыхъ и огрубляющихъ условій жизни. Въ Сибири, какъ въ странѣ дѣвственной, пустынной, при слабомъ вліяніи власти и полиціи, преступленіе становится смѣлѣе и необузданнѣе; наконецъ, благодаря простотѣ жизни, патріархальности и слабо развитой гражданственности и отсутствія городской цивилизаціи, которая всегда предполагаетъ бо́льшую осторожность, преступленія проявляются безъ утонченности и хитрости а въ самыхъ грубыхъ и простыхъ формахъ. Люди, на-

блюдавшіе жизнь ссыльныхъ на золотыхъ пріискахъ, передавали напримѣръ, что въ Сибири тонкій мошенникъ часто дѣлается грубымъ злодѣемъ; гдѣ онъ дѣйствовалъ прежде утонченными средствами съ помощью хитрости, обмана, изобрѣтательности, тамъ, въ Сибири, дѣйствуетъ просто „обухомъ топора“, потому что и изобрѣтательности такой не требуется.

Однако въ Россіи сложилось мнѣніе, что въ Сибири рѣшительно не замѣчается опасности для гражданской жизни, и мѣстные жители никогда не жалуются на преступленія, а потому заключили, что самыя преступленія, исключительны и рѣдки. Чтобы выяснить себѣ это, мы составили хронику за два послѣдніе года обо всѣхъ печатавшихся, выходившихъ изъ ряда событіяхъ, въ газетахъ, которая можетъ довершить картину мѣстной жизни.

Хроника эта содержитъ 33 возмутительныхъ происшествія и дополняется слѣдующими свѣдѣніями о нѣкоторыхъ городахъ. При перепискѣ томской городской управы по поводу усилившихся преступленій оказывается, что съ 1 іюля по 7 октября 1874 г. въ городѣ было 30 случаевъ убійствъ и воровства, а по полицейской вѣдомости показано 58 преступленій этого рода,— въ три мѣсяца. По обнародованнымъ свѣдѣніямъ газеты „Сибирь“, въ районѣ иркутскаго военнаго округа ежегодно рѣшается отъ 30 до 40 дѣлъ, которыя прекращаются за неотысканіемъ виновныхъ. Наконецъ, изъ Енисейска намъ пишутъ далѣе, какъ въ нынѣшнюю зиму сообщалось слѣдующее: „лишь только успѣли несчастные обыватели оправиться отъ горя и успокоиться послѣ страшной катастрофы (извѣстнаго пожара), какъ нежданно, негаданно у нихъ явилась новая тревога и новое безпокойство за свою жизнь и имущество. Въ городѣ, въ теченіе самаго короткаго періода времени, было совершено нѣсколько убійствъ, грабежей и кражъ. Нѣкоторыя изъ этихъ преступленій, по своему звѣрскому характеру, смѣлости и неразборчивости въ отношеніи мѣста и времени ихъ совершенія, положительно выходили, какъ говорится, изъ ряду вонъ: были случаи кровавыхъ сценъ среди бѣлаго дня, на людныхъ улицахъ. Паника до того овладѣла мѣстнымъ обществомъ, что, несмотря на его привычное равнодушіе ко всякаго рода преступленіямъ, въ средѣ его раздались сильные протесты и явное негодованіе на бездѣйствіе мѣстной полиціи“.

Такіе факты не даютъ повода заключить о значительной безопасности жизни въ краѣ. Но фактъ незамѣченности преступленій въ Сибири точно также получилъ настоящее объясненіе

въ послѣднее время; онъ объясняется привычкою къ преступленіямъ. Самыя ужасныя преступленія здѣсь не производятъ впечатлѣнія. Вотъ что объ этомъ пишетъ одинъ изъ наблюдателей сибирской жизни: „въ одну зиму, часовъ въ 6 вечера, было невозможно ходить по улицамъ. Какіе-то молодцы, съ пѣснями, на тройкѣ, въ кошевѣ разъѣзжали по городу и ловили арканомъ и баграми проходящихъ и проѣзжающихъ по улицамъ. И все это сходитъ съ рукъ и считается вещью крайне обыкновенною, къ которой жители привыкли и приглядѣлись. Предметъ для разговоровъ всегда есть; но тонъ самыхъ разговоровъ идетъ какъ о погодѣ. Какая-нибудь кумушка совершенно хладнокровно, нисколько не возмущаясь, разсказываетъ объ убійствѣ или воровствѣ, какъ будто дѣло идетъ о зарѣзанномъ теленкѣ или разбитой посудинѣ. Въ первое время я удивлялся подобнымъ вещамъ, потомъ мало-по-малу *совершенно привыкъ и обжился*“ [1]).

Сибирь въ этомъ случаѣ похожа на постоянное поле битвы, гдѣ оставшіеся въ живыхъ весьма мало говорятъ объ убитыхъ. При темнотѣ и невѣжествѣ сибирской массы населенія, общество долго не замѣчало окружающихъ явленій, оно не жаловалось на ссылку и совершенно сжилось съ своимъ положеніемъ. Если заявлялись жалобы по поводу преступленій, то обвинялась обыкновенно недостаточная бдительность полиціи. Такихъ жалобъ мы не мало встрѣчаемъ въ корреспонденціяхъ, а въ послѣднее время въ Томскѣ объ этомъ загорѣлось цѣлое дѣло. Городская управа, въ виду усилившихся грабежей и кражъ (а уголовная хроника этого города, какъ видно, поразительная), просила полицію усилить бдительность и наблюдать за ночными сторожами. Полиція обидѣлась. А за представленіе томскому губернатору на видъ этихъ происшествій вся городская управа въ наличномъ составѣ отдана была подъ судъ. Дѣло это перенесено въ сенатъ. На самомъ дѣлѣ въ городѣ съ 1 іюля по 7 октября 1874 г. было 30 случаевъ убійства и воровства, а по „Полицейскимъ Вѣдомостямъ“ показано 58 преступленій этого рода въ три мѣсяца. Вотъ источникъ этихъ пререканій! Такія пререканія не рѣдкость въ Сибири въ виду мѣстныхъ особенностей края.

Однако настоящія причины преступленій начинаютъ все чаще выясняться.

Нравственное вліяніе ссылки, кромѣ того, отражается и многими другими явленіями въ Сибири. Такъ, указывается на развитіе разврата, незаконныхъ сожитій и увеличеніе незаконныхъ

---

[1]) См. Не столь отдаленныя мѣста Сибири. „Отеч. Зап.“ 1875, іюль, ст. 19.

рожденій въ краѣ. Иркутская губернія, по числу незаконныхъ рожденій, напримѣръ, занимаетъ второе мѣсто. (Въ иркутской губерніи на 100 т. жителей приходилось 391 незаконнорожденный, въ Петербургѣ 497, въ Москвѣ 237, а въ саратовской и рязанской губ. 51—52). Несоразмѣрность половъ между ссыльными естественно влечетъ къ разврату; тѣ же явленія замѣчались и въ Австраліи и, по словамъ Дюкэна, составляютъ самую невыгодную сторону ссылки.

Точно также указываютъ въ Сибири на распространеніе сифилиса, заносимаго партіями [1]). Въ иркутской губерніи называютъ цѣлыя селенія, гдѣ эта страшная болѣзнь поражаетъ людей, совокупно семьями, не исключая грудныхъ и рождающихся дѣтей. Д-ръ Шпрекъ о томъ же свидѣтельствуетъ на Амурѣ. Кромѣ того, ссылка, говорятъ, не могла остаться безъ нравственнаго вліянія на самое воспитаніе сибиряковъ, на ихъ нравы. Наши учителя, пишетъ одинъ сибирякъ, няньки, гувернеры, капиталисты, мѣстная интеллигенція и даже самыя власти, напримѣръ, волостные писаря—изъ ссыльныхъ, что не могло остаться безъ послѣдствій. Мѣстное общество заражалось вліяніемъ преступниковъ. Ссыльные научили сибирское крестьянство страсти къ промыслу фальшивыми билетами; здѣсь существуетъ цѣлый воровской промыселъ срѣзыванія чаевъ, въ которомъ не рѣдко участвуютъ сами купцы, какъ недавно открылось въ Канскѣ. — Въ Сибири существуетъ множество спекулянтовъ, которые служатъ только организаторами преступленій, для которыхъ исполнителей доставляетъ бродячее сословіе; организаторъ долженъ скрыть и спровадить продуктъ преступленія, и конечно ему достается львиная часть при этомъ. Сосланные конокрады, фальшиво-монетчики, срѣзыватели чаевъ, находятъ у подобныхъ лицъ пріютъ и практику; поэтому неудивительно, что торговля не распространяется, и въ нѣкоторыя мѣста бываетъ иногда не безопасно купцу ѣздить. Отсутствію личной безопасности слѣдуетъ приписать отсталость Сибири въ промышленномъ отношеніи, вялость взаимныхъ сношеній и невѣжественное состояніе края. Ссылка производитъ растлѣвающее вліяніе и на другія сферы общественной жизни. Она охватываетъ сибирскую промышленность, практику чиновни-

---

[1]) Послѣдніе санитарные отчеты свидѣтельствуютъ положительно о распространеніи заразительныхъ болѣзней по главному ссыльному тракту. Ссыльными разносится также тифъ, и ими была занесена холера (см. Санитарный Отчетъ по Зап. Сибири д-ра Ремезова). Больной и зараженный ссыльный элементъ неблагопріятствуя распложенію, часто вліяетъ и инымъ образомъ, отражаясь вырожденіемъ и пониженіемъ породы.

чества и наконецъ даже простирается на воспитаніе дѣтей. Г. Максимовъ говоритъ, что сибирскіе варіанты русскихъ сказокъ наполняются бродяжескими персонажами; извѣстно также, что сибирскія дѣти играютъ „въ бродягъ“, „въ поджоги“, и даже разыгрываютъ сцены бродяжескаго самосуда.

Понятія о собственности и гражданственности въ Сибири поэтому болѣе, чѣмъ, гдѣ-либо, поколеблены, пренебреженіе къ чужому интересу развило хищничество и неразборчивую наживу; борьба съ ссыльными породила самосудъ, массу безправія; наконецъ самая ссылка извратила до извѣстной степени нравы администраціи.—Вредное вліяніе неравноправности сибирскаго населенія отражается и на нравахъ полицейской администраціи Сибири. Привыкши большею частью практиковать свою власть на бродягахъ, сибирскій чиновникъ практикуетъ тѣ же средства для узнанія истины, или для исправленія зла, и на полноправной части сибирскаго населенія. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить слѣдующій случай: 1871 г., смотритель карійскаго золотого промысла, Демидовъ, открылъ убійство, совершонное однимъ каторжнымъ; чтобы раскрыть всѣ подробности преступленія, Демидовъ пыталъ черезъ палача жену убійцы, которая была женщина свободная, пришедшая въ Сибирь съ мужемъ добровольно и, слѣдовательно, избавленная отъ тѣлеснаго наказанія; потомъ онъ пыталъ одиннадцатилѣтнюю дочь убійцы; дѣвочку держали на воздухѣ и палачъ сѣкъ ее розгой съ головы до пятъ; ребенку уже было дано нѣсколько ударовъ плетью, и, когда она попросила пить, ей подали соленаго омуля. Плетей дано было бы и больше, еслибы самъ палачъ не отказался продолжать битье. И между тѣмъ жестокость Демидова есть естественное послѣдствіе того воспитанія, которое онъ долженъ получить, долго управляя ссыльной массой. Все это далеко не свидѣтельствуетъ о благотворительномъ нравственномъ вліяніи ссылки. Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько выписокъ изъ корреспонденцій, выражающихъ отношеніе мѣстнаго общественнаго мнѣнія къ ссылкѣ. Въ корреспонденціяхъ чаще и чаще слышатся жалобы на бродягъ, безпаспортныхъ и безпріютныхъ ссыльныхъ, наполняющихъ города и порождающихъ преступленія. Такъ, въ 1873 году корреспондентъ изъ Омска, рисуя положеніе осаждаемаго бродягами и преступленіями города, восклицаетъ: „постоянная ссылка въ Сибирь ненужнаго для европейскихъ губерній люда ставитъ насъ въ постоянную блокаду отверженныхъ людей. И нигдѣ, кажется, эта блокада не чувствуется такъ сильно, какъ въ омскомъ округѣ“ („Камско-Волж-

ская Газета“ 1873 г. № 89, корреспонденція изъ Омска). Изъ Енисейска въ январѣ 1875 г. сообщаютъ по поводу уголовнаго случая, совершоннаго поселенцемъ (кражи въ церкви): „въ послѣднее время пролетаріатъ нашъ усилился наплывомъ новыхъ лицъ, изъ которыхъ большая часть приписана сюда въ мѣщане и, по отсутствію здѣсь работъ, въ зимнее время положительно бѣдствуетъ. Они же совершаютъ преступленія“ („Новое Время“, 1875 г. № 12) [1]). Изъ той же губерніи посылается далѣе такое извѣстіе: „Сибирь“ сообщаетъ, что большой наплывъ ссыльныхъ и бродягъ былъ причиной того, что въ енисейской губерніи, въ первые только пять мѣсяцевъ нынѣшняго года, было ограблено семь церквей и, сверхъ того, было четыре покушенія на ограбленіе. При одномъ случаѣ въ селѣ Юкѣевскомъ, на 17 апрѣля, убитъ трапезникъ. Къ счастью, почти всѣ злоумышленники пойманы. При изслѣдованіи открылось, что воры изобрѣли новый способъ проникать въ церкви, черезъ разборку дымовыхъ трубъ.

Наконецъ, въ послѣднее время всѣ корреспонденціи изъ Омска, Томска, Красноярска, Енисейска и Иркутска сливаются въ единогласный протестъ противъ ссылки въ край. Передавая о бѣдственномъ положеніи ссыльныхъ, корреспондентъ изъ Енисейска въ 1875 г. прибавляетъ: „ссылка эта приноситъ чистѣйшій вредъ краю; отрицать вредъ ея для Сибири и признавать ея пользу и необходимость могутъ только люди, не жившіе въ Сибири и не видѣвшіе массы ссыльныхъ на новой, чуждой имъ сторонѣ. Чѣмъ скорѣе Сибирь избавится отъ этихъ подневольныхъ, пришлыхъ людей, тѣмъ она больше выиграетъ въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи“.

Сибирь, какъ извѣстно, служитъ для Россіи какъ-бы вентиляторомъ,—пишетъ корреспондентъ изъ Томска, объясняя мѣстныя преступленія,—въ который выходитъ все ненужное. — И все это группируется по большей части въ нашихъ большихъ городахъ, въ особенности въ Томскѣ. Каждое лѣто присылаются тысячи поселенцевъ, которые, войдя въ Сибирь, выпускаются, какъ говорится, на всѣ четыре стороны, рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Незнаніе мѣстности, новизна обстановки и трудность достать какую-нибудь работу, при изобиліи рабочихъ рукъ, невольно заставляютъ поселенцевъ прибѣгать безъ разбора ко все-

[1]) Мы могли бы привести подобныхъ корреспонденцій массу, которыя мы имѣли подъ рукою за два послѣднихъ года, но ограничиваемся только нѣкоторыми.

возможнымъ средствамъ къ существованію. Легко понять, какъ у насъ при такой обстановкѣ должны процвѣтать всякіе виды мошенничества и безобразія. Даже при хорошей полиціи было бы трудно совершенно гарантировать жителей отъ грабежей, убійствъ и проч., между тѣмъ у насъ въ настоящее время полиціи на дѣлѣ почти не существуетъ, если же она и вздумаетъ заявить о своемъ существованіи, то въ такихъ исключительныхъ случаяхъ приноситъ жителямъ болѣе вреда, чѣмъ пользы". Наконецъ, иркутскій корреспондентъ, по поводу слуховъ объ отмѣнѣ ссылки, выражается такимъ образомъ: „хотите ли знать, что́ думаютъ сибиряки о ссылкѣ? Вліяніе ея давно испытывается Сибирью, и отношеніе населенія къ ней довольно опредѣленно выяснилось, хотя бы потому, что нѣтъ ни одной проѣзжей дороги, гдѣ можно было бы ѣздить безопасно. Недавно разбойничали около Нерчинска, Томска и Тобольска, такъ что не было проѣзда у этихъ центровъ Сибири. Этимъ путемъ создается у насъ искусственная осада городовъ; легенды „о двѣнадцати разбойникахъ", явившіяся въ прошломъ столѣтіи, осуществляются и въ наше время: еще на-дняхъ, въ окрестностяхъ Иркутска, поймана шайка, систематически грабившая въ городѣ и окрестностяхъ. Лѣтомъ убиты были двѣ беззащитныя женщины, теперь, по слухамъ, идетъ процессъ одного адвоката изъ ссыльныхъ, обвиняемаго въ отравленіи иркутской дамы, своей довѣрительницы. При генералѣ Синельниковѣ повѣшено трое ссыльныхъ бродягъ, изрѣзавшихъ въ Иркутскѣ цѣлое семейство. Но это только преступленія изъ ряду выходящія. Сколько ссыльныхъ вторгается въ семейную жизнь, съ помощью денегъ и связей, сколько обмановъ и неуловимыхъ мошенничествъ — и не перечесть! Ссыльные становятся здѣсь въ главѣ промышленныхъ предпріятій; они играютъ видную роль въ обществѣ, они являются интеллигенціей.

„Несмотря на то, что ссыльные не пользуются у насъ довѣріемъ, они, тѣмъ не менѣе, производятъ на все общество глубоко развращающее вліяніе. Намъ извѣстно, сколько разврата, подъ вліяніемъ нищеты, поселили ссыльные въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ частнымъ золотымъ пріискамъ. Пониженіе нравственнаго уровня города Иркутска, выражающееся въ громадномъ развитіи проституціи, положительно объясняется бѣдностью ссыльныхъ женщинъ; умноженіе преступленій противъ чужой собственности опредѣляется нищетою преступниковъ. Думаютъ, что безъ ссыльныхъ въ Сибири не будетъ рабочихъ рукъ, что упадетъ земледѣліе и не станетъ ремесленниковъ. Мы знаемъ,

что земледѣльцемъ дѣлается изъ ссыльныхъ развѣ одинъ изъ ста, да и то едва ли. Съ открытіемъ ремесленныхъ школъ, намъ рабочіе изъ ссыльныхъ вовсе не понадобятся. А если понадобятся труженики на пріиски и на фабрики, то только кликните кличъ— и цѣлыя артели явятся изъ европейскихъ губерній, какъ теперь они являются отовсюду даже на амурскіе пріиски, какъ свидѣтельствуютъ факты. Ссылка сдѣлала то, что Сибирь стала неудобо-обитаемою для самихъ сибиряковъ и они бѣгутъ изъ нея безъ оглядки".

Указанія эти и отзывы, слышащіеся изъ самой Сибири, не могутъ теперь уже не заслужить нѣкотораго вниманія, въ виду подтверждающихъ фактовъ уголовной статистики и общаго положенія ссыльныхъ. Они показываютъ, что мнѣніе о нравственномъ и морализующемъ значеніи нашей ссылки въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она проявляется, миновало и должно утратить свое значеніе.

Въ заключеніе нашего очерка остается сдѣлать небольшія соображенія, во что обходится ссылка государству и мѣстному населенію, чтобы имѣть понятіе о выгодности и дешевизнѣ этого наказанія.

Какъ за-границей, такъ и у насъ утвердилось мнѣніе, что ссылка, какъ наказаніе, представляетъ необыкновенно удобный и дешевый способъ избавляться отъ преступниковъ. Выгоды его основывались обыкновенно на томъ, что государству чрезвычайно мало стóитъ переправа преступника въ другую мѣстность, и затѣмъ оно слагаетъ уже всякія заботы о немъ съ себя, предоставляя его собственнымъ силамъ. Дешевизна эта обусловливается вообще прежнимъ воззрѣніемъ на наказаніе и на личность преступника. Самый дешевый способъ отдѣлаться отъ преступника былъ, конечно, смертная казнь, которая и практиковалась въ древнѣйшее время. Затѣмъ явились изгнаніе и ссылка. Древнія формы ссылки не отличались особенною заботливостью и попеченіемъ о преступникѣ. Англія перевозила преступниковъ, какъ рабовъ, на корабляхъ и продавала на плантаціи. Наша пѣшеходная гоньба ссыльныхъ, въ прежнее время, также могла считаться дешевымъ наказаніемъ. Ихъ гнали цѣлыми тысячами, связанными цѣпями, какъ стада. Селили, какъ попало, часто въ мѣстностяхъ, гдѣ они тотчасъ же вымирали; такъ, напримѣръ, Чичеринъ погубилъ тысячи ссыльныхъ на болотистой Барабѣ, во время проведенія дороги. Жизнь ссыльнаго мало цѣнилась. Но со временемъ ссылка, однако, требовала все бóльшихъ и бóльшихъ попеченій по приложенію къ ссыльному, и большихъ госу-

дарственныхъ расходовъ, не говоря уже о томъ, что дешевизна наказанія никогда не говорила за его совершенство.

При защитѣ ссылки, какъ наказанія, въ современныхъ формахъ, и въ доказательство дешевизны его, обыкновенно ссылаются на незначительность расходовъ на нее по нашимъ смѣтамъ; но мы позволимъ себѣ здѣсь нѣкоторое выясненіе этихъ цифръ, точно также какъ и укажемъ на болѣе полную оцѣнку стоимости нашей ссылки.

Стоимосиь пересылки для казны въ Сибирь одного арестанта нынѣ выч сляется среднимъ числомъ въ 50 р., принимая снабженіе егот.и одеждою; но здѣсь разумѣются одни путевыя издержки, т.-е. одни кормовыя, притомъ принято препровожденіе только поглавному сибирскому тракту, имѣющему искусственные пути по Волгѣ, Камѣ, и перевозку отъ Перми до Тюмени на подводахъ, что составляетъ только одну вѣтвь пересылки. За-то не принято во вниманіе содержаніе тракта, который хотя и сокращаетъ время на препровожденіе арестанта, но стоитъ довольно дорого, что до сихъ поръ затрудняло введеніе перевозки по другимъ трактамъ. Затѣмъ, не причислено препровожденіе ссыльнаго по пѣшеходному тракту до главнаго сибирскаго и препровожденіе по Сибири пѣшимъ путемъ до мѣста назначенія, что значительно подниметъ содержаніе арестантовъ въ дорогѣ, такъ-какъ 1000 верстъ дѣлается здѣсь въ 68 дней. До Сибири доходитъ арестантъ въ полгода и нерѣдко въ годъ [1]). Ничто ссыльному не препятствовало оставаться въ больницѣ и, наконецъ, за нимъ на казенный счетъ часто слѣдовала и семья. (Съ 1867 г. по 1871 годъ прослѣдовало въ Сибирь за ссыльными 5581 женщина и 12,627 дѣтей). Къ этому надо причислить содержаніе ссыльнаго въ тюрьмѣ, до отправки въ Сибирь и до распредѣленія на мѣстѣ, наконецъ, содержаніе ссыльнаго (въ тюрьмѣ) до весны, вслѣдствіе пріостановки съ 1867 г. зимняго препровожденія. Все это должно возвысить на него издержки. Препровождающія команды также должны войти въ счетъ пересылки, которыя хотя въ числѣ 14,867 нижнихъ чиновъ и употребляются для конвоированія не однихъ ссыльныхъ, а также и пересыльныхъ, но 20-ть командъ съ 1386 чел. конвоя служатъ на главномъ ссыльномъ трактѣ исключительно ссыльной системѣ, точно такъже какъ и другія команды, особенно въ Сибири. Все это увеличиваетъ стоимость пересылки. Уже г. Юферовымъ вычислено было препро-

[1]) Съ 1-го мая по 1-е октября 1874 г. отправлено изъ Тюмени 7644 мужчинъ, женщинъ и дѣтей пѣшимъ порядкомъ.

вожденіе одного арестанта съ издержками въ 142 р., но если присчитать содержаніе его до весны въ центральномъ пунктѣ, стоющее не менѣе 60 руб., разложить расходы на семейства, содержаніе четырехъ экспедицій, инспекторовъ по пересылкѣ и водворенію ссыльнаго, затраты на водвореніе, то цифра эта окажется вдвое, если не втрое болѣе. Дальнѣйшіе матеріальные и нематеріальные убытки отъ ссыльной системы, какъ, напримѣръ, побѣги, содержаніе бродягъ въ тюрьмѣ насчетъ казны цѣлые годы, не подвергаются точному вычисленію, но они тоже не могутъ быть опущены въ общемъ разсчетѣ ссыльной системы. Все это подало поводъ въ послѣдней редакціи записки о тюремной и ссыльной реформѣ, въ комитетѣ тайнаго совѣтника Зубова, при окончательномъ разсмотрѣніи тюремной реформы, дать слѣдующія заключенія: „сибирская ссылка обходится для государства весьма дорого. Расходы на ссыльныхъ въ настоящее время производятся изъ разнообразныхъ источниковъ, какъ-то: изъ суммъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, изъ государственнаго казначейства, изъ тюремнаго капитала, капитала министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ государственнаго земскаго сбора, изъ городскихъ доходовъ, изъ суммъ приказа о ссыльныхъ, а значительная часть ихъ отбывается, кромѣ того, сибирскими жителями въ видѣ натуральной повинности. Если стоимость ссылки опредѣлять тѣми только расходами, которые производятся изъ суммъ государственныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то дешевизна ея въ сравненіи съ другими мѣрами наказанія стояла бы внѣ всякаго сомнѣнія. Однако государственнымъ расходомъ слѣдуетъ признать не только тотъ, который заносится въ смѣты министерства финансовъ, но и всѣ другіе расходы на общія цѣли, производимые жителями въ видѣ денежной или натуральной повинности. Разъ признавъ эту безспорную истину, необходимо согласиться, что сибирская ссылка—мѣра въ высшей степени дорого стоющая для государства. Одна пересылка арестантовъ въ предѣлахъ европейской Россіи, несмотря на послѣдовавшія по этой части улучшенія и достигнутую экономію, обошлась въ 1869 г. въ 5,778,000 руб., не считая расходовъ на содержаніе управленій центральныхъ и губернскихъ. Общее число всѣхъ пересылаемыхъ въ европейской Россіи арестантовъ доходитъ до 120,000, такъ что пересылка одного человѣка обходится въ 49 р.; изъ этого числа пересылаемыхъ по распоряженіямъ судебныхъ мѣстъ 12,000 человѣкъ, остальные же пересылаются обыкновенно на весьма незначительныя разстоянія, иногда лишь изъ одного уѣзда въ другой той же губерніи, такъ что стоимость пересылки не меньше 200

руб. Въ Сибири передвиженіе арестантовъ составляетъ натуральную повинность жителей; если даже расходы на передвиженіе тамъ вдвое меньше, чѣмъ въ европейской Россіи, то окажется, что средняя стоимость передвиженія одного арестанта до мѣста ссылки обходится въ 300 рублей серебр., т.-е. расходы, употребляемые теперь на передвиженіе одного арестанта до мѣста ссылки, были бы достаточны для содержанія его по меньшей мѣрѣ въ теченіе 4 лѣтъ въ самой дорогой тюрьмѣ европейской Россіи. Принявъ же во вниманіе, что значительное число тяжкихъ преступниковъ, вслѣдствіе побѣговъ, ссылаются въ Сибирь по два раза и болѣе, даже до 16 разъ, окажется, что издержки на пересылку каждаго арестанта должны быть приняты въ большихъ еще размѣрахъ. Этимъ серьёзнымъ расходомъ далеко не заканчиваются издержки, которыя необходимо затратить на ссыльнопоселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ. Постройка тюремъ и ремонтъ ихъ требуетъ громадныхъ текущихъ расходовъ, несмотря на ихъ неудовлетворительное состояніе. Содержаніе всѣхъ ссыльныхъ, которые, вслѣдствіе болѣзней и дряхлости, впадутъ въ невозможность поддерживать свое существованіе, ложится на мѣстное населеніе; и такъ какъ болѣзни, вслѣдствіе изнуреній въ пути, бродяжества и неправильной жизни въ острогахъ, между ссыльными весьма часты, то понятно, до какой степени тяжела для мѣстныхъ жителей эта обязанность. Содержаніе же ссыльно-каторжныхъ въ тюрьмахъ всецѣло ложится на государство и, какъ показалъ долговременный опытъ, отнюдь не окупается производимыми работами. Ко всему вышеизложенному слѣдуетъ еще прибавить, что сравнительная незначительность суммы, расходуемой въ настоящее время на отправленіе карательной ссылки, объясняется лишь тѣмъ, что правительство уклонялось отъ дорого стоющихъ мѣръ, которыя были бы необходимы для правильнаго ея отправленія. Число должностныхъ лицъ, имѣющихъ надзоръ за ссыльными, далеко меньше необходимаго, получаемое ими содержаніе весьма незначительно, ссыльные не имѣютъ школъ, требуемыя закономъ богадѣльни не устроены, даже сибирская стража до того незначительна, что изъ сибирскихъ остроговъ и мѣстъ поселенія не бѣгаетъ почти только тотъ, кто самъ не желаетъ. Словомъ, при существующемъ бюджетѣ не могутъ быть достигнуты ни карательныя, ни охранительныя, ни исправительныя задачи ссылки, и для того, чтобъ поставить ссылку сколько-нибудь удовлетворительно, было бы необходимо произвести громадныя затраты, передъ которыми 10 милліоновъ руб. ежегоднаго расхода представляются ничтожною песчинкою“. Поэтому можно судить,

что издержки на ссылку должны оцѣниваться за одно передвиженіе арестанта по 300 р., слѣд. minimum въ 4.800,000 ежегодно при существующемъ контингентѣ ссыльныхъ. Къ этому должно быть причислено содержаніе этапнаго тракта и военнаго конвоя съ 14,867 ч. нижнихъ чиновъ, содержаніе на пути тюремныхъ замковъ, этаповъ и прочее; наконецъ, подводная повинность, выполняемая населеніемъ, которая должна войти въ счетъ государственныхъ расходовъ [1]). Содержаніе половины пересыльной стражи, по вычисленію г. Лохвицкаго, должно быть не менѣе 2.000,000 и всѣхъ расходовъ на ссылку болѣе 5.000,000 р., а тогда стоимость на арестанта будетъ равняться уже не 300, а 800 руб. [2]). Все это—казнѣ, а сколько еще стоитъ она обществу? Дешевизна ссылки до сихъ поръ тѣмъ и обусловливалась, что значительная часть издержекъ падала непосредственно на общество, въ видѣ особой натуральной повинности. Начиная уже съ того, что государство ссылкою преступника въ другое общество слагало всякую заботу о немъ и предоставляло содержаніе его собственнымъ его силамъ; когда же ссыльный не могъ помочь себѣ, онъ ложился всею тяжестью на общество. Судя потому, въ какомъ неудовлетворительномъ состояніи находится наша ссылка, надо заключить, что это было въ большинствѣ именно такимъ образомъ. Еслибы казна продолжала держать преступника въ тюрьмѣ, она расходовала бы по 74 р. на человѣка. Теперь же обществу приходится содержать ссыльнаго. Принимая даже арестантское содержаніе, на 12,000

---

[1]) До чего доходитъ и какъ годъ отъ году увеличивается содержаніе сибирскихъ замковъ и этаповъ, видно изъ слѣдующихъ свѣдѣній: въ послѣднее время въ иркутской губерніи построено 10 новыхъ этапныхъ тюремъ, предстоитъ еще построить 16; на покрытіе этого расхода исчисленъ капиталъ въ 452,592 р., да въ предшествовавшее трехлѣтіе издержано на тотъ же предметъ 133,500 р. Въ Томскѣ построена центральная пересыльная тюрьма, для избѣжанія крайней тѣсноты, и поглотила значительные капиталы; то же предполагается сдѣлать и въ Красноярскѣ. Въ Томской губерніи возведено 13 этапныхъ зданій, на что въ 1870 и 1871 годахъ ассигновано 44,000 рублей; въ 1870 году на исправленіе томскаго замка ассигновано 19,717 рублей 38 коп., издержано 16,000 руб.; въ 1873 году предположенъ для той же цѣли новый расходъ въ 16,000 рублей, которые, конечно, и употреблены уже по назначенію. Даже въ уѣздныхъ городахъ: Каинскѣ, Барнаулѣ, Бійскѣ и Маріинскѣ, вслѣдствіе тѣсноты тюремныхъ помѣщеній отъ притока бродягъ и пересыльныхъ, оказалось необходимымъ устроить новыя тюрьмы, которыя уже проектированы. Словомъ, расходы на постройку и ремонтъ тюремно-этапныхъ помѣщеній въ Сибири весьма значителенъ и увеличивается съ каждымъ годомъ. См. всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ Сибири за 1871, 1872, и 1873 годы.

[2]) Въ Англіи пересылка арестантовъ обходилась, надо замѣтить, еще дороже, а именно 180 фунт. стерл., то-есть 1080 р.

ежегодно идущихъ ссыльныхъ потребуется 880,000 р. Но весь контингентъ ссылки, проживающій въ Сибири, равняется 202,834 человѣкамъ и на прокормленіе его необходимо 15.009,716 р. Извѣстно, что $^4/_5$ ссыльныхъ не обзаводятся хозяйствомъ и бродяжатъ Богъ знаетъ гдѣ; предполагая однако только половину бродягъ, прокормленіе ссыльныхъ обойдется обществу въ $7^1/_2$ милліоновъ. Вычисленные и признанные 40,000 бродягъ, шатающихся по Сибири, одни стоютъ 2.960,000 р. крестьянству ежегодно. Къ этому необходимо прибавить содержаніе тюремъ городами и мѣстными обществами, добавочные расходы по содержанію этаповъ, подводную повинность для партій, убытки крестьянства и больничные расходы на поселенцевъ, недоимки ихъ, уплачиваемыя населеніемъ, наконецъ, убытки отъ преступленій, совершаемыхъ ссыльными.

Содержаніе тюремъ въ сибирскихъ городахъ падаетъ на мѣстное общество; такъ, по отчетамъ губернаторовъ видно, что тюрьмы содержатся въ Красноярскѣ изъ государственныхъ и земскихъ сборовъ, въ Ачинскѣ, Канскѣ и Минусинскѣ на счетъ городскихъ доходовъ, въ Енисейскѣ же *на счетъ сбора съ жителей*. Подводная повинность ложится значительной тяжестью на крестьянъ. Такъ, по оффиціальному отчету, въ одной енисейской губерніи пересылка и препровожденіе арестантовъ требуетъ ежегодно 5202 человѣка и 5296 подводъ. На сельскія общества ложатся значительныя недоимки за ссыльныхъ, по податямъ, по уплатѣ больничныхъ денегъ за поселенцевъ, приходящіяся по 300—400 р. съ одного сельскаго общества; наконецъ, расходы по содержанію усиленнаго штата волостного правленія, въ виду множества поселенческихъ дѣлъ и переписки о нихъ [1]); такой расходъ доходитъ до 50 к. съ души сверхъ платимыхъ за собственныя надобности. Одинъ уже этотъ расходъ можетъ составить значительную сумму въ сложности. Все это въ совокупности заставляетъ нести мѣстное населеніе, кромѣ содержанія ссыльнаго, цѣлую массу новыхъ налоговъ за него [2]). Замѣтимъ, что вся тяжесть системы падаетъ на одну часть населенія имперіи,

---

[1]) Въ Сибири въ самыхъ малыхъ волостяхъ у волостного писаря по пяти и шести человѣкъ помощниковъ, а въ большинствѣ 10 и 12, съ жалованьемъ отъ 15-ти до 45-ти руб., смотря по мѣсту и дороговизнѣ предметовъ жизни. Въ иркутской губ. расходъ на волостное правленіе равняется 4,500 р. и доходитъ до $74^1/_2$ коп. съ души. Такія волостныя правленія выпускаютъ до 10 и 20,000 исходящихъ №№ въ годъ и $^2/_3$ переписки относятся къ ссыльно-поселенческому управленію.

[2]) Такъ, напримѣръ, нынѣ взыскиваютъ съ обществъ за перевозку бродягъ.

и именно на Сибирь; въ Сибири же по преимуществу на крестьянство. Край такимъ образомъ выполнялъ тюремную повинность по содержанію преступниковъ за цѣлое государство. Если нѣкоторыя лица въ Сибири находили ее выгодною, какъ, напр., золотопромышленники, черпавшіе изъ контингента ссылки свою наемную силу, если привилегированные классы не замѣчали ея, какъ избавленные отъ налоговъ, то крестьянство въ Сибири не могло ею не тяготиться. Уплаты за поселенцевъ, которыхъ общество часто не видало и въ глаза, кромѣ партій, борьба съ бродяжествомъ, постоянныя покражи, поджоги „заимокъ“ (хуторовъ), избушекъ, не могли не подрывать матеріальнаго благосостоянія крестьянъ и не давать себя чувствовать. Крестьянамъ часто предписывалось брать ссыльныхъ въ работники, снабжать ихъ землю присѣвкомъ и проч.; такимъ образомъ въ Сибири пробовали привить систему кабальную, практиковавшую въ Австраліи „assignment system“, но она ничего не давала крестьянамъ, кромѣ убытка, ибо ссыльный просто садился на шею мужика. Поэтому крестьянство сплошь и рядомъ отказывалось отъ пріема ссыльныхъ и выражало протесты противъ приписки ссыльныхъ. Нѣкоторые мѣстные акты свидѣтельствуютъ объ этихъ протестахъ, облеченныхъ въ легальную форму. Напр., въ 1806 г. иркутскій земскій исправникъ Оладьинъ прислалъ верхоленскому коммиссару подробный проектъ о принятіи крестьянами ссыльно-поселенцевъ въ работники, съ условіемъ снабженія ссыльныхъ за работу пищею, одеждою, денежною платою и присѣвками, на что́ крестьяне верхоленскихъ общинъ, въ полномъ своемъ составѣ, отвѣтили слѣдующимъ актомъ, который мы считаемъ необходимымъ привести цѣликомъ: „въ полномъ собраніи народа, въ единогласномъ и твердомъ мнѣніи утвердили, общественнымъ прошеніемъ отказаться отъ предписанія исправника и коммиссара, скромно предпосылая въ то же время своимъ возраженіямъ оговорку, что хотя общество предписаніямъ начальства всегда должно съ крайнимъ усердіемъ повиноваться, но что въ настоящемъ случаѣ, по значительному числу въ крестьянскомъ обществѣ бѣдныхъ крестьянъ, изъ сельскихъ мірскихъ сторожиловъ, нуждающихся въ наемной работѣ у своихъ общинниковъ, по малости запашекъ и присѣвковъ у самихъ крестьянъ, не имѣющихъ силы и могуты распахивать много земли по общей скудости достатковъ у бо́льшей части ихъ, общество ленскихъ крестьянъ никакъ не можетъ согласиться съ предписаніемъ господина исправника о принятіи крестьянами поселенцевъ въ работники съ снабженіемъ ихъ присѣвками на двѣ

десятины и проч. [1])". Обременительность повинностей по содержанію и устройству ссыльныхъ, какъ и по прокормленію дряхлыхъ и старыхъ (процентъ ихъ огроменъ), которые, за неимѣніемъ богадѣленъ, исключительно пропитываются на счетъ сельскихъ обществъ, порождаютъ и до сихъ поръ многочисленныя жалобы сибирскихъ сельскихъ обществъ.

Наиболѣе очевиднымъ свидѣтельствомъ о томъ, какою тяжестью падаетъ ссылка на мѣстныя общества и какой вредъ порождаетъ она, служатъ приговоры мѣщанскихъ городскихъ обществъ, представляемые на имя высшаго начальства съ ходатайствами пріостановить приписку къ нимъ ссыльныхъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ приговоровъ.

Ялуторовское мѣщанское общество, выставляя между прочимъ, что на одного коренного жителя общества приходится по 2 ссыльныхъ (на 263 души приписано 570 ссыльныхъ), жалуется, что послѣдніе ставятъ жителей въ большое затрудненіе и даже раззореніе разными кражами и мошенничествами. При этомъ побудительными причинами такого поведенія ссыльныхъ общество выставляетъ неимѣніе средствъ и заработковъ, почему ссыльные самовольно удаляются „куда либо въ другія мѣстности, откуда за безписьменность препровождаются мѣстными начальствами обратно, другіе же изъ нихъ, по неимѣнію на мѣстѣ работъ, постоянно занимаются разными кражами и мошенничествами, чѣмъ поставляютъ жителей въ крайнее раззореніе"...

Туринское общество, жалуясь также на увеличивающееся причисленіе къ нему ссыльныхъ, причемъ въ городѣ приходится 1 ссыльный на 2-хъ старожиловъ-мѣщанъ, прибавляетъ: „что причисленіе ссыльныхъ къ городу не только не прекращается, но съ каждымъ годомъ увеличивается, такъ что число ссыльныхъ можетъ скоро перевѣсить число старожиловъ, изъ коихъ многіе вынуждены будутъ искать себѣ другихъ, менѣе заселенныхъ такими людьми мѣстъ". И это перечисленіе, говоритъ общество, представляется неизбѣжнымъ впослѣдствіи, особенно для менѣе зажиточныхъ мѣщанъ, такъ какъ за неплатежомъ податей ссыльными, недоимка ложится на общество; „между тѣмъ какъ сами ссыльные, оставаясь въ праздности и безъ всякихъ средствъ къ честному существованію, вдаются въ безпорядочную жизнь, сопровождаемую пьянствомъ, развратомъ, воровствомъ и другими преступленіями, которыя усмотрѣть и предупредить, при боль-

[1]) Извѣстія Сибирск. Отдѣла Импер. Геогр. Общества. Т. VI. № 3, 1875 г. стр. 106.

шомъ скопленіи въ городѣ ссыльныхъ, становится для полиціи почти невозможнымъ".

Тарская дума объясняетъ:—„ссыльные, высланные въ Сибирь изъ внутреннихъ губерній Россіи за преступленія и проступки, а большею частью за дурное поведеніе въ ихъ прежнихъ обществахъ, перенесли сюда праздность, пьянство, мошенничество, развратъ и буйство, а иногда даже грабежи и убійства, въ которыхъ они, какъ люди опытные и находчивые, рѣдко когда по суду изобличаются. При томъ же они своимъ дурнымъ поведеніемъ служатъ соблазномъ для небогатыхъ горожанъ-старожиловъ, въ особенности для молодыхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторымъ уже привились эти пороки".

Ишимская городская дума выражается слѣдующимъ образомъ: „большая часть ихъ (ссыльныхъ), не имѣя средствъ даже на пріобрѣтеніе письменнаго вида, шатается по городу и округу, занимаясь кражами, разбоемъ или испрошеніемъ милостыни, называясь большею частію бродягами, чтобъ тѣмъ болѣе возбудить къ себѣ состраданіе или страхъ; безнравственность ишимскихъ мѣщанъ изъ ссыльныхъ вошла даже въ пословицу, такъ что проѣзжающіе за нѣсколько сотъ верстъ отъ Ишима предупреждаются быть осторожнѣе при проѣздѣ черезъ нашъ городъ".

Наконецъ Курганское мѣщанское общество, принося жалобу на взысканіе съ него издержекъ казны за возвращаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ имперіи отлучившихся самовольно безъ письменныхъ видовъ лицъ, принадлежащихъ къ обществу, находитъ: „что все взысканіе, наложенное на общество, согласно законоположеній, заключается въ пополненіи издержекъ казны за пересылку людей, причисленныхъ къ обществу по волѣ правительства, сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе изъ внутреннихъ губерній Россіи и неимѣющихъ здѣсь не только никакой осѣдлости, но даже вовсе имъ, мѣщанамъ, не извѣстныхъ, которые, прибывая партіями въ Курганъ съ военнымъ карауломъ, почти съ перваго дня своего водворенія, по выдачѣ имъ надлежащихъ видовъ на проживаніе въ городѣ, весьма рѣдко остаются на мѣстѣ нѣсколько дней, пропитываясь первоначально милостыней, и какъ отвыкшіе отъ всякаго честнаго труда, по испорченной своей нравственности и по наклонности и закоренѣлой привычкѣ къ пьянству и праздношатательству, скрываются наконецъ изъ города безъ всякихъ увольнительныхъ видовъ, сначала въ ближайшія селенія подъ видомъ нищихъ и мнимыхъ калѣкъ, уходятъ далѣе, и наконецъ въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи или Сибири задерживаются какъ бродяги и заключаются подъ стражу въ тюрьмы,

гдѣ содержатся по нѣскольку лѣтъ, выдаютъ себя или непомнящими, или подъ другими вымышленными именами, а чаще всего послѣ поимки присылаются на мѣсто причисленія,—опять на счетъ общества, и эта тягостная мѣра взысканій за пересылку неисправимыхъ негодяевъ, выброшенныхъ изъ прежнихъ своихъ обществъ, какъ негодные одонки, становится годъ отъ году для нихъ, мѣщанъ, невыносимою и до крайности раззорительною, какъ падающая на меньшее число членовъ общества, несущихъ притомъ всѣ городскія и общественныя тягости и налоги, на которыхъ въ 10-лѣтній періодъ накопилась недоимка, пополняющаяся раскладкой на старожиловъ-мѣщанъ, составляющихъ 560 душъ, между тѣмъ какъ приписанныхъ къ обществу ссыльныхъ считается около 750 челов., изъ коихъ только 100 маломальски живетъ осѣдло, и то только семейные, также весьма сомнительной нравственности; послѣдніе же 600, въ полномъ смыслѣ бездомные пролетаріи и составляютъ истинный бичъ обществу, ибо, при всей своей испорченности и закоренѣлости въ праздности, пьянствѣ и въ разныхъ мошенничествахъ,—вносятъ свои дурныя правила въ семейства бѣдныхъ старожиловъ-мѣщанъ, развращаютъ молодое поколѣніе, передавая словомъ и дѣломъ всѣ утонченности своей профессіи по части мошенничества, и увлекаютъ во всѣ пороки.... И этихъ то пасынковъ прежнихъ благоустроенныхъ обществъ, выброшенныхъ изъ среды тѣхъ обществъ на ихъ мѣщанскіе слабые плечи, по силѣ закона, они, мѣщане, должны считать своими членами, единственно въ виду того, что они подлежатъ на равнѣ съ мѣщанами платежу мірскихъ сборовъ, на общественныя надобности".

Обративъ вниманіе на эти петиціи, одинъ изъ администраторовъ воскликнулъ: „Нельзя не сознаться, что въ этихъ постановленіяхъ городскихъ обществъ выразился голосъ населенія, вырвавшійся справедливыми жалобами правительству, въ силу многолѣтнихъ, глубокопрочувствованныхъ испытаній и что во всѣхъ протестахъ, при ихъ различныхъ проявленіяхъ, звучитъ одна и та же истина."

Теперь мы можемъ довольно точно оцѣнить, чего стоила Сибири ссылка. Мы указали уже, что значительная часть каторжныхъ должна была содержаться праздно и ей предоставлялось уходить въ бѣга. Что касается поселенцевъ, то всѣ они являлись безъ средствъ, безъ всякой помощи, проклиная новую мѣстность, часто не зная чѣмъ заняться, и, по отзывамъ правительственныхъ ревизій и изслѣдователей, жили „нищенствомъ и преступленіемъ". Весь этотъ контингентъ ссылки бродяжилъ и питался

подаяніемъ на счетъ мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, вся тяжесть ссылки по содержанію преступника падала на бѣднаго сибирскаго землевладѣльца. Крестьяне призрѣвали въ первое время поселенцевъ, отводили имъ избы, кормили ихъ и снабжали подаяніемъ. Если мы представимъ себѣ около 200,000 населенія, постоянно пробивающагося всѣми средствами около туземцевъ, на которыхъ Сибирь должна произвести хлѣбъ, одежду и проч., въ томъ числѣ отъ 30 до 40,000 бродягъ, расхаживающихъ по дорогамъ и питающихся исключительно подаяніемъ и воровствомъ, мы поймемъ тогда, во что это обходилось Сибири. Сверхъ того, мы не считаемъ значительной части повинностей, которыя несетъ крестьянство и страна, какъ послѣдствія ссылки. Для ссыльной системы отъ Урала до Амура построены этапы и въ городахъ обширныя тюрьмы на 1,500 и 2,000 ссыльныхъ, которыя выстроены и содержатся мѣстными обществами и постройка которыхъ обходилась не менѣе 200,000 р. на каждую. Постройка тюремъ годъ отъ году увеличивается и неизвѣстно, каковъ предѣлъ будетъ этимъ увеличивающимся расходамъ. Нечего говорить, что все это не можетъ почесться справедливымъ, ложась на одинъ край. Ссылка создала у насъ одну „колоссальную тюрьму“ изъ цѣлаго края, который несъ всѣ неудобства и тягости ея. Вотъ почему замѣчаніе, что Сибирь несла цѣлые вѣка всѣ грѣхи своей праматери, высказанное кѣмъ-то, не лишено основанія. Мы видимъ, что она несла, кромѣ того, и значительныя матеріальныя пожертвованія и лишенія. Сдѣлавъ въ Сибири стокъ нечистотъ, ссылка породила безчисленные безпорядки и неудобства, легшія всею тяжестью на край. Смѣшавъ громадное населеніе съ ссыльнымъ, она дала полную возможность развитію преступленій, породила два равноправныхъ класса, развила кабалу, содѣйствовала въ краѣ антагонизму сословій, наконецъ, деморализировала неселеніе и извратила жизнь общества, а потому составляетъ нынѣ положительное ярмо и „язву края“, какъ выражаются многіе оффиціальные документы. Гибельныя послѣдствія ссылки дали себя знать такими чувствительными результатами Сибири, что она, какъ увѣряютъ, едвали скоро отъ нихъ оправится. Ссылка задерживала и парализовала жизнь мѣстности и установляла на нее особыя исключительныя воззрѣнія, которыя можно назвать *каторжными:* „обширный край,— прекрасно замѣчаетъ вице-адмиралъ Посьетъ, въ своей запискѣ о ссылкѣ, — пространствомъ въ 2½ раза бо́льшій европейской Россіи, богатства котораго еще недостаточно оцѣнены и изслѣдованы, осужденъ быть мѣстомъ жительства тяжкихъ преступни-

ковъ изъ среды 70 милліоновъ населенія. Мѣра эта имѣла основаніе, когда Сибирь, кончаясь Камчаткой и Охотскимъ моремъ и имѣя за собой пустынный Тихій Океанъ, сама считалась пустынною землею и обитателями имѣла по преимуществу одни дикіе и кочующіе народы. Теперь, когда Тихій Океанъ съ каждымъ днемъ все болѣе обращается въ новое Средиземное море; когда чрезъ пріобрѣтеніе Амурской области Россія придвинулась къ этому морю; когда сопредѣльныя Россіи государства открылись и быстро развиваются, теперь необходимо дать и Сибири возможность вступить на путь развитія, необходимо снять тяготѣющее на ней клеймо „страны преступниковъ“. Постоянная ссылка такихъ людей въ продолженіе двухъ вѣковъ въ страну мало населенную не могла не имѣть развращающаго вліянія на это населеніе. Ссылка служитъ главнымъ основаніемъ жалобъ, въ настоящее время и общества и начальства въ Сибири на недостатокъ людей, заслуживающихъ довѣрія и могущихъ быть употребляемыми съ пользою для края. *Такое состояніе населенія останавливаетъ развитіе страны, составляетъ главную причину общаго равнодушія къ богатой Сибири* и къ ея обитателямъ, хотя, говоря вообще, мало нравственнымъ, но весьма способнымъ. *Страна остается какъ-бы забытою, и вмѣстѣ съ этимъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе отстаетъ отъ сосѣднихъ ей странъ Востока*“. Такимъ образомъ, цѣною ссылки приносилось въ жертву самое существованіе и развитіе нашего Востока.

Всѣ неудобства и тяжести ссылки при настоящихъ условіяхъ приводятъ насъ къ заключенію и неизбѣжному выводу, что стоимость ссылки и затраты, дѣлаемыя на нее казною и обществомъ, не выкупаются ея результатами.

Современное положеніе раскрываетъ самый печальный и растлѣнный бытъ ссыльнаго населенія; ссыльные бѣдствуютъ, и Сибирь, вмѣсто полезныхъ работниковъ, наводнена массою бездомнаго и празднаго пролетаріата. Вмѣсто исправленія, при печальныхъ условіяхъ ссыльнаго быта, наказаніе это даетъ обратные результаты, а именно: испорченность, бродяжничество и преступленія ссыльныхъ.

Вмѣсто огражденія общества путемъ изолированія и перемѣщенія преступника, ссылка у насъ способствовала возвращенію преступниковъ, наконецъ, наводнила Сибирь преступленіями, годъ отъ году увеличивающимися въ невѣроятныхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ цѣлая мѣстность лишилась безопасности, и жизнь Востока представила такія условія, которыя несовмѣстимы съ жизнью какого-либо гражданскаго края.

Въ послѣднее время какъ администрація, такъ и мѣстное общество одинаково сознали неудобства ссылки и ходатайствуютъ объ ея отмѣнѣ и ограниченіи. Таково же мнѣніе всѣхъ Комиссій и законодательныхъ работъ по этому поводу. Зло ссылки неисчислимо. Между прочимъ, ссылка до сихъ поръ служила тормазомъ въ распространеніи на Сибирь общихъ гражданскихъ правъ и искажала самое воззрѣніе на страну и ея развитіе. Необходимость отмѣны ея такимъ образомъ вполнѣ обнаружена временемъ, сознана обществомъ и правительствомъ.

ИСТОРІЯ ЭКСПЛУАТАЦІИ

БОГАТСТВЪ НА ВОСТОКѢ.

VII.

Богатства Сибири и что подъ ними разумѣется. — Естественныя произведенія края.—Открытіе Сибири и вліяніе его на духъ русскаго народа. — Увлеченіе Сибирью.—Слово о немъ. — Поиски за богатствами. — Послѣдовавшія разочарованія.—Исторія эксплуатаціи природы.—Мѣха, золото, земледѣльческіе и скотоводческіе продукты.—Хищническіе способы культуры. — Послѣдствіе этого. — Торговля и промышленность Сибири въ современномъ ея состояніи.

Сибирь съиздавна слыветъ страною „богатою". Пора однако опредѣлить, что разумѣлось подъ именемъ богатствъ Сибири, естественныя ли произведенія природы еще не тронутыя, способность ли къ эксплоатаціи богатствъ, продукты ли и накопленія народнаго труда и средства удовлетворенія, дающія населенію извѣстное довольство и обезпеченіе?

Нетрудно угадать, что въ большинствѣ подъ именемъ богатствъ Сибири, разумѣются прежде всего ея естественныя произведенія и природные запасы, а отсюда уже понятіе о богатствѣ переносится на всё остальное.

Разсматривая топографическія и естественныя условія края, дѣйствительно, мы не можемъ не признать ихъ довольно благопріятными. Естественныя произведенія неорганическаго царства, флора и фауна, раскинутыя на сотни тысячъ квадратныхъ верстъ, представляются громадными запасами для будущаго. Природа Сибири весьма разнообразна. Мы видимъ здѣсь значительныя минеральныя богатства на Уралѣ, въ южныхъ степяхъ, на Алтаѣ, въ Нерчинскомъ Округѣ,на Амурѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Си-

бири разработывается серебро, золото, желѣзо, свинецъ и мѣдь, находятся обширныя залежи каменнаго угля, еще нетронутаго, добывается графитъ, богатѣйшія яшмы, порфиры, мраморъ и т. д. Но еще цѣннѣе изобильные лѣса и земли Сибири, благопріятствующіе культурѣ. По вычисленію г. Богдановича черезъ Уралъ доставляется изъ Сибири до 70.000,000 кил. хлѣба. Алтайскій Округъ сплавляетъ по Оби съ юга Сибири того же хлѣба до 1.000,000 пудовъ.

Въ Сибири приходящіе переселенцы начинаютъ разводить въ значительномъ числѣ ленъ и пеньку, которые со временемъ составятъ здѣсь видную культуру. Скотоводческія произведенія точно также играютъ видную роль при милліонахъ головъ разнаго скота. Г. Латкинъ высчитывалъ, что Сибирь могла бы доставить путемъ вывоза нынѣ до 80.000,000 кил. сала, масла и мяса. Лѣса Сибири съиздавна доставляли дорогихъ звѣрей и пушнину, причемъ добыча соболя считалась десятками тысячъ (въ 1850—43,600 соболей), горностай тоже самое (1860 г.— 56,000 шт.), бѣлка считается милліонами (1870 г.—4.175,010 шт). Кромѣ того до послѣдняго времени вывозятся изъ Сибири шкурки птицъ, идущія даже за границу. Въ Сибири въ два столѣтія добыто 22,000 мамонтовъ. Рыба, добываемая милліонами пудовъ, не имѣетъ только потому сбыта и бросается на мѣстѣ, что не умѣютъ солить и приготовлять ея. Мы не говоримъ о многихъ продуктахъ природы, до которыхъ еще не коснулось производство. Такимъ образомъ обиліе естественныхъ произведеній несомнѣнно. Разъ они существуютъ, естественно они должны обогащать и удовлетворять вполнѣ мѣстныя потребности. Мало того, является вопросъ о сбытѣ и обмѣнѣ произведеніями. Страна не можетъ быть вѣчно замкнутою и изолированною. Внутри и извнѣ пролагаются пути. Западъ ея имѣетъ уже торную дорогу; на Востокѣ, Югѣ и Сѣверѣ, начинаются попытки сношеній съ остальнымъ міромъ Европы и Азіи, причемъ вопросъ идетъ объ экономическомъ значеніи края не для одной имперіи, но и для всемірной торговли. Окружающія моря, огромныя рѣки, колоссальная природа, громадные запасы естественныхъ продуктовъ открываютъ повидимому обширную перспективу въ будущности этой части свѣта и соблазняютъ воображеніе самыми обольстительными мечтами.

Все чаще и чаще въ литературѣ какъ и въ русскихъ ученыхъ и промышленныхъ обществахъ слышатся голоса о необходимости разработки естественныхъ богатствъ Сибири, о возбужденіи производительныхъ силъ ея, особенно въ виду проектовъ соединенія Сибири желѣзными путями съ Россіей и Европы съ Азіей. Съ

открытіями Норденшельда и Вигенса, въ Швеціи и Англіи появляется цѣлая литература, знакомящая Европу съ Сибирью въ виду изысканій соединенія сибирскихъ рѣкъ и открытія выходовъ изъ замкнутаго громаднаго края. Среди этихъ толковъ, проектовъ и предположеній мы постоянно слышали: „пора открыть реальныя богатства, сокрытыя въ невѣдомой Сибири, пора обратиться къ ихъ разработкѣ; Сибирь—это золотое дно, золотой сундукъ нашъ".

Такимъ образомъ, становится любопытно заглянуть въ этотъ золотой сундукъ и оцѣнить его дѣйствительныя сокровища, посмотрѣть на-сколько мы обладаемъ ими и какъ до сихъ поръ ими пользовались, въ какой степени мы съумѣли овладѣть физическими и естественными условіями богатой страны, чтобъ обратить ихъ въ свою пользу, чтобы развить съ помощію ихъ гражданственность и промышленность, насколько, наконецъ, оказалось у насъ на то нравственныхъ и умственныхъ средствъ. Чтобы отвѣтить на это фактически, болѣе или менѣе вѣскими данными, намъ необходимо обратиться къ исторіи экономической жизни этого края.

Посмотримъ сначала какими результатами сопровождалось завоеваніе богатой Сибири для Россіи. Открытіе новыхъ странъ, а тѣмъ болѣе цѣлыхъ континентовъ, составляетъ обыкновенно эпоху для народовъ; открытіе Сибири, а съ нею и азіатскаго материка, для русскихъ должно бы быть тѣмъ же самымъ, чѣмъ было открытіе Америки для европейцевъ. Извѣстно, что открытіе Америки произвело переворотъ въ европейской культурѣ и промышленности; оно внесло массу свѣдѣній и знаній въ старый европейскій міръ, подвинуло науки, открыло новые пути торговли, наполнило Европу произведеніями новыхъ странъ, перенесло на европейскую почву множество растеній и животныхъ, ввело въ употребленіе въ Европѣ кофе, табакъ, сахаръ, и открыло цѣлый рядъ неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ источниковъ богатства и удобствъ жизни для европейскихъ народовъ. Разнообразные продукты американской природы и закипѣвшей тамъ человѣческой дѣятельности стали прибывать къ портамъ Европы. Въ свою очередь, берега вновь открытаго богатаго и обширнаго континента гостепріимно принимали вытѣсняемыя нуждой и голодомъ массы европейскихъ выходцевъ, вносившихъ въ новую страну энергію мускульнаго и интеллектуальнаго труда. Такимъ образомъ, обмѣнъ сношеній и взаимныхъ услугъ увеличился и благосостояніе человѣчества удвоилось. Тамими же явленіями, повидимому, должны были бы сопровождаться и наши открытія новыхъ странъ. Дѣйствительно, въ первое время наши завоеванія въ Сибири и Азіи

не могли не дать возбуждающаго толчка русской предпріимчивости и колонизаціонному движенію русскаго населенія.

Вслѣдъ за географическими открытіями не могъ не интересовать русскихъ новый отмѣнный видъ сибирской природы, болѣе величественный и разнообразный, чѣмъ общій видъ великорусской равнины, обиліе различныхъ естественныхъ произведеній, разнообразіе сибирской флоры, фауны и минеральныхъ продуктовъ; все это возбуждало пытливость, энергію къ развѣдкамъ и къ изысканію богатствъ природы. Послѣ Ермака сотни и тысячи русскихъ людей, служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ, а также гулящихъ молодцевъ и ушкуйниковъ, бросаются въ новый край искать счастія, наживы и обогащенія. Минеральныя богатства Сибири были до того заманчивы и привлекательны для предпріимчивыхъ и любознательныхъ людей, что многіе пустились въ Сибирь разыскивать не только золотую, серебряную, мѣдную и желѣзную руду, но и драгоцѣнные камни, минеральные продукты, какъ, напримѣръ, сѣру, слюду и проч.

Вслѣдствіе открытія минеральныхъ богатствъ въ Сибири, во всѣ сибирскіе города, ко всѣмъ воеводамъ постоянно присылались указы или граматы о пріисканіи рудъ и дорогихъ каменьевъ „со всякимъ радѣніемъ“, точно такъже какъ велѣно было разспрашивать всѣхъ сибирскихъ инородцевъ о мѣстонахожденіяхъ золотыхъ, серебряныхъ и другихъ рудъ. Въ то же время составлялись замѣтки о птицахъ и звѣряхъ, водившихся на островахъ и невѣдомыхъ рѣкахъ Сибири; но болѣе всего въ дѣлѣ промысловъ обратилъ на себя вниманіе соболь; его предписывалось ловить и доставлять въ царскую казну. Изъ птицъ явился запросъ на сибирскихъ кречетовъ и соколовъ; русскіе обращали вниманіе и на цѣнныя растенія; служилые и промышленные люди отыскивали въ Сибири ревень и открыли естественное его мѣсторожденіе; разыскивались лекарственныя травы и сборъ ихъ предписывался царской граматой въ 1675 году. Вообще сибирская природа представляла много новаго, рѣдкаго и удивительнаго. Богатства казались неисчерпаемыми и возбуждали жадность пришлыхъ людей. Но въ этомъ стремленіи къ открытію естественныхъ богатствъ, къ овладѣнію ими не было ни системы, ни умѣнья, ни знанія. Вмѣсто того, чтобы самимъ разыскивать и анализировать руды при помощи минералогіи, пришлые люди разспрашиваютъ только инородцевъ, просятъ у нихъ указаній, а воеводы ограничиваются тѣмъ, что велятъ „кликать кличъ бирючамъ, по многіе дни, кто вѣдаетъ по рѣкамъ золотую, серебряную и мѣдную руду и слюдяныя горы, и они-бы, приходя

въ съѣзжую избу, сказывали мнѣ холопу твоему", пишетъ царю енисейскій воевода въ 1660 году. Свѣдѣнія о золотѣ, серебрѣ и цѣнныхъ камняхъ Сибири землепроходцу Ерофею Хабарову сообщила, напримѣръ, даурская женщина, Мазалчанъ. Такимъ образомъ, не русскіе, а инородцы руководили многими открытіями. До послѣдняго времени сибирскіе золотопромышленники обязаны были открытіемъ золота не наукѣ и не собственнымъ знаніямъ, а тунгусамъ, къ которымъ они постоянно прибѣгаютъ. Въ горномъ Алтаѣ руды отысканы по древнимъ чудскимъ копямъ. Ясно, что русскій человѣкъ шелъ ощупью въ этомъ новомъ для него мірѣ. Несмотря на то, что русскіе старались отыскать золото съ начала открытія Сибири, что въ этомъ было заинтересовано правительство, воеводы и множество частныхъ лицъ, золото въ розсыпяхъ было открыто только въ сороковыхъ годахъ, т.-е. черезъ 250 лѣтъ послѣ поисковъ и порываній. Еще менѣе заботились русскіе о животныхъ и звѣряхъ, составлявшихъ источникъ сибирскаго богатства; такъ они преслѣдовали соболя съ дрекольями и дубинами, били его коромыслами около жилищъ, истребляли тысячами и милліонами, но никто не позаботился изучить и описать его нравы. Когда онъ теперь почти истребленъ въ Сибири, о немъ не сохранилось никакого научнаго изслѣдованія. Точно то же надо сказать и объ оленѣ. Имѣя огромное культурное и хозяйственное значеніе въ жизни сибирскихъ инородцевъ, онъ остался внѣ всякаго научнаго изслѣдованія. Мы не умѣли акклиматизировать животныхъ, развести козъ и лучшія породы овецъ; маралъ (благородный олень) легко приручается; рога его стоятъ до 100 рублей, если продать ихъ въ Китай, а мы и не думали сдѣлать его домашнимъ и только теперь начались подобныя попытки въ Алтаѣ [1]). Хлѣбопашество развивалось чрезвычайно туго въ Сибири; табакъ долго не разводили, хотя онъ превосходно родится на югѣ. Изъ послѣднихъ опытовъ видно, что въ Сибири могли акклиматизироваться вишня и яблонь, но вишня осталась только какъ-то случайно въ одномъ уголкѣ западной Сибири. Русскіе не могли акклиматизировать въ Сибири дуба, это полезнѣйшее и драгоцѣнное дерево; липу точно также не разво-

[1]) Прирученіе марала началось на югѣ Сибири лишь въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда онъ былъ въ большей части Сибири уничтоженъ. Преслѣдованія его и истребленіе продолжается. Домашнихъ мараловъ въ Алтаѣ въ 1878 г. насчитывалось всего 139 самцовъ, 54 самки и 26 подростковъ (см. Зап. Запад. Сибирс. Отдѣл. Географ. Общества Кн. I изд. 1879 г. Свѣдѣнія о Мараловодствѣ. Ядринцева).

дили, хотя и есть положительное доказательство, что она здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимается; самый ревень, о которомъ было столько хлопотъ и который возбудилъ вопросъ и указы сената о его разведеніи, прекрасно произрасталъ въ московскомъ аптекарскомъ саду, по отзыву Палласа, а между тѣмъ разведеніе его не обратило на себя вниманія въ его собственномъ отечествѣ. При такой скудости знанія, при общемъ невѣжествѣ конечно, трудно было воспользоваться природою и ея произведеніями. Чтобъ умѣть открывать или находить богатства природы, нужны были знающіе люди, а изъ Сибири доносили, что „отъ тамошняго націона и изъ русскихъ людей вспомогателей, способныхъ къ отысканію всякихъ раритетовъ, не обрѣтается“; или Иванъ Власовъ извѣщаетъ царя въ 1680 году: „а прислалъ онъ, Трошка, чистыя руды пять фунтовъ и того синяго камени уломокъ, которымъ та руда обыскана, а какая та руда и краска, въ какое дѣло годитца-ль, того мнѣ, холопу твоему, не по чемъ, потому что въ Селенгинскомъ, Баргузинскомъ и Иркутскомъ рудознатныхъ мастеровъ и красильщиковъ нѣтъ“.

Изъ всего этого очевидно, какъ слабы были наши интеллектуальныя средства и знанія во время покоренія Сибири. Не человѣкъ являлся здѣсь господиномъ природы, а природа господствовала и подавляла его. Открытія шли наудачу и случайно; самая мѣстность узнавалась ощупью. Это подало поводъ къ слѣдующему приговору историка: „Сибирская природа, или естественная экономія возбудила, съ одной стороны, въ русскихъ умахъ естествопознавательную любознательность и промышленную пытливость, а съ другой стороны обнаружила умственное безсиліе русскаго народа въ борьбѣ съ природой и въ пользованіи ея произведеніями. Русскимъ не доставало, во-первыхъ, основательнаго изученія и знанія естественныхъ и антропологическихъ наукъ, во-вторыхъ, призыва на помощь слабосильнымъ, неразвитымъ русскимъ умамъ могучихъ и несравненно болѣе развитыхъ умовъ европейскихъ. Открытіе новой громадной области, какъ Сибирь, возбудивъ русскіе умы, въ то же время какъ нельзя болѣе ясно обнаружило и умственную импотенцію русскаго народа“ (Щаповъ, „Извл. геогр. общ.“., т. IV, № 2, стр. 81).

То же самое отразилось въ промышленной и культурной жизни этого края. Разсматривая промышленную дѣятельность Сибири въ первое время, мы видимъ какъ-будто одушевленіе и энергію; русскій народъ, кинувшись изъ-за Урала, становится предпріимчивымъ, его охватываетъ исканіе, жажда богатствъ. Новый край съ его огромными лѣсами, въ которыхъ такъ много

было рѣдкихъ звѣрей, съ величайшими въ мірѣ рѣками, полными рыбъ, съ величественными горами, съ сокрытыми въ нихъ минералами,—все это вызывало на новый трудъ, на новыя изысканія. Кромѣ того, по историческимъ обстоятельствамъ, русскій человѣкъ въ первый разъ на сибирской почвѣ почуялъ волю и отдался необузданной свободѣ. Крѣпостной рабъ, кабальный, подневольный человѣкъ ищетъ въ новыхъ мѣстахъ убѣжища и отдается поискамъ впервые за личнымъ счастіемъ и богатствомъ. Въ это время Сибирь представляетъ оживленную картину: на сѣверѣ казаки плывутъ на стругахъ и покоряютъ инородцевъ; они разсылаютъ отряды въ разныя стороны и строятъ городки и „остроги“ (т. е. крѣпости); за ними слѣдуютъ промышленные люди и соболевщики; иногда охотники и звѣровщики разсыпаются далеко впереди покоренныхъ мѣстностей по невѣдомымъ пустынямъ, ставятъ промышленныя избушки и блокгаузы; въ одномъ мѣстѣ собираютъ ясакъ, въ другомъ—выбиваютъ и преслѣдуютъ звѣря, отыскиваютъ руды и мамонтовую кость, отбиваютъ или мѣняютъ скотъ у инородцевъ; создается цѣлый промыселъ хмѣлеванья, организуются соболиныя и рыбныя артели, являются бугровщики, т. е. раскапыватели кургановъ для отыскиванія въ нихъ драгоцѣнностей. Правительство и частныя лица соперничаютъ въ захватѣ богатствъ, и казна, подъ конецъ, налагаетъ широкую руку монополіи на всякое открытіе, на всякій цѣнный промыселъ. Народъ въ Сибири подъ вліяніемъ поисковъ за богатствами преобразился въ бродячихъ и кочующихъ авантюристовъ, такъ-что государству и правительству впослѣдствіи предстояло много труда и усилій прикрѣпить его къ мѣсту. Когда правительство старалось устроить ямы или ямщицкія поселенія, создать заводскихъ крестьянъ, распространить хлѣбопашество, ему долго не удавалось привести въ исполненіе свой планъ. Народъ по-прежнему разбредался искать промысловъ въ лѣсахъ;—жизнь безъ контроля и опеки понравилась русскому человѣку; онъ грезилъ новыми, баснословными богатствами, создавалъ мифическія страны, то на островахъ Ледовитаго океана, то въ южныхъ степяхъ Сибири. Такъ основывались каменьщики въ Алтаѣ, бѣловодье на Енисеѣ и много другихъ раскольничьихъ поселеній. Регламентація не удавалась въ Сибири, указы и распоряженія воеводъ были безсильны передъ духомъ свободнаго движенія. Въ продолженіе всего XVII вѣка происходитъ ловля народа по Сибири и прикрѣпленіе его насильственнымъ образомъ. Въ это время случаются странныя превращенія: одинъ казенный человѣкъ, посланный съ порученіемъ въ шульбинскій заводъ, воз-

вращаясь назадъ, обольстился соболинымъ промысломъ, да такъ и засѣлъ въ лѣсу, гдѣ его берутъ, какъ бѣглаго, и наказываютъ плетьми. Другой крестьянинъ колывано-воскресенскаго завода проводитъ десять лѣтъ одиноко въ лѣсахъ, на промыслѣ, конечно, и не думая о паспортѣ, а когда возвращается, то его признаютъ за бѣглаго (Акты и матеріалы для исторіи Сибири, изд. моск. общ. ист. и древн.). Наконецъ, для прикрѣпленія бродячаго люда власти предписываютъ крестьянамъ не отлучаться изъ дома и *ночевать* у себя. Но народъ, несмотря ни на какія предписанія, шелъ и разбрасывался по всѣмъ мѣстностямъ Сибири. Въ горы и пустыни его тянула безотчетная страсть; къ плодороднымъ полямъ и обильнымъ рѣкамъ его привлекалъ промыселъ и земледѣліе. Дѣвственный край возбуждалъ корысть и промышленный инстинктъ. Правительство также сознавало, что богатый край можетъ быть предметомъ его эксплоатаціи. Московская казна тщательно собираетъ и сосредоточиваетъ въ рукахъ своихъ пушныя и звѣриныя богатства. Петръ Великій обращаетъ вниманіе на Сибирь и пытается положить здѣсь начало горнымъ промысламъ. Съ этого времени создаются казенные заводы и приписываются къ нимъ крестьяне. Впослѣдствіи начинается торговля съ Китаемъ и Бухарой. Екатерина II обращаетъ особенное вниманіе на бухарскую торговлю и покровительствуетъ ей. Со временъ Петра мы уже начинаемъ думать о проложеніи пути въ Индію. На Восточномъ океанѣ возникаютъ морскіе промыслы и, наконецъ, цѣлыя русско-американскія владѣнія съ ихъ компаніей. Мы мечтаемъ о флотахъ, географическіе и промышленные горизонты наши все болѣе и болѣе расширяются; подъ вліяніемъ этихъ плановъ Сибирь получаетъ особенное значеніе въ глазахъ правительства и русскаго общества. Даже при Александрѣ I продолжаютъ составляться разные проекты о заселеніи и устройствѣ Сибири: мы думаемъ разводить кашмирскихъ козъ на югѣ Сибири, а русскіе министры восторженнымъ тономъ XVIII вѣка называли ее „Перу и Мексикой нашей“. „Сибирь — золотое дно!“ — дѣлается пословицей и всенародной поговоркой. Миллеръ составляетъ въ то же время обширное описаніе о торгахъ сибирскихъ и пророчитъ огромную будущность этому краю. Дѣйствительно, по этимъ описаніямъ видно, что дѣвственныя богатства въ Сибири того времени были изумительныя. Жители около Якутска еще во времена Миллера помнили, какъ около жилищъ били соболей. На промышленника, ходившаго въ артели, приходилось по семи сороковъ соболей. На островахъ промыслы были еще богаче: въ 1760 году на островахъ Вос-

точнаго океана добыто было по 108 бобровъ на каждаго работника, а по 50 и 60 добывалось въ обыкновенное время. Точно такое же было изобиліе лисицъ, бѣлокъ, рысей, мараловъ, оленей, дикихъ козъ и всякаго другого звѣря. Въ 1754 году, пишетъ авторъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій", — въ одной деревнѣ около Нерчинска, въ 25 верстахъ, артелью изъ 25-ти человѣкъ въ одинъ день загнано было въ огородъ 4,027 дикихъ козъ — такова была добыча. „Рыбные промыслы въ Сибири можно назвать изобильными, пишетъ авторъ „Золотого дна"; хлѣбопашествомъ и скотомъ противу россійскихъ вышеписанныя мѣста несравненно изобилуютъ". Когда началось хлѣбопашество на дѣвственной почвѣ, урожаи были громадные; въ 1755 и 1756 годахъ въ нерчинскомъ округѣ съ посѣва одной мѣры хлѣба сбиралось тридцать двѣ, а двадцать и двадцать пять — постоянно; даже въ неурожайные годы хлѣбъ стоилъ не дороже 10 коп. за пудъ. Обыкновенно ржаная мука продавалась по 4 к. за пудъ. пшеничная—по 7 к., овесъ—по 20 к. четверть. Почва была до такой степени тучная, что удобренія не требовала; земля распахивалась новинами и при малѣйшемъ истощеніи ея земледѣлецъ обращался къ новой. Изобиліе въ лѣсахъ давало возможность пользоваться почти даромъ лѣснымъ матеріяломъ и т. п. По мѣрѣ развитія осѣдлой жизни и земледѣльческаго труда, явились зачатки нѣкоторой культуры. Мало-по-малу въ Сибири, по словамъ Миллера, начинало обзаводиться и собственное производство; въ 1755 году Миллеръ указываетъ на производство юфти въ Сибири, которую выдѣлывали въ Томскѣ, Тюмени и Иркутскѣ. Начинало распространяться и желѣзное производство: „желѣзо стало выходить и изъ Сибири, говоритъ Миллеръ,—и этимъ товаромъ со временемъ можно будетъ снабжать не одну Сибирь, но и обратить его не малое число въ россійскіе и заморскіе торги". Стеклянная посуда также начинала выдѣлываться въ это время, „и симъ товаромъ отъ себя Сибирь довольствоваться будетъ", возлагалъ надежды Миллеръ. Изъ этого видно, что здѣсь существовали даже задатки прочной промышленности. Торговыя сношенія Сибири шли довольно оживленно на сѣверѣ съ Архангельскомъ; завязывались прочныя сношенія съ Бухарой и русскіе приказчики жили въ Джунгаріи; заводились дѣятельныя сношенія съ Китаемъ; все обѣщало, повидимому, видное промышленное и торгове значеніе обширнаго края. Вновь присоединяемыя владѣнія только усиливали его цѣну. Дошедши до Восточнаго океана, открывъ массу острововъ, достигнувъ даже Калифорніи, гдѣ была русская колонія „Россъ", русскіе опять обратились къ южнымъ границамъ

Сибири и начали присоединять степи; въ концѣ XVIII столѣтія примкнула киргизская степь, впослѣдствіи Туркестанъ. Присоединивъ сначала просто огромную пустынную территорію, русскіе лишь постепенно начали сознавать качественность пріобрѣтеній. Въ XVIII столѣтіи и въ половинѣ его, съ появленіемъ образованныхъ людей въ Сибири и путешественниковъ, яснѣе опредѣлилось значеніе и цѣнность пріобрѣтенія Сибири. Какъ только касалось Сибири ученое изслѣдованіе, оно постоянно открывало новые источники богатствъ. „Какой богатый залогъ сокрытъ здѣсь для будущей промышленности! восклицаетъ геологъ Щуровскій при взглядѣ на каменноугольный кузнецкій басейнъ, занимающій площадь въ 40,000 верстъ;—здѣсь находится желѣзная руда, обширные лѣса и величественная судоходная Томь, удобная для сбыта произведеній. Салаиръ—русскій Цинцинати: Салаирскія горы содержатъ золото и серебро; кузнецкій Алатау—золото, каменный уголь и желѣзную руду". „Все это, говоритъ г. Щуровскій, — лежитъ пока въ тунѣ: кузнецкая котловина представляетъ столько выгодъ для Сибири, что въ этомъ случаѣ могутъ соперничать съ нею только Англія, Бельгія и Россія съ своимъ донскимъ басейномъ". Такимъ образомъ, чѣмъ больше знакомились съ этимъ краемъ, чѣмъ глубже входили въ его необъятныя нѣдра, тѣмъ болѣе росла его слава и тѣмъ чаще слышались восторженные отзывы о немъ. Такъ сенаторъ Корниловъ въ 1828 году начинаетъ свое описаніе слѣдующимъ панегирикомъ: „Сибирь, сіе богатое и обширнѣйшее достояніе Россіи, пріобрѣтенное на зарѣ побѣдъ нашихъ и славы, въ вѣкъ великаго Іоанна IV, представляетъ собою такую картину, которая всегда восхититъ истиннаго патріота. Онъ невольно приступитъ къ замѣчаніямъ мѣстныхъ подробностей, отъ коихъ много зависитъ и благоденствіе страны сей, и пользы самой Россіи: ибо Сибирь своими сокровищами, своимъ богатствомъ по всѣмъ тремъ царствамъ природы, со времени пріобрѣтенія имѣла и будетъ имѣть всегда важное на Россію вліяніе, какъ на комерцію, такъ и на внѣшніе и внутренніе обороты оной" („Замѣчанія о Сибири", Корниловъ, 1828 г., стр. 1). Сибирь начинала составлять для насъ такимъ образомъ предметъ патріотической гордости, какъ для британца—его обширныя, могущественныя колоніи. Не было царствованія, въ которое Сибирь не напоминала-бы о себѣ новыми открытіями и подарками: съ Іоанна Грознаго — зевоеваніями и соболемъ; при Петрѣ I—открытіемъ рудниковъ, бухарскимъ золотомъ и торговлей съ Китаемъ; при Екатеринѣ II — бухарской торговлей, присоединеніемъ степей, Камчатки, Американскими владѣніями; при Павлѣ—

мечтами о проходѣ въ Индію; впослѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ — открытіемъ золота; въ пятидесятыхъ — присоединеніемъ Амура, Уссури; въ шестидесятыхъ—средней Азіи, въ семидесятыхъ— Сахалина и т. д. Каждое изъ этихъ открытій и присоединеній порождало новыя мечты и будило мысль о Сибири. Мы создавали тысячи обширныхъ плановъ нашей торговли, обогащенія и могущества въ Азіи, и нашему патріотическому самомнѣнію не было никакихъ границъ.

Но не всегда господствовало время обширныхъ плановъ и прославленія богатствъ Сибири. Весьма часто послѣ временныхъ восторговъ и увлеченій начиналось охлажденіе и разочарованіе. Планы и надежды не всегда осуществлялись и обогащеніе не такъ легко давалось, какъ думали. Мы терпѣли неудачи на южной азіатской границѣ, на путяхъ въ Индію, въ Камчаткѣ и на Восточномъ Океанѣ (припомнимъ леквидацію дѣлъ Русско-Американской компаніи и разочарованіе Амуромъ). Вслѣдъ за этимъ мы также быстро переходили къ другимъ крайностямъ. Горькія обличенія слышались тогда предшествовавшимъ заблужденіямъ. Разочаровываясь въ своей дѣятельности, мы переносили негодованіе на край. Отнимая отъ него всякое экономическое значеніе, обрекали его быть вѣчно мертвою тундрою, пустыней и заброшеннымъ мѣстомъ, пригоднымъ лишь для ссылки и каторжнаго труда. Таковъ, напримѣръ, былъ отзывъ и взглядъ на Сибирь извѣстнаго писателя Герсеванова, доказывавшаго въ 40-хъ годахъ, что Сибирь не имѣетъ никакой будущности и существуетъ на счетъ Россіи, принося скорѣе убытки чѣмъ выгоды [1]). Но это былъ не одинъ взглядъ Герсеванова, это былъ приговоръ многихъ русскихъ людей. Только съ открытія золота снова кредитъ Сибири поднимается, мы снова съ восторгомъ сулимъ ей будущее Калифорніи, а потомъ опять забываемъ. Эти иллюзіи вѣчно преслѣдуютъ несчастную страну.

Но теперь наступило, наконецъ, время провѣрки этихъ восторженныхъ возгласовъ, мы обязаны обратить вниманіе и на другую сторону медали, посмотрѣть поближе, какимъ образомъ шло промышленное и культурное развитіе этого края, и всегда ли онъ имѣлъ то значеніе, какое ему приписывали. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить, что, когда говорили о природѣ и естественныхъ условіяхъ, вездѣ слышалось восторженное отношеніе къ

[1]) «Сибирь, питаясь соками Россіи, сама мало отъ того тучнѣетъ, а отнимаетъ силы у своей кормилицы» Герсевановъ. Отечеств. Записки. 1845 г. О торговомъ значеніи Сибири.

новизнѣ, къ дѣвственности края и богатымъ залогамъ его развитія; когда же обращались къ жизни его, населенію и, особенно, къ его гражданственности, то являлось самое горькое разочарованіе. Соціальная безпомощность этого края, постоянно обозначалась довольно медленнымъ его заселеніемъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія считалось въ Сибири 1.800,000 жителей на 250,000 кв. миль. Русское населеніе среднихъ губерній Сибири не превосходитъ до послѣдняго времени 3.500,000, что на 10,708,000 кв. верстъ представляетъ самое ничтожное заселеніе. Ясно, что Сибирь прежде всего не имѣетъ достаточно рукъ для обработки своихъ произведеній.

Что касается способовъ разработки естественныхъ богатствъ Сибири, то мы не только не обогатились здѣсь, не только не положили основанія прочной промышленности, а, напротивъ, умалили и истощили производительность края. Причиной этого являются тѣ способы эксплуатаціи, какіе мы прилагали къ нему: вся промышленная дѣятельность Сибири была сосредоточена въ первое время на расхищеніи естественныхъ богатствъ и запасовъ природы. Расхищалось все самымъ непредусмотрительнымъ образомъ. Набросились мы на соболя и дорогихъ звѣрей и быстро уничтожили ихъ; звѣрь началъ удаляться съ запада на востокъ и въ половинѣ прошлаго столѣтія его почти не было уже въ западной Сибири; въ началѣ настоящаго столѣтія мы встрѣчаемъ жалобы, что уловъ его уменьшается даже въ тѣхъ сокровенныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ еще оставался. Г. Щукинъ въ „Путешествіи“ своемъ въ Якутскъ представляетъ доказательства убыли звѣря уже въ 30-хъ годахъ; такъ, соболей въ 1825 году было въ продажѣ 18,000, а въ 1830 году было только 6,000; лисицъ, вмѣсто 14,000 было — 7,400; песцовъ вмѣсто 18,000—9,000. Г. Кривошапкинъ въ своей книгѣ, описаніи енисейскаго округа, замѣчаетъ, что количество звѣря въ енисейской губерніи, особенно въ Туруханскомъ краѣ, значительно уменьшилось: такъ въ 1825 г. изъ Туруханскаго края было вывезено 28,000 штукъ соболей, 140,000 песцовъ и 300,000 бѣлокъ. Изъ таблицы за пятнадцать лѣтъ о количествѣ звѣриныхъ шкуръ, поступающихъ въ ясакъ и въ продажу торгующимъ лицамъ енисейскаго округа отъ инородцевъ, видно, что въ 1846 и въ 1847 гг. соболей поступало на пятнадцать и девятнадцать тысячъ рублей; въ 1850 году съ трехъ округовъ поступило даже на 35,000, а въ слѣдующіе года поступленіе цѣнилось только сотнями рублей. („Енисейскій округъ“, Кривошапкинъ, стр. 19, 23 и приложеніе 1-е). Вообще замѣчается, что въ Сибири сильно уменьшаются соболь,

песецъ и олень, за-то какъ-бы увеличиваются хищные звѣри, медвѣди, волки, барсуки и рыси. (Кривошапкинъ, стр. 23). Изъ этого видно, что въ Сибири происходитъ обратное движеніе культурному порядку: хищные звѣри прибываютъ, а полезные убываютъ. Такъ, напримѣръ, бѣлка исчезаетъ отъ недостатка питанія, вслѣдствіе выжиганія лѣсовъ. Пожары, истребляющіе лѣса въ Сибири, вообще громадны: они занимаютъ тысячеверстное пространство. Причиной же размноженія хищныхъ звѣрей выставляется слѣдующее довольно замѣчательное объясненіе: „Опустошеніе и погибель большинства инородцевъ сперва гнилою горячкою, а въ 1850 и въ 1851 годахъ — оспою, было до того сильно, что валялось всюду по лѣсамъ много труповъ, которые привлекали хищныхъ звѣрей, въ родѣ медвѣдя, росомахъ и волковъ, отъ алчности которыхъ бѣжали дальше лучшіе звѣри“ (Кривошапкинъ, стр. 19). Это оригинальное объясненіе бросаетъ отчасти свѣтъ вообще на страшную безпомощность края.

Истощеніе звѣроловства, конечно, должно было неблагопріятно отразиться на благосостояніи сибирскаго населенія. Въ половинѣ прошлаго столѣтія енисейскій депутатъ Самойловъ, въ коммисіи уложенія, при Екатеринѣ II, говорилъ о звѣроловствѣ, какъ объ основномъ предметѣ торговли; всѣ мѣстные капиталы были заняты имъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ одинъ Китай сбывалось изъ Сибири до 8 милліоновъ бѣличьихъ шкуръ; въ 1836 году было вывезено только 4 милліона; въ 1837 г.—2.900,000. Сбытъ бѣлки въ пятидесятыхъ годахъ на нижегородскую ярмарку не превышалъ трехъ милліоновъ. Въ результатѣ—какъ мы ни охраняли мѣховую торговлю казенными монополіями и запрещеніями сбыта мѣховъ за-границу,—цѣнный звѣрь былъ все-таки истребленъ. Въ послѣднее время такая же мѣра употреблена была относительно Амура: вывозъ пушныхъ богатствъ былъ запрещаемъ за-границу; но въ С.-Франциско образовались цѣлые торговые дома, занимавшіеся торговлею русскими мѣхами съ Амура.

Въ 1850 г. еще на Ирбитскую ярмарку привозилось до 108,000 шт. горностаевъ и 43,600 соболей, въ 1860 г. только 56,000 первыхъ и 16,200 вторыхъ, въ 1870 году еще менѣе: 24,000 горностаевъ и 5,150 соболей. До чего пала мѣховая торговля въ Россіи видно, что въ 1874 г. вывезено изъ Россіи мѣховъ на 2.250,000 руб., а привезено изъ за-границы на 6.000,000 руб. Академикъ Беръ доказывалъ еще въ 1838 г., что торговля свиной щетиной будетъ выгоднѣе для Россіи, чѣмъ пушной товаръ, и это вполнѣ подтвердилось.

Съ тою-же жадностію, съ какой пришлые люди накинулись на звѣроловство, они сначала набросились-было и на горные промыслы. Сколько усилій было употреблено въ прошломъ столѣтіи на розысканіе горныхъ богатствъ! Изъ звѣроловческой колоніи мы вдругъ захотѣли сдѣлать Сибирь горнозаводской. Подъ вліяніемъ этой маніи тысячи крестьянъ на югѣ Сибири были приписаны къ казеннымъ заводамъ. Это были своего рода крѣпостные до 19 февраля, обязанные тяжкой повинностью доставлять руду, обжигать уголь и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сибирская администрація старалась развить и поднять горное и рудничное производство посредствомъ дарового и подневольнаго труда преступниковъ. Желѣзныя руды, дѣйствительно, представляли неистощимое богатство въ Сибири, но какихъ результатовъ достигъ этотъ подневольный трудъ? Несмотря на всѣ искусственныя мѣры, на всѣ усилія, горнозаводская промышленность находилась въ плачевномъ состояніи и Сибирь продовольствовалась металлическими произведеніями Урала, изъ той же Европейской Россіи. Общая цѣнность годовой добычи всѣхъ металловъ равнялась для Россіи въ сороковыхъ годахъ 55.000,000 р.; при этомъ съ заводовъ Уральскаго хребта получалось 45.000,000 р., а съ сибирскихъ колывано-воскресенскихъ заводовъ около 5 милліоновъ, и, наконецъ, съ нерчинскихъ—2 милліона рублей. Всего-же добывалось въ Сибири не болѣе, какъ на восемь милліоновъ рублей:—цифра ничтожная въ общей массѣ производства. Нерчинскіе и колывано-воскресенскіе заводы, поддерживаемые правительствомъ со времени Петра, стоившіе ему милліонныхъ затратъ, подъ конецъ приносили казнѣ только убытки. Упадокъ алтайскихъ заводовъ доказывается нынѣ уменьшеніемъ добычи металловъ. Въ 1851 г., по свѣденіямъ Гагемейстера (Историч. Статист. Обозрѣніе) въ алтайскомъ горномъ округѣ добывалось до 40 пуд. серебристаго золота, 22,152 золотистаго серебра и 250,075 пуд. мѣди. Нынѣ паденіе производительности рисуется слѣдующими цифрами:

	ЗОЛОТА				СЕРЕБРА			СВИНЦА		МѢДИ		ЧУГУНА	
Года:	п.	ф.	з.	д.	п.	ф.	з.	п.	ф.	п.	ф.	п.	ф.
1871	18	19	—	21	845	36	32	61,198	31	32,953	28	14,070	—
1872	19	32	7	—	682	14	28	51,445	18	25,737	29	35,675	20
1873	29	6	78	85	611	6	15	30,627	7	38.516	32	51,858	20
1874	29	29	64	58	608	26	66	35,255	11	42,036	14	30,000	—
1875	33	10	88	63	593	15	59	40,085	20	39,590	21	30,000	—
1876	11	8	52	42	616	15	93	30,497	—	32,645	—	30,000	—
1877	11	24	95	84	616	—	53	30,476	—	28,700	—	30,000	—
1878	10	32	—	—	613	3	—	59,388	20	26,678	—	17,174	—
1879	29	25	12	—	561	32	—	28,290	7	28,690	—	36,000	—

Статистическій Обзоръ о состояніи Западной Сибири съ 1874 по 1878 годъ, приложенный къ Западно-Сибирскому Адресъ-Календарю на 1879 г., составленному на основаніи оффиціальныхъ отчетовъ, свидѣтельствуетъ то же. „Казенная предпріимчивость по разработкѣ золота, говоритъ упомянутое обозрѣніе, въ Западной Сибири идетъ не особенно быстро впередъ. На Алтайскихъ горныхъ заводахъ она въ послѣдніе два года уменьшилась съ 33 пудовъ на 11, т.-е. на 300%; добыча серебра понизилась на 35%. За-то сравнивая частную золотопромышленность, видно ея превосходство. Въ Томской губерніи намыто на промыслахъ въ 7 лѣтъ 857 пуд. 2 фун. 16 зол., по 122 пуда въ годъ. По всей же Западной Сибири намыто на частныхъ промыслахъ золота въ теченіи 7 лѣтъ 911 пуд. 33 фун. 66 золот. 75 долей. Слѣдовательно частные промыслы дали въ 6 разъ болѣе въ сравненіи съ казенными заводами". Уменьшеніе горной и заводской производительности въ Алтаѣ обнаружилось въ закрытіи нѣкоторыхъ заводовъ, какъ Томскаго, на сокращеніи работъ въ Змѣиногорскомъ рудникѣ и уменьшеніи добычи рудъ въ Зыряновскомъ рудникѣ, а именно: въ 1864 году здѣсь добывалось 1.267,000 пудовъ рудъ и 1283 пуда серебра; въ 1878 году рудъ 740,000 пудовъ и серебра 518 пудовъ. Доказанный и обнаруженный нераціональный способъ казеннаго хозяйства въ Алтаѣ, сопряженный съ значительными злоупотребленіями вызываетъ нынѣ необходимость передачи заводовъ и разработку металловъ въ частныя руки. Что касается частной желѣзной производительности, которая начала прививаться въ енисейской губерніи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, она пала отъ ударовъ, нанесенныхъ ей золотопромышленностію. „Некогда было думать о желѣзѣ, всю дѣятельность поглотило золото", говоритъ г. Щуровскій. Въ настоящее время въ Восточной Сибири опять возникаетъ частное желѣзное производство; но выдѣлывается желѣзо незавиднаго качества и сбывается на золотые пріиски. Недавно даже Забайкалье пользовалось желѣзомъ, привозимымъ съ Урала. То же уральское желѣзо идетъ въ Нижній, а потомъ уже ввозится въ Сибирь, дѣлая двойной огромный путь.

Вслѣдъ затѣмъ самую видную роль въ разработкѣ сибирскихъ богатствъ, конечно, играло золото. По истребленіи звѣроловныхъ богатствъ, при неудавшейся горнозаводской промышленности, невыходившей изъ состоянія прозябанія, мы обратили вниманіе на золото. Слухи о баснословныхъ богатствахъ привели сюда толпы искателей приключеній. Во времена золотопромышленности воскресла прежняя, давно уснувшая, предпріимчивость

и началась алчная погоня за наживой разныхъ промышленниковъ, каковы, были Поповъ, Мошаровъ и другіе. Невѣдомыя моря и пустыни замѣняетъ теперь сибирская тайга, т.-е. дѣвственные лѣса, раскинутые на тысячи верстъ. Сибирь начинаетъ играть для Россіи роль Калифорніи; все гонится за золотомъ и большинство капиталовъ сосредоточивается только на этой промышленности. Открытіе этихъ новыхъ богатствъ, какъ ни было выгодно оно для государства, въ дѣлѣ культуры Сибири, однакожъ, произвело совершенно обратное вліяніе. До золотой горячки, край, оставленный въ покоѣ, началъ-было отдаваться своимъ мирнымъ занятіямъ; населеніе отъ звѣроловства начинало переходить къ земледѣлію, понемногу зарождалась и мѣстная заводская промышленность, — словомъ, хотя какая ни на есть культура начала-было формировать привычки и нравы мѣстныхъ жителей. Золотопромышленная горячка разомъ остановила это движеніе, повернувъ его въ другую сторону. Всѣ капиталы, всѣ силы населенія устремились къ ней; земледѣліе и промышленность были забыты и на Сибирь стали исключительно смотрѣть, какъ на золотой рудникъ. Но что-же дало ей золото, чѣмъ вознаградились эти страшныя жертвы, принесенныя его добычѣ? Тайга была исхожена вдоль и поперегъ, увлеченіе достигло высшей степени. Между тѣмъ, какъ это увлеченіе продолжается нѣсколько лѣтъ, вдругъ доносятся вѣсти объ оскудѣніи золота и истощеніи прежнихъ богатствъ. Въ самомъ дѣлѣ, сначала шло постепенное возвышеніе добычи золота: въ 1830 году частная золотопромышленность вырабатывала только 4 пуда 22 фунта драгоцѣннаго металла; въ 1836 году она достигла 84 пудовъ; въ 1837 году — 106 пудовъ; въ 1842 году — 575 пудовъ; въ 1846 году — 1,238 пудовъ; въ 1847 году — 1,370 пудовъ. Затѣмъ добыча стала падать на 1,200, на 1,100 п., а въ 1852 году было извлечено только 900 пудовъ [1]). Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ слышатся уже жалобы и плачъ на истощеніе золота; оказалось, что пріемы нашей разработки золотыхъ рудъ были такіе-же хищническіе, какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Гоняясь за фунтомъ лишняго содержанія, мы снимали золото только сверху, а остальное погребали въ отвалахъ. Самая обстановка труда на золотыхъ пріискахъ была въ высшей степени безобразная, дѣйствительно каторжная; все пре-

---

[1]) Въ 1879 г. на частныхъ пріискахъ всей Томской губерніи добыто золота 163 пуд. 34 ф. 9 зол. 55 д., въ Акмолинской Области всего 26 ф. 15 з. 48 д. Въ Семипалатинской 9 пуд. 16 ф. 42 з. 74 д.

доставлялось простой случайности и произволу эксплуататора, гдѣ не было ничего похожаго на человѣческія отношенія къ труду и положенію рабочаго. Такимъ образомъ, золотопромышленность прошла какимъ-то мертвящимъ ураганомъ по томской и енисейской губерніямъ и теперь совершаетъ послѣдніе подвиги на Олекмѣ, за Байкаломъ и на Амурѣ. Тамъ, гдѣ прошла эта промысловая чума, не осталось никакихъ культурныхъ слѣдовъ. На мѣстахъ брошенныхъ пріисковъ шумятъ лѣса и нѣтъ даже признаковъ человѣческаго жилья. Въ сибирскихъ городахъ золотопромышленность не оставила никакихъ замѣтныхъ памятниковъ, кромѣ запущенныхъ увеселительныхъ садовъ и нѣсколькихъ конкурсовъ, пустившихъ по-міру кредиторовъ. Кромѣ того, золотопромышленность имѣла тѣ невыгодныя послѣдствія, что породила абсентеизмъ. Многіе являлись въ Сибирь временно, наѣздомъ, и, разбогатѣвъ въ ней, увозили изъ нея свои богатства и бѣжали сами. Точно такъ же золотопромышленность не оставила и слѣда благосостоянія въ мѣстномъ крестьянствѣ. При прежней системѣ золотопромышленности, населеніе обольщалось задатками, а рабочіе спаивались при входѣ и выходѣ съ пріисковъ; отъ этого явилось нелишенное основанія мнѣніе, что золотопромышленность только развратила коренного сибиряка. Говорятъ, что золотопромышленность подняла заработки и дала возможность крестьянину возвысить цѣны на земледѣльческіе продукты, но если мы допустимъ даже, что цѣны на земледѣльческія произведенія и повысились, то не надо забывать и того, что крестьянинъ платитъ теперь за все покупаемое гораздо дороже; что онъ прежде находилъ у себя дома, то теперь пріобрѣтаетъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ кулака. Золотопромышленность подавила всѣ мелкія ремесла и отвлекла занимавшихся ими прежде поселенцевъ на пріиски; она-же отвлекла руки отъ земледѣлія и стѣснила его. А между тѣмъ, вслѣдъ за развитіемъ золотопромышленности, вездѣ раскинули свои сѣти винокуренные заводы и увеличилось пьянство.

Вслѣдъ за эксплуатаціей звѣрей, рудъ и золота, мы обратились къ эксплуатаціи скотоводческихъ и земледѣльческихъ продуктовъ Сибири. Сибирь нынѣ представляется вполнѣ земледѣльческою страною, земледѣліе существуетъ повсемѣстно кромѣ сѣверныхъ окраинъ до $57^1/_4{}^0$ с. м. Количество пахатныхъ земель громадно. Въ одной Западной Сибири считается подъ обработкою minimum 3.741,753 десятинъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ 1879 года:

	Посѣяно хлѣба.		Снято.
въ Тобольской губерніи .	1.540,536	четв.	5.420,601
„ Томской губерніи . .	994,135	„	4.516,156
„ Акмолинской Области .	51,340	„	144,629
„ Семипалатинской . .	25,847	„	129,211
Всего въ Зап. Сибири	2.611,858	четв.	10.210,602

Но казенные цифры эти далеко не указываютъ всю производительность дѣвственныхъ полей. Сибирское скотоводство измѣряется слѣдующими цифрами въ Западной Сибири:

въ Тобольской губ. 1879 г.	2.401,861	гол.	на 100	д.	199 гол.
„ Томской губ.	2.425,000	„	„ 100	„	234 „
„ Акмолинск. Обл. у кирг.	2.345,981	„	„ 100	„	694 „
„ „ „ у русск.	179,936	„	„ 100	„	155 „
„ Семипалатинской у кирг.	3.509,764	„	„ 100	„	740 „
„ „ у русск.	116,400	„	„ 100	„	224 „
Всего . .	10.978,942	головъ скота.			

Половина, если не столько же, приходится на Восточную Сибирь. Не смотря на это изобиліе, нельзя не видѣть, что земледѣліе и скотоводство стоитъ далеко не на высокой степени. Способъ хозяйства тотъ-же хищническій, какъ и въ другихъ отрасляхъ хозяйства. Богатыя скотоводческія степи были для насъ мертвымъ капиталомъ. Цѣлыя стада лошадей и овецъ на привольныхъ степяхъ пропадали для насъ и часто гибли отъ случайностей, болѣзней и дѣйствія стихій, какъ гибнутъ буйволы въ Америкѣ и въ Африкѣ. На барабинской степи съиздавна падаетъ скотъ отъ сибирской язвы, въ киргизскихъ степяхъ гибнутъ сотни тысячъ головъ отъ безкормицъ и „джута“ [1]). Недавно на туркестанскомъ трактѣ не было лошадей для сообщенія. Въ иныхъ мѣстахъ Сибири скотоводство поражаетъ изобиліемъ. Ѣзда сибирская отличается быстротою, лихія тройки обворожаютъ путника. Но достаточно взглянуть на уходъ за скотомъ,

[1]) Какъ огромны въ Сибири падежи скота, опустошающіе часто цѣлыя мѣстности видно, что въ одно 25-лѣтіе въ Тобольской губерніи пало 57,626 лошадей, и 290,555 головъ рогатаго скота, убытокъ отъ этого равнялся 3,764,000 р. (Списки населен. мѣстъ Тоб. губ. с. CCXV). Въ томской губерніи въ 7 лѣтъ съ 1860 г. по 66 г. пало 177,145 головъ скота по 25,306 на годъ. Въ 1876 г. у киргизъ отъ болѣзней и безкормицы погибло 173,998 шт. скота, и по свидѣтельству ветеринара Гзовскаго въ одной Семипалатинской Области ежегодно падаетъ до 200,400 головъ. Сибирская язва и чума составляютъ настоящія стаціонарныя эпизотіи.

на отсутствіе раціональнаго хозяйства, чтобы разочароваться. Въ Сибири скотъ рѣшительно не цѣнится ни во что; для скорой ѣзды, чтобы выручить лишній рубль или полтинникъ, крестьянинъ загоняетъ лошадь. Многими животными продуктами не умѣютъ пользоваться и совершенно бросаютъ ихъ; такъ, напримѣръ, погонщики скота нанимаютъ стричь по дорогѣ барановъ и отдаютъ шерсть даромъ или бросаютъ ее на мѣстѣ. Въ скотоводческихъ мѣстностяхъ скопляется огромное количество навоза, который никуда не пристроивается, даже не идетъ на удобреніе. Въ Сибири часто деревни переселяются на другое мѣсто потому, что „больно заназмились“; то, что служитъ въ другихъ мѣстахъ средствомъ для поднятія культуры, то является здѣсь препятствіемъ. Въ такихъ залежахъ образуется натуральная кристализація поташа; сама природа, такимъ образомъ, показываетъ употребленіе, но имъ никто не пользуется. Тѣ сырые продукты, на которые обращаютъ вниманіе мѣстные жители, добываются грубо и первобытными способами. Такъ, напримѣръ, сало добываемое изъ животныхъ, не перетапливается и не очищается. Во время провоза и добыванія теряется масса продукта даромъ; кожи мѣстное крестьянство не умѣетъ выдѣлывать; громоздкое и тяжелое сырье везется въ даль и по дорогѣ расхищается. Несмотря на обиліе сала, сибирскій крестьянинъ не можетъ имъ воспользоваться даже для своихъ надобностей. Онъ не умѣетъ обработать сала и жжетъ въ зимніе вечера лучину. Сѣетъ онъ ленъ, а носитъ рубашку изъ грубаго, лубочнаго холста; у него много шерсти, а вы видите его одѣтымъ въ какую-то дерюгу, насквозь продуваемую вѣтромъ; подъ ногами его множество желѣза, а онъ употребляетъ деревянный замокъ, телѣгу съ деревянными гвоздями; окна его нищенской хижины заткнуты слюдою и бумагою вмѣсто стеколъ; онъ не умѣетъ дѣлать мыла, а потому обходится при помощи „подмылья“, т.-е. моется квашеными кишками. Такимъ образомъ, обиліе продуктовъ не улучшаетъ его быта, и сибирскій крестьянинъ бѣденъ и безпомощенъ среди своихъ мифическихъ богатствъ, какъ послѣдній дикарь. Вывозъ и сбытъ сырья точно такъ-же не обогащаютъ его. Сырье обыкновенно сбывается по самымъ низкимъ цѣнамъ заѣзжимъ кулакамъ. Хлѣбъ въ нѣкоторые года былъ такъ дешевъ въ земледѣльческихъ округахъ, что имъ кормили свиней на продажу на ишимской ярмаркѣ. Какъ въ дѣлѣ скотоводства, такъ и въ хлѣбопашествѣ преобладаетъ тотъ-же хищническій способъ: поднимается новина, срубается лѣсъ, сѣется на дѣвственной землѣ хлѣбъ, дающій въ первые годы огромный урожай (самъ-30 и

самъ-40), но послѣ первыхъ годовъ земля считается выпаханной и земледѣлецъ бросается на новое мѣсто, на новую девственную почву. Многія губерніи Сибири производятъ излишекъ хлѣба; хлѣбъ идетъ отчасти на пріиски, рудники и заводы, но эта ничтожная часть сбываемаго хлѣба замедляется разстояніями и дурными путями сообщенія по пустыннымъ и непроходимымъ мѣстностямъ внутри Сибири, а въ Россію его вовсе не привозится. Поэтому Сибирь тяготится даже своими необыкновенными урожаями. Въ послѣднее время, впрочемъ, придуманъ былъ исходъ хлѣбнымъ богатствамъ Сибири: въ ней начали спекулировать на винокуреніе; край покрылся винокуренными заводами и Сибирь, вмѣсто золотопромышленной, становится винокуренной. Въ томской губерніи въ 1870 году было 22 винокуренныхъ завода и выкурено вина на 1.282,168 р.; въ 1871 г. выкуривали вина на 2.021,960 р.; въ 1872 г. на 2.166,884 р. и т. д. 1879 г. въ Западной Сибири на винокуреніе было употреблено хлѣба 2.058,326 пуд. изъ этого количества выкурено 85.368,536 ведеръ безводнаго спирта или 2.134,213 ведеръ вина. Вообще же винокуренная производительность равнялась къ 1880 году 2.225,002 руб: на водочныхъ заводахъ 289,479 и пивоваренныхъ 244,702 р. Такимъ образомъ до послѣдняго времени винокуреніе занимаетъ въ обработывающей промышленности одно изъ первыхъ мѣстъ. Точно также винокуреніе развивается въ тобольской и иркутской губерніяхъ. Что-же приносятъ эти заводы мѣстному благосостоянію? „Заводы эти хотя выгодны для сбыта хлѣба, но далеко не искупаютъ того вреда, который вносятъ они распространеніемъ спиртныхъ напитковъ въ среду рабочаго сословія, и становятся истиннымъ зломъ въ года неурожайные“, говоритъ одинъ офиціальный отчетъ. О вліяніи этой промышленности въ иркутской губерніи сообщается слѣдующее: „Вліяніе развитія винокуренія на край не представляетъ ничего отраднаго; винокуренные заводы не имѣютъ никакого сельско-хозяйственнаго значенія; а между тѣмъ замѣчается всюду развитіе пьянства и его гибельныхъ послѣдствій. Это вызвало борьбу генералъ-губернатора Синельникова противъ этого зла; послѣдовали отказы винторговцамъ въ открытіи кабаковъ; но борьба эта не увѣнчалась успѣхомъ, винокуреніе и кабаки снова восторжествовали“. Такова послѣдняя форма эксплуатаціи „золотого дна“ — Сибири. Въ настоящее время много говорятъ о вывозѣ сибирскихъ богатствъ, о сбытѣ ихъ внѣ ея предѣловъ путемъ улучшенныхъ путей сообщенія, но не мѣшаетъ подумать и о томъ, къ чему послужитъ этотъ вывозъ при нераціональныхъ и хищническихъ

способахъ эксплуатаціи,—къ чему, какъ не къ окончательному расхищенію, истребленію и истощенію послѣднихъ запасовъ и произведеній природы? Истощеніе это замѣчается на каждомъ шагу: это видно въ выгораніи лѣсовъ, въ истребленіи звѣря, въ расхищеніи металловъ, въ вывозѣ сырья, безъ возвращенія землѣ ея производительной энергіи, и въ истощеніи почвы.

Во всей этой экономической эксплуатаціи поражаетъ насъ невольно отсутствіе всякой предусмотрительности и страшное невѣжество населенія. Какъ-будто житель Сибири не думаетъ оставаться въ ней дольше завтрашняго дня, какъ-будто онъ пришлый человѣкъ, случайный кочевникъ, который нынче здѣсь, а завтра тамъ, и ему нѣтъ никакого дѣла до того, чѣмъ будетъ жить его сынъ, его внукъ, его правнукъ. Онъ безъ разбора и безъ оглядки хватаетъ все, что есть лучшаго у него подъ рукой, и, схвативъ, расхитивъ и обезобразивъ, обращается къ новой спекуляціи. Мы набрасывались на все, на золотые самородки, на соболя, котораго били около жилища, но какъ только предстоялъ настойчивый трудъ, требовались нѣкоторыя усилія и умѣнье для созданія прочной культуры и промысловъ, основанныхъ не на одной случайности, не на слѣпомъ счастіи, мы отступали, терялись и жаловались на скудость природы въ этихъ дѣвственныхъ странахъ. Такъ мы переходили отъ промысла къ промыслу. Сибирская промышленность и срываніе богатствъ напоминаетъ старую легенду Уланда, въ которой одинъ владѣлецъ замка и старый рыцарь пытается сдѣлать подарокъ своимъ дочерямъ; одной онъ даритъ золотую цѣпь: я, говоритъ онъ, встрѣтилъ въ лѣсу одного незнакомца съ золотой цѣпью и убилъ его для того, чтобы тебѣ сдѣлать подарокъ. Другой онъ даритъ стрѣлу и говоритъ то-же самое: я встрѣтилъ чужеземца, отнялъ у него стрѣлу и умертвилъ его; третьей онъ даритъ цвѣтокъ, объясняя его пріобрѣтеніе такимъ-же путемъ. Каждая изъ дочерей восклицаетъ при этомъ: „отецъ, ты убилъ моего жениха!“ Точно также добыча звѣроловныхъ богатствъ въ Сибири стоила жизни инородцу, золото развращало и убивало промыслы крестьянства, расхищеніе землевладѣльческихъ богатствъ равнялось похищенію цвѣтка. Со смертью каждой изъ этихъ промышленностей народъ лишается одного изъ средствъ къ жизни.

Предшествовавшіе примѣры эксплуатаціи Сибири и пользованіе краемъ только въ извѣстномъ направленіи подали поводъ мнѣнію, что Сибирь обречена на-всегда быть страной сырья и поставщицею его для другихъ мѣстностей; что ей суждено быть постоянно страною земледѣльческой и скотоводческой и что един-

ственная экономическая ея сила только въ сбытѣ этихъ продуктовъ. Такое воззрѣніе на экономическія судьбы Сибири становится преобладающимъ. По поводу сибирской желѣзной дороги не разъ откровенно заявлялось: „главная цѣль дороги — это эксплуатація сибирскихъ богатствъ и вывозъ сырья для снабженія имъ русскихъ мануфактуръ, точно такъже какъ сбытъ фабрикатовъ на рынкахъ Азіи". Но такъ-ли это? Если отсутствіе промышленности и хищная, эгоистическая эксплуатація края держитъ его до сихъ поръ на низкой степени культурнаго развитія, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что и на будущее время Сибирь должна быть обречена тому-же экономическому застою, тойже печальной участи „золотого дна", безпощадно расхищаемаго? Какъ-бы ни была богата страна своими естественными продуктами, но если она остановится на томъ экономическомъ уровнѣ, чтобы только вывозить ихъ отъ себя, не перерабатывая ихъ у себя дома, она невольно обречётъ себя на вѣчную кабалу и эксплуатацію другими, болѣе сильными въ промышленномъ отношеніи мѣстностями; она будетъ въ постоянной зависимости отъ чужихъ рынковъ, данницей чужого капитала и, въ концѣ-концовъ, обѣднѣетъ и разорится до послѣдней крайности. Таково именно настоящее положеніе Сибири. Она пользуется всѣмъ привознымъ и несетъ всѣ невыгоды отъ этой экономической зависимости. А между тѣмъ, потребность въ удобствахъ жизни и запросъ на мануфактурныя произведенія годъ отъ году увеличивается. Мы видимъ, что потребности сибирскаго населенія все болѣе расширяются, запросъ на мануфактурный и заводскій товаръ является и въ крестьянской средѣ.

Для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ могла бы служить мѣстная обрабатывающая промышленность. Обиліе животныхъ, растительныхъ и минеральныхъ произведеній, кажется, должно было бы создать здѣсь заводскую и богатую кустарную промышленность. Къ сожалѣнію обрабатывающая и заводская производительность Сибири стоитъ ниже всѣхъ отраслей хозяйства и даетъ самые ничтожные итоги.

Въ то время, когда Западная и Восточная Сибирь потребляетъ не менѣе, какъ на 60.000,000 руб. привозныхъ заводскихъ товаровъ и мануфактуръ, судя по оборотамъ ярмарокъ (на одной Ирбитской ярмаркѣ сбывалось недавно для Сибири мануфактуръ на 23.179,000 руб., и на 30 милліоновъ на Нижегородской), мѣстная заводская промышленность недавно производила на 6.377,857 руб. (Военно-Статистическій Сборникъ ч. I). По подробнымъ собраннымъ нами изъ разныхъ отчетовъ свѣ-

дѣніямъ въ 1873 г. оказалось, что въ Сибири было 1262 разныхъ заводовъ и крупныхъ заведеній, которые производили на 15.347,293 руб. заводскихъ продуктовъ; но надо принять во вниманіе, что здѣсь весьма видную роль играло винокуреніе (а именно 8.627,300 р.). По свѣдѣніямъ съ1879 по 1880 годъ заводская промышленность Западной Сибири достигаетъ оборота въ губерніяхъ и областяхъ всего 10.501,038 руб. Цифра эта показываетъ какую ничтожную часть занимаютъ мѣстныя произведенія въ пріобрѣтаемыхъ мануфактурахъ. Надо замѣтить, что въ большинствѣ мѣстная промышленность довольствуется простою обработкою сырыхъ продуктовъ. Если мы выдѣлимъ винокуренье, то увидимъ, что въ общемъ числѣ заводовъ и фабрикъ въ Западной Сибири играютъ роль, главнымъ образомъ, кожевенные заводы, составляя 30,22%, а по суммѣ производства 22,88%. Салотопенные заводы составляютъ 17,6% всѣхъ заводскихъ оборотовъ. Что касается высшихъ производствъ, то они почти не зарождались въ Сибири. Въ Западной Сибири, напримѣръ, до 1880 г. основалась одна суконная фабрика, выдѣлывающая въ этомъ отечествѣ шерсти грубыя сукна на 193,446 р.; въ краѣ, гдѣ находятся неистощимые рудники и богатство металловъ, на всю Сибирь 3 желѣзныхъ завода и въ Западной части 3 чугунно-литейныхъ заведенія съ оборотомъ въ 138,750 р. Ничтожность заводской промышленности въ краѣ доказывается въ добавокъ тѣмъ, что изъ 3.219,193 душъ населенія Западной Сибири въ 1879 г. занято было на мѣстныхъ заводахъ всего 10,109 человѣкъ [1]). Не малую услугу краю и даже бо́льшую, чѣмъ крупная мануфактура, могла бы оказать кустарная промышленность, зачатки которой уже съиздавна появились въ Сибири; эта промышленность до сихъ поръ для крестьянства замѣняла мануфактуру, она поддерживается въ послѣднее время притокомъ ремесленниковъ и переселенцевъ изъ Россіи [2]), къ сожалѣнію настоящее значеніе ея еще вполнѣ не оцѣнено.

Само правительство чувствовало необходимость поднять экономическія силы Сибири развитіемъ въ ней мѣстныхъ производствъ. Такъ, въ 1835 году министръ финансовъ Канкринъ пробовалъ обратить вниманіе на развитіе промышленности

---

[1]) Памятная книжка Западной Сибири 1881 г. Изслѣдованія Павлова-Сильванскаго о промышленности Сибири съ 1868—1876 г.

[2]) См. Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ. Ядринцева. Русская Мысль 1881 г.

въ Сибири, предписывая мѣстнымъ начальникамъ добыть отъ мѣстныхъ промышленниковъ свѣдѣнія о томъ, какія производства могли-бы развиться въ краѣ, и что до сихъ поръ мѣшало ихъ развитію. Изъ переписки оказывалось, что въ тобольской губерніи могли быть развиты различныя производства; курганскій округъ изобилуетъ скотоводствомъ, въ немъ произрастаетъ свекловица и питательныя травы, а поэтому можно-бы устроить: a) выдѣлку свекловичнаго сахара, патоки и рафинированнаго; b) стеариноваго производства; c) выдѣлки крупъ и крупичатой муки; d) обработку поярковыхъ и пуховыхъ шляпъ; можно-бы увеличить кожевенные заводы съ выдѣлкою на нихъ клея; e) развести мериносовыхъ овецъ и пчеловодство. Въ Туринскѣ замѣчательны ремесла кузнечное, слесарное и выдѣлка холста, которыя могли-бы идти гораздо лучше. Задержка промышленности и слабое развитіе ея объясняются, во 1-хъ, тѣмъ, что нѣтъ знающихъ капиталистовъ для заведенія фабрикъ, а купечество предпочитаетъ свои спекулятивные обороты; во 2-хъ, нѣтъ мастеровыхъ для мануфактурнаго дѣла, доказательствомъ чего приводится фабрика Медвѣдева, которая могла возникнуть только тогда, когда вызваны были мастера изъ Россіи (Донесеніе общаго губ. правленія генер.-губерн. западн. Сибири отъ 24 апрѣля 1835 г.). Точно тоже дало въ своемъ отвѣтѣ и томское начальство. Приглашенные для собранія свѣдѣній купцы отвѣтили: „заводовъ, фабрикъ, а также и какихъ-либо промышленныхъ заведеній заводить потому не могутъ, что въ Сибири не имѣется необходимыхъ мастеровъ“. Для поощренія сибирской промышленности въ 1839 году, 11 сентября, утвержденъ былъ, наконецъ, указъ о раздачѣ даромъ земель въ Сибири подъ фабрики и заводы (Архивъ главнаго управленія западной Сибири, д. № 2147). Но поощреніе это не привело ни къ чему, потому что однѣхъ земель было мало: нужны были техническое образованіе, умѣнье взяться за промышленное предпріятіе, опытныя рабочія руки и, наконецъ, пониманіе экономическихъ нуждъ края.

Говоря объ иркутскомъ обществѣ, самомъ видномъ во всей Сибири, одинъ изъ путешественниковъ замѣчаетъ: „Надѣюсь, что насъ никто не упрекнетъ въ несправедливости, если мы скажемъ, что въ Иркутскѣ между купечествомъ, играющимъ въ жизни самую важную общественную роль, царствуетъ крайняя необразованность, и этимъ, конечно, не обидятся люди, о которыхъ я говорю, потому что имъ и негдѣ получить образованія, а многіе изъ нихъ вышли изъ простыхъ ямщиковъ и обозныхъ приказчиковъ. Такое положеніе общества отзывается и на его дѣлахъ;

кромѣ торговли, основанной на кулачествѣ, золотопромышленности и соединеннаго съ ея процвѣтаніемъ винокуренія, не идетъ ни одно промышленное и болѣе широкое предпріятіе. Не выручаетъ тутъ ни здравый умъ, ни предпріимчивость“ (Очерки Вост. Сибири Ровинскаго). Эти слова глубоко справедливы уже потому, что въ исторіи Сибири мы встрѣчаемся и съ отвагой, и съ предпріимчивостью русскаго народа, но ему недоставало чего-то другого. Ему недоставало истиннаго сознанія экономическихъ поностей края и созданія самобытной, а не посреднической промышленной роли.

При отсутствіи собственной производительности, естественно, создалась экономическая зависимость края въ сферѣ торговли, которая повліяла на весь складъ экономической жизни населенія. Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на исторію экономическихъ сношеній Сибири. Съ издавна этотъ край обреченъ пользоваться всѣмъ привознымъ. Первымъ экономическимъ вопросомъ въ Сибири, по завоеваніи ея, явилось снабженіе края необходимымъ продовольствіемъ. Сибирь, населяемая пришлыми людьми, „людьми гулящими“, авантюристами, бродягами, звѣровщиками, промышленниками, требовала обезпеченія во всемъ. Правительство должно было заботиться о продовольствіи населенія и привозило хлѣбъ сюда. Впослѣдствіи, снабженіемъ края товарами занялось купечество, но сношенія съ новымъ краемъ были затруднительны. Торговыя сношенія Сибири съ ея метрополіей, Москвой, производились только разъ въ годъ. Сообщенія совершались по рѣкамъ, товары сплавлялись на дощаникахъ, черезъ волоки тащились нарты людьми, купцы иногда зимовали, операція торговли была медленная; поэтому только рѣдкіе купцы проникали въ Сибирь, но, являясь сюда, становились единственными монополистами, при безлюдьи и отсутствіи конкуренціи. Товары и припасы, привозимые монополистомъ, продавались по необыкновенно высокой цѣнѣ, и покупатель былъ въ полномъ его распоряженіи.

Изъ исторіи торговли на Востокѣ извѣстно слѣдующее. Уже далеко до прошлаго столѣтія начался ввозъ въ Сибирь и Азію русскихъ товаровъ. Въ Верхотурьѣ стояла тогда таможня, гдѣ бралась пошлина съ товаровъ. Пошлина бралась и съ товаровъ, и съ денегъ, привозимыхъ сюда. „А ежели бы съ денегъ пошлины не было, объясняли тогдашнія правила:—то бы мало въ Сибирь россійскихъ товаровъ возили и больше ѣздили бы съ одними деньгами“. (Изв. о торгахъ сибирск. Миллера, 1735 г.)

Сибирь въ это время во всемъ нуждалась: уже Миллеръ описываетъ, какъ сбытъ товаровъ былъ значителенъ. „Въ Сибирь

идутъ шелковые и шерстяные штофы и парчицы русскихъ фабрикъ, цѣвочное золото и серебро, золотые и серебряные позументы и сѣтка русскихъ фабрикъ, которыхъ въ сибирскомъ торгу больше употребляется, чѣмъ чужестранныхъ для того, что купцамъ дешевле становится, а сибирскіе жители о добротѣ оныхъ въ тонкости разсуждать не знаютъ". Въ Сибирь привозились и жестью обитые баулы, и стекло, и мѣдная посуда, и вина. Миллеръ сообщаетъ интересныя цѣны этого времени. „Въ Ирбити и Тобольскѣ разница небольшая, говоритъ онъ:—ежели тамъ четвертою частію болѣе покупаемой цѣны товаровъ продать можно, то купецъ доволенъ". Въ Енисейскѣ нѣкоторые товары подымаются въ двойной цѣнѣ, въ Иркутскѣ — въ тройной и четверной и выше цѣнѣ. Сахаръ стоитъ въ Ирбити 5 р. пудъ, въ Тобольскѣ—7 руб., въ Енисейскѣ—10 руб., въ Иркутскѣ — 20 руб., въ Якутскѣ — иногда 40 руб. Красное вино стоило въ Архангельскѣ 1 р. ведро, въ Ирбити — 2 и 3 руб.; въ Сибири его продавали въ 20 и 40 рублей. Миллеръ упоминаетъ о начавшей развиваться, въ половинѣ прошлаго столѣтія заводской промышленности въ Сибири; онъ говоритъ, что желѣзо стало выходить изъ Сибири и что „со временемъ имъ можно будетъ нетолько Сибирь всю удовольствовать, но и употреблять его немалое количество въ россійскіе и заморскіе торги". То же говоритъ про стеклянные заводы: „и симъ товаромъ отъ себя Сибирь довольствоваться будетъ". Но все это не оправдалось: заводы въ Сибири падали. За то Азія начала снабжать Сибирь бумажными и шелковыми товарами. Бухарскіе караваны привозили изъ Джунгаріи бумажныя ткани, цвѣтныя, подъ именемъ иркетчины; Китай привозилъ дабы, шелкъ; изъ Россіи же везли холстъ и крашенину. Поэтому, азіатскіе товары стали вытѣснять русскій миткаль и холстинку; они наводнили Сибирь и пріучили населеніе къ среднеазіатской мануфактурѣ. Русской мануфактурѣ трудно было соперничать. Въ это время, пишетъ Радищевъ, почти вся Сибирь ходила въ бѣльѣ и платьяхъ изъ бухарскихъ и китайскихъ тканей; жители ходили въ дабовыхъ и фанзовыхъ рубахахъ; голь—шелковая китайская матерія—была распространена по всей Сибири; въ нее наряжались солдатки и крестьянки, шили сарафаны и чепцы, обшитые позументами; въ сибирскихъ канцеляріяхъ употреблялась китайская тушь вмѣсто чернилъ. (О карав. торговлѣ съ Джунгаріей и Бухаріей. Чтен. Моск Общ. Древн. и Истор.). Бухарскіе купцы, при своей ловкости, даже взялись за торговлю русскими товарами. Но русскіе купцы начали жалобы, указывали на льготы бухарцамъ, и сво-

бодная торговля съ Азіей была прекращена. Бухарцамъ не приказано было являться въ Россію. Въ 1800 г. тарифъ прекратилъ и китайскій ввозъ. Онъ имѣлъ въ виду, чтобы русскіе товары были повышаемы въ цѣнѣ, а китайскіе — понижаемы. Тарифъ 1824 г. уничтожилъ всякую конкурренцію иностраннаго товара. Граница была замкнута. Китайскіе и бухарскіе шелкъ и фанза исчезли, а ее замѣнилъ миткаль, крашенина и разная привозная дерюга. Замкнутая со всѣхъ сторонъ Сибирь въ это-то время получала только товары съ русскихъ фабрикъ черезъ Ирбитъ. Въ 1832 и 1833 годахъ, по словамъ Словцова, пріобрѣталось Сибирью 35.752,980 р., по 15 и 20 милліоновъ въ годъ россійскихъ товаровъ. Московскіе, костромскіе, владимірскіе фабриканты въ это время были обезпечены отъ конкурренціи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія и 30-хъ годовъ, опять-было возникала кое-какая своя промышленность въ Сибири, напримѣръ, желѣзная, но ее прихлопнула золотопромышленность. Потребности, между тѣмъ, на Востокѣ росли. Разсматривая ввозъ въ Сибирь товаровъ, мы видимъ, что она ничего не дѣлала своего до послѣдняго времени: желѣзо шло съ Урала, сукна, ситцы — изъ Костромы, Москвы, желѣзо изъ Иванова; она получаетъ и хрупкую посуду изъ Москвы, точила изъ Чердыни, дуги и деревянныя издѣлія изъ шадринскаго заведенія Чеканова; даже ложки привозятся семеновскія, Нижегородской губерніи, даже дрянные пряники. Къ характеристикѣ торга въ Сибири служатъ слѣдующія слова секретаря тобольскаго статистическаго комитета, Смоленскаго, по поводу ярмарокъ: „Мануфактура русская идетъ для Восточной Сибири изъ Нижегородской ярмарки, для Западной — съ Ирбитской. Сибирскіе купцы берутъ въ кредитъ, и потому товаръ всегда залежавшійся; особенно много дурнаго товара на мелкихъ торжкахъ Тобольской губерніи. Вязниковцы ѣздятъ дешево и кормятся даромъ: наивные сибиряки принимаютъ ихъ, какъ странниковъ. Обманы, запрашиванье постоянно въ ходу, но мануфактуры на расхватъ“ (Смоленскій, Ишимская ярмарка, „Тоб. Губ. Вѣд.“ 1857 г.). Въ примѣръ товаровъ тотъ же секретарь статистическаго комитета приводитъ, что варенье, напримѣръ, привозятъ паточное, а продаютъ за сахарное въ Сибири; берутъ за него по 7 руб. пудъ, когда оно въ Нижнемъ 4 руб., его одного продается на 70,000 руб. (?) на одной ярмаркѣ. Бакалейщики говорятъ, что они получаютъ по 35 и 50 процентовъ на рубль. Ирбитская мануфактура вошла въ поговорку: „Никуда не годно, такъ въ Сибирь“, говорятъ фабриканты. Г. Овсянниковъ, въ изслѣдованіи о сибирскомъ транзитѣ

на Нижегородской ярмаркѣ, свидѣтельствуетъ: „Самые важные изъ товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Сибирь—мануфактурные товары — создаются въ московскомъ и приокскомъ районахъ, и если выдаются въ Сибири за заграничные и петербургскіе, то только для прикрасы. Между тѣмъ, иностранные товары въ Сибирь не попадаютъ. Табакъ, сахаръ, сласти идутъ съ юга, вина—изъ Кизляра и Моздока, или *внутренней фабрикаціи*—изъ Москвы“ („Нижегор. Сборникъ“, т. IV, 1871 г., стр. 53).

Изъ этого видно, что „о добротѣ оныхъ товаровъ сибирскіе жители и доселѣ въ тонкости разсуждать не знаютъ“, какъ выражался Миллеръ. Кромѣ того, вина для Сибири начали фабриковаться въ Ирбити. Тамъ одно время была откровенная вывѣска: „Здѣсь приготовляется мадера, хересъ и другія виноградныя вина для Сибири“. На дорогѣ въ Сибирь смышленными торговцами были устроены хутора для фабрикаціи и переработки винъ. То же происходило и съ другими товарами. Не стѣсняемая никакой конкурренціей, мануфактура благодѣтельныхъ костромичей и москвичей пустилась въ самую отчаянную фальсификацію. Также поступали и другіе заводчики. Въ „Ирбитскомъ Листкѣ“, за 1876 годъ, напечатано: „Въ ноябрѣ, 1875 года, изъ Кунгура, отъ Г. М. было отправлено въ Иркутскъ 22 короба обуви. Въ Томскѣ, при осмотрѣ этихъ коробовъ, обувь оказалась только въ 3-хъ коробахъ, въ остальныхъ 19-ти — дрова и солома“. („Ирб. ярм. лист.“ 1876 года, № 8). Такова эта торговля. Монопольныя явленія кабала и обманы—были естественнымъ послѣдствіемъ ея. „До 20-хъ годовъ у насъ была страшная монополія, — сообщаетъ Н. П. Булатовъ: — *всего два, три* купца ѣздили на ярмарку и торговали привозными товарами. Мѣстныя произведенія были чрезвычайно дешевы: на пять рублей вы могли накупить припасовъ на 2 недѣли, но цѣны на товары были ужасныя. По привозѣ съ ярмарки, онѣ нѣсколько понижались. Такъ, напримѣръ, сахаръ вы могли сначала купить по 1 р. 50 к. фунтъ, черезъ недѣлю цѣна уже поднималась на 20, 25 к. на фунтъ, черезъ два, три дня — еще... еще... а черезъ мѣсяцъ, доходила до 2 р. 50 к. Бумажный платокъ, вершковъ въ 6, уродливый, какихъ нынче не возьметъ ни одна крестьянка, стоилъ по 1 р. 50 к.; сукна почти не было, сукно носили только самые знатные люди, а въ общемъ употребленіи была нанка. Сукно было аршинъ по 15 рублей, и что это за сукно! Вѣрно ни одинъ жандармъ нынче такого не носитъ, толщиною въ палецъ, ворсъ, какъ заячья шерсть, линялъ. И эти господа увѣряли, что они дешевле

продавать не могутъ. Когда купецъ уступалъ даже знакомымъ по покупной цѣнѣ, и то бралъ барыша 18%. Дѣло было просто: въ Сибири ходили ассигнаціи; серебро если и являлось изрѣдка, то какъ товаръ, а не монета, и то были только одни рубли. Мелкой монеты здѣсь вовсе не водилось. Между тѣмъ, во внутреннихъ губерніяхъ, какъ извѣстно, и монета, и ассигнаціи ходили съ лажемъ. Купецъ покупалъ на ассигнаціи и платилъ 10 р., а съ лажемъ записывалъ 11 р. 80 к. Намъ и въ голову не приходило, что насъ такъ обираютъ", присовокупляетъ Булатовъ (Вагинъ, о Сперанскомъ, ч. I, стр. 570—571). Но вліяніе монополистовъ не ограничивалось дорогой продажей товаровъ: они скупали у крестьянъ продукты по самой низкой цѣнѣ, давали имъ въ кредитъ товаръ и закабаляли.

Подобный характеръ торговли продолжается и доселѣ въ различныхъ мѣстахъ Сибири и особенно чувствителенъ на отдаленныхъ окраинахъ. Какое поприще наживѣ представляетъ, напримѣръ, Ташкентъ, Амуръ, Камчатка! 13-го февраля 1873 года, въ камерѣ самаркандскаго мироваго судьи разбиралось дѣло купца Соколова, при которомъ разъяснилось, что наши купцы въ Ташкентѣ берутъ нынѣ не только 90%, но и 1 р. 35 к. на рубль, т. е. 135% барыша, и объясняютъ это публично.

Торговлю на Амурѣ характеризуетъ слѣдующая корреспонденція морскаго офицера: „Здѣшніе купцы на товаръ, знаете-ли, какіе проценты берутъ? 200%, 300%, 400% и 500%. А случается и болѣе. Такъ что, еслибы мы, гардемарины, жили бы все на берегу, то мы бы ходили не хуже кронштадтскихъ посадскихъ. Приказчики въ лавкахъ, напримѣръ, жалованья совсѣмъ ничего не получаютъ, а условливаются съ хозяевами такъ: хозяинъ говоритъ, что этотъ товаръ стоитъ столько-то, и ты долженъ получить за него столько-то, остальное все, что возьмешь больше — твое. И такіе контракты съ приказчиками свидѣтельствуются въ полиціи. Выходитъ что же? хозяинъ завода получаетъ процентъ на товаръ; потомъ первый приказчикъ, продавая товаръ нашимъ купцамъ, беретъ процентъ извѣстный; далѣе наши купцы берутъ проценты такіе, какіе имъ вздумается, т. е. 200%, 300%, 400% и 500%, и, кромѣ того, еще приказчики набавляютъ опять-таки столько, сколько имъ вздумается! Такъ, напримѣръ, обои (шпалеры), которые въ Питерѣ стоютъ кусокъ 40 к. — вы здѣсь платите 1 р. 75 к.; лампа, которая у васъ стоитъ 1 р. или 1 р. 25 к., здѣсь 5 р.; японская шкатулочка, маленькая, которая на мѣстѣ стоитъ 1/2 доллара (долларъ 1 р. 40 к.) или того меньше — здѣсь 10 р., и т. д. По-

чему все это? потому что нѣтъ конкуррентовъ. Здѣсь 5, 6 купцовъ сговорились грабить и грабятъ. Явился, напримѣръ, здѣсь разъ какой-то человѣкъ почестнѣе, взялся доставлять мясо въ экипажъ, что-то рубля на $2^1/_2$ дешевле прежняго поставщика — и что же? ему не отдали подрядъ".

Положеніе Камчатки характеризуется уже тѣмъ, что сообщеніе съ нею совершается одинъ разъ въ годъ и сношенія ведутся съ Амура, черезъ Нерчинскъ, Иркутскъ, Якутскъ, сухимъ путемъ. По описанію протоіерея Громова, этотъ край — совершенно нынѣ отрѣзанный. Нечего говорить, въ какой власти находится онъ у мѣстныхъ спекуляторовъ и монополистовъ. Въ послѣднее время пудъ муки тамъ стоилъ 5 р. и фунтъ пороха — 4 р. Замѣтимъ, что деньги здѣсь страшно дороги. Начеты и кредитъ купцовъ въ подобныхъ мѣстахъ характеризуются слѣдующимъ трагическимъ случаемъ, разсказаннымъ Коттрелемъ: „Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ человѣкъ съ Индигирки заказалъ якутскому купцу рѣзную золоченую раму для доставшагося ему въ наслѣдство образа св. Николая. Цѣна была договорена въ 70 р. На слѣдующій годъ заказъ готовъ, и счастливый обладатель его даетъ купцу 56 шкуръ бѣлыхъ лисицъ, разсчитывая каждую шкуру за 1 рубль; но остался долженъ 14 рублей. По истеченіи 7 лѣтъ, въ то время, какъ бѣдный владѣлецъ св. Николая заплатилъ своему заимодавцу 90 шкуръ или 90 рублей за капиталъ и проценты, купецъ присвоилъ себѣ самый ликъ святителя и возвратилъ его только тогда, когда вынудилъ вексель съ должника въ 1,200 р.! Проценты подобнаго рода обыкновенны въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, говоритъ Коттрель. Разсчетъ былъ сдѣланъ такимъ образомъ: купецъ получилъ шкуру за 1 р. и продалъ ее за $2^1/_2$; слѣдовательно, первоначальный долгъ изъ 14 шкуръ стоилъ ему по этой оцѣнкѣ 35 р. Еслибы онъ эти деньги употребилъ въ Якутскѣ на торговлю, разсуждалъ нашъ торговецъ, онъ имѣлъ бы выгоды 150%, столько же — въ слѣдующій годъ и т. д. (Sibirien nach seiner Naturbeschaffenheit, seinen gesellschaftlichen und politischen Verhältnissen und als Strafcolonie, geschildert von Carlos Herbert Cottrell. s. 121, Dresden und Leipzig, 1846). Положеніе отдаленнаго Амура не въ лучшемъ состояніи; въ этотъ благословенный по климату край привозился хлѣбъ вокругъ свѣта, и предметы необходимости съ провозомъ достигаютъ неимовѣрныхъ цѣнъ. Монополія и перекупъ удесеряетъ цѣны. Но, кромѣ того, стачки, монополіи и скупъ существуютъ и по всѣмъ городамъ Сибири, а также на всѣхъ мѣстныхъ ярмаркахъ. Жалобы это на безпрестанно выра-

жаются въ корреспонденціяхъ изъ Сибири. Такое положеніе дѣлъ обусловливается самимъ свойствомъ сибирскаго хозяйства.

Сибирское хозяйство съиздавна состоитъ въ расхищеніи и вывозѣ сырыхъ продуктовъ природы. Если мы взглянемъ на Ирбитскую, Крестовскую или Ишимскую и Нижегородскую ярмарки, онѣ намъ обрисуютъ, что производитъ Сибирь и что сбываетъ. Такъ, на Ишимской ярмаркѣ мы видимъ главные предметы сибирскаго торга: *сырцовое сало* изъ Киргизской степи, съ ишимскихъ, ялуторовскихъ и курганскихъ салотопенъ, съ 500,000 барановъ. *Свиное сало:* свиньи въ Ишимѣ даже нарочно откармливаются хлѣбомъ: такъ, въ 1860 году, въ Курганѣ откармливались 7,200 свиней, на которыхъ пошло 144,000 пудовъ хлѣба. Далѣе, *коровье масло:* до 60,000 пудовъ его идетъ, черезъ Таганрогъ, въ Константинополь. *Кожи, щетина, пушнина, дикая птица,* какъ и *домашняя,* составляетъ предметъ сбыта. Въ Ишимѣ гуси откармливаются для сала по 200 штукъ; далѣе — *рыба, скотъ,* все это вывозится, а въ замѣнъ получается мануфактура. Здѣсь мы видимъ уральское желѣзо, костромскіе и ярославскіе ситцы, нижнетагильскіе сундуки, чердынскія точила, шадринскіе пряники и деревянныя издѣлія изъ Тагила, Нижняго и т. д. Можетъ, не всякому извѣстно, что турокъ получаетъ коровье масло изъ Сибири черезъ Ростовъ-на-Дону; лондонская гостиная освѣщается стеариновой свѣчкой изъ сибирскаго сала; широкая, пуховая шляпа, покупаемая европейцемъ, приготовлена изъ шерсти сибирскаго зайца; сапоги, выдѣлываемые въ Лейпцигѣ изъ сибирской кожи, красуются на ногахъ нѣмца; нечего и говорить уже, что сибирскій мѣхъ обвиваетъ и шею европейской пѣвицы, и служитъ подкладкой плаща китайскаго императора [1]). Не смотря на богатство и разнообразіе произведеній, Сибирь пользуется, одѣвается и пропитывается, однако, всѣмъ прошедшимъ черезъ горнило русскихъ фабрикъ. Въ то время, когда въ Сибири только начинается заводская промышленность, сибирскимъ сырьемъ и продуктами питается вся заводская промышленность Казани, Екатеринбурга и другихъ сосѣднихъ мѣстностей. Стеариновый заводъ Крестовниковыхъ въ Казани покупаетъ до 170,000 пуд. сибирскаго сала; Екатеринбургскій заводъ Плѣшановыхъ — 35,000 пуд. Всего изъ Сибири сала вывозится до 980,000 пуд. Казань скупаетъ также на Ирбитской ярмаркѣ и въ Семипалатинскѣ мѣха и выдѣлываетъ ихъ; для этого въ Казани 11 скор-

[1]) Распредѣленіе сибирскихъ товаровъ къ Петербургу, Москвѣ и Казани можно видѣть въ изслѣдованіи г. Овсянникова о Нижегородской ярмаркѣ.

няжныхъ заведеній. На 8 казанскихъ овчинныхъ заводахъ обрабатывается 19,300 пуд. овчинъ, привозимыхъ изъ Сибири. Льнопрядильная фабрика Алафузова получаетъ изъ Сибири 30,000 пуд. кудели и льна. Масла коровьяго получаетъ Казань изъ Сибири 25,000 пуд. Въ городахъ Вяткѣ и Слободскомъ и ихъ уѣздахъ выдѣлывается до 250,000 яловыхъ кожъ на сумму 875,000 р. Треть этого сырья закупается въ Сибири и т. д. (Сибирскій транзитъ и Нижегородская ярмарка. „Нижегор. Сборн.“, т. IV, стр. 54—60). Количество ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ можетъ характеризоваться цифрами, напримѣръ, Ирбитской ярмарки, существующей по преимуществу для Сибири. Сумма оборотовъ ея равняется отъ 40 до 50 милліонамъ. Мягкой рухляди здѣсь продается на 2.200,000 р., кожъ на 4.300,000 р., коровьяго масла на 900,000 р., щетины на 460,000 р. и т. д. Мануфактуръ отпускается на одной Ирбитской ярмаркѣ отъ 25 до 30 милліоновъ. Свойства сибирской производительности видны также и на оборотахъ Нижегородской ярмарки. Сибирскіе товары, идущіе сюда: сало, льняное сѣмя, щетина, волосъ, кожи, коровье масло, кедровые орѣхи, мѣха, рыба, пряники, овчины, чай, металлы, соль. „Сибирскій транзитъ, — говоритъ г. Овсянниковъ, — т. е. вообще всѣ товары, отправляемые изъ Сибири и съ Урала въ Россію, изъ внутренней Россіи — въ Сибирь и на Уралъ черезъ Нижній, равняется отъ 13 до 14 милліонамъ пудовъ и оцѣнивается приблизительно въ 30.000000 р.“. („Нижегор. Сборн.“, 1871, 4, стр. 47).

Сущность производительности Сибири и характеръ ея обмѣна состоитъ въ сбытѣ собственныхъ сырыхъ продуктовъ и пріобрѣтеніи всего, до мельчайшихъ потребностей хозяйства, привознаго изъ Европейской Россіи.

„Мануфактура въ Сибири вся раскупается. Несмотря на обманы, на запрашиванье при торгѣ, ситцы крестьяне просто расхватываютъ, пишетъ г. Смоленскій:—то же и съ желѣзомъ. Сибирь любитъ страшно мануфактуру. Сибирскій крестьянинъ ходитъ щеголевато и любитъ ситцы, сапоги, сукно и прочее. Потребности развиты сильно; оттого крѣпостники, заѣзжающіе въ Сибирь, жалуются на развращеніе нравовъ“. О щегольствѣ пріисковыхъ крестьянъ писалъ съ негодованіемъ недавно ротмистръ Паули. „Есть деревни около пріисковъ, гдѣ послѣдняя мода у крестьянъ въ полномъ ходу; крестьянки ходятъ въ кринолинахъ, мужики—въ сюртукахъ. На ряду съ этимъ, есть масса крестьянъ, которымъ мануфактура, при своей дороговизнѣ, совершенно недоступна. Наоборотъ, получая необыкновенно до-

рого мануфактуру, дешевизна мѣстныхъ произведеній страшная. Мы указываемъ массу примѣровъ эксплуатаціи крестьянъ и инородцевъ въ Сибири кулаками и монополистами. Также можно себѣ представить, много ли выиграло „золотое дно“, когда за безцѣнокъ шли соболя, чернобурыя лисицы, когда промышленникъ сбираетъ съ остяка за нѣсколько грошей рыбы которой хватило бы инородцу на годъ. До сихъ поръ у чукчъ за пудъ черкасскаго табаку покупается 5 рѣчныхъ бобровъ, 10 красныхъ лисицъ, 10 куницъ и 30 песцовъ. Нейманъ, въ чукотскую экспедицію, видѣлъ на ярмаркѣ самъ, что чукча платилъ по бобру за древко для копій (Путеш. Неймана: изв. сибир. отд. геогр. общества).

При дешевизнѣ звѣроловства и продуктовъ расхищаемой природы, не менѣе идутъ за безцѣнокъ и продукты скотоводческіе и земледѣльческіе. Хлѣбъ, въ 1859 г., на ишимской ярмаркѣ продавался по 15 и 16 коп.; урожай давалъ самъ 16 (Смоленскій); промышленники скупали коровье масло по 3 р. 40 к. пудъ; пудъ сала и кожи стоили 2 руб. Въ шестидесятыхъ годахъ, одинъ татаринъ въ Акмолинскѣ покупалъ барановъ, получая 20,000 тушекъ и 19,000 пуд. сала; сало продавалъ, тушки отдавалъ киргизамъ въ долгъ, съ обязательствомъ въ слѣдующемъ году уплатить цѣлымъ бараномъ. Хлѣбъ въ Сибири некуда дѣвать—имъ кормятъ свиней; скотъ такъ дешевъ, что крестьянину ничего не стоитъ для удалой ѣзды загнать лошадь. Въ Кузнецкѣ, какъ говоритъ одинъ путешественникъ, мѣщане имѣютъ громадные покосы и держатъ лошадей. „Зачѣмъ?“ спрашиваютъ ихъ. „Возить сѣно съ покосовъ“.—„А сѣно?“—„Кормить лошадей“. Недавно крестьяне Восточной Сибири не знали, куда дѣваться *съ урожаемъ*, и пропивали по возу хлѣба около кабаковъ. Самые урожаи служатъ только къ пониженію цѣны продукта. Сибирь, словомъ, задыхается подъ тукомъ плодовъ своихъ, за неимѣніемъ сбыта. Уже Мальтусъ, въ своемъ сочиненіи о народонаселеніи, замѣчалъ это явленіе въ жизни Сибири и русскаго Востока.

Такимъ образомъ, сырые сибирскіе продукты покупаются по самой низкой цѣнѣ, почти за безцѣнокъ, а привозные—въ тридорога. Значительная часть крестьянъ не можетъ пріобрѣсти самой необходимой мануфактуры при ея дороговизнѣ. Бѣдный сибирскій крестьянинъ носитъ свой холстъ и ткетъ дома плохую дерюгу, продувающую его въ морозы, дѣлаетъ плохую обувь изъ кожи; за неимѣніемъ желѣза, употребляетъ деревянный замокъ, телѣгу съ деревянными гвоздями; хижина его съ слюдою, бума-

гою въ окнахъ, вмѣсто стеколъ; имѣя въ избыткѣ сало, онъ не можетъ, однако, пріобрѣсти мыла и въ глухихъ деревняхъ, моется квашеными кишками. Привозъ и барыши мануфактуриста страшно набавляютъ цѣну: одинъ авторъ, въ 1858 г., въ „Тобольскихъ Вѣдомостяхъ“ привелъ разсчетъ, что Сибирь на одномъ стеаринѣ переплачиваетъ 60.000 руб. (Тобол. Губ. Вѣд.“ 1858 г., № 43). Изъ этой картины видно, что вся Сибирь находится въ положеніи инородца къ торговцу. Потребности у нея развились сильно, но окупить ихъ своими продуктами она не въ силахъ: сколько она ни даетъ продуктовъ, она все въ долгу у мануфактуриста. Оттого сибирскіе купцы торгуютъ въ кредитъ. Вотъ что сообщаетъ г. Бутинъ объ этомъ торгѣ: „За Байкаломъ, на нерчинской ярмаркѣ, привозъ товаровъ мануфактурныхъ равняется полутора милліонамъ; на наличныя деньги ихъ пріобрѣтается всего на 375,000 руб., что составляетъ всего 25% общаго итога, то-есть 75% изъ потребляемаго привознаго товара берется въ долгъ. За это на нижегородской ярмаркѣ налагается за кредитъ мануфактуристамъ отъ 10% до 25%, кромѣ провоза. Кромѣ того мануфактуристъ набавляетъ впередъ за рискъ“.

„Казалось бы страннымъ, пишетъ г. Бутинъ:—что у насъ есть не мало торговыхъ домовъ, которые торгуютъ на подобныхъ условіяхъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, затѣмъ систематически „выходятъ на сдѣлку“ съ своими кредиторами въ Россіи; еще страннѣе, что нѣкоторые оптовые торговцы и фабриканты не особенно претендуютъ на сибирскихъ купцовъ, если тѣ, въ подобныхъ случаяхъ, уплачиваютъ копѣекъ по 25 за рубль, и даже открываютъ имъ снова кредитъ. Разгадка этому весьма проста, объясняетъ г. Бутинъ:—многіе фабриканты, дѣйствуя какъ бы *въ стачкѣ, упорно держатъ высокія цѣны на свои товары*, а потому не особенно страдаютъ даже и при *невкладныхъ* сдѣлкахъ. То-есть торгуютъ они безъ риску“ („С.-Петерб. Вѣд.“ 1873 г., № 108). Свидѣтельство это сибирскаго торговца, какъ человѣка компетентнаго въ этихъ дѣлахъ, совершенно подтверждается многими фактами и вообще ходомъ сибирской промышленности. Всѣ частныя условія и продажа товаровъ на ярмаркахъ нижегородской, ирбитской и другихъ держатся на обширномъ кредитѣ. Собственныя выгоды фабрикантами и гуртовыми торговцами отъ этого кредита очень хорошо усвоены. Привычка сдавать товаръ только въ кредитъ, получая впослѣдствіи огромные барыши, а также выгода сбывать плохой, залежалый товаръ при этомъ до того вошла въ обыкновеніе,

что московскіе торговцы отказываются даже иногда иначе продавать. И этимъ объясняется случай съ однимъ сибирскимъ неопытнымъ торговцемъ, явившимся покупать товаръ въ Москву, которому отвѣтили: „нѣтъ, на деньги мы не отпускаемъ: хотите—такъ берите въ кредитъ!“ Зато и тѣ, которые пользуются кредитомъ, усвоили себѣ особые обороты. Извѣстны сибирскіе торговцы, которые банкротились и предлагали на выборъ: или полный отказъ отъ уплаты, или повременить, дать имъ обернуться кредитомъ въ Москвѣ. Забирая товаръ, они разомъ затѣмъ поправляли дѣла на сибирскихъ покупателяхъ. Сибирскіе торговцы такъ привыкли пользоваться чрезвычайными обстоятельствами, наживаться въ счетъ провоза, на счетъ случайныхъ повышеній цѣнъ, что, при мысли о желѣзной дорогѣ, высказывали даже опасенія, какъ бы она не подорвала ихъ монополіи. Тѣ же отношенія, которыя существуютъ въ мелочной и частной торговлѣ, отражаются и въ общей. Они подтверждаются итогами и валовыми цифрами обмѣна на нижегородской, ирбитской, ишимской и другихъ ярмаркахъ, то-есть – всею торговлею Сибири. Ирбитская ярмарка имѣетъ оборота до 50.000,000 руб. По вѣдомости 1866 года, продано на ней мануфактуры въ Сибирь на 23.179,800 рублей. Продано сибирскихъ сырыхъ произведеній на 6.719,400 руб.

На никольской ярмаркѣ въ Ишимѣ сбыто русской мануфактуры на 1.036,340 руб., сибирскаго сырья на 856,900 руб. На крестовской ярмаркѣ, Пермской губерніи, по отчету 1868 г., мануфактуры продано на 3.376,990 руб., сибирскаго сырья— на 510,000 руб.

Отношеніе и процентъ, какимъ выражается оборотъ мануфактуры сравнительно съ сырьемъ, указываетъ, что цѣнность сырья никогда не покрываетъ запроса на мануфактуру. Обнаруживаемыя цифры близки къ предположенію, что Сибирь кредитуется на 75%. Вся сумма товаровъ, въ недавніе годы обращавшихся на ишимской, ирбитской и ивановской ярмаркахъ, о которыхъ мы могли найти только свѣдѣнія, распредѣлялась такимъ образомъ: покупается въ Сибирь мануфактуры на 27.593,130 руб. и сырья сдается на 8.086,300 руб. Въ послѣдній 1875 г., на ирбитской ярмаркѣ, изъ суммы 43.000,000 руб., мануфактура занимала 30.000,000 руб. (Ирбит. ярмар. лист. 1876 г., № 1).

Относительно Нижегородской ярмарки мы узнаемъ только изъ изслѣдованія г. Овсянникова по поводу желѣзной дороги, что привозъ сибирскихъ товаровъ на Нижегородскую ярмарку равняется отъ 15 до 16.000,000 р.; сбытъ же мануфактуръ и

бакалеи въ Сибирь и на Уралъ, какъ и въ Азію, равняется 2.500,000 пудамъ (цѣнность не обозначена).

Въ общемъ по поводу проведенія желѣзной дороги было высчитано, что въ Сибирь проходитъ 18.000,000 пуд. клади. Если провозъ въ Западную Сибирь мы положимъ по 1 р. за пудъ, а въ Восточную Сибирь до 6 р. за пудъ (нынѣшняя цѣна), мы поймемъ, что переплата за провозъ равняется почти 63 милліонамъ рублей, которые ложатся значительной тяжестью.

Итакъ, нашъ Востокъ въ большинствѣ потребленія долженъ оплачивать мануфактуру и провозъ ея по самой дорогой цѣнѣ и при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ торга. Изъ этого видно, что надъ Востокомъ тяготѣетъ самая широкая и грандіозная мануфактурная эксплуатація. Въ этомъ случаѣ, Востокъ и Сибирь стоятъ въ той же тяжкой зависимости, какъ всякая страна сырья къ мануфактурному рынку, не умѣвшая обезпечить себя собственнымъ хозяйствомъ. При безцеремонной наживѣ, мануфактурная эксплуатація здѣсь отражается вдвое хуже.

Нельзя сказать, чтобы невыгоды такого положенія дѣлъ въ краѣ не замѣчались. Такъ, напримѣръ, въ виду обнаруженныхъ стремленій относительно эксплуатаціи богатствъ на Востокѣ и вывоза ихъ, при обсужденіи вопроса о сибирской желѣзной дорогѣ не разъ заявленныхъ, явились уже опасенія: не будетъ-ли, при такихъ условіяхъ, самая желѣзная дорога орудіемъ для продолженія тѣхъ же средствъ наживы, какія практиковались до сихъ поръ, и не пора-ли позаботиться скорѣе о поднятіи мѣстныхъ промысловъ, дабы желѣзная дорога могла быть употреблена не для одного вывоза сырья, а и для пользъ края и населенія? Наконецъ, чрезвычайно важно опредѣлить, въ указаніи подобныхъ не нормальныхъ явленій и отношеній на Востокѣ, кто болѣе всего проигрываетъ. Мануфактура, постоянно увеличиваясь въ потребленіи, какъ извѣстно, всегда сама распоряжается своею цѣною; она имѣетъ всѣ шансы распорядиться рынкомъ; за то сырье идетъ по самой низкой цѣнѣ. Мануфактура, все болѣе и болѣе развивая потребности, расширяетъ районъ покупателей и все болѣе получаетъ выгодъ; капиталъ ея, въ общей суммѣ, растетъ, но сырье, сколько ни функціонируется при низкихъ цѣнахъ, никогда не равняется капиталу, слѣдуемому за мануфактуру; отсюда — невозможность погасить долгъ, кредитъ и вѣчная кабала мануфактуристу. Кредитъ этотъ не можетъ уплачиваться исправно, потому что, въ частности, продавецъ мануфактуры въ Сибири опирается на производителя сырья; отсюда— рядъ перемежающихся банкротствъ; сибирскій торговый капи-

талъ постоянно лопается и служитъ выразительнымъ признакомъ общаго народнаго дефицита всей страны. Кто же больше всего проигрываетъ въ этомъ дефицитѣ? Мануфактура и мануфактуристъ, доставляющіе на Востокъ товаръ — явно въ выигрышѣ, не смотря на сибирскія банкротства; лично онъ не раззоряется, хотя ему долгъ не платятъ иногда; но онъ его давно выбралъ въ процентѣ на кредитъ. Въ общей суммѣ, покупка мануфактуры сильно растетъ. Это можно видѣть на ввозѣ мануфактуръ на ярмарки. Какъ торговля ея увеличивается, свидѣтельствуютъ, напримѣръ, цифры шерстяныхъ и бумажныхъ товаровъ. Въ 1857 г., на Ишимскую ярмарку ихъ шло на 173,000 р.; въ 1867 г. уже на 384,000 р.—и такъ всѣ мануфактуры. То же видно и изъ цифръ Ирбитской ярмарки за послѣдніе года. Что касается сибирскаго торговца, берущаго въ кредитъ у мануфактуриста, то мы приводили свидѣтельство сибирскаго торговца; а что и онъ не въ потерѣ—видно изъ того, что онъ идетъ на сдѣлку, платитъ 25 к. за рубль, ибо капиталу у него мало, но оставляетъ себѣ на черный день и опять разживается, или мануфактуристъ, наконецъ, великодушно погасивъ давно уплаченный долгъ, даетъ ему вновь въ кредитъ и дѣлаетъ опять своимъ агентомъ въ торговлѣ. Банкротства не уменьшаютъ кредитъ для Востока, ибо не другой, такъ третій агентъ, сибирякъ, явится для передачи мануфактуры, торговые дома всплываютъ и уплываютъ; для мануфактуриста это — просто разсчетъ приказчиковъ, и сословіе кулаковъ и торговцевъ въ Сибири не уменьшается и не пропадаетъ; торговля идетъ по-прежнему. На кого же ложится тяжесть дефицита? кто все оплачиваетъ? Ясно — потребитель мануфактуры. Говоря о сибирскихъ банкротствахъ, г. Бутинъ дѣлаетъ и въ эту сторону уступку. „Потребители, въ концѣ концовъ, также страдаютъ, говоритъ онъ: — потому что посредники между ними и производителями, т. е. торговцы любятъ жить не по средствамъ, и всѣ дѣлаемые на себя расходы, нерѣдко доходящіе до весьма значительной суммы, непремѣнно падаютъ на потребителя, въ видѣ приплатъ на покупаемомъ товарѣ, такъ какъ фабрикантъ, проученный одной, другой „сдѣлкою“ (т. е. банкротствомъ), обыкновенно *поднимаетъ цѣну* на предметы своего производства“. Итакъ, потребитель несетъ всѣ тяжести; онъ даетъ и барышъ мануфактуристу, и платитъ за его кредитъ; онъ кормитъ сибирскаго торговца, служащаго передатчикомъ и живущаго не по средствамъ, онъ же отвѣчаетъ и за банкротство послѣдняго. Вотъ кто въ убыткѣ. Но потребитель мануфактуры есть, въ то же время, и производитель сырья, т. е. рабочій и земледѣльческій

классы Сибири, а съ ними — всѣ звѣроловы и скотоводы, русскіе и инородцы. На нихъ, на этотъ низшій классъ рабочаго крестьянства и инородцевъ обрушиваются всѣ невзгоды. Мы указали, что положеніе сибирскаго торговца-капиталиста не особенно прочно: онъ на послугахъ у мануфактуриста, дающаго ему въ долгъ товаръ для распродажи по назначенной цѣнѣ; цѣну эту онъ долженъ выбрать, да еще себѣ получить барышъ. Коммиссіоннаго процента, который ему придется, при высокой безъ того цѣнѣ мануфактуры, ему мало: онъ желаетъ „жить не по средствамъ“, какъ выражается г. Бутинъ; онъ хочетъ, наконецъ, сдѣлаться капиталистомъ и брать на наличныя тотъ товаръ, который ему отпускали въ долгъ; все это заставляетъ его искать себѣ монополіи — вотъ ея причина; затѣмъ, съ цѣлью распространить и скорѣе сбыть товаръ потребителю, онъ рѣшается пускать его *въ кредитъ*, за который опять беретъ процентъ. Въ этомъ случаѣ, торговецъ беретъ примѣръ съ мануфактуриста, закабаляющаго его кредитомъ; онъ старается и самъ кабалить. Сибирскій торговецъ, раздавая привезенный товаръ въ кредитъ, въ то же время и скупщикъ сырья; иногда это сосредоточивается и не въ одномъ лицѣ, но это все равно. И въ этомъ случаѣ, сибирскій торговецъ — агентъ мануфактуриста. Чтобы получить больше барыша себѣ, при сдачѣ сырья на ярмаркѣ, или этимъ сырьемъ пополнить долгъ за розданную мануфактуру, онъ старается возможно понизить цѣну сырья, какъ можно менѣе давая производителю, и этимъ опять служитъ цѣлямъ и выгодамъ мануфактуриста. Дѣйствуетъ же онъ, въ этомъ случаѣ, къ явному ущербу страны и ея производительныхъ силъ и, раззоряя другихъ, раззоряется часто самъ. Но, желая наживы и стремясь уплатить наростающій долгъ, онъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ, т. е. отдавая въ кредитъ мануфактуру за огромныя цѣны инородцу и крестьянину и скупая у него сырье, какъ можно ниже, дѣйствуетъ безпощадно, употребляетъ всѣ средства обсчитыванья, обмана, начета, фальсификаціи. Торговецъ помнитъ, что и онъ должникъ, а потому кабалитъ другого. Вотъ что должно считать источникомъ сибирской кабалы. На производителѣ сырья, крестьянствѣ, между тѣмъ, зиждется цѣлая пирамида тягостей. Крестьянинъ оплачиваетъ жизнь мануфактуриста, приказчика его, сибирскаго купца, оплачиваетъ провозъ, кредитъ и сбываетъ свой продуктъ въ ущербъ себѣ, не зная куда съ нимъ дѣваться. Отсюда вѣчный начетъ, вѣчные долги на производителѣ сырья и потребителѣ мануфактуры; онъ не можетъ и не въ состояніи

ихъ выплатить, потому что ему годъ отъ году сваливается на шею и чужой долгъ: онъ несетъ долгъ страны и торговца.

Послѣдствія этихъ ненормальныхъ отношеній развиты въ слѣдующей главѣ.

Таковъ въ главныхъ чертахъ промышленный и экономическій вопросъ края. Несомнѣнно, что разрѣшеніе этого вопроса будетъ лежать только въ развитіи внутреннихъ силъ Сибири.

Намъ продолжаютъ твердить по-прежнему о вывозѣ богатствъ края при помощи улучшенныхъ путей сообщенія, и, такъ сказать, объ открытіи новыхъ клапановъ изъ Сибири; но разрѣшается-ли этимъ вопросъ благосостоянія? Одинъ вывозъ не будетъ-ли послѣдней ликвидаціей оставшихся богатствъ края, если мы только не позаботимся о средствахъ увеличенія его производительности, если мы не дадимъ ему возможности развивать собственныя свои силы? Только отъ экономической культуры мы вправѣ ожидать оживленія нашего Востока и пріобрѣтенія имъ настоящаго значенія.

По этому поводу уже раздаются довольно вѣскіе и разумные голоса со стороны мѣстныхъ гражданъ, наиболѣе проникнутыхъ нелицемѣрнымъ желаніемъ развитія роднаго края,—голоса, нѣсколько охлаждающіе горячку къ сѣвернымъ путямъ и вывозу произведеній изъ Сибири. Вотъ примѣръ подобнаго отзыва [1]).

Въ смыслѣ культурно-образовательномъ пришествіе новаго человѣка, а тѣмъ болѣе съ Запада, насаждающаго у насъ, у русскихъ, всякія новшества, болѣе чѣмъ желательно; сибирякъ не на столько дикъ, чтобъ бояться высшей культуры; онъ давно готовъ принять лучшія формы жизни, потому что старыя слишкомъ ужъ устарѣли и стѣснили его жизнь и свободу. Какъ человѣкъ въ неволѣ радъ первому встрѣчному, такъ и сибирякъ, сжатый уральскимъ хребтомъ, радъ человѣку, пришедшему съ вольнаго Запада. При всей еще незначительности здѣсь иностраннаго элемента сибирякъ все-таки, сравнивая иностранца съ собою, замѣчаетъ большую разницу и поучается ей, находя его порядки лучшими, достойными подражанія. Со стороны же экономической, пришествіе западнаго человѣка, „изъ не нашихъ“, едва-ли особенно желательно, потому что западный человѣкъ съ искони вѣка привыкъ только эксплуатировать восточнаго человѣка; не сдѣлаетъ же онъ для насъ исключенія! Еслибъ западный человѣкъ ввозилъ къ намъ сахаръ, масло, керосинъ, консервы разные, мебель, машины и т. п., все это мы принимали бы охотно и

[1]) Иностранцы и сибирская торговля, Скорнякова, „Сибирская Газета“, № 34.

за все это съ готовностью отдавали бы наши бумажки, лишь бы не требовалъ онъ за все это нашего сырья, въ особенности нашего хлѣба, которымъ мы, въ годы неурожайные, сами едва прокармливаемся; пусть онъ беретъ отъ насъ то, въ чемъ мы сами не нуждаемся, и что, тѣмъ или другимъ путемъ, все-таки уходитъ за-границу, напримѣръ, пусть онъ беретъ отъ насъ скотскіе рога, щетину, шерсть, пушнину и т. п. Для достиженія этого представляется одинъ путь — путь конкурренціи. Но прежде всего надо устроить наши внутренніе пути сообщенія, соединить наши рѣки каналами, желѣзными путями, и вызвать такимъ образомъ къ жизни новые рынки, рынки внутренніе, которые бы урегулировали цѣну на все въ Сибири, уничтоживъ въ ней рѣзкую разницу, благодаря которой однѣ мѣстности голодаютъ, а другія отъ избытка ломятся. Эти рынки удержали бы въ себѣ мѣстное сырье, не отдавая его, при нуждѣ, за-границу, и создали бы такимъ образомъ противовѣсъ иностранной эксплуатаціи.

Точно такіе же отзывы слышатся по поводу желѣзной дороги.

Самое значеніе для мѣстной производительности этихъ дорогъ въ послѣднее время въ Сибири возбуждаетъ опасенія, не лишенныя основанія, а именно: предполагаютъ, что дѣятельность этихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ направлена прежде всего къ вывозу сибирскихъ произведеній въ сыромъ видѣ. Между тѣмъ вопросъ о вывозѣ сырья по самой низкой цѣнѣ, такъ сказать спекуляція на него, не можетъ разсматриваться въ смыслѣ выгоды для народной экономіи. Съ точки зрѣнія этой экономіи всегда будетъ имѣть болѣе значенія обработка собственныхъ произведеній на мѣстѣ, давая трудъ населенію, повышая его рабочую плату и путемъ обработки возвышая цѣну мѣстныхъ произведеній природы.

Вторая географическая особенность Сибири, побуждающая къ насажденію и развитію производительныхъ силъ, это — сосѣдство съ азіатскими странами и значительное число инородцевъ, какъ входящихъ въ составъ сибирскаго населенія, такъ и прилегающихъ къ границамъ. Сибирь, по отношенію къ сосѣднимъ дикарямъ и рынкамъ Азіи, должна когда-нибудь играть роль мануфактурнаго рынка. Если дороги заводскія и мануфактурныя произведенія для Сибири, то можно себѣ представить, какъ должна повышаться цѣна ихъ на средне-азіятскихъ, туркестанскихъ и монгольскихъ рынкахъ. Для того, чтобы снабжать эти рынки нашими произведеніями и сколько-нибудь конкурировать съ произведеніями иностранными, проникающими въ

Азію, а также сдѣлать наши произведенія для азіатцевъ доступными по цѣнѣ и склонить ихъ къ пріобрѣтенію предметовъ нашего производства, мы должны подвинуть самое производство какъ можно ближе къ ихъ границамъ и въ этомъ случаѣ Сибирь должна представить наиболѣе соотвѣтствующій этимъ цѣлямъ районъ. Если различныя подѣлки и произведенія, въ томъ числѣ и предметы кустарной промышленности, проникаютъ изъ Россіи въ Монголію, Китай и Туркестанъ, то можно себѣ представить, на сколько усилится сбытъ ихъ при развитіи сибирской промышленности.

Таково должно быть въ общемъ направленіе экономической жизни края, если онъ захочетъ воспользоваться своими богатыми произведеніями и своимъ положеніемъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

ПОЛОЖЕНІЕ СИБИРИ.

VIII.

Зажиточность и бѣдность сибирскаго населенія. — Господствующія явленія монополіи, міроѣдства, кабалы и торговой зависимости. — Типы кулаковъ и міроѣдовъ. — Земледѣльческая и торговая кабала.—Зависимость инородцевъ.— Исторія монополіи и кабалы на Востокѣ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ— Борьба администраціи съ монополистами.—Болѣе нормальные пути экономическаго развитія и будущность края.

Экономическая неразвитость края, его исключительное положеніе и зависимыя торговыя отношенія не могли не отразиться на бытѣ и степени благосостоянія мѣстнаго населенія. Мы сказали, что когда-то сложилось представленіе, что въ Сибири живутъ богато и населеніе благоденствуетъ. Нынѣ это подлежитъ провѣркѣ. Извѣстная зажиточность населенія за Ураломъ и бо́льшее благосостояніе крестьянъ, чѣмъ во внутреннихъ бывшихъ крѣпостныхъ губерніяхъ Россіи, правда, не могли не броситься въ глаза всѣмъ заѣзжимъ и путешественникамъ. Это объяснялось отчасти условіями жизни зауральскаго крестьянина; новая страна, дѣвственная почва, незаповѣдные лѣса, свободный трудъ и отсутствіе крѣпостнаго права. Но рядомъ съ этимъ весьма давно уже замѣчено другое явленіе, это—явленіе обѣдненія, нищеты и крайне зависимаго положенія. Подобные факты, находимые повсюду, заслуживаютъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ благословенные райскіе уголки, уцѣлѣвшіе, какъ рѣдкое исключеніе, въ Сибири. Мы говоримъ объ экономическомъ явленіи, давшемъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ обрисовать Сибирь, какъ мѣсто

самыхъ грубыхъ, корыстолюбивыхъ стремленій, доводившихъ до раззоренія трудящуюся часть населенія и выразившихся въ монополіи и кабалѣ. Сдѣлавъ попытку изслѣдованія въ особой монографіи по исторіи монополіи, кабалы и новѣйшаго міроѣдства на Востокѣ, мы не могли не найти связи и причинъ этого явленія съ общимъ экономическимъ положеніемъ края.

Сибирь не была обѣтованною страною для населенія. Въ экономической жизни она испытала общую участь—рядомъ съ богатствомъ и горькой бѣдности. Страна контрастовъ, она еще рѣзче выразила это различіе состояній, различіе богатства и бѣдности, а также инстинкты пріобрѣтенія и наживы.

Въ средѣ промышленной жизни Востока, явленіе монополіи сказалось шире со всѣми его послѣдствіями, точно также, какъ и экономическая зависимость выразилась рѣзче въ лицѣ кабалы, покручничества и т. д. На эти явленія указываютъ нынѣ, какъ на односторонность развитія и какъ на язву внутренняго хозяйства страны, поэтому они не могутъ быть обойдены изслѣдователемъ мѣстной экономической жизни.

Прежде всего, конечно, придется указать на деревенское міроѣдство и кабалу.

Для характеристики мы беремъ сначала самую обыкновенную форму міроѣдства земледѣльческаго, существующаго какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири. Вотъ какъ оно обрисовывается однимъ наблюдателемъ. Въ деревенскомъ населеніи есть много людей бѣдныхъ и нуждающихся въ кредитѣ въ трудную минуту. Наступаетъ сборъ податей: наѣхала земская полиція, сельское начальство приходитъ въ волненіе; денегъ у крестьянъ нѣтъ; являются на сцену угрозы и розги. Міроѣды молчатъ. Только когда бѣдные доведены до крайнихъ предѣловъ отчаянія, они развязываютъ кошельки. Съ этого дня начинается нѣжнѣйшая связь между міроѣдомъ и его жертвою; міроѣдъ заступается за бѣднягу, старается доставлять ему разныя выгоды, какъ скоро это ему ничего не стóитъ; но это покровительство дорого достается бѣдняку: онъ нетолько долженъ исполнять тягостныя условія, подъ которыми получалъ деньги; онъ долженъ быть съ семействомъ непремѣннымъ членомъ на всѣхъ помочахъ, посредствомъ которыхъ міроѣдъ стяжаетъ свои богатства. Міроѣдъ пашетъ посредствомъ помочей, коситъ сѣно—тоже, убираетъ хлѣбъ—тоже, рубитъ дрова—тоже. За какой-нибудь стаканъ вина его кліентъ продаетъ ему свой трудъ, а его собственныя поля остаются невоздѣланными, скотъ безъ корму. Поставленный разъ въ подобное положеніе, бѣднякъ попадаетъ въ безвыходную ка-

балу; онъ опускается все ниже и ниже, трудъ свой продаетъ все дешевле и дешевле, пока не доходитъ до баснословной дешевизны. Цѣлое семейство работало на міроѣда цѣлый годъ за тёлку; крынка простокваши — вознагражденіе, нерѣдко даваемое міроѣдомъ за день женскаго труда; дѣти работаютъ на него изъ-за одного хлѣба. Вотъ какимъ образомъ міроѣды доходятъ до поражающихъ наблюдателя богатствъ, запахиваютъ сотни десятинъ, имѣютъ сотни штукъ скота, имѣютъ обширные пчельники — и все это достается имъ за безцѣнокъ. Подобные люди достигаютъ огромнаго вліянія въ сельскомъ обществѣ, вліяютъ на всѣ дѣла, входятъ какъ распорядители, какъ факторы экономической жизни и являются даже узурпаторами власти; они держатъ своихъ односельчанъ, какъ рабовъ, чинятъ беззаконные судъ и расправу, дѣлая массу злоупотребленій.

Въ исходѣ XVIII-го и 1-й четверти XIX-го столѣтія, въ Кузнецкомъ Округѣ Верхо-Томской волости, въ деревнѣ Березовой, жилъ богатый крестьянинъ заводскаго вѣдомства, Иванъ Степановъ Новиковъ. Домъ у него построенъ былъ на берегу рѣчки Березовки, при впаденіи ея въ Томь, на городскую руку, и далеко отличался отъ прочихъ, какъ величиною своею, такъ и красивымъ наружнымъ видомъ; богатое же внутри убранство комнатъ дѣлало его похожимъ на домъ значительнаго помѣщика. Въ смежности съ этимъ домомъ находились два, порядочной величины, сада, правильно расположенные, съ фигурными бесѣдками, цвѣтными грядами и въ разныхъ мѣстахъ скамейками. Занимался Новиковъ хлѣбопашествомъ въ огромномъ размѣрѣ и торговлей разнаго рода скотомъ въ значительномъ количествѣ. Часть хлѣба отправлялась имъ сплавомъ по рѣкамъ Томи, Оби и Иртышу, на продажу въ Сургутъ и Березовъ. Для работъ по хлѣбопашеству и ухода за скотомъ онъ содержалъ до 80 работниковъ изъ годовой платы и для присмотра за полевыми работами, за порядкомъ въ домѣ и для исполненія торговыхъ дѣлъ болѣе 40 приказчиковъ. Главное же управленіе по торговлѣ ввѣрено было томскому мѣщанину Ѳедору Корчуганову, который и распоряжался всѣмъ полновластно. Самъ Новиковъ разрѣшалъ только одни значительныя торговыя предпріятія, съ важностью выслушивая доклады и мнѣнія чинно стоявшихъ передъ нимъ главноуправляющихъ и нѣкоторыхъ болѣе смышленныхъ приказчиковъ, повѣрялъ торговыя книги, дѣлалъ по нимъ замѣчанія, сводилъ счеты и вообще дѣйствовалъ, какъ именитый торговый человѣкъ. Для выѣзда своего имѣлъ лучшихъ лошадей и много городскихъ экипажей; въ числѣ послѣднихъ даже была

выписана изъ Москвы коляска, въ которой Иванъ Степановичъ, четверней или парой, объѣзжалъ иногда поля свои, засѣянныя разнымъ хлѣбомъ, или ѣздилъ въ городъ, куда требовала надобность по дѣламъ его, или просто, вздумавъ прогуляться къ своимъ знакомымъ, имѣя ихъ множество въ высшемъ чиновномъ кругу. Поѣздка въ городъ сопровождалась всею роскошью знатности, составляя кортежъ изъ 4 экипажей, изъ коихъ въ главномъ сидѣлъ обыкновенно самъ Новиковъ, а въ остальныхъ сидѣли приказчики. Подъ свозъ такой свиты требовалось около 20 лошадей, которыя, по предварительному извѣщенію, и заготовлялись на станціяхъ едва не за недѣлю до пріѣзда его, ожидая Ивана Степановича, какъ нѣкую важную особу. Такой образъ жизни, при умѣ его и независимомъ состояніи, чрезвычайно сближалъ Новикова съ должностными лицами, любившими и даже уважавшими его. Къ сожалѣнію, онъ только во зло употреблялъ это расположеніе и, не будучи чуждъ корыстолюбія, богатство *пріобрѣталъ не совсѣмъ добросовѣстными средствами*. Не неся никакой общественной должности, онъ, однако же, тѣмъ не менѣе безнаказанно управлялъ Верхо-Томской волостью и, притомъ, такъ деспотически, что нетолько волостное и сельское начальство покорствовало ему, но и земскія и горныя власти смотрѣли на него сквозь пальцы, а крестьяне лишены были возможности противодѣйствовать ему и раболѣпно подчинялись всѣмъ его приказаніямъ. Ни одна мірская сходка не оканчивалась безъ рѣшенія Ивана Степановича, ни одно распоряженіе начальства не приводилось въ исполненіе прежде, пока не прикажетъ онъ. Очень рѣдко бывая на мірскихъ сходкахъ, Новиковъ зналъ, однако же, все, о чемъ происходило на нихъ совѣщаніе, по той причинѣ, что послѣ каждой сходки являлась къ нему депутація изъ крестьянъ и просила его совѣта и рѣшенія. Дурно ли, хорошо ли прикажетъ онъ, но дѣло рѣшалось окончательно по его наставленію, и если кто осмѣливался противорѣчить, ему грозили однимъ словомъ, что такъ приказалъ Иванъ Степановичъ. Волостное правленіе носило одно пустое названіе и скорѣе было канцеляріей Новикова, чѣмъ присутственнымъ мѣстомъ: всѣ споры между крестьянами, жалобы ихъ на обиды, одинъ другому нанесенныя, и прочіе иски и тяжбы ихъ разбирались однимъ Новиковымъ, во дворѣ дома его или на станціяхъ во время проѣзда, у той квартиры, гдѣ онъ останавливался. Въ первомъ случаѣ, строгій судья-самозванецъ, каждый день, утромъ или послѣ обѣденнаго отдыха, выходилъ на крыльцо и, сѣвъ въ приготовленныя кресла, выслушивалъ жалобы и просьбы собравшейся

толпы крестьянъ, спрашивалъ отвѣтчиковъ и обсуживалъ обстоятельства, тутъ же рѣшалъ дѣла окончательно, и горе обвинчемому: его подводили къ столбу, на дворѣ врытому, привязывали ремнями и наказывали плетьми до тѣхъ поръ, пока угодно было Ивану Степановичу; а онъ былъ до того жестокосердъ, что то и дѣло кричалъ: „прибавьте ему“, такъ что иногда несчастнаго уносили на рукахъ полумертваго; подобныя рѣшенія случались и на станціяхъ, хотя и нечасто. Во время рекрутскихъ наборовъ, по полученіи въ волостномъ правленіи указа о приготовленіи очередныхъ семействъ для поставки рекрутъ, хотя и составлялся для этого мірской сходъ, на которомъ избирались семейства, на очереди состоящія, но все это была пустая форма; Иванъ Степановичъ устроивалъ дѣло по своему. Онъ на дому у себя составлялъ списокъ о тѣхъ лицахъ, которыхъ желалъ отдать въ рекруты, и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, отсылалъ его въ волостное правленіе съ приказаніемъ, чтобъ поименованныя въ немъ семейства немедленно приготовлены были къ отправкѣ, и затѣмъ, въ назначенный день, отсылалъ ихъ въ рекрутское присутствіе съ письмами отъ себя на имя кого слѣдовало. Привозимые, такимъ образомъ, принимались въ рекруты безъ малѣйшаго въ чемъ-либо затрудненія и задержки, такъ что волость очищалась за одинъ разъ, безъ недоимки, и считалась въ этомъ случаѣ самой исправной. Обсчитать при разсчетѣ кого-нибудь лишними процентами на одолженныя въ займы деньги Новиковъ также не считалъ для себя грѣхомъ. *Крестьяне постоянно были у него въ долгу*, и, сколько ни уплачивали, все оставались недоимки. Избытки въ скотѣ, а также и въ другихъ припасахъ, входили въ составъ торговли Ивана Степановича; крестьяне очень мало продавали въ стороннія руки: *все везлось* къ нему и *сдавалось приказчикамъ*; а цѣны за принятый товаръ зависѣли отъ самого Новикова безпрекословно. Если онъ узнавалъ, что у какого-нибудь крестьянина появилась хорошая лошадь, то, не раздумывая долго, сейчасъ же посылалъ приказчика къ владѣльцу такой лошади съ приказаніемъ отобрать ее и привести къ нему. Посланный отправлялся, осматривалъ лошадь и, найдя ее доброю, уводилъ на дворъ Ив. Ст—ча, а хозяину приказывалъ явиться туда же черезъ недѣлю. Не смѣя ослушаться, крестьянинъ молча смотрѣлъ на уводимую и нерѣдко любимую лошадь и не рѣшался дѣлать ни малѣйшаго возраженія. Когда лошадь Новикову понравится, то оставалась вовсе у него, а прежнему хозяину, явившемуся въ назначенное для того время, платили за нея сколько вздумается Ив. Ст—чу и всегда менѣе

противъ стоимости; крестьянинъ оставался доволенъ и тѣмъ, что получилъ, очень хорошо понимая, что ни убѣжденія, тѣмъ болѣе возраженія, не поведутъ ни къ чему доброму; его-же прикажутъ вытолкать вонъ, а при случаѣ отомстятъ еще посильнѣе. Высшія власти, посѣщая Томскъ и Барнаулъ, также хорошо знали Ив. Ст—ча; принимали его запросто, на чай или обѣдъ. Ѣзжали съ нимъ по городу въ одномъ экипажѣ и, при случаѣ, пивали за его здоровье. Біографія эта помѣщена въ Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1858 г. № 43.

Во время путешествія нашего по Сибири мы наталкивались постоянно на подобныхъ крестьянъ-богачей, держащихъ остальныхъ въ кабалѣ.

Въ деревнѣ Костылевой мы встрѣтили обширное хозяйство крестьянъ братьевъ Красноусовыхъ. Домъ ихъ былъ поставленъ на городскую ногу, обширные сараи и склады огораживали обширный дворъ, 5 сараевъ были наполнены 17,000 пудовъ скупленнаго хлѣба. Хлѣбъ скупался по 17 и 20 коп., продается же нуждающимся крестьянамъ по 50 к., а на рынкѣ по 70 коп. Понятны значительные дивиденды. Красноусовы имѣютъ 2 мельницы, до 300 головъ рогатаго скота, распахиваютъ наймомъ до 100 десятинъ земли и во время уборки хлѣба у нихъ работаетъ до 40 работниковъ; въ большинствѣ это должники, трудъ десятинщика оплачивается ими въ страду 2 руб., а обыкновеннаго работника 3 руб. Работникъ отъ Пасхи до Дмитріева дня, до 26-го октября, получаетъ у нихъ 25 руб., сапоги, 2 пары рубахъ со штанами и бродни. Къ торговлѣ присоединяется ростовщичество. Крестьяне-богачи роздаютъ товаръ и деньги въ долгъ крестьянамъ, ставя двойныя цѣны. За долги идетъ безпощадное взысканіе и за долгъ, такимъ образомъ, пріобрѣтается не только скотъ, но и крестьянскіе дома. Въ каждой волости и на каждый раіонъ есть одинъ или два такихъ выдвинувшихся крестьянъ-скупщиковъ. До какихъ размѣровъ можетъ дойти обогащеніе этимъ путемъ, примѣромъ служитъ состояніе и доходъ крестьянина Сорокина, имѣвшаго недавно хозяйство на Карасукѣ къ югу отъ Юдинской волости и арендовавшаго земли у горнаго вѣдомства. Онъ имѣлъ запасовъ до 100,000 пудовъ пшеницы, въ табунѣ его находилось 8,000 головъ скота, въ томъ числѣ 500 аргамаковъ. Торговля скотомъ огромна; рогатаго скота отправлено: въ Оренбургъ 2,800 головъ, въ Енисейскую тайгу на пріиски 1,500 головъ, на Иртышѣ пасется 1,400. Кромѣ того, у него находится кожевенный заводъ, на которомъ выдѣлывалось 5,000 кожъ. Въ Павлодарѣ 2 лавки съ мануфактурными

товарами. За разными лицами долговъ, между прочимъ за однимъ оренбургскимъ торговцемъ, 150,000 рублей. По смерти своей, въ 1878 году, онъ оставилъ по завѣщанію деньгами 6-ти сыновьямъ по 40,000 руб. каждому — 240,000 рублей, 2-мъ племянникамъ по 40,000 руб. каждому—80,000 рублей и 3-мъ дочерямъ по 5,000 руб., всего 15,000 руб. Состояніе и имущество этого крестьянина, занимавшагося покупкою и продажею хлѣба и скота, равнялось болѣе милліона рублямъ. Такова разница въ матеріальныхъ условіяхъ и степени богатства среди сибирскихъ крестьянъ, зависящая отъ способовъ пріобрѣтенія, а также вліянія деревенскихъ скупщиковъ и кулаковъ въ сибирской жизни, явленія, давно подмѣченнаго различными изслѣдователями. Мы видимъ, что въ глухихъ мѣстахъ на Барабѣ, при отсутствіи конкуренціи, низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, нуждѣ крестьянъ въ деньгахъ и потребности кредита, вліяніе кулаковъ и скупщиковъ чрезвычайно сильно и увеличеніе ихъ богатства происходитъ на счетъ остальнаго крестьянства, отзываясь чрезвычайно невыгодно на экономическомъ уровнѣ массы.

Земледѣльческая кабала существуетъ во многихъ мѣстахъ Сибири; ближе сказать, трудно было бы найти мѣсто, гдѣ бы это явленіе не существовало. Вотъ какъ описываетъ явленіе міроѣдства одинъ корреспондентъ въ другомъ концѣ Сибири, въ Верхоленскомъ Округѣ. „Общинное владѣніе землей безъ передѣловъ породило особую общественную язву въ Верхоленскомъ Округѣ: это — кабалу-батрачество. Земли много, и богачи изъ крестьянъ, располагая болѣе значительными силами, эксплуатируютъ бѣдныхъ, постоянно занимаясь расчисткой удобныхъ къ хлѣбопашеству мѣстъ, которыя, по сибирскому обычаю, переходятъ отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку и т. д., изъ рода въ родъ; они захватываютъ огромные участки земли: такъ, нѣкоторые имѣютъ до 300 десятинъ и засѣваютъ, посредствомъ помочей, до 100 десятинъ, подчиняя, благодаря своему вліянію, за безцѣнокъ трудъ бѣднѣйшихъ собратій, строятъ барки и сплавляютъ хлѣбъ до Витима или мачинской резиденціи, гдѣ и получаютъ 400 и 500 процентовъ на затраченный капиталъ. При наступленіи срока уплаты податей, когда бѣдное населеніе мечется изъ угла въ уголъ, въ это время міроѣды ловятъ этихъ несчастныхъ, и если жертва попадется въ лапы, взявши какихъ-нибудь несчастныхъ 10—15 руб., то ей уже не вырваться вѣчно. „Я знаю одинъ подобный примѣръ, пишетъ корреспондентъ: — за долгъ отца, взявшаго первоначально маленькую сумму и работавшаго до самой смерти на своего кредитора для удовлетворенія, при чемъ все-

таки долгъ возросъ, при смерти его, до 200 рублей, міроѣдъ взялъ отъ матери вдовы [болѣе взрослаго 14-ти лѣтняго сына, оставивъ ее съ двумя малолѣтками, и мѣстное волостное правленіе, облекши это рабство законнымъ порядкомъ, засвидѣтельствовало, что вдова за долгъ отдала своего сына на 8 лѣтъ въ работники".

Разсматривая типъ міроѣда—земледѣльческаго крестьянина, мы видимъ въ немъ соединеніе ростовщика, получающаго плату и проценты трудомъ, возвысить который состоитъ въ его произволѣ. Но является и другая болѣе сложная форма кабалы: это—кабала *торговая*, когда дается производителю впередъ задатокъ на будущій продуктъ или онъ снабжается товаромъ. Она существуетъ также во многихъ мѣстахъ Сибири.

Образчикомъ мы можемъ представить положеніе алтайскихъ крестьянъ, по описанію извѣстнаго ученаго Радлова. Вотъ что сообщаетъ Радловъ въ „Reise durch den Altai" въ XXIII томѣ архива Эрмана (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Berlin). „Много кедровъ около Телецкаго Озера, но жители крайне бѣдны. Большое дерево даетъ 30 фун. орѣховъ, худое—2 фун. Пудъ стоитъ 1—2 руб. ассигн. Кедровая торговля, которая могла бы доставить достатокъ жителямъ, и есть главная причина бѣдности. Урожай кедровыхъ орѣховъ бываетъ годомъ, по здѣшнимъ сказкамъ черезъ три года. Во время неурожая и бѣлки мало. Вотъ въ такіе-то плохіе года купцы пользуются положеніемъ бѣдняковъ и щедро, при наступленіи перваго худого года, открываютъ имъ свои лавки, подъ условіемъ, что осенью за каждый рубль ассигн. они должны доставить пудъ орѣховъ; если покупщикъ не доставитъ, то долженъ, вмѣсто каждаго недостающаго пуда, доставить два рубля. Долгъ въ слѣдующіе два года увеличивается такъ, что можетъ быть удовлетворенъ только тѣмъ, если бѣднякъ въ хорошій годъ можетъ собрать столько орѣховъ, сколько долженъ купцу. Для ясности представляется примѣръ. Инородецъ беретъ отъ купца, въ началѣ перваго худаго года товару на 20 руб. ассигн. и обѣщаетъ осенью 20 пуд. орѣховъ. Но онъ доставилъ только 10 пуд. и остается, такимъ образомъ, купцу долженъ 20 рублей ассигн. Купецъ вѣритъ въ долгъ до слѣдующаго года, подъ условіемъ—опять доставить 20 пуд. Во второй годъ дѣло еще хуже, и онъ можетъ доставить только 5 пуд. орѣховъ и остается должнымъ 15 пуд., то-есть 30 руб. ассигн. Купецъ отсрочиваетъ опять долгъ на годъ, но и въ этотъ годъ инородецъ доставляетъ только 5 пуд.; такимъ образомъ, долгъ его возвысился

въ 25 пуд. орѣховъ или 50 руб. Если, въ слѣдующій хорошій годъ, удается ему доставить 30 пуд., то на второй годъ онъ долженъ только 40 пуд., и если еще въ третій годъ доставитъ 30, то останется долженъ 20 пуд. *Но купецъ получаетъ за 20 руб. ассиг.* 100 пуд. орѣховъ, *которые онъ продаетъ за 150 руб. ассиг.* Понятно, эта торговля должна обѣднять народъ, потому что купецъ шесть лѣтъ терпитъ долгъ на инородцѣ и все, что ему не заплачено въ орѣхахъ, должно быть заплачено деньгами, мѣхами или скотомъ". Вотъ что сообщаетъ затѣмъ г. Радловъ о характерѣ торговли въ Алтаѣ: „Китайскіе товары: чай, дабы продаютъ наши купцы ужъ въ самомъ Алтаѣ и на Чуѣ подданнымъ нашимъ калмыкамъ. Чай тамъ цѣнится въ два теленка или въ одного большого барана; большія дабы, ян-дан-лан-бу, купленныя за два чая, продаются за три. Бо́льшая часть купцовъ имѣютъ на Чуѣ или въ Алтаѣ заимки, гдѣ на калмыцкихъ земляхъ держатъ свой скотъ на подножномъ корму. Тамъ зимуетъ и поправляется худощавый скотъ; тамъ выростаетъ мелкій скотъ и лошади, и верблюды, необходимые купцамъ для перевозки тяжестей; тамъ они кормятся и выростаютъ безъ всякихъ издержекъ со стороны хозяевъ. Кромѣ того, купцы отдаютъ цѣлыя стада для охраненія по очень выгодной для нихъ цѣнѣ. Что такая торговля даетъ чрезвычайно много прибыли купцамъ— понятно изъ вышесказаннаго, но все-таки многіе изъ нашихъ торговцевъ не довольствовались этими выгодами и пользовались отдаленностью края, чтобы еще увеличить свою прибыль. Я уже гораздо ранѣе имѣлъ случай говорить объ одномъ обычаѣ, существующемъ при торговлѣ съ инородцами. Это — продажа товаровъ на мелкій скотъ, оставляемый на выростъ у хозяевъ. Теленокъ, напримѣръ, купленный за 1 рубль, остается у первоначальнаго хозяина: это ему нужно потому, что корова безъ теленка молока не дастъ; въ четвертый же годъ покупщикъ вытребуетъ этого теленка уже въ видѣ взрослаго быка, такъ что изъ одного рубля у него дѣлается 15 или 20 рублей; въ случаѣ же смерти скотины, покупщику уплачивается стоимость теленка, частію звѣриными шкурами и другими товарами, а частію мелкимъ скотомъ, который оставляется у хозяевъ опять на выростъ, такъ что купецъ сбираетъ иногда отъ одного чая, въ теченіи многихъ лѣтъ, скотъ и шкуры въ стоимости нѣсколькихъ быковъ. Такіе же разсчеты производятся за товары, данные впередъ на осень, за бѣлковыя шкуры и орѣхи. Въ 1860 г. я имѣлъ случай видѣть процессъ, гдѣ одному торговцу за нѣсколькихъ бѣлковыхъ шкурокъ и за два шила, въ общей слож-

ности — за 28 коп., присуждено было получить отъ двоеданца, живущаго около рѣки Шибита, *81 быка!* При собираніи долговъ, торгующіе наши часто были не слишкомъ разборчивы въ средствахъ: они, если должники оказываются несостоятельными, просто, какъ говорятъ, у кого-нибудь изъ сосѣдей или родственниковъ отнимаютъ силою скотъ, на томъ основаніи, что этому сосѣду или родственнику легче получить скотъ отъ должника, чѣмъ самому купцу. Калмыки — народъ смирный, боязливый и не смѣютъ жаловаться. Кромѣ того, я самъ слышалъ, что нѣкоторые торговцы не устрашились даже покупать скотъ и лошадей, пріобрѣтенныхъ не совсѣмъ чистымъ путемъ, и сбывали съ рукъ, по обстоятельствамъ, или въ Монголію, или дальше въ Сибирь. Понятно, что торговля въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ скрыта отъ всякаго надзора правительства; производимая съ народами боязливыми, какъ наши калмыки, она должна была кончиться съ эксплуатировкой мѣстныхъ богатствъ. Алтай сталъ такъ бѣденъ, что я, проѣзжая въ нынѣшнемъ году, почти не узналъ тѣхъ мѣстностей, которыя посѣщалъ еще въ 1860 и въ 1865 г. Скота на дорогѣ нигдѣ не было видно; даже прекрасная Урусульская Долина была пуста; а гдѣ есть скотъ, вездѣ слышно: „ходжаймнынъ малы“ (купеческій скотъ). Особенно обѣднѣли чуйскіе двоеданцы, отличавшіеся прежде своимъ богатствомъ. Правда, и чума, и другія причины, не относящіяся къ нашему предмету, виноваты въ этомъ; но значительная часть вины падаетъ на неправильность торговли, неограженной закономъ. Впрочемъ, купцы наши вели неправильную торговлю не съ одними нашими подданными; ихъ торговыя сношенія съ сосѣдними монголами также не были чисты отъ насильства“. Г. Радловъ приводитъ множество примѣровъ этой безправной торговли и силы купцовъ среди инородцевъ. Взысканіе долговъ, наростающихъ до огромныхъ размѣровъ, сопровождается отнятіемъ имущества и скота—такъ приводится этому нѣсколько случаевъ: „Монголъ Д., съ тремя товарищами, пригналъ 8 верблюдовъ въ пикетъ Суокъ съ казеннымъ грузомъ; купцы захватили этихъ верблюдовъ и говорили солдатамъ, что они возьмутъ ихъ въ обезпеченіе долга, сдѣланнаго 15-ю человѣками монголовъ изъ разныхъ станцій, и что Д. съ товарищами легче могутъ взыскать съ нихъ долгъ. Обращеніе къ манчжурскому чиновнику Кя никакъ не помогло; русскіе не выдали захваченныхъ верблюдовъ, но представили Кя списокъ должниковъ, который былъ переданъ имъ Дзалыну; но удовлетворенія хозяевъ верблюдовъ до сихъ поръ не послѣдовало. Правда, тому, кто не знакомъ съ

здѣшнимъ ходомъ дѣлъ, невѣроятнымъ покажется такое поведеніе русскихъ купцовъ у китайскихъ пограничныхъ пикетовъ; но мнѣ самому привелось быть свидѣтелемъ, какъ русскій купецъ безцеремонно привязалъ монгольскаго солдата къ своей юртѣ, потому что онъ былъ долженъ ему большое число сурковыхъ шкуръ, хотя должникъ отъ долга своего нисколько не отказывался; купецъ мнѣ самъ сказалъ, что онъ только для того привязалъ должника, чтобы получить отъ него законную росписку, которую монголъ съ самаго начала согласенъ былъ дать". Какъ мы видимъ, купецъ не стѣсняется учинить подобную расправу даже съ китайскимъ солдатомъ. „Такія отношенія, конечно, не могутъ содѣйствовать развитію торговли; напротивъ, они могутъ привести ее къ паденію и совершенному уничтоженію". По мѣрѣ того, какъ выростала здѣсь торговля и растетъ число купеческихъ заимокъ, все болѣе и болѣе бѣднѣетъ народъ. Странная вещь: крестьянамъ запрещаютъ селиться въ Алтаѣ, будто бы для сбереженія территоріи инородцамъ, а купцамъ дозволяютъ заводить свои пауковыя гнѣзда. Бывшіе нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ Алтаѣ, увѣряютъ, что въ Алтаѣ господствовало общее благосостояніе, что алтаецъ, имѣвшій 50 — 100 лошадей, считался за бѣднаго. Описывая эти явленія, г. Радловъ приходитъ къ заключенію, что обѣднѣніе всего края лежитъ въ тѣхъ формахъ торговли и злоупотребленіяхъ, какія примѣняются къ инородцамъ.

Ту же монополію, тѣже пріемы торговли мы встрѣчаемъ въ Туруханскомъ, въ Березовскомъ Краѣ, въ Нарымскомъ и Киргизской Степи. До какой степени проявляется монополія и кабала временами среди русскаго населенія, а также въ какое она вошла обыкновеніе, считаясь какъ бы законною, можетъ служить примѣромъ слѣдующій фактъ, въ Тобольской губерніи, заимствуемый нами изъ корреспонденціи 1872 года. „Въ Тобольской губерніи былъ поднятъ шумъ рыбопромышленниками противъ березовскаго исправника, будто онъ запретилъ крестьянамъ наниматься менѣе, какъ за 25 рублей. Оказалось же, что онъ приказалъ не выдавать видовъ иначе, какъ крестьяне прежде не заплатятъ подати. Это было вызвано тѣмъ, что по Тобольскому округу накопилось 473,548 рублей 47 коп. недоимки. Причинами этому были затопленіе луговъ и падежъ скота. Въ это время, конечно, приходилось думать уже не о податяхъ, а какъ бы не умереть съ голоду. Такихъ раззоренныхъ людей волостные и сельскіе начальники, не обращая вниманія на наличное количество силъ въ семьѣ, принуждали наниматься и даже отда-

вали насильно къ рыбопромышленникамъ, безъ всякаго приговора, и даже малолѣтнихъ. Пригоняли народъ къ рыбопромышленникамъ гуртами, говоритъ корреспондентъ, и все это дѣлалось за полгода. Распоряженіе исправника было только въ ущербъ *25 лицамъ монополистовъ, кулаковъ*, которые и подняли гвалтъ. Рыбопромышленники, какъ оказалось, нанимаютъ крестьянъ на сезонъ за 6—14 рублей, и такихъ было 2,000 народу. Половина должна была платить подати за 2, 3, 4 и 5 душъ. Подати приходилось по 10 руб., и рабочему же давали монополисты 13 р. 50 коп.: ясно, что они были вѣчно въ убыткахъ и долгахъ. (Всем. Иллюстр. 1872 г. № 190). Тѣ же кабальныя отношенія мы видимъ и при веденіи золотопромышленнаго дѣла: „Наемка капиталистами крестьянъ для перевозки тяжестей на пріиски поставила послѣднихъ въ родъ кабальныхъ отношеній къ первымъ, свидѣтельствуетъ д-ръ Кривошапкинъ въ описаніи Енисейскаго округа.—Ремесла вообще, какъ и земледѣліе, были оставлены крестьянами, привлекаемыми золотопромышленностью, которая, по мнѣнію г. Кривошапкина, болѣе принесла вреда, чѣмъ пользы краю. Такое влеченіе къ легкой наживѣ и надежда на будущее, оторвавъ населеніе отъ труда, поставило его въ стѣснительное положеніе. Такое состояніе крестьянъ, а также необходимость сдать подати непремѣнно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда еще у нихъ не могутъ быть выручены деньги съ продажи снятыхъ въ лѣто хлѣбовъ и сѣна, заставили крестьянъ съ радостью принять заимодавческія услуги капиталистовъ. А лиха бѣда, какъ говоритъ народъ, начать только: тамъ ужъ спохватишься, да не скоро выкрутишься! Вотъ и пошло: за нихъ платили подати, имъ доставлялась, въ числѣ платежа, одежда, обувь, при недостаткѣ—и самый хлѣбъ, мясо, рыба, чай, сахаръ, масло, жиръ, кожа и проч. Поэтому товаръ отпускался какой ни попало (въ Ирбити не смотрятъ на достоинство закупаемаго товара); цѣны выставляютъ, очевидно, какія вздумаютъ, а крестьянъ зауословливаютъ при этомъ для перевозокъ впередъ, съ большимъ пониженіемъ цѣнъ, которыя черезъ полгода, когда придется вести, могутъ разыграться вдвое; да, кромѣ того, такъ какъ крестьянамъ при перевозкѣ нуженъ по дорогѣ для корма лошадей овесъ, то богачи перевозчики снабжаютъ ихъ натурою и ужъ, конечно, къ большому раззоренію крестьянъ. (Енисейскій округъ и его жизнь. Кривошапкина. 1865 г., стр. 7, 8)“. Изъ этого видно, что формы подобной зависимости проявляются во всѣхъ отрасляхъ сибирской промышленности, отражаясь самымъ тяжелымъ образомъ на хозяйствѣ населенія.

Что̀ замѣчательно, такъ это то, что явленіе монополіи и кабалы выражается не въ одномъ какомъ-нибудь сословіи или группѣ въ Сибири, но оно видно во всѣхъ слояхъ и проявляется также между крестьянами и кулаками, какъ и между крупными капиталистами. „Богатый крестьянинъ есть самый низшій и самый многочисленный родъ хищниковъ-эксплуататоровъ въ Сибири, пишетъ одинъ изслѣдователь:—и никто не пользуется такой дурной славой въ Сибири, какъ богатый мужикъ. Эти люди составляютъ почти особое сословіе въ странѣ: есть цѣлыя деревни, домовъ въ 40, состоящія исключительно изъ богатыхъ мужиковъ, которые въ окрестныхъ деревняхъ имѣютъ своихъ „подшкырдниковъ“ и „десятинщиковъ“, по мѣстному выраженію, т. е. массу рабочихъ и кабальниковъ. Черты изъ жизни сибирскаго крестьянства, убиваемаго и раззоряемаго міроѣдствомъ, кулачествомъ, кредитомъ и закабаленіемъ, лицами, выходящими изъ той же крестьянской среды, мы находимъ въ любопытныхъ бытовыхъ очеркахъ Н. И. Наумова, представившихъ замѣчательно ярко и правдиво эти явленія крестьянской жизни. Изъ этого разряда людей въ Сибири выходятъ монополисты цѣлыхъ обширныхъ промысловъ и округовъ; на такихъ монополистовъ нерѣдко указываютъ путешественники, посѣщавшіе Сибирь. Такъ, Шмидтъ упоминаетъ о Сотниковѣ, державшемъ въ монополіи Туруханскій Край. Другой путешественникъ, Коттрель, говоритъ о купчихѣ Б., въ Минусинскомъ округѣ, подчиняющей себѣ всю торговлю этого края. Въ Нарымскомъ краѣ указываютъ монополиста В... На рѣкѣ Кети славился священникъ, державшій торговлю въ своихъ рукахъ и подчинявшій всѣхъ жителей. Такихъ лицъ множество. Въ городахъ существуютъ своего рода скупщики, кулаки и прасолы, держащіе въ рукахъ своихъ рынки *). Тѣ же формы монополіи и кабалы поддерживаютъ крупную промышленность: эксплуатація русско-американской компаніей своихъ владѣній была основана на подобныхъ началахъ; наконецъ, развившаяся золотопромышленность въ Сибири выразила то же при помощи задатковъ, съ тою разницею, что только оформила кабалу въ стѣснительные контракты, которые, при кажущейся легальной формѣ, имѣютъ, однако, подкладку, сплошь да рядомъ, незаконную“.

Нельзя подобные факты, какъ они ни рѣзки, принимать за исключительные, свойственные Сибири. Инстинктъ корысти и

*) Какое имѣютъ господство прасолы на мѣстныхъ рынкахъ и какъ они эксплуатируютъ крестьянъ—см. корресп. изъ Павлодара, газета „Сибирь“ № 21-й, 1875 г.

наживы—черты, присущія всему человѣческому обществу. Кулачество и то же міроѣдство, какъ и способы закабаленія кредитомъ, существуютъ и во многихъ мѣстахъ въ Россіи; особенностью этого явленія на Востокѣ можетъ быть развѣ то, что они проявляются здѣсь грубѣе и необузданнѣе, благодаря неразвитію населенія, его дикости и историческимъ условіямъ. Особенность сибирской жизни состоитъ въ томъ, что передъ русскимъ населеніемъ на Востокѣ находится огромная масса инородцевъ, которая представляла удобную почву для эксплуатаціи и наживы всякаго рода, благодаря неразвитости, безхитростности дикаря, низкой культурѣ и его безправію, неумѣнію и незнанію защитить себя русскими законами. О характерѣ наживы насчетъ инородцевъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты. Въ торговлѣ русскихъ съ инородцами цѣны устанавливаются до сего времени стачками торговцевъ, которые берутъ страшный барышъ и держатъ въ рукахъ покупателя. Въ низовьяхъ Енисея до сихъ поръ промышленники берутъ съ инородца 12 р. за пудъ пакли, 80 коп. за фунтъ черкасскаго табаку (Туруханскій край, Третьякова). Капиталъ въ киргизской степи учетверяется уже на другой годъ. Какъ ведется торговля въ степи, можно судить по тому, что русскій торговецъ бралъ за миткаль, стоящій 5 коп.—30 коп.; плисъ, дрянной выдѣлки, продавался за полбарана, т. е. киргизъ платилъ 1 р. сер. за аршинъ; деревянное блюдо продавалось за барана, т. е. за 1 рубль (Описаніе Киргизской степи, Красовскаго, ч. II, стр. 244). Кромѣ того, русскіе торгаши стараются навязать всегда товаръ въ долгъ инородцу, при чемъ, при повышенныхъ цѣнахъ, накопляется огромный долгъ, ставящій инородца въ кабалу. Спекуляція торговли въ долгъ существуетъ въ Туруханскомъ краѣ, гдѣ инородцы въ неоплатныхъ долгахъ за хлѣбъ; точно тоже совершается и въ Киргизской степи. Не одни купцы, но и сибирскіе казаки, на значительномъ протяженіи вовсе не занимающіеся земледѣліемъ, спекулируютъ на счетъ киргиза. Они берутъ у купцовъ товары и развозятъ ихъ также въ кредитъ киргизамъ, обмѣривая и обвѣшивая ихъ при этомъ. Г. Красовскій, составившій, по оффиціальному порученію, описаніе положенія киргиза, говоритъ, что казакъ спекулируетъ мелко, но съ громаднымъ барышомъ. Пользуясь всякою нуждою киргиза, онъ продаетъ ему хлѣбъ или выдаетъ въ долгъ по невѣроятной цѣнѣ. „Въ теченіи года киргизъ не одинъ разъ пріѣдетъ въ селеніе за хлѣбомъ, будучи готовъ, за недостаткомъ его въ продажѣ на базарѣ, отдать привезенную кожу первому знакомому казаку за полпуда муки; но,

видя нужду киргиза, казакъ купитъ у него за это количество муки двѣ кожи. Между тѣмъ, полпуда муки стоитъ 15 и 20 коп. а двѣ кожи — 6 руб. Пользуясь случаями самыми крайними, прибавляетъ Красовскій: — прибѣгая иной разъ къ обману, въ другомъ — не пренебрегая и воровствомъ, казакъ копитъ по мелочи киргизскій товаръ до первой поѣздки на линію, гдѣ, сбывъ его, купитъ для продажи въ степи хлѣба, чтобы снова сбывать его при крайности киргиза. (Опис. Кирг. степи, ч. I, стр. 415).

Обратимся къ Березовскому краю. Вотъ что сообщаетъ о торговлѣ тамъ авторъ медико-топографическихъ матеріаловъ о болѣзняхъ и вымираніи инородцевъ въ Березовскомъ округѣ, д-ръ Соколовъ: „Русскіе купцы, снабжая остяковъ и самоѣдовъ, приняли за правило снабжать инородцевъ привозными товарами въ долгъ до ярмарки или до слѣдующаго года, и это продолжается изъ года въ годъ, такъ что инородцы постоянно закабалены не только за себя, но и за дѣтей. Остяки были честны и простосердечны и платили долги. Купцы пользуются случаемъ продавать затхлую муку, такъ они сдѣлали въ 1862 году. Когда случился недостатокъ хлѣба, начали инородцамъ вытаскивать изъ амбаровъ остатки прежней муки со всякимъ соромъ, пылью, мышинымъ пометомъ и продавали по какимъ угодно цѣнамъ“.

Изъ этого видно, что на нашемъ богатомъ и щедро-одаренномъ природою Востокѣ, въ лицѣ кабальниковъ, теперь является пролетаріатъ самаго жалкаго вида въ лицѣ инородца: надъ нимъ тяготѣетъ какая-то историческая судьба; вслѣдъ за завоеваніемъ, онъ несетъ презрѣніе низшей расы; онъ поставленъ въ суровую обстановку дикой природы, которая давитъ его въ силу его невѣжества и безпомощности. Какъ дикарь, онъ не знаетъ русскихъ законовъ и формъ быта, и вотъ, при первомъ столкновеніи, онъ испытываетъ самыя грубыя формы торговли и эксплуатаціи его труда и промысловъ. По мѣрѣ того, какъ потребности инородца ростутъ, онъ становится все въ бо́льшую зависимость и безвыходное положеніе. Бытъ его ухудшился даже сравнительно съ прежнимъ временемъ: когда инородецъ пріучился къ хлѣбу, онъ болѣе почувствовалъ нужды въ немъ и чаще страдаетъ отъ голодовъ. Докторъ Соколовъ свидѣтельствуетъ, что самоѣды, остающіеся при животной пищѣ, здоровѣе остяковъ, которые снабжаются промышленниками мукою дурного качества и при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ. Радловъ, описывая бытъ телеутовъ, сравниваетъ съ ними инородцевъ, которые уже вошли въ соприкосновеніе съ русскими, и приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. Виною

этому, какъ мы указали въ его очеркахъ, онъ считаетъ купеческое вліяніе и злоупотребленіе въ торговлѣ по отношенію къ инородцу.

Вотъ эти-то указанныя причины и безправіе инородца и даютъ особенно рѣзкое направленіе сибирской кабалѣ. Тѣ-же способы кабалы, практикуемые среди инородцевъ, входятъ въ нравы, обычай и пріемъ торговли по отношенію къ русскому потребителю.

Факты эти, во всей совокупности явленій, не могутъ не заслужить серьёзнаго вниманія. Мы видимъ, что они не составляютъ рѣдкаго и единичнаго явленія, но охватываютъ всю жизнь страны и выражаютъ характеристическую сторону быта. Эти явленія проникаютъ всю экономическую жизнь Востока съ высшихъ экономическихъ ступеней до низшихъ, имѣя во главѣ богачей и капиталистовъ, промышленниковъ, ростовщиковъ, кулаковъ, крестьянъ и міроѣдовъ, піявчески высасывающихъ своего брата, мужика. Они отражаются въ самыхъ разнообразныхъ способахъ наживы и монополіи, начиная съ захватовъ цѣлаго края на откупъ до стачекъ на сельскихъ и городскихъ базарахъ, какъ и ярмаркахъ; понятно, что они вызвали нѣкоторыя опасенія и преувеличенія. Если эти многія явленія были свойственны старымъ формамъ хищническаго хозяйства, то естественно желать, чтобы онѣ не возникали подъ новыми формами хозяйства и промышленности.

Чтобы объяснить себѣ столь грандіозное и обширное развитіе сибирской торговой монополіи, кабалы и кулачества, становится необходимымъ изучить ихъ въ условіяхъ мѣстнаго быта. Разсматривая явленіе монополіи и кабалу на нашемъ Востокѣ, рядомъ съ исторіей промышленности, мы находимъ, что оно коренится въ исторіи Сибири довольно давно.

Развитіе различныхъ формъ этой монополіи здѣсь обусловливалось во многомъ особыми географическими, экономическими и историческими причинами.

Промышленный духъ, напримѣръ, имѣлъ болѣе простора въ Сибири. Когда Россія жила крѣпостнымъ правомъ, въ Сибири большинство населенія отдавалось промыслу, торговлѣ и спекуляціи. Сибирь, такимъ образомъ, рано переживала промышленную горячку, и въ характерѣ ея жителей рѣзко обрисовалось стремленіе къ наживѣ всевозможными путями. Отдаленность и глушь способствовали зарожденію такихъ явленій, которыя не могли существовать тамъ, гдѣ властвуетъ болѣе законность и гражданственность, наконецъ, этому способствовали и особыя историческія причины, къ которымъ мы обратимся.

Сибирскій промыселъ и нажива, какъ и торговля, получили свое начало въ эпоху завоеванія края. Грубые и безцеремонные способы этой наживы обусловливались сначала войной и непріятельскимъ обращеніемъ съ инородцемъ, неизгладившимся и впослѣдствіи: война и промыселъ шли здѣсь рядомъ. Отраженіе завоевательныхъ воззрѣній и принциповъ можно прослѣдить во всей исторіи промышленной жизни края. Самое завоеваніе Сибири не было плодомъ одного воинственнаго и рыцарскаго духа; это завоеваніе руководствовалось практическими цѣлями промышленной наживы. Казаки обыкновенно убивали инородцевъ и дѣлили добычу, впослѣдствіи научились, вдобавокъ, обращать ихъ въ рабство. Промышленные люди слѣдовали за казаками и также завоевывали и грабили. [1]) Въ эту первую эпоху, можно сказать, „промышляли инородца“, какъ звѣря.

Когда край былъ покоренъ, завоевательные взгляды переставали дѣйствовать. Вслѣдъ за покореніемъ Сибири и обложенія инородца ясакомъ, т.-е. съ наступленіемъ даже мирнаго времени, „промыселъ инородца“ однако не прекращается. Онъ принимаетъ только новую форму усмиренія бунтовъ. Поборъ ясака въ казну, судъ надъ инородцемъ, управленіе, все сопровождалось частною наживою, гдѣ объ руку съ казакомъ дѣйствовалъ и промышленный человѣкъ. Онъ пріучился дѣйствовать грубо, дико, захватомъ. Смотря на инородца, какъ на завоеванный народъ, всякій поборъ, всякое обираніе его считалось законнымъ. Грабежъ переходилъ въ поборъ, поборъ—во взятку, нравы, перешедшіе отъ казаковъ къ воеводамъ, къ служилымъ людямъ, перешли и къ промышленникамъ. Не было сословія, не было учрежденія въ Сибири, которое-бы не эксплуатировало инородца; піонеры колонизаціи, крестьяне звѣроловщики, хмѣлевщики, отправлявшіеся на пограничную линію за промысломъ, и тѣ вели войну съ инородцемъ. Кромѣ имущества инородца, онъ а самъ дѣлается на всю жизнь собственностью. Сибирь не избѣжала общаго закона колоній, колонистъ здѣсь создалъ рабство инородца, и исторія этого рабства, проходившаго чрезъ всю исторію Сибири до XIX столѣтія, достаточно выяснена нынѣ историческими документами. Рабами пріучились съ издавна спекулировать. Первоначальный полонъ послужилъ предметомъ мѣны и торговли. „Даже закабаленіе инородокъ для наложничества и брака имѣло своею цѣлью не одно удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ, но также и коммерческій барышъ“, пишетъ авторъ „Исторіи рабства въ

[1]) Истор. Сибири. Фишеръ, с. 204.

Сибири“ г. Шашковъ. Когда кончилась война, то усмиреніе бунтовъ также сопровождалось захватомъ ясырей, самое усмиреніе было только предлогомъ для добычи рабовъ. „Начиная отъ воеводъ и кончая послѣднимъ купчишкой, пишетъ историкъ рабства въ Сибири, захватывали для той же цѣли дикарей совершенно мирныхъ и ни въ какихъ бунтахъ и замыслахъ не виноватыхъ; личность самыхъ мирныхъ дикарей никогда ничѣмъ не была обезпечена отъ насильнаго захвата ихъ въ неволю“. Точно также рабы добывались и путемъ торговли. Для этого существовалъ вывозъ рабовъ изъ за-границы воюющими между собою инородцами. Голода и бѣдствія способствовали тому, что русскіе покупали инородческихъ дѣтей. Въ Березовскомъ краѣ мальчиковъ продавали по 25 к., а дѣвочекъ по 20 к. Правительство съ Петра уже боролось противъ этого рабства. Но оно являлось подъ разными фикціями. Новообращенные въ христіанство обыкновенно присвоивались въ кабалу воспреемниками. [1]) На инородцевъ накладывали кабальныя записи.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и даже позднѣе. „Съ самаго завоеванія вплоть до нашихъ дней, говоритъ историкъ Словцовъ, народонаселеніе Сибири раздѣлялось на два класса: на рабскій классъ изъ невольниковъ и лицъ закабаленныхъ, классъ многочисленный, состоящій изъ инородцевъ, и зажиточный классъ—рабовладѣльцевъ кабалителей“. Рабовъ употребляли для домашнихъ работъ, на звѣрованье, на передвиженіе товаровъ, для земледѣльческихъ работъ и прочее. Подъ вліяніемъ подобныхъ же взглядовъ установлялись и торговыя отношенія къ инородцу, когда начинались съ нимъ торговыя сношенія. Когда запрещено было держать рабовъ, рабство, повидимому, рушилось; оно въ сущности не уничтожилось, оно пріобрѣло только новую форму кабалы и существуетъ въ формѣ торговой кабалы до сегодня. Торговля съ инородцами и мѣна съ ними составляли выгоднѣйшую статью наживы для русскаго населенія Сибири, торговля эта съиздавна сопровождалась безчисленными злоупотребленіями. Головинъ засталъ въ Камчаткѣ разъѣзжавшихъ подъячихъ и солдатъ, которые съ виномъ разъѣзжали по инородцамъ и промышляли у нихъ соболей. Тоже самое и еще больше дѣлали купцы. „Всякій Камчадалъ имѣетъ между купцами кредитора, писалъ путешественникъ, у

[1]) Подобныя фикціи обращенія инородца въ рабство практиковались и другими народами. Такой же обычай упоминается существовавшимъ въ Капской колоніи у англичанъ, какъ видно изъ статьи W. Sargant о колоніяхъ въ Essays by members of the Birmingham speculative club 1870.

котораго инородецъ беретъ, не спрашивая цѣны, разныя бездѣлицы, купецъ же записываетъ въ книги десятерную цѣну, каждые 10 рублей пишутся въ 100 рублей". И это также было во всѣхъ уголкахъ Сибири. Купцы дѣйствовали по отношенію къ инородцу съ военной безцеремонностью, при взысканіи долговъ. Напримѣръ, въ концѣ XVIII столѣтія, купецъ Салтановъ, въ Туруханскомъ краѣ, развозя товары и закабаляя инородцевъ, былъ, по словамъ Г. Третьякова, автора книги „Туруханскій край", полнымъ властелиномъ. Онъ требовалъ себѣ здѣсь „божескихъ почестей", расправлялся съ инородцами собственноручно, обращалъ въ работы для себя, запродавалъ другимъ и, когда свирѣпствовала здѣсь горячка, ѣздилъ по улусамъ, бралъ имущество мертвыхъ и больныхъ и производилъ чистый грабежъ. Можно себѣ представить, до чего развивалась безцеремонность такой наживы въ прежней исторіи Сибири. И такъ, инородцы явились первою жертвою эксплуатаціи и кабалы. Судьба ихъ изображена яркими чертами въ исторіи рабства въ Сибири и исторіи Русско-Американской Компаніи (Историч. Этюды Г. Шашкова). Мы не имѣемъ возможности передавать этой грустной повѣсти нашихъ столкновеній съ инородцами, кончившейся вымираніемъ цѣлыхъ племенъ въ Сибири такъ-же какъ голодами и людоѣдствомъ, мы не остановимся на страницахъ, напоминающихъ подобныя же столкновенія испанцевъ среди дикихъ племенъ Америки, но мы не можемъ не указать на тѣ средства наживы, которыя здѣсь употреблялись. Разсматривая экономическія отношенія инородцевъ къ русскому населенію, мы видимъ, что оно дѣйствовало здѣсь, во-первыхъ захватомъ угодій у инородцевъ, которое совершилось тремя путями, просто забираніемъ силой угодій, покосовъ, рыбныхъ ловлей, путемъ грабежа и воровства" (с. 251 Историч. Этюды Шашкова), путемъ заклада и отбираніемъ угодій за долги (с. 252); долги эти накладывали на инородцевъ по 200 и 300%; угодья закладывались за 1 р. 50 к. и эти заклады съ 1688 года *не могли быть выплачены по 1823 г.*, напримѣръ, т.-е. инородецъ не могъ выплатить 1 р. 50 к., въ 135 лѣтъ; наконецъ, кончилось тѣмъ, что угодья, какъ рыбные березовскіе пески, перешли захватомъ въ руки русскихъ, а остяки разорились и потеряли рессурсы къ жизни (с. 258). Далѣе, эксплуатація инородцевъ и обираніе ихъ производилось подъ видомъ торговли и недобросовѣстной наживы, сопряженной со всѣми злоупотребленіями, въ контрабандѣ, фальсификаціи, поддѣльныхъ разсчетахъ и на стремленіи закабалить инородца. „Инородцы вѣчные рабы луковыхъ заимодавцевъ", писалъ оффиціально начальникъ алтайской

миссіи въ 1853 г. Съ издавна были извѣстны ужасныя злоупотребленія при торговлѣ. Путемъ торговли и другими способами все инородческое имущество переходило къ русскимъ, а инородцы бѣднѣли до того, что не имѣли возможности добыть себѣ другой пищи, кромѣ падали или толченой коры. Въ Туруханскомъ краѣ муку продавали по 4 р. 90 к. на фальшивый безмѣнъ, съ примѣсью льда и песка.

Торговцы взяли на себя поставку инородцу хлѣба, свинца, пороха и рыболовныхъ припасовъ, задавая впередъ или пріобрѣтая при нуждѣ, во время голодовъ, все, что могъ инородецъ дать. Закабаливъ инородцевъ впередъ, поставили ихъ въ такое положеніе, что тѣ бросили заниматься звѣроловствомъ самостоятельно, а пошли въ работники къ русскимъ на хлѣба и содержаніе, отдавая за это одно весь свой трудъ. Даже крестьянинъ сталъ пріобрѣтать въ кабалу инородца, и чѣмъ бѣднѣе былъ нанимательтѣмъ инородцу еще было хуже. Въ такихъ работникахъ, писалъ Осиповъ въ 1864 году о Нарымскомъ краѣ, „здѣсь люди гибнутъ матеріально и нравственно“.

Въ такихъ условіяхъ начинала развиваться сибирская кабала и монополія, находя широкое поприще на беззащитномъ инородцѣ. Дѣйствительно, въ XVIII столѣтіи намъ представляется готовая широкая картина монополіи, охватившая весь Востокъ. Послѣ военной наживы, вслѣдствіе завоеванія и покоренія, завоеватели, казаки, воеводы, промышленники стали искать наживы въ торговлѣ и спекуляціи. Примѣръ монополіи въ Сибири былъ показанъ казною. Сначала монополіей пользовалась одна казна, она собирала въ ясакъ пушнину, отыскивала руды, взяла въ монополію мамонтовую кость, продажу вина, табаку и ревеня. Рядомъ съ этимъ, занялись торговлей для себя воеводы и служилые люди. „Воеводы торговали всѣмъ, говоритъ Исторія Сибири, виномъ, съѣстными припасами, скотомъ, невольниками, пушниной, непотребными женщинами. Рядомъ съ казакомъ промышленникъ наживался тѣмъ же торгашествомъ съ инородцемъ, а подчасъ и грабежемъ. Даже сословія, стоявшія въ сторонѣ и не предназначенныя къ торговлѣ, пустились въ наживу подъ вліяніемъ сибирской жизни. Дворяне, командированные въ Сибирь на службу, поселясь въ разныхъ мѣстахъ Сибири, „привиллегіи своего дворянства растратили“, какъ пишетъ лѣтописецъ, и занялись промыслами. Даже монахи, какъ авантюристъ Козыревскій, были и завоевателями, и промышленниками. Монастыри также увлекались промышленною дѣятельностью, пишетъ авторъ „Очерковъ нравовъ въ старинной Сибири“. Они пріобрѣ-

тали пашни, покосы, рыбныя ловли, угодья покупались или отнимались у инородцевъ. Сюда вызывали гуляющихъ людей, имъ давали лошадей, хозяйство и брали *кабальныя записи*, что они должны вѣчно работать на монастырь и давать 5 сноповъ. Торговля точно также увлекаетъ и бѣлое духовенство. Въ краяхъ Березовскомъ, Нарымскомъ, Бійскомъ, Туруханскомъ и по всѣмъ сибирскимъ окраинамъ духовные были первыми торговцами и монополистами, пишетъ авторъ „Нравовъ старинной Сибири“. Это было явленіе столь частое, что указы XVIII столѣтія предписывали свѣтскимъ властямъ „того смотрѣть на-крѣпко, дабы духовные персоны, подъ образомъ разъѣздовъ съ требами для наблюденія къ спасенію человѣческому, *купечества* не отправляли бъ“. Но свѣтскія власти сами вели торговлю. Торговля духовенства держалась до 1820—35 годовъ, но и теперь еще не вездѣ искоренена. Въ Березовскомъ округѣ около этихъ лѣтъ вся торговля была въ рукахъ протоіерея Ергунова. Онъ торговалъ виномъ, покупая ведро по 5 р. и продавая инородцамъ по 40 р. Торговые люди еще шире и необузданнѣе раскидывали сѣть самой безцеремонной наживы. Можно себѣ представить, какую выгоду представляла торговля, когда за мѣдный котелъ давалось столько соболей, сколько ихъ могло войти въ самый котелъ до верху. Вино составляло подмогу въ торговлѣ, и инородцевъ сначала спаивали и во время тяжкаго похмѣлья склоняли на всякое условіе. Кромѣ того, обычай кабалы съ инородцевъ переносился очень быстро и на русскихъ крестьянъ, но кабала русскихъ имѣла и самостоятельное значеніе, занесенная изъ древней Россіи и сохранившаяся на Востокѣ. Многочисленный слѣдъ ея встрѣчается въ актахъ. Первые гулящіе люди, эти русскіе гидальго, охотно давали на себя кабальныя записи, иногда за нѣсколько полтинъ на цѣлую жизнь. Кабальныя записи брались и съ переселяющихся крестьянъ. Съ развитіемъ въ Сибири кое-какой промышленности, пишетъ историкъ, кабала усилилась. Въ XVIII стол. возникла Россійско-Американская компанія съ рабочими, состоявшими у ней въ неоплатной долговой зависимости. Когда алтайскіе, уральскіе и другіе заводы были у частныхъ лицъ въ зависимости, то здѣсь, рядомъ съ каторжными, работали и *кабальники*. Монастыри имѣли кабальныхъ крестьянъ. Промышленники закабаляли рабочихъ на промыслы, не могли этимъ не воспользоваться и торговцы. Торговцы-монополисты, при отсутствіи конкурренціи въ Сибири, привозя и раздавая товаръ, обсчитывая, обмѣривая, наконецъ, стараясь впутать въ долги, поступали также съ земледѣльческимъ русскимъ со-

словіемъ, какъ съ инородцами. По словамъ Радищева, въ прошломъ столѣтіи развѣ *одинъ изъ ста* барабинскихъ посельщиковъ жилъ не въ долгъ, а то были все наемщики и получали задатки отъ купцовъ. Торговцы пользовались ихъ трудомъ и обогащались. Надо прибавить, что въ это время ставили въ безысходную нужду и зависимость крестьянство, безпрестанно постигавшія Сибирь въ прошломъ столѣтіи бѣдствія, означенныя у Словцева въ видѣ особой главы „Народными бѣдствіями". Это были вторженія непріятеля, язва, оспа, пожары, моръ и недостатокъ хлѣба. Все это проявлялось разореніемъ жителей и дороговизной хлѣба. Тягостныя повинности, исправленіе дорогъ, безплатная поставка припасовъ, почтовая гоньба, доходившая до того, что ѣздили на людяхъ, когда не было лошадей, все это разоряло и тяжело ложилось на крестьянахъ. На крестьянахъ образовались недоимки, за которыя слѣдовала отдача на заработки частнымъ лицамъ. Все это заставляло крестьянъ бросить земледѣліе, хлѣбопашество пало. Упадокъ земледѣлія привелъ къ дороговизнѣ хлѣба, причемъ поживились спекуляторы, продавая его по 10, 12, 15 р. пудъ. Пользуясь нуждою крестьянства и дешевымъ скупомъ сырыхъ продуктовъ при этой нуждѣ, торговцы захватили себѣ въ руки цѣлые округа. Такъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія купецъ Поповъ имѣлъ въ рукахъ прикамскій, припечерскій, приуральскій край и былъ здѣсь монополистомъ; приказчики его развозили товаръ; промѣнивали на сырье и оставляли въ долгъ. Богатство Поповыхъ возрастало страшно. Они терпѣли при несчастіяхъ, теряя по 1.800,000 рублей—и это имъ было ничего. Около 5.000,000 рублей истратили они на попытки розыскать золото. При такихъ условіяхъ росли быстро крупные монополисты въ Сибири. Приказчики, при громадныхъ доходахъ съ торговли и кабалы, дѣлались хозяевами, такъ Поповы были сначала приказчиками у Зеленцовыхъ, а Зеленцевъ—у откупщика Походящина. Капиталы накоплялись при безцеремонной наживѣ и накоплялись быстро.

Послѣдствіемъ такихъ явленій, рядомъ съ наживой однихъ, шло обѣднѣніе сельскаго и инородческаго сословія. „Видно, что Сибирь, какъ страна, заключаетъ въ себѣ золотое дно, писалъ Словцовъ, но какъ часть государства представляла ничтожную и безгласную область. Посадскій, поселянинъ, промышленникъ или торгашъ, туземный и инородецъ трудился, но *трудился какъ половникъ*. Sic vos non vobis nidificatis, felificatis и подобные припѣвы виргиліевы очень приличествовали тогдашней Сибири". (Истор. Общ Сиб, ч. I, с. 267).

Различныя формы монополіи, кабалы и торговыхъ злоупотребленій, давая себя повсюду чувствовать, неразъ вызывали вмѣшательство самого правительства, а также мѣры, стремившіяся къ ограниченію ихъ.

Какъ въ прошломъ, такъ и нынѣшнемъ столѣтіи, мы встрѣчаемъ борьбу администраціи на сибирской почвѣ съ различными злоупотребленіями и сопротивленіе къ преобладанію монополистовъ. Ранѣе правительство ограничивало промышленниковъ и простирало свое вмѣшательство съ одними фискальными цѣлями, такъ оно запрещало промышленникамъ и торговцамъ обирать соболя прежде сбора ясака, чтобы не было убытку „государевой казнѣ“, но впослѣдствіи это вмѣшательство и ограниченія потребовались уже въ огражденіе завоеваннаго инородческаго населенія отъ безцеремоннаго грабежа и эксплуатаціи промышленныхъ людей, кинувшихся спаивать, закабалять населеніе и создавать рабство въ Сибири. Только благодаря усиліямъ и законодательному вмѣшательству не развилось это рабство, какъ въ Америкѣ и было прекращено покушеніе создать его въ Сибири. Такъ извѣстны многіе указы противъ закабаленія инородцевъ, а именно указы Петра, 29 іюля 1726 года, 1741 г., 1748 г. Въ половинѣ XVIII столѣтія однако рабская тенденція воскресла и укрѣпилась, найдя опору въ крѣпостническомъ духѣ, перенесенномъ изъ Россіи. Купцы сибирскіе просили, чтобы имъ дозволили имѣть крѣпостныхъ, видя готовый элементъ для этого въ инородцахъ. Но духъ Екатерининскаго законодательства былъ уже противъ этого. Тогда появилась въ Сибири нелегальная кабала и захватъ инородцевъ. Въ 1808 г. Высочайшимъ Указомъ, 23 мая, былъ нанесенъ новый ударъ невольничеству въ Сибири. Но, несмотря на то, еще въ 1825 г., въ г. Омскѣ, сибирскіе рабовладѣльцы, въ числѣ 31 человѣка, избрали повѣреннаго, чиновника Яковлева, для подачи просьбы на Высочайшее имя, упомянувъ „о произвольныхъ, по ихъ мнѣнію, *дѣйствіяхъ присутственныхъ мѣстъ по отбору невольниковъ*“. Но правительство указами, 8 октября 1825 г. и 30 января 1826 г., окончательно прекратило эти рабовладѣльческія покушенія и назначило срокъ освобожденію всѣхъ инородческихъ невольниковъ. Однако, законодательная власть, преодолѣвая враждебные ей общественные элементы въ видѣ рабовладѣльчества и кабалы, пробовавшей утвердиться на легальныхъ основаніяхъ, не могла изгладить покушеній и инстинктовъ русскаго и особенно торговаго населенія къ закабаленію инородца подъ всякою другою формою. Мы видимъ у правительства, по мѣрѣ за-

миренія Сибири, точно также постепенное стремленіе упрочить управленіе инородцевъ, устроить податную систему и, по, возможности, оградить ихъ отъ торговой эксплуатаціи и разоренія. Это проявилось различными мѣрами: къ первымъ мѣрамъ относится *умѣренный* ясакъ по окладу 1763 г., оказавшійся, однако съ повинностями и благодаря тогдашнимъ злоупотребленіямъ нелегкимъ; работы ясачной коммисіи Сперанскаго, пробовавшей установить управленіе инородцевъ; посылка двухъ ясачныхъ коммисій при Императорѣ Николаѣ I для устройства инородцевъ и исправленія недостатковъ уложенія Сперанскаго, сложеніе недоимокъ съ инородцевъ, накопившихся по 1 января 1832 года. Рядомъ съ этимъ, правительство не могло не обратить вниманія на ту эксплуатацію, которую создавали по отношенію къ инородцу русскіе. Чтобы обезпечить инородцевъ отъ частной эксплуатаціи, казна пыталась сама брать на себя продовольствіе ихъ, но это неудалось. Вымираніе и голода инородцевъ, происходившіе до Сперанскаго, заставили предпринять систему казеннаго продовольствія хлѣбомъ, но она была въ первое время въ самомъ дурномъ состояніи. Сперанскій обратилъ на это вниманіе и усилилъ объемы и средства казеннаго продовольствія,— организована была продажа въ долгъ. Но едва сибирское уложеніе успѣло войти въ силу, какъ на инородцахъ накопились уже громадные долги за казенный хлѣбъ. Вопреки уложенію, начали взыскиваться эти долги съ неимовѣрной строгостью: у инородцевъ отбирали все, такъ что они пускались въ бѣга. Хлѣбъ въ магазинахъ перестали брать. Скоро взысканія должны были прекратить, и тогда долги, изъ года въ годъ на инородцахъ только возростали, доходя до 200 руб. на человѣка. Инородцы даже пріучились не платить долговъ. Кромѣ того казенная продажа не только не устраняла частной эксплуатаціи, но оказалась орудіемъ для нея же. Въ казенные магазины поставщиками явились купцы и набавляли на хлѣбъ. Казенная торговля *не умѣряла*, а иногда вызвышала цѣны. Частные торговцы входили въ стачки съ чиновниками, съ вахтерами. (Ист. Сиб. Инородц. въ XIX стол. Шашкова, ст. 266, 267, 268, 269—271). Что купецъ давалъ вахтеру, то онъ бралъ съ инородца за хлѣбъ. Цѣна хлѣба поднималась, и торговцы склоняли къ покупкѣ частнаго хлѣба искусственными мѣрами. Дѣло послѣ Сперанскаго не поправилось, и казенное снабженіе не помогало. Въ сороковыхъ годахъ, при ревизіи Восточной Сибири, графъ Толстой снова обращаетъ вниманіе на злоупотребленія торговцевъ: онъ нашелъ, что иркутское купечество, выѣзжая въ инородче-

скія стойбища до сбора ясака, скупаетъ всѣ лучшіе ясачные мѣха. Поэтому, купцамъ было запрещено ѣздить до тѣхъ поръ къ инородцамъ для торговли и торговать только дозволялось съ 1 іюля по 1 сентября (время самое невыгодное), точно также запрещалось у инородцевъ торговцамъ имѣть склады и магазины. Законъ 1844 года, однако, вызвалъ опять пагубныя послѣдствія. Казна не могла обезпечить инородцевъ необходимыми продуктами, а частная торговля пала. Паденіе частной торговли отозвалось еще хуже на инородцахъ. Кромѣ того, казенные магазины и вахтера ихъ по прежнему оставались агентами купцовъ и были съ ними въ стачкѣ. Наживались вдвойнѣ и вахтера, и купцы. Притомъ, за неимѣніемъ частныхъ торговцевъ начинали заниматься ею исправники, а иногда даже посылаемая коммисія для изслѣдованія инородческаго быта, какъ было въ Туруханскѣ (с. 276, Сибир. Инородц. въ XIX вѣкѣ). Запрещеніе 1844 года не осуществилось, потому что началась контрабандная торговля купцовъ чрезъ посредниковъ, живущихъ между инородцами. Это еще болѣе увеличивало дороговизну товаровъ. Точно также отъ торговой эксплуатаціи мало помогали и другія запрещенія. Напримѣръ, вино составляло предметъ самаго ужаснаго и безпощаднаго обиранія инородца. За водку онъ отдавалъ все, и торговцы вели торгъ больше всего на водку. Ведро продавали имъ иногда за 40 р. Но достаточно было и одной бутылки, чтобы у пьянаго отобрать всѣхъ соболей. Вино строго запрещалось продавать съ-издавна, но это не помогало и торговцы контрабандно всегда торговали имъ, торгуютъ имъ купцы и чиновники. Инородцы, кромѣ того, страстно любятъ мухоморъ, замѣняющій водку. „Чрезмѣрное употребленіе мухомора, говорятъ, бываетъ часто причиною смерти, но торговля мухоморомъ въ Анадырскѣ, напримѣръ, укоренилась давно для чукчей, а въ 1866 г. извѣщали — она находилась въ рукахъ русскаго купца К.... (Сибир. Вѣстн. 1866, № 13).

Злоупотребленія торговли продолжаются и до сихъ поръ. Всѣ мѣры правительства къ огражденію инородцевъ, какъ оказывается, не достигали цѣли, но рядомъ съ этимъ мы видимъ всѣ-таки постоянныя усилія ограничить явныя беззаконія. Мѣры огражденія и покровительства инородцевъ до селѣ не имѣли, однако, ни постоянства, ни послѣдовательности и впадали въ безпрестанныя ошибки. Чтобы прекратить грабежъ и притѣсненія купцовъ, правительство предписывало мѣстной администраціи взять на себя продовольствіе инородцевъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, но это приводило только къ тому, что чиновники брали

на себя торговлю и злоупребляли вдвойнѣ и за себя, и за купцовъ.

Какъ по отношенію къ инородцамъ, такъ и во всей своей промышленной дѣятельности на Востокѣ, мѣстное торговое сословіе, какъ мы видимъ, слѣдовало своимъ особымъ путемъ наживы и обогащенія. Исторія показываетъ намъ, что постоянными цѣлями, къ которымъ оно стремилось, была монополія. Тенденцію къ этой монополіи, мы указали коренящеюся давно въ исторіи Сибири. До Сперанскаго могущество купцовъ въ Сибири было страшное, купцы хотѣли монополизировать все. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія откупщикъ Передовщиковъ взялъ на откупъ половину Россіи и всю Сибирь. Полуяновъ, тобольскій купецъ, былъ въ связи съ нимъ и иркутскими купцами, которые всѣ стремились къ стачкѣ, т.-е. къ тому, чтобы ввести свой торгъ и монополію, устранивъ другихъ. Старались ограничить торгъ мѣщанъ, убить мѣщанство,—подавленное его состояніе замѣчается и до нынѣ, налагали пошлины, силясь запретить торговлю крестьянъ, наконецъ, въ 1810 г., въ Иркутскѣ монополизирована была даже мясная торговля въ городѣ тремя купцами. Контрактъ начинался такъ: „*Никто, кромѣ насъ* и тѣхъ, кому собственно *отъ насъ* будетъ дано сіе позволеніе, не долженъ торговать мясомъ въ городѣ“ (Изв. Сибирск. Отдѣла Географ. Общества). Наконецъ, борьба монополистовъ съ администраціей розыгралась при Трескинѣ. Борьба и раздраженіе противъ трескинскаго времени во многомъ объясняется этими мотивами. Нѣкоторые думаютъ, что въ это время купечество стремилось заправлять общественными дѣлами и добивалось власти, что на отдаленномъ Востокѣ зараждался древній Новгородъ. Но это едва-ли такъ; факты говорятъ, что это вовсе не было стремленіе къ правильному самоуправленію, а было стремленіе къ монополіи. Точно также и, на оборотъ, напрасно видѣть въ борьбѣ Трескина съ купечествомъ уничтоженіе монополіи, Трескинъ самъ хотѣлъ монополизировать все въ пользу свою и подчиненныхъ, на этомъ основаніи онъ имѣлъ стачки и съ купцами, какъ показало слѣдствіе Сперанскаго. Словомъ, это была обыкновенная игра въ Сибирской Исторіи, гдѣ купечество жаловалось на произволъ не изъза произвола, хотя онъ и былъ, а изъ стремленія къ монополіи; старая администрація выказывала злоупотребленія купцовъ не для искорененія монополіи, а затѣмъ, чтобы завладѣть ей самой. Наконецъ, прибылъ въ Сибирь Сперанскій: изъ матеріаловъ о ревизіи его видно, что онъ открывалъ также на пути повсюду злоупотребленія частной наживы. Ленское и киренское населеніе

жаловалось не на однихъ исправниковъ, а также и на самодурство купцовъ. Киренскіе купцы считали за крестьянами огромные долги. Задолжавши разъ, жители дѣлались неоплатными должниками. Купцы немилосердно съ нихъ взыскивали долги, разъѣзжали по деревнямъ безъ прогоновъ, нахально, безсовѣстно обманывали крестьянъ въ своихъ обязательствахъ, притѣсняли и обѣдняли инородцевъ и проч. (Щаповъ, Сибирское Общество Изв. Сиб. Отд. Геогр. Общ.). Такъ было почти вездѣ въ Сибири. Въ книгѣ Г. Вагина о времени Сперанскаго мы видимъ, что раскрытіе злоупотребленій въ Нарымскомъ краѣ показало, что торговля здѣсь была также монополизирована. Въ Тункѣ притѣснялись буряты купцомъ Бѣлозеровымъ (ст. 99). Изъ дѣлъ Тельцинской фабрики оказывались стачки чиновниковъ съ купцами (с. 100). Ревизія Сперанскаго въ Киренскѣ показала монополію торговли виномъ (с. 103). Въ Томскѣ купцы стѣсняли крестьянъ и наложили на нихъ сами пошлину за торговлю сельскими произведеніями (с. 154). Даже епископъ Михаилъ протестовалъ противъ страшной монополіи и злоупотребленій купечества (с. 38, 39, Вагинъ, ч. I). Въ Сибири образовывалась капиталистическая олигархія, тяготѣвшая страшно на населеніи. Сперанскій засталъ ее въ борьбѣ съ администраціей Трескина. Какъ ни желательно сочувственно смотрѣть на эту борьбу, какъ на подавленіе возникавшей буржуазіи, кабалившей народъ, но мы видимъ, что тогдашняя сибирская администрація вовсе не силилась подавить купцовъ во имя ихъ злоупотребленій, а имѣла личные мотивы и побужденія. Сперанскій взглянулъ на это, конечно, строго, онъ взялся прежде всего искоренить участіе чиновничества въ монополіи и очистилъ администрацію. Онъ также отмѣнилъ ту регламентацію въ торговлѣ, которая была предлогомъ для чиновническихъ притѣсненій, но въ то же время, въ качествѣ образованнаго теоретика, послѣдователя началъ Адама Смита и приверженца свободной торговли, онъ снялъ всякіе путы, всякую узду съ торговаго сословія и своими законами о невмѣшательствѣ далъ ему впослѣдствіи усилиться. Сперанскій, увидя нелѣпую казенную монополію, созданную Трескинымъ, наживу чиновниковъ, естественно, сталъ на сторону задавленной торговли, но онъ не былъ на сторонѣ и частной монополіи. (Мѣры его см. Свобода хлѣбной торговли и проч. см. Вагинъ, ч. I. с. 178, гл. X, с. 334, 337, 353, 355). Онъ отвергалъ просьбы купцовъ о монополизированіи торга, право думы на торговлю и прочее. Онъ пытался поощрить вообще развитіе частной промышленности, поэтому старался покровительствовать купцамъ, велъ зна-

комство съ монополистомъ Кандинскимъ и другими, не подозрѣвая ихъ злоупотребленій. Злоупотребленія Кандинскихъ остались не обнаруженными, они продолжались до ревизіи сенатора Толстого, даже отчасти долѣе, до Муравьева. Купцы Черные въ Баргузинѣ дѣлали тоже. Въ Якутскѣ существовала таже система грабежа подъ видомъ торговли.... (Вагинъ, I. 586—587). Въ развитіи промышленности и поощреніи торговцевъ Сперанскій видѣлъ вообще благо края и въ устраненіи опеки для торговцевъ „свободу обмѣна", „libre échange". Но онъ не видѣлъ другой стороны сибирской жизни. Поэтому, думая покровительствовать свободѣ торговли, Сперанскій не создалъ особыхъ законовъ противъ происковъ монополіи. Онъ устранялъ только при себѣ ее личнымъ вліяніемъ. Но какъ только уѣхалъ, торговцы начали дѣйствовать въ прежнемъ направленіи. „Мысль Сперанскаго, пишетъ Г. Вагинъ, осталась непонятною", (ч. I, с. 355). Мало того, эта свобода была для нихъ поощреніемъ дѣйствовать безконтрольнѣе. Сперанскій не подозрѣвалъ, что, подъ именемъ „libre échange", сибирскіе промышленники будутъ разумѣть только свои монополистическія и кабальныя цѣли. Впослѣдствіи сибирское торговое сословіе такъ привыкло къ закабаленію инородца и крестьянина, что стало считать это неотъемлемымъ своимъ законнымъ правомъ и первымъ правиломъ всякаго коммерческаго предпріятія. Выраженіемъ желаній и понятій сибирскихъ купцовъ въ XVIII вѣкѣ служитъ просьба ихъ и уполномочія, данныя депутату Самойлову, отправленному изъ Енисейска въ Екатерининскую коммисію. Они уполномочили своего довѣреннаго просить: „отдать имъ *въ монополію* торговлю въ Енисейскомъ и Туруханскомъ краяхъ. Просятъ *запретить торговлю* иногороднимъ. Просятъ дать имъ *монополію* воднаго сообщенія между Иркутскомъ и Енисейскомъ, запретивъ иркутскимъ купцамъ сплавлять по Ангарѣ товары на своихъ судахъ. Просятъ себѣ *монополію* винокуренія и виноторговли. Просятъ о введеніи въ Енисейской губерніи *крѣпостнаго права*. Просятъ объ юридическомъ признаніи *кабалы дѣтей нищихъ*, чтобы за воспитаніе утвердить ихъ *въ холопство*. Наконецъ, городъ проситъ *о вспомоществованіи* себѣ отъ казны. Впослѣдствіи просьба *монополій* замѣнилась просьбой *привиллегій*. Тѣ же стремленія торговаго сословія, и тѣ же воззрѣнія прошлаго столѣтія отразились, въ 1855 г. въ запискѣ К. о Туруханскомъ краѣ, Данилова въ испрашиванія *привиллегіи* пароходства на Енисеѣ, и въ просьбѣ Лавровскаго, просившаго цѣлый Туруханскій край себѣ въ аренду (Енисейскій Округъ, Кривошапкина, с. 14).

Изъ этого видно, что стремленіе къ монополіи шло издавна и сохраняется до послѣдняго времени. Кабала сдѣлалась спутникомъ сибирской жизни и промышленности, составила подкладку ея и отразилась въ различныхъ промыслахъ. Такъ, между прочимъ, кабальныя условія труда вошли цѣликомъ въ золотопромышленность: задатки, выдаваемые рабочимъ, одежда и продовольствіе, засчитываемыя работой, ничто иное, какъ тоже старинная форма эксплуатаціи и прежнихъ договоровъ. Въ золотопромышленныхъ контрактахъ были даже такія права, по которымъ хозяинъ могъ перепродавать рабочихъ на другой пріискъ, и въ этомъ отражается явленіе торговли людьми. Контракты золотопромышленныхъ рабочихъ носили до послѣдняго времени самыя стѣснительныя условія. Наконецъ, здѣсь существовало множество злоупотребленій: „въ отношеніи къ рабочимъ, говоритъ авторъ одной статьи о золотопромышленности, злоупотребленія совершаются при наймѣ, при продовольствіи, при снабженіи необходимыми вещами за дорогую цѣну, несмотря на дурное качество; при удовлетвореніи прихотей и потворствѣ дурнымъ наклонностямъ (напримѣръ, пьянству), за несоразмѣрную цѣну; при малой заботливости о санитарныхъ условіяхъ и при отсутствіи всякихъ мѣръ касательно обезпеченія будущности рабочихъ.

„Золотопромышленники жалуются бо́льшею частію и на администрацію, и на рабочихъ; но положительно свидѣтельствуется всѣми близко знакомыми съ дѣломъ, что безъ злоупотребленій администраціи и безъ эксплуатаціи рабочихъ, наконецъ, безъ вреда мѣстному населенію и казнѣ, золотопромышленники не могли-бы получать огромныхъ выгодъ, какія получаются, по крайней мѣрѣ, крупными изъ нихъ“. (О золотопромышл. въ Сибири, Москов. Вѣдом., 1875 г., № 70).

Исключительныя условія золотопромышленнаго труда и ихъ монопольный характеръ давно обращаютъ на себя вниманіе. Замѣчательно, что подобныя же условія пробуютъ возникать въ Сибири и въ едва начинающейся заводской промышленности, по-крайней мѣрѣ, этому представляютъ свидѣтельство слѣдующіе, недавно опубликованные, факты. Въ одной изъ тюменскихъ фабрикъ условіемъ найма ставилось: пользованіе продуктами отъ фабриканта, исключительно изъ его лавки, хотя фабрика находилась около города; здѣсь существовали задатки и зачеты впередъ, снабженіе нанимаемыхъ дурной провизіей и затхлой мукой, отчего начали развиваться болѣзни, практиковались обсчитыванья, масса злоупотребленій и безправій свойственныхъ

только прежнему быту (Коррес. С.-Петерб. Вѣд. о фабрикѣ, Ядрышникова въ Тюмени). Сибирская промышленность такимъ образомъ, является какъ бы немыслимою безъ кредита, задатка и закабаленія. Изъ этого видно, что обычаи стараго быта пробуютъ просачиваться и подъ формами новаго промышленнаго склада. Самыя промышленныя понятія формируются на Востокѣ совершенно своеобразно. Въ видѣ поощренія промышленности въ Сибири принято просить только монополій и привиллегій. Когда промышленники начали говорить о поощреніи золотопромышленности для края, то они разумѣли всегда отдачу рабочаго въ ихъ полную власть; мало того, они требовали, чтобы ихъ предпріятіямъ постоянно помогала администрація, такъ они вытребовали присутствіе на пріискахъ казаковъ, содѣйствіе администраціи и сельскихъ обществъ въ доставкѣ рабочихъ и поимкѣ бѣглыхъ. Дурное содержаніе на пріискахъ естественно вызывало эти бѣгства и предупрежденіе этого составляетъ до сихъ поръ предметъ искательствъ и хлопотъ золотопромышленниковъ. Эти предупрежденія являются не въ видѣ улучшенія быта, а въ видѣ желанія прикрѣпить рабочаго и возвратить его помощью власти.

Подобныя требованія мѣстныхъ монополистовъ-хозяевъ считаюся нынѣ обременительными для самой администраціи и ставятъ власть въ безчисленныя затрудненія. Наиболѣе честные представители администраціи, всмотрѣвшись въ условія этихъ отношеній, почли своимъ долгомъ взять сторону не монополистовъ и эксплуататоровъ, а эксплуатируемыхъ, какъ людей, находящихся въ беззащитномъ положеніи. Таково было отношеніе генералъ-губернатора Восточной Сибири Синельникова. Узнавъ о томъ безправіи и притѣсненіяхъ, какія практикуются золотопромышленниками въ сибирской тайгѣ, вдали отъ надзора, онъ дѣлалъ попытки облегчить положеніе рабочихъ, обезпечить имъ ихъ заработокъ, который весьма искусно вытягивается обратно при помощи водки и товара, а также при разсчетѣ. Для препровожденія партій рабочихъ, посылались особыя довѣренныя лица, а заработокъ рабочихъ предлагалось отдавать на храненіе. Такими мѣрами генералъ-губернаторъ желалъ хоть сколько-нибудь сохранить трудовыя деньги людей, работавшихъ цѣлое лѣто,—сохранить отъ соблазновъ и сѣтей, разставляемыхъ имъ золотопромышленниками и кабатчиками въ то время, когда семьи этихъ тружениковъ голодали по деревнямъ и ждали возвращенія отцовъ и братьевъ съ заработкомъ, большею частью, къ несчастію, доселѣ являвшихся обобранными хозяевами.

Принимая во вниманіе всѣ эти явленія, изслѣдователи мѣстной экономической жизни не могли не останавливаться на подобномъ характерѣ дѣятельности мѣстныхъ экономистовъ и смотрѣть на него какъ на экономическое и гражданское зло. Одинъ изъ изслѣдователей, обрисовывая ихъ значеніе въ краѣ, сообщаетъ, что сила, значеніе и смѣлость подобныхъ эксплуататоровъ и монополистовъ ростетъ по часамъ и достигаетъ огромныхъ размѣровъ. „Дѣйствуя съ безцеремонностью, этотъ классъ людей простираетъ претензіи на все, на земли, лѣса, воды Сибири и нѣдра земли. Онъ стремится захватить и эксплуатировать все, установляетъ свои цѣны на хлѣбъ, мясо, водку, соль и старается захватить себѣ весь рынокъ. Есть города въ Сибири, которые находятся почти въ крѣпостной зависимости у подобнаго эксплуататора и кулака“.

Весьма характерными примѣрами приводятся слѣдующіе факты изъ мѣстной жизни. Зная, что желѣзо привозилось съ Урала, одинъ промышленникъ въ Восточной Сибири построилъ заводъ и конкурренціей вытѣснилъ привозное желѣзо. Подобное предпріятіе было бы, конечно, выгодно для края и населенія. Но едва уральское желѣзо было вытѣснено, монополистъ разомъ поднялъ цѣну вдвое. Второй случай: тотъ же эксплуататоръ на винокуренномъ заводѣ предложилъ окружнымъ крестьянамъ брать барду по 15 коп. бочка, разсчитывая ею за поденные работы или за деньги. Когда скотъ привыкъ къ бардѣ, цѣну подняли разомъ на 60 коп., и стали давать только тѣмъ, кто обѣщалъ работать на заводѣ. У крестьянъ, отказавшихся отъ покупки барды, началъ падать скотъ и кончилось тѣмъ, что пять деревень закабалились этому предпринимателю. Изъ этого видно, что даже мѣстная заводская промышленность далеко не послужитъ съ пользою для края, если будетъ руководима подобными монополистами.

Такая наглая нажива и хищничество практикуется безъ всякой застѣнчивости. Подобный классъ монополистовъ и спекуляторовъ является нынѣ силою, давитъ на общество, кабаля массу людей, руководитъ общественными дѣлами, преслѣдуя личныя цѣли, заискиваетъ у властей, рисуется благотворителями, а въ послѣднее время — и просвѣщенными негоціантами, но на дѣлѣ преслѣдуетъ цѣли монополіи и грубѣйшаго безправія и наживы. Нѣтъ сомнѣнія, что указанный классъ хищниковъ не могъ не возбудить отвращенія и негодованія, точно также какъ возростаніе и усиленіе его не можетъ быть признано, какъ благопріятное явленіе въ будущей гражданской жизни Восточной окраины.

Разсматривая причины ненормальныхъ экономическихъ явленій на Востокѣ, мы приходимъ къ заключенію, что они лежатъ въ историческомъ прошломъ края и въ особыхъ условіяхъ, созданныхъ его исключительностью, отдаленностью, господствомъ произвола, отсутствіемъ законности, наконецъ, коренящихся въ торговой зависимости края, культурной отсталости и отсутствіи собственной промышленности. Прежде всего мы видимъ общую эксплуатацію области ея мануфактурнымъ рынкомъ, а затѣмъ эксплуатацію внутреннюю посредниками торговли и монополистами. Такимъ образомъ, это не столько явленіе мѣстной безнравственности и особаго характера сибиряковъ, какъ предполагали нѣкоторые, сколько явленіе чисто экономическаго порядка, сообразно чему должны быть изыскиваемы средства помочь ему.

Само собою, что нашъ Востокъ не долженъ остаться вѣчно страною монополій, міроѣдства и кулачества, точно также какъ не можетъ ему быть суждена вѣчно одна торговая зависимость. Чтобы избавиться отъ нея, страна должна позаботиться о развитіи своего хозяйства и промышленныхъ производствъ, начиная съ ремесленныхъ и кустарныхъ. Но, устранивъ внѣшнюю монополію и кабалу, она, конечно, должна будетъ обратиться и къ внутреннему устройству жизни. Злоупотребленіе и кабалу, какъ мы видимъ, во многомъ поддерживаетъ на Востокѣ безправіе и отсутствіе законности. Введеніе новыхъ судовъ, широкая гласность, покровительство инородцу и гражданское полноправіе на Востокѣ—вотъ лекарства отъ грубыхъ захватовъ и злоупотребленій, но, кромѣ того, конечно, потребуются и нѣкоторыя экономическія средства предупрежденія монополіи и кабалы.

Очень немудрено, что въ будущемъ въ жизни Сибири придется еще считаться съ притязаніями монополистовъ и міроѣдовъ, какъ и со старой традиціей наживы, если не явятся на помощь населенію разумныя силы общества и сознаніе здоровыхъ путей экономическаго развитія, гражданская доблесть и болѣе нравственныя основы общечеловѣческой связи и солидарности интересовъ всего населенія.

Общія условія цивилизаціи не могутъ не повліять на мѣстный строй жизни на Востокѣ и, конечно, установятъ болѣе нравственныя и морализующія общечеловѣческія отношенія. Во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы дальнѣйшая жизнь населенія не могла быть гарантирована отъ извѣстныхъ экономическихъ злоупотребленій, сознаваемыхъ правительствомъ и обществомъ, и не было никакихъ путей болѣе здороваго развитія. Мы видимъ, что нашъ Востокъ далеко не обдѣленъ приро-

дою, при общей гармоніи интересовъ и плодотворномъ направленіи труда—онъ можетъ разсчитывать на завидную будущность. Сила и богатство его будутъ равняться обилію даровъ и производительности, географическія условія указываютъ ему извѣстную роль въ міровой торговлѣ, и отъ него будетъ зависѣть, при помощи развитія своихъ внутреннихъ силъ и искусства, занять первенствующее и царящее положеніе въ экономической жизни народовъ на Сѣверѣ Азіи.

УПРАВЛЕНІЕ СИБИРЬЮ

и

РЕФОРМА СПЕРАНСКАГО [1]).

IX.

Затрудненія въ дѣлѣ управленія Сибирью за отдаленностью края.—Эпоха воеводскаго управленія, ея недостатки.—Воеводскій произволъ и злоупотребленія. — Петровскій періодъ.—Ревизіи въ Сибири. — Нравы чиновничества.—Пестель и Трескинъ въ Сибири.—Борьба съ городскими обществами.—Сибирскій доносъ.— Назначеніе Сперанскаго, его ревизія, открытіе злоупотребленій.—Взглядъ Сперанскаго на управленіе Сибирью.—Законодательныя работы.—Сибирскія учрежденія 1822 г.—Достоинства и недостатки учрежденій. — Результатъ 50-ти-лѣтней практики сибирскихъ учрежденій. — Новые административные проекты. — Современныя задачи управленія.

Управленіе Сибирью было сопряжено всегда съ громадными затрудненіями, такъ какъ она представляла собою завоеванный край, въ которомъ приходилось удерживать новоприобрѣтенныя земли, усмирять инородцевъ, вести дипломатическія сношенія съ азіатскими странами, заводить торговлю, отыскивать промыслы, колонизировать страну и обезпечивать ея продовольствіе. Къ этому еще присоединялась чрезвычайная отдаленность Сибири отъ Москвы и Петербурга на цѣлыя тысячи верстъ, а слѣдовательно—и отъ правительственнаго надзора. Въ этомъ и состояла всегда „особенность управленія“ этимъ краемъ. Съ одной стороны, свойство дѣятельности въ краѣ вызывало особыя полномочія, быструю распорядительность и обозрѣніе дѣлъ на мѣстѣ, съ другой—отдаленность края требовала особеннаго контроля и надзора за

[1]) Большая часть настоящей главы была помѣщена особой статьей въ „Вѣстникѣ Европы“ 1875 г.

правителями, такъ какъ въ этомъ краѣ всего легче могли развиться злоупотребленія, произволъ и самовластіе. Въ преобладаніи того или другого изъ этихъ началъ, въ борьбѣ ихъ и трудности соединить обѣ эти задачи, заключается вся исторія сибирскаго управленія и до Сперанскаго, и послѣ него.

Въ древнее время посылались сюда воеводы, облеченные громадною властью, имъ предоставлялось неограниченно завѣдывать всѣми частями управленія: войскомъ, судомъ, сборомъ ясака, ссыльными [1]); кромѣ того, имъ поручались промышленныя казенныя монополіи: торговля мѣхами, виномъ, табакомъ, ревенемъ, мамонтовою костью и проч. Сначала правительство во взглядѣ на Сибирь руководствовалось завоевательными соображеніями, потомъ фискальными. Управленіе ввѣрялось совершенно усмотрѣнію воеводъ: „дѣлати по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ пригоже и какъ Богъ вразумитъ“, говаривалось въ инструкціяхъ. Воеводы опредѣлялись почти въ каждый изъ городовъ, причемъ воеводы Тобольскіе назывались иногда Сибирскими, они не были подчинены другъ другу и не имѣли между собою никакой связи на мѣстѣ, сносясь съ „Сибирскимъ приказомъ“ непосредственно. Воеводы перемѣнялись очень часто: „независимо отъ смѣны отдѣльныхъ воеводъ, вслѣдствіе открывавшихся злоупотребленій по челобитнымъ и доносамъ товарищей или дьяковъ, были еще общія раскассированія воеводъ, примѣнявшіяся съ воцареніемъ новаго государя или при иныхъ обстоятельствахъ“, пишетъ г. Фойницкій, изучавшій сибирскія дѣла этого времени. „Кажется это было сознательной мѣрой политики, направленной къ тому, чтобы воеводы долго не засиживались и не дѣлались слишкомъ смѣлыми въ злоупотребленіяхъ“. (Управленіе ссылки И. Я. Фойницкаго). Полная перемѣна воеводъ повторяется въ 1629, въ 1635 г. и позднѣе. Другая мѣра обезпеченія власти противъ чрезмѣрнаго усиленія и неправильныхъ дѣйствій воеводъ состояла въ назначеніи имъ помощниковъ, товарищей и дьяковъ. Несмотря на то, что они могли доносить на воеводу, дѣла не улучшились и соревнованіе властей вело только къ интригамъ, не устраняя произвола и беззаконій. Въ первое же время безконтрольность воеводъ породила такія злоупотребленія, что высшее московское правительство должно было начать борьбу съ ними. Чтобы предупредить злоупотребленія воеводъ, имъ запрещалось имѣть мѣховъ и имущества болѣе, чѣмъ необходимо; по возвращеніи ихъ изъ Сибири, ихъ обыскивали съ женами, дѣтьми

[1]) Полн. Собр. Закон. № 561.

и домочадцами; но столь наивныя мѣры, конечно, не помогали злу. Воеводы наживались, да и на самое назначеніе они смотрѣли какъ на наживу. Самая нажива и хищничество считались совершенно законнымъ, естественнымъ въ новозавоеванномъ краѣ и выработывались постепенно исторіей и жизнью этой страны. Военный поборъ и контрибуціи постепенно переходили во взятку при гражданскомъ управленіи; „полонъ“ переходилъ въ кабалу и рабство инородца съ татарина переносилось на русскаго; военачальническая власть со всѣми привычками оставалась и при гражданскомъ управленіи,—рѣзкой черты между ними не было; абсолютное повиновеніе, требуемое завоевателемъ, переносилось и на колониста; промышленная монополія въ пользу правительства возбудила духъ той же промышленной наживы и въ воеводахъ; эксплуатація всякаго рода практиковалась какъ частными лицами, такъ и воеводами. Взглядъ на край, какъ на мѣсто наживы, былъ твердо усвоенъ сверху до низу. Страна эта не имѣла и тѣни гражданскаго полноправія, и потому вплоть до настоящаго столѣтія славилась громаднымъ взяточничествомъ. Строгіе указы противъ грабителей посылались сюда постоянно, воеводъ часто смѣняли, отдавали подъ судъ, иногда даже били кнутомъ, но все это не помогало дѣлу. Разные „конфузіи“ и безпорядки въ Сибири не прекращались, и отъ позднѣйшихъ управителей обыватели терпѣли по-прежнему „несносное разореніе“. Петровская эпоха представляетъ дезорганизацію прежнихъ учрежденій и замѣну ихъ новыми. „Въ теченіе почти всего XVIII ст. вѣдѣніе судьбами Сибири представляло пеструю и постоянно измѣнявшуюся картину. Сибирскій приказъ съ подчиненіемъ сенату утратилъ всякое значеніе. Съ своей стороны, сенатъ, обремененный массою дѣлъ, не могъ имѣть времени для разрѣшенія текущихъ вопросовъ сибирскаго управленія. Множество самостоятельныхъ центральныхъ вѣдомствъ, другъ отъ друга независимыхъ, рѣшавшихъ сибирскія дѣла, породили разрозненность и спутанность въ управленіи. Власть, потерявъ единство, не нашла гармоніи и въ Сибири. Въ началѣ мѣстное управленіе раздвоилось: подлѣ Тобольскаго губернатора явился независимый отъ него Иркутскій вице-губернаторъ. Въ 1764 г. Сибирь раздѣляется окончательно на два губернаторства. „Введеніе Губернскаго Управленія умножило въ Сибири число инстанцій, увеличило переписку, а съ нею—медленность производства и преобладаніе канцеляріи, открывавшія широкую дверь своеволію и злоупотребленіямъ“. (Фойницкій). Общее Губернское Учрежденіе въ Сибири введено было въ 1782 и 1783 гг.

безъ всякаго соображенія съ мѣстными особенностями края, прибавляетъ тотъ-же авторъ. Оно не дало ни бо́льшаго единства, ни гарантій отъ злоупотребленій. Сибирь раздѣлилась на три намѣстничества, въ которыхъ учреждено два генералъ-губернаторства: тобольское и иркутское. Во всѣхъ намѣстничествахъ, общее учрежденіе было введено на всемъ его пространствѣ, со всѣми верхними и нижними расправами, надворными судами, совѣстными судами и пр. Границы уѣздовъ были назначены безъ соображеній съ мѣстными условіями, и во многихъ пустыняхъ появились полные уѣздные штаты. Число инстанцій умножилось, но и медленность увеличилась. Въ 1797 г. генералъ-губернаторства были упразднены, упразднено и колыванское намѣстничество, въ части котораго—алтайскомъ горномъ округѣ, взамѣнъ учреждено горное управленіе, независимое отъ гражданскаго начальства. Тобольское и Иркутское намѣстничества были переименованы въ губерніи, но въ Иркутскую губернію назначенъ военный губернаторъ съ гражданской властью. Для сокращенія производства, всѣ среднія мѣста закрыты и совѣстные суды также уничтожены. Такимъ образомъ, шла безпрестанная административная планировка. Смѣна намѣстничествъ, генералъ-губернаторствъ и проч., задачи управленія не разрѣшала. „Отсутствіе всякаго надзора въ центрѣ, разрозненность власти на мѣстѣ, были характеристическими чертами этой эпохи“, говоритъ изслѣдователь. „Злоупотребленья служилыхъ людей не только не унимались, а продолжались съ бо́льшею силою“. Власть воеводъ всецѣло переходитъ къ намѣстникамъ и генералъ-губернаторамъ, при этомъ она является на столько же обширна и безконтрольна. Отсюда тѣже послѣдствія—произволъ, самовластіе и развитіе злоупотребленій.

Начиная съ Петра I, наказанія правителей усилились: ихъ ссылали на каторгу, имъ вырывали ноздри, били кнутомъ, рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что̀ до мозга костей проникло въ нравы. Взяточничество и послѣ петровской роформы осталось такимъ же, какимъ было и до нея. „Крестьянамъ, — писалъ де-Геннинъ Петру — крестьянамъ бѣднымъ разореніе отъ судей, и въ городахъ отъ земскихъ управителей, и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія, а купечество же и весьма разорилось, такъ что едва посадскаго капиталиста сыскать можно. И хотя здѣсь всѣмъ извѣстенъ *экземпель*, учиненный князю Гагарину (т.-е. казнь его за взятки), однако, здѣсь въ Сибири не унимаются бездѣльники. Отъ земскихъ коммиссаровъ лишніе сборы чинятъ и обиды на-

роду. Судебные коммиссары дѣлаютъ великія пакости и неправды. И хотя челобитныя и донесенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыска и рѣшенія не чинится, и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ, и знаемо (т.-е. извѣстно), что такимъ ворамъ потачки отъ надворныхъ судей. Также объ учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ разсмотрѣній и резолюцій не чинится. А камериры своимъ подчиненнымъ, также надворные судьи и магистратъ своимъ подчиненнымъ потакаютъ". Изъ этой картины, представленной де-Геннином, видно, что взяточничество и поборъ охватывали въ XVIII-мъ ст. въ Сибири всѣхъ лицъ, всѣ учрежденія, съ высшаго до низшаго, всѣ судебныя и административныя должности. Брали всѣ, начиная съ губернатора и кончая канцеляристомъ; брали всѣмъ, что̀ имѣлъ обыватель. Такъ дѣло идетъ въ продолженіе всего XVIII-го столѣтія. Жолобовъ, казненный въ 1736 году, „злохитростными вымыслами, изъ великихъ себѣ взятокъ составилъ огромное состояніе" онъ бралъ всѣмъ, начиная съ золота и драгоцѣнныхъ мѣховъ, кончая мясомъ и яйцами. Иркутскій ревизоръ Крыловъ вымучилъ у иркутскихъ жителей одними деньгами до ста-пятидесяти-пяти тысячъ рублей. Развитіе злоупотребленій являлось слѣдствіемъ настолько же громадной власти, сосредоточенной въ однѣхъ рукахъ, насколько и полной безконтрольности. Правители, пока жили въ Сибири, не боялись никого и ничего. Часто они не обращали вниманія на царскіе указы и дѣйствовали наперекоръ имъ. Такъ, какой-то воевода Вяземскій, не только „дворовъ и пашенъ, и сѣнныхъ покосовъ охотникамъ, согласно царскому указу, не далъ, но и посыльщика, съ которымъ была послана царская грамота, убилъ и изувѣчилъ". Власть надъ личностью и имуществомъ при такомъ порядкѣ дѣлъ была полная. Воеводы и губернаторы въ XVIII-мъ столѣтіи отличались желѣзнымъ управленіемъ. Тѣлесныя наказанія, кнуты, темницы и пытки, „огонь и желѣзо" были орудіями этого управленія. Произвольныя конфискаціи имущества, заточеніе и казни личностей, которыхъ имущество хотѣлъ пріобрѣсти воевода, были въ полномъ ходу. Нигдѣ самовластіе не достигало такихъ размѣровъ, нигдѣ правители не являлись такими всемогущими, какъ въ Сибири, въ прошломъ столѣтіи. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. Уже воеводы задавали пиръ на весь міръ, и кто къ нимъ не являлся на торжество, долженъ былъ доставлять приношеніе. Генералъ-губернаторъ Гагаринъ употребилъ свою власть въ Сибири, чтобы скопить огромное состояніе; онъ украсилъ домъ свой какъ дворецъ, на

потолкѣ у него былъ акварій съ дорогими рыбами, лошади подковывались золотомъ и серебромъ. Намѣстники еще болѣе кичились властью, и въ 1782 г., когда Кошкинъ открывалъ намѣстничество, онъ стоялъ на императорскомъ тронѣ и принималъ поклоненіе отъ всѣхъ сибирскихъ народностей. При немъ также задавались пиршества для народа съ жареными быками. Дворы губернаторскіе были набиты челядинцами. У Чичерина было 150 гайдуковъ; Якоби привезъ съ собою 40 человѣкъ однихъ музыкантовъ. Нѣмцовъ завелъ лейбъ-стражу, подъ названіемъ „глухой команды“. Въ Иркутскѣ одинъ губернаторъ, изъ подражанія архіерею, которому звонили, приказалъ при своемъ выѣздѣ стрѣлять изъ пушекъ. Главный начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, Нарышкинъ, устроивалъ пиры, разбрасывалъ казенныя деньги, составилъ себѣ лейбъ-стражу изъ крестьянъ и каторжниковъ, изъ бурятъ сформировалъ *красный гусарскій* полкъ и бралъ мирные города. Словомъ, сибирскіе управители стремились постоянно къ „вицеройству“, ихъ охватывало упоеніе властью, и они желали выказать себя безотвѣтственными и вполнѣ независимыми. Генералъ-губернатора Гагарина даже подозрѣвали, что онъ хотѣлъ отдѣлить Сибирь и сдѣлаться независимымъ. Другіе правители не уступали ему въ пышности и гордости. Стремленіе къ вицеройству отзывалось и далеко позднѣе въ сибирской исторіи: оно вошло въ привычку правителей. Сибирскіе правители, привыкая распоряжаться независимо, часто даже сами начинали убѣждаться, что они никому не обязаны отчетомъ и не признавали являвшихся на смѣну личностей. Отдаленная провинція, поэтому, не разъ повергалась въ анархію. На смѣну взяточника Жолобова, напримѣръ, въ 1733 г. явился новый губернаторъ Сытинъ, но по пріѣздѣ онъ захворалъ и вскорѣ умеръ, поручивъ исполненіе своей должности полковнику Бухольцу. Но Бухольцъ, не имѣя предписанія свыше, не смѣлъ ѣхать въ Иркутскъ. Жолобовъ также не признавалъ своей смѣны. Тогда въ Иркутскѣ составилось временное правительство изъ подъячаго Татаринова, атамана Лисовскаго и епископа Иннокентія. Члены этого временнаго правительства убѣдили иркутское общество просить сибирскую канцелярію назначить губернаторомъ *малолѣтняго сына Сытина*, подъ опекою полковника Бухольца. Но Жолобовъ, путемъ интригъ, и упросивъ бургомистра и купцовъ подать голосъ за него, снова добился исправленія должности. Получивъ указъ опять о назначеніи, онъ обрушился местью на подъячаго Татаринова и всѣхъ, кого считалъ врагами, въ томъ числѣ Литвинцева. Онъ ставилъ ихъ на правежъ, билъ палками

и истязалъ. Покончивши съ одними, Жолобовъ принимался за другихъ. Наконецъ, пріѣхалъ слѣдователь, бригадиръ Сухаревъ, и положилъ конецъ этимъ гоненіямъ. Для обузданія Жолобова и гонимыхъ имъ лицъ, Сухареву дана была цѣлая рота солдатъ. Подобно Жолобову, и многихъ другихъ правителей приходилось смѣнять только силою; точно также только при помощи военной команды могли смѣнить слѣдователя Крылова; смѣняли такимъ же путемъ и другихъ чиновниковъ. Изъ этого уже видно, какъ разросталась власть сибирскихъ правителей. Нечего говорить, что передъ такою силою все должно было преклоняться, все трепетало. Въ случаѣ сопротивленія, при малѣйшихъ жалобахъ и оппозиціи, на жителей обрушался терроръ правителей, какимъ ознаменовывали себя Жолобовъ, Крыловъ и другіе. Не только пытки и кнуты были въ употребленіи, но прежніе правители нерѣдко примѣняли и смертную казнь.

Въ этотъ древній періодъ единственнымъ обузданіемъ мѣстныхъ начальниковъ для правительства служила ихъ строгая кара. Но какъ ихъ ни подвергали отвѣтственности, какъ часто ни смѣняли, положеніе дѣлъ не измѣнялось. Являлись изрѣдка ревизоры для обслѣдованія дѣлъ на мѣстѣ, но, подобно Крылову, посланному при Екатеринѣ, преслѣдуя предшественниковъ, они сами доходили до величайшаго своеволія и сами начинали обирать жителей, пользуясь предоставленною имъ силою. Словомъ, каждая власть, какая только ни являлась въ Сибирь, немедленно же, въ силу особыхъ обстоятельствъ преображалась, усвоивала самовластіе и предавалась наживѣ.

Мы уже указали, что причины этого крылись не въ отдѣльныхъ личностяхъ, но въ томъ положеніи, какое предоставлялось правителямъ въ этой отдаленной странѣ. Они незамѣтно пріобрѣтали привычки самовластія, вдали отъ контроля, при неограниченныхъ уполномочіяхъ, точно также какъ развитіе злоупотребленій, не встрѣчая ни откуда препятствій, явилось естественнымъ при отдаленности края и при тѣхъ искушеніяхъ къ обогащенію, какія представлялъ край. На это указалъ впослѣдствіи Кородавлевъ въ запискѣ своей, внесенной въ Государственный Совѣтъ.

Конецъ и начало нынѣшняго столѣтія повторили характеръ и нравы предшествовавшей эпохи въ сибирскомъ управленіи. Въ это время думали уничтожить зло бо́льшимъ довѣріемъ главнымъ начальникамъ и усиленіемъ ихъ власти. Для этого, въ 1783 г., было открыто въ Иркутскѣ намѣстничество. Первымъ намѣстникомъ иркутскимъ и колыванскимъ былъ генералъ-поручикъ Якоби.

„Губернія была раздѣлена на четыре области, и все это чиноначаліе деспотствовало“, говоритъ иркутскій лѣтописецъ. Самъ Якоби былъ сатрапъ-сибаритъ. „Одно осталось о немъ въ памяти иркутянъ: пышно-весело жилъ“. Подъ конецъ онъ отданъ былъ подъ судъ и томился подъ нимъ десять лѣтъ. „Мѣстное населеніе, подавленное, истощенное самовластіемъ и поборами,— говоритъ г. Вагинъ,—имѣло только одно средство—бороться съ ними жалобами и доносами“. Въ прошлое столѣтіе жалоба и доносъ наказывались весьма жестоко, тѣмъ не менѣе видимъ, какъ во время террора Жолобова и Крылова жители и подсудимые выкрикивали „слово и дѣло“, чтобы какъ-нибудь добиться правосудія; тогда подсудимаго заковывали, подъ строжайшимъ присмотромъ отсылали въ Москву или въ Петербургъ, гдѣ вновь ставили на правежъ, причемъ онъ долженъ былъ объявить, о чемъ зналъ. Иногда успѣвали подсудимые разоблачать, что̀ дѣлается въ Сибири и приносить свои жалобы, и тогда-то вотъ посылались ревизіи, какъ при Жолобовѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія общество стало смѣлѣе въ жалобахъ и доносахъ по поводу злоупотребленій. Вѣроятно, этому способствовало уничтоженіе „тайной канцеляріи“. Но повѣрка доносовъ была затруднительна, обвиняемые всегда находили множество средствъ оправдаться. Дѣйствительно, управители Сибири долго и много отписывались, пока совершенно не запутывали дѣла. Примѣръ можно было видѣть на дѣлѣ Якоби. По этому поводу Екатерина надписала на немъ: „читано предъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго якобіевскаго дѣла, изъ коего мы иного ничего не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетенъ и кляузъ“. Этими словами было положено подозрѣніе на сибиряковъ, подозрѣніе совершенно неоправдавшееся, которое послужило къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ. „Слова эти были клеймомъ на сибиряковъ, — говоритъ иркутскій лѣтописецъ,—за которое они впослѣдствіи дорого поплатились. Горе отдаленной провинціи,— прибавляетъ онъ,—ежели правительство поставитъ между ей и собою оплотъ предубѣжденія“. Тѣмъ не менѣе, къ правителямъ Сибири правительство начинало быть бдительнѣе. Такъ, Нагель, при Павлѣ I, былъ привезенъ изъ Иркутска съ фельдъегеремъ для личнаго объясненія съ государемъ по поводу какого-то доноса, и снова возвращенъ, когда имп. Павелъ вспомнилъ, что его зналъ въ какомъ-то полку. Въ это время смѣны правителей дѣлаются только чаще. Такъ, послѣ Штрандмана, былъ въ Иркутскѣ Леццино, гордый, надменный и сухой, какъ говоритъ о немъ лѣтописецъ. Леццино этотъ не поладилъ съ коммиссаріат-

скимъ начальникомъ Новицкимъ и вызвалъ жалобы иркутскихъ жителей, увлекшись разведеніемъ огородовъ, обсаживаніемъ города березками и проч., чѣмъ тяготились жители. На ревизію прибылъ немедленно сенаторъ Селифонтовъ. Онъ сошелся съ Новицкимъ и представилъ иркутскую губернію „въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что на нее безъ слезъ взирать невозможно". Леццино былъ удаленъ немедленно отъ должности, а Селифонтову приказано отъ правительства представить, какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири. Его мнѣніе состояло въ томъ, чтобы Сибирь раздѣлить на три губерніи и соединить ее подъ управленіе одного генералъ-губернатора, облеченнаго *особенною высочайшею довѣренностью*. Такимъ образомъ, Селифонтовъ вновь проектировалъ одно усиленіе власти. Оставался вопросъ, кого облечь властью. Назначили Селифонтова. При этомъ дана была ему особая инструкція для управленія, существовавшая 20 лѣтъ, вплоть до назначенія Сперанскаго. Сибирскіе правители въ это время успѣваютъ склонить правительство къ мнѣнію, что всѣ безпорядки въ Сибири происходятъ отъ ябеды и кляузъ мѣстныхъ жителей, а не отъ неистовствъ администраціи. Селифонтову говорится въ инструкціи, что „по духу ябеды, издавна замѣченному между сибирскими жителями", тѣхъ, которые имѣютъ безпокойный характеръ и могутъ вліяніемъ своимъ на общество препятствовать благимъ мѣрамъ правительства, ссылать въ отдаленныя мѣста. Это послужило для сибирскихъ губернаторовъ правомъ карать челобитчиковъ. Опираясь на это право впослѣдствіи, Трескинъ и Пестель развернули свою страшную систему. Селифонтовъ сочувствовалъ бѣдствующей иркутской губерніи, какъ видно, только до тѣхъ поръ, пока не въѣхалъ въ Сибирь. Облеченный громадною властью, онъ явился „какъ Вице-Рой,—говоритъ лѣтописецъ:—все пало ницъ и безмолвствовало". Селифонтовъ оставилъ жену въ Тобольскѣ, а въ Иркутскъ привезъ свою наперсницу, мадамъ Бойе; она остановилась въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. „Сейчасъ, — говоритъ тотъ же лѣтописецъ,—догадались черезъ кого надобно *обдѣлывать дѣла*, и обдѣлывали". При Селифонтовѣ управляли, такимъ образомъ, мадамъ Бойе и секретарь Бакулинъ, который, раздѣливъ Сибирь на коммиссарства, продавалъ ихъ управителямъ, кто̀ больше дастъ. Порядки явились прежніе. При Селифонтовѣ проѣзжало посольство Головина. Губернаторъ Корниловъ, между тѣмъ, не ладилъ съ Селифонтовымъ, какъ Новицкій съ Леццино; онъ передалъ положеніе дѣлъ Головину. Дошло дѣло до Петербурга, и указомъ былъ смѣненъ Селифонтовъ, съ запрещеніемъ въѣзжать въ сто-

лицы. Такъ кончилось его вицеройство. Послѣ Селифонтова назначается Пестель, и привозитъ съ собою Трескина. Въ эту эпоху мы видимъ, что самыя смѣны управителей и обличеніе злоупотребленій, не прекращавшихся, въ Сибири являются только орудіемъ для чиновничьихъ интригъ. Доносы и обличенія сыпались изъ Сибири, но каждый обличалъ предшествовавшій порядокъ съ тѣмъ, чтобы сѣсть на мѣсто предшественника и, забравъ власть, подражать ему и дѣлать то же. Такимъ образомъ, самый безпорядокъ въ Сибири служилъ поводомъ играть въ мѣста для сибирскихъ чиновниковъ. Смѣна генералъ-губернаторовъ не помогла дѣлу, а усиленіе ихъ власти и довѣріе становились только средствомъ для нихъ раздѣлить отдаленную провинцію между своими любимцами. Управленіе Пестеля послужило завершеніемъ всего предшествовавшаго и послѣдней попыткой приложить способъ управленія самовластія и подавленія.

Пестель, понимая ошибки своихъ предшественниковъ, рѣшился первымъ дѣломъ упрочить свою власть въ Сибири и обезпечить ее надолго. Онъ управлялъ Сибирью 14 лѣтъ, до Сперанскаго, и въ это время возвелъ предшествовавшую систему до крайняго развитія, опираясь на всѣ предыдущія уполномочія и вытребовавъ новыя. Пестель рѣшился начать управленіе не съ разоблаченія злоупотребленій, какъ его предшественники, но съ уничтоженія жалобъ и пресѣченія всякой возможности жаловаться. Тупой и ограниченный по способностямъ, но злой и самолюбивый, онъ явился въ Иркутскъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто привѣтствія объявить обществу: „при назначеніи меня генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, первая моя всеподданнѣйшая просьба была, чтобы перемѣнить здѣсь бѣлые воротники. Я былъ въ Вяткѣ на слѣдствіи, и тамъ тоже бѣлые воротники, и всѣ на-голо ябедники". И Пестель засмѣялся гнусливымъ, зловѣщимъ смѣхомъ (Пояснен. къ Иркутской Лѣт. въ Чтен. 1853 г., кн. 3, стр. 72). Такимъ образомъ, Пестель отнесся съ явнымъ недовѣріемъ къ обществу и объявилъ, что будетъ искать причины зла въ немъ. По убѣжденіямъ, это былъ защитникъ всякаго начальническаго авторитета; утвердить такой авторитетъ онъ поставилъ своею цѣлью, а общество должно было погрузиться въ безмолвное повиновеніе. Въ помощники онъ выбираетъ расторопнаго и распорядительнаго почтамтскаго чиновника Трескина, безъ котораго не рѣшался ѣхать въ Сибирь. Это былъ рабъ и наперсникъ Пестеля. Пестель ему безусловно вѣрилъ во все время своего управленія, онъ предоставилъ ему полную свободу и власть, какую только могъ ему передать на основаніи инструкціи; а инструкція эта была всемогуща. Личность

Трескина такъ характеризуетъ г. Вагинъ: „это былъ человѣкъ умный и дѣльный", до извѣстной степени, конечно, „но его умъ и дѣятельность были — не государственнаго человѣка, а канцелярскаго и полицейскаго чиновника. Они были устремлены только на мелочи и многописаніе. Трескинъ былъ превосходный исполнитель, какъ бо́льшая часть людей этого рода, онъ могъ быть только хорошъ въ хорошихъ рукахъ. Его предоставили самому себѣ, облекли высокою властью. Въ немъ вполнѣ развились полицейскія замашки того времени, и изъ него вышелъ невыносимый деспотъ". Какъ человѣкъ, какъ семьянинъ, Трескинъ даже былъ добръ; впрочемъ, подобныхъ качествъ не чужды самые кровожадные звѣри, любящіе своихъ дѣтенышей.

Въ своемъ управленіи Трескинъ руководствовался вполнѣ собственнымъ усмотрѣніемъ. „Законовъ онъ не исполнялъ, на министерскія приказанія не обращалъ никакого вниманія", сообщаютъ изслѣдованія г. Вагина; онъ позволялъ себѣ величайшія самоуправства. Его защитникъ и поклонникъ, Геденштромъ, говоритъ, что „губернію онъ считалъ вотчиною, а себя полновластнымъ въ ней приказчикомъ или управляющимъ". „Даже помѣщичій произволъ никогда не достигалъ въ Россіи такого развитія, какъ трескинскій произволъ въ иркутской губерніи. Его можно только сравнить съ произволомъ и мелочнымъ вмѣшательствомъ Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ". Оставивъ расторопнаго и самовластнаго Трескина распоряжаться въ Сибири, Пестель уѣхалъ въ Петербургъ, и все время пребывалъ тамъ. Здѣсь онъ вліялъ и направлялъ по-своему сибирскія дѣла.

14-ти-лѣтнее управленіе Пестеля и Трескина было ознаменовано крупными злоупотребленіями, которыя достаточно выяснились, благодаря ревизіи Сперанскаго и собраннымъ нынѣ матеріаламъ. Взяточничество въ этотъ періодъ не только не уменьшилось, но еще лучше организовалось. Пресѣченіе всякой гласности, всякихъ жалобъ превратило его въ обыкновенный порядокъ. „Трескинъ имѣлъ достойныхъ сподвижниковъ,—пишетъ г. Вагинъ, на основаніи своихъ историческихъ матеріаловъ.—Жена и любимцы его безчинствовали открыто. Агнія Ѳедоровна, жена Трескина, была „женщина домовитая", какъ о ней говорили, и весьма притомъ не строгихъ правилъ. „Къ ней отправлялся всякій, кто хотѣлъ давать,—пишетъ иркутскій лѣтописецъ.—Исправники, коммиссары безъ доклада могли входить въ уборную, даже въ спальню. Они называли чиновниковъ своими дѣтьми". Въ самомъ дѣлѣ, мѣста подъ конецъ всѣ были заняты чиновниками, привезенными Пестелемъ и Трескинымъ „изъ Москвы" (Вагинъ, с. II). Самъ

Трескинъ подозрѣвался, что при заготовкѣ хлѣба въ казенные магазины, чрезъ коммиссаровъ, онъ имѣлъ *„знатный доходъ“*. Что касается взяточничества его жены, то оно было открытое. „Довольно странно было видѣть,—пишетъ иркутскій лѣтописецъ,—въ передней сидящаго лакея, фаворита барыни самой, записывающаго кто что̀ принесъ, и толпу купцовъ съ кульками, со свертками, цибиками, съ анкерами и тому подобнымъ“. Жители Иркутска, имѣвшіе дѣла, говорили, по отзывамъ старожиловъ: „вотъ, Агнесѣ Ѳедоровнѣ надо поклониться.—Купи мѣхъ соболій! Принесутъ мѣхъ, сторгуютъ его за пять, за шесть тысячъ, и мѣхъ возьмутъ, и деньги. Другому, третьему то же. Одинъ-то мѣхъ разъ 50 продавали“ (Разсказъ Обухова, приложеніе къ 1 т., с. 565). Она брала соболями, муфтами, разсказываетъ другой старожилъ; взятки давали губернаторшѣ, проигрывая часто въ карты. „Она за взятки,—сообщаетъ третій современникъ,—раздавала мѣста. У нея былъ подставной Третьяковъ. *У нихъ, въ гостиномъ дворѣ, были и лавочки, гдѣ они продавали, что̀ имъ надарятъ*“. (Посельскій, прилож. къ изслѣд. Вагина, т. I, ст. 582). Агнія Ѳедоровна жила въ связи съ Бѣлявскимъ, секретаремъ мужа, который управлялъ не только за Трескина, а и за Пестеля; онъ былъ также взяточникъ. Кромѣ того, отличались взяточничествомъ главный довѣренный жены Трескина, Третьяковъ, засѣдатель Геденштромъ, человѣкъ образованный, но въ то же время, по словамъ Корфа, „доносчикъ и развратникъ“. Г. Вагинъ силился смягчить приговоръ Корфа за умъ и образованіе Геденштрома, но въ сущности это былъ образованный воръ. Наконецъ, прославился Лоскутовъ, который, неистовствуя, нажилъ огромное состояніе.

Такой порядокъ долженъ былъ прикрывать Трескинъ, участвуя самъ въ наживѣ, какъ свидѣтельствуютъ историческіе матеріалы. Трескину оставалось на выборъ—или измѣнить свою систему, или сойти съ своего поприща, или стереть недовольныхъ съ лица земли, и онъ выбралъ послѣднее. Бѣлявскій былъ правою рукою и злымъ геніемъ Трескина. „Все бездѣльники, въ бараній рогъ надобно согнуть“, безпрестанно твердилъ онъ губернатору. „И подлинно гнули“, говоритъ современникъ. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что, какъ мы видѣли, самъ Пестель старался задавить всякій доносъ и преслѣдовать недовольныхъ. Начало своего управленія Пестель ознаменовываетъ гоненіями двухъ губернаторовъ, тобольскаго и томскаго: Хвостова и Корнилова, за то, что тѣ не соглашались съ его мнѣніямъ, и одинъ подалъ, помимо Пестеля, записку министру внутреннихъ дѣлъ объ улучшеніи

края. „Къ преданію ихъ суду были выставлены не эти, а другіе доводы, но они были также ничтожны и грязны, какъ и первые“ (Истор. изслѣд., т. I, ст. 6). Начальникъ провіантскаго депо въ Тобольскѣ, генералъ Куткинъ, о чемъ-то поспорилъ съ Пестелемъ, и тотъ нарочно выхлопоталъ право себѣ предавать суду провіантскихъ и коммиссаріатскихъ чиновниковъ. Тогда онъ открылъ *мнимыя* злоупотребленія по провіантской части и предалъ Куткина суду и домашнему аресту, устроивъ около дома его гауптвахту. Домъ, имѣніе его, фабрики около Тобольска были разорены. Самъ онъ посылалъ постоянно прошенія и ничего не могъ добиться. Сенатъ нѣсколько разъ предписывалъ освободить Куткина, но Пестель оставлялъ безъ исполненія сенатскіе указы. 11 лѣтъ Куткинъ содержался подъ арестомъ, разорился, наполнилъ Сибирь воплями своихъ прошеній и умеръ подъ стражею, въ 1817 г.; жена его умерла отъ горя, дочь ослѣпла отъ слезъ (Истор. изслѣд., с. 7). На провіантскихъ чиновниковъ было открыто гоненіе, „какъ на жидовъ“. „Употребляя во зло свое званіе сенатора, а потомъ члена государственнаго совѣта, Пестель настойчивымъ образомъ требовалъ самыхъ жестокихъ наказаній тѣмъ лицамъ, которыхъ преслѣдовалъ. Страсть его къ преслѣдованію доходила до мелочности. Нерѣдко сибирскія судныя дѣла переходили въ общее собраніе сената и въ государственный совѣтъ, единственно по несогласію Пестеля съ рѣшеніемъ другихъ сенаторовъ» (Истор. свѣд., с. 7). „Крайнее самолюбіе, страсть къ произволу, потворство своимъ любимцамъ, неумолимая мстительность,—вотъ были отличительныя черты Пестеля“, говорятъ матеріалы. Личное безкорыстіе Пестеля было подвергнуто большому сомнѣнію. „Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника“, писалъ Сперанскій.

Но если Пестель могъ простирать гоненія на лицъ сильныхъ и значительныхъ, то въ преслѣдованіи менѣе значительныхъ обывателей и подчиненныхъ онъ переходилъ всѣ границы. Произвольныя дѣйствія Трескина на первыхъ же порахъ вызвали сопротивленіе иркутскаго общества. Хозяйственная регламентація жизни и вмѣшательство Трескина превзошли всѣ ожиданія, какъ ни пріучены были сибирскіе жители ко всякому вмѣшательству предшественниками Трескина. Трескинъ вздумалъ распланировать и перестроить за-ново Иркутскъ, который не славился въ это время опрятностью, и рѣшился провести это дѣло необыкновенно энергично. Онъ приказалъ къ такому-то времени всѣ старые дома сломать, а когда хижины не были снесены, то къ сломкѣ приступила полиція (Т. I, с. 573—574). Онъ обходилъ городъ,

заходилъ къ жителямъ, вмѣшивался въ хозяйство, пробовалъ кушанье, чинилъ расправу, ежели что̀ дурно приготовлено (с. 573). Онъ преслѣдовалъ, говорятъ, питье чая, запрещалъ въ огородахъ садить табакъ, насильственно заставилъ бурятъ заниматься земледѣліемъ, и, наконецъ, пробовалъ отвести рѣку, затопляя суда. Въ одной изъ жалобъ, поданныхъ на него, говорится: „Господинъ генералъ-губернаторъ Пестель и губернаторъ Трескинъ приказали собирать въ полицію въ городѣ купеческихъ и мѣщанскихъ, а по деревнямъ крестьянскихъ дочерей, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы отдавать ихъ въ замужество за поселенцевъ, и что однимъ только отцамъ, матерямъ и родственникамъ извѣстно, чего сто́ила свобода, сопряженная съ безславіемъ дѣтей ихъ“ (Записка Сибирякова, прилож. къ истор. свѣд. Вагина, с. 547). Иркутское общество, пріучавшееся уже ранѣе заявлять свои жалобы и пытавшееся къ обнаруженію злоупотребленій и неправды въ Сибири при Якоби и Леццино, выставило кандидатомъ въ головы Михаила Ксенофонтовича Сибирякова, личность умную и уважаемую въ городѣ. Такой представитель общества не могъ быть пріятенъ Трескину; онъ видѣлъ, что общество хочетъ съ нимъ бороться. Придравшись къ прежней подсудности Сибирякова, онъ предложилъ выбрать другого, но дума объявила, что она „дѣлаетъ новые выборы единственно изъ повиновенія распоряженіямъ начальства“. Въ то же время дума и магистратъ отказались исполнить требованіе назначенія купцовъ при осмотрѣ пушныхъ товаровъ, опираясь справедливо, что это неустановленная повинность. Таковы были оффиціальныя причины, которыми было прикрыто неудовольствіе Трескина и Пестеля. Но тайныя причины состояли въ подозрѣніи Сибирякова и Мыльникова въ составленіи доноса, посланнаго въ министерство внутреннихъ дѣлъ на дѣйствія губернскаго начальства.

Дѣйствительно, Трескинъ и Пестель выставили Сибирякова и Мыльникова „вредными нарушителями общественнаго спокойствія“ предъ высшимъ начальствомъ. Пестель при этомъ рѣшился разомъ оклеветать общество и указать, что благому его управленію мѣшаетъ только безнравственность и пороки управляемыхъ. „Какое мѣстное начальство можетъ установить порядокъ общественный тамъ, гдѣ развратъ и самовольство состязаются съ законными распоряженіями“, писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 1808 г., „гдѣ уже мѣры кроткихъ взысканій тщетно были испытываемы и гдѣ дерзость укоренилась въ средоточіи общественномъ? Одни только примѣры неупустительнаго строжайшаго взысканія съ неповинующихся могутъ подать способы

и надежду возстановить по времени колеблемое развратомъ спокойствіе, котораго желаютъ многіе, но которое теряется въ собственномъ ихъ расположеніи къ заблужденіямъ". Пестель просилъ, поэтому, подвергнуть общество „чувствительнымъ и примѣрнымъ взысканіямъ", Сибирякова же, „за явное возмущеніе и проч." въ примѣръ другимъ, какъ равно и Мыльникова, разослать по уѣзднымъ городамъ Иркутской губерніи. Добившись ихъ ссылки, какъ-бы „въ насмѣшку надъ сосланными", Трескинъ доносилъ, что имъ выбраны города, удобные для продолженія коммерческихъ оборотовъ, но, вмѣсто того, имъ не выдавали даже паспортовъ, прошенія не принимались. Когда родственники Сибирякова хлопотали въ Петербургѣ, Пестель храбро и бойко отписывался, что „иркутское общество только безъ нихъ можетъ находиться въ спокойствіи". Вступился за Сибиряковыхъ Сперанскій, бывшій тогда въ силѣ, вступился Державинъ, но Пестель умѣлъ представить все по-своему и даже постоянно обижался запросами. Сибиряковъ такъ и умеръ въ ссылкѣ.

Установивъ въ глазахъ правительства свои воззрѣнія на ябедниковъ, Пестель и Трескинъ уже смѣлѣе начали преслѣдовать своихъ враговъ. Мы не имѣемъ возможности подробно излагать всѣ случаи, занесенные въ матеріалы, даже въ сухомъ изложеніи полные самыхъ потрясающихъ подробностей, и напоминающихъ какую-то мартирологію, да это и не относится къ нашей цѣли, имѣющей въ виду разсмотрѣть только самую систему мѣстнаго управленія до Сперанскаго, не останавливаясь на частностяхъ. Достаточно сказать, что, также какъ въ Иркутскѣ Сибиряковъ и Мыльниковъ, въ Тобольскѣ нарушителемъ тишины выставлялся купецъ Полуяновъ. При Пестелѣ же былъ отданъ подъ судъ откупщикъ Передовщиковъ, взявшій винные откупа въ Сибири, которые Трескинъ предварительно отдалъ уѣзднымъ мѣстнымъ откупщикамъ.

Предсѣдатель уголовной палаты, Гарновскій, и прокуроръ Петровъ протестовали противъ неправильнаго начатія дѣла, но были удалены отъ должности. Передовщиковъ же притѣснялся на допросахъ, его заставляли подписывать показанія противъ себя и, наконецъ, разоривъ, сослали въ каторжныя работы (Ист. свѣд., 20—22 и прил.). Такіе поступки власти не могли возбудить въ мѣстномъ населеніи особеннаго расположенія къ ней. Кромѣ того, у Передовщикова, Сибирякова и Мыльникова были родственники, знакомые, приверженцы. Все это называлось *„партіей* недовольныхъ", и употреблялись всѣ мѣры, чтобы уничтожить ее. Изъ Иркутска были высланы братъ Сибирякова

въ Жиганскъ и за нимъ купецъ Дуборовскій. Подвергся преслѣдованію купецъ Киселевъ, человѣкъ умный, смѣлый и горячій. Не было благовиднаго повода поступить съ нимъ, какъ съ прочими, поэтому придумали другой способъ. Киселева объявили сумасшедшимъ и посадили въ больницу. Тамъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Народная молва обвиняла въ этой смерти Третьякова, довѣреннаго и любимца Трескина, который былъ тогда смотрителемъ больницы. Гоненія обрушились даже на людей мелкихъ и незначительныхъ, какъ, напримѣръ, на какого-то титулярнаго совѣтника Пѣтухова; служа въ уѣздномъ судѣ, онъ рѣшилъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ Пестель. Пѣтуховъ этотъ протестовалъ ,противъ рѣшенія уѣзднаго суда, постановленнаго въ угоду губернатору: за это онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а когда онъ подалъ жалобу на высочайшее имя,—это послужило поводомъ къ ссылкѣ его въ Туруханскъ, потомъ въ Мезень. Но и здѣсь преслѣдуетъ его Пестель. Когда онъ принятъ былъ въ Мезени на службу, Пестель проситъ сослать его въ Колу, „такъ какъ мезенская округа граничитъ съ Тобольской губерніей и потому пребываніе Пѣтухова вредно для Сибири“. Это была послѣдняя попытка повредить Пѣтухову. Пятилѣтнія преслѣдованія потрясли его, несчастный сошелъ съ ума. „Мы сообщили только крупные факты,—говорится въ концѣ матеріаловъ г. Вагина,—которые въ свое время надѣлали большого шума, которые завѣрены и оффиціальными актами, и записками современниковъ, и преданіями. Но сколько личностей, подобныхъ Пѣтухову, страдало и гибло безслѣдно, не сохранивъ о себѣ извѣстій даже въ архивной пыли“! Множество чиновниковъ отдавалось подъ судъ по самымъ ничтожнымъ причинамъ: одинъ за неправильную переписку прошеній, другой за продажу чужой телѣги, третій за неприличные проступки,—короче, за пьянство. Основною же причиною были подозрѣнія въ недоброжелательствѣ начальству. Трескинъ держался въ этомъ случаѣ такой тактики: онъ дозволялъ чиновникамъ наживу и злоупотребленія, но тѣмъ самымъ держалъ ихъ въ рукахъ. При малѣйшемъ недовольствѣ онъ ихъ упекалъ. Въ этомъ случаѣ прощались взятки, и всегда наказывался доносъ и недовольство.

Вся система Пестеля сводилась такимъ образомъ къ тому, чтобы въ Сибири предоставить своему губернатору распоряжаться при помощи огромной власти по своему усмотрѣнію, и во избѣжаніе жалобъ подавлять ихъ на мѣстѣ, а что доносится въ Петербургъ,—самому перехватывать и перерѣшать. Такимъ образомъ, Пестель отрѣзалъ Сибирь отъ всякаго правосудія. Во время

своего управленія онъ устроилъ строгій надзоръ за всѣмъ, что́ писалось изъ Сибири; онъ оцѣпилъ Сибирь таможнями, началъ перехватывать письма, тушилъ прошенія и бумаги въ присутственныхъ мѣстахъ; наконецъ, обрушился на челобитчиковъ. Благодаря этому, долго не доходило ничего до высшаго правительства безъ вѣдѣнія Пестеля, который всему давалъ свои объясненія. По словамъ старожила, С. С. Щукина, Трескинъ не могъ видѣть, чтобы печатали что-нибудь изъ Иркутска въ газетахъ, особенно о цѣнахъ на хлѣбъ, которыя онъ выставлялъ по-своему. Ему не хотѣлось, чтобы кто-нибудь велъ переписку съ Петербургомъ и, заподозривши, напримѣръ, въ этомъ монголиста Игумнова, „образованнѣйшаго человѣка своего времени", какъ сообщаетъ г. Вагинъ, его начали притѣснять, отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и запретили въѣздъ въ Иркутскъ. „Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ, — говоритъ современникъ, выписка котораго приведена въ матеріалахъ,—при неограниченномъ довѣріи высшаго правительства къ представленіямъ Пестеля или — что́ все равно—Трескина, въ Иркутскѣ, наконецъ, всѣ части попали если не въ формальную, то, по крайней мѣрѣ, въ политическую зависимость отъ губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной" (Т. I, с. 32). Такимъ образомъ, рядомъ съ развитіемъ злоупотребленій, усиливалось и самовластіе, и сила Пестеля. Произволъ и злоупотребленія существовали не только въ Иркутскѣ, но и въ другихъ частяхъ Сибири. Своеволіе отъ губернаторовъ усвоивали и подчиненные, — такъ бываетъ всегда. Енисейскій городничій, по словамъ Корфа, катался по городу на чиновникахъ, за то, что они осмѣлились написать просьбу объ его смѣнѣ. Охотскій начальникъ самовольно удаляетъ отъ должности своихъ чиновниковъ. Третьяковъ, Геденштромъ берутъ примѣръ расправы съ Трескина. Лоскутовъ дошелъ до такой необузданности и смѣлости, что высѣкъ нижнеудинскаго протоіерея Орлова плетьми. „Но не одни только личныя преслѣдованія были отличительною чертою сибирскаго управленія за время Пестеля. Управленіе это представляло поразительный примѣръ самыхъ вопіющихъ безпорядковъ и злоупотребленій, приведенныхъ въ систему", пишетъ далѣе г. Вагинъ. Даже и тамъ, гдѣ выражалось стремленіе къ внѣшнему порядку: чистотѣ улицъ, правильной постройкѣ домовъ и т. п., даже и тамъ стремленіе это выражалось дѣйствіями, явно противными тѣмъ самымъ законамъ, которые оно, повидимому, старалось исполнить. Нѣкоторыя отрасли по управленію были крайне запущены. По всей сѣверной окраинѣ Сибири народъ

въ буквальномъ смыслѣ умиралъ съ голоду. По иркутской губерніи Трескинъ ввелъ насильственныя закупки хлѣба и казенную монополію хлѣбной торговли. Наконецъ, повинности населенія были въ высшей степени обременительны. Средствомъ скрывать эти безпорядки служило — постоянно представлять отдаленный край въ самомъ цвѣтущемъ положеніи и закрывать глаза бюрократическими отчетами, на которые былъ мастеръ Трескинъ. Все прикрывалось самой наглой оффиціальной ложью. Пестель и Трескинъ обманывали не только правительство, но они хотѣли обмануть и мѣстное населеніе въ противность тому, что̀ послѣднее видѣло собственными глазами. Такъ, напримѣръ, въ 1807 г., Трескинъ опровергаетъ слухъ, разнесшійся между жителями, что начальство не впускаетъ крестьянъ въ городъ для продажи хлѣба, а жителей принуждаютъ закупать хлѣбъ въ казенныхъ магазинахъ. Трескинъ публикуетъ, что запрещеній такихъ не было, и доноситъ Пестелю, что слухи эти идутъ „отъ извѣстной и оглашенной ябеднической партіи“. А между тѣмъ принудительная закупка хлѣба во все время Трескинскаго управленія вошла въ систему. „Жители Иркутска и окружающихъ селеній очень хорошо знали, знаетъ и потомство—говорятъ матеріалы, — что у Трескина на бумагѣ дѣлалось одно, а на дѣлѣ другое“. „Публикація эта имѣла въ виду одну цѣль: пустить Пестелю пыль въ глаза и предупредить доносы на новыя злоупотребленія“ (Т. I, с. 34). Трескинъ искусственно повышалъ цѣны на хлѣбъ, завелъ страшный скупъ его, монополіи, отдалъ ихъ въ руки коммиссаровъ и кущовъ, выставлялъ фальшивыя цифры о цѣнахъ и въ то же время доносилъ объ увеличивающейся производительности края и его благосостояніи. Послѣдствіемъ монополій и злоупотребленій по продовольственной части на отдаленныхъ окраинахъ происходилъ ужасный недостатокъ въ хлѣбѣ, начинались голода. Такъ, въ 1811 г., а потомъ въ 1815 и 16 годахъ, въ Туруханскомъ краѣ между инородцами обнаружилось людоѣдство. Но когда начали доноситься слухи объ этомъ въ Петербургъ, Пестель представлялъ огромныя книги съ бюрократическими отчетами и увѣрялъ въ противномъ. Массами фальшивыхъ свѣдѣній и перепиской онъ старался закрыть правительству глаза. Точно также онъ отбивался и отъ всѣхъ жалобъ, называя ихъ клеветою и доносомъ. „Но если и былъ кто самымъ вреднымъ и опаснымъ доносчикомъ,—говорятъ матеріалы,—то развѣ одинъ Пестель. Въ своихъ донесеніяхъ онъ осыпалъ клеветами сибирское населеніе и показывалъ все правительству въ превратномъ видѣ. Въ такое мрачное время сто-

номъ стонала Сибирь и особенно Иркутская губернія“ (Т. I, с. 34).

Останавливаясь на этой эпохѣ, предшествовавшей ревизіи Сперанскаго, мы невольно поражаемся массою злоупотребленій, обрушившихся на этотъ отдаленный и бѣдный край. Управленіе Пестеля намъ рисуется какимъ-то темнымъ пятномъ на фонѣ сибирской исторіи. Оно, дѣйствительно, кажется мрачно и поразительно, но это потому, что мы представляемъ его отдѣльно, безъ связи съ предыдущей исторіей, какъ оно рисуется намъ въ матеріалахъ. Но, смотря нынѣ болѣе хладнокровно и съ исторической точки зрѣнія, мы не найдемъ въ немъ ничего необыкновеннаго, ничего, принадлежащаго исключительно системѣ Пестеля и Трескина. Въ сущности, оно руководствовалось тѣми же правилами и традиціями, какъ и предшествовавшія; оно было плодомъ системы и отражало всѣ черты управленія, давно укоренившагося въ Сибири. Управленіе Пестеля было только окончательнымъ и болѣе рѣшительнымъ примѣненіемъ системы, подготовленной ему, въ томъ же направленіи, предшественниками. Послѣдствія этой системы отражались такимъ же образомъ и ранѣе. „Не въ этой одной эпохѣ, которая подверглась ревизіи, обнаружены злоупотребленія,—писалъ Сперанскій Кочубею изъ Сибири,—и нельзя утверждать, чтобы при прежнемъ управленіи Сибирь была въ другомъ или лучшемъ положеніи. Напротивъ, съ перемѣною людей перемѣнялись только виды и степень злоупотребленій“. Такимъ образомъ, Сперанскій, съ высоты государственной точки зрѣнія, уже опредѣлилъ управленіе Пестеля, какъ часть предшествовавшей системы. Въ управленіи Пестеля, дѣйствительно, какъ въ спектрѣ, отразились всѣ крайности сибирской исторіи. Присущія его времени злоупотребленія были въ связи съ административнымъ порядкомъ цѣлой эпохи и основывались на свойствахъ управленія, давно принятаго. Главными недостатками этого управленія могутъ быть отмѣчены ясно: самовластіе и произволъ. Произволъ этотъ развился естественно, при томъ просторѣ дѣйствій и власти, какія съиздавна имъ давали огромныя уполномочія. Власть воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ постоянно усиливалась, расширялась и подчинила всѣ вѣдомства. Все предоставлялось личной волѣ и усмотрѣнію администратора, конечно, имѣя въ виду сообразованіе съ законами и справедливостью. Но правитель незамѣтно терялъ почву и пріобрѣталъ привычки дѣйствовать по личному произволу. „Власть личная нерѣдко обращается въ самовластіе,— писалъ Сперанскій по поводу управленія Сибирью. — Люди съ

лучшими намѣреніями могутъ ошибаться, могутъ увлекаться личными взглядами—и дѣйствуя по совѣсти, дѣйствовать противозаконно“ (Истор. свѣд., т. II, с. 321—322). Дѣйствительно, эти черты произвола быстро усвоивали люди при огромной власти въ отдаленной странѣ. Личность здѣсь пользовалась тѣмъ, въ чемъ не была ограничена, ея поведеніе было продуктомъ того положенія, въ которое она ставилась. Правители, недурные въ Россіи, преображались, являясь въ Сибирь. „До 1819 года нигдѣ не было такой преклонности къ самовластію и жестокостямъ надъ подчиненными, какъ въ Сибири, у нѣкоторыхъ начальниковъ, высшихъ и среднихъ, — высказывалъ свое мнѣніе графъ Блудовъ.—Всѣ они были посылаемы туда изъ внутреннихъ губерній, и, казалось, что не только со вступленіемъ въ отправленіе имъ данныхъ въ семъ краѣ должностей, но непосредственно, по переѣздѣ черезъ Уралъ, въ нихъ исчезало всякое къ нимъ состраданіе“ (Истор. свѣд., т. I, с. 31—32). Тотъ же грозный Трескинъ является другимъ человѣкомъ въ другой обстановкѣ. „Долгъ справедливости обязываетъ сказать, — говоритъ историкъ, — что, какъ частное лицо, Трескинъ считался весьма добрымъ человѣкомъ и что, впослѣдствіи, когда онъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности и жилъ въ своей деревнѣ, въ немъ не было и слѣдовъ прежняго иркутскаго деспота“ (Мат., т. I, с. 11).

Селифонтовъ, плакавшій надъ Сибирью, точно также преображается здѣсь. Правители, вслѣдствіе своего положенія, понемногу сами начинали убѣждаться, что, дѣйствительно, все зависитъ отъ ихъ личной воли. Они становились нетерпимы, своевольны, понемногу въ управленіе они вносили личныя страсти. Увлекаясь положеніемъ, они сами изъ себя создавали вице-роевъ, обставляли себя пышной обстановкой, требовали абсолютнаго поклоненія, торжествъ въ честь свою и полнаго обожанія. Законъ и правительство они отодвигали на второй планъ, выдвигая только свою особу, внушая жителямъ, что только отъ однихъ ихъ все зависитъ. Нигдѣ такъ начальство не пріучало преклоняться себѣ, какъ въ Сибири, нигдѣ оно не упражнялось болѣе въ самовластіи, какъ здѣсь. „Сибирь не испытала крѣпостного права,— говоритъ одинъ изъ историковъ, — но она испытала гораздо худшее—административный произволъ, такъ же, ежели не хуже, воспитывавшій общество“. Привычки своеволія распространились и на низшихъ исполнителей; они шли отъ губернатора до отдѣльнаго засѣдателя. Если первые ограничивались безусловнымъ приказаніемъ и требованіемъ покорности, послѣдніе вводили дисциплину и внушали къ себѣ уваженіе страхомъ. Только одного

Лоскутова почему-то прославили, но Лоскутовъ былъ одинъ изъ типовъ того времени. Въ западной Сибири былъ подобный же засѣдатель, Ярцевъ. Самъ образованный Геденштромъ высказываетъ мнѣніе послѣ Сперанскаго, что „филантропія неумѣстна въ Сибири“, „она вреднѣе холеры“, что положеніе алтайскихъ горныхъ крестьянъ лучше, ибо горные правители „управляютъ крестьянами, какъ хозяева, и *лозами* могутъ, если хотятъ, принуждать къ добру“ (Истор. изслѣд., т. II, с. 317). Это былъ общій взглядъ тогдашнихъ администраторовъ. Таковы были и средства управленія. Результатъ самовластія заключался въ неограниченности власти главныхъ сибирскихъ правителей и въ примѣрахъ необузданности, подававшихся низшимъ.

Второю главною чертою управленія этой эпохи является наклонность къ самой широкой регламентаціи, проходящей чрезъ всю исторію. Новозавоеванный и пустынный край, дѣйствительно сначала требовалъ устройства и дѣятельной иниціативы правительства. Его необходимо было снабжать продовольствіемъ, основывать промыслы, водружать гражданственность, но впослѣдствіи привычка распоряжаться общественною жизнью вошла въ нравы правителей и принята была за необходимую принадлежность управленія. На Сибирь постоянно мѣнялись взгляды, а поэтому, предписывались новыя мѣры и производились безпрестанные эксперименты. Сначала Сибирь считалась колоніей звѣроловной, затѣмъ, съ начала XVIII-го вѣка, на нее имѣютъ виды, какъ на колонію горно-заводскую, далѣе обращаютъ ее въ колонію штрафную, потомъ земледѣльческую, наконецъ, примѣшиваются виды торговли съ Азіей и т. д. Все это давало случай каждому изъ администраторовъ вводить свои планы и перестроивать принудительно жизнь общества. Достаточно припомнить такіе опыты, какъ десятинную пашню Соймонова, съ приписью 3,400 бобылей въ обязательныя работы, обязательное сѣяніе пеньки, приписки и переселеніе людей на рудники и заводы, чичеринское проведеніе дорогъ на Барабѣ, неудавшуюся ландмилицію Лецкино, въ Камчаткѣ, искусственное созданіе казачьяго войска, съ приписью крестьянъ и поселенцевъ, безчисленные опыты устройства ссыльныхъ, принужденія бурятъ обращаться къ земледѣлію, при Трескинѣ, учрежденіе и распорядокъ лоскутовскихъ поселеній, продовольственное снабженіе инородцевъ, казенныя монополіи, поддержаніе монополіи и привилегій частныхъ, какъ русско-американской компаніи, кяхтинскаго торга и проч., и проч. Регламентація частной жизни въ прошломъ столѣтіи доходила до необыкновенной мелочности. Въ прошломъ столѣтіи дѣлаются при-

казы не отлучаться крестьянамъ на ночь изъ дома; одинъ управитель, какъ Леццино, заставляетъ обсаживать города березками, другой, какъ Трескинъ, планируетъ вновь городъ, ломаетъ дома, отводитъ рѣку, преслѣдуетъ сѣяніе табака въ огородахъ, вмѣшивается въ домашнюю жизнь, преслѣдуетъ питье чаю. Лоскутовъ предписываетъ молитвы крестьянамъ, даетъ инструкціи, какъ печь хлѣбъ, ревизуетъ квашню и т. п. Губернаторъ Чичеринъ съ командою, ѣздилъ наблюдать около города за полевыми работами крестьянъ. Наконецъ, при Трескинѣ, казна покупаетъ весь хлѣбъ въ магазины для продажи частнымъ лицамъ по высшимъ цѣнамъ, въ виду „поощренія къ хлѣбопашеству". Можно представить при этомъ, какіе размѣры принимала регламентація, какъ дѣйствовала на общество и какой просторъ давала злоупотребленіямъ.

Развитію злоупотребленій въ странѣ способствовала ея отдаленность, отсутствіе контроля и невозможность создать его. Власть сильная кому-нибудь должна была быть поручена. Обыкновенно она поручалась одному лицу. Это единоличное правленіе могло менѣе всего способствовать надзору и выбору безукоризненныхъ агентовъ. На Сибирь, кромѣ того, утвердились съ самаго древняго времени воззрѣнія, какъ на завоеванную и промышленную колонію. Нажива и поборъ развились съиздавна. Духъ спекуляціи переходилъ съ частныхъ лицъ и на служилыхъ людей. Воеводы торговали мѣхами, виномъ, зернью и проч. Они дѣлали безцеремонные поборы; впослѣдствіи, послѣ преслѣдованій и каръ, а также съ учрежденіемъ бюрократическаго управленія, съ Петра, поборъ сталъ утонченный и скрытый. Нравы прежнихъ служилыхъ людей перешли и къ старымъ приказнымъ, при крутой реформѣ Петра, отъ бояръ-воеводъ къ губернаторамъ. Отдаленная страна представляла всѣ шансы скрывать злоупотребленія. Въ случаѣ доносовъ и жалобъ, канцелярскій міръ прикрывался цѣлыми массами бумагъ, запутывалъ дѣла перепиской, и казуистическая процедура облегчала выходъ взяточникамъ. Невозможно было услѣдить за подчиненными ни главному начальнику, ни правительству за главнымъ начальникомъ. Контингентъ служащихъ людей былъ постоянно одинъ и тотъ же въ отдаленной провинціи, и людей добросовѣстныхъ негдѣ было взять. Существовало одно приказное сословіе, которое только постоянно переливалось и перетасовывалось. Новые начальники привозили съ собою свѣжихъ чиновниковъ, но это всегда оказывались любимцы, на которыхъ еще менѣе простирался контроль и которымъ еще болѣе дозволялось, какъ Трескину. Надо за-

мѣтить, что злоупотребленія были источникомъ настолько же обогащенія и частныхъ лицъ. Въ Сибири промышленные люди создали кабалу и рабство инородца, торговое сословіе жило монополіями. Все это было въ связи съ администраціей и взаимно другъ друга деморализировало. Купцы, въ этомъ случаѣ, искали поощренія у правителей, закабаляя крестьянъ и инородцевъ, а правитель опирался на общество и устроивалъ стачку съ богатыми. Такъ было при Трескинѣ, который давалъ случай наживаться однимъ купцамъ и преслѣдовалъ другихъ. Въ злоупотребленіяхъ были замѣшаны цѣлыя сословія. Правительство не могло знать, что совершается въ Сибири, и скоро администраторы здѣсь выработали цѣлую систему представлять и сочинять картину совершенно иную, чѣмъ представлялъ край. Отсутствіе гласности представило всѣ удобства для развитія злоупотребленій.

Когда начинались жалобы и доносы недовольныхъ, и недовольные эти являлись часто изъ того же торговаго сословія, которое искало наживы и монополій, то мѣстныя власти разоблачали подобныхъ людей, какъ лицъ, заинтересованныхъ въ злоупотребленіяхъ, припоминали ихъ грѣхи, а потому и правительство имѣло часто основаніе не придавать значенія жалобамъ подобныхъ людей. Этимъ воспользовались впослѣдствіи—Трескинъ и Пестель, чтобы зажать ротъ всякимъ жалобамъ.

Таковы были главныя черты системы, существовавшей до Сперанскаго. Эта система, какъ мы видимъ, выработывалась изъ особеннаго положенія края вдали отъ центра управленія. Кромѣ того, въ начертаніяхъ управленія видѣнъ былъ слѣдъ участія самихъ мѣстныхъ правителей, проводившихъ свои мнѣнія и требованія въ высшія сферы. Такимъ образомъ, взглядъ исполнителей часто руководилъ и законодательствомъ, и перевершалъ его для Сибири. Что ненормальности управленія лежали въ общемъ свойствѣ принятыхъ началъ, доказываетъ то, что порядки пестелевскаго управленія существовали въ началѣ либеральнаго царствованія Александра I. Многія жалобы изъ Сибири находились въ рукахъ Сперанскаго, но правительству не представлялось возможности узнать истинное положеніе дѣлъ.

Во все управленіе Пестеля и Трескина общество конечно пыталось вести подземную борьбу. Когда отняты были всѣ средства гласности, оно прибѣгало къ доносамъ. Подъ конецъ управленія Пестеля, жалобы и доносы день ото дня становились многочисленнѣе, все важнѣе по содержанію, все разительнѣе по общему согласію въ показаніяхъ, пишетъ баронъ Корфъ. Сначала Пестель отвращалъ эти доносы. По поводу доноса 1808 года, ми-

нистръ просилъ Пестеля „прекратить незаконныя дѣйствія мѣстнаго начальства“. Но Пестель, сообщивъ отношеніе министра Трескину, предписывалъ *не прекратить* злоупотребленія, а принять мѣры противъ подобныхъ „извѣтовъ“. Представивъ свои объясненія министру, онъ пишетъ, что „объясненія его (Пестеля) приняты съ уваженіемъ“, что въ его усердіи не сомнѣваются и что сообщеніе ему дошедшихъ до правительства свѣдѣній служитъ доказательствомъ довѣрія къ нему. Содержаніе бумаги онъ сообщилъ Трескину, чтобы „неблагонамѣренные люди“ знали, какъ правительство относится къ ихъ доносамъ (Мат., с. 35). Словомъ, Пестель угрожалъ, что всѣ жалобы будутъ представлены ему. Но жалобы не прекращались. Сначала ихъ подавали купцы, видимо несошедшіеся съ Трескинымъ въ своихъ дѣлахъ. Наконецъ, они проникаютъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Генералъ Куткинъ пишетъ изъ своего заключенія грозныя посланія, выдвигаются мелкіе чиновники, и, наконецъ, простолюдины. Доносъ въ это время получаетъ какъ-бы общественное значеніе и сливается въ единодушный протестъ. Мѣстное общество употребляетъ въ борьбѣ этой всѣ усилія, чтобы дать о себѣ знать. Доносы вывозятся въ хлѣбѣ. Въ 1818 году, иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ берется подъ величайшей тайной добраться до Петербурга и вручить доносъ лично государю. Онъ пробирается чрезъ Китай, чрезъ степи и сибирскіе лѣса, добирается до Петербурга, подаетъ лично доносъ государю и „проситъ приказать его убить, чтобы избавить отъ тиранства Пестеля“. Онъ былъ отданъ на особую отвѣтственность государемъ петербургскому генералъ-губернатору, Милорадовичу. Объ этомъ мѣщанинѣ писалъ въ 1819 г. Сперанскій Голицыну: „въ числѣ доносителей по здѣшнему краю былъ нѣкто иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ. Бумаги его мнѣ препровождены отъ графа А. А. (Аракчеева), но гдѣ онъ самъ—мнѣ неизвѣстно. По слухамъ же, онъ долженъ быть въ Петербургѣ подъ стражею или подъ надзоромъ. Человѣкъ сей, пишетъ Сперанскій, разоренъ здѣшнимъ начальствомъ до основанія, и разоренъ несправедливо; у него здѣсь семеро малолѣтнихъ дѣтей, почти безъ пропитанія, бумаги его написаны глупо и безсвязно; но главныя статьи о поступкахъ Лоскутова и другихъ, въ существѣ своемъ, теперь обнаружены и найдены справедливыми“. (Ист. Имп. Публ. Библіот. въ пам. графа Сперанскаго, с. 259—260). Это предпріятіе бѣдняка, бросившаго дѣтей и идущаго подъ страхомъ смерти въ Петербугъ, носитъ печать какъ-бы гражданскаго подвига. Къ этимъ протестамъ присоединился, наконецъ, кроткій архіепископъ иркутскій Ми-

хаилъ. Но независимо отъ жалобъ, до правительства доходили свѣдѣнія о страшныхъ безпорядкахъ въ Сибири и голодахъ у инородцевъ. При такомъ положеніи дѣлъ, пребываніе Пестеля въ Петербургѣ вызывало всеобщее негодованіе и насмѣшки. Въ 1815 г., въ комитетѣ министровъ предложено возвратить сибирскаго генералъ-губернатора къ своему посту или назначить ревизію. Но Пестель долго еще продолжалъ жить въ Петербургѣ. По связямъ своимъ съ Пакулевымъ онъ пользовался покровительствомъ и поддержкой Аракчеева, и только когда Аракчеевъ разошелся съ Пакулевымъ, Пестель потерялъ поддержку. Въ то же время, въ комитетѣ министровъ было высказано рѣшительное мнѣніе, что въ Сибири необходима ревизія и смѣна Пестеля. Вмѣстѣ съ этимъ, подана была записка Козодавлевымъ о необходимости измѣнить самыя начала управленія Сибирью и дать ей новое учрежденіе.

Оставался вопросъ, кого послать для такой многотрудной задачи, на кого можно положиться? Выборъ палъ на Сперанскаго.

Какъ ни печально было положеніе Сибири въ XVII и XVIII-мъ столѣтіяхъ, но, по мѣрѣ заселенія ея, она пріобрѣтала все болѣе и болѣе значенія. Довольно давно уже правительство обращало вниманіе на богатство этой страны. Во все XVII-е столѣтіе изъ нея вывозили мѣха, устроивали рыбные и другіе промыслы, добывали мамонтову кость, отыскивали руду. Притокъ вольной народной колонизаціи, въ первое время, былъ обширный: богатство соболей, лисицъ, бѣлки, песцовъ и т. п. привлекали сюда промышленниковъ, нетронутые естественные запасы природы обольщали богатствомъ. Въ началѣ XVIII-го столѣтія сложилась поговорка: „Сибирь—золотое дно“. Рядъ путешественниковъ, начиная съ Мессершмидта, производилъ изслѣдованія надъ обширной страной и ея минеральными богатствами. Петръ Великій сосредоточиваетъ особенное вниманіе на Сибири, въ виду развитія здѣсь горныхъ промысловъ; въ XVIII-мъ столѣтіи заводятся повсюду рудники и заводы, съ приписною къ нимъ крестьянъ; въ XVIII-мъ же столѣтіи присоединяется киргизская степь и начинается торговля съ азіатскими государствами, особенно съ Бухарою; бухарцы наводняютъ Сибирь товарами, караваны тянутся изъ Китая. Рядомъ съ этимъ, страна пріобрѣтала болѣе и болѣе гражданскаго и осѣдлаго населенія; съ половины XVIII-го столѣтія, піонеры колонизаціи и промышленники выходятъ изъ лѣсовъ и селятся деревнями, остроги и посады обстраиваются. Сибирь, такимъ образомъ, превращалась изъ звѣроловной и горной колоніи, понемногу, въ земледѣльческую и,

вмѣстѣ съ прочной гражданственностью, начинала показывать задатки промышленнаго развитія; но въ значительной части своей страны еще все оставалась неизвѣданной: промышленные люди, купцы, мореходы, піонеры, казаки все еще продолжали дѣлать открытія, то огибая мысы Ледовитаго океана, то углубляясь на Амуръ и въ киргизскія степи. Страна эта, поэтому, была во многомъ загадочной, и эта-то таинственность еще болѣе возбуждала ожиданія таящихся въ ней сокровищъ. Петръ Великій направляетъ экспедицію къ Бухарѣ за поисками бухарскаго золота; при Екатеринѣ точно также снаряжаются военныя экспедиціи въ глубь Азіи, является мечта о сношеніяхъ Сибири, чрезъ Среднюю Азію, съ Индіей; при Павлѣ, говорятъ, даже была мысль предпринять походъ въ Индію, въ союзѣ съ Наполеономъ; при Александрѣ I точно также обращается вниманіе на Среднюю Азію и Индію,—между прочимъ, мы видимъ, что правительство намѣревается пріобрѣсти кашмирскихъ козъ.

Все это заставляло государственныхъ людей сооружать множество плановъ и, вообще, относиться восторженно къ этой странѣ будущаго. Козодавлевъ называлъ Сибирь, въ оффиціальныхъ бумагахъ, не иначе, какъ „Мехика и Перу наше“. Съ назначеніемъ въ Сибирь Сперанскаго, по этому поводу возлагали на него обширныя надежды, въ дѣлѣ устройства и управленія края. Козодавлевъ писалъ, поощряя Сперанскаго, что „исторія Сибири будетъ дѣлиться на двѣ только эпохи: первая отъ Ермака до Сперанскаго, вторая отъ Сперанскаго до X“. Кочубей, въ письмѣ къ Сперанскому, выражался такъ: „отъ васъ, конечно, никто ожидать не можетъ, чтобы вы остановились на какихъ-нибудь мелочахъ, кои какого-нибудь пустого ревизора, подобнаго Селифонтову, останавливать могутъ. Отъ васъ ожидать будутъ видовъ государственнаго человѣка, и, если смѣю я сказать, виды-то сіи и полезны быть могутъ, ибо, при всѣхъ вашихъ способностяхъ, можно ли ожидать большаго добра тамъ, гдѣ не существуетъ свойственныхъ основаній къ произведенію онаго? Вы можете, составивъ систематическое обозрѣніе края, представить планъ къ образованію управленія въ сихъ колоніяхъ нашихъ и пр., и пр., и симъ, такъ-сказать, удивить людей, мало-привыкшихъ къ произведеніямъ сего рода“. Козодавлевъ немедленно при отправленіи Сперанскаго, привѣтствуя его, посылаетъ записку свою, читанную въ комитетѣ министровъ, о новыхъ основаніяхъ сибирскаго управленія, и прилагаетъ книгу Прадта „Sur les Colonies“, о мексиканскихъ колоніяхъ, для руководства. Графъ Нессельроде пишетъ Сперанскому, что „друзья его будутъ слѣдить за нимъ

съ участіемъ и симпатіями". Однимъ словомъ, отъ Сперанскаго, какъ отъ смѣлаго реформатора, ожидали всѣ „видовъ государственныхъ", или установленія новой государственной точки зрѣнія на страну. Друзья его ожидали даже чего-то грандіознаго.

Не такъ относился самъ Сперанскій къ своему положенію. Изъ его переписки и матеріаловъ видно, что онъ далеко не раздѣлялъ восторженныхъ увлеченій своихъ друзей. Онъ ни мало не увлекался новой ролью, назначенной ему, онъ даже не имѣлъ опредѣленныхъ воззрѣній на край, въ который ѣхалъ. Изъ его писемъ къ дочери изъ Сибири видно, что при въѣздѣ въ Сибирь онъ питалъ къ ней даже предубѣжденіе. Мрачнымъ взглядомъ своимъ на страну онъ былъ обязанъ во многомъ исключительности своего положенія. Извѣстно, что поѣздка въ Сибирь никогда не входила въ планъ его дѣятельности. Самое назначеніе его сюда было случайно. Только-что возвратясь изъ ссылки и находясь въ Пензѣ губернаторомъ, онъ ожидалъ ежеминутно своего возвращенія въ Петербургъ, и новое назначеніе его застало врасплохъ. Онъ принялъ его за приличное удаленіе. Хотя „поѣздка его была обставлена всѣми наружными знаками довѣрія, обширными полномочіями, почетомъ,—говоритъ біографъ Сперанскаго, баронъ Корфъ,—тѣмъ не менѣе, Сперанскій понималъ, что это назначеніе — продолженіе ссылки. Все пребываніе его въ Сибири было отравлено этимъ горькимъ чувствомъ [1]).

Самое свое назначеніе въ Сибирь Сперанскій считалъ частнымъ порученіемъ и „послѣднимъ испытаніемъ", какъ онъ выражался въ письмѣ къ дочери. „На Сперанскаго возложены были и ревизія края,— пишетъ г. Вагинъ, — и труды административные, и законодательные, наградою ихъ указаны достиженіе цѣли— возвращеніе въ Петербургъ".

По всему этому, Сперанскій смотрѣлъ на пребываніе въ Сибири, какъ на ступень къ скорѣйшему приближенію, но въ то же время досадовалъ, что ему приходится пройти эту ступень. Послѣ этого неудивительно, что онъ къ своему назначенію относился безъ энтузіазма, безъ того увлеченія, которое вдохновляло его въ прежнихъ реформахъ. Онъ спѣшитъ какъ-бы выполнить формальность, показать свою дѣятельность въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ и потомъ поскорѣе оставить ее. Такое настроеніе не было особенно благопріятно для реформаторской дѣятельности. Все, что онъ здѣсь видѣлъ, это „трудъ Геркулеса при очищеніи Авгіосовыхъ конюшенъ", какъ выразился въ письмѣ

[1]) См. Чувства Сперанскаго въ Сибири. Сборникъ „Сибирь", 1875.

къ нему графъ Нессельроде. Дѣйствительно, съ самаго начала въѣзда въ Сибирь, Сперанскому предстояла кропотливая ревизія, которой онъ посвятилъ свое пребываніе здѣсь. Ревизія эта не представляла особенной важности, въ виду другихъ задачъ, возложенныхъ на него, однако она заняла много времени. Съ государственной точки зрѣнія, самъ Сперанскій не придалъ ей особеннаго значенія, и она можетъ быть только характеристична для выясненія того положенія, въ какомъ засталъ Сперанскій Сибирь, и личнаго его отношенія въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій. Въ этомъ случаѣ она можетъ быть примѣрна и замѣчательна только относительно тѣхъ пріемовъ, какіе употреблялъ онъ. Мы указывали, до чего въ предшествующее управленіе Пестеля и Трескина развились злоупотребленія и какъ они искусно прикрывались. Когда донесся слухъ о назначеніи Сперанскаго въ Сибирь, въ Иркутскѣ произошла паника. Нѣкоторые чиновники сошли съ ума, какъ правитель дѣлъ Бѣлявскій, Кузнецовъ и другіе. Трескинъ струсилъ. Никто не ожидалъ, чтобы Сибирь посѣтилъ человѣкъ безкорыстный; однако многіе надѣялись, что при помощи прежней системы можно замаскироваться. Но Сперанскій нашелъ средства разоблачить злоупотребленія, онъ далъ мѣсто гласности и постарался опереться на общество. Первымъ дѣломъ по пріѣздѣ его въ Тобольскъ было увѣрить жителей, что жалобы на мѣстное начальство не составляютъ преступленія и что ихъ можно приносить. Дѣйствительно, во все время проѣзда чрезъ Сибирь, Сперанскій сближается съ мѣстными жителями, останавливается у купцовъ, идетъ часто пѣшкомъ за экипажемъ, разспрашивая крестьянъ. Мѣстное общество такъ привыкло ко взяточничеству и поборамъ, что въ Тюмени самому Сперанскому поднесли блюдо. „Хлѣбъ былъ взятъ, блюдо возвращено“, отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ.

Понемногу порядки сибирскіе открылись предъ его глазами. Въѣхавъ въ тобольскую губернію, онъ замѣчаетъ: „главныя жалобы были на земскую полицію, преимущественно на лихоимство, потому ревизія не вызвала здѣсь особенно строгихъ мѣръ. Исправивъ важнѣйшіе безпорядки, показавъ нѣсколько примѣровъ строгости и „доправивъ взятки“ съ земскихъ чиновниковъ, онъ двинулся далѣе. Но чѣмъ болѣе онъ подвигался въ глубь Сибири, тѣмъ положеніе края болѣе поражало его. „Положеніе дѣлъ въ томской губерніи было гораздо хуже, поборы тягостнѣе, чиновники дерзновеннѣе, преступленія очевиднѣе, на самого губернатора падали сильныя подозрѣнія“, говоритъ онъ. „Еслибы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ подъ судъ,—писалъ Сперанскій,—

что и можно было бы сдѣлать, то здѣсь оставалось бы уже всѣхъ повѣсить. Злоупотребленія вопіющія и, по глупости губернатора Илличевскаго, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбію брата его, губернскаго почтмейстера, весьма худо прикрытыя"... „Чѣмъ далѣе спускаюсь я на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла, и зла почти нестерпимаго,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Столыпину, — слухи ничего не увеличивали и дѣла хуже еще слуховъ"... „При обозрѣніи тобольской губерніи представлялась еще возможность пресѣчь или, по крайней мѣрѣ, ограничить злоупотребленія и до временн охранять порядокъ средствами въ инструкціи опредѣленными, — доноситъ Сперанскій государю 31-го іюля 1819 г.—Но въ томской губерніи средства сіи будутъ недостаточны. Здѣсь жалобъ болѣе, существо ихъ важнѣе, чиновниковъ не только способныхъ, но и посредственныхъ еще менѣе, и перемѣны ихъ тѣмъ затруднительнѣе. Злоупотребленія, доселѣ открытыя, ведутъ къ другимъ, еще не обнаруженнымъ". Поэтому Сперанскій спрашивалъ разрѣшенія въ случаѣ надобности смѣнить томскаго и иркутскаго губернаторовъ. Изъ Томска уже назначаются слѣдственныя коммисіи для разслѣдованія безпорядковъ въ Нарымъ и Туруханскъ. Изъ Туруханска пишетъ посланный на слѣдствіе Осиповъ: „безпечность здѣшнихъ чиновниковъ до того велика, что я съ самаго пріѣзда не могу получить отвѣтовъ на свои отношенія"... „Бѣжалъ бы отсюда безъ оглядки", восклицаетъ въ другомъ письмѣ къ Сперанскому этотъ слѣдователь. Въ Томскѣ также учреждена была коммиссія, и Сперанскій спѣшилъ въ Иркутскъ. Настоящимъ гнѣздомъ злоупотребленій была иркутская губернія. Вопль жителей продолжался только до границъ иркутскаго уѣзда. Въ этомъ уѣздѣ, и въ самомъ городѣ, жалобы вдругъ смолкли: таковъ былъ ужасъ передъ мѣстнымъ управленіемъ". Исправникъ Лоскутовъ, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, отобралъ въ своемъ уѣздѣ всѣ чернила и бумагу, говорятъ преданія. На берегу Кана Сперанскаго встрѣтили вопіющія жалобы на Лоскутова, крестьяне выходили изъ лѣсовъ съ прошеніями. Лоскутова Сперанскій арестовалъ немедленно. Говорятъ, что, обыкновенно хладнокровный и сдержанный, Сперанскій здѣсь не выдержалъ. С. С. Щукинъ приводитъ въ своихъ запискахъ разсказъ объ этой встрѣчѣ. Лоскутовъ былъ въ мундирѣ, и едва произнесъ: „исправникъ Лоскутовъ"...—Лоскутовъ?.. арестовать его, бездѣльника,—воскликнулъ Сперанскій. Съ него сорвали шпагу и арестовали. „На границѣ иркутской губерніи встрѣченъ я былъ первымъ министромъ Трескина,—писалъ Сперанскій Столыпину, — преслову-

тымъ Лоскутовымъ, исправникомъ нижнеудинскимъ. Съ двухъ первыхъ словъ я его отрѣшилъ, и тутъ же, арестовавъ, оставилъ за-границею губерніи, за Каномъ, какъ за Стиксомъ. Мѣра сія была нужна,—продолжаетъ онъ. — Страхъ его десятилѣтняго желѣзнаго управленія былъ таковъ, что на первыхъ станціяхъ не смѣли иначе приносить жалобъ, какъ выбѣгая тайно на дорогѣ изъ лѣсовъ". Корфъ прибавляетъ: „когда Сперанскій приказалъ взять Лоскутова, бывшіе при этомъ крестьяне упали на колѣни и, хватая за руки Сперанскаго, воскликнули: „батюшка! да вѣдь это Лоскутовъ!" Несчастные думали, что и Сперанскій безсиленъ предъ этимъ человѣкомъ. Въ Нижнеудинскѣ Сперанскій назначилъ сейчасъ же слѣдственную коммиссію и приказалъ описать имѣніе Лоскутова. У него было найдено 138,243 р., кромѣ разныхъ вещей, серебра, мѣховъ, которымъ оцѣнка не сдѣлана. Все это имущество было отправлено торжественною процессіею въ Иркутскъ. „Иркутскъ ожидалъ Сперанскаго въ волненіи. Трескинъ приготовилъ иллюминацію и музыкантовъ. Показалась лодка,—пишетъ одинъ современникъ.—Вниманіе было напряжено.—Не генералъ ли губернаторъ? Кто такой? — окликаютъ иркутяне съ берега.—Имущество Лоскутова!—отвѣчаетъ прибывшій офицеръ. Трескинъ поблѣднѣлъ. Кто-то замѣтилъ: первая батарея сбита". Изъ Нижнеудинска же Сперанскій послалъ бумагу Трескину съ запросомъ, правда ли, что приносить жалобы поселенцамъ на Лоскутова было запрещено самимъ Трескинымъ. Сперанскій здѣсь былъ буквально заваленъ жалобами. По день отъѣзда изъ Нижнеудинска ихъ поступило 280. Сумма предъявленныхъ на Лоскутова взысканій простиралась до 129,000 рублей. Много жалобъ поступило впослѣдствіи. „Это были жалобы на вымогательства, жестокости, принужденія къ даровой работѣ, насильную продажу хлѣба и скота по произвольнымъ цѣнамъ, самовольныя ссуды денегъ за неумѣренные проценты, притѣсненія по закупкамъ хлѣба и натуральнымъ повинностямъ, чрезвычайные денежные сборы, наконецъ, что торгъ съ инородцами былъ захваченъ исключительно въ руки Лоскутова и двухъ его клевретовъ",—разсказываетъ г. Вагинъ.

По пріѣздѣ Сперанскаго въ Иркутскъ также было учреждено слѣдствіе и ревизія. Но жалобы въ Иркутскѣ въ первые дни боялись даже подавать. При объявленіи Сперанскимъ, что Трескинъ устраненъ отъ должности, жители страшились, что впослѣдствіи снова онъ займетъ мѣсто и отомститъ. Иркутяне припоминали примѣръ съ губернаторомъ Жолобовымъ. Трескинъ, кромѣ того, составилъ себѣ въ Иркутскѣ партію не только изъ чинов-

никовъ, съ которыми дѣлился, но и изъ купцовъ, съ которыми торговалъ. Но когда увидѣли, что подавать жалобы не опасно, то онѣ послѣдовали въ страшномъ количествѣ. Число ихъ достигало до 300 въ день. Въ скоромъ времени въ иркутскомъ казначействѣ была распродана вся гербовая бумага, такъ что дѣлались надписи на простой, употребленной вмѣсто гербовой. Крестьянамъ разрѣшены были словесныя жалобы, и дворъ иркутской слѣдственной коммисіи не могъ помѣщать просителей. Сперанскому въ первое время приходилось „развивать клубокъ съ медленностью и великимъ терпѣніемъ“, пока Трескинъ оставался на должности. „Корыстолюбивая, жадная монополія обличается гласомъ народнымъ,—писалъ Сперанскій,—но предъ закономъ должно обличиться законными мѣрами“... „Злоупотребленія очевидны, но должно доказать ихъ. Трескинъ человѣкъ наглой, отмѣнно смѣлый, не глупъ, хотя худо воспитанъ, но хитръ и лукавъ какъ демонъ“...

Сперанскій однако успѣлъ открыть и разоблачить трескинскую организацію. Коммиссія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ Цейера въ Иркутскѣ для раскрытія злоупотребленій, привлекла къ отвѣтственности до 216 лицъ; сумма однихъ частныхъ взысканій простиралась свыше *двухъ милліоновъ*. „Все то, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ, писалъ Сперанскій, не только есть истина, но—и это рѣдко бываетъ—истина не увеличенная“. Злоупотребленія были такъ велики, что, по мнѣнію Сперанскаго, всякій другой край, менѣе обильный, былъ бы подавленъ ими совершенно. „При открытіи злоупотребленій, даже Цейеръ, человѣкъ съ добродушнымъ характеромъ,—говоритъ г. Вагинъ,—при видѣ ненавистныхъ беззаконій ожесточился, разстроилъ свое здоровье, сдѣлался мрачнымъ нелюдимомъ, стали опасаться за его разсудокъ“. Положеніе Сперанскаго было тѣмъ тяжелѣе, что онъ видѣлъ всю невозможность уничтожить зло, вкоренившееся годами. Онъ старался, по возможности, облегчить это положеніе. „Ревизія Сперанскаго была болѣе совѣстная, нежели формальная,—говоритъ г. Вагинъ. Онъ отбросилъ всякія формальности.—Жалобъ на лихоимство было такъ много, а законы противъ него такъ жестоки, что Сперанскій рѣшилъ выключить слово *взятки* изъ сибирской ревизіи. Большую часть дѣлъ подобнаго рода онъ обращалъ въ гражданскіе иски и приказывалъ удовлетворять обиженныхъ. Словомъ, онъ прекращалъ множество дѣлъ домашнимъ образомъ. Многихъ виновныхъ онъ прощалъ, и старался сохранить полную безстрастность правосудія. Въ этомъ случаѣ онъ часто выказывалъ даже великодушіе

и отрѣшался отъ того личнаго чувства и страсти, съ какой часто совершаются дѣла такого рода". Напротивъ, эта роль по его личному характеру была непріятна. „Мое ли дѣло розыскивать, преслѣдовать, обличать, ловить преступленія?" — не разъ съ горечью восклицаетъ онъ въ письмахъ къ Столыпину.—„По совѣсти я никого не обвинялъ, кромѣ тѣхъ, кои попускали злоупотребленія,—пишетъ онъ ему,—но по закону *всѣ безъ разбора виноваты*, и списокъ ихъ по сіе время по всѣмъ тремъ губерніямъ составляетъ уже около 150 человѣкъ"... „Если бы успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла должно было измѣрять количествомъ обнаруженныхъ злоупотребленій — писалъ Сперанскій Гурьеву,—то было бы мнѣ, чѣмъ утѣшиться. Но какое же утѣщеніе! преслѣдовать толпу мелкихъ исполнителей, увлеченныхъ примѣромъ и попущеніемъ главнаго ихъ начальника! Дѣла сего начальства приведены теперь въ такую ясность, что мудрено было бы ихъ затмить".

Въ этомъ случаѣ Сперанскій хорошо понималъ, что причины злоупотребленій лежали не въ людяхъ, а въ цѣлой системѣ, что злоба и преслѣдованія тутъ не помогутъ. Несмотря на то, что Сперанскій множество дѣлъ разрѣшилъ самъ, онъ долженъ былъ предать суду двухъ губернаторовъ, 48 чиновниковъ, всѣхъ же замѣшано было 681 человѣкъ. Взысканія насчитывались до 2.847,000 руб. Всѣ эти дѣла были представлены въ сибирскій комитетъ; лица, участвовавшія въ злоупотребленіяхъ, были раздѣлены на категоріи, но къ болѣе строгому наказанію были приговорены только 43 человѣка. Эти лица были отрѣшены отъ должности и должны были удалиться во внутреннія губерніи, но и тутъ были сдѣланы исключенія. Трескинъ лишенъ былъ чиновъ и знаковъ отличія.

Какъ ни могла казаться снисходительной подобная ревизія по своимъ послѣдствіямъ, въ виду огромныхъ злоупотребленій, лоскутовскихъ неистовствъ и т. п., но враги Сперанскаго въ Петербургѣ находили ее жестокою. До какой степени между тѣмъ слабы были взысканія, видно изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ въ матеріалахъ. Между прочимъ, Сперанскій сдѣлалъ сначала распоряженіе обвиненныхъ въ злоупотребленіяхъ и отданныхъ подъ судъ — отдать подъ надзоръ полиціи, но вскорѣ и это отмѣнилъ. Геденштромъ, уволенный за взятки, снова поступилъ на службу. Лоскутовъ отпросился въ Иркутскъ и жилъ свободно. Сперанскій отдавалъ даже такія распоряженія относительно подсудности изобличенныхъ чиновниковъ: „если казенный недостатокъ пополненъ или достаточно обезпеченъ, оставить

дальнѣйшее изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что при настоящемъ положеніи дѣлъ и при недостаткѣ чиновниковъ и употребить къ сему некого". И дѣйствительно, многіе замѣшанные въ дѣлахъ совершенно были оставлены безъ взысканій, а когда были получены свѣдѣнія о наложенныхъ взысканіяхъ, то нѣкоторые изъ подсудимыхъ, какъ Геденштромъ, задали даже пирушку.

Что Сперанскій не преслѣдовалъ съ особенной яростью мелкихъ чиновноковъ стараго управленія, это, конечно, могло объясняться только высотою его взгляда и пониманіемъ, что всякія преслѣдованія тутъ будутъ безполезны; но не можетъ не показаться страннымъ, что въ своей ревизіи и изобличеніи Сперанскій преднамѣренно обошелъ главнаго виновника, Пестеля, а Трескина не обвинилъ даже во взяткахъ, несмотря на улики. „Дѣла могли ему доставить множество матеріаловъ для обвиненія Пестеля не только въ крайнемъ произволѣ, но и въ недобросовѣстности предъ высшимъ правительствомъ, говоритъ г. Вагинъ. Изъ писемъ видно, что Сперанскій хорошо зналъ ту связь, которая существовала между Пестелемъ и Трескинымъ. Онъ зналъ, что всѣ бумаги составлялись для Пестеля въ Иркутскѣ, что Пестель покрывалъ Трескина и былъ его участникъ. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: „связь съ Трескинымъ у Пестеля другаго рода, чѣмъ служебная. Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника". О талантахъ Пестеля онъ отзывался презрительно: „не только Сибирью, мнѣ кажется, ему трудно было бы управлять и Олонецкою губерніею; это самая слабая голова, какую я когда-либо зналъ". При всѣхъ уликахъ, однако, Сперанскій пожелалъ „сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, и не говорить ничего худаго, или, по крайней мѣрѣ, молчалъ о своемъ предмѣстникѣ", какъ онъ выразился въ одномъ письмѣ Аракчееву. Онъ сначала умолчалъ-было объ отвѣтственности Пестеля въ сибирскихъ безпорядкахъ; но докладъ его былъ возвращенъ отъ государя съ повелѣніемъ, постановить заключеніе и о Пестелѣ. Дѣйствительно, указывая на причины зла, невозможно было не представить, какимъ образомъ главный управитель въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ скрывалъ и перерѣшалъ дѣла сибирскаго управленія во всѣхъ инстанціяхъ, пребывая постоянно въ Петербургѣ. Но здѣсь вѣроятно обнаружились бы тѣсныя отношенія нѣкоторыхъ лицъ къ Пестелю, какъ, напримѣръ, Аракчеева, а это не входило въ планъ Сперанскаго, видѣвшаго для себя за ревизіей новыя поприща въ Петербургѣ. Одной ревизіи, какъ человѣкъ государственный, Сперанскій не могъ придать какого-либо значенія въ улучшеніи дѣлъ и прекращеніи злоупотреб-

леній въ краѣ. Представляя краткій отчетъ о своей ревизіи государю, въ 1820 г., Сперанскій говоритъ: „но сіи мѣры и сами по себѣ недостаточны, и въ исполненіи ихъ непрочны. Никакое начальство не можетъ ручаться въ продолжительномъ ихъ дѣйствіи, если не постановленъ будетъ порядокъ управленія, мѣстному положенію сего края свойственный“.... „Ревизія есть дѣло временное, —писалъ онъ о томъ же Голицыну, — и повторять ее часто на сихъ разстояніяхъ невозможно. Порядокъ управленія, мѣстному положенію свойственный, можетъ одинъ упрочить добро на долгое время. Учрежденія безъ людей тщетны; но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ“. Послѣ ревизіи, люди остались тѣ же въ Сибири; страна терпѣла недостатокъ не только въ чиновникахъ честныхъ, но вообще въ чиновникахъ. „Здѣсь вопросъ, — писалъ Сперанскій, — не въ выборѣ людей честныхъ или способныхъ, но въ положительномъ и совершенномъ недостаткѣ даже и посредственныхъ, даже и людей неспособныхъ“... „Я не могу даже составить своей канцеляріи, — жаловался онъ, и долженъ довольствоваться тѣмъ, что поступило ко мнѣ отъ моего предмѣстника“... „У меня управленіе безъ людей, обширное производство дѣлъ почти безъ канцеляріи“, — прибавляетъ онъ.

У Сперанскаго было немного своихъ помощниковъ, такъ какъ остальной штатъ управленія некѣмъ было замѣнить послѣ Трескина. Вмѣсто Трескина, назначенъ былъ иркутскимъ губернаторомъ вице-губернаторъ Зеркалевъ, „человѣкъ безъ большихъ способностей и даже малограмотный“, „въ бумагахъ онъ терпѣть не могъ кавыкъ“. Послѣ него былъ опредѣленъ комендантъ Цейдлеръ, человѣкъ добрый, но, по своимъ понятіямъ объ управленіи, онъ, какъ всѣ современники, скорѣе приближался къ Трескину. Томскимъ губернаторомъ оставался Илличевскій, при которомъ было открыто столько злоупотребленій; о способностяхъ его Сперанскій отзывался довольно презрительно. Тобольскимъ губернаторомъ считался 70-ти-лѣтній фонъ-Бринъ. Про начальника Якутской области говорятъ матеріалы, что безкорыстіе его было быть можетъ *небезупречно*, но онъ оставался потому, что въ тѣ времена, и долго еще послѣ, на этотъ недостатокъ смотрѣли сквозь пальцы, если только онъ не выходилъ изъ извѣстныхъ границъ“. Этого начальника между тѣмъ считали еще за дѣльнаго человѣка. Но въ это же время оставались на мѣстахъ и такіе начальники, какъ управитель Охотскаго порта — Ушинскій, о которомъ въ 1823 году отзывался Рикордъ: „Ушинскій во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется одною только властію

начальника, не подчиняясь ни чести, ни совѣсти, и потому рѣшительно осмѣливаюсь объявить свое мнѣніе, что дальнѣйшее его управленіе Охотскимъ портомъ противно человѣческимъ и божескимъ законамъ". Сперанскій долженъ былъ большинство чиновниковъ, изобличенныхъ во взяточничествѣ по суду, оставить на мѣстахъ, потому что „некѣмъ было замѣнить". Несмотря на всю строгость ревизіи въ Иркутской губерніи, Сперанскій и здѣсь по недостатку въ людяхъ удалилъ очень немногихъ, наиболѣе обвинявшихся чиновниковъ. Въ отдаленныхъ мѣстахъ онъ принужденъ былъ смотрѣть снисходительно, даже на явно виновныхъ въ злоупотребленіяхъ". Сперанскій, смѣняя и замѣняя другими, приходилъ къ необходимости призывать уже отрѣшенныхъ за взятки, только потому, что они иногда казались менѣе жадными тѣхъ, кого смѣняли.

Характеристическій анекдотъ по этому поводу приводитъ одинъ изъ старожиловъ, С. С. Щукинъ. „Сперанскій, ѣхавшій по Сибири въ качествѣ генералъ-губернатора въ 1819 г., изумлялся неслыханнымъ злоупотребленіямъ разныхъ лицъ, — говоритъ Щукинъ въ своихъ запискахъ. — Онъ отрѣшилъ перваго исправника Зинова, на котораго вся жалоба состояла въ удержаніи 50 руб., слѣдовавшихъ крестьянамъ за постройку моста; но чѣмъ ѣхалъ далѣе, тѣмъ жалобы возростали. Сказывали, что по пріѣздѣ въ Томскъ, онъ приказалъ написать отрѣшенному исправнику Зинову, чтобы онъ, какъ *честнѣйшій изъ исправниковъ*, пріѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ получилъ новое назначеніе". Самымъ разительнымъ примѣромъ недостатка въ чиновникахъ,— говоритъ г. Вагинъ, — служитъ дѣло объ опредѣленіи исправника въ Туруханскъ. Назначивъ слѣдствіе въ Туруханскѣ, въ первомъ проѣздѣ по Сибири, Сперанскій отрѣшилъ бывшаго исправника Стыртова. Вмѣсто него Сперанскій опредѣлилъ Корсакова. Этотъ Корсаковъ, явившись, дрался съ крестьянами, инородцами и вахтерами, не исполнялъ требованій слѣдователя Осипова, посланнаго Сперанскимъ, хвастался тѣмъ, что братъ его служитъ правителемъ дѣлъ у Сперанскаго, притѣснялъ Стыртова въ сдачѣ дѣлъ, а самъ не занимался дѣлами. О немъ писалъ Осиповъ, что „ни малѣйшей нѣтъ надежды, чтобы по строптивости своей этотъ исправникъ пріобрѣлъ любовь инородцевъ"... „Отъ него уже бѣгаютъ, я ужъ не понимаю, на что онъ походитъ", — прибавляетъ слѣдователь. Сперанскій предписалъ Корсакова смѣнить и назначить опять Стыртова, уже смѣненнаго по ревизіи. Пока дѣло шло, „человѣкъ, о которомъ говорили, что „онъ не знаю на что походитъ", оставался на мѣстѣ почти годъ послѣ,

этого отзыва“ и замѣненъ былъ не лучшимъ. То же самое было и съ другими перемѣщеніями. Чиновники не могли измѣнить своихъ привычекъ и воззрѣній и при Сперанскомъ. „Нравственный уровень тогдашняго чиновничества былъ не высокъ—замѣчаетъ г. Вагинъ. Примѣръ продажности подавали высшіе чиновники; кромѣ того, у среднихъ и низшихъ были свои пороки: пьянство и развратъ, сопряженные съ буйнымъ разгуломъ“... „Этихъ пороковъ были не чужды и нѣкоторые изъ способнѣйшихъ людей того времени“, прибавляетъ изслѣдователь (Матер. Вагина, стр. 140). Но лучшимъ примѣромъ, до чего могли пасть нравы въ средѣ сибирскаго чиновничества, служитъ опять разсказъ Щукина объ ожиданіи Сперанскаго. Въ важныхъ случаяхъ у Трескина собирались для совѣта исправники и главныя лица управленія. Передъ пріѣздомъ Сперанскаго, на чрезвычайномъ конгресѣ одинъ изъ приближенныхъ Трескина, Третьяковъ, предложилъ слѣдующій вопросъ Трескину: — „А что, Н. И., Михайло Михайловичъ ѣстъ хлѣбъ? —Какъ же, Алеша, не ѣстъ?! — А если ѣстъ, то трудно ли будетъ съ нимъ познакомиться? — Пусть кумъ Андрей (одинъ изъ исправниковъ) дастъ столько-то, Евстафій Фомичъ (другой исправникъ) столько-то. Такимъ образомъ пересчиталъ всѣхъ, и рѣшено было собрать, какъ тогда говорили, нѣсколько сотъ тысячъ рублей и поручить ихъ Лоскутову поднесть при первомъ вступленіи Сперанскаго на границу Иркутской губерніи“.

При такихъ условіяхъ ревизія осталась почти безъ послѣдствій. Мы видимъ, что Сперанскій и самъ понималъ, что безъ учрежденій, безъ болѣе удовлетворительнаго контингента чиновниковъ, наконецъ, безъ новыхъ „основаній“ управленія, невозможно дальнѣйшее управленіе Сибирью. Совершивъ ревизію, онъ и считалъ свое порученіе конченнымъ. „Считая пребываніе свое здѣсь временнымъ,—писалъ Сперанскій,—я долженъ сего держаться и потому, что управленіе Сибири, при настоящемъ вещей порядкѣ, есть вещь для меня невозможная, да и никто, думаю, съ здравымъ смысломъ на сіе не отважится“... „Къ марту мѣсяцу всѣ слѣдствія будутъ окончены, и всѣ свѣдѣнія изготовлены. Послѣ сего мнѣ здѣсь дѣлать будетъ нечего. Смѣю даже утверждать, что пребываніе мое здѣсь было бы вредно. Правительство лишится къ себѣ послѣдняго довѣрія, если, обнаруживъ безпорядки, оно не поспѣшитъ ввести лучшаго устройства; а введеніе сіе отъ меня не зависитъ“,—такъ пишетъ онъ къ Кочубею.

Въ планѣ Сперанскаго было, раскрывши безпорядки и зло-

употребленія въ сибирскомъ управленіи, немедленно уѣхать изъ Сибири и участвовать только въ составленіи для нея новаго положенія и новыхъ основаній управленія. Но онъ былъ оставленъ еще на годъ управлять Сибирью въ качествѣ генералъ-губернатора на старомъ положеніи. Лично для себя, какъ мы указали, онъ получилъ съ горемъ новую отсрочку, принявъ ее за немилость, но, кромѣ того, онъ понималъ и всю трудность что-нибудь сдѣлать здѣсь при прежнихъ средствахъ. Какъ ни предполагаютъ біографы Сперанскаго, увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора, что одно пребываніе Сперанскаго въ Сибири уже могло измѣнить порядокъ дѣлъ, но самъ Сперанскій справедливо не придавалъ такого значенія своему управленію. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлаетъ слѣдующія характеристическія замѣчанія насчетъ своего управленія, въ качествѣ генералъ-губернатора, Сибирью:

„Какою волшебною силою человѣкъ, брошенный сюда изъ Пензы, — пишетъ онъ Кочубею, — безъ всякихъ знаковъ особеннаго довѣрія, не получивъ и не предъявивъ никакихъ новыхъ и значительныхъ инструкцій, могъ вступить въ борьбу со всѣми почти чиновниками, со всѣмъ составомъ управленія, могъ одинъ съ Цейеромъ обуздать извѣстныя сибирскія дерзости, обнаружить злоупотребленія, потрясти фортуны, въ 13 лѣтъ составленныя, и испровергнуть цѣлую систему связей твердыхъ, обдуманныхъ и привычкою скрѣпленныхъ? Мы не въ томъ вѣкѣ живемъ, и Сибирь не тотъ край, гдѣ бы истина могла произвести сіи явленія! Какъ я могу управлять безъ моральной власти? — Скажуть — законами, какъ будто существуютъ законы въ Сибири, всегда управляемой самовластіемъ, и какъ будто законы могутъ исполняться безъ исполнителей. Страхъ есть дѣло внезапности, родъ очарованія; надобно знать его мѣру, чтобы имъ пользоваться. Вопросъ: кто наиболѣе пострадаетъ отъ сего положенія дѣлъ? — Сибирь, ибо первое послѣдствіе всякаго пренебреженія власти есть собственный свой вредъ. А что власть, мнѣ данная, будетъ пренебрегаема, въ семъ не могу я имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія“. Такимъ образомъ, Сперанскій, поставленный въ прежнее положеніе правителей, сознавалъ полную невозможность управленія краемъ. Онъ понималъ, что злоупотребленія и при его управленіи по прежнему будутъ развиваться. Свои воззрѣнія на дальнѣйшее управленіе Сибирью онъ откровенно высказываетъ въ письмѣ къ князю Голицыну: „Когда всѣ дѣла, порученныя мнѣ (т.-е. ревизія) окончены, мнѣ остается влачить здѣсь цѣлый годъ почти въ бездѣйствіи. Я называю бездѣйствіемъ поверхностное отправ-

леніе текущихъ дѣлъ и терпимость безпорядка и злоупотребленій. Я могъ ихъ остановить, — говоритъ онъ, — но не истребить, *ибо порядокъ управленія, краю сему несвойственный, остается тотъ же*, исправлять я его не могу; люди остаются тѣ же, перемѣнить ихъ некѣмъ. Я не могу даже дать движеніе суду надъ ними; ибо тѣ, кои должны ихъ судить сами подлежатъ суду по другимъ дѣламъ подобнымъ. Людей, отрѣшенныхъ въ одномъ уѣздѣ или въ одной губерніи, я принужденъ употреблять въ другой, дабы вовсе не остановить теченія дѣлъ". Такимъ образомъ, Сперанскій былъ достаточно откровененъ въ этомъ случаѣ, чтобы не закрывать глаза себѣ и другимъ, и не желалъ быть рыцаремъ, выставляющимъ личную борьбу съ злоупотребленіями за ихъ искорененіе и прекращеніе, а своимъ предписаніямъ и циркулярамъ придавать значеніе, какъ бы дѣла отъ этого измѣнились.

Управленіе его дѣйствительно ничѣмъ особеннымъ и не могло ознаменоваться. Одна личность, окруженная массой совершенно другого рода дѣятелей, не могла измѣнить порядокъ дѣлъ, и въ общемъ вліяніе ея было не особенно замѣтно. Проявленіе злоупотребленій не прекращалось. „Въ то время, когда Сперанскій преслѣдовалъ прежнія, — замѣчаетъ справедливо г. Вагинъ, — подъ его управленіемъ, подъ самой грозой его ревизіи, почти въ его присутствіи совершались новыя злоупотребленія и возбуждали необходимость въ новыхъ преслѣдованіяхъ". Такъ же дѣло шло во все время его управленія. Если чѣмъ могло отличаться его управленіе, то развѣ нѣкоторыми попытками ослабить прежній административный гнетъ, мелочность прежней регламентаціи и предоставить болѣе свободы обществу. Въ этомъ случаѣ весьма любопытны слѣдующіе его взгляды на управленіе. Первымъ долгомъ онъ пытается загладить вѣковой разладъ между обществомъ и управителями. Онъ пробуетъ жить въ мирѣ съ обществомъ. Въ раскрытіи злоупотребленій онъ обратился къ гласности, къ общественному мнѣнію, и только благодаря этому могъ открыть многія злоупотребленія, покрывавшія Сибирь. Онъ пользовался помощью общества, кабинетнымъ, частнымъ образомъ, и сближался съ нимъ для своихъ цѣлей. Во время поѣздокъ онъ знакомится съ купцами, мѣщанами, выслушиваетъ крестьянъ и пользуется ихъ мнѣніями. Матеріалы, нынѣ собранные, указываютъ, что и его законодательная дѣятельность не лишена была частнаго вліянія. „Сохранилось преданіе, — говоритъ г. Вагинъ, — что въ Иркутскѣ Сперанскій совѣтовался о нѣкоторыхъ частяхъ своего законодательства съ извѣстными лицами изъ мѣстнаго купечества. Нѣкоторые изъ купцовъ и мѣщанъ, бывшихъ въ

киргизской степи, были даже прямыми сотрудниками Батенькова при составленіи учрежденія о киргизахъ". Этотъ духъ его управленія, а именно, при помощи сближенія съ обществомъ и установленія съ нимъ солидарности, конечно, былъ дѣломъ его личной тактики и не перешелъ ни въ законы, проектируемые имъ, не могъ быть и переданъ его послѣдователямъ и намѣстникамъ.

Далѣе видно, какъ говоритъ г. Вагинъ, что „онъ былъ рѣшительный врагъ того полицейскаго *хватанья*, до котораго были такіе большіе охотники многіе администраторы, не только его, но и позднѣйшаго времени; онъ отнюдь не видѣлъ въ стѣсненіяхъ личной свободы панацеи противъ всевозможныхъ преступленій". Дѣйствительно, въ своихъ распоряженіяхъ онъ постоянно умѣряетъ пылъ исполнителей, пріученныхъ прежними порядками не щадить личность и не церемониться съ ней. Второю чертою его управленія было ослабленіе прежней регламентаціи, въ которой такъ склонны были его предшественники. „Крутыя мѣры, принятыя Трескинымъ,—сообщаетъ г. Вагинъ,—частію были прямо отмѣнены Сперанскимъ, частію значительно ослаблены". Мы говорили, до какой степени регламентація въѣлась въ нравы сибирскаго управленія. Крестьяне обращаются съ просьбами къ Сперанскому, чтобы ихъ пощадили отъ планировки селеній и обязательной постройки какихъ-то форменныхъ колодцевъ съ валомъ и колесомъ. Нѣкоторые города просятъ дозволять имъ навозомъ укрѣплять берегъ, такъ какъ это было запрещено, несмотря на то, что это было единственное спасеніе отъ разливовъ рѣкъ. Трескинъ отводилъ устье Иркута подъ тѣмъ предлогомъ, что рѣка имѣетъ „*неправильное теченіе*", и старался дать ей новое русло, но рѣка все держалась своего „*неправильнаго теченія*", наперекоръ Трескину. Сперанскій, конечно, былъ другихъ взглядовъ на управленіе, чѣмъ Трескинъ и предшественники. Онъ административныя задачи не низводилъ до архитекторскихъ обязанностей, до насильственнаго „устроительства", до крашенія заборовъ, ломки домовъ, какъ это дѣлали другіе, даже позднѣе Сперанскаго; съ высоты своего поста не лѣзъ для вмѣшательства въ городское хозяйство, не обиралъ и не разорялъ городскихъ думъ въ пользу любимцевъ. Онъ предоставлялъ самому обществу вести дѣла свои.

Изъ его распоряженій и предписаній видно, что онъ былъ приверженецъ свободы торговли, и въ этомъ случаѣ былъ поклонникъ Смитовской школы. Онъ издавалъ постоянно инструкціи и правила, и предметомъ ихъ было, какъ онъ выражался, „всемѣрно благопріятствовать всякому свободному движенію тор-

говли и удалить всѣ препятствія, какія при прежнемъ управленіи нерѣдко возникали изъ ложнаго понятія о ярмаркахъ, о сборѣ ясака и тому подобныхъ мѣрахъ". Въ Сибири относительно торговли съ инородцами существовали, до 1819 г., двѣ системы. Одна изъ нихъ была основана на опекѣ администраціи надъ инородцемъ, въ предупрежденіе кабалы и злоупотребленій купцовъ ввозомъ къ инородцамъ водки и т. п. Но при этомъ полиція и мѣстные чиновники, въ огражденіе инородцевъ отъ злоухищреній купцовъ, сами принялись за торговлю и вели ея къ общему благополучію—и охраняя инородцевъ, и не забывая себя. Другой системы домогались постоянно купцы въ своихъ выгодахъ, и ее привыкли понимать подъ именемъ „свободной торговли". Сперанскій склонялся къ этой послѣдней и особенно способствовалъ ея развитію, покровительствуя мѣстнымъ купцамъ. Въ этомъ случаѣ было не только замѣчательно его управленіе, но взглядами этими проникнуто и составленное имъ положеніе, послужившее основою къ позднѣйшему законодательству для Сибири. Мѣры эти замѣчательны были по одному, а именно по результатамъ, какими онѣ отразились въ сибирской исторіи. Система запретительная и опека надъ инородцемъ, какъ мы видимъ, привели здѣсь къ тому, что чиновники захватили въ свои руки торгъ и стали купцами. Что касается новой „свободы торговли" и покровительства торга купцовъ съ инородцами по идеѣ Сперанскаго, то она оказалась тоже не особенно выгодной. Нѣкоторые купцы, пользуясь покровительствомъ и отсутствіемъ всякой защиты инородца, взяли себѣ цѣлыя мѣстности, какъ Нерчинскій край, на откупъ, закабалили торговлей населеніе и дѣлали съ инородцами и крестьянами что хотѣли". Купцы закабаляли въ Сибири при помощи долговъ не только крестьянъ, но и мелкихъ чиновниковъ. Злоупотребленія ихъ остались необнаруженными и безнаказанными и при Сперанскомъ. Въ Якутскѣ существовала та же система грабежа подъ видомъ торговли, и это тянулось до временъ Муравьева (т.-е. до шестидесятыхъ годовъ). Многіе администраторы позднѣе Сперанскаго, поэтому, должны были начать борьбу съ этимъ зломъ.

Торговая кабала надъ инородцемъ и крестьяниномъ до послѣдняго времени составляетъ язву страны. Изъ этого видно, что какъ система вмѣшательства, такъ и дурно понятая „свобода торговли" въ Сибири, при извѣстныхъ порядкахъ, вели одинаково къ печальнымъ послѣдствіямъ, а поощренія Сперанскаго „свободѣ торговли" только проявили другое зло, не менѣе опасное. Не измѣнялись и другія злоупотребленія сибирскаго быта

при Сперанскомъ. Система казенныхъ подрядовъ при Трескинѣ, сопряженная съ разграбленіемъ казны, посредствомъ непомѣрныхъ подрядныхъ цѣнъ, часть которыхъ шла на взятки, конечно, доходила до крайности, но злоупотребленія эти не уменьшались и послѣ Сперанскаго. Реформа Сперанскаго ничего тутъ не сдѣлала.

Собственно управленіе Сперанскаго въ Сибири, какъ мы сказали, не могло ни принести замѣтныхъ результатовъ, ни послужить къ измѣненію дѣлъ. Управленіе это прошло поэтому незамѣтно: ни духъ его, ни мѣры Сперанскаго, ни личныя качества не были оцѣнены и поняты въ Сибири даже тѣми, кому онъ наиболѣе покровительствовалъ, какъ, напримѣръ, торговымъ сословіямъ. Сибиряки такъ пріучились къ регламентаціи, къ вмѣшательству администраціи, къ „строительству“ Трескина и ему подобныхъ, что невмѣшательство Сперанскаго въ дѣла общества и его сознательное „laissez faire, laissez passer“ просто было объяснено лѣнью, неисправленіемъ своихъ обязанностей и поставлено ему иркутянами въ вину. Трескинъ же, наоборотъ, превознесенъ за его распорядительность вмѣстѣ съ своею системою. „Трескинъ былъ прекрасный распорядительный начальникъ“, — говорятъ старожилы Иркутска, разсказы которыхъ помѣщены при матеріалахъ г. Вагина. „Трескинъ все-таки *хозяинъ* былъ, *административный* человѣкъ. Онъ городъ устроилъ, вѣдь это все, и улицы, и... все это Николай Ивановичъ. До него — стыдъ сказать — „отходы“ на улицу были. Братскіе даже, — на что ужъ! — и тѣхъ пахать заставилъ. Словомъ, онъ ввелъ всю эту *цифру*. Ну, и *исправники* у него были *хорошіе*, и *засѣдатели*... „Трескина я глубоко уважаю — говоритъ другой. — Это былъ *геніальнѣйшій администраторъ*“. Въ этихъ отзывахъ извиняютъ даже деспотизмъ и взяточничество Трескина. Лоскутовъ, по мнѣнію современниковъ, былъ *тоже отличный администраторъ*. Онъ устроилъ Нижнеудинскія поселенія, и тутъ же приводятъ разсказъ въ доказательство его способностей, какъ онъ *училъ* поселенцевъ, „спарывая всю шкуру съ головы до пятокъ“... „Сперанскій же *не былъ администраторъ* — прибавляетъ тотъ же мудрецъ-старожилъ. — Онъ былъ только умный человѣкъ на бумагѣ“. Такъ управленіе Сперанскаго было понято современниками, выдрессированными Трескинымъ.

Объ управленіи Сперанскаго съ исторической точки зрѣнія можно только сказать, что при старыхъ условіяхъ и при существовавшей обстановкѣ, безъ солидныхъ учрежденій, на отсутствіе которыхъ онъ жаловался, при поголовномъ невѣжествѣ об-

щества, злоупотребленіяхъ исполнителей, онъ и не могъ произвести существенныхъ измѣненій въ ходѣ дѣлъ сибирской администраціи. Какъ мы видимъ, онъ сознавалъ это и силился даже разъяснить другимъ, разрушая иллюзію, будто *одна его личность* могла что-либо сдѣлать.

Составленіемъ сибирскаго учрежденія Сперанскому выпадало на долю разсѣчь гордіевъ узелъ 200-лѣтняго сибирскаго управленія и разъ навсегда прекратить постоянно возникавшіе безпорядки и злоупотребленія въ Сибири. Но въ силахъ ли онъ былъ это сдѣлать? Управленіе Пестеля и Трескина отражало только вѣковой режимъ сибирской администраціи. Такимъ образомъ, чтобы искоренить неудобство и безпорядицу управленія, необходимы были не частныя, а общія мѣры. Ривизія Сперанскаго, хотя и лучшаго человѣка своего времени, не помогла, какъ не помогало прекращенію злоупотребленій его управленіе. Средство оставалось одно: создать новыя основанія управленія, услѣдивъ причины зла. Общіе недостатки сибирскаго управленія состояли въ самовластіи, безконтрольности, беззаконіи и личномъ произволѣ, развившимися благодаря отдаленности страны. Правительство съиздавна сознавало, что управлять этимъ новоприобрѣтеннымъ и отдаленнымъ краемъ на общихъ основаніяхъ не было возможности, а потому давно старалось создать въ немъ особенный порядокъ управленія, свойственный мѣстнымъ условіямъ. Попытки эти проходятъ чрезъ всю исторію Сибири. Когда-то, при воеводскомъ управленіи, былъ учрежденъ въ Москвѣ особенный „Сибирскій Приказъ“, которому воеводы были обязаны отчетомъ и который былъ въ родѣ колоніальнаго департамента. Съ 1708 г. по 1764 г., т.-е. съ Петра, Сибирью управляли уже губернаторы, жившіе въ Тобольскѣ. Вся Сибирь называлась сибирской губерніей и имѣла пять провинцій. Въ составъ ея управленія входили не только Сибирь, но и часть нынѣшнихъ вологодской, вятской, пермской и оренбургской губерній. Этимъ огромнымъ райономъ завѣдывалъ одинъ губернаторъ съ огромною властью. Какова была эта власть, это видно по первому изъ губернаторовъ, князю Гагарину, создавшему изъ себя сибирскаго вицероя. Губернаторская власть послѣ Гагарина не только не уменьшалась, но постоянно увеличивалась. Между тѣмъ, устроена была военная омская линія съ особымъ начальствомъ, и къ Россіи присоединено было новое инородческое царство въ лицѣ киргизовъ. Тогда, при Екатеринѣ, вздумали и въ Сибири устроить особое намѣстничество. Екатерина видѣла въ Сибири обширную инородческую колонію и рѣшилась дать ей права

подчиненнаго царства. Она принимаетъ мѣры въ улучшеніи быта инородцевъ, водворяетъ покровительство торговлѣ бухарцевъ, обѣщаетъ изъ нихъ создать особую торговую думу для цѣлой Сибири, съ дѣлопроизводствомъ на бухарскомъ языкѣ, уничтожаетъ казенныя монополіи, наконецъ, наименовываетъ Сибирь „царствомъ“, даетъ ему особый гербъ съ двумя соболями и чеканитъ особую сибирскую монету. Въ Тобольскѣ символомъ царской власти, подъ покровительствомъ котораго считается это инородческое царство, поставленъ былъ тронъ, на которомъ сибирскій намѣстникъ принималъ свидѣтельство вѣрноподданства отъ хана средней киргизской орды и остяцкихъ князей. Конечно, было странно видѣть, что край, все болѣе и болѣе заселяемый русскими, вдругъ какъ-бы обратно названъ былъ инородческимъ царствомъ, съ предоставленіемъ особеннаго покровительства и даже автономіи инородцамъ. Но это объясняется не столько тѣмъ, что Екатерина Великая хотѣла обратить Сибирь въ первобытныя формы татарскаго царства, сколько ея реформаторскими планами, которые она имѣла въ виду относительно цѣлой Россіи и которые не могли не коснуться и Сибири. Въ этомъ случаѣ она скорѣе пробовала здѣсь создать нѣчто въ родѣ отдѣльнаго и мѣстнаго управленія на подобіе колоніальныхъ европейскихъ правительствъ. Планъ этотъ не былъ окончательно приведенъ въ исполненіе, и не былъ завершенъ, за-то отъ него осталась въ Сибири обширная намѣстническая власть. Уже первый намѣстникъ, вмѣсто того, чтобы стоять на ступеняхъ трона, учрежденнаго въ Тобольскѣ и напоминавшаго власть одной монархини, взобрался самъ на него, и такимъ образомъ возвелъ себя какъ-бы въ царское достоинство; тоже произошло и въ дѣлѣ управленія. Наконецъ, въ 1799 г., намѣстничество было отмѣнено въ Сибири, и тронъ отправленъ въ Петербургъ, а тобольская и иркутская губерніи возстановлены въ прежнемъ видѣ. Нечего говорить, что ни намѣстничества, ни губернаторства не могли вполнѣ обезпечить хорошаго управленія. Уже иркутскій намѣстникъ Якоби попалъ подъ судъ, за нимъ Цеццано, наконецъ, послѣдовала ревизія Селифонтова и смѣна послѣдняго. Мысль устроить въ Сибири порядокъ управленія, отдѣльный и сообразный съ ея положеніемъ, высказанная при введеніи общаго управленія въ 1775 г., снова повторилась правительствомъ въ иструкціи Селифонтову. „Сибирскій край требуетъ измѣненія какъ въ раздѣленіи его, такъ и въ самомъ образѣ управленія особеннаго постановленія“. Съ этою цѣлію и былъ посланъ Селифонтовъ „для личнаго обозрѣнія, собранія свѣдѣній, какъ гово-

рила инструкція, статистическихъ, географическихъ и камеральныхъ, и основанія на самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ раздѣленія и порядка управленія краемъ". Самое управленіе Селифонтову поручалось съ временною цѣлію, „прежде нежели будутъ приведены къ концу всѣ предположенныя къ лучшему его образованію мѣры". Наконецъ, въ 1803 г. учрежденіе коммиссарствъ было предтечею болѣе общихъ преобразованій, причемъ опять упомянуто, что эта мѣра примѣняется, „прежде — пока можно будетъ составить полное образованіе края".

Даже во время генералъ-губернаторства въ Сибири Селифонтова и Пестеля, мысль объ изданіи новыхъ правилъ для управленія Сибирью не оставляла правительства. По сибирскимъ дѣламъ былъ учрежденъ особый комитетъ, подчиненный комитету министровъ. Въ 1814 году сибирскому генералъ-губернатору предполагалось дать новую инструкцію. Въ 1816 году было предположено возстановить въ Россіи на всемъ пространствѣ намѣстничества, — конечно, въ этотъ планъ входила и Сибирь. Вѣроятно, въ то время такимъ образомъ выражалась мысль о децентрализаціи. Свѣдѣнія и матеріалы, въ видахъ составленія новаго особаго положенія для Сибири, продолжали собираться и при Трескинѣ. Правительство не могло только приступить къ преобразованію сибирскаго управленія, отвлекаемое войнами 1812—1814 годовъ. Несмотря на то, въ видахъ удобства мѣстнаго управленія и быстраго рѣшенія дѣлъ, правительство дѣлало постоянно частныя измѣненія въ сибирскомъ управленіи, между прочимъ, предоставляя главнымъ администраторамъ особыя уполномочія. Это дало поводъ послѣднимъ самимъ хлопотать объ увеличеніи власти. Таковы, собственно, были особенности въ основаніяхъ сибирскаго управленія въ эпоху, предшествовавшую Сперанскому. Но въ концѣ управленія Пестеля взглядъ правительства измѣнился: оно должно было усумниться въ пользахъ увеличенія этой власти, и министръ Козодавлевъ выразилъ въ своей запискѣ рѣшительное мнѣніе противъ такого порядка. „Въ первое время открытія безпорядковъ въ Сибири, — писалъ онъ,— они были приписываемы слишкомъ ограниченной власти начальниковъ, а потому она была усиливаема постоянно и всегда, какъ новые и сильнѣйшіе безпорядки открывались". Такимъ образомъ, явилось вновь сознаніе о необходимости ограниченія власти правителей. Мысли эти высказаны довольно опредѣленно въ проектѣ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, который обыкновенно ставятъ въ параллель съ проектомъ Сперанскаго. Разсматривая причины существовавшихъ безпорядковъ, Козодавлевъ приходитъ

къ заключенію, что для предотвращенія ихъ возникновенія „необходимо начертать, болѣе сообразное съ мѣстными условіями, управленіе“. Проектъ его заключалъ слѣдующія основанія: не распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовластія мѣстныхъ начальниковъ,—пишетъ министръ,—мнѣ кажется, что власть ихъ должна быть ограничена, а не распространяема и увеличиваема. Учрежденіе верховнаго въ сибирскихъ губерніяхъ правительства совѣта или коммиссіи, частію опредѣляемыхъ изъ чиновниковъ отъ правительства, частію избираемыхъ изъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій, можетъ одно ограничить власть начальника, который, какъ предсѣдатель сего мѣста, имѣетъ только перевѣсъ въ случаѣ равныхъ голосовъ. Впрочемъ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ и по дѣламъ, времени не терпящимъ, главный начальникъ можетъ дѣло остановить, или приказать исполнить безъ отлагательства, не взирая на несогласіе совѣта, но въ ту-жъ минуту безъ малѣйшаго промедленія онъ долженъ сообщить объ ономъ тому министру, до части котораго производимое дѣло касается. Кромѣ того, прибавляетъ Козодавлевъ, мнѣ кажется, что при ограниченіи власти мѣстнаго начальника, не безполезно будетъ усилить и власть магистратовъ и городскихъ правленій. Магистраты городовъ остъзейскихъ губерній доказали и доказываютъ пользу, каковую они принесли и приносятъ промышленности, торговлѣ и вообще образованности жителей тѣхъ губерній“. Таковы были мысли министра, высказанныя въ засѣданіи комитета, которыя онъ предполагалъ положить въ основаніе реформы, и передалъ Сперанскому.

Что касается мнѣній Сперанскаго, то, послѣ совершённой ревизіи, онъ видѣлъ также необходимость произвести коренную реформу сибирскаго управленія, согласно мѣстнымъ условіямъ края. Онъ сознавалъ, что управленіе на общемъ положеніи, при отдаленности Сибири, невозможно, и требуется созданіе особыхъ основаній. „Если бы разстройство сего края было частное, то можно было бы и исправить его частными перемѣнами, но Сибирь требуетъ общаго и совокупнаго во всѣхъ частяхъ образованія,—писалъ онъ, обозрѣвъ сибирскіе порядки.—Она не можетъ быть управляема, какъ новгородская и тверская губерніи, между тѣмъ настоящій порядокъ и правила одинаковы“,—присовокуплялъ онъ въ письмѣ къ Кочубею.

Трудность административныхъ задачъ въ Сибири состояла въ томъ, что здѣсь не прилагались, не прилаживались вовсе тѣ начала управленія, которыя проектировались въ другихъ областяхъ, порождая совершенно иные результаты. Здѣсь не удавалось управ-

леніе ни на общемъ основаніи, ни на особенномъ. При томъ и другомъ порядкѣ являлись особаго рода неудобства. Если при одномъ порядкѣ страна терпѣла отъ самовластія при увеличеніи власти, которая предоставлялась мѣстнымъ начальникамъ для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, то, съ другой стороны, замедленіе дѣлъ и зависимость ихъ отъ дальнихъ центральныхъ учрежденій приводили въ Сибири къ другимъ затрудненіямъ. Рѣшенія дѣлъ или какихъ-либо необходимыхъ для края распоряженій приходилось ждать по нѣскольку лѣтъ; такъ, разъ пришедшій грузъ въ Камчатку съ съѣстными припасами долженъ былъ дожидаться разрѣшенія о принятіи ихъ изъ Петербурга. Дѣла уголовныя длились десятки лѣтъ. Такимъ образомъ, усиленіе власти и предоставленіе ей значительныхъ полномочій поселяло произволъ, а уменьшеніе власти и подчиненіе хода дѣлъ отдаленнымъ высшимъ инстанціямъ рождало замедленіе и неудобства для края. Однѣ мѣры парализовали другія; сибирское управленіе требовало между тѣмъ мѣстнаго управленія со всѣми гарантіями отъ произвола администраціи. Централизація здѣсь приводила къ однимъ злоупотребленіямъ, а предоставленіе независимой власти начальникамъ на мѣстѣ—къ другимъ. Таковъ былъ давнишній сфинксъ сибирской исторіи. Эти задачи должно было разрѣшить и примирить Сперанскому.

Сперанскій хорошо видѣлъ, что доселѣ управленіе Сибирью основывалось на личномъ довѣріи къ администраторамъ, и что ихъ власти не было положено основаній. Онъ поставилъ цѣлью, поэтому, сибирскихъ правителей подчинить законамъ и сдѣлать орудіемъ правительства. Но самое огражденіе законами не могло достигать цѣли, по его мнѣнію, безъ особыхъ прочныхъ учрежденій, могущихъ слѣдить за этой властью. Самые лучшіе начальники, предоставленные себѣ, могли ошибаться. Вотъ что чрезвычайно справедливо высказалъ онъ по этому поводу: „если бы личная власть въ Сибири, говоритъ онъ, предоставленная до 1819 года бывшимъ въ Сибири главнымъ правителямъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами, то и тогда, бывъ удалена отъ надзора, и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худымъ намѣреніемъ. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру и желая дойти къ нему кратчайшею дорогою или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увлекаются въ заблужденія, сперва для сокращенія нарушаютъ формы

маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ касаются и существа дѣла, и такимъ образомъ, поступая всегда по добрымъ побужденіямъ, ниспровергаютъ порядокъ и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно". Главною программою и цѣлью своей реформы онъ поставилъ поэтому: 1) преобразить личную власть начальниковъ въ установленіе и, соединивъ единство ея дѣйствія съ *гласностью*, охранить ее отъ самовластія и злоупотребленій законными средствами; учредить ея дѣйствія (т.-е. распоряженія), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и *публичными*; 2) усиливъ надзоръ, собрать раздробленныя и безсильныя его части въ одно *установленіе*, и такимъ *учрежденіемъ замѣнить, съ одной стороны, удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства, а съ другой—недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія;* 3) раздѣлить и опредѣлить тѣ административныя функціи, которыя были прежде смѣшиваемы въ разныхъ учрежденіяхъ; 4) привести въ согласіе всѣ части управленія; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, которыя при огромномъ пространствѣ имѣютъ весьма мало населенія; 6) ввести простоту и удобство обрядовъ въ видахъ успѣшности и быстроты разрѣшенія дѣлъ.

Какъ ни были благонамѣренны и соотвѣтственны обстоятельствамъ эти цѣли, но, конечно, при всякихъ благихъ намѣреніяхъ важнѣе всего ихъ выполненіе. А потому любопытно взглянуть, какими путями Сперанскій стремился осуществить ихъ? Имѣя въ виду содѣйствовать быстрому разрѣшенію дѣлъ на мѣстѣ и учредить контроль въ сибирскомъ управленіи, Сперанскій проектировалъ составить отдѣльное высшее управленіе для Сибири. Онъ предложилъ образовать въ каждой части Сибири „главное управленіе подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора"; главное управленіе должно было служить и высшимъ правительственнымъ мѣстомъ въ Сибири. Генералъ-губернаторская власть являлась исполнительною, она составляла только часть установленія. Дѣятельность ея состояла только въ надзорѣ и исполненіи. Такимъ образомъ, онъ проектировалъ ограниченіе власти и спеціальное ей назначеніе. Въ помощь генералъ-губернаторамъ учреждались совѣты изъ чиновниковъ мѣстнаго управленія и частью отъ министерствъ: „мнѣніе этого совѣта необходимо во всѣхъ важныхъ предметахъ, присвоенныхъ совѣту". *„Но мнѣнія совѣта безъ утвержденія предсѣдателя не дѣйствительны;* члены совѣта *не могутъ остановить исполненія*, но они имѣютъ право непринятое мнѣніе представлять высшему начальству". Роль совѣ-

товъ была *совѣщательная*. Подобные же совѣты установлялись въ помощь губернаторамъ изъ чиновниковъ главнаго управленія по губерніямъ и окружные совѣты у окружныхъ начальниковъ.

Таковъ былъ планъ, на которомъ построено сибирское учрежденіе. Планъ этотъ основывался на введеніи коллегіальнаго управленія во всѣхъ частяхъ, вмѣсто единоличнаго, и опирался на взаимный контроль однихъ учрежденій другими. „Введеніемъ коллегіальнаго управленія,—говоритъ г. Вагинъ,—Сперанскій имѣлъ въ виду предохранить власть отъ ошибокъ и увлеченій. Но это *нисколько не ослабляло исполнительной власти*, отъ нея зависѣло принять или не принять мнѣніе совѣта. Одно уже это показывало теоретичность проекта, имѣвшаго въ виду разомъ соединить и *ограниченіе*, и *независимость* исполнительной власти, т.-е. два противоположныя начала. Присоединеніе совѣтовъ къ тому же не было собственною мыслью Сперанскаго. Еще въ проектѣ намѣстничествъ, въ 1816 г., предполагалось во всей Россіи учредить при намѣстникахъ совѣты, съ правомъ совѣщательнаго голоса; въ запискѣ Козодавлева упоминается о примѣненіи совѣта собственно къ Сибири. Самый совѣтъ притомъ у Козодавлева имѣетъ болѣе широкую программу, чѣмъ у Сперанскаго. Учрежденіе совѣтовъ имѣло разительное сходство съ тѣми учрежденіями, которыя Сперанскій приводилъ въ дѣйствіе въ первую счастливую эпоху своей дѣятельности въ министерствахъ“. Насколько они близки были этимъ учрежденіямъ, по мнѣнію Корфа, далеко неудавшимся и несоотвѣтствовавшимъ первоначальнымъ планамъ Сперанскаго, это трудно сказать, но что они были по плану, давно принятому для общаго управленія, съ этимъ нельзя не согласиться, потому что главное управленіе Сибири было сколкомъ съ обыкновенныхъ губернскихъ правленій, введенныхъ въ Россіи съ нѣкоторымъ выдѣленіемъ совѣта и правомъ обсуждать только дѣла въ бо́льшемъ размѣрѣ. Точно также они соотвѣтствовали и принятому принципу коллегіальнаго порядка обсужденія дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, принципу, существовавшему довольно давно и, какъ видимъ, не разъ предлагавшемуся. Если чѣмъ и отличались проектируемыя для Сибири губернскія и главныя управленія съ совѣтами, состоящими въ подчиненіи у губернаторовъ, то очень незначительно отъ прочихъ присутственныхъ мѣстъ въ Россіи; принципіальнаго же различія между ними не было. Сперанскій старался примирить неудобства сибирскаго управленія соединеніемъ коллегіальнаго порядка съ единоличнымъ и гарантировать обыкновенной комбинаціей при помощи зависимости однихъ чиновниковъ отъ другихъ.

Въ общемъ, измѣненія и проекты Сперанскаго были столь скромны и столь соотвѣтственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко въ комитетѣ, и разномыслія здѣсь были незначительны, исключая его проекта объ освобожденіи подзаводскихъ крестьянъ, что́ и было отклонено. Но Сперанскій почему-то боялся, что его проекты и въ этомъ видѣ не пройдутъ. Это даетъ поводъ г. Вагину задаться вопросомъ: вышли ли проекты Сперанскаго въ томъ видѣ, въ какомъ они были представлены, или были значительно измѣнены? „Нѣкоторые сибирскіе старожилы,—отвѣчаетъ г. Вагинъ,—разсказывали намъ, что изданное учрежденіе о Сибири значительно разнится отъ первоначальнаго проекта, что въ послѣднемъ, напримѣръ, былъ данъ просторъ выборному началу, котораго вовсе нѣтъ въ утвержденномъ учрежденіи, что сибирскому управленію предполагалось дать устройство гораздо болѣе свободное отъ централизаціи, что въ Сибири предполагалось учредить особый департаментъ сената и т. п.“. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ могли быть вымышлены, но другіе согласны съ мнѣніемъ Сперанскаго, говорившемъ „о силѣ“ своихъ предположеній. Это дало поводъ заключить, что проекты Сперанскаго были увезены вчернѣ и что онъ, „*по обыкновенной своей уступчивости*“, рѣшился передѣлать ихъ въ Петербургѣ, видя невозможность провести ихъ цѣликомъ. Изъ матеріаловъ, біографій, свѣдѣній и писемъ Сперанскаго нынѣ ничего однако не подаетъ повода заключить, что его проекты были измѣнены. Опасался же Сперанскій вѣроятно того, что, вслѣдствіе потери его вліянія и вслѣдствіе оппозиціи ему въ Петербургѣ Аракчеева, даже самые незначительные его проекты будутъ отвергнуты. Такое объясненіе гораздо проще.

Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ этихъ предположеній видно, что новое учрежденіе сибирскаго управленія не удовлетворило ожиданіямъ и страдало недостатками, которые съ перваго же раза были замѣчены. Учрежденіе это обвиняли въ томъ, что оно ведетъ къ послѣдствіямъ, совершенно противоположнымъ, чѣмъ было высказано въ программѣ, начертанной въ основаніяхъ. Наконецъ, ставили въ вину, что проектъ Сперанскаго основанъ былъ на одномъ бюрократическомъ началѣ. Обвиненія эти раздавались, какъ изъ лагеря консерваторовъ, недовольныхъ замѣною стараго режима бюрократическими формами, взамѣнъ приказнаго произвола, такъ и людьми, ожидавшими отъ Сперанскаго бо̀льшей реформаторской иниціативы. Одинъ изъ противниковъ сибирскаго учрежденія, Геденштромъ, замѣчалъ при его введеніи: „Сперанскій долженъ былъ возстановить въ Сибири дѣйствіе за-

коновъ и съ ними навлекъ гибель на Сибирь, потому что исполнителями законовъ стали чиновники, чтущіе только удовлетвореніе своей прихоти и корысти"... „Вмѣсто общаго желѣзнаго вѣка, учрежденіе ввело бумажный, увеличивъ до крайности письменное производство"... „Власть генералъ-губернатора только повидимому ограничена совѣтомъ, въ дѣйствительности всѣ дѣла рѣшаются по его произволу". Такіе и подобные отзывы раздавались объ учрежденіи. Но мы остановимся на болѣе современной критикѣ сибирскаго учрежденія, принадлежащей добросовѣстному изслѣдованію г. Вагина.

„Сибирское учрежденіе имѣетъ другіе, болѣе очевидные въ наше время недостатки, возбуждаетъ другіе, болѣе серьёзные вопросы,—говоритъ онъ. Первымъ условіемъ программы Сперанскаго были гласность и публичность дѣйствія власти. Но именно этого условія и не выполняетъ учрежденіе. Оно замыкаетъ дѣятельность власти въ тѣсный кругъ канцелярій и присутствій, и тѣмъ самымъ налагаетъ на нее характеръ бюрократизма, а не гласности и публичности. Въ сибирскомъ учрежденіи нигдѣ не постановлено того, чтобы постановленія совѣтовъ обнародовались во всеобщее свѣдѣніе. Слова программы о публичности и гласности дѣйствій власти остались безъ всякаго приложенія въ самомъ законѣ. При отдаленности правительственнаго надзора, при слабости общественнаго мнѣнія, недостатокъ публичности и гласности давалъ исполнителямъ возможность обходить и даже прямо нарушать его, безъ опасенія, что такіе поступки ихъ получатъ полную извѣстность",—замѣчаетъ г. Вагинъ.

Другой важный недостатокъ составляетъ, по мнѣнію г. Вагина, та слабая степень самостоятельности, какую, по учрежденію Сперанксаго, представляетъ организація мѣстныхъ совѣтовъ. Членамъ совѣтовъ предоставлено важное право,—право и единоличнаго и коллективнаго протеста; но члены совѣтовъ, хотя высоко поставленные въ составѣ мѣстной администраціи, находятся въ прямой зависимости отъ генералъ-губернатора, или губернатора, и потому не могутъ съ полною свободою употреблять свое право протеста. „Всякій дорожитъ своимъ мѣстомъ", справедливо замѣчалъ Геденштромъ. Притомъ самое право протеста было весьма ограничено. Къ тому же, можно было всегда обойти протестъ и принять самую противозаконную мѣру, не внося ея въ совѣтъ. По дѣламъ же, лично зависящимъ отъ начальника, право протеста вовсе не имѣетъ мѣста и произволъ можетъ царить во всей силѣ. Такимъ образомъ, самое главное установленіе,

на которомъ созидалось управленіе, не достигало своей цѣли [1]). Сибирское учрежденіе, кромѣ того, было составлено „наскоро", присовокупляетъ г. Вагинъ, и ясное и понятное лишь для самого Сперанскаго — оно оставляло широкій просторъ для произвольныхъ толкованій другимъ.

Мало того, въ своемъ проектѣ о сибирскомъ управленіи Сперанскій не только не былъ прогрессивнѣе другихъ, но стоялъ даже ниже въ своихъ требованіяхъ другихъ государственныхъ людей. Указывая главные и существенные недостатки въ проектѣ Сперанскаго, г. Вагинъ говоритъ: „невольно является вопросъ, почему Сперанскій не воспользовался мыслью Козодавлева—ввести выборный элементъ въ высшее сибирское управленіе? Ему были извѣстны личности, совершенно способныя для выборовъ въ этомъ случаѣ, довольно недюжиннаго ума и порядочно образованныя для того времени. Вѣроятно онъ поразился, — говоритъ г. Вагинъ,—тѣмъ безмолвнымъ, порабощеннымъ состояніемъ, въ какомъ даже нынѣ находятся служащіе по выборамъ, во всѣхъ смѣшанныхъ учрежденіяхъ. Эта зависимость объяснялась однако очень просто, какъ положеніемъ городскихъ и сельскихъ обывателей въ общей лѣстницѣ сословій, такъ ихъ и невѣжествомъ". Но недостатки эти, по мнѣнію г. Вагина, были исправимы. Тѣмъ не менѣе участіе выборныхъ лицъ, присовокупляетъ онъ, въ мѣстныхъ главныхъ совѣтахъ могло быть устроено и на лучшихъ началахъ. При хорошей организаціи выборовъ, могли избираться лучшіе люди страны, люди независимые и по уму, и по характеру, и по своему положенію. Такъ какъ такихъ людей требовалось бы немного, то и выборъ ихъ не былъ бы особенно затруднителенъ. Если бы даже большинство ихъ и предавалось обычной нашей апатіи къ общественнымъ дѣламъ, то изъ среды ихъ могли время отъ времени выдаваться личности, которыя вполнѣ сознавали бы свое назначеніе и выполняли его съ энергіею и достоинствомъ. Появленіе такихъ личностей въ кругу зависимаго чиновничества, участіе ихъ въ дѣлахъ и вліяніе ихъ приносило бы несомнѣнную пользу. Во всякомъ случаѣ, участіе выборныхъ и въ извѣстной степени независимыхъ лицъ въ высшемъ управленіи страною служило бы обезпеченіемъ противъ произвола, и— что̀ еще важнѣе, и что̀ принесло бы положительную пользу — участіе людей, близко знакомыхъ съ страною и тѣсно связанныхъ

[1]) Однако, мѣры, предложенныя Сперанскимъ, столь были ничтожны и неудовлетворительны, что «сибирскій комитетъ» призналъ нужнымъ составить совѣтъ главнаго управленія, хотя отчасти, изъ особыхъ чиновниковъ, неподчиненныхъ генералъ-губернатору.

съ ней своими интересами, могло помогать высшей администраціи въ знакомствѣ съ положеніемъ и нуждами края, особенно въ экономическомъ отношеніи. По всему этому нельзя не пожалѣть, что Сперанскій не воспользовался мыслью Козодавлева, если это зависѣло отъ него, а не отъ обстоятельствъ.

Изъ матеріаловъ видно, что проектъ Козодавлева былъ извѣстенъ Сперанскому, что́ доказывается письменнымъ отвѣтомъ на записку его. „Въ теоріи я совершенно встрѣтился съ вашими мыслями,—писалъ Сперанскій,—*на практикѣ не знаю*, но употреблю всѣ усилія согласить ихъ“. Но, вѣроятно, въ это время убѣжденія Сперанскаго вообще не особенно клонились къ выборному началу. Изъ его управленія въ Сибири видно, что онъ подавилъ и уничтожилъ его даже тамъ, гдѣ оно существовало прежде, какъ въ городской и земской полиціи. „Сибирскимъ обывателямъ выборы нерѣдко *обременительны*“, писалъ онъ въ сибирскомъ положеніи. Подавленіе выборнаго начала было тѣмъ гибельнѣе, что общество лишалось послѣдней силы и средства защиты. Одинъ изъ иркутскихъ старожиловъ, Н. П. Булатовъ, говоритъ, что „купечество до Трескина было такъ сильно, что пять или шесть губернаторовъ сряду были смѣнены по ихъ жалобамъ“. Послѣ террора Пестеля и реформы Сперанскаго, городскія общества навсегда потеряли свою силу и самостоятельность. Мѣры его были совершенно противоположны въ это время мыслямъ Козодавлева о значеніи выборнаго начала въ городахъ.

Въ своемъ проектѣ, какъ видимъ, Сперанскій не рѣшился ввести въ совѣты даже другихъ должностныхъ лицъ, кромѣ занимающихъ уже извѣстныя должности на мѣстѣ. Совѣтъ предполагалось составить изъ губернатора и предсѣдателей губернскихъ мѣстъ. Эти недостатки самъ Сперанскій сознавалъ и дѣлалъ такія объясненія въ своемъ отчетѣ. „*Правильнѣе* было бы составить такой совѣтъ изъ лицъ, мѣстному управленію постороннихъ. Но, *во-первыхъ*, составить его изъ дворянства или купечества невозможно потому, что тамъ, въ Сибири, нѣтъ дворянства и весьма мало купечества; *во-вторыхъ*, составить совѣтъ изъ чиновниковъ постороннихъ было бы противно экономіи въ людяхъ.—Впрочемъ, когда Сибирь болѣе будетъ имѣть населенія, когда богатства ея придутъ въ бо́льшее движеніе и доходы умножатся, тогда можно будетъ составить совѣтъ главнаго ея управленія изъ людей *высшаго сословія*, сіе не сдѣлаетъ существенной перемѣны въ предполагаемомъ нынѣ учрежденіи“. Такое поведеніе Сперанскаго въ Сибири, неоправдавшее ожиданій, невольно возбуждало удивленіе изслѣдователей, припоминая прежнюю роль его, какъ

реформатора, а потому стараются объяснить эту непослѣдовательность Сперанскаго только исключительностью его положенія.

Историческіе матеріалы указываютъ, что положеніе Сперанскаго въ Сибири дѣйствительно не было спокойнымъ и увѣреннымъ. Изъ писемъ къ Кочубею видно, что во время отъѣзда Трескина онъ даже опасается, чтобы тотъ не вернулся въ Сибирь, снова оправдавшись. Точно также онъ зналъ, что Пестель въ Петербургѣ имѣлъ связи у Аракчеева. Враги не оставляли Сперанскаго и въ Сибири, какъ видно изъ той же переписки. Въ Петербургѣ интриговали и старались увѣрить, что онъ даже „безбожникъ, не вѣруетъ во Христа“ и т. п., хотя Сперанскій былъ религіознѣе враговъ своихъ. Въ одно время нападаетъ на него отчаяніе и рѣшимость выдти въ отставку и ѣхать умирать въ Пензу. Такое положеніе для реформатора не особенно было выгодно, особенно при его стремленіи во что́ бы то ни стало добиться пріѣзда въ Петербургъ. Стремленія Сперанскаго въ эту эпоху ограничивались, какъ видно, устраненіемъ произвола и взяточничества въ администраціи, что̀ онъ думалъ сдѣлать, замкнувъ дѣятельность администраторовъ въ строгія формы и правила, ограничивъ ихъ законами и взаимнымъ контролемъ. Онъ полагалъ, что „точно опредѣленныя правила для чиновниковъ поставятъ оплотъ отъ злоупотребленій и неразумѣнія“. Проведеніе строгаго коллегіальнаго и канцелярскаго порядка составляло постоянный предметъ его дѣятельности. Принимая во вниманіе, что такой порядокъ въ свое время составлялъ замѣну старо-приказнаго произвола и продажности, мы должны признать, что стремленія Сперанскаго были до извѣстной степени прогрессивны. Въ головѣ Сперанскаго выработывался новый административно-бюрократическій типъ безкорыстнаго чиновника. Онъ стремился къ введенію законности вмѣсто прежняго произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданій.

Достигло-ли учрежденіе Сперанскаго всѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился? Установленіе Сперанскаго существовало около 50-ти лѣтъ, и послѣ него этотъ опытъ далъ достаточные результаты въ Сибири, чтобы судить о немъ. Придуманные Сперанскимъ совѣты далеко не оправдали своего назначенія: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантіей отъ злоупотребленій, ни ограничивали власть отдѣльныхъ начальниковъ. Совѣты явились вполнѣ имъ подчиненными и были только „ширмами для генералъ-губернаторской власти“, какъ выразился одинъ изъ критиковъ позднѣйшаго сибирскаго управленія, Дм. Завалишинъ, въ письмахъ о Сибири, въ „Моск. Вѣд.“, 1865 и

1866 гг. Генералъ-губернаторская власть, по-прежнему усиливаясь и сосредоточивая въ себѣ всѣ части управленія, понемногу воротилась къ прежнему вицеройству, къ прежней регламентаціи, а губернаторская власть или была безсильна противъ злоупотребленій, или относилась равнодушно къ нимъ. Такимъ образомъ, планъ Сперанскаго въ главныхъ чертахъ совершенно оказался практически несостоятельнымъ, онъ имѣлъ слабыя гарантіи, а потому и началъ разрушаться при его преемникахъ. Правила, начертанныя Сперанскимъ, никѣмъ не исполнялись, и одинъ путешественникъ по Сибири отзывался, что уложеніе было утопіей, дарованной испорченнѣйшему въ мірѣ обществу. Послѣ Сперанскаго, Рупертъ, управлявшій Камчаткой, выразился, что онъ такъ связанъ, что можетъ зла сдѣлать сколько угодно, а добра нисколько (Sibirien, Kottrell. Dresden und Leipzig, 1846 г.). Правда, вину въ бездѣятельности созданныхъ учрежденій трудно сваливать на одного Сперанскаго: этому было много причинъ, а между прочимъ и кратковременность пребыванія Сперанскаго; его личное вліяніе въ Сибири не могло еще укрѣпить въ народѣ чувства законности и независимости отъ произвола. Невозможно было также, чтобы положеніе дѣлъ вдругъ измѣнилось, потому только, что Сибири даны новые законы, тогда какъ *всѣ другія условія* сибирской *жизни остались по старому*. Большинство исполнителей вовсе было неспособно понять идеи Сперанскаго и провести ихъ въ свою дѣятельность, а тѣ, кто понималъ ихъ, искалъ только орудія для своихъ интересовъ. Многіе изъ преемниковъ и исполнителей плана Сперанскаго далеко не стояли на высотѣ своего призванія. По отъѣздѣ Сперанскаго явились намѣстники, которые стремились парализовать его планъ и дѣйствовать противно ему. Уже первый генералъ-губернаторъ западной Сибири Капцевичъ (протеже́ Аракчеева), съ самаго поступленія въ это званіе, сталъ ниспровергать тѣ правительственныя начала, коихъ введеніе и охраненіе составляло его обязанность. Вообще, мы не ошибемся, если скажемъ, что сибирскіе законы Сперанскаго никогда не дѣйствовали въ полной силѣ. Нѣкоторыя части ихъ даже вовсе не были приведены въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, особые законы для суда надъ инородцами и особое сельское положеніе для суда крестьянъ даже никогда не были изданы. Степныя думы, проектируемыя для инородцевъ, должны были доставить самостоятельное управленіе, подчиненное только общимъ окружнымъ управленіямъ, на практикѣ же онѣ подчинились земскимъ судамъ и сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ волостныхъ правленій. Вмѣшательство земской полиціи въ дѣла инородцевъ, устраняемое Спе-

ранскимъ, явилось прежнее. Права хозяйственнаго самоуправленія, данныя Сперанскимъ иркутскимъ казакамъ, были нарушены на первомъ же шагу и впослѣдствіи постоянно нарушались. Заселеніе ссыльными Сибири и пріученіе ихъ къ осѣдлости, согласно уставу о ссыльныхъ, проектированному Сперанскимъ, вовсе не удалось. Кромѣ того, начинали развиваться прежніе порядки. Послѣ Сперанскаго усилилась централизація министерствъ и парализовала власть и самостоятельность мѣстныхъ учрежденій; послѣднія же, по примѣру министерствъ, стремились усилить мѣстную централизацію. Сибирскіе генералъ-губернаторы пріобрѣли прежнюю силу и независимость, чему способствовало присоединеніе различныхъ вѣдомствъ. Искусственная регламентація снова входитъ въ привычки администраціи. Капцевичъ создавалъ военныя поселенія. Въ западной Сибири дѣлались попытки введенія опеки государственныхъ имуществъ, отжившихъ свое время во внутреннихъ губерніяхъ. Въ восточной Сибири цѣлыя населенія зачислялись въ казаки, которые напоминали аракчеевскія поселенія, и снова стали нисходить до трескинскаго строительства и вмѣшиваться въ мелочи городскаго хозяйства и архитекторской части. Одни украшали городъ, другіе ломали дома, третьи проектировали увеселенія, а главныя задачи управленія ускользали. Проявлялись отпрыски прежняго произвола и злоупотребленій. Такимъ образомъ даже тѣ слабыя предположенія и облегченія, къ которымъ стремился Сперанскій, не оправдались. Мѣстная администрація не улучшилась и дѣла шли по прежнему.—Уже въ 1827 г. накопившіяся злоупотребленія вызвали вновь ревизію въ Западной Сибири. Эта ревизія произведена была сенаторами княземъ Куракинымъ и Безроднымъ, въ 1846 и 1847 г. обстоятельства вызвали ревизію графа Толстого въ Восточной Сибири и въ 1851 г. слѣдовала третья ревизія члена государственнаго совѣта генералъ-адъютанта Анненкова. Всѣ эти ревизіи, и особенно послѣдняя, открывали полный безпорядокъ въ Сибири и множество злоупотребленій. Послѣ этого понятны отзывы мѣстныхъ жителей, приводимые г. Вагинымъ о времени Сперанскаго: „при немъ было получше — тише нѣсколько, а тамъ опять все пошло по старому“. Съ 1851 и до 1881 г., въ теченіи 30 лѣтъ, въ Сибири ревизій не было. Между тѣмъ нельзя не припомнить выраженія Сперанскаго „двѣнадцать лѣтъ безъ ревизіи и безъ надзора достаточны, чтобы разстроить и привести въ безпорядокъ наилучше устроенную губернію“. Понятны отсюда безпрестанно несущіяся изъ этого края жалобы, какъ и создавшаяся идея своего рода мессіанства, господствующая въ сибирскомъ обществѣ. Каждый

пріѣздъ новаго генералъ-губернатора вызываетъ здѣсь сенсацію и ожиданія, но надежды эти постоянно разрушались и общество терпѣло разочарованіе. До послѣдняго времени съ отъѣздомъ каждаго генералъ-губернатора изъ Сибири открывалась таже картина безпорядковъ. Такъ было съ отъѣздомъ графа Муравьева, генерала Синельникова и генерала Казнакова. Въ послѣднее 25 лѣтіе бывали времена полной распущенности и злоупотребленій, напоминавшихъ время до Сперанскаго [1]).

Режимъ генералъ-губернаторской власти въ Сибири поэтому вызвалъ слѣдующій приговоръ: „Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сдѣлать одинъ сановникъ, не знающій края, неопытный въ сибирскихъ дѣлахъ, передъ кучею злоупотребленій, вѣками утвержденныхъ, когда за рутину стоитъ весь подчиненный ему персоналъ, когда съ существованіемъ старыхъ порядковъ связаны матеріальные и моральные интересы всего чиновничества? Генералъ-губернаторъ Сибири не оскверняетъ себя взяткой, а любимцы его ведутъ интригу и подтасовываютъ назначенія. Цѣлый сонмъ исправниковъ, становыхъ, урядниковъ, распоряжающихся по своему, сильнѣе генералъ-губернатора. Они дѣлаютъ беззаконія ежедневно, ежегодно, въ тысячахъ сёлъ и деревень, безъ всякаго опасенія. Рискъ попасться — самый ничтожный: изъ сотни тысячъ беззаконій донесется одно; да и попробуйте уличить, найти свидѣтелей для опытнаго „стараго воробья“, хитраго на увертки и казуистику! Сибирскій засѣдатель и исправникъ привыкъ схватить кушъ, а тамъ хотя бы и подъ судъ: онъ обезпеченъ, дѣлается домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ.

Прямой интересъ мѣстной бюрократіи и политики ея состоятъ въ томъ, чтобы предубѣдить пріѣзжаго начальника края противъ мѣстнаго общества и населенія, чтобы закрыть дорогу къ жалобамъ и доступъ къ правдѣ.

И этого не разъ добивалось мѣстное чиновничество. Оно старалось внушить власти, что Сибирь изобильна и пристрастна къ „ябедничеству“. Такая политика практикуется съ Пестеля и Трескина въ Сибири. „Ябедникъ!“ Извѣстно, что значитъ прослыть въ Сибири ябедникомъ: это то же самое, что доносчикомъ на начальство, протестантомъ, крамольникомъ, который нетерпимъ въ обществѣ, и всякій пойметъ, чего это стоитъ при всемогуществѣ сибирской власти. Ябедникамъ угрожаютъ острогъ и высылка въ мѣста отдаленныя, и не разъ сибирскіе челобитчики и искатели правды платились такимъ образомъ. Наконецъ, сибирское чинов-

[1]) См. Нужны ли реформы въ Сибири? „Молва“ 1881 г. „Дореформенная Сибирь“ „Голосъ“ 1881 г. № 162.

ничество, ведя интригу, старается увѣрить, что сибирское общество не зрѣло, недоразвито, невѣжественно, грубо, что ему требуются „ежовыя рукавицы“, и, такимъ образомъ, играя властью и огромными полномочіями начальника, созданными на страхъ ему, обращаетъ его силу въ другую сторону. Такое предубѣжденіе и борьба съ обществомъ внушались въ Сибири самымъ лучшимъ сановникомъ, пріѣзжавшимъ принести пользу краю. Что-же выигрывала отъ этого власть въ Сибири? Во-первыхъ, она оставалась одинокою, разъединенною съ обществомъ, которое жило само по себѣ и питало только страхъ къ этой власти, не умѣвшей вникать въ его нужды. Во-вторыхъ, управитель Сибири чувствовалъ полное свое безсиліе, находился безъ почвы и внѣ жизни населенія. Испытавъ горечь уединенія, убѣдясь въ безсодержательности, притворствѣ и низости чувствъ мѣстной бюрократіи, окружавшей его, онъ спѣшилъ, какъ Сперанскій, поскорѣе оставить эту неблагодарную страну“. До правительства доходили одни частные случаи; болѣе общія понятія о положеніи дѣлъ оно могло имѣть только изъ отчетовъ. Но отчеты составляли сами исполнители, и повѣрять ихъ на мѣстѣ было невозможно. Ревизіи захватывали только одинъ извѣстный періодъ времени, и по окончаніи ихъ все могло идти по старому. Общественное мнѣніе если и было, то не имѣло для себя выраженія. Многіе вновь вводившіеся законы ослабили впослѣдствіи прежнія учрежденія, силившіяся ограничить генералъ-губернаторскую власть, а другихъ учрежденій не вводилось. Самыя существенныя, самыя полезныя реформы прошлаго царствованія, послѣ освобожденія крестьянъ, какъ новый судъ и земскія учрежденія и проч., еще не коснулись Сибири. Все это мало способствовало измѣненію къ лучшему сибирскаго управленія, и недостатки этого управленія столь явно нынѣ обнаружились, что, по мнѣнію правительства, требуется вновь разсмотрѣніе болѣе удобныхъ и сообразныхъ съ мѣстными условіями началъ управленія. Въ послѣднее время въ печати вновь начали появляться мнѣнія о необходимости реформъ въ Сибири. Неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ сибирской администраціи выражалось въ послѣднее время циркулярами генералъ-губернатора Синельникова, точно также публикуемыми распоряженіями генерала Фридерикса, указывавшаго на медленный ходъ дѣлъ и другіе безпорядки. То же обнаруживалось въ западной Сибири: тобольскій губернаторъ указывалъ недавно на накопляющіяся дѣла въ судебныхъ мѣстахъ.

Настоящее положеніе администраціи характеризуется, наконецъ, слѣдующими отзывами мѣстныхъ начальниковъ губерній.

Вотъ какъ отзывается начальникъ иркутской губерніи въ своемъ отчетѣ о положеніи дѣлъ: „въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ губерніи цѣликомъ сохранилась прежняя централизація, смѣшеніе власти, неравномѣрность въ распредѣленіи труда и бѣдность его вознагражденія. Судебныя учрежденія страдаютъ скопленіемъ дѣлъ въ судахъ первой степени, такъ что дѣла лежатъ по пяти и шести лѣтъ безъ движенія; судебная дѣятельность полиціи характеризуется тѣмъ фактомъ, что изъ стасемидесяти-одного уголовнаго дѣла, представленнаго на утвержденіе начальника, отмѣнено въ 1872 году—100“. О сельскомъ правленіи говорится слѣдующее: „въ волостныхъ правленіяхъ головы безграмотны, выправляютъ за нихъ писаря. Дѣлопроизводство въ волостныхъ правленіяхъ громадное, выпускаютъ до 20,000 нумеровъ въ годъ исходящихъ бумагъ; разнообразіе обязанностей требуетъ такой всесторонности, какой не можетъ добиться отъ своихъ органовъ даже губернская администрація. Кромѣ того, приносятся жалобы на злоупотребленія въ инородческихъ управахъ“. Все это можетъ исчезнуть, говоритъ начальникъ, когда будутъ въ Сибири учрежденія, коими пользуется и европейская Россія. Сибирскія же учрежденія отжили свое время. Относительно сибирскаго общества дѣлаются имъ слѣдующія замѣчанія: „общественныя потребности здѣсь не сознаются; нѣтъ крѣпко организованнаго общества, которое сознавало бы свою солидарность и умѣло управлять своими интересами. Недостатокъ этотъ обнаруживается тѣмъ, что золотопромышленники жертвуютъ сотни тысячъ на устройство театра, богадѣльни и юнкерской школы, а между тѣмъ никто ничего не пожертвовалъ на дѣло изученія причинъ эпизоотіи и проч.“ (Отчетъ начальн. иркут. губерн. за 1873 годъ). Точно также характеризуется положеніе дѣлъ въ томской губерніи: „главный недугъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ въ западной Сибири заключается въ постоянной медленности и накопленіи дѣлъ, — говоритъ начальникъ томской губерніи, — что́ происходитъ отъ недостатка развитыхъ дѣятелей. Мѣстныя учебныя заведенія, хотя и выпускаютъ каждый годъ извѣстное число воспитанниковъ, окончившихъ курсъ, но лучшіе изъ нихъ отправляются въ университеты и уже не возвращаются сюда; кто остается — не удовлетворяетъ потребности. Ожидать пріѣзда на службу способныхъ людей изъ внутреннихъ губерній имперіи невозможно, потому что тамъ представляется нынѣ болѣе обширное, нежели въ Сибири, поприще правительственной и общественной службы при весьма хорошемъ вознагражденіи. Въ Сибири же штаты прежніе и ограниченные:

столоначальникъ губернскаго правленія получаетъ 285 рублей жалованья въ годъ; помощникъ его—215 рублей. Между тѣмъ, по нынѣшнимъ цѣнамъ, лакей уже получаетъ 10 рублей въ мѣсяцъ, итого 120 въ годъ". Волостныя правленія, по отчету, не представляютъ ничего отраднаго; волостное начальство безграмотно, фактически управляютъ ими писаря изъ мѣщанъ и другихъ званій, наприм. изъ ссыльныхъ, несвязанные съ мѣстнымъ обществомъ никакими интересами, часто безнравственные и заботящіеся только о собственной своей выгодѣ; отсюда растраты, причемъ писарь остается въ сторонѣ, а отвѣчаютъ волостные начальники. Устранить это можетъ единственно развитіе грамотности и выборы изъ мѣстныхъ крестьянъ,—говоритъ начальникъ края.—Административный и судебный строй остается для Сибири тотъ же со времени Сперанскаго, т.-е. съ 1822 года,—прибавляетъ онъ,—особенно судебныя учрежденія, несмотря на увеличеніе населенія и переполненіе края элементомъ ссыльныхъ; поэтому нынѣ дѣйствующія учрежденія не могутъ справиться съ громаднымъ количествомъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. До сихъ поръ принимаемыя мѣры оказываются паллативными и все вызываетъ необходимость судебной реформы въ Сибири во всемъ составѣ (Отчетъ начальника томской губерніи за 1873 годъ). Подобные же отзывы мы находимъ о другихъ областяхъ Сибири. Наконецъ, это свидѣтельствуется и другими фактами: послѣднее время генералъ-губернаторъ Казнаковъ застаетъ западную Сибирь далеко не въ утѣшительномъ видѣ, какъ объ этомъ писалось. Пріѣздъ его напомнилъ пріѣздъ Сперанскаго въ Сибирь, жители осыпали его прошеніями и жалобами. Во время его ревизіи обнаружены многія злоупотребленія и недостатки. Не вдаваясь въ подробности, мы можемъ замѣтить, что настоящій моментъ во многомъ сходствуетъ съ эпохою, которую переживала Сибирь передъ пріѣздомъ Сперанскаго—также чувствуется потребность перемѣнъ и обновленія. Какъ тогдашняя Сибирь во многомъ отставала отъ Россіи, такъ и нынѣшняя отстаетъ и не похожа на внутреннія губерніи, живущія послѣ реформъ прошлаго царствованія другою жизнію. Эпоха, на которую простирались учрежденія Сперанскаго, какъ видно, оканчиваетъ свое существованіе и отжила свое время, а съ этимъ вмѣстѣ является къ учрежденіямъ Сперанскаго болѣе независимое и критическое отношеніе.

Какъ бы мы ни объясняли обстоятельствами неудачи учрежденія Сперанскаго, которое было и не вполнѣ введено, тѣмъ не менѣе мы приходимъ къ заключенію, что основныя цѣли его

программы—контроль, гласность и „публичность“ управленія—не были имъ достигнуты вслѣдствіе существенныхъ недостатковъ самого учрежденія, начертаннаго имъ. И ошибка была въ принципѣ. Сперанскій слишкомъ положился на одни оффиціальныя, коллегіальныя учрежденія и не обратилъ вниманія на другія стороны общественной жизни, которыя должны были способствовать администраціи и питать самыя учрежденія. Онъ мало придавалъ значенія общественному развитію и подготовленію общества и администраціи къ той дѣятельности, которую долженъ былъ всегда имѣть законодатель въ будущемъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ г. Вагина: „Но жизнь народа зависитъ не отъ однихъ учрежденій административныхъ. Она развивается подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій. Эти условія иногда гармонируютъ между собою, иногда противодѣйствуютъ одно другому. Отъ взаимнодѣйствія или противодѣйствія ихъ зависитъ бо̀льшая или меньшая быстрота народнаго развитія, то или другое направленіе народной жизни; но ни въ какомъ случаѣ народная жизнь не можетъ зависѣть исключительно отъ одного изъ этихъ условій. Учрежденіе страны именно только одно изъ условій народной жизни,—правда, одно изъ важнѣйшихъ, но во всякомъ случаѣ не единственное. Невозможно приписывать· однимъ только учрежденіямъ успѣхъ или упадокъ народной жизни; можно только показать мѣсто, какое они имѣли въ кругу другихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій. Степень вліянія однихъ и тѣхъ же учрежденій на народную жизнь можетъ быть совершенно различна; здѣсь многое,—если не все, — зависитъ отъ обстоятельствъ“. По этому поводу авторъ указаннаго сочиненія о Сперанскомъ старается обратить вниманіе на тѣ элементы, изъ которыхъ слагалась сибирская жизнь и общее ея теченіе подъ вліяніемъ различныхъ условій. Сибирь никогда не знала крѣпостного права; но, къ сожалѣнію, вліяніе и привычки крѣпостнаго права отразились и въ Сибири, — они выразились въ самовластіи и опекѣ, переносимыхъ изъ Россіи разными дѣятелями. „Права и бытъ людей, — говоритъ г. Вагинъ, — подъ вліяніемъ такихъ дѣятелей измѣнились далеко не къ лучшему, и нерѣдко появлялось между ними то царство террора, къ которому были способны только начальники, воспитанные въ духѣ Аракчеевскихъ поселеній или бывшихъ кадетскихъ корпусовъ“. Къ числу важныхъ, задерживавшихъ развитіе общества, условій, кромѣ того, авторъ относитъ отсутствіе и недостатокъ на мѣстѣ образованія. Народное образованіе шло здѣсь чрезвычайно медленно. Сельскія училища, такъ сильно поддер-

жанныя Сперанскимъ, были бо́льшею частью закрыты при его преемникѣ. Въ западной Сибири только послѣ 50-хъ годовъ сдѣланы попытки къ учрежденію этихъ училищъ. Кромѣ двухъ гимназій, существовавшихъ при Сперанскомъ, только въ концѣ 30-хъ годовъ была открыта третья гимназія въ Томскѣ, и затѣмъ въ 1869 г. въ Красноярскѣ. Число училищъ осталось то же, какое было при Сперанскомъ!

При Спернскомъ была мысль о высшей школѣ для Сибири, мысль объ университетѣ, которая существовала еще съ 1803 года, но не была рѣшительно ни поддержана, ни настойчиво проведена. Вообще, въ мѣстной администраціи этотъ вопросъ долго игнорировался, хотя потребность просвѣщенія все болѣе росла. Отсутствіе высшаго учебнаго заведенія въ Сибири лишало администрацію возможности пріобрѣсти на мѣстѣ свой контингентъ образованныхъ людей. Сперанскій писалъ, что учрежденія безъ людей тщетны, и что законы не могутъ исполняться безъ исполнителей. Недостатокъ людей онъ считалъ величайшимъ препятствіемъ къ осуществленію наилучшихъ даже узаконеній; Сибирь же должна была довольствоваться только пріѣзжими образованными людьми. Самъ Сперанскій думалъ не столько о юридическомъ образованіи для мѣстныхъ дѣятелей, сколько о преимуществахъ для привлеченія чиновниковъ; такъ—онъ проектировалъ раздачу земель за выслугу, которая не повела ни къ чему и благоразумно была отмѣнена правительствомъ. Въ первое время Сперанскій замѣчалъ уже съ горечью, что въ Сибирь ѣдутъ только „титулярные совѣтники“, т.-е. люди невѣжественные, которые вслѣдствіе указа, изданнаго объ университетскихъ экзаменахъ, не имѣютъ никакой надежды служить въ Россіи. Впослѣдствіи также вводились различныя привлеченія на службу въ Сибирь, какъ—двойные прогоны и половина годоваго жалованья, но контингентъ чиновниковъ не былъ удовлетворительнѣе. „Большинство всегда увлекали въ Сибирь слухи, что Сибирь золотое дно,—говоритъ г. Вагинъ,—что въ ней можно нажиться службой лучше и скорѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговлей. Всѣ эти господа не имѣли ничего общаго съ Сибирью; имъ были чужды ея нужды и интересы; они не имѣли ни малѣйшаго понятія о положеніи и учрежденіи края, которому намѣревались посвятить свою дѣятельность, ни желанія принести этою дѣятельностью дѣйствительную пользу краю. Они заботились исключительно о своихъ личныхъ цѣляхъ, а эти цѣли нерѣдко стояли въ разрѣзъ съ пользами края. Эти люди могли быть полезны только случайно, только тогда, если это было согласно съ личными ихъ

выгодами; при этомъ, у нихъ не всегда доставало и умѣнья на что-нибудь полезное. Такими-то лицами долгое время наполнялась низшая администрація Сибири". Однимъ словомъ, въ Сибири выразилось рѣзко явленіе, извѣстное въ наше время подъ именемъ *ташкентства*, и носившее свое мѣстное названіе. Являвшіеся на службу образованные люди точно также не могли дать прочнаго развитія обществу, такъ-какъ они пріѣзжали на время и далеко не сливались съ обществомъ, не составляли ничего съ нимъ единаго. Въ силу этого недостатка людей, самые лучшіе администраторы оставались одинокими и безсильными въ борьбѣ съ сибирскими безпорядками. Въ такомъ положеніи находились графъ Муравьевъ-Амурскій, Деспотъ-Зеновичъ и мн. др., пробовавшіе искоренять мѣстныя злоупотребленія. Мѣстные начальники жалуются на постоянный недостатокъ людей и на то, что истинно образованныхъ лицъ сюда привлечь трудно. При недостаткѣ образованія само общество грубѣло; оно не имѣло у себя никакой интеллигенціи, не могло создать ни ученыхъ, ни человѣколюбивыхъ, ни литературныхъ учрежденій, ни сколько-нибудь смягчить свои нравы. При общемъ невѣжествѣ не могло выработаться ни здраваго общественнаго мнѣнія, ни чувства собственнаго достоинства. То, что въ другихъ мѣстахъ ограничивало произволъ или самовластіе, здѣсь потакало ему: Самый составъ общества въ отдаленной Сибири, состоящій изъ торговаго класса, подчиненныхъ чиновниковъ, бѣдныхъ мѣщанъ, безмолвныхъ крестьянъ и дикихъ инородцевъ, не имѣлъ никакого настоятельнаго значенія и не могъ противопоставить никакого отпора произволу. Дмитрій Завалишинъ, въ „Письмахъ о Сибири" выражается, что магическое слово — острогъ — могло наложить въ Сибири всегда печать молчанія на мѣстнаго обывателя. Правдиваго слова поэтому не раздавалось, а общество искало заднихъ путей, что способствовало какъ развитію злоупотребленій, такъ и пониженію нравовъ. Подобострастіе, грубая лесть невѣжественнаго общества, была всегда къ услугамъ самаго маленькаго начальника въ Сибири и баловала его самого, если онъ только не былъ достаточно отъ нея гарантированъ собственнымъ достоинствомъ. Обѣды, торжества и овація начальству, какъ пишетъ одинъ туристъ, вошли здѣсь въ пріятную обязанность. Эта лесть деморализировала обѣ стороны. Сибирскихъ начальниковъ увѣряли, что остяки, напримѣръ, желаютъ поставить монументъ въ честь ихъ и собрали на это пожертвованія, или, что иркутскіе бурята назначили стипендіи въ иркутскомъ благородномъ институтѣ дѣвицъ и т. п., между тѣмъ какъ подобныя обольщенія давали

поводъ къ новымъ поборамъ. При невѣжествѣ, при забитости жителей, Сибирь оставалась страной безгласности. Если въ Россіи съ реформами развивались новыя требованія жизни, гласность, общественное мнѣніе, мѣшавшее злоупотребленіямъ; если русское общество освѣжилось при помощи многочисленныхъ университетовъ, то въ Сибири ничего этого не было, и она жила, полная до-реформенныхъ нравовъ.

Ко всему этому надо присоединить крайне не-нормальныя условія экономической жизни въ Сибири, точно также дававшія особое направленіе жизни. Откупа, золото, винокуреніе, монопольное пароходство, разныя спекуляціи въ 30-хъ годахъ наполняютъ сибирскую жизнь и овладѣваютъ ею. Чиновничество немогло удержаться отъ общаго натиска, оно пускается спекулировать. Уровень его безкорыстія сильно падаетъ. Въ сороковыхъ годахъ администрація Сибири представляетъ множество слабыхъ сторонъ, а преданія сохраняютъ грандіозные подвиги сибирскаго чиновничества на поприщѣ обогащенія. Подлѣ суроваго генералъ-губернатора Горчакова, подъ бокомъ являются чиновники, которые составляютъ громадныя состоянія спекуляціями. Совѣтники губернскихъ правленій пустились въ золотопромышленность. Полицеймейстера и жандармскіе штабъ-офицеры получали доходъ отъ тайной продажи и контрабанды золотомъ, какъ и поборами съ золотопромышленниковъ. Горные исправники пріобрѣтали по сотнѣ тысячъ, потакая злоупотребленіямъ золотопромышленниковъ и откупщиковъ, даже волостные писаря отъ найма рабочихъ пріобрѣтали по 6000 р. годового дохода. Были уголки въ Сибири, потонувшіе въ неимовѣрной роскоши, какъ Алтайскій горный округъ съ горнымъ чиновничествомъ, расхищавшіе промыслы и богатства кабинета [1])". Разныя монополіи, откупа, золотопромышленность развивали частныя злоупотребленія. Золотопромышленность пріобрѣла вскорѣ преобладающее вліяніе на весь экономическій бытъ. Вмѣстѣ съ ней развилась спекуляція, развращеніе нравовъ, подкупы. Благодаря ей, съ одной стороны формировалось могучее сословіе монополистовъ, съ другой—эксплуатація населенія. Въ общемъ своемъ вліяніи привлекая капиталы, она значительно сдерживала развитіе въ Сибири нѣкоторыхъ наиболѣе свойственныхъ ей отраслей промышленности.

Въ странѣ не развивалось долго прочной заводской промышленности, за то какъ въ странѣ, стоявшей на низкой степени культуры, пользующейся привозной мануфактурой въ кредитъ—

[1]). См Администрація въ Сибири, газета «Недѣля» 1873 г. № 15 и Исторія горнаго міра, «Недѣля» 1881 г.

въ ней распространилась громадная зависимость крестьянъ и инородцевъ отъ торговца и кулака и всѣ злоупотребленія долговаго закабаленія, въ которое поставлены цѣлыя области, въ родѣ Березовскаго, Туруханскаго края, Забайкалья и другихъ мѣстъ.

Особенно было печально положеніе инородцевъ, обреченныхъ на притѣсненія, бѣдствія и, наконецъ, вымираніе. Инородческій бытъ представляетъ самую мрачную картину мѣстной жизни, и борьба администраціи противъ угнетенія инородца до послѣдняго времени была безсильна.

Подобныя условія, задерживая развитіе края, отвлекаютъ жизнь общества въ другую сторону, покрываютъ страну злоупотребленіями и ставятъ затрудненія для администраціи. Общество здѣшнее требовало, поэтому, особенныхъ заботъ объ его воспитаніи, пробужденія въ немъ законности, нравственныхъ чувствъ, солидарности и общественной дѣятельности въ помощь администраціи. А этого и не могли дать учрежденія Сперанскаго, — напротивъ, они сами постоянно парализовались общественною жизнью. Чтобы пробудить общество къ жизни и призвать его къ дѣятельности, необходимы были другія средства, о которыхъ не думалъ Сперанскій и мысль о которыхъ, можетъ быть, не созрѣла въ сознаніи тогдашняго общества. Только въ послѣднее время высказывается, что Сибири необходимы университетъ, земство, гласный судъ, просвѣщеніе, развитіе литературы и науки, открытіе путей гласности и созданіе здраваго общественнаго мнѣнія, могущихъ двинуть жизнь общества на новую дорогу.

Выборное начало, что̀ считалъ необходимымъ министръ Козодавлевъ и имѣлъ въ виду для будущаго Сперанскій, всего легче можетъ быть нынѣ выполнено при посредствѣ земства. Тамъ, гдѣ администрація, какъ убѣждаетъ трехсотлѣтній опытъ, употребляетъ тщетныя усилія къ искорененію злоупотребленій, естественнѣе всего обратиться къ самоуправленію и дать бо̀льшій просторъ ему, создавъ изъ него самый дѣйствительный контроль.

Что касается установленія вообще новыхъ взглядовъ Сперанскимъ на страну, то мы видимъ, по крайней мѣрѣ въ первое время,—они не отличались ничѣмъ особеннымъ; взгляды его во многомъ сходились даже со старинными воззрѣніями на Сибирь. Въ первое время онъ смотрѣлъ на нее, какъ „на мѣсто, пригодное только для ссылки, но не какъ на мѣсто для жизни и гражданственности, основанной на хлѣбопашествѣ и промышленности“. „Сибирь—просто Сибирь“, писалъ онъ къ дочери.

Впослѣдствіи, болѣе ознакомившись съ краемъ и особенно объѣхавъ югъ Сибири, онъ нѣсколько разубѣдился. Въ это время

о югѣ томской губерніи онъ писалъ Гурьеву, какъ о „краѣ — благословеннѣйшемъ не только въ Сибири, но и въ цѣлой Россіи. Природа его назначила къ сильному и богатому населенію, — говоритъ онъ,—металлы составляютъ только часть и, можно сказать, не самую важную часть внутренняго его достоинства. Всѣ почти роды хозяйства, и въ самомъ бо́льшемъ размѣрѣ, могутъ быть въ немъ устроены". Впослѣдствіи, точно также онъ перемѣнилъ и другое мнѣніе, а именно, что Сибирь населена исключительно ссыльными. Наконецъ, онъ выражалъ мнѣніе, что „Сибирь достойна и по всѣмъ отношеніямъ требуетъ государственныхъ соображеній", и говорилъ, что онъ открылъ Сибирь, какъ Ермакъ, для Россіи; конечно, онъ разумѣлъ подъ этимъ то, что онъ установилъ своимъ управленіемъ на нее гражданскую точку зрѣнія, но ознакомиться вполнѣ съ нуждами края онъ, конечно, не могъ. Къ сожалѣнію, лучшіе взгляды и воззрѣнія Сперанскаго не получили популярности и не прошли въ общество, за то другіе взгляды долго продолжали еще жить. Сибирь оставалась и послѣ него по-прежнему—„просто Сибирью". Въ сороковыхъ годахъ думали даже, что Сибирь не можетъ приносить никакой выгоды Россіи, что все пространство отъ Алтая до Ледовитаго океана осуждено природой оставаться ледяной пустыней и не имѣетъ никакого, ни промышленнаго, ни гражданскаго значенія. Мнѣнія эти, конечно, были въ высшей степени странны относительно мѣстности въ 240,000 кв. миль, съ разнообразнымъ климатомъ и неисчислимыми, нетронутыми богатствами.

Многія нужды и потребности края при Сперанскомъ еще не были выяснены. Такъ, Сибирь остается штрафной колоніей. Благодаря штрафному назначенію, гражданственность сибирскихъ областей надолго задерживалась; точно также онѣ не могли воспользоваться многими правами, доступными другимъ областямъ Россіи: для ссыльныхъ, конечно, не полагалось реформъ. Только нынѣ, по мѣрѣ развитія гражданственности и съ лучшимъ выясненіемъ промышленнаго, экономическаго и политическаго значенія этого края, установляются на него болѣе благопріятныя воззрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и жизнь края выдвигаетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ вопросовъ о значеніи ссылки, о свободной колонизаціи, о соединеніи края съ Европой желѣзными путями, вопросъ инородческій, промышленный, вопросъ о развитіи силъ края и пробужденія общественной жизни и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, краю придается все болѣе государственное значеніе. Въ дѣлѣ культуры, цивилизаціи и торговли въ Азіи ему указывается уже теперь

видная роль въ будущемъ, точно также какъ широкое и богатое развитіе въ условіяхъ его гражданской жизни.

Нечего говорить, что многое не могло быть предугадано во времена Сперанскаго. Нынѣшній законодатель и реформаторъ можетъ стоять уже на другой точкѣ зрѣнія: то, что̀ при Сперанскомъ могло быть главнымъ, то можетъ считаться побочнымъ, и наоборотъ.

Немудрено понять поэтому, что современныя нужды управленія, а также административная реформа въ Сибири разсматривается нынѣ нѣсколько съ иной точки зрѣнія. Прежнимъ сибирскимъ учрежденіямъ съ ихъ сложнымъ бюрократическимъ механизмомъ и генералъ-губернаторской властью не приписывается болѣе всеисцѣляющая сила [1]).

Всѣ соображенія по этому поводу заставляютъ нынѣ склоняться скорѣе за упраздненіе и въ крайнемъ случаѣ за уменьшеніе генералъ-губернаторствъ на Востокѣ, чѣмъ за ихъ поддержаніе. Сокращеніе оренбургскаго генералъ-губернаторства въ 1881 году дѣлаетъ весьма видный шагъ въ управленіи восточными областями и степями по преимуществу. Отъ подобныхъ сокращеній выиграетъ только бюджетъ и ускорится проведеніе гражданскихъ и культурныхъ началъ въ жизнь населенія. Что касается управленія сибирскими губерніями восточной и западной Сибири, то обладая русскимъ полноправнымъ населеніемъ, они не нуждаются болѣе въ „особенностяхъ управленія“. Весьма продолжительный опытъ доказалъ ясно, что такія особенности не послужили гарантіей ни отъ злоупотребленій, ни отъ самовластія, напротивъ сибирскіе генералъ-губернаторы со времени Сперанскаго, наперекоръ духу „сибирскихъ учрежденій 1822 г.“ и существующему законодательству, стремились расширить свою власть, сосредоточить подчиненіе всѣхъ вѣдомствъ и этимъ уничтожить всякій взаимный контроль и почву правильнаго развитія законности. Во все время трехсотлѣтняго существованія края не было обстоятельствъ, когда бы генералъ-губернаторскія уполномочія явились необходимыми. Все, что мы видимъ въ исторіи управленія края, это—постоянную борьбу центральной власти съ намѣстническими наклонностями, вице-ройствомъ и закононарушеніями мѣстныхъ управителей. Такова исторія генералъ-губернаторствъ, начиная съ Гагарина, Якоби и кончая игрою въ честолюбіе позд-

[1]) По послѣднимъ извѣстіямъ есть предположеніе образовать только пограничныя генералъ-губернаторства на Амурѣ, въ Туркестанѣ и въ Киргизскихъ степяхъ. Остальныя же губерніи Сибири привести на общее положеніе съ уничтоженіемъ существующихъ особенностей.

нѣйшихъ администраторовъ. Многіе дѣятели, знающіе исторію края, съ упраздненіемъ генералъ-губернаторствъ на востокѣ предвидятъ устраненіе послѣднихъ препятствій и противодѣйствующихъ силъ гражданскимъ реформамъ въ Сибири. Такая власть по существу не могла переносить какихъ-либо самостоятельныхъ и огражденныхъ закономъ учрежденій, въ томъ числѣ даже и „Новаго Городового Положенія“. Вотъ почему общественный голосъ и высшая власть одинаково признаютъ своевременность упраздненія сибирскихъ генералъ-губернаторствъ. Изъ этого слѣдуетъ, что административная реформа въ Сибири не можетъ ограничиться въ данную минуту одною внѣшностью и размежеваніемъ раіоновъ управленія. Вѣроятно, потребуются измѣненія по существу и замѣны старыхъ учрежденій новыми. Въ Сибири, какъ и вездѣ, предстоитъ выдѣленіе военной власти отъ гражданской, которыя нынѣ соединены въ лицѣ генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, выдѣленіе функціи суда отъ администраціи, что можетъ быть достигнуто введеніемъ новыхъ судебныхъ учрежденій, уничтоженіе особенностей административнаго управленія и введеніе общаго положенія по управленіи губерніями съ подчиненіемъ губернскихъ учрежденій министерствамъ, а не генералъ-губернаторамъ, наконецъ выдѣленіе отъ администраціи дѣлъ по земскому хозяйству и призваніе общественныхъ и земскихъ силъ къ содѣйствію и удовлетворенію насущныхъ своихъ потребностей. Одно губернское управленіе мало принесетъ еще пользы. Губернская и особенно земско-полицейская администрація безсильна совладать съ многосторонними земскими нуждами, она не можетъ ни содѣйствовать грамотности и просвѣщенію, ни помочь народному здравію, ни регулировать повинности. Это сознаютъ хорошо сами мѣстные администраторы, представляя единственнымъ оправданіемъ, что у нихъ нѣтъ другихъ органовъ кромѣ засѣдателей и исправниковъ. Такимъ образомъ одна реформа губернской администраціи немыслима нынѣ безъ помощи другихъ учрежденій общественныхъ и земскихъ. Это тѣ самые органы, о которыхъ мечталъ Сперанскій и Козодавлевъ. Ко введенію тѣхъ же реформъ въ Сибири, какія введены въ европейской Россіи, теперь не можетъ встрѣтиться препятствій, принимая во вниманіе гражданское развитіе населенія, земскую силу его, податныя обязанности, общественныя повинности, которыя несетъ мѣстное населеніе наравнѣ съ другими областями Имперіи. Только при участіи земскихъ силъ достигнется тотъ контроль въ земскомъ хозяйствѣ, къ какому стремится съиздавна высшая власть, уничтожатся существующія злоупотребленія и

устранятся другія затрудненія по управленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ администрація будетъ имѣть подъ рукою живую силу общества, а не мертвый механизмъ. Призваніе этихъ лучшихъ земскихъ и народныхъ силъ на общественную арену, соединеніе общихъ усилій администраціи и общества на благо и пользу населенія будетъ единственнымъ разрѣшеніемъ административнаго вопроса въ Сибири. На Востокѣ по причинѣ его отдаленности, отсутствію контроля и согласія въ дѣятельности администраціи, при отсутствіи связи пріѣзжихъ чиновниковъ съ мѣстной средою, призваніе общественныхъ элементовъ можетъ оказать услугу болѣе важную, чѣмъ гдѣ-либо. Рядомъ съ этимъ апатичное доселѣ къ своимъ дѣламъ общество лучше научится понимать свои гражданскія обязанности, пробудитъ въ себѣ самодѣятельность, уразумѣетъ цѣль своего существованія и въ идеѣ гражданскаго развитія осуществитъ залогъ лучшаго своего будущаго.

ПОТРЕБНОСТЬ ЗНАНІЯ НА ВОСТОКѢ

и

ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ СИБИРИ.

X.

Недостатокъ знаній при открытіи Сибири.—Характеристика сибирскаго общества въ XVIII ст.—Попытки просвѣщенія въ XIX стол.—Время Сперанскаго.—Ощутительный недостатокъ учебныхъ заведеній.—Умственный уровень сибирскаго общества и общественная жизнь городовъ.—Пробуждающаяся любознательность и стремленіе къ образованію.—Возникновеніе университетскаго вопроса на Востокѣ, его исторія и время основанія университета въ Сибири.—Надежды, возлагаемыя на него и открывающаяся лучшая будущность края.

Ростъ и развитіе нашихъ окраинъ должны были находиться въ зависимости отъ распространенія знаній, высоты культуры и вообще умственнаго прогресса русскаго населенія. Если бы знанія и наука одушевляли первыхъ открывателей, если бы они обладали знаніемъ природы, то борьба въ дѣвственной странѣ досталась бы легче и не стоила-бы многихъ жертвъ. При помощи знанія русскіе люди легче-бы открыли богатства страны, съумѣли-бы болѣе воспользоваться дарами природы и создали-бы цвѣтущій культурный міръ изъ міра пустыни, подобно тому, какъ развивались многія европейскія колоніи. Нечего говорить, что Сибирь и нашъ Востокъ при бо́льшихъ средствахъ просвѣщенія могли-бы уподобиться если не Индіи, то составить богатѣйшія по источникамъ дохода владѣнія, населеніе же на свободныхъ земляхъ могло-бы достигнуть замѣчательнаго благосостоянія. Но при завоеваніи Сибири славянская народность и русское обще-

ство не могли выдвинуть просвѣщенныя знаніемъ силы, потому что въ самой Россіи просвѣщеніе только-что зарождалось.

Знаніе и наука совсѣмъ не участвовали въ нашихъ открытіяхъ на Востокѣ. Открытіе Сибири и знакомство русскихъ съ Азіей далеко не походило на открытіе Америки, ни по своимъ побужденіямъ, ни по своимъ послѣдствіямъ. Если открытіе Америки было плодомъ пытливаго знанія, если оно сопровождалось переворотомъ въ промышленности, дало толчокъ европейскому прогрессу и оказало вліяніе на всю міровую цивилизацію, то открытія русскихъ въ Азіи имѣли сравнительно весьма ничтожное значеніе и оказали слабое вліяніе даже по отношенію къ Россіи. Чтобы опредѣлить, на-сколько научныя знанія участвовали въ открытіяхъ, сдѣланныхъ нами въ Сибири, достаточно вспомнить, что ея завоеватели были простые казаки, невѣжественные простолюдины, а колонизаторами—„гулящіе люди“, промышленники и бѣглые крѣпостные рабы, точно также, какъ достаточно вспомнить о степени умственнаго развитія Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Значеніе открытій на Востокѣ долго не сознавалось самимъ русскимъ обществомъ. Открытія Дежневымъ Берингова пролива, Атласовымъ — на льдахъ сѣвера, Поярковымъ — въ Охотскомъ морѣ и Хабаровымъ—на Амурѣ, не имѣли европейскаго значенія до тѣхъ поръ, пока они не были изслѣдованы Берингомъ, Врангелемъ и другими. Не пытливый духъ знанія, не интересы міровой науки двигали нашими открытіями въ Сибири; вторженіе въ нея было послѣдствіемъ безотчетной и слѣпой отваги, энергіи, искавшей выхода изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, въ какихъ жилъ русскій народъ въ XVI столѣтіи. Большинствомъ-же дальнѣйшихъ открытій и завоеваній нашихъ въ этомъ краѣ руководилъ духъ наживы и погони за богатствомъ. Торговые и промышленные люди, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, выселившіеся въ Сибирь, занимавшіеся здѣсь промыслами и торговлею, были также люди совершенно невѣжественные; начало сибирскимъ поселеніямъ было положено людьми безъ всякаго образованія, неграмотными. Даже тѣ изъ нихъ, которые стояли во главѣ обширныхъ предпріятій, какъ Шалауровъ, открывшій Таймырскій берегъ, или Барановъ, глава русско-американской компаніи, были люди полуграмотные и грубые. Что касается крестьянства, то понятно, оно представляло темную массу и стихійную силу, двинувшуюся на Востокъ безъ всякаго сознанія своей роли здѣсь. Культурное развитіе населенія въ XVI и XVII стол. соотвѣтствовало тогдашнему положенію невѣжественной Руси. Оно съ собой принесло земледѣльческій промы-

селъ, и это было все. Словцовъ правъ, давая слѣдующій отзывъ о первыхъ колонистахъ Сибири: „Они не принесли мастерствъ, кромѣ навыка срубить домъ и заготовить упряжь, да пахатные способы; женщины ихъ умѣли только соткать толстый холстъ и сермяжное сукно для своего обихода“. При своихъ убогихъ средствахъ, переселившееся крестьянство, отдѣленное тысячами верстъ отъ остальнаго русскаго населенія, долго находилось въ Сибири оставленнымъ на произволъ и на борьбу съ суровою природою въ лѣсахъ и тундрахъ. Жизнь Сибири до начала нынѣшняго столѣтія и даже долѣе—была жизнью страны невѣжественной и варварской въ полномъ смыслѣ слова. Исканіе и разработка сибирскихъ богатствъ совершались слѣпо и на-угадъ; рудокопы, открыватели золота и серебра, были людьми безъ всякихъ техническихъ знаній. Эксплуатація звѣря, мѣховъ, рыбныхъ промысловъ и минеральныхъ богатствъ была, по выраженію одного историка сибирской культуры, исторіей расхищенія естественныхъ запасовъ природы.

Конечно, нельзя сказать, чтобы новый край не возбуждалъ любознательности въ переселенцахъ; извѣстно, напримѣръ, что нѣкоторые изъ нихъ чертили самодѣльныя карты, по которымъ составлена чертежная книга Ремезова или карта Шалаурова, одобренная Врангелемъ; нѣкоторые являлись знатоками травъ, въ родѣ Эпишева, составившаго первый травникъ, и т. д., но эта любознательность, этотъ порывъ ума къ знанію замирали, не находя средствъ опереться на науку. Русскія открытія въ Азіи и пріобрѣтеніе новаго неизвѣстнаго континента не освѣжили русскаго общества и не дали ему толчка.

Что касается самой колонизаціи и культуры Сибири, то она также въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ не отмѣчается ничѣмъ замѣчательнымъ, въ ней также не участвовало знаніе. Русскій простолюдинъ колонизовалъ Сибирь на-угадъ, безъ всякаго разсчета; онъ занялъ сперва сѣверъ, захватилъ тундры и оставилъ въ пренебреженіи югъ, который началъ заселяться долго спустя. Къ тому же едва-ли не большинство колонистовъ состояло изъ бродягъ и авантюристовъ, которымъ казна должна была впослѣдствіи подвозить хлѣбъ, чтобы они не умерли съ голоду. Масса народа гибла и терялась по лѣсамъ, бросаясь на-обумъ впередъ; русскіе часто оставляли уже занятыя земли, какъ, напримѣръ, по Амуру. При невѣжествѣ населенія очень туго развивались торговля и промышленность. Китай долго не привлекалъ нашего вниманія. Торговля съ джунгарскимъ ханствомъ и Бухарою, достигшая значительныхъ размѣровъ въ половинѣ прошлаго сто-

лѣтія, внезапно прекратилась въ началѣ нынѣшняго. Владѣнія на восточномъ океанѣ нисколько не способствовали международной торговлѣ и не создали у насъ торговаго флота. Русскіе долго эксплуатировали инородцевъ и кончили ихъ раззореніемъ. Перенеся колонизацію въ сѣверную Америку и дойдя въ своихъ исканіяхъ богатства до Калифорніи, русскіе въ самой Сибири до начала нынѣшняго столѣтія не могли завести торговли съ киргизскою степью. Они не съумѣли воспользоваться ни своимъ географическимъ положеніемъ, ни топографическими условіями, ни естественными произведеніями богатаго и обширнаго края. Гражданственность въ Сибири туго прививалась, населеніе росло медленно: только съ половины прошлаго столѣтія оно начало выходить изъ лѣсовъ. На всемъ пространствѣ Сибири были раскинуты только бѣдные остроги; какъ населеніе было ничтожно, можно судить по тому, что къ началу нынѣшняго столѣтія оно составляло милліонъ съ небольшимъ, а на всемъ камчатскомъ полуостровѣ считалось только двѣ тысячи мужскаго населенія. Русскіе переселенцы не оказали никакого вліянія на инородцевъ въ культурномъ смыслѣ. Самой Россіи Сибирь приносила менѣе пользы, чѣмъ можно было разсчитывать. По мѣрѣ пріобрѣтеній на Востокѣ, на Сибирь возлагались пылкія надежды, но послѣ первыхъ увлеченій авантюризма, вслѣдъ за обольщеніями и ожиданіями выгодъ, явилось полное разочарованіе, бывшее результатомъ нашей культурной несостоятельности, и Сибирь сдѣлалась надолго забытымъ и захолустнымъ краемъ, судьба котораго вызвала слѣдующую характеристику мѣстнаго историка Словцова: „Сибирь, какъ страна, заключала въ себѣ золотое дно, но какъ часть государства, представляла ничтожную и безгласную область“.

Такой жизнью жила Сибирь до второй четверти XIX столѣтія. Проводниками просвѣщенія здѣсь въ XVI и XVII столѣтіяхъ могли-бы явиться служилые люди и духовенство, но, къ сожалѣнію, воеводы и служилые люди рѣдко чѣмъ отличались отъ массы остальнаго населенія; въ Сибирь ихъ привлекала та-же нажива. Что касается духовенства, то даже въ прошломъ столѣтіи въ Сибири еще встрѣчается масса священниковъ безграмотныхъ. Въ XVIII столѣтіи старыхъ служилыхъ людей смѣнили приказные люди и старые подъячіе, которые также не могли быть представителями образованности. Уровень понятій и знаній въ тогдашнемъ сибирскомъ обществѣ характеризуется слѣдующими примѣрами: когда Петръ Великій предписалъ сибирскому начальству собирать для музеевъ всевозможные „раритеты“ изъ области сибирской природы, доставлять замѣчательные экземпляры мѣст-

ной флоры и фауны, то служилые люди были поставлены въ величайшее недоумѣніе, не понимая, чего отъ нихъ требуютъ. При Екатеринѣ II хотѣли предпринять топографическую съемку, но въ Сибири не нашлось для этого сколько-нибудь знающихъ людей; мѣстное начальство не могло доставлять самыхъ элементарныхъ географическихъ свѣдѣній. Первое духовное лицо въ Тобольскѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по свидѣтельству аббата Шаппа, не хотѣло вѣрить, что земля обращается вокругъ солнца. Не богаче была научными познаніями Сибирь и впослѣдствіи: въ 1840-хъ годахъ въ Сибири былъ разосланъ мѣстнымъ начальствамъ циркуляръ, приказывающій розыскать и доставить гдѣ-то будто-бы убитаго царька соболей, который по величинѣ долженъ былъ равняться, по крайней мѣрѣ, слону.

Жизнь сибирскихъ городскихъ обществъ въ началѣ XIX ст. обрисована въ послѣднее время мѣстными изслѣдователями Вагинымъ и Щаповымъ по мемуарамъ и запискамъ старожиловъ. По сказанію современниковъ Трескина, въ обществѣ иркутскомъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. „была дичь совершеннѣйшая, образованія не было почти никакого“. И это свидѣтельство, дѣйствительно, подтверждается фактами. Кромѣ существовавшихъ нѣкогда навигацкихъ школъ, въ Иркутскѣ до начала XIX столѣтія не было никакихъ училищъ. Только при содѣйствіи Трескина, въ 1816—1817 гг. открыто было по иркутской губерніи до 18 кое-какихъ приходскихъ училищъ; но до Сперанскаго, да и послѣ, существованіе ихъ было самое жалкое и шаткое. Крестьяне даже желали вовсе избавиться отъ училищъ, „какъ отъ нѣкоторой обременительной повинности“.

Не менѣе равнодушно относилось къ образованію и городское общество. Еще въ 1821 году иркутскій губернаторъ Цейдлеръ писалъ: „Чиновники здѣшніе стараются только обучать дѣтей своихъ грамотѣ и спѣшатъ записывать въ канцелярскую службу для достиженія скорѣйшаго офицерскаго чина, и потому обучаются они плохо и поступаютъ безъ свѣдѣній и малолѣтные на службу и потому нѣтъ надежды, чтобы кто сыну своему предназначилъ трудный путь наукъ, и потому скоро развращаются и дѣлаются неспособными къ прилежанію и занятію трудною наукою; купечество, имѣя въ виду только пріобрѣтеніе богатства, ведетъ дѣтей своихъ особою дорогою, пріучая ходить съ обозами, закупать въ Якутскѣ бѣлку, лисицъ, соболей, отвозить ихъ въ Ирбить, и оно довольно, ежели 14-ти-лѣтній мальчикъ преодолѣваетъ трудности дальней дороги“. Въ Сибири есть цѣлыя во-

лости, неумѣющія ни читать, ни писать, и только немногіе имѣютъ понятіе о томъ, что дѣлается за ихъ околицей.

Еще недавно въ Сибири были безграмотные священники, отправлявшіе службу на память. До какой степени распространены здѣсь суевѣрія, свидѣтельствуютъ слѣдующіе, опубликованные мѣстной этнографіей, факты. Такъ, напримѣръ, въ дневникѣ Тюменцова, домашняго секретаря Трескина, а впослѣдствіи члена совѣта главнаго правленія, слѣдовательно, самой интеллигентной личности по положенію, подъ 1819 годомъ записано: Мая 21 докладывано губернатору, что лѣшій въ старомъ генералъ-губернаторскомъ домѣ давилъ часоваго. Происшествіе случилось пополудни въ 6 часовъ. Солдатъ сказывалъ, что сначала приходили къ нему военный офицеръ, потомъ старикъ, который, попотчивавъ его табакомъ, просилъ сдѣлать на-караулъ, что часовой исполнилъ, но старикъ не былъ этимъ доволенъ и ударилъ его по щекѣ. Затѣмъ полѣзли изъ-за старика маленькіе, безобразные чертенята. Они напали на бѣднаго солдата и издавили его, и онъ къ вечеру отправленъ въ лазаретъ. Преданіе говоритъ, что въ намѣстническомъ домѣ давно показывались разныя привидѣнія: то старикъ съ тремя глазами, то волкъ съ пламенною пастью, то криворотый паперецъ и т. п. Въ полночь отворялись двери, подъ поломъ бренчали кандалы, выходилъ Лецціано и проч. Въ маѣ-же часовой отъ казначейства видѣлъ въ старомъ намѣстническомъ домѣ носимую большую свѣчу съ огнемъ, а другой, стоявшій на противной сторонѣ, былъ осыпанъ камнями и видѣлъ человѣка въ бѣлой рубахѣ". Иркутская духовная семинарія, этотъ единственный вертоградъ высшей сибирской интеллигенціи, какъ нынѣ, такъ и прежде, по своей замкнутости и по схоластическому направленію науки, не имѣла и не могла имѣть живаго вліянія на умственное развитіе иркутскаго общества. Но все таки въ прежнее время, при жалкомъ состояніи губернской гимназіи, при отсутствіи интеллигентнаго класса въ обществѣ, наиболѣе любознательные граждане иркутскіе, повидимому, интересовались нѣсколько и семинарскимъ ученіемъ. Впрочемъ, и тутъ для нихъ, кажется, только и были интересны какія-нибудь высокоторжественныя выраженія семинарскихъ музъ или описанія какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ, въ родѣ посѣщенія семинаріи сенаторомъ, и т. п. Самостоятельная умственная работа и критическое отношеніе къ дѣйствительной жизни въ сибирскомъ обществѣ, въ началѣ XIX вѣка, разумѣется, были немыслимы. Граждане иркутскіе тогда еще безъ разбору и съ одинаковымъ вкусомъ читали и условія какъ оптимистеческія, такъ и кое-какія

критическія статьи разныхъ сочинителей. Они увлекались всякимъ забавнымъ балагурствомъ, всякими смѣхотворными изрѣченіями и потѣшными афоризмами, имѣвшими нѣкоторую претензію на юморъ или сарказмъ, всякими пѣснями и одами, отзывавшимися хотя-бы самыми слабыми сатирическими тенденціями. Объ общественной жизни городовъ восточной Сибири историкъ замѣчаетъ, что въ западной Сибири, въ усть-каменогорской крѣпости общественная жизнь даже, какъ видно, была живѣе иркутской, а Устькаменогорскъ, надо замѣтить, походилъ на ту линейную крѣпостцу, которая описана у Пушкина въ „Капитанской дочкѣ". Въ самой столицѣ Сибири, въ Иркутскѣ, въ этомъ центрѣ сибирской интеллигенціи, общественная жизнь была такъ-же дика, какъ и на далекихъ окраинахъ Востока. Н. П. Булатовъ, современникъ Трескина и Сперанскаго, характеризуетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Въ старину, я помню, здѣсь въ общественной жизни была совершеннѣйшая дичь. Раздѣленіе половъ было чрезвычайное, не только въ купеческомъ, но даже въ чиновничьемъ классѣ. Если вы только знакомый или даже родственникъ хозяину дома, но не близкій, то вы могли быть съ нимъ тридцать лѣтъ знакомы, и никого не видѣть изъ его женскаго семейства. Бывало соберутся на вечеръ, — даже не на простой, а на парадный, съ танцами; мужчины сидятъ въ одной комнатѣ, женщины—въ другой, и никто ни слова: слышно, какъ муха пролетитъ. Начинаются танцы: кавалеръ съ дамой двигаются молча, какъ маріонетки. Вздумали вы поговорить съ своей дамой, — слышите отъ нея односложныя „да" и „нѣтъ"; а если вы усиливаетесь разговаривать, то увидите, что какая-нибудь маменька или тетушка подойдетъ къ вашей дамѣ и скажетъ: „поѣдемъ, Дуняша; пора домой". Вы упрашиваете, чтобы, по крайней мѣрѣ, позволили кончить танецъ. Вамъ отвѣчаютъ: „нѣтъ, батюшка, намъ здѣсь не компанія". Съ пріѣздомъ Сперанскаго общественная жизнь оживилась, начались праздники, вечера. Они внесли въ нашу житейскую обстановку новый элементъ. Разумѣется, при общей покорности Сперанскому, принято безпрекословно и это нововведеніе. Бывали и скандалы,—не грубые скандалы, а такъ, разныя недоразумѣнія, скорѣе слѣдствіе нашей дикости взглядовъ на все новое. Съ его времени мы стали видѣть новыхъ людей; а прежде, бывало, если по улицѣ пройдетъ человѣкъ съ крестикомъ, то за нимъ навѣрное бѣгутъ ребятишки". Самъ Сперанскій въ одномъ письмѣ изъ Сибири къ дочери такъ описывалъ спеціальный складъ и характеръ сибирскаго общества: „Сибирь есть просто Сибирь, т.-е. прекрасное мѣсто для ссыльныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ

частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи, *но не мѣсто для жизни* и *высшаго гражданскаго образованія*. Худое управленіе сдѣлало изъ Сибири сущій вертепъ разбойниковъ. Едва вѣрятъ здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться, танцовать или ничего не дѣлать. Мы впервые завели здѣсь общественныя собранія, и на собраніяхъ этихъ я, напримѣръ, польскій веду съ старухой, одѣтой въ глазетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанной платкомъ. У васъ спектакли, а у насъ своего рода маскарады: это сущая исторія всѣхъ нашихъ дикихъ костюмовъ. Тутъ китайцы, японцы, алеуты, шаманы, и Богъ знаетъ чего тутъ нѣтъ и все одѣто съ большою точностью. *Умнаго разговора въ обществѣ почти нѣтъ никакого*. Я привыкъ здѣсь къ уединенію, *не съ кѣмъ слова промолвить*. Словцовъ, одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человѣкъ, болѣнъ и старъ: это потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхиваетъ... Какое невыносимо-тяжелое положеніе! три почти года не слышать ни одной ноты, прибавь къ сему—*ни одного почти умнаго слова*, три года ни разу съ удовольствіемъ не смѣяться. Видѣлъ я здѣсь на балѣ у тобольскаго губернатора и *женское общество, сурокъ да кротъ, да двѣ-три набожныя лани*". Таково было мнѣніе перваго образованнаго человѣка своего времени о сибирскомъ обществѣ и его жизни.

При господствѣ эгоистическихъ, кулачески-пріобрѣтательныхъ и семейно-родовыхъ интересовъ, въ сибирскихъ городскихъ обществахъ крайне недостаточно было развитіе общественной солидарности, соціальнаго общежитія. Напримѣръ, о городѣ Нерчинскѣ иркутскій епископъ Михаилъ писалъ въ 1821 году: „тамошніе граждане *столь же несогласны въ сердцахъ своихъ*, какъ дамы ихъ разсажены на большихъ разстояніяхъ, подобно гнѣздамъ луковинымъ". О жизни и физіономіи Иркутска послѣ Сперанскаго мы можемъ судить по одному любопытному памятнику 1827 г., имѣющемуся у насъ въ рукахъ: „Внѣшность города крайне непривлекательная: ветхіе дома выходили на улицу углами, иные задними, надворными стѣнами, иные полуразвалившимися сараями; неуклюжіе и дырявые тротуары существовали только на двухъ улицахъ; берегъ Ангары, великолѣпный по своему мѣстоположенію, начиная отъ тріумфальныхъ воротъ до сибирскаго дворца, заваленъ былъ мусоромъ". Этотъ же путешественникъ передаетъ свои впечатлѣнія, произведенныя на него городомъ, такъ: „Я не слыхалъ нигдѣ ни одного *музыкальнаго звука*, ни одной рулады вокальнаго *пѣнія*. Все было тихо, какъ въ пустой храминѣ, только

изрѣдка, въ торговыхъ домахъ звучали цѣпи сторожевыхъ собакъ и раздавался тревожный набатъ *поколотки*. Если случались запоздалыя дрожки, то онъ мчались по пустой улицѣ опрометью и моментально исчезали во дворѣ за массивными воротами. Потомъ снова воцарялась могильная тишина — и какая-то безотчетная тоска закрадывалась въ мою душу". Практически-узкій и эгоистически-дѣловой характеръ иркутскаго общества довольно хорошо обрисованъ однимъ мѣстнымъ поэтомъ тогдашняго времени:

У насъ пока въ Сибири два предмета:
Мозольный трудъ и дѣловой разсчетъ.
Всѣмъ нуженъ хлѣбъ да звонкая монета,
Такъ любознаніе кому на умъ пойдетъ?
Купецъ сидитъ, какъ филинъ, на прилавкѣ,
Его жена чаекъ съ кумою пьетъ;
Чиновный классъ хлопочетъ о *прибавкѣ*
И прочнаго гнѣзда себѣ не вьетъ.
Сегодня здѣсь, а завтра за Ураломъ, —
Кто нажился, тотъ ѣдетъ генераломъ,
Кто не съумѣлъ, тотъ съ посохомъ идетъ.
Коробочникъ несетъ *ярмо* торговли;
Его девизъ: *труды*, а не обманъ;
Онъ тоже спитъ въ тѣни наемной кровли,
Его пріютъ — походный балаганъ.
Онъ тожъ глядитъ на западъ, какъ астрономъ,
Онъ бредитъ иль Десной, иль Волгою, иль Дономъ;
Тамъ у него отчизна, тамъ родня
(И это все понятно для меня).
Приказные съ утра до поздней ночи,
Съ перомъ въ рукахъ, хлопочутъ лишь о томъ,
Какъ свесть итогъ круглѣй и покороче,
Въ своемъ житьѣ до-нельзя ужъ простомъ...
А тотъ, кого судьба облобызала
И гнѣздышка птенцамъ его свила,
Гласитъ: не намъ учить себя сначала,
Молоденькимъ та очередь пришла.
Съумѣлъ нажить съ немудренькимъ умишкомъ
И пенсію, и пряжку, и почетъ,
И кое-что въ наслѣдство ребятишкамъ, —
Концы концовъ! Законченъ нашъ разсчетъ... [1])

Среди отсутствія всякихъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ мѣстное общество, прилипши къ своему старому образу жизни, прожило десятки лѣтъ, какъ улитка въ раковинѣ. Его не возбуждали ни интеллектуальныя, ни литературныя и эстети-

[1]) Этотъ замѣчательный памятникъ сибирской этнографіи носитъ названіе: „Воспоминаніе поѣздки по восточной Сибири" А. Александрова.

ческія потребности. Путешественники, какъ Шаттъ, Палласъ и другіе, отмѣчаютъ эту жизнь безобразными кутежами. Одна туристка разсказывала, что, остановившись въ сибирскомъ городѣ, она увидѣла музыкальный „органъ“. Что это, у васъ играютъ?—спросила она.—Нѣтъ, испорченъ, не играетъ.—Отчего?—Да въ него шампанское лили. Оказалось, что перепившіеся гости избавлялись такимъ путемъ отъ угощенія. Такова была судьба музыкальнаго инструмента на Востокѣ. Иногда эта тупая жизнь на восточной окраинѣ до того уже отупляла людей, что взгляда и міросозерцанія ихъ ничто не могло измѣнить; самый сильный свѣтъ и масса новыхъ впечатлѣній не поражали человѣка: онъ былъ слѣпъ и глухъ ко всему. Примѣромъ этого можетъ служить сибирскій купецъ Мальковъ, посѣтившій Петербургъ въ 60-хъ годахъ, въ то время, когда было все оживлено и одушевлено движеніемъ общественной жизни. Что же дѣлаетъ этотъ сибирскій выходецъ среди этого движенія? Вотъ что сообщаютъ труды алтайской миссіи о г. Мальковѣ и его воззрѣніи на Парижъ, куда случайно занесла его судьба.

„Вавилонъ, говоритъ Мальковъ, — Вавилонъ, злѣйшій древняго; котлы мяса и плоти услажденіе всяческое; хожденіе въ воляхъ сердецъ своихъ, единый законъ, кумиръ, задача, цѣль жизни! Либерализмъ, обладающій Вавилономъ этимъ, распоряжается такъ-же вѣрно и самовластно своими поклонниками, какъ бубенъ шамана и шесты съ навернутымъ на нихъ тряпьемъ и конскимъ волосомъ — своими; фасонъ и матеріалы другіе, духъ тотъ же. Всѣ неугомонно, тревожно, второпяхъ и угорѣлой многопопечительности, почти неестественной, пекутъ этотъ „насущный хлѣбъ свой“; и высоко всходитъ и пучится это тѣсто изъ трехъ сотой муки: тщеславія, сластолюбія и самоволія, на закваскѣ духа безвѣрія и, слѣдственно, безнравственности, глубокой, уже несознаваемой, вошедшей въ натуру тамошняго человѣка“, и т. д.

Таковъ взглядъ сибирскаго купца на западно-европейскую жизнь. Онъ же обратится къ благотворительности не подъ вліяніемъ какихъ-нибудь гуманныхъ или христіанскихъ побужденій, а потому, что ему сказала томская юродивая Домна Карповна, что на него будетъ возложено дѣло, отъ котораго онъ не смѣетъ отказаться, и дала записку, повторяя: „Бія, Бія, будеши съ хозяйками богатыми“, и тому подобную чушь. Это прорицаніе сибирской кликуши рѣшило судьбу сибирскаго купца.

Сперанскій, явившись реформаторомъ въ Сибирь, думалъ хоть чѣмъ нибудь оживить эту жизнь, всколыхнуть ее. Занимаясь со-

ставленіемъ для нея законовъ, онъ посѣщалъ общества, дѣлалъ вечера, прививалъ вкусы и потребности соціальнаго общежитія. Сперанскій, видимо проникнутый господствовавшимъ тогда въ образованномъ русскомъ меньшинствѣ сантиментально-филантропическимъ духомъ, считалъ первымъ долгомъ учредить и въ Сибири эти примитивные „образчики филантропіи,“—такія же благотворительныя человѣколюбивыя общества, какія учреждались тогда и въ Россіи, по примѣру и образцу императорскаго человѣколюбиваго общества. Въ то же время онъ и въ самомъ обществѣ сибирскомъ, особенно въ купечествѣ, всѣми мѣрами возбуждалъ чувства и наклонности къ общественной благотворительности, поручая думамъ городскимъ призывать общество „къ дѣламъ человѣколюбія и милосердія“. Учрежденіемъ человѣколюбивыхъ обществъ въ Сибири онъ особенно интересовался. Далѣе, чтобы начать уничтоженіе общественныхъ золъ въ Сибири въ самомъ ихъ корнѣ—невѣжествѣ народномъ, — Сперанскій обратилъ вниманіе и на дѣло народнаго образованія. Какъ ни были велики усилія Сперанскаго, но это только одинокія попытки и мечтанія; ни вліяніе, ни дѣятельность его не оставили въ жизни Сибири никакихъ слѣдовъ по многимъ обстоятельствамъ. Въ книгѣ г. Вагина о Сперанскомъ приведены многіе отзывы современниковъ и одинъ изъ нихъ говоритъ: „правленіе Сперанскаго въ Сибири ничѣмъ не замѣчательно; была только запутанность и неразборчивость, цѣлые возы просьбъ увезены, а нѣкоторыя даже не прочитаны“. (Извѣст. спб. отдѣла, т. V, 1874 г., с. 41). Сибиряки также не поняли Сперанскаго. Они, какъ видно изъ отзывовъ современниковъ, отдавали и отдаютъ до сихъ поръ предпочтеніе Трескину, который имѣлъ на послугахъ Лоскутова, свирѣпствовавшаго при пестелевскомъ управленіи Сибирью, распространилъ взяточничество, жена котораго продавала мѣста засѣдателямъ, который наполнялъ Иркутскъ ужасами, но настроилъ въ Иркутскѣ „ретирады“ и пробовалъ пріучить бурятъ къ земледѣлію. Такъ тупо относилось большинство сибирскаго населенія къ реформѣ Сперанскаго, замѣчаетъ историкъ. „А послѣ него все пошло по старому“, сказалъ одинъ изъ современниковъ, передавая г. Вагину свой разсказъ о Сперанскомъ. Конечно, Сперанскій, въ роли организатора, ничего не могъ сдѣлать тамъ, гдѣ нужно было прежде расчистить черноземную почву и потомъ уже сѣять. Онъ безсиленъ былъ создать и гражданскіе идеалы для этого общества и поднять его умъ. Для этого нужны были громадныя образовательныя средства. Съ отъѣздомъ его всѣ лучшія его начинанія рухнули и грязная волна, случайно всколых-

нутая, опять пришла въ свое прежнее стоячее положеніе. Если, по словамъ Сперанскаго, и въ Россіи, и въ Петербургѣ остались излишними всѣ его желанія и предположенія „сдвинуть грубую толщу, которую никакъ съ мѣста сдвинуть не можно“, то тѣмъ болѣе трудно было ему расшевелить азіатскую косность сибирскаго общества, вдругъ смягчить, гуманизировать эту непроходимую дичь. (Извѣст. сибир. отдѣла, № 1, т. 5, 1874 г., ст. 42).

По этимъ характеристикамъ можно судить до какой степени было важно и необходимо просвѣщеніе въ Сибири. Обратимъ же вниманіе на исторію развитія образованія.

Кое-какія школы начинаютъ зарождаться въ Сибири только въ половинѣ прошлаго столѣтія. Вѣроятно, поводами для этого послужили различные государственные планы Петра I и Екатерины II по отношенію къ Сибири. Въ числѣ первыхъ школъ въ Сибири учреждены школы спеціальныя: „навигацкія“ въ Иркутскѣ и Нерчинскѣ и „геодезическія“ въ Тобольскѣ и Томскѣ. Навигацкая школа въ Иркутскѣ была основана въ 1754 году. Въ 1781 году здѣсь открыта городская школа, а въ 1789 г. она преобразована въ главное народное училище. Училища эти открывались и въ другихъ городахъ, но, говоря вообще, дѣло шло медленно и туго. Нѣкоторыя изъ школъ, открытыя въ прежнее время, до пріѣзда Сперанскаго, были или закрыты, или преобразованы; такъ, напримѣръ, закрылся классъ монгольскаго языка въ Иркутскѣ, приготовлявшій переводчиковъ. Къ памятникамъ просвѣщенія прошлаго столѣтія относятся, кромѣ того, горныя училища въ Барнаулѣ и Нерчинскѣ. Эти спеціальныя училища, при своемъ формальномъ существованіи и ничтожномъ вліяніи, имѣли чрезвычайно слабое значеніе въ дѣлѣ развитія Сибири: въ нихъ получали образованіе очень немногіе туземцы, напримѣръ, талантливый Лосевъ, вышедшій изъ навигацкой школы и выдвинувшійся при Сперанскомъ своими дарованіями. Самыми крупными учебными заведеніями въ Сибири были въ то время двѣ семинаріи, въ Тобольскѣ и Иркутскѣ, но существованіе ихъ точно также не ознаменовалось ничѣмъ замѣтнымъ въ дѣлѣ мѣстнаго просвѣщенія, кромѣ развѣ того, что при тобольской семинаріи сохранились нѣкоторыя сибирскія лѣтописи о покореніи Сибири. Воспитаніе въ этихъ семинаріяхъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, отличалось схоластичностью; онѣ были разсадникомъ семинарской педантичности; на своихъ экзаменахъ и актахъ онѣ выгружали цѣлую массу хрій, одъ и напыщенныхъ сочиненій. Наука ихъ ничѣмъ не была связана съ сибирскою жизнью. Въ 1791 году въ Тобольскѣ издавался даже

при главномъ народномъ училищѣ, подъ редакціей Сумарокова, литературный журналъ „Иртышъ“, превратившійся въ „Ипокрену“; изданіе это наполнялось псевдо-классическими подражаніями и риторическимъ стихоплетствомъ, за что получилъ достойный приговоръ отъ образованнаго человѣка того времени, Словцова, сказавшаго въ своей исторіи, что „вмѣсто того, чтобы заняться сообщеніемъ интересныхъ свѣдѣній о Сибири, издатели пустились обезьянничать словесности и поэзіи пошлой“. Стремленіе къ образованію въ сибирскомъ обществѣ въ это время было еще очень слабо; иркутскіе чиновники, по словамъ Цейдлера, старались только выучить дѣтей своихъ грамотѣ и отдать ихъ поскорѣе на службу; купцы пріучали дѣтей съ раннихъ лѣтъ ходить съ обозами и торговать въ Якутскѣ и Ирбити, въ образованіи-же ихъ не нуждались. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, были основаны двѣ гимназіи: тобольская и иркутская въ 1806 году. Въ тобольской до 1823 года число учениковъ не превышало 27; увеличенію числа ихъ препятствовала тѣснота училищныхъ помѣщеній. Въ иркутской гимназіи, при основаніи, было 35 учениковъ, а въ 1825 году — 47. Около этого-же времени открыты уѣздныя и приходскія училища въ Тобольскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ и Енисейскѣ. Въ Томскѣ продолжало существовать простое народное училище. Кромѣ того въ 1821 году учреждено было въ Тобольскѣ училище для дѣтей почтовыхъ служителей, на 40 воспитанниковъ, которые должны были, окончивъ курсъ, поступать въ почтовое вѣдомство. Въ Омскѣ учреждено омское казачье училище, закрытое учебное заведеніе, собственно для дѣтей казачьяго сословія, съ среднимъ гимназическимъ курсомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири открыты военно-сиротскія отдѣленія, преобразованныя впослѣдствіи въ батальоны военныхъ кантонистовъ; по словамъ Вагина, изъ этихъ батальоновъ вышло не мало людей способныхъ—конечно, для тогдашней Сибири.

Нельзя умолчать также о попыткахъ устройства народныхъ училищъ. Въ 1816 году, по настоянію Словцова, бывшаго директоромъ иркутской гимназіи, основано было въ иркутской губерніи до 18 народныхъ школъ. На устройство училищъ пожертвовано было 5,003 р.; кромѣ того инородческія крестьянскія общества обязались содержать училища на свой счетъ. Училища эти, однакожъ, не нашли сочувствія и поддержки въ администраціи Трескина и Пестеля. Открывъ школы, Трескинъ отказался отпускать содержаніе учителямъ изъ общественныхъ суммъ; общества также перестали заботиться о содержаніи училищъ и, видя рав-

нодушіе къ нимъ начальства, пожелали уничтожить ихъ; вопросъ объ этомъ возбуждался нѣсколько разъ. Нельзя безъ удивленія видѣть, замѣчалъ по этому поводу губернаторъ Зеркалевъ, что губернское начальство, содѣйствуя открытію училищъ, въ то-же время возбуждало вопросъ объ ихъ уничтоженіи.

Въ такомъ положеніи находились образовательныя средства Сибири къ пріѣзду Сперанскаго.

Сдѣлавшись генералъ губернаторомъ Сибири, Сперанскій обратилъ вниманіе на устройство учебной части въ этомъ краѣ; дѣятельнымъ помощникомъ ему явился Словцовъ, образованный сибирякъ, преданный душой и тѣломъ Сибири. Какъ образованный человѣкъ, Сперанскій не могъ не поразиться невѣжествомъ сибирскаго населенія, точно такъ-же, какъ почти нетронутымъ еще богатствомъ края, его обширностью и значеніемъ для Азіи; экономическое развитіе русскихъ владѣній на Востокѣ стало занимать его не менѣе, чѣмъ гражданское и политическое. 250 лѣтъ мы владѣли Сибирью, и изъ этого ровно ничего не выходило. Сперанскій пытался установить на Сибирь опредѣленную политическую точку зрѣнія. „Я пресѣкъ много вопіющихъ насилій, писалъ онъ,— но, можетъ быть, того важнѣе—открылъ Сибирь въ истинныхъ ея политическихъ отношеніяхъ. Край этотъ заслуживаетъ государственнаго вниманія вполнѣ“. Сперанскій нашелъ край въ крайне-безпомощномъ положеніи. Сибирь страдала отъ массы страшныхъ злоупотребленій; въ ней не было людей, кому бы можно было довѣрить управленіе, что сильно мѣшало реформамъ Сперанскаго. Невѣжество сибирскаго общества было поразительное. „Два года не видѣть вокругъ себя ни одного образованнаго человѣка, не слышать ни одного умнаго слова—это ужасно!“ писалъ Сперанскій. За столомъ у себя онъ часто принималъ людей, вернувшихся изъ Камчатки, съ Алеутскихъ острововъ, съ Ледовитаго моря, изъ Китая, прошедшихъ Яблоновый хребетъ. „Сибирь— истинная страна Донъ-Кихотовъ“, замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Онъ видѣлъ въ то-же время, что необыкновенная энергія и предпріимчивость пропадали безплодно и самая кипучая дѣятельность, безъ знанія дѣла, при темнотѣ отважныхъ предпринимателей, не приносила никакого результата. Страна представляла богатый научный матеріалъ, но имъ никто не пользовался. Генералъ-губернаторъ, занимаясь отправкой экспедицій то къ полюсамъ, то въ степи, принужденъ былъ самъ показывать обращеніе съ компасомъ и учить, какъ слѣдуетъ дрессировать верблюдовъ для путешествія. Онъ-же первый ботанизировалъ около Иркутска. Понятно, до какой степени онъ долженъ былъ

поражаться отсутствіемъ даже самыхъ элементарныхъ научныхъ знаній въ Сибири.

Одною изъ первыхъ попытокъ его было учрежденіе въ Иркутскѣ ланкастерской школы, за устройство которой онъ принялся съ лихорадочной дѣятельностью, едва спустя мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ. „Къ счастію, со мною была книжка о сей методѣ, и все *вскипѣло*“, пишетъ онъ 23 сентября 1819 года. Онъ возобновляетъ устройство народныхъ училищъ, погибавшихъ при Трескинѣ, и поручаетъ ихъ попеченію Словцова и Зеркалева. Снесясь съ министромъ, онъ обезпечиваетъ жалованье народнымъ учителямъ, предлагаетъ крестьянскимъ обществамъ открытіе школъ, даетъ толчекъ основанію инородческихъ училищъ. Онъ оказываетъ свое покровительство всѣмъ, кто беретъ на себя заботу объ открытіи учебныхъ заведеній. Онъ поднимаетъ упавшую навигацкую школу въ Охотскѣ, заботу о ней принимаютъ на себя князь Шаховской и Ушинскій, по приглашенію которыхъ въ нее начинаютъ поступать дѣти казаковъ, мѣщанъ и якутовъ. Содержаніе этой школы было обезпечено Сперанскимъ. Въ то-жо время въ Гижигѣ основывается школа на пожертвованіе купца Баранова. Во время пребыванія Сперанскаго въ Кяхтѣ тамошній бургомистръ, Игумновъ, изъявилъ желаніе основать училище и поддерживать на свой счетъ ремесленное воспитаніе для мѣщанъ. Словцовъ развиваетъ мысль соединить ученье въ сибирскихъ сельскихъ училищахъ съ ремеслами, какъ было когда-то предположено для Камчатки. Въ изданныхъ Сперанскимъ сибирскихъ учрежденіяхъ и уставахъ постановлено было заводить школы не только у казаковъ и кочевыхъ инородцевъ, но и въ полудикой киргизской степи, только-что присоединенной къ Сибири.

Съ отъѣздомъ Сперанскаго сибирскія училища, основанныя при немъ, начали быстро падать: сельскія училища иркутской губерніи были большею частію закрыты, такъ-какъ теперь они не находили уже энергичной поддержки въ мѣстномъ начальствѣ. Скромный сибирякъ Словцовъ, единственный способный сотрудникъ Сперанскаго въ учебномъ дѣлѣ, перестаетъ пользоваться вліяніемъ, оставляетъ практическую дѣятельность, поселяется въ Тобольскѣ и погружается въ скромныя архивныя и историческія изысканія о Сибири. Учебное дѣло начинаетъ опять двигаться чрезвычайно медленно на Востокѣ и получаетъ безжизненный, казенный характеръ. 8-го декабря 1828 года сибирскія учебныя заведенія переданы въ вѣдѣніе губернаторовъ. Тогда-же повелѣно было каждой сибирской губерніи имѣть по одной гимназіи. Какъ туго и медленно приводилось въ исполненіе это повелѣніе, можно

судить по тому, что кромѣ двухъ гимназій, открытыхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, только въ концѣ тридцатыхъ годовъ открыта третья гимназія—въ Томскѣ, а предписанная по указу 1828 года красноярская гимназія открылась только черезъ сорокъ лѣтъ послѣ проектированія—въ 1869 году!

Число уѣздныхъ училищъ долго оставалось тоже самое, какое было при Сперанскомъ. По указу 1828 г. было назначено ихъ въ иркутской губерніи 7, въ томской 3, въ тобольской 8 и въ енисейской 2; прибавлялись они туго и преподаваніе въ нихъ находилось еще въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ во всѣхъ другихъ училищахъ. Изъ остальныхъ учебныхъ заведеній Сибирь имѣла только нѣсколько узко-спеціальныхъ, и притомъ для извѣстныхъ сословій: омское казачье училище, теперь военная гимназія; до послѣдняго времени, какъ и при Сперанскомъ, оно считается первымъ по средствамъ и объему преподаванія учебнымъ заведеніемъ края; горное училище и духовныя семинаріи, которыхъ, кромѣ двухъ прежнихъ, тобольской и иркутской, открыто въ послѣднее время двѣ—въ Томскѣ и Якутскѣ. О женскомъ образованіи до шестидесятыхъ годовъ въ Сибири почти не было и рѣчи; въ 1838 году было учреждено первое женское учебное заведеніе въ Иркутскѣ—сиропитательный домъ. По плану Цейдлера, онъ долженъ былъ положить основаніе женскому образованію въ краѣ, но заведеніе это иркутскимъ обществомъ, подъ вліяніемъ попечительства купеческаго сословія, было обращено просто въ заведеніе для приготовленія прислуги. Въ 1845 году открытъ въ Иркутскѣ-же дѣвичій институтъ. Иркутскій институтъ основанъ на началахъ, принятыхъ въ дворянскихъ институтахъ внутреннихъ губерній, и съ самаго начала стремился къ аристократической исключительности, хотя въ Сибири не было ни рѣзкаго раздѣленія сословій, ни коренного дворянства, въ силу чего некому было туда поступать, кромѣ развѣ дѣтей пріѣзжихъ чиновниковъ да немногихъ почетныхъ гражданъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, при общемъ пробужденіи сознанія необходимости женскаго образованія, открыто было нѣсколько женскихъ училищъ и гимназій въ Омскѣ, Красноярскѣ, Томскѣ и Иркутскѣ. Сибирское образованіе не шло выше среднихъ учебныхъ заведеній.

Какую пользу приносили Сибири поименованныя учебныя заведенія въ эти 50 лѣтъ, можно отчасти судить по числу учащихся въ гимназіяхъ. Изъ недавно опубликованныхъ отчетовъ о числѣ учениковъ въ разные годы видно, что въ первые годы послѣ открытія гимназій въ Сибири число учащихся въ тобольской и иркутской гимназіяхъ не превосходило 27 — 35 человѣкъ. Въ 1838 году

число учениковъ едва доходитъ до 117 — въ первой и 150 — во второй. Затѣмъ, съ конца тридцатыхъ годовъ начинается такой-же медленный ростъ томской гимназіи; только въ 1853 году въ ней число учениковъ доходитъ до 95, а въ 1861 году достигаетъ 160. Въ 1873 году въ четырехъ сибирскихъ гимназіяхъ находилось слѣдующее число учащихся: въ тобольской 179, въ томской 298, въ иркутской 238 и въ красноярской 183, всего 898 на всю Сибирь. Слабое возрастаніе числа учащихся, далеко не пропорціональное росту населенія, не говоритъ въ пользу развитія учебнаго дѣла въ краѣ. Впрочемъ, этотъ медленный ростъ объясняется отчасти и тѣмъ, что сибирскія гимназіи далеко не удовлетворяли ни мѣстнымъ потребностямъ, ни мѣстному складу жизни. Складъ сибирскаго общества нѣсколько иной, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ. Элементовъ, которые могли бы доставлять наибольшее число учащихся для гимназій, сравнительно было очень мало. Потомственныхъ дворянъ и помѣщиковъ въ Сибири вовсе не было; гимназіи существовали преимущественно для дѣтей чиновниковъ, такъ-какъ гимназическое воспитаніе мало удовлетворяло другія сословія. Въ одномъ изъ отчетовъ мы читаемъ, что на 688 гимназистовъ въ сибирскихъ гимназіяхъ приходилось 431 дѣтей дворянъ и чиновниковъ; 236 — городскихъ сословій, т.-е. купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ, и 21—сельскаго сословія, которому гимназическое воспитаніе было почти недоступно. По характеру жизни Сибирь была исключительно промышленной; въ ней господствовали матеріальные интересы; стремленіе къ наживѣ изстари было преобладающимъ. Общество, невѣжественное, ничѣмъ неубѣжденное въ пользахъ знанія, не видѣло никакихъ наглядныхъ примѣровъ примѣнимости гимназическаго образованія въ практической жизни; самая богатая часть его, купечество, не расположено было отдавать дѣтей своихъ въ гимназіи, а учило ихъ въ лавкахъ. Выше мы привели отзывъ губернатора Цейдлера, жалующагося на отсталость купцовъ. Одинъ изъ путешественниковъ по Сибири, въ тридцатыхъ годахъ, приводитъ слѣдующія слова одного изъ даровитыхъ представителей иркутскаго общества: „Мальчики наши, говоритъ онъ, научившись читать и писать и познакомившись съ первой частью ариѳметики, принимаются за аршинъ и счеты; потомъ, съѣздивъ раза по два въ Якутскъ и въ Москву и, такъ-сказать, оперившись торговыми опытами, замышляютъ жениться и сами производятъ дѣтей“. Другой старожилъ, жалуясь на ограниченность воспитанія, говоритъ, что самымъ моднымъ воспитаніемъ считается у почетныхъ и зажиточныхъ гражданъ отдавать дѣтей выучиться только грамотѣ, а

потомъ пристроить ихъ къ комерціи, т.-е. дѣлать надзирателями за приказчиками (Путешествіе Александрова 1828 года).

Хотя формальное образованіе очень мало затрогивало сибирское общество, но послѣднее тѣмъ не менѣе отличалось переимчивостію, способностію къ усвоенію внѣшности, нѣкотораго лоска и даже извѣстной степени развитія, болѣе высшаго по сравненію съ соотвѣтственными слоями населенія въ русскихъ губерніяхъ. Это подмѣчено многими изслѣдователями, сравнивавшими сибирское населеніе съ великорусскимъ. Точно также въ сибирскомъ обществу встрѣчались самородки, люди замѣчательно даровитые, пробивавшіе себѣ дорогу къ образованію изъ самыхъ темныхъ слоевъ, изъ школъ, повидимому, самыхъ неблагопріятныхъ для развитія и узкихъ по назначенію. Все это обусловливалось особыми свойствами сибирской жизни. Сибирское населеніе было свободнымъ триста лѣтъ ранѣе, чѣмъ остальная Россія, недавно покончившая съ крѣпостнымъ правомъ. Просторъ и богатство новаго края, предпріимчивость, кипучая промышленная дѣятельность,—все это способствовало развитію умственныхъ способностей населенія. Благодаря матеріальному достатку, оно познакомилось съ внѣшнимъ комфортомъ, а съ нимъ пріобрѣло и новыя привычки жизни. Великорусскій умъ, несвязанный въ Сибири ни традиціями, ни преданіями, избавленный отъ заскорузлаго старовѣрства, способнѣе былъ къ воспріятію нововведеній. Населеніе въ Сибирь стекалось со всѣхъ сторонъ, какъ въ страну поисковъ за богатствомъ; передвиженіе здѣсь было довольно значительное, а сношенія поддерживались отъ Иркуска до Москвы по транзитному пути азіятской торговли. Въ Сибири жила масса людей бывалыхъ, обмѣнъ свѣдѣній поэтому былъ болѣе значительный. Граней между сибирскими сословіями было менѣе; жизнь съ народомъ шла тѣснѣе; сибирское населеніе составляетъ какъ-бы одну народную массу, а поэтому всѣ заимствованія, всякія свѣдѣнія, всякая мода доходятъ въ немъ быстро во всѣ слои населенія. Привычки сибирскаго населенія, какъ замѣчено изслѣдователями, ближе подходятъ къ привычкамъ цивилизованнаго общества, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Интересы науки, случайно заносимые въ сибирское общество, иногда затрогивали людей, повидимому, неимѣющихъ ничего общаго съ образованною и привиллегированною средою, но это были большею частію самоучки или люди всего менѣе обязанные сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ. Многіе сибирскіе купцы, какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго столѣтія, отличались замѣчательными дарованіями, любознательно-

стью и довольно высокимъ развитіемъ [1]). Иркутскій хроникеръ, Александровъ, указываетъ на нѣкоторыхъ иркутскихъ купцовъ, обязанныхъ самимъ себѣ извѣстною степенью образованія, людей замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Такихъ людей можно найти и въ мѣщанской средѣ, въ которой они оставались до смерти; напримѣръ, небогатый торговецъ Андрей Пичугинъ, въ Томскѣ, и другой, служившій приказчикомъ на пріискахъ и конторщикомъ по откупамъ, люди поражавшіе дарованіями, смѣлостью ума, знаніями, особенно послѣдній, въ области исторической. Пунины и Бабурины въ Сибири были не рѣдкость. Изъ сибирскихъ убогихъ школъ, изъ навигацкихъ классовъ, изъ кантонистскихъ полубаталіоновъ выплывали личности, которыя впослѣдствіи дѣлались образованными людьми. Недавно въ Тобольскѣ умеръ весьма замѣчательный по образованію человѣкъ: цѣлую жизнь слѣдившій за наукой, оставившій замѣчательную библіотеку, хотя вышелъ изъ полубаталіона кантонистовъ и принадлежалъ къ выкрещеннымъ въ дѣтствѣ киргизятамъ, когда-то покупаемымъ въ нашей степи на положеніи рабовъ. Достаточно прослѣдить имена ученыхъ и литераторовъ, выходившихъ изъ сибиряковъ, чтобъ получить понятіе, откуда они вышли и какъ шло ихъ воспитаніе. Здѣсь мы видимъ дѣтей купцовъ, причетниковъ, мѣщанъ и казаковъ; одинъ изъ ученыхъ историковъ, Щаповъ, составившій себѣ имя въ литературѣ, сынъ дьячка и матери тунгузки; одинъ изъ выдающихся естественниковъ — сынъ простого казака. Обращавшій на себя вниманіе филологъ Даржи-Банзаровъ былъ бурятъ; талантливый путешественникъ въ Кашгаръ, Чеканъ-Валихановъ — киргизъ. Мы не считаемъ извѣстныхъ личностей, вышедшихъ изъ средняго сословія. Большинство сибирскихъ путешественниковъ совсѣмъ не были въ учебныхъ заведеніяхъ, изъ литераторовъ многіе не оканчивали курса въ мѣстныхъ гимназіяхъ, — словомъ, здѣсь мы всего менѣе видимъ патентованной учености. Вообще учебныя заведенія въ Сибири играли второстепенную роль по своему вліянію. Жизнь и развитіе общества шли независимо отъ вліянія учебныхъ учрежденій, которыя стояли въ сибирской жизни какъ-то въ сторонѣ, и это будетъ совершенно понятно, если мы примемъ во вниманіе качество и ученое достоинство прежнихъ сибирскихъ гимназій. Эти гимназіи основывались при самыхъ убогихъ средствахъ; долго

[1]) Въ путешествіи Фалька по Сибири упоминается о ямщикахъ Черепановыхъ въ Тобольскѣ: одинъ изъ нихъ составилъ въ 1760 г. историческую хронику, извѣстную подъ именемъ Черепановской лѣтописи, другой былъ живописцемъ.

онѣ не находили учителей, недостатокъ въ которыхъ чувствуется даже и теперь, и наполнялись людьми случайнаго подбора, почему-нибудь претендовавшими въ Сибири на педагогическую компетентность. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ эти гимназіи имѣли учителей изъ отставныхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, изъ семинаристовъ, изъ частныхъ приставовъ; въ томской и тобольской гимназіяхъ, по воспоминаніямъ вышедшихъ учениковъ, между учителями были полупомѣшанные, слѣпые, хромые, страдающіе запоемъ; понятно, что при такихъ педагогахъ сибирскія гимназіи не могли пользоваться никакимъ вліяніемъ.

Если взять число грамотныхъ въ Сибири, то ихъ оказывается очень немного. По свѣдѣніямъ военно-статистическаго сборника, въ прибалтійскихъ губерніяхъ приходится 1 грамотный на 19 жителей; въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями 1—на 168; въ губерніяхъ, неимѣющихъ этихъ учрежденій, 1—на 471; въ Сибири-же 1—на 664 человѣка всего населенія. Относительно числа получающихъ среднее учебное образованіе, Сибирь стоитъ также на послѣднемъ мѣстѣ; сравнивая различные округа, мы увидимъ, что въ Финляндіи приходится 1 гимназистъ на 284 жителя; на Кавказѣ 1—на 462; въ одесскомъ округѣ 1—на 467; въ кіевскомъ 1—на 516, а въ Сибири 1 гимназистъ на 1,100 жителей. Все это показываетъ рѣшительную отсталость Сибири въ учебномъ дѣлѣ предъ всѣми другими областями Россіи. Число учебныхъ заведеній въ Сибири точно также весьма ограниченное. По свѣденіямъ статическаго временника за 1865 г., среднихъ учебныхъ заведеній въ Сибири было 3, съ 575 учащимися; низшихъ—16, съ 1,321 учащимися; народныхъ: приходскихъ училищъ 86, съ 2,671 учащимися; заводскихъ школъ 14, съ 144 учащимися; пріютовъ 5, съ 414 учащимися; притомъ въ Сибири не было ни одного техническаго, ни одного земледѣльческаго и ни одного высшаго учебнаго заведенія. Въ настоящее-же время въ четырехъ гимназіяхъ 700 учениковъ; въ уѣздныхъ училищахъ по четыремъ губерніямъ 1,441 человѣкъ. Недостатокъ среднихъ и вообще учебныхъ заведеній въ Сибири выступаетъ особенно ярко при сравненіи Сибири съ другими областями; когда на всю Сибирь приходится 4 гимназіи, въ Финляндіи ихъ 6, на Кавказѣ 6, въ одесскомъ учебномъ округѣ 9, въ кіевскомъ 12. Въ Сибири между тѣмъ болѣе 4,000,000 жителей; въ кавказскомъ учебномъ округѣ 4,160,000 жителей; въ одесскомъ учебномъ округѣ 4,200,000, а въ финляндскомъ всего 1,200,000 жителей. Къ тому-же надо принять во вниманіе разстоянія одной мѣстности отъ другой въ Сибири, что несомнѣнно имѣетъ боль-

шое значеніе для распредѣленія учащихся въ Сибири. Достаточно вспомнить, что четыре сибирскія гимназіи расположены на пространствѣ 250,000 квадратныхъ миль и присоединяются къ казанскому учебному округу, который самъ равняется 26,705 квадратныхъ миль. Иначе сказать, сибирскія гимназіи растянуты по протяженію въ девять тысячъ верстъ.

По сословіямъ ученики сибирскихъ гимназій распредѣляются слѣдующимъ образомъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 495, городскихъ сословій 184, сельскихъ—21,—слѣдовательно, сельскому населенію почти недоступно гимназическое образованіе. Въ девяти уѣздныхъ училищахъ тобольской губерніи, по отчетамъ 1863 года видно, что дѣтей крестьянъ было столько-же, сколько и дѣтей чиновниковъ, т.-е. ровно 18,5% общаго числа учениковъ. Въ 1861 году изъ 1,441 учащихся во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ Сибири было дѣтей крестьянъ 275, а дѣтей дворянъ 276. Несмотря на значительную численность инородцевъ въ Сибири, дѣти ихъ почти совершенно не пользуются учебными заведеніями. Въ другихъ областяхъ Россіи, гдѣ инородцевъ значительно менѣе, чѣмъ въ Сибири, они несравненно шире пользуются школами: на Кавказѣ въ гимназіяхъ инородцы составляютъ 27% всего числа учениковъ; въ одесской гимназіи ихъ было 22%; въ казанскомъ округѣ — 2%; въ Сибири они не составляютъ и одного процента. Въ прежнее время инородцы принимались въ омскій кадетскій корпусъ, преобразованный теперь въ военную гимназію; сюда поступали дѣти киргизскихъ султановъ, но въ настоящее время ихъ перестали принимать и сюда.

Какое слабое вліяніе имѣли сибирскія учебныя заведенія на увеличеніе образованнаго сословія, можно судить по числу окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ: въ иркутской гимназіи въ 1860 и 61 годахъ окончили курсъ по 14 человѣкъ; съ 1862 до 1865 года среднее число выпущенныхъ изъ гимназіи было 9 челов.; затѣмъ ежегодно выходило отъ 6 до 11. Въ томской гимназіи въ 1871 г. окончившихъ курсъ было 23; въ 1872 г.—12, и въ 1873 году — 3 человѣка. Въ 1872 г. было получено извѣстіе, что въ классической тобольской гимназіи окончилъ курсъ всего 1 ученикъ. Въ 1872 и 1873 годахъ въ красноярской гимназіи въ VII классѣ находилось только 3 ученика; въ 1874 г. кончившихъ курсъ было — 3. Все это показываетъ, что прибыль образованныхъ людей въ Сибири изъ существующихъ тамъ учебныхъ заведеній была ничтожна и почти незамѣтна. Гимназіи, дававшія каждая отъ 3 до 9 лицъ ежегодно на 4.000,000-е населеніе, едва-ли могли оказывать замѣтное вліяніе.

Состояніе учебныхъ средствъ въ Сибири, о которомъ въ послѣднее время мы знаемъ изъ мѣстныхъ корреспонденцій, далеко не приглядное. Объ учебномъ дѣлѣ въ томской губерніи заявляются слѣдующія достовѣрныя свѣдѣнія: число школъ далеко не соотвѣтствуетъ обширности территоріи и числу жителей; онѣ находятся безъ надзора, съ плохими учителями; школы въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ страдаютъ отсутстіемъ того-же правильнаго присмотра. Содержаніе сельскихъ учителей ничтожно — 100 р. въ годъ; хорошіе наставники не идутъ; въ большинствѣ преподаютъ священники, но они исполняютъ требы на большихъ разстояніяхъ, заняты домашними дѣлами, а потому не имѣютъ времени заботиться о школахъ и поручаютъ обученіе лицамъ, уволеннымъ изъ низшихъ духовныхъ званій, людямъ неразвитымъ и сомнительной нравственности. При такихъ учителяхъ дѣти получаютъ отвращеніе къ обученію, а родители берутъ ихъ изъ школъ и отдаютъ ссыльно-поселенцамъ на выучку; оканчиваетъ курсъ едва треть дѣтей, остальныя двѣ трети выходятъ ранѣе. Поэтому чувствуется особенная потребность въ учительской семинаріи. Уѣздныя училища существуютъ только въ городахъ: Томскѣ, Каинскѣ и Кузнецкѣ; они страдаютъ недостаткомъ учебныхъ пособій. Томская гимназія поставлена въ невозможность быть разсадникомъ образованія въ губерніи, говоритъ одинъ оффиціальный отчетъ, — по скудости въ ней преподавателей. Многіе изъ учителей не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Губернія стоитъ вдали отъ университетовъ, способные люди не ѣдутъ сюда, поэтому оканчивающіе курсъ не пріобрѣтаютъ достаточно основательныхъ свѣдѣній; однакожъ, несмотря на эти неблагопріятныя условія, гимназія въ послѣднее время переполнена учащимися: въ нѣкоторыхъ классахъ въ 1873 году было до 70 учениковъ, тогда какъ по уставу допускается не болѣе 40. Тѣснота здѣсь страшная, на каждаго ребенка приходилась половина кубической сажени воздуха, между тѣмъ извѣстно, что норма необходимаго воздуха опредѣляется тремя саженями. Переполненіе гимназіи учащимися побудило начальство отказывать въ пріемѣ многимъ желающимъ. Томская гимназія до сихъ поръ не имѣетъ своего собственнаго дома. Осенью 1873 года, однакожъ, открыто было въ ней три параллельныхъ класса.

О состояніи учебнаго дѣла въ енисейской губерніи имѣются такія данныя: уѣздныхъ и приходскихъ училищъ здѣсь 4; кромѣ того открыта учительская семинарія, въ которую въ 1873 году поступило 15 человѣкъ. Несмотря на то, по отчету губернатора, въ семи первоначальныхъ школахъ ученіе не произ-

водилось за неимѣніемъ учителей. Открывшаяся красноярская гимназія находится въ младенческомъ состояніи: она также страдаетъ недостаткомъ учителей; кромѣ окончившихъ здѣсь курсъ троихъ учениковъ, всѣ остальные, до пятидесяти человѣкъ, выходили изъ II-го, III-го и IV-го классовъ.

Число учебныхъ заведеній въ иркутской губерніи довольно значительно: въ Иркутскѣ считается 19 учебныхъ заведеній, но неудовлетворительность ихъ рисуется слѣдующими словами одного изъ мѣстныхъ корреспондентовъ: „Учебныя заведенія Сибири не имѣютъ почти учителей и ихъ приходится набирать изъ людей, неподготовленныхъ къ учебному дѣлу. Такъ, напримѣръ, въ личномъ составѣ иркутской губернской гимназіи только четыре учителя носятъ по-справедливости это имя; остальные—юристы, топографы, горные инженеры, музыканты и проч.; завѣдывающій гимназіей не получилъ высшаго образованія. Нынѣшній генералъ-губернаторъ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ этому явленію сибирской жизни. По его настоянію въ иркутской гимназіи происходитъ ревизія, говорятъ, намѣренно порученная тому лицу, которое производило ее въ 1874 году и признало, что все обстоитъ благополучно; произведя-же ревизію по предложенію генералъ-губернатора въ 1875 году, оно признало, что не все обстоитъ благополучно“. Реальная прогимназія, преобразованная въ техническій институтъ, начинаетъ падать за неимѣніемъ средствъ и учителей.

Состояніе учебнаго дѣла въ тобольской губерніи лучше всего характеризуется тѣмъ, что Тюмень, большой промышленный городъ, не имѣлъ до 1879 г. гимназіи, а сибирскіе богачи воспитывали дѣтей въ уѣздномъ училищѣ. Въ городѣ Акмолинскѣ только въ 1874 году открыто первое городское училище. А вотъ что пишутъ изъ Барнаула, богатѣйшаго города томской губерніи: „Въ Барнаулѣ, при населеніи въ 13,529 челов., до сихъ поръ нѣтъ средняго учебнаго заведенія; населеніе его, промышленное и торговое, нуждается въ образованіи своихъ дѣтей и поставлено въ необходимость отправлять ихъ въ Томскую гимназію, за 400 верстъ, и въ омскую, за 900 верстъ, которыя до того переполнены мѣстными учениками, что иногороднимъ недостаетъ мѣста. Четыре года тому назадъ послѣдовало высочайшее повелѣніе объ открытіи въ Барнаулѣ гимназіи, но до сихъ поръ оно не приведено въ исполненіе“. Нечего говорить о слабомъ развитіи учебнаго дѣла въ отдаленныхъ областяхъ: въ Семипалатинской области, по отчету 1873 года, число народно-учебныхъ заведеній сократилось на три.

О народномъ образованіи въ Якутской области говорится въ одномъ отчетѣ слѣдующее: „Въ области недостатокъ начальныхъ народныхъ школъ, въ существующія или открытыя школы невозможно пріискать способныхъ учителей по весьма ограниченному содержанію, имъ назначенному, сравнительно съ цѣнами, существующими теперь на всѣ вообще потребности. Инородческое населеніе, и при желаніи распространенія грамотности, какъ было замѣчено въ самомъ отдаленномъ Колымскомъ округѣ, по своимъ весьма ограниченнымъ средствамъ и бѣдности жителей не можетъ помочь дѣлу образованія открытіемъ въ своихъ селеніяхъ школъ. Живя и имѣя хозяйство свое за нѣсколько сотъ верстъ отъ городовъ, гдѣ учреждены учебныя заведенія, инородцы не имѣютъ средствъ посылать туда дѣтей; въ самомъ отдаленномъ краѣ, какъ Якутская область, гдѣ бо́льшая часть населенія находится почти въ дикомъ состояніи и исключительно въ невыгодномъ положеніи, благодѣтельно было бы ассигновать изъ казны достаточныя суммы на открытіе и содержаніе начальныхъ школъ, тѣмъ болѣе, что якуты ужъ сознаютъ пользу грамотности, какъ видно изъ того, что наиболѣе состоятельные отправляютъ дѣтей въ городскія учебныя заведенія и при составленіи приговоровъ на открытіе школъ ближайшіе къ Якутску по возможности даютъ часть денегъ на содержаніе при школѣ мальчиковъ изъ бѣдныхъ семействъ“.

„До какой степени относительно образованія и другихъ необходимыхъ для развитія мѣръ обездолены нѣкоторыя обширныя части восточной Сибири, лучше всего можно видѣть на Забайкальской области, пишутъ въ „Московскія Вѣдомости“. — Населеніе ея достигло уже 450,000 человѣкъ, слѣдовательно уже далеко превосходитъ населеніе губерній Архангельской, Астраханской, Олонецкой, Ревельской, которыя всѣ имѣютъ гражданскія гимназіи, а первыя три — и духовныя семинаріи. По положенію своему Забайкальская область важнѣе всѣхъ сибирскихъ губерній, потому что чрезъ нее идутъ всѣ тѣ торговые пути изъ Китая, на которыхъ совершаются главныя торговыя сношенія Китая съ Россіей; черезъ нее же сообщается съ Сибирью и Россіей и Амурскій край, и Великій океанъ. Политическое значеніе Забайкальской области еще значительнѣе: она одна можетъ служить опорой Амурскому краю и черезъ нее только можно дѣйствовать на Китай, а между тѣмъ Забайкальская область не имѣетъ ни гражданской гимназіи, ни духовной семинаріи“.

Между тѣмъ потребность образованія въ сибирскомъ обществѣ съ каждымъ днемъ чувствуется все сильнѣе и сильнѣе; гимназіи

переполнены учащимися и вынуждены отказывать многимъ желающимъ по неимѣнію помѣщеній для болѣе обширнаго числа учениковъ. Въ красноярскую учительскую семинарію явилось такое множество желающихъ, что ихъ некуда было помѣщать. Особенно усилился приливъ въ сибирскія школы со введенія общей воинской повинности. Потребность образованія обнаружилась за послѣднее время основаніемъ на счетъ самого общества реальной гимназіи въ Иркутскѣ, ходатайствомъ объ открытіи такой-же гимназіи въ Томскѣ, въ Барнаулѣ, въ Тюмени, изъ которыхъ послѣдняя теперь уже открыта. Енисейскъ проситъ объ открытіи въ немъ классической мужской прогимназіи. Въ то-же время пишутъ изъ Акмолинска: „открытіе женской прогимназіи было-бы у насъ величайшимъ благодѣяніемъ".

Все показываетъ, что стремленіе къ образованію за послѣдніе годы въ Сибири постоянно ростетъ. „Мѣстное населеніе всегда сильно ощущало эту потребность, говоритъ г. Вагинъ въ своей исторіи учебнаго дѣла въ Сибири при Сперанскомъ и позднѣе;— оно отдавало учить дѣтей своихъ всѣмъ, кого хотя сколько-нибудь считало способнымъ къ этому; оно встрѣтило всеобщимъ ропотомъ распоряженіе послѣдняго времени, которымъ обученіе дѣтей запрещалось сосланнымъ полякамъ; оно открывало школы вездѣ, гдѣ находило къ тому средства и гдѣ ожидало пользы отъ школъ. Только весьма немногіе города отказывались заводить у себя народныя и женскія школы, частію отъ недостатка средствъ, частію изъ буржуазной разсчетливости, въ надеждѣ, что заведеніе этихъ школъ приметъ на себя правительство. Частныя лица время отъ времени жертвовали значительныя суммы на народное образованіе, хотя и менѣе того, что жертвовалось на благолѣпіе храмовъ. По мѣрѣ увеличенія числа среднихъ учебныхъ заведеній увеличивалось и число сибиряковъ, стремившихся къ университетскому образованію. Стремленіе это достигло въ послѣднее время весьма высокихъ размѣровъ. Можно почти положительно сказать, что въ послѣднее время не идутъ на университетскій курсъ только тѣ, кто или чувствуетъ совершенную неспобность къ нему, или принадлежитъ къ тѣмъ счастливцамъ, которымъ не нужно ни знаній, ни труда, чтобъ занять извѣстное положеніе въ обществѣ, или, наоборотъ, находится въ тяжкой зависимости отъ семейной обстановки... Одни изъ молодыхъ сибиряковъ пользуются казенными стипендіями; другіе, иногда безъ всякихъ средствъ, пѣшкомъ идутъ въ Казань, Москву, Петербургъ и тамъ слушаютъ университетскій курсъ, перебиваясь изо дня въ день частію уроками и литературными трудами, частію пособіемъ

болѣе зажиточныхъ земляковъ-товарищей. Любовь къ наукѣ доходила иногда у нихъ до самоотверженія. Между тѣмъ недостатокъ средне-учебныхъ заведеній по-необходимости сдерживалъ стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ велико было-бы оно при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ; можно судить и о томъ, какъ много потеряла Сибирь отъ того, что мысль о высшемъ заведеніи въ теченіи почти 50 лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ", замѣчаетъ въ заключеніе г. Вагинъ.

Стремленіе облегчить доступъ сибирякамъ къ высшему образованію выразилось основаніемъ въ Сибири нѣсколькихъ обществъ для пособія нуждающимся студентамъ мѣстнаго происхожденія. Такое общество дѣйствуетъ уже нѣсколько лѣтъ въ Тобольскѣ; подобное-же общество основано въ Томскѣ. Предположено было открыть общество содѣйствія учащейся молодежи въ Иркутскѣ для поощренія какъ мѣстнаго обученія, такъ и для содѣйствія высшему образованію. Учрежденіе это мотивировано слѣдующимъ образомъ: „Неимѣніе высшихъ учебныхъ заведеній въ восточной Сибири, при невозможности ожидать, чтобъ край въ близкомъ будущемъ пріобрѣлъ ихъ, поставляло и поставляетъ въ крайнее, можно сказать — безъисходное положеніе учащуюся молодежь. Такъ-называемыя казенныя и общественныя стипендіи, во-первыхъ, ограничены въ числѣ, во вторыхъ — учреждены преимущественно въ столичныхъ университетахъ и медико-хирургической академіи; въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ ихъ нѣтъ; въ-третьихъ, разсчитаны исключительно на высшее образованіе, тогда какъ подготовленіе къ нему на мѣстѣ довольно затруднено, и, въ-четвертыхъ, ограничиваются, по отношенію къ суммѣ, пособіемъ отъ 300 до 350 рублей, въ полномъ смыслѣ этого слова недостаточнымъ для обезпеченія матеріальныхъ нуждъ учащагося, тѣмъ болѣе, что, выдаваясь на руки юноши, часто совершенно неопытному, пособіе это расходуется не всегда производительно... Мы держимся того убѣжденія,—пишутъ далѣе учредители,—что важнѣйшій недостатокъ настоящей системы заключается въ томъ, что, высылая нашихъ дѣтей за пять тысячъ верстъ, забрасывая ихъ въ незнакомую сферу, мы оставляемъ ихъ безъ попечительнаго надзора, который, съ одной стороны, служилъ-бы центромъ соединенія для юношей, съ другой — не представляясь отнюдь какимъ-либо опекунствомъ, стѣсняющимъ самодѣятельность, являлся-бы на помощь молодымъ людямъ всегда, когда они въ этой помощи встрѣтятъ нужду, притомъ безразлично, будетъ-ли эта помощь матеріальная или чисто-нравственная".

Сибирь много теряетъ отъ недостатка спеціалистовъ, въ ней нѣтъ техниковъ, почему промышленность находится въ застоѣ. Производства развиваются туго; Сибирь по этому не можетъ удовлетворить себя никакими собственными производствами, она пользуется всѣмъ привознымъ, начиная съ гвоздя, при массѣ своего желѣза, и кончая сукнами — при огромномъ количествѣ шерсти и скота. Всѣ товары достаются Сибири необыкновенно дорого и самаго дурнаго качества; многіе сорта русскихъ фабрикъ и даже кустарной промышленности имѣютъ сбытъ только въ Сибири. Сибирь находится подъ торговымъ игомъ отдаленныхъ мѣстностей съ ихъ мануфактурными центрами. Между тѣмъ потребности сибирскаго населенія все болѣе ростутъ, и тяжесть, ложащаяся на потребителей въ силу дороговизны привознаго, за отсутствіемъ своего, всего болѣе даетъ себя чувствовать. Не поможетъ Сибири и изобиліе сырья, съ которымъ она не знаетъ что дѣлать,—мѣха, кожи, сало она не умѣетъ обработывать, хлѣбъ ей некуда сбывать; для основанія металлическаго производства нѣтъ знаній и средствъ. Мѣстное изобиліе, въ видѣ скота и хлѣба, только понижаетъ цѣны и даетъ прибыль однимъ пріѣзжимъ торгашамъ, закабаляющимъ населеніе. Таково экономическое положеніе Сибири. Сельское хозяйство, скотоводство, рыболовство и пчеловодство страдаютъ отсутствіемъ всякихъ раціональныхъ способовъ веденія дѣла. Масса скота падаетъ въ Сибири отъ язвы, отъ эпидемій, отъ небрежнаго ухода, и пособить этому недостаетъ знаній. Молочные и скотоводческіе продукты пропадаютъ даромъ; множество сортовъ морской и рѣчной рыбы, за неумѣньемъ приготовлять и солить ее, гніетъ на берегахъ; самые богатые уловы не служатъ ни къ чему для населенія. Недостатокъ образованныхъ людей даетъ себя знать во всѣхъ сферахъ труда и промышленности.

Въ Сибири большой недостатокъ учителей для учебныхъ заведеній. Недавно еще въ нашихъ газетахъ была публикація отъ министерства народнаго просвѣщенія, которое дѣлало вызовъ на вакантныя и незамѣщенныя должности штатныхъ смотрителей и учителей въ слѣдующихъ городахъ: Ачинскѣ, Нерчинскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Нижнеудинскѣ, Киренскѣ, Енисейскѣ, Верхнеудинскѣ и Троицкосавскѣ. Еще бо́льшій недостатокъ въ Сибири медиковъ. На цѣлые округа, величиной въ европейскія государства, приходится одинъ медикъ, да и тотъ въ разъѣздахъ; цѣлыя инородческія области находятся безъ медицинской помощи. Въ Березовскомъ краѣ, по словамъ доктора Соколова, остяки умираютъ отъ цынги, тифа, сифилиса и простуды; болѣзни здѣсь

осложняются и принимаютъ невиданныя нигдѣ формы. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ восточной Сибири развитіе сифилиса въ киренскомъ округѣ принимаетъ третичныя формы, зараженными являются поголовно цѣлыя семьи и даже иногда родятся дѣти уже съ испорченными костями. Якутская область, въ 70,000 квадр. миль, съ 230,000 жителей, имѣла только трехъ уѣздныхъ врачей; въ послѣднее время въ этой части восточной Сибири свирѣпствовала оспа на пространствѣ 7,000 верстъ; инородческое населеніе было заражено поголовно; въ Камчаткѣ, Гижигѣ и Охотскѣ постоянно свирѣпствуютъ разныя болѣзни; что-бы хотя нѣсколько пособить бѣдствующему населенію, изъ Петербурга командированы три врача. Мы не перечисляемъ подробно недостатковъ медицинской части въ Сибири, такъ-какъ это не касается предмета нашей статьи; мы упомянули объ этомъ для того, чтобы показать, какъ страдаетъ Сибирь отъ недостатка здѣсь образованныхъ людей. Вопросъ о расширеніи образованія въ Сибири сталъ теперь самымъ существеннымъ жизненнымъ вопросомъ. Но недостатокъ образованія, кромѣ непосредственнаго вліянія на практическія стороны жизни, долженъ былъ отражаться и на всемъ умственномъ складѣ сибирскаго общества и его общественной жизни.

Обращаясь къ современной общественной жизни сибирскихъ городовъ, мы должны указать, что вообще проявленіе ея крайне бѣдно и печально. Приводимъ мѣстныя извѣстія объ этомъ предметѣ: „Наше сонное общество только изрѣдка подаетъ признаки жизни,—пишутъ изъ Омска въ 1875 году,—но и то по поводу смѣны какого-нибудь начальствующаго лица, мѣстнаго скандала и т. п. Омскъ—типъ провинціальныхъ трясинъ. Проходятъ годы, десятилѣтія — и никакихъ признаковъ разумной жизни въ немъ незамѣтно. Тамъ, гдѣ-то за Ураломъ, вдали, за 3, за 5 тысячъ верстъ происходятъ событія, — человѣчество выработываетъ лучшія формы жизни, борется за идеи, страдаетъ и побѣждаетъ или временно отдыхаетъ, усталое и побитое врагами прогресса, а у насъ что? Безпросыпная косность, непроглядные сумерки и никакой надежды!..“

„Судя по внѣшнему благоустройству, никто не задумался-бы назвать Красноярскъ городомъ вполнѣ европейскимъ, —пишутъ въ томъ-же году изъ другаго мѣста Сибири. — Но всматриваясь глубже, не найдешь здѣсь и слѣда серьезныхъ общественныхъ интересовъ; въ подтвержденіе достаточно привести слѣдующее: у насъ считается весьма естественнымъ, что ежегодно очень значительный контингентъ учащихся, задолго до окончанія курса,

изъ женской гимназіи выходитъ замужъ, а изъ мужской—расходится по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Въ большинствѣ случаевъ это дѣлается по настоянію самихъ родителей. Но это блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что совершилось надняхъ: закрыта публичная библіотека за неимѣніемъ читателей... При этомъ самое закрытіе для самого общества прошло незамѣтно..." Подобныя-же жалобы несутся изъ Томска, гдѣ также давно закрыта библіотека, изъ Тобольска, изъ Енисейска и другихъ городовъ. Объ одномъ изъ городовъ Сибири, Барнаулѣ, Финчъ отозвался въ своемъ дневникѣ какъ о городѣ, гдѣ только любятъ вкусно поѣсть. Таковъ же отзывъ далъ о немъ 100 лѣтъ назадъ Палласъ.

Наконецъ, вотъ картина жизни Иркутска,—столицы Сибири, нарисованная однимъ изъ недавно посѣтившихъ его путешественниковъ: „Нѣтъ въ Сибири города, о которомъ-бы заботились такъ много и начальство, и общество, какъ Иркутскъ, говоритъ г. Ровинскій,—а между тѣмъ мѣстныя удобства жизни и гигіеническія условія нигдѣ не находятся въ такомъ ужасномъ пренебреженіи. Смотря на эту дѣятельность со стороны, нельзя не замѣтить, что все это было ничто иное, какъ подражаніе. Въ Иркутскѣ вы найдете много учрежденій, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ городѣ Россіи, общество основываетъ пріюты, благородные институты, юнкерскія училища, театры, но дѣло въ томъ, что все это дѣлается обществомъ не добровольно, а по предложенію начальства, и каждый жертвователь норовитъ, чтобъ его подачка подошла кстати, выставила-бы его на видъ. Такимъ образомъ, это со стороны нѣкоторыхъ людей составляетъ средство къ достиженію извѣстныхъ цѣлей и къ задабриванію начальства. Иркутскъ, повидимому, создалъ ученыя и учебныя учрежденія, имѣетъ благотворительныя общества, клубы, какъ-бы общественную жизнь, но все это только такъ кажется. Общество тутъ ни причемъ... Надѣюсь, что никто не упрекнетъ насъ въ несправедливости, если мы скажемъ,—продолжаетъ г. Ровинскій,—что въ Иркутскѣ между купечествомъ, играющимъ въ общественной жизни самую важную роль, царствуетъ крайняя необразованность, потому что имъ негдѣ было получить образованія, а многіе изъ нихъ вышли изъ простыхъ ямщиковъ или обозныхъ приказчиковъ. Что касается общественныхъ проявленій жизни, то все это дѣлается не кореннымъ, туземнымъ обществомъ, а чиновниками, которые нынче здѣсь, а завтра тамъ, которые въ Иркутскъ попали случайно, предаются общественной дѣятельности отъ скуки и потребности фигурировать тамъ, гдѣ, по пословицѣ, на безлюдьи и Фома дворянинъ. Осуществленію ихъ плановъ помо-

гаетъ только ихъ вліятельное положеніе. Неумѣлость этихъ людей роняетъ часто дѣло и компрометтируетъ его на будущее время, а болѣе талантливые, при удачѣ, могутъ внести въ общество такія воззрѣнія, въ духѣ которыхъ дѣйствуя можно внести въ край громадное зло. Искусственно созданныя, безъ сознанія самого общества, учрежденія поэтому безпрестанно падаютъ; къ такимъ принадлежатъ: отдѣлъ иркутскаго географическаго общества, общество грамотности, юридическое, медицинское, нѣсколько провалившихся иркутскихъ газетъ и, наконецъ, мѣстная публичная библіотека, на которую очень быстро была собрана сумма въ 4,353 рубля, не считая подписчиковъ, но въ концѣ она пришла къ полному недостатку средствъ для своего поддержанія, а городское общество показало участіе къ ней только тѣмъ, что вотировало разъ продать ее съ публичнаго торга на толкучку. Подобную-же судьбу, говорятъ, испытываетъ нынѣ иркутская реальная гимназія, основанная на общественныя суммы и на обѣщанія, которыя вслѣдъ затѣмъ остались невыполненными".

Умственная жизнь Сибири, при такомъ состояніи городовъ, ничѣмъ себя не заявляетъ. Въ Сибири, по свѣдѣніямъ „Военно-статистическаго сборника", 19 типографій и 4 литографіи, но въ нихъ не печатается ничего, кромѣ оффиціальныхъ вѣдомостей, худшихъ во всей Россіи, и оффиціальныхъ бланковъ. Участь частныхъ типографій, недавно основанныхъ, еще плачевнѣе: въ Иркутскѣ только одна частная типографія; она попыталась издать календарь, и, глубоко разочаровавшись, потерпѣвъ убытки на первомъ шагу, бросила это предпріятіе. Въ Красноярскѣ одинъ чиновникъ выписалъ машину и литографскій станокъ для развитія мѣстнаго книгопечатанія и просвѣщенія, и принужденъ былъ печатать этикетки для водокъ и наливокъ; такая-же участь постигла типографію въ Тюмени. На всемъ протяженіи Сибири до послѣдняго времени, вплоть до Иркутска, всего 2 книжныхъ магазина или спеціальныхъ продажъ учебныхъ пособій; книги въ Сибирь завозятся случайно и продаются вмѣстѣ съ сапогами и дегтемъ; нечего и говорить о выборѣ книгъ. Иногда достоинство книги цѣнится однимъ переплетомъ; только въ Иркутскѣ и Томскѣ въ послѣднее время основана спеціальная книжная торговля. Мы отмѣчаемъ это потому, что, по странной случайности, въ одномъ изъ русскихъ статистическихъ сборниковъ нашли извѣстіе, что въ Сибири находится 11 книжныхъ лавокъ и 12 библіотекъ. Что касается публичныхъ библіотекъ, то возникавшія въ шестидесятыхъ годахъ въ нѣкоторыхъ городахъ Сибири, онѣ давно прекратили свое существованіе. Значительное книгохрани-

лище находится при тобольской семинаріи; богатая библіотека— при омской военной гимназіи, и довольно значительная—въ Томскѣ, куда жертвовали для общественнаго пользованія книги даже богатые золотопромышленники, какъ Гороховъ, но всѣ онѣ остаются недоступными для публики. Есть только кое-какія библіотечки при разныхъ вѣдомствахъ и батальонахъ для собственнаго употребленія. Мѣстное-же общество довольствуется газетами при клубахъ, залитыми виномъ. Правда, при такихъ читальняхъ бываютъ и книги, но о подобныхъ книжныхъ богатствахъ можно судить по семипалатинской клубной библіотекѣ, имѣвшей въ послѣднее время 15 періодическихъ изданій и „18 разныхъ наименованій книгъ"! По всей Сибири нѣтъ музеевъ, кромѣ небольшаго горнаго кабинета въ Барнаулѣ, принадлежащаго спеціальному вѣдомству и никѣмъ непосѣщаемаго. Нѣтъ собранія сибирскихъ горныхъ породъ въ странѣ золотопромышленности; нѣтъ никакихъ образчиковъ мѣстной минералогіи, и на всемъ протяженіи Сибири вы не увидите никакихъ доказательствъ алтайскихъ и нерчинскихъ богатствъ, хотя нашъ Эрмитажъ хранитъ изящнѣйшія произведенія изъ чудовищнѣйшихъ яшмъ, выдѣланныхъ въ Сибири на колыванской фабрикѣ, а бійскій округъ изобилуетъ 515-ю различными породами цвѣтныхъ камней. Четыре года тому назадъ одно частное лицо въ Красноярскѣ хотѣло основать музей, составленный изъ породъ, взятыхъ съ золотыхъ розсыпей, но это ему не было разрѣшено, потому что одно ученое учрежденіе, разрѣшавшее этотъ вопросъ, нашло, что подобные камни съ содержаніемъ золота должны быть оплачены пошлиной, но опредѣлить ее рѣшительно отказывалось за незнакомствомъ съ удѣльнымъ вѣсомъ. Но и существующія уже въ Сибири ученыя учрежденія ведутъ свое дѣло вяло за неимѣніемъ умственныхъ силъ. Такъ сибирскіе отдѣлы географическаго общества существуютъ только трудами пріѣзжихъ путешественниковъ и чиновниковъ. Основанное въ Иркутскѣ техническое общество не имѣетъ засѣданій, а основанное въ Омскѣ общество для изученія западной Сибири имѣло всего одно засѣданіе со времени своего открытія, гдѣ произнесена была вступительная рѣчь и придумана печать. На приглашеніе его никакихъ изслѣдованій не послѣдовало и память о существованіи его исчезла. Но не одни искусственно созданныя ученыя учрежденія на Востокѣ терпятъ крушеніе: въ послѣднее время, въ силу недостатка интереса къ общественнымъ дѣламъ, въ силу неразвитости, здѣсь не прививается даже новое городовое положеніе, какъ извѣщаютъ мѣстныя корреспонденціи.

Намъ оставалось бы сказать о судьбѣ сибирской печати, какъ характеристикѣ мѣстной умственной жизни. Попытки создать эту печать начались давно. Собственно періодическая печать серьезно зародилась въ Иркутскѣ, начиная съ газеты „Амуръ“. По странности этотъ органъ долженъ былъ служить Амуру прежде всего, а потомъ уже всему краю. Затѣмъ явился „Сибирскій Вѣстникъ“ Б. А. Милютина, но продержался недолго. Создавался „Кяхтинскій листокъ“ и небольшія газеты на Амурѣ, но это были скорѣе домашнія газеты, чѣмъ публичныя. Съ 1875 года въ Иркутскѣ мѣстная печать явилась болѣе постоянною. Частный органъ „Сибирь“, привлекши лучшія мѣстныя силы и ставъ во главѣ разработки мѣстныхъ вопросовъ, служитъ уже нѣсколько лѣтъ сибирскому обществу. Въ 1880 году основалась частная газета въ Томскѣ.

Едва-ли однако кто рѣшится сказать, что печать получила прочную почву въ Сибири. Потребность въ ней чувствуется очевидно многими, въ виду множества возникающихъ общественныхъ вопросовъ, но для нея существуетъ много неблагопріятныхъ условій. Роль мѣстной печати и важность ея далеко не вполнѣ и не всѣми еще сознаны. Эта печать переживаетъ самый тяжелый кризисъ на почвѣ самой элементарной гласности. То, что доступно обличеніямъ въ Европейской Россіи, то почти не допускается въ Сибири. При существованіи извѣстной свободы печати въ столицахъ положеніе печати окраинной представляетъ горькій контрастъ. Къ тому же само общество или часть мѣстныхъ сословій часто недружелюбнымъ и враждебнымъ образомъ относится къ мѣстной печати за разоблаченіе многихъ злоупотребленій. Сибирскіе кулаки и монополисты являются ея первыми врагами. Сибирское общество еще не сознаетъ, что эта печать можетъ оказать серьезныя услуги, что она залогъ будущей умственной жизни, залогъ разумнаго и сознательнаго движенія, что пока она единственное выраженіе общественной мысли.

Роль мѣстной печати въ Сибири уже понемногу однако намѣчается. Многіе мѣстные вопросы исключительно обязаны разработкой этой нарождающейся печати на Востокѣ. Несомнѣнно, что въ будущемъ она окажетъ еще болѣе гражданскихъ услугъ мѣстному обществу и, главное, воспитаетъ въ немъ его гражданскія обязанности.

Но еще чувствительнѣе на Востокѣ и въ Сибири, вслѣдствіе недостатка образованія, является отсутствіе мѣстнаго образованнаго сословія или интеллигенціи. Сибирь много терпитъ отъ недостатка въ ней людей образованныхъ: все лучшее, что воспиты-

вается въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ и стремится получить высшее образованіе, никогда уже не возвращается въ Сибирь. Въ Сибирь же пріѣзжаютъ изъ прочихъ губерній Россіи по бо̀льшей части люди съ изъяномъ или съ сомнительнымъ прошлымъ. Недостатокъ честныхъ и образованныхъ людей здѣсь давно чувствовался, на это жаловались Сперанскій, Кащевичъ, это чувствуется до послѣдняго времени [1]). Въ Сибирь вызывали искусственно людей, увеличивая оклады, давая поощренія, но и эта мѣра почти не приводила къ цѣли. Являлась масса людей, соблазнявшихся содержаніемъ и окладами, но самый мотивъ, побуждавшій ихъ ѣхать въ отдаленный край, показывалъ, что самъ край не игралъ никакой роли въ ихъ соображеніяхъ. Конечно, пріѣзжали въ Сибирь и люди даровитые, честные, которые посвящали свои силы и способности на служеніе странѣ, но ихъ было немного и дѣятельность ихъ была временная; за то было слишкомъ много авантюристовъ, которые надѣлали не мало зла пріютившему ихъ краю. Представители интеллигенціи и знанія, забравшись въ Сибирь, спѣшили какъ можно скорѣе выбраться изъ нея, вывозя очень много и взамѣнъ оставляя очень мало. Ученые вывезли изъ Сибири рѣдкости и опустошили архивы; инженеры и техники — лучшіе образчики коллекцій; предпріимчивость, закинутая въ Сибирь, — богатство. Обмѣнъ, такимъ образомъ, не уравновѣшивался, и край мало выигрывалъ. Изъ него вышло много даровитыхъ людей, художниковъ, писателей, государственныхъ дѣятелей, ученыхъ туземцевъ, которые много поработали для отечества, но вообще очень мало сдѣлали въ частности для Сибири. Самыя учебныя заведенія при такомъ фатальномъ законѣ играли странную роль: отчасти они сами понижались въ своихъ достоинствахъ подъ вліяніемъ невѣжественной среды, а основываемыя самимъ обществомъ, подъ впечатлѣніемъ какихъ-нибудь случайныхъ импульсовъ, не поддерживались имъ; съ другой стороны, они способствовали выѣзду изъ края всего наиболѣе даровитаго, оставляли его безъ послѣднихъ рессурсовъ и ничѣмъ не могли вознаградить его за потери. Поэтому Сибирь представляла доселѣ странное и исключительное явленіе, это было общество безъ образованнаго моло-

[1]) Число лицъ по образованію въ сибирскомъ обществѣ и мѣстной администраціи, конечно, трудно было опредѣлить, но все-таки и по этому поводу имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія, а именно по иркутскому календарю 1875 года видно, что въ 1861 году въ числѣ штата служащихъ въ Восточной Сибири было въ двухъ губерніяхъ, съ Забайкальской областью, только 39 человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, 101 съ гимназическимъ и 271 кончившихъ курсъ въ низшихъ училищахъ.

даго поколѣнія, дерево безъ цвѣтовъ и плодовъ. Положеніе образованнаго человѣка въ сибирскомъ обществѣ было невыносимо тяжело: среди невѣжественной среды, полной грубыхъ недостатковъ, онъ являлся одинокимъ, не имѣлъ почвы, не было даже небольшого кружка людей, къ которымъ онъ могъ бы примкнуть и признать въ нихъ свое отечество. Онъ не находилъ себѣ поддержки и сочувствія; ученые въ иркутскомъ географическомъ отдѣлѣ называютъ себя „закинутыми“ въ этотъ печальный край. Люди съ слабыми силами сплошь и рядомъ погибали здѣсь и падали нравственно (такъ погибла здѣсь, напримѣръ, масса медиковъ и учителей).

Одинъ изъ погибшихъ въ Сибири поэтовъ, горный инженеръ Баульдауфъ, слѣдующимъ образомъ выражаетъ это одиночество:

Какъ хотѣлось славой жить,
Славой чистой, славой громкой,
Но въ Даурiи съ котомкой
Трудно славу получить.
Что пѣвцу родныя горы,
Что уступы дикихъ скалъ,
Онъ Даурію узналъ
И изъ глазъ катятся слезы.

Отдѣлъ иркутскаго географическаго общества заявилъ даже своею цѣлью поддерживать нравственныя силы ученыхъ, заѣзжающихъ въ Сибирь. Понятно, что многіе образованные люди находили единственнымъ спасеніемъ своихъ силъ бѣгство изъ Сибири, и только немногіе труженики рѣшались отдавать свои силы краю. Но самое трагическое положеніе доставалось на долю тѣхъ зародышей мѣстной интеллигенціи, какіе временами проявлялись здѣсь, начиная съ Словцова, друга Сперанскаго. Такой туземецъ, желая приносить пользу, находилъ самый упрямый отпоръ въ нравахъ и жизни. Положеніе развитой, интеллигентной и одаренной сердцемъ личности среди грубаго, невѣжественнаго, живущаго исключительно промышленно-кулаческими интересами и пропитаннаго узко-эгоистическими взглядами и корыстными побужденіями общества съ горечью обрисовано историкомъ Щаповымъ въ статьѣ: „Объ отсутствіи высшихъ нравственныхъ чувствъ у сибиряковъ“. Положеніе это тяжело, невыносимо, но оно несравненно важнѣе было по своимъ соціальнымъ и историческимъ послѣдствіямъ. Между мѣстной интеллигентной личностью и обществомъ образовывался тотъ антагонизмъ и та грань нетерпимости, которые не приносили пользы ни той, ни другой сторонѣ. Онѣ обѣ страдали недостатками и

ошибками. Общество, въ силу своего непониманія, не пользовалось способностями и талантами человѣка, который могъ принести ему большую пользу; человѣкъ же интеллигентный, подъ вліяніемъ раздраженія, презиралъ это общество, а съ нимъ и мѣстные общественные вопросы. Такимъ образомъ, нарушалась та связь, которая необходима для гармоническаго развитія; живыя части его жили отдѣльно, не оплодотворяя другъ друга. Между тѣмъ нигдѣ, можетъ быть, образованіе не способно принести такихъ благодѣтельныхъ плодовъ, какъ въ Сибири. Русское населеніе окружено инородцами и азіятскими народностями. Къ мѣстному населенію примѣшивалась масса элементовъ, понижавшихъ его достоинства. Въ это общество входила масса сосланныхъ сюда преступниковъ, которые растлѣвали нравственность общества и постоянно разрушали понятія о собственности, о правѣ, о личной неприкосновенности и т. д. Все это способствовало только паденію и регрессу общества, а въ краѣ не было никакихъ средствъ противодѣйствовать этому растлѣнію и сколько-нибудь поднять это косное общество, не поднимавшееся ни до высоты гражданскаго долга, ни до понятія собственныхъ интересовъ въ цѣлой совокупности, ни до собственнаго сознанія. Здѣсь не было примѣровъ гражданской честности, самоотверженія, возвышенныхъ стремленій. Въ то время, когда Россія переживаетъ реформы, измѣняющія ея бытъ, сибирское общество остается въ прежнемъ неподвижномъ положеніи. Вотъ каковы были послѣдствія отсутствія мѣстнаго образованія.

Стремленіе къ просвѣщенію однако все сильнѣе чувствовалось, а потребности образованія проникли въ сознанія общества. Что мѣстное общество не чуждо этого сознанія доказало сочувствіе и взлелѣянная на сибирской почвѣ идея о сибирскомъ университетѣ.

Вопросъ о сибирскомъ университетѣ получилъ особенное значеніе въ краѣ въ виду отсутствія въ немъ какого-либо просвѣщеннаго класса и отсутствія умственной жизни, той дирижирующей, управляющей функціями жизни силы, которая составляетъ необходимое свойство соціальнаго живаго организма.

Университетскій вопросъ, какъ вопросъ гражданскій, былъ хорошо понятъ мѣстнымъ обществомъ; отсюда въ продолженіе многихъ лѣтъ проявлялись весьма опредѣленныя стремленія этой идеи занять свое мѣсто. Ходъ подготовленія и состоянія университета въ Сибири составляетъ весьма видный актъ въ исторіи просвѣщенія, чтобы не остановиться на немъ.

Мысль объ основаніи сибирскаго университета явилась весьма

давно. Еще въ высочайше-утвержденныхъ императоромъ Александромъ I предварительныхъ правилахъ народнаго просвѣщенія, опубликованныхъ при указѣ правительствующаго сената 24-го января 1803 года, постановлялось, между прочимъ (пун. 14), что въ учебныхъ округахъ учреждаются университеты „для преподаванія наукъ въ высшей степени", коихъ въ то время назначалось 6, а именно, кромѣ существовавшихъ уже въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ,—въ округѣ с.-петербургскомъ, въ Казани и Харьковѣ, и затѣмъ предназначаются для университетовъ города: *Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и другіе*, „по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобными". Вслѣдствіе такого заявленія правительства о намѣреніи учредить, когда окажется возможнымъ, университеты въ Кіевѣ и Тобольскѣ, извѣстный П. Г. Демидовъ, дѣлая свои знаменитыя пожертвованія на пользу отечественнаго просвѣщенія, между прочимъ, пожертвовалъ въ томъ же году 100,000 рублей для предназначенныхъ къ открытію кіевскаго и тобольскаго университетовъ. Въ письмѣ министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго къ Демидову, отъ 6-го іюня 1803 года, относительно этого капитала говорилось: „что касается до суммъ, которыя вы располагаете за благодѣяніе моимъ училищамъ, то къ тому ближайшее средство положить оныя въ воспитательный домъ вѣчнымъ капиталомъ, назначая доходъ отъ процентовъ, по мѣрѣ капитала, каждому мѣсту опредѣленнаго; а доколѣ приспѣетъ время къ открытію университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ, то капиталы, симъ училищамъ отъ васъ опредѣленные, росли бы обращеніемъ своимъ, безъ прикосновенія къ онымъ".

И такъ, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ правительственныхъ сферахъ и въ кругу образованныхъ людей ясно сознавалась мысль о необходимости учрежденія въ Сибири университета. Не приводилась она въ исполненіе цѣлыхъ 75 лѣтъ, по многимъ причинамъ: отчасти въ виду болѣе близкихъ заботъ о просвѣщеніи въ Европейской Россіи и о созданіи здѣсь университетовъ, отчасти потому, что самое осуществленіе сибирскаго университета казалось многимъ преждевременнымъ, по имѣвшемуся незначительному числу среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ и по незначительности населенія въ Сибири вообще, а также вслѣдствіе возникавшихъ опасеній, что въ университетѣ будетъ слишкомъ малое число слушателей, что трудно будетъ привлечь достаточное число хорошо подготовленныхъ преподавателей, и, наконецъ, что такимъ образомъ значительные расходы, потребные отъ казны на содержаніе университета и на возведе-

ніе нужныхъ ему зданій, не вознаградятся въ достаточной мѣрѣ и не дадутъ желаемыхъ результатовъ.

Дѣйствительно, просвѣщеніе въ Сибири развивалось весьма медленно. Сперанскій застаетъ Сибирь съ обрывками спеціальныхъ учрежденій, зиждущихся въ краѣ безъ всякой системы, какъ когда-то навигаціонныя школы безъ мореплаванія. Онъ увидѣлъ эту обширную страну страною „невѣжественной черни и отверженныхъ преступниковъ“, хотя она представляла „всѣ удобства для гражданскаго развитія“, какъ выражался онъ, и при умѣньи пользоваться своею природою и богатствами могла стать величественною колоніей Россіи.

Сдѣлавшись генералъ-губернаторомъ и распорядителемъ судебъ Сибири, Сперанскій не могъ не обратить вниманія на жалкое и безпомощное положеніе учебной части въ этомъ краѣ. Своими заботами и хлопотами о развитіи просвѣщенія въ Сибири, Сперанскій привлекъ къ этому дѣлу генералъ-губернатора западной Сибири Капцевича и вызвалъ сочувствіе даже попечителя казанскаго учебнаго округа Магницкаго. Сибирскій комитетъ согласился съ предложеніями Сперанскаго, Капцевича и Магницкаго, находя, что выработанные учебные проекты и высшее образованіе для Сибири „полезно и согласно съ принятыми для управленія Сибирью правилами“. Такимъ образомъ мысль о сибирскомъ университетѣ снова возникаетъ.

Генералъ-губернаторъ Капцевичъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 20-го марта 1823 года, указывалъ на недостатокъ нравственныхъ началъ въ сибирскомъ населеніи, на недостатокъ въ краѣ просвѣщенныхъ чиновниковъ и на невозможность сибирякамъ, по бѣдности, получать образованіе въ университетахъ Европейской Россіи. Онъ докладывалъ о необходимости учрежденія въ Сибири высшаго учебнаго заведенія. Тогда же Магницкій представилъ проектъ объ учрежденіи въ Барнаулѣ высшаго училища, въ видѣ отдѣленія казанскаго университета, съ цѣлью приготовлять въ немъ учителей для сибирскихъ гимназій и училищъ, студентовъ для пекинской миссіи, дѣтей сибирскихъ чиновниковъ къ гражданской службѣ, а купеческихъ дѣтей—къ торговлѣ съ Китаемъ. На содержаніе училища Магницкій исчислилъ 66,750 рублей въ годъ, кромѣ постройки зданія и содержанія пансіонеровъ. При осуществленіи своего проекта онъ, между прочимъ, имѣлъ въ виду употребить пожертвованный Демидовымъ капиталъ въ 50,000 рублей на учрежденіе университета въ Тобольскѣ, который чрезъ приращеніе процентами, въ 1822 году, представлялъ сумму въ 121,301 руб. 75 коп. и

давалъ 6,000 дохода. Изыскивая новыя средства, Капцевичъ проектировалъ отдавать въ оброчное содержаніе рыболовныя озера Западной Сибири, Чаны, и оброчную плату обращать на содержаніе высшаго училища. Предполагалось на сибирскій университетъ употребить также доходы съ имѣнія бывшей виленской іезуитской коллегіи. Но Демидовское пожертвованіе было передано въ московскій университетъ, и мысль о высшемъ учебномъ заведеніи въ Сибири, возбужденная Капцевичемъ и одобренная сибирскимъ комитетомъ, осталась, къ сожалѣнію, безъ исполненія надолго. Въ замѣнъ университета, въ 1835 году повелѣно было содержать въ сибирскихъ гимназіяхъ и въ казанскомъ университетѣ казенныхъ воспитанниковъ изъ сибирскихъ уроженцевъ, число которыхъ было ограничено. Въ представленіи Капцевича мы находимъ всѣ тѣ мотивы необходимости высшаго учебнаго заведенія для такого отдаленнаго и богатаго края, какъ Сибирь, которые вошли въ позднѣйшія представленія. Всякій сколько-нибудь дальновидный государственный человѣкъ не могъ не предвидѣть, что громадный край, изобилующій въ бо́льшей его части разными естественными произведеніями, обладающій несмѣтными минеральными богатствами, долженъ былъ привлечь населеніе, которое будетъ нуждаться въ средствахъ образованія для подростающихъ поколѣній, не говоря уже о значительномъ числѣ людей, живущихъ въ Сибири вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, и дѣти которыхъ также нуждаются въ образованіи. Невозможность удовлетворенія такой потребности въ самомъ краѣ неминуемо должна была производить постоянный отливъ молодаго поколѣнія изъ Сибири въ Европейскую Россію, гдѣ представлялись всѣ средства для полученія образованія, и эта часть сибирскаго населенія въ бо́льшей части случаевъ для Сибири была потеряна навсегда, такъ какъ, свыкнувшись съ бо́льшими удобствами жизни, лишь немногіе изъ уѣхавшихъ рѣшались возвращаться въ тотъ край, лишая его тѣмъ самымъ совершенно естественнаго и надежнаго элемента для занятія должностей по всѣмъ частямъ мѣстной администраціи и на всѣхъ поприщахъ разнородной частной дѣятельности.

Не смотря на сознанную потребность и постоянно ощущаемый недостатокъ въ Сибири въ образованныхъ людяхъ, дѣло университета съ 1835 года умолкло лѣтъ на 20. Въ это время на Сибирь всего менѣе обращалось вниманія, она стала страною забытой, и даже періодъ золотопромышленности въ 40-хъ годахъ не привлекъ заботъ о просвѣщеніи края. Это былъ весьма темный періодъ въ жизни сибирскаго общества. Нечего говорить,

что двѣ гимназіи могли дать самый ничтожный контингентъ людей средняго образованія, даже если бы они стояли на уровнѣ своего призванія. Къ сожалѣнію, эти гимназіи, отдаленныя, не снабженныя достаточно учебными средствами и преподавателями, представляли очень долго картину убогаго существованія. Въ сибирскія гимназіи неохотно являлись преподаватели, а потому множество каѳедръ оставалось вакантными, остальныя замѣщались людьми, случайно на нихъ попавшими или разными авантюристами, наполнявшими Сибирь. Среди нихъ встрѣчались слѣпые, хромые, полусумасшедшіе, спившіеся съ круга, люди жестокаго нрава и крайне скудныхъ познаній. „Я помню свою гимназію,—пишетъ одинъ сибирякъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—какъ собраніе монстровъ-преподавателей, которые ежедневно предъ нами не столько излагали познанія, сколько давали разныя комическія и эквилибристическія представленія: одинъ разсказывалъ избитые анекдоты, надъ другимъ, нѣмцемъ, глумились и хохотали до упаду, третій гонялся за нами съ костылемъ; въ корридорахъ и на окнахъ артель учениковъ ставила часовыхъ, чтобы предупреждать пьющихъ въ корридорѣ водку учителей о появленіи инспектора. Тутъ было не до науки!“ Гимназіи въ такомъ видѣ существовали до 60-хъ годовъ. Кто же пополнялъ роль образователей въ нѣсколькихъ губерніяхъ и областяхъ Сибири за отсутствіемъ просвѣщенія? Составъ мѣстныхъ канцелярій снабжали семинаріи, бурсы, наконецъ полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ. Понятно, какихъ дѣятелей изъ нихъ получала сибирская администрація. Если изъ низшихъ школъ выходили иногда люди способные и съ дарованіями, какъ сообщаетъ г. Вагинъ, то не нужно забывать, что изъ тѣхъ же бурсъ и кантонистовъ выдвигались забитые розгами идіоты, воришки казеннаго имущества, безграмотные писаря, выслуживавшіеся иногда до высшихъ должностей холопствомъ и пронырствами. Другую часть сибирскаго общества воспитывали ссыльные преступники или заѣзжіе спекулянты, которые вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ развивали у дѣтей пороки. Иные глумились надъ претензіей сибирскихъ жителей „обучаться“, и какой-то ссыльный иностранецъ-филологъ обучилъ сына купца въ насмѣшку татарскому языку, вмѣсто французскаго. Такова была судьба края, гдѣ не было правильной системы воспитанія, гдѣ не было представителей настоящей науки, не было здороваго воздуха умственной жизни. Въ такой средѣ настоящій просвѣщенный человѣкъ рисковалъ или задохнуться или спѣшилъ бѣжать, бѣжать изъ нея,—и изъ Сибири бѣжали.

Университетскій вопросъ между тѣмъ находился какъ бы подъ спудомъ. Это происходило оттого, что Сперанскій и другіе администраторы, мечтая о привитіи просвѣщенія, а также поднимая вопросъ о высшемъ учебномъ заведеніи для края, къ сожалѣнію, слишкомъ понадѣялись на обыкновенный административный пріемъ поднятія этихъ вопросовъ, путемъ канцелярской переписки, забывая одно, что въ такомъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе, должно быть привлечено и общество своимъ участіемъ, что въ немъ самомъ должна быть затронута потребность жизни — искра сознанія, и что только на этомъ фундаментѣ прочны и осуществимы подобныя учрежденія. Мысль о высшемъ образованіи въ Сибири не могла однако совершенно заглохнуть, она появляется снова въ половинѣ 50-хъ годовъ. Это совпало уже съ началомъ прошлаго царствованія.

Что мысль о сибирскомъ университетѣ не была совершенно забыта въ оффиціальныхъ сферахъ, свидѣтельствомъ служитъ всеподданнѣйшій докладъ министра народнаго просвѣщенія Норова, по нѣкоторымъ вопросамъ народнаго образованія, представленный имъ Государю Императору 5-го марта 1856 года; изъ доклада видно, между прочимъ, что правительство въ то время уже признало полезнымъ учрежденіе въ Сибири университета. Заявляя объ этомъ, Норовъ присовокупилъ, что „эта благодѣтельная мѣра, если признана будетъ возможною, обѣщаетъ великія послѣдствія краю, котораго природныя богатства и мѣстныя обстоятельства ожидаютъ также животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды“. Но предположеніе Норова осталось невыполненнымъ, отчасти по причинамъ, приведеннымъ выше, отчасти же вслѣдствіе того, что въ теченіи 20 лѣтъ, протекшихъ со времени его заявленія, министерство было озабочено различными работами по устройству другихъ училищъ, преобразованіями ихъ и учрежденіемъ новыхъ учебныхъ заведеній въ европейской Россіи.

Среди непроглядныхъ сумерекъ сибирской жизни, можно сказать, что это былъ единственный вопросъ, который временами освѣщалъ царившій мракъ и соединялъ около себя общественныя симпатіи. Въ то время, когда вопросъ объ университетѣ на Востокѣ временно замолкъ въ Сибири и рѣже вызывалъ толки вообще въ русскомъ обществѣ, мы находимъ о немъ статью въ берлинскомъ журналѣ, въ „Архивѣ Эрмана“, которая довольно подробно затрогиваетъ вопросъ о значеніи русской науки на азіатской окраинѣ, говоритъ о предстоящемъ основаніи въ Сибири университета, знакомитъ съ пожертвованіями, сдѣланными на

него, и довольно основательно разбираетъ преимущества различныхъ городовъ, гдѣ его можно было бы открыть.

Такимъ образомъ, вопросу о сибирскомъ университетѣ суждено было возникать періодически. Пожертвованіе Демидовымъ было въ 1803 году; представленіе Капцевича въ 1823; докладъ министра Норова въ 1856 году, а послѣднее представленіе генералъ-губернатора Западной Сибири, предшествующее открытію особой коммиссіи, было въ 1875 году. Съ 1856 года настоятельную необходимость открыть высшее учебное заведеніе въ Сибири начали заявлять весьма часто какъ лучшіе администраторы, такъ и лица, заинтересованныя просвѣщеніемъ края. Въ Тобольской губерніи сторонникомъ этой мысли явился бывшій тобольскій губернаторъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ; въ восточной Сибири особенно сочувственно отнеслось къ этой мысли учебное вѣдомство. Шестидесятые года, столь богатые надеждами на будущее и ознаменованные реформами, не могли не вызвать ожиданій и въ отдаленной Сибири, сосредоточившейся на завѣтной идеѣ объ университетѣ. Въ это время Иркутскъ, получившій значеніе наиболѣе интеллигентнаго и первостепеннаго центра Сибири, принялъ подъ свое покровительство и дѣятельно разработывалъ ту же идею. Въ Иркутскѣ объ этомъ шли учебные совѣты и были дѣлаемы неоднократныя представленія. Въ это время вся Сибирь была убѣждена, что университетъ долженъ быть основанъ въ Иркутскѣ. Нѣкоторыя частныя лица также пробовали поднять этотъ вопросъ. Покойный профессоръ Эйхвальдъ въ это время велъ переписку по поводу сибирскаго университета съ однимъ золотопромышленникомъ. Г. Сидоровъ предложилъ пожертвованіе 20 площадей пріисковъ, а также до 10,000 р. въ годъ на разработку этихъ площадей, но пожертвованіе это, о которомъ говорилось уже и въ печати, почему-то было отклонено. Въ тѣхъ же 60-хъ годахъ мысль объ университетѣ явилась любимою мыслью молодыхъ выступавшихъ сибирскихъ писателей. Объ этомъ писались статьи, читались публичныя лекціи въ Красноярскѣ, Томскѣ и Омскѣ, проектировалось цѣлое общество для собранія пожертвованій. Однимъ словомъ, университетскій вопросъ сосредоточилъ надежды и идеалы будущаго, онъ отождествился вообще съ лучшею будущностью края, на немъ покоилась вся сила убѣжденія и жаръ молодаго сердца. Въ 60-хъ годахъ создалась цѣлая литература о сибирскомъ университетѣ. Онъ сдѣлался не чуждъ и массѣ населенія. Послѣдній горожанинъ, послѣдній мѣщанинъ въ глухомъ уѣздномъ городѣ говорилъ о немъ. Бѣдные городскіе классы въ Сибири и мелкое

чиновничество было заинтересовано въ немъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Такъ какъ въ Сибири нѣтъ крупнаго и богатаго дворянства, то контингентъ гимназій наполняется въ большинствѣ бѣдняками. Оканчивая курсъ средне-учебныхъ заведеній, эти бѣдняки не могли получить дальнѣйшаго образованія, такъ какъ проѣздъ до университетовъ обходится дорого. Въ то время, когда только нѣкоторые счастливцы, благодаря средствамъ или казеннымъ стипендіямъ, пробирались въ университетъ, люди способные, съ жаждой знанія, талантомъ и опредѣлившимся часто призваніемъ тонули въ безвѣстныхъ сферахъ мѣстныхъ канцелярій или ѣхали въ глухую сибирскую тайгу на пріиски, уходили въ приказчики и цѣлую жизнь чувствовали горечь неудовлетворенныхъ желаній знанія. Нѣкоторые изъ сибирской молодежи, безъ всякихъ средствъ, путешествовали чуть не пѣшкомъ, съ обозами, въ дальніе университеты; это было своего рода пилигримство [1]). Отцы, разстававшіеся на-долго съ дѣтьми, глубоко чувствовали разлуку, нѣкоторымъ уже никогда не было суждено увидѣть дѣтей своихъ. Лучшія силы изъ Сибири исчезали навсегда, чего бы не было, еслибы высшее учебное заведеніе было на мѣстѣ. Этого не могли не сознавать самые простые люди. Отъ этого въ вопросѣ о просвѣщеніи звучали давно наболѣвшія жалобы и семейныя слезы; но университетъ сознавался въ смыслѣ и общихъ потребностей. Часто, при недостаткѣ знающихъ людей, спеціалистовъ, техниковъ, химиковъ (золотопромышленники для анализа какого-нибудь камня или руды возили ихъ въ Петербургъ, отыскивая спеціалиста и т. д.), само собою рождалось заключеніе: вотъ былъ бы университетъ, не то бы было!...

Но вопросъ, столь понятный даже для простыхъ людей, не всегда былъ доступенъ для людей, считавшихъ себя авторитетными, но не раздѣлявшихъ интересовъ края. Нѣкоторые умудрялись даже выставлять какіе-то политическіе мотивы препятствіемъ къ обыкновенному общечеловѣческому образованію. Такъ, одинъ изъ видныхъ администраторовъ Восточной Сибири, пріобрѣвшій громкое имя въ 60-хъ годахъ, по поводу вопроса объ университетѣ въ Сибири, выразилъ слѣдующую парадоксальную мысль: „сибирякамъ опасно давать высшее университетское образованіе;

[1]) До послѣдняго времени видно, какимъ испытаніямъ подвергается сибирское юношество въ погонѣ за просвѣщеніемъ. Въ отчетахъ тобольскаго и томскаго обществъ вспомоществованія студентамъ и бѣднымъ учащимся приводятся примѣры, какъ бѣдствуютъ дѣти бѣдныхъ чиновницъ-вдовъ, причетниковъ, дѣти городскихъ ремесленниковъ, ищущихъ просвѣщенія (см. газета „Сибирь“, 23 и 24 №№ 1879 года).

гораздо болѣе благонадежными могутъ быть здѣсь вызванные на службу изъ Европейской Россіи чиновники". Такое странное заключеніе, не говоря уже о томъ, что оно совершенно неумѣстно, выставляло сибиряковъ, такихъ же русскихъ подданныхъ, какою-то враждебною народностью и вдобавокъ отличалось свѣтобоязнью.

Вотъ нѣсколько точекъ зрѣнія, съ которыхъ этотъ вопросъ разсматривался въ мѣстной и столичной печати въ теченіи послѣднихъ 18-ти лѣтъ:

1) Потребность высшаго учебнаго заведенія въ Сибири обусловливается отдаленностью страны и затрудненіемъ для туземцевъ отправляться за 3—6 тысячъ верстъ для обученія въ русскихъ университетахъ.

2) Необходимость высшаго образованія для пріобрѣтенія техническихъ и естественно-историческихъ знаній, безъ которыхъ богатства страны оставались и остаются мертвымъ капиталомъ, а уровень матеріальнаго благосостоянія населенія былъ крайне низокъ.

3) Необходимость высшаго образованія вслѣдствіе недостатка медиковъ и учителей.

4) Въ видахъ доставленія лучшихъ силъ администраціи.

5) Въ видахъ учрежденія и поддержанія такихъ ученыхъ и общественныхъ учрежденій, которыя теперь падаютъ за недостаткомъ образованныхъ людей.

6) Въ видахъ вообще воспитанія общества, созданія въ немъ образованнаго класса и лучшихъ умственныхъ силъ, поднятія уровня нравственности и созданія гражданской честности.

7) Въ видахъ разработки науки на Востокѣ и открытій въ области знаній географическихъ, историческихъ, филологическихъ и проч., которыми должна обогатиться наука, принимая во вниманіе обширность непочатаго для науки азіатскаго материка.

8) Въ видахъ общечеловѣческихъ цѣлей цивилизаціи и распространія ея въ Азіи.

9) Въ виду воспитанія инородцевъ и дипломатическихъ сношеній нашихъ съ сосѣдними странами Востока.

10) Для усиленія и сохраненія русской національности въ виду новыхъ пріобрѣтеній и присоединеній на Востокѣ.

11) Въ виду ожидаемыхъ реформъ въ Сибири, которыя безъ этого являются немыслимыми.

Во многихъ статьяхъ, посвященныхъ этому предмету, выражались слѣдующія мысли, рисовавшія въ то же время настоятельныя нужды края:

Число средне-учебныхъ заведеній въ Сибири — говоритъ г. Ва-

гинъ [1]) — до послѣдняго времени было очень не велико, они страдали болѣе или менѣе серьезными недостатками. Это по необходимости сдерживало стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ оно было-бы велико при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, можно судить также, какую огромную пользу принесло-бы здѣсь обѣщанное уже съ 1825 года высшее учебное заведеніе, особенно если учрежденію его будетъ предшествовать увеличеніе числа и улучшеніе качества средне-учебныхъ заведеній. Можно судить и о томъ, какъ много потеряла Сибирь оттого, что мысль о высшемъ заведеніи въ теченіи почти пятидесяти лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ"... „Потребность и жажда учиться у сибиряковъ въ послѣднее время достигла весьма высокихъ размѣровъ,—пишетъ тотъ же авторъ:—одни изъ сибиряковъ пользуются казенными стипендіями, другіе, иногда безъ всякихъ средствъ, пѣшкомъ идутъ въ Казань, Москву, Петербургъ и тамъ слушаютъ университетскій курсъ, пробиваясь частью уроками и литературными трудами, частію пособіемъ болѣе зажиточныхъ своихъ земляковъ-товарищей. Любовь къ наукѣ доходитъ у нихъ иногда до самопожертвованія"... „Просвѣщеніемъ Сибирь должна была доселѣ пользоваться только отъ лицъ заѣзжихъ, но большинство всегда увлекали въ Сибирь слухи—что „Сибирь, золотое дно", что въ Сибири можно *нажиться службою* скорѣе и лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговлей. Еще Сперанскій замѣтилъ, что въ Сибирь ѣдутъ одни „титулярные совѣтники, то-есть люди, которымъ за недостаткомъ образованія была закрыта дальнѣйшая дорога".

Мы предоставляемъ судить,—говоритъ по этому поводу другой авторъ, — насколько подобный случайный заѣзжій контингентъ, часто съ не совсѣмъ безупречной репутаціей и воззрѣніями, могъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ края; наконецъ, насколько онъ окажется пригоднымъ при введеніи новыхъ учрежденій въ Сибири. Признавая важное значеніе университета на Востокѣ въ связи съ введеніемъ реформъ, безъ котораго онѣ не достигнутъ своей цѣли,—говоритъ та же статья,—мы должны придти къ тому заключенію, что этимъ учрежденіемъ должна начаться самая реформа. Созданіе высшаго образованія въ Сибири будетъ имѣть столь важное значеніе, что одно уже оно повліяетъ на измѣненіе всего склада сибирской жизни. Отъ университета создастся цѣлая умственная атмосфера. Можно

[1]) Историческія свѣдѣнія о гр. Сперанскомъ въ Сибири, т. II. стр. 389 и слѣд.

сказать, что только съ нимъ наступитъ сознательная жизнь мѣстнаго общества, а самый край вступитъ въ новую эру исторической жизни. Тѣ же статьи, представляя ненормальное положеніе общества, изъ котораго лучшія интеллигентныя силы уходятъ, избирая ученую, литературную и гражданскую карьеру внѣ родины, гдѣ они не находятъ дѣятельности,—указываютъ на недостатокъ гражданскихъ чувствъ, безкорыстныхъ стремленій и идеаловъ въ краѣ, безъ которыхъ жизнь становилась эгоистическою, сухою, черствою и грубо-животною.

Наконецъ, по поводу будущаго значенія университета на Востокѣ въ печати указывалась ему слѣдующая роль: „Оставляя въ сторонѣ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть это учрежденіе для края, мы хотимъ опредѣлить, какое онъ будетъ имѣть значеніе для цивилизаціи въ міровомъ значеніи въ смыслѣ просвѣщенія и изученія Азіи. Извѣстно, что материкъ Азіи остается отчужденнымъ отъ европейской жизни, европейская цивилизація имѣетъ весьма мало путей проникнуть сюда. Не говоря о племенахъ инородцевъ, цѣлые милліоны азіатскихъ народностей населяютъ сосѣднія русскимъ азіатскія страны. Открытіе этихъ народностей для европейской науки и призваніе ихъ къ жизни можетъ составить эпоху въ исторіи человѣчества. Единственное европейское населеніе, примыкающее съ сѣвера къ Азіи,—населеніе русское,—чрезъ него долженъ, между прочимъ, пролагаться путь просвѣщенія. Посмотрите же, какими средствами обладаетъ это русское населеніе для своей великой миссіи. Населеніе этого края невѣжественнѣе многихъ глухихъ провинцій Европейской Россіи, оно не обладаетъ никакими культурными средствами, не снабжено никакою умственною силою. Русское населеніе среди могучей дѣвственной природы часто дичаетъ и стоитъ безпомощнымъ, окруженное инородческими племенами, вліяющими на него болѣе, чѣмъ оно на нихъ. Понятно, что отсюда является постоянное отступленіе отъ культуры русскаго населенія, пониженіе расы вслѣдствіе метисаціи, а также объинородченіе русскаго элемента“. Приводя многочисленные примѣры этого поглощенія русскихъ инородцами, мѣстный публицистъ заключаетъ: „Ежели Сибирь еще на 50-ть лѣтъ останется въ замкнутомъ состояніи и безъ образованія, можно ручаться, что мы увидимъ вырожденіе и преображеніе здѣсь русскихъ въ самоѣдовъ, якутовъ, бурятъ и киргизъ“... „Единственное спасеніе сохранить намъ свою національность, укрѣпить ее, и, усвоивъ цивилизацію, внѣдрить ее къ другимъ народностямъ, это — образованіе. Ненужно забывать, что просвѣти-

тельная миссія на Востокѣ должна имѣть въ виду, кромѣ свѣта знанія, внесеніе гуманныхъ христіанскихъ началъ въ жизнь азіатскихъ народовъ, привитіе идей человѣчности и равноправія. Сослужа подобную службу дѣлу цивилизаціи и просвѣщенія на Востокѣ, Россія окажетъ услугу не одной себѣ, но и всему человѣчеству".

Вслѣдъ за этимъ въ печати указывались и примѣры, какъ давно уже заботятся о развитіи просвѣщенія европейскіе народы въ своихъ колоніяхъ, дѣлались ссылки на примѣръ англійскихъ университетовъ въ Индіи, Новой Голландіи, въ Капской колоніи. Со взглядами нашихъ противниковъ просвѣщенія на окраинахъ могли быть сопоставлены развѣ взгляды полуварварской Испаніи, когда въ прошломъ столѣтіи явилось запрещеніе училища въ Лимѣ для благородныхъ индійцевъ, когда основаніе училища въ Буэносъ-Айресѣ было отвергнуто, испанскимъ колоніямъ запрещено было мечтать объ университетѣ, а епископъ Санта-фе настаивалъ на томъ, что креолы для того, чтобы остаться вѣрноподанными, не должны учиться ничему, кромѣ закона Божія.

Истощивъ массу аргументаціи, литература объ университетѣ испытывала крайнее напряженіе, и ея ноты начинали уже звучать грустной безнадежностью: „Довольно къ вопросу объ университетѣ,—говоритъ авторъ статьи: „Сочувствіе къ наукѣ на востокѣ"; — выражая наши желанія, мы, жители востока Имперіи, можемъ утѣшиться однимъ, что среди нашего поколѣнія есть души, которыя стремятся къ просвѣщенію. Можетъ быть, намъ не удастся дожить до основанія великаго образовательнаго учрежденія на востокѣ. Пусть глаза наши будутъ засыпаны пескомъ, но наше сердце горячо билось надеждами. Пусть не обвинятъ все поколѣніе, что оно не имѣло возвышенныхъ стремленій. Родина вспомнитъ всѣхъ, кто ратовалъ за ея просвѣщеніе и идею науки на Востокѣ, она вспомнитъ добрыя ей пожеланія въ день своихъ радостей, какъ они помнятъ ее въ дни ея скорби".

Такою скорбью отзывались всѣ эти долгія ожиданія, и при такихъ условіяхъ идея сибирскаго университета дожила до половины семидесятыхъ годовъ; къ ней все болѣе примыкали чувства мѣстныхъ писателей, образованныхъ людей и мѣстнаго общества, она становилась излюбленною мечтою и явилась потому не случайно, не плодомъ одной административной фантазіи безъ всякаго отношенія къ жизни окраинъ, какъ думалось людямъ, въ первый разъ узнавшимъ о существованіи этой идеи и незнакомыхъ съ жизнью края; напротивъ, вполнѣ созрѣвшая, она ждала благопріятной минуты для своего осуществленія.

Въ 1875 году появилось радостное для сибиряковъ извѣстіе въ газетахъ о томъ, что новый генералъ-губернаторъ западной Сибири Н. Г. Казнаковъ, ознакомляясь съ нуждами и потребностями края при вступленіи въ управленіе, рѣшился сдѣлать Государю Императору представленіе о необходимости высшаго образованія въ Сибири. 25 апрѣля 1875 г. состоялось, при назначеніи г.-ад. Казнакова, Высочайшее повелѣніе: „*поднявъ уровень общаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ подготовить изъ среды своей людей свѣдущихъ и образованныхъ*, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія, и по ближайшему и всестороннему обсужденію этого предмета, повергнуть чрезъ министерство народнаго просвѣщенія на высочайшее воззрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета“.

Начались подготовленія, которыя состояли въ томъ, что генералъ-губернаторъ предположилъ открыть новыя гимназіи для усиленія средняго образованія, какъ подготовительнаго средства для образованія. Съ этою цѣлью положено было открыть гимназіи въ Омскѣ и въ Тюмени. Но при этомъ новая администрація Сибири пришла къ убѣжденію, что учрежденіе новыхъ заведеній этого разряда въ числѣ, соотвѣтствующемъ дѣйствительнымъ потребностямъ края, представляется въ послѣднее время почти невозможнымъ вслѣдствіе недостатка преподавателей. Безъ мѣстнаго въ Сибири университета вновь учреждаемыя въ ней, хотя бы въ самомъ маломъ числѣ, гимназіи, подобно тобольской и томской, будутъ затруднены въ привлеченіи необходимыхъ для нихъ учебныхъ силъ, и по прежнему лучшіе воспитанники гимназій съ выѣздомъ для полученія высшаго образованія въ Европейскую Россію, въ большинствѣ случаевъ, будутъ исчезать безслѣдно для Сибири. По прежнему выписанные за тысячи верстъ и съ значительными для казны издержками преподаватели, равно юристы, врачи, даже на половину образованные чиновники, будутъ проживать въ Сибири, тяготясь своимъ положеніемъ и помышляя, послѣ трехлѣтняго обязательнаго служенія, возвратиться обратно на родину. Сибирь же все будетъ продолжать испытывать недостатокъ въ образованныхъ дѣятеляхъ.

Въ новомъ представленіи по поводу сибирскаго университета всѣ эти затрудненія были предвидѣны, и потому въ немъ говорилось, что къ осуществленію сибирскаго университета приступить является вполнѣ своевременнымъ; въ этомъ убѣждаютъ все чаще повторяющіяся заявленія мѣстныхъ начальниковъ и генералъ-гу-

бернаторовъ о крайнемъ недостаткѣ въ Сибири дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной службы и въ особенности о крайней затруднительности замѣщенія вакансій медиковъ и учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, о весьма ощутительномъ неудобствѣ замѣщенія всѣхъ этихъ вакансій исключительно пришлыми силами, которыя въ бо́льшей части случаевъ оказываются не вполнѣ соотвѣтствующими занимаемымъ имъ мѣстамъ, и, наконецъ, о безвыходномъ положеніи родителей, вынужденныхъ для предоставленія дѣтямъ ихъ высшаго образованія посылать ихъ въ Европейскую Россію, гдѣ они вполнѣ отчуждаются отъ семействъ и ихъ родныхъ обычаевъ. Сверхъ сего, Сибирь страна еще почти не початая въ научномъ отношеніи; ученыя экспедиціи, отправлявшіяся туда для изслѣдованія края, успѣли разработать только весьма незначительную часть имѣющагося въ немъ научнаго матеріала; борясь съ затрудненіями, сопряженными съ огромными переѣздами, экспедиціи эти могли заниматься своимъ дѣломъ лишь урывками, извлекать научныя свѣдѣнія только частями. Научный центръ въ самой Сибири далъ-бы возможность сосредоточеннымъ въ немъ ученымъ силамъ изслѣдовать край съ бо́льшимъ удобствомъ, и съ необходимыми для успѣшности работъ послѣдовательностью и постоянствомъ. Обиліе подлежащаго научному изслѣдованію матеріала въ Сибири доказывается уже тѣмъ, что она съиздавна привлекала и привлекаетъ въ послѣднее время изслѣдователей не только изъ Европейской Россіи, но и изъ нѣкоторыхъ странъ западной Европы. Съ начала прошлаго столѣтія начали посѣщать Сибирь знаменитые путешественники. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія посѣтили для изученія богатствъ ея Гумбольдтъ, Розе, Эренбергъ, Ледебуръ, наконецъ, въ послѣдніе годы Миддендорфъ, Котта, Бремъ и другіе.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ, — заключаетъ представленіе, — съ тѣхъ поръ, какъ дарованы преимущества пріѣзжающимъ на службу изъ Европейской Россіи въ Сибирь, и тѣмъ не менѣе прискорбная дѣйствительность показываетъ, что ни администрація, ни суды, ни народное здоровье, ни учебное дѣло въ этомъ краѣ не обезпечено достаточнымъ числомъ свѣдущихъ, образованныхъ и преданныхъ своему дѣлу лицъ. Въ подтвержденіе этого достаточно сказать, что въ двухъ только гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, существующихъ въ западной Сибири, недостаетъ въ настоящее время *шести штатныхъ преподавателей* по важнѣйшимъ предметамъ гимназическаго курса, древнимъ языкамъ и русскому языку съ словесностью, одного по исторіи съ географіей и двухъ по новымъ

иностраннымъ языкамъ, и что *недостатокъ врачей превышаетъ* 31% штатнаго числа сихъ должностныхъ лицъ при разныхъ учрежденіяхъ этого края, а именно врачей положено штатами 122, *недостаетъ* же *39 человѣкъ*. Независимо отъ сего, Сибирь и внѣ служебнаго поприща не менѣе, если не болѣе нуждается въ полезныхъ дѣятеляхъ, безъ которыхъ ея производительныя средства, связанныя съ естественными богатствами, остаются мало изслѣдованными. Примѣры такого явленія очевидны; не имѣя университета, Сибирь изъ своихъ уроженцевъ не могла воспитать ни одного вполнѣ образованнаго поколѣнія, которое бы всецѣло посвятило ей, какъ родному мѣсту, свои полезныя силы. Мало того, въ ней постоянно повторяется слѣдующее неутѣшительное явленіе, общее для обѣихъ половинъ ея: лучшіе воспитанники, окончившіе курсъ въ мѣстныхъ гимназіяхъ и поступившіе въ университеты имперіи, по пріобрѣтеніи тамъ высшаго образованія, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возвращаются въ Сибирь, но несравнённые въ преимуществахъ службы съ уроженцами не-сибирскими и увлекаемые либо служебными выгодами, либо невѣдомыми дотолѣ удобствами жизни въ столичныхъ и большихъ городахъ, избираютъ мѣстомъ своей дѣятельности Европейскую Россію. Такимъ образомъ, Сибирь представляетъ то рѣдкое и въ высшей степени прискорбное зрѣлище, что учрежденныя въ ней средне-образовательныя заведенія, вмѣсто того, чтобы обогащать ее достаточно образованными людьми, служатъ какъ-бы средствомъ для отвлеченія изъ нея свѣжихъ живительныхъ умственныхъ силъ въ Европейскую Россію, изъ которой, взамѣнъ ихъ, нерѣдко являются на службу, не безъ значительныхъ для государства денежныхъ затратъ, искатели счастья, не успѣвшіе въ ней пристроиться по недостатку свѣдѣній, а иногда и сомнительной нравственности, въ большинствѣ случаевъ люди, смотрящіе на службу въ Сибири, какъ на дѣло временное, и пытающіеся при первой возможности оставить ее и возвратиться въ Европейскую Россію. Со времени перваго заявленія мысли объ учрежденіи университета,—говоритъ представленіе,—народонаселеніе въ Сибири возросло до 5.000,000, открытыхъ въ ней *четырехъ* гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія оказывается недостаточно для удовлетворенія потребности края, а учрежденіе новыхъ средне-образовательныхъ заведеній встрѣчаетъ затрудненіе по недостатку подготовленныхъ преподавателей. Сибирь вообще крайне нуждается въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, и удовлетворить этой нуждѣ не могутъ высшія учебныя заведенія имперіи, куда учащіеся должны слѣдовать за

четыре-пять, а иногда и болѣе тысячъ верстъ; словомъ, представляется нынѣ настоятельная необходимость возвысить уровень образованія въ Сибири, дать мѣстнымъ ея уроженцамъ средства развивать и оберегать свои умственныя силы на пользу самой Сибири, что̀ можетъ быть достигнуто только учрежденіемъ университета въ этомъ краѣ.

По вопросу о томъ, найдется ли достаточное число слушателей для сибирскаго университета, вопросу, служившему аргументомъ для многихъ противниковъ университета въ Сибири, выяснилось слѣдующее: 1) въ гимназіяхъ Западной и Восточной Сибири въ 1875 году выдержали испытаніе зрѣлости 38 молодыхъ людей (въ томъ числѣ въ Тобольскѣ 9, Томскѣ 14, Иркутскѣ 10 и Красноярскѣ 5); и 2) въ 1875—1876 учебномъ году въ четвертыхъ классахъ духовныхъ семинарій (гдѣ оканчивается общій курсъ и изъ коихъ дозволено поступить въ университетъ) тобольской и иркутской числится 31 ученикъ и въ среднемъ отдѣленіи томской духовной семинаріи, соотвѣтствующемъ 4-му классу преобразованныхъ по новому уставу семинарій, 34, всего въ трехъ семинаріяхъ (изъ четвертой Благовѣщенской свѣдѣній не имѣется) 65 учениковъ. Имѣя въ виду эти данныя, какъ болѣе или менѣе постоянныя, а также принимая во вниманіе стремленіе молодыхъ людей къ высшему образованію, что̀ подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что изъ 23-хъ выдержавшихъ въ минувшемъ году въ гимназіяхъ тобольской и томской испытаніе зрѣлости,—20 заявили желаніе поступить въ университеты и въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію, можно допустить, что и при нынѣшнемъ числѣ средне-образовательныхъ учебныхъ заведеній университетъ въ Сибири имѣлъ бы ежегодно отъ 60 до 70 новыхъ слушателей, считая въ томъ числѣ и воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Такое число слушателей, въ началѣ безспорно не большое по сравненію съ другими университетами, впослѣдствіи, по мѣрѣ открытія новыхъ гимназій и выпуска изъ нихъ воспитанниковъ, возросло-бы, и во всякомъ случаѣ университетъ въ Сибири, въ самомъ началѣ своего открытія, не остался-бы безъ такого контингента учащихся, при которомъ возможна его дѣятельность съ довольно значительными результатами для края. Поставивъ такимъ образомъ вопросъ объ университетѣ, и при объясненномъ выше небольшомъ составѣ слушателей, на почву практической возможности его осуществленія, представленіе полагаетъ, что отсрочить учрежденіе сего заведенія до времени подготовки бо́льшаго числа слушателей, значило-бы замедлить открытіе новыхъ средне-образова-

тельныхъ учебныхъ заведеній и оставлять на долгое, если не на неопредѣленное время, неудовлетворенными потребности края въ образованіи достойныхъ для него дѣятелей. Вотъ данныя, которыя приведены были въ проектѣ 1875 года [1]).

Затѣмъ были выражены слѣдующія предположенія: а) университетъ полезно-бы было учредить изъ 4-хъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. б) Число каѳедръ по каждому факультету можно было-бы, на первое время, ограничить наиболѣе необходимыми и основными, съ тѣмъ, чтобы, со временемъ, по мѣрѣ пріисканія достойныхъ профессоровъ и увеличенія числа студентовъ, число ихъ постепенно пополнялось до нормы, положенной общимъ уставомъ университета. в) Сообразно ограниченію числа каѳедръ предполагалось уменьшить число преподавателей, а слѣдовательно и сумму падающихъ на государственное казначейство расходовъ, произведя также возможныя сокращенія издержекъ и по нѣкоторымъ другимъ статьямъ, опредѣленнымъ дѣйствующими штатами университета. г) За необходимыми изъятіями, проектируемый университетъ подчинить дѣйствію общаго устава университетовъ въ имперіи.

Вообще по составленному въ Западной Сибири проекту штата университета предполагались значительныя сокращенія расходовъ сравнительно со штатами 1863 года, напримѣръ: сокращеніе 63,000 руб. вслѣдствіе уменьшенія числа профессоровъ и доцентовъ; 12,985 руб. отъ предположенія не учреждать на первое время факультетскихъ клиникъ; на стипендіи студентамъ назначалась сравнительно небольшая сумма 10 т. рублей. Всего относительно штата средняго по стоимости содержанія университета (Харьковскаго) расходъ сокращенъ на 126,609 руб. Такимъ образомъ, сумма, необходимая для содержанія университета въ Сибири, исчислена первоначально въ проектѣ въ 212,220 руб. Сумма эта, по мнѣнію генералъ-губернатора Западной Сибири, можетъ быть еще сокращена на 6,000 руб., отпускаемыхъ нынѣ на 20 сибирскихъ стипендіатовъ въ университетахъ по мѣрѣ окончанія курса или вообще выбытія этихъ стипендіатовъ.

Кромѣ того, въ виду экономической и финансовой стороны дѣла обращено было вниманіе на слишкомъ крупныя издержки, которыя въ настоящее время несетъ государство вслѣдствіе преимуществъ, предоставленныхъ пріѣзжающимъ изъ Европейской Россіи на службу въ Сибирь. Собранныя по этому предмету свѣдѣнія по-

[1]) Три года спустя представились уже новыя данныя объ учебномъ дѣлѣ въ Сибири, которыя мы приведемъ ниже.

казываютъ, что въ одной Западной Сибири на прибавочное за сибирскую службу жалованье ассигновано къ расходу въ 1875 году 67,032 руб. 81½ коп., и что въ 1874 году выдано пособій (окладовъ годового жалованья) вновь опредѣленнымъ на службу въ этотъ край 12,804 руб. 80 коп. По полученнымъ же отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири свѣдѣніямъ назначено въ этой части Сибири на 1875 годъ, на прибавочное жалованье за сибирскую службу, 65,430 руб. 86 коп., а на выдачу годовыхъ окладовъ жалованья вновь опредѣленнымъ на службу въ Восточную Сибирь чиновникамъ употреблено въ 1874 году 21,687 руб. 73 коп. Такимъ образомъ, въ совокупности, издержки эти простираются для обѣихъ частей Сибири до 167,000 руб. въ годъ. Необходимо допустить, что, съ учрежденіемъ сибирскаго университета и по мѣрѣ приготовленія въ немъ дѣятелей изъ уроженцевъ Сибири, потребность въ пришломъ элементѣ служащихъ постепенно падала бы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и расходъ на означенные предметы значительно бы сократился.

Сумма необходимая на постройку университета въ представленіи сибирскаго начальства была исчислена въ 500,000 рублей; причемъ первоначально университетъ долженъ былъ быть безъ клиникъ съ замѣною ихъ мѣстными госпиталями. Сумма эта была слишкомъ ничтожна даже по мѣстнымъ средствамъ, принимая во вниманіе, что въ то же время на постройку флигелей сибирской военной гимназіи было ассигновано 425,000 рублей [1]). Сверхъ того, было указано, что часть необходимыхъ для постройки денегъ находится уже въ пожертвованіи Демидова, и капиталъ этотъ достигаетъ 151,000 рублей; затѣмъ на этотъ предметъ можетъ быть еще обращено пожертвованіе г. Цибульскаго въ 100,000 руб., а слѣдовательно, въ 1875 году отъ казны понадобилось бы не болѣе 350,000 рублей. Наконецъ, въ изысканіи средствъ къ сокращенію издержекъ казны на этотъ предметъ генералъ-губернаторъ Казнаковъ указывалъ на могущую произойти экономію для казны 200,000 р. при введеніи вольныхъ почтъ. Хотя соображенія относительно вольныхъ почтъ не оправдались [2]), но они служили свидѣтельствомъ всей напря-

[1]) Постройка другихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, харьковскаго технологическаго института обошлась въ 2.000,000 руб., и сумма эта не была найдена обременительной. Штиглицъ на сооруженіе рисовальной школы пожертвовалъ 1.000,000 р. Казалось, для сибирскаго университета на постройку скорѣе необходимо было бы 500,000 р. казенныхъ приложить къ частнымъ пожертвованіямъ.

[2]) Вольныя почты въ рукахъ монополистовъ были бы только бременемъ для Западной Сибири, какъ доказало обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса.

женности въ изысканіи средствъ къ облегченію казны въ этомъ дѣлѣ. Однимъ словомъ, требованія по расходамъ на созданіе сибирскаго университета были доведены, какъ указываютъ документы, до послѣдняго минимума. Относительно предоставленія правъ и преимуществъ для привлеченія профессоровъ и доцентовъ въ новый университетъ не испрашивалось ничего, какъ только тѣ преимущества, которыя установлены вообще для служащихъ въ Сибири; затѣмъ предполагалось открытіе на первое время лишь самыхъ необходимыхъ каѳедръ [1]). Сумма на личный составъ должна была по смѣтѣ не превышать 212,220 рублей. Основаніе отдѣленія *восточныхъ языковъ*, столь необходимаго для Сибири, отлагалось на неопредѣленное время.

Предположенія и требованія эти были до того умалены, ограничены, и составъ университета могъ явиться столь неполнымъ, что министерство народнаго просвѣщенія, въ своихъ замѣчаніяхъ, сочло нужнымъ указать, что, при недостаточныхъ штатахъ, едва ли можно разсчитывать на привлеченіе достойныхъ профессоровъ и доцентовъ, безъ чего самый университетъ не станетъ на подобающую высоту, почему необходимо, для привлеченія профессоровъ и доцентовъ, увеличить оклады въ полтора раза болѣе чѣмъ въ другихъ университетахъ. Относительно состава и числа каѳедръ, министерство, соглашаясь въ общемъ, нашло нужнымъ сдѣлать только нѣкоторыя измѣненія, такъ: на филологическомъ факультетѣ, вмѣсто 6 каѳедръ и 8 профессоровъ, назначить до 7 каѳедръ и 9 профессоровъ; на юридическомъ факультетѣ прибавить также по каѳедрѣ и по профессору. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высказано было желаніе не устранять для сибирскаго университета каѳедру исторіи иностранныхъ законодательствъ, а включить ее въ составъ энциклопедіи права; нельзя также исключить международное право, такъ какъ оно имѣетъ не одинъ исто-

[1]) Въ историко-филологическомъ факультетѣ, по проекту генералъ-губернатора, предполагалось только 6 каѳедръ при 8 профессорахъ и 3 доцентахъ, вмѣсто положенныхъ по уставу 1863 года 11 каѳедръ при 12 профессорахъ и 7 доцентахъ. Въ физико-математическомъ факультетѣ полагалось въ проектѣ 8 каѳедръ при 12 профессорахъ и 4 доцентахъ, вмѣсто положенныхъ 12 каѳедръ при 16 профессорахъ и 3 доцентахъ. Въ юридическомъ факультетѣ предполагалось, вмѣсто 13 каѳедръ при 13 профессорахъ и 6 доцентахъ, имѣть 8 каѳедръ при 8 профессорахъ и 3 доцентахъ, причемъ политическая экономія и статистика соединялись въ одномъ лицѣ. Исторія важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, международное право и исторія славянскихъ законодательствъ совсѣмъ опускались. Медицинскій факультетъ предполагалось сократить до 11 профессоровъ и 9 доцентовъ. По штату сибирскаго университета, полагалось только 2 лектора иностранныхъ языковъ (а по общему уставу ихъ полагается 4).

рическій интересъ, а потому, чтобы дать хотя общее понятіе о немъ, положено соединить въ одинъ предметъ „государственное право“ и „общую теорію международнаго права“. Сочтено нужнымъ прибавить также нѣсколько профессоровъ и доцентовъ на медицинскомъ факультетѣ. Въ общемъ же, увеличеніе противъ представленнаго проекта генералъ-губернатора предполагалось только до 4 профессоровъ, 2 доцентовъ и 1 помощника прозектора. Относительно постройки университета безъ клиникъ, министерство народнаго просвѣщенія также не нашло удобнымъ согласиться, и въ общей смѣтѣ полагало бы на постройку университета опредѣлить не менѣе 600,000 рублей. Размѣръ статей расходовъ на лабораторію и кабинетъ до 1000 руб., на ботаническій кабинетъ 400 руб. и выписку журналовъ 750 р. найденъ уменьшеннымъ, такъ какъ, по отдаленности сибирскаго университета и затруднительности высылки и полученія необходимыхъ предметовъ, расходы эти должны бы быть увеличены. Вообще, министерство нашло нужнымъ на постройку университета увеличить расходъ до 600,000 руб., а на личный составъ и на учебныя принадлежности просить 307,820 рублей [1]). Министръ финансовъ, съ своей стороны, не встрѣтилъ препятствій къ внесенію въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія 1878 и 1879 г. потребныхъ на постройку университета суммъ, но съ тѣмъ, чтобы въ число ихъ были зачитаемы не только суммы, уже пожертвованныя на сибирскій университетъ, но и тѣ, которыя, въ виду окончательнаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи университета, вновь поступить могутъ. По мнѣнію министра народнаго просвѣщенія предполагалось открытіе сибирскаго университета съ 1 іюля 1879 года въ составѣ 4 факультетовъ. Министръ же финансовъ находилъ, что отпускъ денегъ слѣдуетъ назначить съ іюля 1880 г., съ ассигнованіемъ 100,000 руб. на предварительные расходы. Окончить постройку университета предполагалось къ 1880 году. Мѣстомъ основанія университета по первоначальному проекту былъ избранъ Омскъ. Въ такомъ видѣ, согласно высочайшему повелѣнію 24 апрѣля 1876 г., вопросъ о сибирскомъ универ-

---

[1]) По штатамъ 1863 года, съ присоединеніемъ другихъ сверхштатныхъ суммъ, другіе университеты получаютъ:

С.-Петербургскій	375,586 руб.
Московскій	466,950 „
Харьковскій	357,973 „
Казанскій	376,872 „
Кіевскій	373,160 „

ситетѣ внесенъ былъ въ министерство народнаго просвѣщенія, а послѣднимъ въ государственный совѣтъ.

Проектъ сибирскаго университета при такихъ условіяхъ не встрѣчалъ, повидимому, особыхъ препятствій къ своему осуществленію. Можно было ожидать, что открытіе университета, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ, осуществится, и надежды Сибири сбудутся; но и на этотъ разъ ожиданіямъ сибирскаго края суждено было исполниться не столь скоро, какъ ожидалось. Славянское движеніе и война съ Турціей, какъ и финансовыя обстоятельства Россіи еще разъ отодвинули этотъ вопросъ, почти рѣшенный, на второй планъ и пріостановили практическое осуществленіе начатаго дѣла. Самый проектъ учрежденія университета, къ сожалѣнію, далеко не привлекъ должнаго вниманія столичной печати и общества, и не вызвалъ всесторонняго обсужденія, можетъ быть, благодаря тому, что самый проектъ не былъ опубликованъ. Одинъ только пунктъ этого проекта вызвалъ вниманіе общества и печати, напомнивъ, что проектъ этотъ разсматривается. Пунктъ этотъ касался избранія города для сибирскаго университета и, играя, повидимому, второстепенную роль, получилъ тѣмъ не менѣе первостепенное значеніе для края. При этомъ нужно имѣть въ виду обстоятельства, которыми избраніе мѣста для университета сопровождалось.

Когда-то, по мысли жертвователя Демидова, предполагался мѣстомъ для основанія университета Тобольскъ, но городъ этотъ давно потерялъ свое значеніе центра и метрополіи Сибири. Въ 60-хъ годахъ предполагалось основаніе университета въ Иркутскѣ, какъ пунктѣ, получившемъ особенное развитіе въ краѣ, но впослѣдствіи не разъ высказывались преимущества Томска, какъ центральнаго пункта для обѣихъ частей Сибири. При поднятіи вопроса объ университетѣ въ 1875 г. большинство полагало, что выборъ падетъ на Томскъ, какъ на самый видный городъ Западной Сибири, обладающій всѣми необходимыми для университетскаго города условіями. Таково-же было ожиданіе жертвователя, давшаго въ числѣ первыхъ 100,000 рублей на основаніе томскаго университета. Но административныя соображенія заставляли проектъ высказаться за Омскъ, городъ, находящійся на окраинѣ, а не въ центрѣ Сибири. Несмотря на всѣ аргументы въ пользу Омска, какъ города будущаго, и его административныя преимущества, мысль избранія его резиденціей университета, противорѣчащая вообще интересамъ сибирскаго края и общества, явилась вдобавокъ неожиданностью для сибиряковъ и, понятно, вызвала самые горячіе протесты. Омскъ пред-

ставляетъ въ Западной Сибири довольно большой, но преимущественно чиновничій городъ, имѣвшій когда-то военное и административное значеніе при завоеваніи киргизской степи; но и это значеніе съ покореніемъ степей въ значительной степени утратилось. Находясь въ сторонѣ отъ главнаго сибирскаго тракта и центра населенія, онъ угрожалъ сдѣлать университетъ пустымъ. Наконецъ, городъ Омскъ переполненъ исключительно элементомъ наѣзжимъ, временнымъ и никакой связи съ страною неимѣющимъ; для самихъ пріѣзжающихъ онъ играетъ роль только временной станціи [1]). Вотъ почему общественное мнѣніе Сибири весьма рѣшительно выступило противъ Омска, а мѣстная и столичная печать рѣшительно отдавали преимущество городу Томску.

Исторія этой борьбы и соперничества городовъ за университетъ составляетъ яркій эпизодъ и живую страницу общественной сибирской жизни. Сибирскія городскія общества по этому поводу составляли многочисленные адресы и представленія. Вотъ что писалъ, напримѣръ, томскій городской голова: „Послѣднія петербургскія газеты и телеграфъ принесли въ Томскъ давно ожидаемую съ нетерпѣніемъ вѣсть о близкомъ окончательномъ рѣшеніи вопроса относительно дарованія Сибири перваго университета. Такое важное, можно сказать, историческое событіе для Сибири побудило нѣсколькихъ гласныхъ, какъ представителей всѣхъ слоевъ общества, обратиться ко мнѣ съ заявленіемъ, назначить въ одно изъ засѣданій думы вопросъ объ обсужденіи обстоятельствъ, относящихся къ этому дѣлу. Разрѣшая учрежденіе въ Сибири университета, правительство, въ благомъ попеченіи о нуждахъ края, имѣло несомнѣнно цѣлью предоставить жителямъ Сибири дать дѣтямъ своимъ высшее образованіе безъ излишнихъ затратъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ отправкою для обученія въ университетскіе города Европейской Россіи. Для достиженія этой цѣли, мѣстопребываніе университета, конечно, должно быть избрано въ томъ изъ городовъ, который не только находился-бы въ центрѣ Сибири по своему географическому положенію, но въ то же время былъ-бы въ тѣсной связи со всѣми городами не одной только Западной Сибири, но и всей Восточной. Такимъ центральнымъ пунктомъ является городъ Томскъ“.

Разобравъ всѣ аргументы за Томскъ и Омскъ, а также ука-

[1]) Изъ взвѣшенныхъ и разсмотрѣнныхъ доводовъ и числовыхъ данныхъ, разсмотрѣнныхъ въ особой коммиссіи при государственномъ совѣтѣ, оказалось, что Омскъ не обладаетъ ни однимъ изъ преимуществъ для университетскаго города по сравненію его съ Томскомъ.

завъ значеніе этихъ городовъ вообще для края, представитель томскаго городскаго сословія говоритъ въ заключеніе: „Всѣ эти доводы и факты приводятъ, съ одной стороны, къ несомнѣнному убѣжденію, что учрежденіе университета въ гор. Томскѣ было бы далеко полезнѣе для обѣихъ частей Сибири и указываетъ съ другой стороны, что университетъ г. Омска рискуетъ остаться вовсе безъ слушателей и быть закрытымъ или переведеннымъ въ тотъ же Томскъ. Но газеты сообщаютъ за положительное, что университетъ учреждается въ Омскѣ. По предложенію генералъ-губернатора Западной Сибири, послѣдовавшему въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года, объ уступкѣ въ гор. Томскѣ мѣста подъ университетъ, граждане этого города, съ глубокою признательностью и готовностью, въ 19 день января, единогласнымъ рѣшеніемъ думы, сдѣлали уступку 35,000 квадр. саженъ лучшаго мѣста подъ университетъ, и въ тотъ же день гражданинъ города Томска Цибульскій пожертвовалъ 100,000 рублей на устройство предполагаемаго въ гор. Томскѣ университета. Если-бы даже отведенное мѣсто, по какимъ-либо причинамъ, было признано неудобнымъ, то граждане Томска, въ виду того громаднаго значенія, какое имѣетъ университетъ для Сибири, не затруднятся отвести другое мѣсто, которое будетъ избрано, лишь бы только учреждаемый университетъ, по своему мѣсторожденію, удовлетворялъ удобствамъ жителей всей Сибири; причемъ можно надѣяться, что въ такомъ случаѣ мѣстное купечество не затруднится на пожертвованія, и примѣръ г. Цибульскаго найдетъ многихъ подражателей. Извѣстіе о предполагаемомъ открытіи въ городѣ Томскѣ университета было встрѣчено сочувственно всѣми жителями Восточной Сибири, какъ это было видно изъ личныхъ заявленій и отзывовъ въ газетахъ. Зная убѣжденіе всѣхъ сибиряковъ, что г. Томскъ есть центральный городъ Сибири, граждане города Томска не сомнѣвались, что университетъ будетъ учрежденъ здѣсь, и потому не принимали никакихъ ходатайствъ и имъ, до сихъ поръ, неизвѣстны причины перемѣны первоначальнаго взгляда правительства, если таковая дѣйствительно состоялась, какъ видно изъ газетъ. Если принять за основаніе учрежденіе университета въ Омскѣ бо́льшую возможность надзора за учащимися высшаго центральнаго управленія, находящагося въ томъ городѣ, то граждане города Томска полагаютъ, что было бы удобнѣе перевести высшую учебную администрацію въ городъ Томскъ, чѣмъ рисковать университету остаться безъ студентовъ“.

Точно также характеристиченъ и другой документъ, адресованный министру народнаго просвѣщенія отъ имени жертвова-

теля на сибирскій университетъ, Захара Михайловича Цибульскаго:

„Ни въ одной части Россіи общество не прочувствовало такъ глубоко недостатокъ высшаго образованія, какъ въ отдаленной отъ умственныхъ центровъ Сибири. Поэтому извѣстіе о намѣреніи правительства учредить въ Томскѣ университетъ было встрѣчено сибиряками съ невыразимымъ восторгомъ. Наши начинанія, касались-ли они науки и воспитанія, городскаго хозяйства или промышленности, почти всегда оказывались дурно исполненными вслѣдствіе недостатка знанія; мы желаемъ изслѣдовать Сибирь для себя, а между тѣмъ къ намъ пріѣзжаютъ Норденшельды, Бремы, представители чужихъ интересовъ. Мы жертвуемъ деньги на пріюты, городскія и сельскія школы, но заведенія эти не приносятъ всей ожидаемой отъ нихъ пользы, по неимѣнію хорошихъ преподавателей. Намъ должно заботиться о городскомъ благоустройствѣ, ассенизаціи нашихъ жилищъ и улицъ, но гдѣ взять исполнителей? Неисчерпаемыя естественныя богатства Сибири лежатъ нетронутыми, ожидая умѣлыхъ рукъ для ихъ разработки. Приведенныя и другія подобныя задачи не вымышленныя, а дѣйствительныя и насущныя,—разрѣшаются въ благопріятномъ смыслѣ, когда въ Сибири будетъ разсадникъ высшаго образованія. Вотъ почему вѣсть объ университетѣ была встрѣчена единодушнымъ сочувствіемъ, которому въ особенности содѣйствовало удачное избраніе Томска университетскимъ городомъ“... „Не буду повторять доводы за Томскъ, — говоритъ жертвователь, — изложенные въ представленномъ ходатайствѣ томской городской думы. Взгляды томской думы раздѣляютъ другіе города Сибири, изъ которыхъ нѣкоторые присоединились къ ходатайству за Томскъ. Услышавъ о намѣреніи избрать Омскъ университетскимъ городомъ, енисейская дума, по постановленію 15 іюня 1877 года, ходатайствовала чрезъ мѣстнаго губернатора и посылала телеграмму вашему сіятельству, доказывая преимущества Томска. То же самое сдѣлала верхнеудинская дума, по постановленію своему 12 іюля. Красноярскій городской голова, въ письмѣ отъ 5 іюля за № 1169, выражалъ томскому головѣ, что его общество сочувствуетъ устройству университета въ Томскѣ, но что, къ сожалѣнію, время для ходатайства о томъ, по мнѣнію этого общества, упущено. Барнаульскій городовой староста писалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, что тамошнее общество, безусловно, раздѣляетъ воззрѣніе томской думы, но оно не можетъ оффиціально высказаться, потому что тамъ не введено городовое положеніе. Это ясно доказываетъ, что сочувствіе къ Томску не вытекаетъ изъ эгоистической заботы однихъ

лишь его гражданъ о выгодахъ своего города; такое узкое воззрѣніе не заслуживало бы поощренія. Пусть откроютъ въ Сибири двѣ подписки на университетъ въ Омскѣ и на университетъ въ Томскѣ, тогда увидятъ наглядным образомъ, что первому никто не сочувствуетъ, на второй же посильныя приношенія деньгами, учрежденіемъ стипендій и т. п. потекутъ широкой рѣкой. Ошибаться въ выборѣ пункта для университета—значило-бы дискредитировать здѣсь самую идею высшаго образованія, отдалить ожидаемые для Сибири отъ университета благіе результаты, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе".

Такимъ образомъ, въ Томскѣ сосредоточивались сочувствующія ему заявленія со всѣхъ городовъ Сибири. Иркутская дума сдѣлала въ полномъ собраніи открытое заявленіе и представила министру народнаго просвѣщенія слѣдующій адресъ: „Учрежденіе университета въ Сибири будетъ, безъ сомнѣнія, признано третьей эпохой въ исторической жизни этой страны... Университетъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, былъ завѣтнымъ желаніемъ Сибири, и городъ Иркутскъ можетъ съ увѣренностью сказать, что въ немъ и зародилась, и долгое время зрѣла мысль объ университетѣ. Но когда эта мысль вполнѣ созрѣла и стала близка къ осуществленію, когда возникъ практическій вопросъ: гдѣ быть университету?—городъ Иркутскъ, движимый чувствомъ справедливости и интересами не одной восточной, но и всей Сибири, уступилъ свое право Томску. Никто въ восточной Сибири не возражалъ противъ преимуществъ географическаго положенія Томска. Не то произошло, когда прошла вѣсть, что мѣстомъ основанія сибирскаго университета предполагается Омскъ. Если намъ придется посылать своихъ дѣтей за три тысячи верстъ, то не лучше-ли, по-прежнему, отправлять ихъ въ Казань или въ столицы, гдѣ болѣе и образовательныхъ средствъ, и самая жизнь удобнѣе и поучительнѣе. Таково общее мнѣніе восточной Сибири. Иркутская городская дума, вслѣдствіе сношенія томской думы, уполномочила меня почтительнѣйше заявить вашему сіятельству, что основаніемъ университета въ Омскѣ только въ половину будетъ исполнено желаніе Сибири, жаждущей высшаго образованія; что университетъ въ Омскѣ далеко не будетъ имѣть того значенія, какое имѣлъ-бы, находясь въ центрѣ и на великомъ пути отъ Атлантическаго къ Тихому окену, и что, наконецъ, если Иркутскъ охотно уступилъ Томску великое право имѣть въ своихъ стѣнахъ разсадникъ высшаго образованія, то уступить это право отдаленному и малоизвѣстному Омску для него больно и прискорбно. Исполняя порученіе иркутской городской думы, имѣю

честь заявить вашему сіятельству о желаніи моихъ согражданъ, чтобы дѣло о дарованіи университета Сибири завершено было въ духѣ общихъ желаній сибиряковъ, которые питаютъ надежду, что въ дѣлѣ такой важности голосъ ихъ будетъ выслушанъ и ихъ соображенія приняты во вниманіе при указаніи мѣста, гдѣ быть сибирскому университету.—Заступающій мѣсто иркутскаго городскаго головы Николай Лаврентьевъ".

Значительная часть городовъ Сибири и обществъ сгруппировались такимъ образомъ около Томска, города Восточной Сибири, всѣ высказались за него; изъ городовъ Западной Сибири только Тобольскъ и Тюмень заявили нѣкоторый партикуляризмъ. Тобольскъ, по традиціи, рѣшился самъ заявить себя въ кандидаты, а Тюмень высказался за Омскъ, какъ ближайшій къ нему городъ. Коммиссія, учрежденная для разсмотрѣнія вопроса о выборѣ города для университета, взвѣсила всѣ аргументы, высказанные за тотъ и другой городъ, оцѣнила ихъ вполнѣ безпристрастно и отдала предпочтеніе центральному пункту Сибири — Томску.

Вслѣдъ за результатами сужденій коммиссіи и окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса государственнымъ совѣтомъ въ пользу Томска [1]) мѣстныя симпатіи общества къ сибирскому университету выразились новыми пожертвованіями. Томское общество внесло 25,000 руб. на клиники и 5,000 руб. на покупку книгъ для библіотеки. На приглашеніе генералъ-губернатора Западной Сибири, А. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 100,000 руб. на устройство кабинетовъ, онъ же внесъ на покупку библіотеки 10,000 рублей. Изъ другихъ жертвователей Трапезниковъ внесъ 10,000 руб., Пермикинъ 1,000 руб., Богдановичъ ассигновалъ сумму на стипендію; наконецъ, нѣсколько лицъ заявили желаніе пожертвовать библіотеки, вмѣстѣ съ тѣмъ начали стекаться приношенія для музеевъ. Вопросъ такимъ образомъ снова пріобрѣлъ прежнія симпатіи и сочувствіе сибирскаго общества. Нельзя было упрекнуть въ этомъ случаѣ сибирское общество въ равнодушіи. Вѣсть объ утвержденіи университета въ Томскѣ принята сибирскимъ обществомъ съ живою радостью и восторгомъ. „Да будетъ эта радостная вѣсть для Сибири дѣйствительной радостью", писала одна мѣстная газета. При всякомъ благопріятномъ извѣстіи объ университетѣ телеграфныя депеши въ Томскѣ печатались золотымъ шрифтомъ, выставлялись въ лавкахъ и расходились по рукамъ. Частныя пожертвованія производились

[1]) 1-го мая 1878 года вопросъ о сибирскомъ университетѣ окончательно рѣшенъ въ государственномъ совѣтѣ въ пользу Томска и состоялось затѣмъ высочайшее повелѣніе.

безъ всякаго вынужденія, добровольно и съ сознаніемъ важности дѣла.

Финансовая сторона университетскаго вопроса между тѣмъ находится, какъ извѣстно изъ опубликованныхъ данныхъ, въ слѣдующемъ положеніи:

Демидовскій капиталъ составляетъ нынѣ . . .	150,000	руб. съ проц. [1]).
Пожертвованіе коммерціи совѣтника Цибульскаго	100,000	„
Пожертвованіе А. М. Сибирякова	100,000	„
Имъ же пожертвовано на библіотеку	10,000	„
Томскимъ обществомъ на устройство клиникъ пожертвовано	25,000	„
Томскими жителями на покупку книгъ для университета	5,000	„
Трапезниковымъ пожертвовано	10,000	„
Перминкинымъ	1,000	„
Красноярскимъ почетнымъ гражданиномъ Кузнецовымъ	500	„

Пожертвованія эти, не считая стипендій, какъ Богдановича и томскаго общества, а также жертвуемыхъ библіотекъ, простираются однѣми деньгами болѣе 400,000 р.

Какъ бы въ отвѣтъ, однако, на выраженныя опасенія и высказываемыя затрудненія, жертвователь на университетъ З. М. Цибульскій внесъ въ 1879 году вновь 40,000 р., для осуществленія скорѣйшей закладки университета. Эта новая жертва прибавила частный капиталъ [2]). Правда, нѣкоторые находятъ, что предполагаемая сумма по смѣтѣ 500,000 р. на постройку слишкомъ ограниченна даже для Сибири, принимая во вниманіе постройку клиникъ, кабинетовъ, музеевъ и т. д., но на это отвѣчаютъ: „Пусть будутъ заложены первые камни на университетъ, въ крайнемъ случаѣ у Сибири найдутся средства окончить дѣло, — этому ручательство уже существующія пожертвованія. Пусть университетъ нашъ не будетъ отличаться пышностью, — говорятъ мѣстные патріоты, — пусть это учрежденіе будетъ на первое время скромнымъ и не богатымъ, какъ домъ піонера-колониста.

---

[1]) Демидовскій капиталъ, какъ извѣстно, въ 1803 году состоялъ изъ 50,000 р. ассигнаціями, съ процентами онъ долженъ былъ составить гораздо болѣе 150,000 руб. сер., но, по какой-то случайности, онъ, какъ говорятъ, нѣсколько лѣтъ находился безъ всякаго приращенія.

[2]) Изъ рѣчи профессора Флоринскаго при закладкѣ университета въ 1880 г. видно, что къ этому времени частныя пожертвованія достигали 354,000 р., на учебныя пособія 100,000 р., на стипендіи 31,000 р., всего 485,000 р. и кромѣ того скопилось 35,000 томовъ пожертвованныхъ и купленныхъ книгъ.

Высшее учебное заведеніе должно блистать не внѣшностью, — пусть оно блистаетъ яркимъ лучомъ знанія и истины".

Дѣйствительно, слишкомъ много пропущено времени, чтобы не желать самаго скораго осуществленія этого учрежденія. Открыть его предположено было по внесенному проекту въ 1880 г. Какъ видимъ, университетскій вопросъ въ Сибири пережилъ много перипетій, черезчуръ долго ждалъ своей очереди и какъ бы ни было неразвито и незрѣло сибирское населеніе, едва-ли на немъ одномъ лежитъ за это отвѣтственность. Причина, — почему университетскій вопросъ въ Сибири, выступая не разъ, не могъ получить надлежащаго направленія и разрѣшенія, заключалась не въ томъ, что вопросъ этотъ являлся преждевременнымъ и недостаточно выясненнымъ, но въ томъ, что на него не было обращено достаточно вниманія, и что стремленіе сибиряковъ и ожиданіе ими реформъ не всегда совпадало съ ходомъ и настроеніемъ общественной жизни въ Европейской Россіи. Это объясняется отдаленностью сибирскихъ провинцій, гдѣ жизнь нѣсколько отстаетъ, а требованія ея опаздываютъ. Положеніе окраинъ между тѣмъ нисколько не улучшилось, и нужды просвѣщенія даютъ себя по-прежнему чувствовать.

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ оффиціальныхъ отчетовъ Сибири за 1878 годъ: „Народное образованіе въ Западной Сибири далеко не находится на надлежащемъ уровнѣ. Стремленіе къ образованію проявляется во всѣхъ слояхъ общества, но желающіе учиться поставлены въ весьма неблагопріятныя условія, по недостаточному числу учебныхъ заведеній. Большинство населенія, особенно женщины, до сихъ поръ еще остаются безграмотными. Въ развитіи общественной жизни явно сказывается недостаточность мѣстныхъ средствъ высшаго образованія. Хотя правительство постоянно старается привлечь на службу въ Сибирь образованныхъ лицъ, предоставляя имъ разныя льготы, но эти усилія не достигаютъ цѣли. Если въ Сибирь и попадаютъ вполнѣ достойныя лица, то они скоро до такой степени начинаютъ тяготиться суровыми, непривычными для нихъ условіями ея быта и отдаленностью отъ центра имперіи, что при первомъ удобномъ случаѣ покидаютъ Сибирь. Даже уроженцы ея, болѣе способные изъ учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, уѣзжая для своего образованія въ Европейскую Россію, свыкаются тамъ съ лучшею обстановкою жизни и рѣдко возвращаются на родину. Вслѣдствіе этого населеніе остается безъ врачей; сельскія и городскія училища нуждаются въ учителяхъ; судебныя мѣста — въ лицахъ, имѣющихъ юридическое образованіе.

Но кромѣ практическихъ цѣлей, еще важнѣе является на ряду съ высшимъ образованіемъ поднятіе вообще уровня общества и созданіе образованнаго класса, которое сознательно отнесется къ своей жизни, выдвинетъ передовыя задачи развитія и можетъ быть измѣнитъ самую будущность края, создавъ зародыши цивилизаціи въ Азіи.

Въ университетѣ такимъ образомъ лежитъ все будущее страны и нашей роли на Востокѣ. Это весьма плохо понимали люди, не принимавшіе во вниманіе положенія края и не знавшіе исторіи сибирскаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, университетскій вопросъ въ Сибири имѣлъ своихъ антагонистовъ и противниковъ.

Нѣкоторые находили, что университетъ для Сибири преждевременъ, потому что она еще мало населена, что ей недостаетъ гимназій; другіе-же относились къ вопросу совершенно равнодушно, такъ какъ были въ Сибири людьми временными, заѣзжими и, стремясь управлять судьбами края, не заботились узнать объ его нуждахъ. Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ сквозила та грустная черта нашего характера, которая дѣлаетъ насъ непростительно невѣжественными въ разрѣшеніи нашихъ народныхъ и внутреннихъ вопросовъ. Изрекая свои приговоры, мы не заботились узнать нашихъ окраинъ, и въ провинціяхъ, связанныхъ тѣсными узами съ остальною Россіею, не хотѣли признать правъ на человѣческое развитіе и образованіе, доступное каждому человѣческому обществу. Кромѣ консервативныхъ и реакціонныхъ аргументовъ, слышались нерѣдко мнѣнія о рановременности университета для Сибири и изъ другого, болѣе либеральнаго лагеря. Такъ, однимъ изъ серьезныхъ и заслуживающихъ вниманіе выставляется тотъ доводъ, что при малочисленности слушателей, университетъ для Сибири будетъ слишкомъ дорогой роскошью, что средства, предполагаемыя на него, лучше употребить на стипендіи въ другихъ университетахъ или на народное образованіе, въ которомъ масса населенія болѣе нуждается. Опытъ Россіи доказываетъ, говорили по этому поводу, что одно высшее образованіе не составляетъ полнаго развитія страны, что университетская наука часто даетъ одностороннее развитіе, и университеты воспитывали „баричей“; въ Сибири университетъ также будетъ достояніемъ богатыхъ классовъ, а не народа. Самыя учрежденія приносятъ пользу только при подготовкѣ народа, доказательствомъ чего приводили неудачи земскаго сельскаго самоуправленія, за недостаткомъ народнаго развитія и воспитанія. Преувеличенныя надежды сибиряковъ на университетъ поэтому люди такого сорта старались охладить. Напро-

тивъ, какъ молодой колоніи и юному обществу, начинающему свое развитіе, ей предлагали сдѣлать *опытъ развитія* на иныхъ началахъ. Ей предлагали всѣ средства и силы направить на первоначальныя школы, предпочтя ихъ всѣмъ реформамъ: земской, судебной и самому университету; подобно Американскимъ Штатамъ, ей совѣтовали широко раскинуть сѣть первоначальнаго народнаго воспитанія, а потомъ на этомъ фундаментѣ устраивать дальнѣйшую судьбу свою и строить другія учрежденія.

Какъ ни были серьезны и доброжелательны подобные доводы, но они не могли перемѣнить сложившагося убѣжденія и не всегда выдерживали критику. Мѣстные жители, правда, возлагали черезчуръ большія надежды на университетъ и выставляли его піонеромъ реформъ, но нельзя сказать, чтобы образованные сибиряки упускали изъ виду и другія реформы. Напротивъ, они смотрѣли на университетъ, какъ на могучій рычагъ, который даетъ средства создать и другія учрежденія. Сравненіе отдаленной Сибири съ Америкой и рекомендація слѣдовать ей въ дѣлѣ подготовительнаго народнаго воспитанія какъ ни были лестны для мѣстнаго патріотическаго чувства, но они слишкомъ расходились съ грустной дѣйствительностью и положеніемъ края, чтобы быть принятыми.

Кто могъ явиться творцомъ народной школы въ широкомъ смыслѣ и какія для того существовали средства въ Сибири? Заботы о сельской школѣ здѣсь должны были выпасть на долю тѣхъ же засѣдателей и земской полиціи. На сколько бы подобныя школы удовлетворяли своему назначенію — это вопросъ. Большинство сельскихъ школъ въ Сибири существуетъ номинально, крайне искусственно, и не достигаетъ цѣли при крайне неудовлетворительномъ составѣ преподавателей. Творцомъ настоящей народной школы могло явиться только земство, котораго въ Сибири еще нѣтъ. Поэтому совѣтъ сосредоточить все вниманіе на народной школѣ, обойдя всѣ реформы, безъ средствъ и учрежденій, которыя должны бы были руководить ею, являлся весьма мало практичнымъ. Въ отвѣтъ — не обольщаться реформами земской, судебной и другими, также какъ ролью русскихъ университетовъ, сибиряки съ полной справедливостью могли отвѣтить своимъ противникамъ: „Вамъ хорошо говорить о недостаткахъ этихъ учрежденій и относиться къ нимъ критически, когда вы ихъ достигли и ваши идеалы и требованія расширились, позвольте же намъ самимъ достигнуть тѣхъ же учрежденій, которымъ вы обязаны своимъ болѣе широкимъ міросозерцаніемъ“. Говоря о народной школѣ, не нужно забывать, что земство,

гласные суды — такая же школа въ народномъ воспитаніи и что первая безъ послѣднихъ точно также будетъ весьма мало дѣйствительна.

Недостатокъ средне-учебныхъ заведеній и гимназій хорошо ощущался сибиряками, но самое увеличеніе гимназій, а стало быть и контингента лицъ для будущаго университета зависѣло не отъ нихъ, оно было немыслимо безъ учрежденія высшаго учебнаго заведенія, такъ какъ созданіе гимназій не подвигалось за недостаткомъ въ существующихъ гимназіяхъ преподавателей. Такимъ образомъ, устраненіе университета и недостатокъ гимназій ставили Сибирь въ безвыходный cercle vicieux прежняго существованія. Вотъ почему сибирское общество и мѣстные сторонники университета не могли удовлетвориться представляемыми имъ возраженіями, а самыя идеальныя обѣщанія заставляли ихъ только горячѣе желать, вмѣсто заоблачныхъ журавлей, получить реальную синицу въ руки. Желаніе и стремленіе мѣстнаго общества стояли на болѣе дѣйствительной почвѣ мѣстныхъ нуждъ и формулировались въ опредѣленные тезисы.

Трудно, конечно, сказать что-либо противъ первоначальнаго народнаго образованія Сибири, на важность котораго указываютъ многіе опекуны, но оно не устраняетъ вопроса средняго образованія и вопроса университетскаго. Напротивъ, именно при развитіи послѣднихъ оно должно будетъ сосредоточить особое вниманіе общества, въ виду особенностей сибирской жизни. Просвѣщеніе массы и рабочаго населенія совершается обыкновенно посредственно и непосредственно. Около цивилизованныхъ центровъ и вблизи большихъ городовъ просвѣщеніе проникаетъ въ сельскую массу всѣми путями. Въ странѣ изолированной и отдаленной, какъ Сибирь, гдѣ нѣтъ большихъ просвѣщенныхъ центровъ, не имѣется этихъ условій. Благодаря свободному, равноправному и передвижному бывалому населенію въ Сибири, правда, замѣчается въ крестьянинѣ и простолюдинѣ несравненно бо́льшая развитость и сметливость, но оно мало грамотно [1]). Культурныя привычки, хотя и быстро принимаются, но рѣдко проникаютъ. Нравы населенія грубы. Поэтому знаніе здѣсь болѣе, чѣмъ необходимо, ибо борьба съ природой выступаетъ здѣсь сильнѣе: благодаря удаленности жизни въ лѣсахъ и промысламъ, одичаніе совершается быстро. Мѣстныя населенія, притомъ, находятся въ соприкосновеніи съ инородческими племенами, которыя, невольно

[1]) Въ Европейской Россіи, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, съ земскими учрежденіями 1—на 168, въ губерніяхъ безъ земства 1—на 471, въ Сибири же 1—на 664 человѣка.

вліяя, понижаютъ расу и заставляютъ еще ниже отступать невѣжественнаго человѣка. Кромѣ того, она живетъ подъ вліяніемъ деморализующаго ссыльнаго элемента. Вслѣдствіе того, здѣсь происходитъ усиленное развращеніе и разнуздываніе природы, ничѣмъ не уравновѣшиваемое и не смягчаемое. Распространеніе же народнаго образованія должно имѣть, по всѣмъ вѣроятіямъ, значеніе гуманизирующее.

Мы имѣемъ основаніе говорить о нуждахъ народнаго образованія въ Сибири, особенно теперь, когда идетъ дѣло о созданіи университета; причемъ необходимо позаботиться, чтобы самое знаніе не стало достояніемъ одного класса общества; чтобы самый университетъ не сдѣлался орудіемъ, которымъ воспользуются одни люди, ставящіе своей задачей эксплуатировать трудъ, иначе—чтобы онъ не послужилъ для однихъ промышленныхъ цѣлей монополистовъ и богатаго торговаго класса. Безъ сомнѣнія, плохой бы былъ выигрышъ, еслибы изъ грубыхъ кабалителей образовались въ странѣ только болѣе утонченные. При односторонности развитія мѣстнаго общества, этого можно опасаться. Вотъ почему необходимо желать, чтобы распространеніе народнаго обученія и образованія дало ту же возможность знанія и для трудящагося населенія. Оно явится полезнымъ дополненіемъ и помощью самому университету.

Если въ Европейской Россіи можно еще мечтать—и только мечтать—объ одномъ культурномъ классѣ изъ землевладѣльцевъ, то въ Сибири, по историческимъ условіямъ, по составу населенія, по условіямъ земледѣльческаго хозяйства, даже и мечтать объ этомъ невозможно. Здѣсь образованіе должно составить силу и средства народной жизни, непосредственно раздѣляемое всѣмъ населеніемъ.

Только при извѣстномъ развитіи населеніе найдетъ средства помочь себѣ.

Не забывая девиза, что отъ просвѣщенія и привитія знанія на Востокѣ зависитъ наша сила, могущество, богатство и вся будущность его, пора намъ обратить вниманіе на нашъ Востокъ, пора сдѣлать что-нибудь и для него. Обширный сибирскій край, съ его разнообразными нуждами, требуетъ разрѣшенія въ немъ многихъ существенныхъ вопросовъ, касающихся не только его одного исключительно, но и цѣлаго русскаго общества. Край богатый и разнообразный, пролежавшій вѣка безъ пользы, требуетъ, наконецъ, разработки. Неизбѣжное соединеніе желѣзною дорогою дальняго Востока съ центромъ Россіи, т.-е. Азіи съ Европой, должно вызвать въ краѣ предпріимчивость; необходимо,

чтобы на помощь ей пришла наука и знанія, иначе предпріимчивость будетъ направлена не туда, куда слѣдуетъ, а задохнется подъ давленіемъ невѣжества. Въ жизни края выступаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: колонизаціонный, торговый и промышленный, вопросъ о прекращеніи ссылки, объ уничтоженіи кабалы инородца и эмансипаціи азіатскаго раба на ряду съ освобожденіемъ другихъ рабовъ. Масса и другихъ вопросовъ, гражданскихъ и экономическихъ, выходитъ наружу и ожидаетъ разрѣшенія. „Все ожидаетъ здѣсь другой жизни и свѣта!“ Не пора-ли, въ самомъ дѣлѣ, дать свѣтъ этому краю?..

БУДУЩНОСТЬ СТРАНЫ

и

УСЛОВІЯ ЕЯ ПРЕУСПѢЯНІЯ.

XI.

Наступающій моментъ сознательнаго отношенія къ своей исторіи.—Сибирь, какъ колонія Россіи.—Характеръ земледѣльческихъ колоній по опредѣленію Рошера.—Успѣхи развитія колоній у различныхъ народовъ.—Англійская и испанская колонизація.—Всякая національность вноситъ свой характеръ и институты.—Общія черты колоній.—Чего недостаетъ русскимъ колоніямъ.—Необходимыя условія процвѣтанія.—Будущность края.

Обозрѣвъ современное положеніе Востока и Сибири съ ея современными нуждами и вопросами, совершенно естественно будетъ подвести итогъ ея прошлому существованію и выразить взглядъ на будущее. Сдѣлать это тѣмъ своевременнѣе, что край оканчиваетъ 300-лѣтіе и вступаетъ въ новый фазисъ исторической жизни. Наступаетъ время сознательно отнестись къ его жизни, опредѣлить моментъ, переживаемый имъ, создать ему роль въ будущемъ и разсмотрѣть тѣ условія, которыя могутъ благопріятствовать его развитію.

Русскій народъ своимъ разселеніемъ на Сѣверѣ и Востокѣ достаточно доказалъ свои колонизаціонныя способности. Что Россіи суждена по положенію колонизаторская роль и что она сама похожа скорѣе на огромную колонію между Западомъ и Востокомъ, это угадываютъ европейскіе писатели, занимающіеся ея судьбою. Такой взглядъ проведенъ Леруа Болье въ послѣднемъ его сочиненіи о Россіи [1]). Тѣмъ болѣе характеристика ко-

[1]) L'Empire des Tsars et les Russes, par Leroy Beaulieux, p. 40, 41, 42.

лоніи приложима къ Сибири. Дѣйствительно сравненіе Сибири съ Америкой весьма часто встрѣчается и, такъ сказать, само напрашивается. „Вмѣсто края, пригоднаго только для ссылки, Сибирь, и особенно западная, говоритъ одна статья по поводу трехсотлѣтія Сибири, представляется обширнымъ запасомъ земель для переселенія того избытка русскаго населенія, который естественно будетъ образоваться при существующей системѣ земледѣльческой культуры. Здѣсь наши „Соединенные Штаты“, и ни одно государство не поставлено такъ выгодно, какъ Россія, въ отношеніи возможности посылать своихъ эмигрантовъ не за моря, а селить у себя рядомъ [1]). Другая статья по тому же поводу дѣлаетъ то же сближеніе. „Мы обращаемся къ сравненію Сибири съ другой страной, которая имѣетъ много общаго съ ней въ своемъ физическомъ устройствѣ и въ первоначальной исторіи. Мы говоримъ о Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, которые отличаются отъ Сибири только своими южными провинціями и широкимъ развитіемъ береговой линіи. Но причины быстраго развитія Соединенныхъ Штатовъ лежатъ не на югѣ, и притомъ, близкое сосѣдство съ двумя океанами для американской республики важно только въ торговомъ отношеніи; для Сибири есть другія выгодныя условія, которыя, можетъ быть, даже перевѣшиваютъ преимущества Америки: близость и сосѣдство разныхъ азіатскихъ государствъ, которыя на долго еще могутъ быть обширными рынками для нашей внѣшней торговли; обмѣнъ произведеній собственно съ Европейской Россіей, и т. д. Разсматривая карту Америки, невольно любуешься на ея равнины, горныя цѣпи и могучія рѣчныя системы, которыя имѣютъ такъ много общаго съ равнинами, горами и рѣками Сибири; затѣмъ рѣзко континентальный климатъ, орошеніе, обширныя пространства, богатство царства растительнаго и животнаго, сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ горъ—и здѣсь мы видимъ много общаго съ Сибирью, конечно, не выходя изъ предѣловъ аналогіи, которая, какъ всякая аналогія, не можетъ быть приведена до мельчайшихъ подробностей [2]).

Сибирь представляетъ колонію земледѣльческую, и въ этомъ скрываются значительныя ея преимущества. „Земледѣльческія колоніи, говоритъ знатокъ колоній Рошеръ, отличаются отъ военныхъ и торговыхъ колоній тѣмъ, что онѣ развиваются въ мѣстахъ пустынныхъ, рѣдко населенныхъ звѣроловными или пасту-

[1]) „Новое Время“ 26 октября 1881 г. № 2034. Сибирскій Юбилей.

[2]) „Русскія Вѣдомости“ 25 ноября 1881 г. № 288, 300-лѣтній юбилей завоеванія Сибири.

шескими народами; имъ свойственно произрастаніе злаковъ и обиліе лѣсовъ, поэтому земледѣльческія колоніи до прибытія колонистовъ представляютъ лѣсистую страну, и колонисты начинаютъ свою жизнь съ трудной, опасной для здоровья обработки новинъ. Колонисты должны быть здѣсь осѣдлы со всѣмъ своимъ имуществомъ и семействомъ и оставаться на всю жизнь колоніей, потому что только дѣти могутъ пожать то, что посѣяли отцы. Такимъ путемъ изъ колоніи не рѣдко выростаетъ нація — самостоятельная отрасль метрополіи. Эти колоніи происходятъ отъ излишка накопленія рукъ въ метрополіи и потому къ созданію ихъ способнѣе густо-населенныя страны. Обыкновенно, вслѣдствіе трудности отдаленныхъ путешествій большими массами и неудобства перевозки земледѣльческихъ продуктовъ, такія поселенія основываются вблизи метрополіи, примѣры тому — Сѣверная Америка и Англія, Южная Америка и Испанія, Сибирь и Россія, сѣверные мало-азійскіе греки и Эолія, южныя мало-азійскія греческія колоніи и дорійцы. Климатъ подобныхъ колоній долженъ быть не слишкомъ отличенъ отъ климата метрополіи. Рошеръ приводитъ въ примѣръ климатъ плато въ Мехикѣ, одинаковый съ климатомъ Кастиліи. Еще лучше, если колоніи прилегаютъ непосредственно къ метрополіи, какъ долина Миссисипи къ Атлантическимъ штатамъ. Внутренній характеръ такихъ земледѣльческихъ колоній, по словамъ Рошера, демократическій. Кто шагъ за шагомъ завоевываетъ въ потѣ лица свой дворъ, кто каждую минуту долженъ быть готовъ защищаться отъ набѣга дикихъ людей или хищныхъ животныхъ, тотъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія отправлять барщину. При избыткѣ земли, которую можно брать даромъ, рѣдко создается поземельная зависимость; что касается личности, то культиваторъ въ дѣвственной странѣ воспитываетъ замѣчательную самостоятельность и независимость характера. Принимая во вниманіе, что богатые люди считаютъ тяжелымъ принимать участіе въ земледѣліи колоній, пролетаріи-же дорогимъ, земледѣльческія населяются преимущественно людьми средняго состоянія, людьми равнаго достатка. Снабженныя просвѣщеніемъ земледѣльческія колоніи достигаютъ весьма быстро гражданственности и извѣстнаго совершенствованія. Въ древности такую колонію представляла Сицилія, которая до времени самого Цицерона считалась житницей. Здѣсь процвѣтало земледѣліе и скотоводство, побѣдителями на конскихъ ристалищахъ были сициліане, здѣсь даже разцвѣла буколическая поэзія Ѳеокрита. Въ новѣйшее время типъ земледѣльческихъ колоній представляютъ Сѣв. Америка, Сибирь

и Новая Голландія". Проводя подобную аналогію, не должно забывать однако, что это сравненье только внѣшнее, такъ сказать въ общихъ типическихъ признакахъ всѣхъ заселенныхъ странъ.

Въ частности-же жизнь и исторія колоній до безконечности различествуетъ. Каждая нація создавала свой типъ колоній и вела свою колоніальную политику. Такъ съ давняго времени отличаютъ греческія земледѣльческія колоніи (клерухіи) отъ римскихъ военныхъ колоній (апойкій). Англійскія колоніи отличаются отъ испанскихъ. Сравненія жизни и условій существованія этихъ колоній у различныхъ народовъ, въ виду изученія колонизаціоннаго вопроса, весьма поучительны. Въ исторіи европейской колонизаціи мы видимъ нѣсколько періодовъ, точно такъ-же какъ и различныя побужденія, которыя руководили націями въ основаніи колоній. Прежде чѣмъ выработалась опредѣленная колоніальная система и политика, различные народы пользовались колоніями различно, назначая ихъ военными пунктами, торговыми факторіями, мѣстами ссылки, наконецъ дѣлали колоніями горнозаводскими или плантаторскими. Колоніи торговыя и плантаторскія были первыми формами поселеній. Націи кидались на рѣдкія произведенія новой страны и стремились вывезти ея богатства; такъ испанцы и англичане кинулись на золото и мѣха Америки, на табакъ, сахаръ въ Вестъ-Индіи, слоновую кость и пряности въ Индіи, алмазы въ Бразиліи и т. п. Скоро потребовалось для разработки этихъ богатствъ привезти рабочія руки. Такъ образовывались плантаторскія невольничьи колоніи. Характеристика ихъ сдѣлана также Рошеромъ. Въ XVII стол. спекуляція на колоніальныя богатства явилась страстью. Испанія, Португалія, Голландія, Франція и Англія одинаково соперничали въ этомъ. Старая колоніальная политика сводилась къ обширнымъ спекуляторскимъ компаніямъ въ метрополіи игравшимъ на богатство колоній и къ системѣ кредита вывоза и насажденья рабства въ колоніяхъ. Способы эти соотвѣтствовали времени грубости и невѣжества націй и основывались единственно на самой жадной эксплуатаціи. Увеличеніе богатствами и хищническій способъ въ колоніяхъ былъ, однако, не вѣченъ. Несостоятельность и невыгода поверхностнаго извлеченія сокровищъ была сознана, она повела къ опустошенію и расхищенію. Сами колонисты сознали всѣ невыгоды погони за золотомъ. „Честные и достойные сограждане, говорилъ одинъ изъ первыхъ виргинскихъ поселенцевъ, знаменитый Смитъ, да не пугаетъ васъ простое слово „рыба", рыба вамъ дастъ такое же хорошее золото „какъ рудники Гвіаны и Потози". Дѣйстви-

тельно, Новая Англія черезъ нѣсколько лѣтъ давала доходу уже до 100,000 фунт. въ годъ.

Помбаль скорбѣлъ о тѣхъ богатствахъ, добываніе которыхъ влекло за собой раззореніе Бразиліи. Основаніемъ земледѣльческихъ колоній, покровительствомъ торговыхъ обществъ, созданіемъ караваннаго судоходства онъ надѣялся добыть сокровища драгоцѣннѣе тѣхъ, которыя доставались работами въ золотыхъ рудникахъ.

Такимъ образомъ въ рудныхъ и горныхъ колоніяхъ являлась реакція и стремленіе вывести ихъ на лучшую дорогу земледѣльческой и промышленной дѣятельности; одновременно началась борьба противъ рабства въ колоніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ колоніи изъ первичныхъ формъ плантаторскихъ, горнозаводскихъ превращаются понемногу въ колоніи земледѣльческія. Судьба колоній земледѣльческихъ также была незавидна въ первое время. Англія и другія націи создали колоніямъ торговую зависимость. „Когда поселенія были уже заведены и получили такое значеніе, что обратили на себя вниманіе метрополіи, говоритъ Адамъ Смитъ, то первыя заботы послѣдней постоянно имѣли своимъ предметомъ захватить въ свои руки монополію ихъ торговли, стѣснить ихъ рынокъ и расширить на ихъ счетъ свой собственный, и стало-быть онѣ не только не содѣйствовали и не ускоряли движенія колоній къ благосостоянію, но подрывали и замедляли его“. (Смитъ, о богатствѣ народовъ).

Такова была система протекціонизма и меркантилизма, господствовавшая въ XVIII в. во всѣхъ колоніяхъ. Въ это время Англія стремится быть единственнымъ фабрикантомъ для своихъ колоній, создать изъ нихъ рынокъ для сбыта своихъ произведеній и искусственно запретить всѣ отрасли промышленности въ колоніяхъ, вотъ что было ея цѣлью. Колоніи обрекались, обыкновенно, производить одно сырье. Всѣ барыши падали на долю фабрикантовъ метрополіи. За эту систему грубой эксплуатаціи какъ Англія, такъ и Испанія поплатились горькими уроками, когда колоніи созрѣли.

Иное отношеніе къ колоніямъ является въ XIX вѣкѣ. Послѣ отпаденія Америки, Англія провозглашаетъ принципъ „свободы торговли“. Укрѣпивъ за собою рынки, поднявъ свою мануфактуру и набравъ „колонію покупателей“, она обезпечиваетъ свои рынки, ей незачѣмъ запрещать промышленность колоній, когда ея убійственная конкуренція господствуетъ. Она смѣло становится на этотъ путь. Оставляя за собою экономическое господство, въ то же время она предоставляетъ колоніямъ полную по-

литическую свободу, девизомъ ея новой колоніальной политики является „покровительство гражданскому развитію колоній“ [1]). Этотъ оборотъ обнаружилъ блестящіе результаты. Англійскія колоніи представляютъ нынѣ сформировавшееся гражданское общество и развернули богатую культуру.

Не то представляли испанскія колоніи, гдѣ опека, вліяніе феодальныхъ началъ, духъ кастъ, монополіи, католическое духовенство и гражданскія стѣсненія и невѣжество населенія сдѣлали владѣнія эти гораздо менѣе полезными. Какъ въ Англійской, такъ и въ Испанской системѣ колонизаціи отразились свойства и характеръ націй ихъ создававшихъ. Англо-саксонская раса принесла свой духъ независимости, личной свободы и представленіе о лучшихъ учрежденіяхъ. „Въ успѣхахъ сѣверо-американскихъ колоній обнаружилось главнымъ образомъ превосходство англійскихъ политическихъ учрежденій“, говоритъ Адамъ Смитъ. Англійскія колоніи поселялись отборными элементами реформаторовъ въ лицѣ пуританъ, вслѣдъ за колонистами перенеслись понятія и просвѣщеніе Англіи. Всѣ кто мечталъ осуществить лучшія формы жизни, стремился въ Америку. Англія въ первое время предоставляетъ устраиваться колонистамъ какъ они хотятъ и не вмѣшивается въ ихъ дѣла. Американскія общины устраиваются самобытно и оригинально. Опека является чуждой англійской политикѣ. Англія для поднятія силъ колоніи даже болѣе расширила ихъ права, чѣмъ въ самой метрополіи. Совсѣмъ наоборотъ происходитъ въ испанскихъ, португальскихъ и французскихъ колоніяхъ, гдѣ господствовали старыя воззрѣнія, гдѣ стѣсненія жизни явились сильнѣе, низшіе представители администраціи пользовались неограниченною властью,—въ такихъ колоніяхъ произволъ былъ шире и управленіе хуже за отдаленностью. Строгая регламентація жизни, опека развивалась до крайней степени, метрополія стремилась руководить экономической жизнью колоніи, назначая ей быть то звѣроловной, то пастушеской (Мексика), то горной (Бразилія), то земледѣльческой, низшей формы, обрекая ее на выдѣлку только сырья и препятствуя развитію промышленности. Иногда цѣлыя отрасли занятій запрещаются, какъ, напримѣръ, земледѣліе, или заводская промышленность, на привозную и отпускную торговлю налагаются произвольныя пошлины. „Стѣсненіе всякой промышленности, небрежность въ проложеніи дорогъ и судоходства по великолѣпнѣйшимъ воднымъ пространствамъ, наконецъ обреченіе

[1]) Новая колоніальная политика выражена въ рѣчи Джона Росселя 8 февраля 1850 г. въ Палатѣ Общинъ.

колоній на невѣжество было какъ-бы систематической политикой Испаніи обезсилить колоніи и тѣмъ удержать ихъ въ зависимости", говоритъ Гервинусъ. Но такая ложная система повела къ обратнымъ результатамъ. Колоніи дѣйствительно представили ничтожныя и невѣжественныя владѣнія, они были истощены, но Испанія все равно потеряла ихъ и не сохранила съ ними связи. Мало того, испанскія владѣнія въ Америкѣ, предоставленныя себѣ въ силу предшествовавшей исторіи, явились полуварварскими.

Различаясь въ системѣ политики, колоніи различались и въ учрежденіяхъ. Каждая изъ націй стремилась насадить въ своихъ колоніяхъ свои національныя учрежденія. Проводя свою промышленную систему, свой меркантилизмъ, протекціонную систему своей мануфактуры, Англія пробуетъ утвердить въ колоніяхъ поземельное владѣніе и крупную собственность. Попытки эти начались въ С. Америкѣ, перенеслись въ Австралію и въ Индію. Плодоноснѣйшія земли Америки раздавались при Карлѣ II вельможамъ. Тѣ же привиллегіи и раздачи земель продолжались при Стюартахъ. Въ Австраліи средствомъ къ созданію крупнаго землевладѣнія явилась система Уэкфильда распродажи земель и привоза работниковъ въ колонію, какъ необходимыхъ рукъ для обработки. Въ Индіи Англія стремится разрушить древнюю общину и создать особый классъ изъ земиндаровъ и англичанъ. Система землевладѣнія, однако, далеко не утвердилась, исключая плантаторскихъ колоній Англіи и Южныхъ Штатовъ Америки, что породило впослѣдствіи всѣ бѣдствія рабства и междоусобной войны. Напротивъ, въ Сѣверныхъ Штатахъ колонисты впослѣдствіи должны были выкупить розданныя земли и создать государственную систему болѣе равномѣрнаго распредѣленія земель [1]). Американскіе Соединенные Штаты склонились къ мелкой поземельной собственности. Когда новая Голландія сдѣлалась собственной законодательницей и въ колоніяхъ были созданы избирательныя палаты, она издала законы, ограничивающіе расхищеніе земель и установившіе болѣе благопріятныя для переселенцевъ условія (Land—act., 1862). Но разъ совершонная раздача и продажа земли сильно затормозила земледѣльческое хозяйство въ колоніяхъ.

Какъ Англія проводила свою экономическую систему протекціонизма, а потомъ фритредерства, какъ создавала крупный

[1]) Histoire des Etats-Unis par Bancroft. I. II. Истор. Америки Неймана. Землевладѣніе, Васильчикова.

классъ землевладѣльцевъ и затѣмъ привила свои учрежденія [1]), такъ Испанія внесла въ колоніи свои нравы, воззрѣнія и институты. Прежде всего она привела испанскую опеку въ управленіе и свои завоевательные взгляды, создала рознь между завоевателями и туземцами, утвердила систему майоратовъ въ колоніяхъ, внесла господство духовенства въ лицѣ іезуитовъ, пріобрѣвшихъ огромное вліяніе, и образовала полутеократическое правленіе. Послѣдствіемъ этого въ испанскихъ колоніяхъ воцарилось суевѣріе, деспотизмъ, невѣжество и рабство туземца. Жизнь колоній и окружающія условія только понемногу ослабляли и уничтожали эти традиціи метрополіи.

Кромѣ свойствъ племени и наслѣдственныхъ чертъ метрополіи, въ колоніяхъ развертывается однако, подъ вліяніемъ новыхъ условій, самобытная жизнь,—эти новые факторы въ дѣвственной странѣ совершенно претворяютъ общество, измѣняютъ его характеръ и придаютъ ему небывалыя подвижность и энергію, которыя не доступны старымъ обществамъ. Уже Адамъ Смитъ замѣчаетъ, что обширныя земли и плодородіе ихъ создаютъ широкое поприще для примѣненія труда каждому переселяющемуся. Дѣвственная природа производитъ ободряющее впечатлѣніе и воспитываетъ отвагу, поиски за богатствами, предпріимчивость, отсутствіе сословной розни и возможность всѣмъ одинаково трудиться, воспитываютъ равноправность и придаютъ демократическій характеръ новому обществу, отсутствіе предразсудковъ и традицій, склонность къ новизнѣ, воспріимчивость и необыкновенный практическій умъ,—вотъ отличительныя черты колоніи. При благопріятныхъ условіяхъ подобныя общества весьма быстро развиваются, усвоивая-же просвѣщеніе, такъ быстро прогрессируютъ въ духовномъ отношеніи, что въ короткій періодъ жизни не только сравниваются, но и переживаютъ старыя общества.

Успѣхи развитія земледѣльческихъ колоній замѣчены еще въ древности.

Извѣстно положеніе древнихъ греческихъ колоній, какъ Сиракузы и Агригентъ въ Сициліи, Тарентъ и Лакры въ Италіи, Ефесъ и Милетъ въ Малой Азіи, которыя не уступали въ духовныхъ качествахъ блестящей метрополіи своей — Греціи. Не смотря на то, что существованіе ихъ началось позже, мы встрѣчаемъ въ нихъ науку и искусства, философію, поэзію и краснорѣчіе въ тѣ же эпохи и на той-же степени развитія, какъ гдѣ бы то ни было въ ихъ метрополіи. Школы Ѳалеса и Пиѳагора

[1]) См. очерки Англійской колонизаціи Ядринцева. „Дѣло“ 1872 г. кн. 8 и 9.

были основаны не въ Греціи, а въ колоніяхъ [1]). Еще болѣе блестящіе примѣры представляетъ ростъ новѣйшихъ колоній. Развитіе американскихъ штатовъ въ три столѣтія и успѣхи Австраліи, сформировавшейся въ одно столѣтіе, слишкомъ извѣстны, что-бы повторять о нихъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ колоній самые быстрые успѣхи были сдѣланы американскими колоніями. Успѣхи эти заключались не столько въ примѣненіи стараго, сколько въ созданіи новыхъ формъ жизни, имѣвшихъ огромное значеніе въ исторіи міра и оказавшихъ вліяніе на судьбу европейскаго континента. Своимъ процвѣтаніемъ эти колоніи обязаны гражданской свободѣ, дарованной Англіей. Въ числѣ другихъ условій, способствующихъ развитію, видную роль играетъ просвѣщеніе и степень распредѣленія образованія среди колонистовъ. Англосаксонская раса и въ этомъ случаѣ имѣла всѣ преимущества передъ полуварварской Испаніей. Она выселила въ Америку, начиная съ пуританъ, лучшихъ и просвѣщенныхъ гражданъ въ лицѣ Пэна и друг. Это была великая мать великихъ мужей — „magna virorum mater!“ При такихъ условіяхъ колоніи могли быстро прогрессировать; благодаря новой почвѣ, онѣ достигаютъ замѣчательнаго благосостоянія, и развитіе ихъ идетъ быстрѣе старыхъ обществъ. Вотъ откуда приговоръ А. Смита, что колоніи просвѣщеннаго общества, утверждающіяся въ малолюдной и богатой странѣ, туземные жители которой уступаютъ мѣсто новымъ поселеніямъ, скорѣе всякаго другого человѣческаго общества двигаются къ богатству и благосостоянію.

По мѣрѣ гражданскаго развитія зарождаются и высшія духовныя потребности колонистовъ. „Въ первый періодъ колонизаціи мысли колонистовъ исключительно направлены къ пріобрѣтенію богатствъ, говоритъ Леруа-Больё. Наклонность къ накопленію и бережливости является главнымъ стимуломъ, стремленіе къ матеріальному благополучію есть почти единственная цѣль. Въ жизни колониста нѣтъ мѣста умозрительнымъ идеямъ; частная жизнь переполнена событіями и трудомъ до того, что для жизни общественной не остается ничего. Въ эту эпоху замѣчается поразительное равенство между колонистами; нравы ихъ бываютъ грубы; отсутствіе высшаго образованія порождаетъ невѣжество“. Но съ ростомъ колоніи являются всѣ потребности гражданскаго общества, въ которыхъ трудно отказывать. „Плохо знаетъ человѣческую природу тотъ, пишетъ Больё, кто вообра-

[1]) См. „Причины благосостоянія новѣйшихъ колоній“, гл. VII. О колоніяхъ, „Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ“. Адама Смита.

жаетъ, что съ нея достаточно однихъ матеріальныхъ благъ и пассивнаго счастья. Это можетъ быть и справедливо въ періодѣ дѣтства или истощенія, послѣдовавшаго за какимъ-нибудь кризисомъ, но это временное состояніе не обратится въ нормальное и постоянное. Настанетъ моментъ, когда человѣкъ, сознавъ въ себѣ силу и свободу распоряжаться собою, пожелаетъ лучше ввѣриться своей звѣздѣ и на свой рискъ отдаться всѣмъ случайностямъ темнаго будущаго, чѣмъ вяло плестись по торному пути, подъ руководствомъ другаго, къ спокойному и вѣрному благополучію. Къ чести человѣческой природы есть чувства болѣе могучія, болѣе неодолимыя и плѣнительныя, чѣмъ склонность къ спокойному, доставшемуся безъ труда, наслажденію. Есть другія удовольствія, кромѣ стремленія къ наживѣ, и хотя въ первый періодъ существованія колоній жажда прибыли повидимому преобладаетъ надъ всѣми другими интересами, но наступаетъ время, когда послѣ устраненія величайшихъ препятствій и образованія достатка, а иногда богатства, являются другія побужденія, овладѣвающія душой и сердцемъ колониста". (Колонизація новѣйшихъ народовъ. Леруа-Болье, с. 514—515).

Надо замѣтить, что жизнь колоній бьетъ сильнѣе; зарождающееся общество кипитъ избыткомъ силъ,—это молодой организмъ, въ которомъ слагается гражданская жизнь и поэтому здѣсь требуется болѣе простора. Организмъ дѣтей для своего развитія требуетъ болѣе дѣятельности для упражненія силъ, чѣмъ организмъ взрослаго. Отъ напряженія этой дѣятельности зависитъ ростъ и накопленіе богатствъ, выгодное прежде всего для метрополіи.

Современная колонизація такимъ образомъ даетъ важные уроки и разрѣшаетъ вопросъ какъ относительно выгоды колонизаціи, такъ и условій процвѣтанія колоній. Когда-то являлся вопросъ о томъ: 1) получаетъ-ли государство выгоду, лишаясь значительной части своего населенія путемъ эмиграціи и 2) „стоитъ-ли хлопотать объ основаніи поселеній, которыя при достиженіи гражданской зрѣлости, въ силу историческаго закона, могутъ выдѣлиться въ отдѣльныя государства?" Опытъ показалъ всю неосновательность подобныхъ возраженій. Метрополія, выселяя излишекъ населенія, избѣгаетъ экономическихъ кризисовъ и даетъ возможность выселяющимся лучше устраиваться; выселеніе въ собственныя колоніи предпочтительнѣе всякой чужеземной эмиграціи; убыль выселяющихся быстро пополняется приростомъ населенія; созданіе-же колоній въ новыхъ мѣстахъ, въ смыслѣ разселенія племенъ и народовъ, приноситъ новыя выгоды для всего человѣческаго рода. Успѣхи раз-

витія благосостоянія и процвѣтанія колоній выгоднѣе для метрополіи, чѣмъ ихъ безсиліе и жалкое существованіе. Мы видимъ, въ концѣ-концовъ, что успѣхи этого развитія зависятъ: 1) отъ внесенія труда, прилива колонизаціи и обогащенія колоніи силами; 2) отъ свободы пользованія землею и низкой цѣны на нее; 3) свободы экономическаго и промышленнаго развитія, устраняющаго монополіи; 4) отъ переносимаго капитала старой страны въ страну новую; 5) отъ просвѣщенія колонистовъ и 6) отъ правъ гражданскихъ, даруемыхъ имъ по мѣрѣ ихъ зрѣлости.

Обращаясь къ русскимъ колоніямъ на Востокѣ, мы видимъ, что онѣ ни чуть не менѣе обладаютъ благопріятными природными задатками для развитія. Тотъ-же просторъ, тѣ же привольныя мѣста и еще шире, чѣмъ у другихъ народовъ, богатая природа, дѣвственная почва, предпріимчивость и смѣлый умъ русскаго колониста, — все благопріятствуетъ новой жизни, и однако едва-ли мы можемъ сказать, что наши колоніи достигли полнаго развитія и совершенства.

Не смотря на то, что русскій народъ своимъ разселеніемъ на Сѣверѣ и Востокѣ ясно доказалъ свои колонизаціонныя способности, что передъ нами находятся обширнѣйшія владѣнія въ мірѣ, молодой край, полный задатковъ жизни, способный къ развитію,— край, которому предстоитъ можетъ быть великое будущее, —мы не можемъ скрыть отъ себя, что мы далеко еще не воспользовались всѣми благопріятными условіями своего положенія или, лучше сказать, колонизаторской позиціи. На многихъ страницахъ современной жизни и исторіи этого края звучитъ горькая нота и рисуется мрачная картина его настоящаго положенія. Вотъ что говоритъ одна статья по поводу 300-лѣтія, и ея слова звучатъ особой укоризной. „Америка въ теченіе одного столѣтія достигла такихъ успѣховъ и развитія, о которыхъ мы не смѣемъ и помыслить еще; даже краснокожіе индѣйцы перестали скальпировать своихъ бѣлыхъ собратьевъ, и между ними уже есть лица, съ высоты каѳедръ проповѣдующія научныя истины; недавніе рабы-негры также цивилизовались, и немного времени имъ нужно будетъ, чтобы сдѣлаться культурнымъ народомъ. Австралія, и та въ текущемъ вѣкѣ далеко шагнула впередъ, развивая у себя такую высокую культуру, о которой сибиряки, вѣроятно, ничего не знаютъ даже по слухамъ. Таитяне, еще недавно отрицавшіе необходимость листика стыдливости, засѣдаютъ уже въ парламентѣ и рѣшаютъ весьма прилично и благоразумно свои дѣла; даже смертную казнь отвергли, какъ не отвѣчающую понятію о человѣческомъ достоинствѣ. А Сибирь?...“ При всей отсталости

этой страны мы мало заботились объ обновленіи ея колонизаціей. Колонизаціонный вопросъ у насъ только что нарождается. Мы задумываемся еще: заселять-ли намъ наши окраины? У насъ часто люди передовые и государственные говорили противъ заселенія окраинъ [1]). Вопросъ о колонизаціи Сибири, разрѣшаемый въ настоящую минуту, можетъ имѣть роковое вліяніе. Отъ него будетъ зависѣть ростъ, сила и прочность нашихъ владѣній. Должно помнить, что колонизація есть союзъ народовъ, а не разъединеніе ихъ. Тропа, проторенная русскимъ народомъ, и изъ года въ годъ тянущіяся переселенія въ обѣтованныя мѣста, на свободныя земли, указываютъ сами собой разрѣшеніе этой задачи.

Нельзя не признать, что въ этихъ пространствахъ свободныхъ земель созданы самимъ народомъ гарантіи, которыя на долго обезпечиваютъ судьбу славянскаго населенія отъ случайностей будущей исторіи. Русскія колоніи отличаются отъ западныхъ, англійскихъ, испанскихъ и голландскихъ тою счастливою случайностью, что въ нихъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо сохраняется за колонистомъ и переселенцемъ право *дароваго пользованія землей*. Это великое божье право. Другою стороною, отличающей наши колоніи, служитъ общинный бытъ нашего крестьянства, зарождающійся и въ новыхъ странахъ. Эта типическая общественная форма можетъ получить богатое развитіе, при общемъ довольствѣ, въ новой странѣ на богатыхъ земляхъ. Какъ англо-саксонская раса отразила лучшія черты своей природы и характера въ своихъ колоніяхъ, такъ славянская раса должна выразить тѣ же лучшія черты въ своихъ.

Что не достаетъ нашимъ колоніямъ, это—еще полнаго гражданскаго развитія, и мы еще не достаточно обратили на это вниманія. Безъ этого гражданскаго развитія онѣ могутъ остаться

---

[1]) Въ 1862 г., во время преній въ политико-экономическомъ комитетѣ по вопросу о колонизаціи, Мейндорфъ высказываетъ мнѣніе, что метрополіи вовсе не слѣдуетъ заботиться о колоніяхъ въ виду ихъ будущей жизни. Пренія эти помѣщены въ газетѣ „Вѣкъ“ 1862 г. Генералъ-губернаторъ Горчаковъ высказывалъ опасенія относительно сношенія Сибири съ Америкой и былъ противъ пріобрѣтенія Амура, доказывая, что, войдя въ сношенія черезъ Амуръ, сибиряки порвутъ всякія связи съ Россіей, и американцы научатъ ихъ неуваженію (Русск. Архивъ, 1878 г., III, 262). Таково-же было мнѣніе статсъ-секретаря Буткова о проектѣ Муравьева-Амурскаго (Воспоминанія Венюкова, „Русская Старина“, XXIV, с. 211). Подобныя-же опасенія высказываются по поводу проекта заселить Амуръ чехами. Всѣ эти мнѣнія только мѣшали и задерживали заселеніе Сибири. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ богатыхъ пріобрѣтеній на Амурѣ, въ силу Айгунскаго трактата, пришлось обратиться снова къ вопросу о колонизаціи Амура.

вмѣсто цвѣтущихъ и богатыхъ владѣній, приносящихъ огромныя выгоды своей праматери, жалкими областями, отстающими отъ цивилизаціи, глухими и забытыми, какими оставались до сихъ поръ. Весьма странно видѣть какъ послѣ временныхъ восторговъ и патріотической гордости пріобрѣтеніемъ и величиной завоеванныхъ владѣній, мы какъ будто забываемъ о нихъ и ни мало не заботимся о ихъ внутренней жизни. Страна будущаго, „наша Мексика и Перу“, наше „золотое дно“, завтра является забракованнымъ мѣстомъ ссылки и каторжнаго труда, безжизненной пустыней и краемъ, неимѣющимъ политическаго значенія.

Поэтому пріемникъ Миллера, другъ Сперанскаго, историкъ Словцовъ произнесъ надъ исторіей ея слѣдующій горькій приговоръ: „Изъ чертъ, живописующихъ бытъ сибирскій, видно, что Сибирь, какъ страна, заключала въ себѣ золотое дно, но какъ часть государства представляла ничтожную и безгласную область“. („Ист. Сибири“, Словцовъ, гл. V, стр. 265).

Вопросъ въ томъ: на долго-ли она такою останется?... Не наступаетъ-ли время дать этой области развитіе, создать въ ней внутреннюю жизнь и гражданственность. Сибирь пережила всѣ періоды, которые свойственны всѣмъ новооткрытымъ странамъ. Она была колоніей звѣроловной, колоніей горнозаводской, мѣстомъ поисковъ золота, наконецъ мѣстомъ ссылки. Постепенное заселеніе, земледѣльческій складъ, осѣдлость и гражданскія формы жизни создали въ ней нынѣ задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для созданія прочнаго общества будетъ зависѣть отъ насъ самихъ. Задерживать гражданскія потребности этого общества мы будемъ не въ силахъ, хотя-бы и хотѣли.

Необходимыми условіями дальнѣйшаго существованія этой страны, какъ sine qua non ея развитія и жизни является: 1) колонизація и заселеніе, 2) право на безмездное пользованіе землею каждаго прибывающаго; 3) свобода земледѣльческаго труда и поощреніе развитія мѣстной промышленности; 4) облегченіе и созданіе внутреннихъ путей для обмѣна жизни на огромныхъ разстояніяхъ Востока; 5) предоставленіе полныхъ правъ гражданства жителямъ этихъ областей наравнѣ съ гражданами метрополіи; 6) просвѣщеніе и просторъ духовной жизни.

Мы окончимъ нѣсколькими мыслями, высказанными нами по поводу 300-лѣтія Сибири.

Разсматривая періоды пережитой сибирской исторіи, мы видимъ періодъ завоеваній, покореній, усмиреній, бунтовъ, далѣе періодъ колонизаціи, заселенія, самоустройства и обзаведенія, затѣмъ періодъ исканія богатствъ, увлеченія ими, періодъ экс-

плуатаціи даровъ и запасовъ природы, еще позднѣе наступаетъ періодъ культурнаго земледѣльческаго развитія и слагающейся гражданственности,—но мы не видимъ еще пока періода духовной жизни народа. Между тѣмъ вложить духъ въ это огромное тѣло и есть одна изъ величайшихъ историческихъ задачъ, остающаяся на очереди.

Въ настоящую минуту, на грани трехсотлѣтія, наступаетъ и для Сибири уже этотъ періодъ сознательной жизни и пониманія своей роли въ будущемъ. Въ сложившемся обществѣ съ четырьмя милліонами русскаго населенія на востокѣ выступаютъ стремленія къ развитію своихъ экономическихъ, матеріальныхъ и умственныхъ силъ; гражданскія и образовательныя потребности въ этихъ стремленіяхъ начинаютъ занимать извѣстную роль. Этимъ сознаніемъ своего общечеловѣческаго существованія и сознательнымъ отношеніемъ къ своей жизни начинается новый періодъ сибирской исторіи.

Въ послѣднее время выдвигается нѣсколько весьма видныхъ мѣстныхъ потребностей и нуждъ этого общества, которыя не могутъ остаться безъ отвѣта въ государственной жизни Россіи. Они состоятъ въ распространеніи на Сибирь гражданскихъ правъ, которыми пользуются уже подданные европейской Россіи. Сибирское общество ждетъ введенія земства, новаго гласнаго суда, распространенія образованія, гарантій личности и лучшаго общественнаго существованія.

Дарованіе самоуправленія, водвореніе правосудія и справедливости для этого несчастнаго края становится тѣмъ необходимѣе, что Сибирь въ продолженіе всего прошлаго существованія испытала много притѣсненій, несправедливостей и неустройствъ. Эти бѣдствія начались съ воеводскаго управленія; произволъ господствовалъ въ Сибири болѣе, чѣмъ гдѣ-либо; край подвергался всевозможнымъ злоупотребленіямъ и жизнь его остается далеко не устроенной до послѣдняго времени.

Между тѣмъ нынѣ выступаютъ многочисленные общественные вопросы и нужды, требующія настоятельнаго удовлетворенія. Къ такимъ принадлежатъ: отмѣна уголовной ссылки, мѣшающей безопасности и развитію гражданской жизни, организація переселеній, устройство быта инородцевъ, принятіе мѣръ противъ міроѣдства и кулачества, улучшеніе участи золотопромышленныхъ рабочихъ, и многія другія. Наконецъ, въ краѣ является потребность умственной жизни, стремленіе къ гласности, желаніе разработывать общественныя нужды путемъ печати; общество желаетъ гарантій для личности и защиты отъ мѣстнаго произвола.

Выраженіе всѣхъ этихъ нуждъ проявляется въ послѣднее время довольно опредѣленно и ясно не только въ печати, но въ рядѣ заявленій представителей обществъ, выраженныхъ ко дню трехсотлѣтія. Такія заявленія сдѣланы Енисейскою, Иркутскою и Томскою думами, причемъ положено ходатайствовать о введеніи реформъ. Какъ выраженіе этихъ общественныхъ желаній, мы приведемъ предложеніе гласнаго Енисейской думы Скорнякова, принятое думою.

„Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, минетъ 300 лѣтъ Сибири; періодъ, кажется, слишкомъ долгій для того, чтобы развиться, окрѣпнуть и встать на ноги; но, оглядываясь на прошлое, сердце невольно сжимается, не видя ничего отраднаго и ничего прочнаго. Есть только слабые кое-гдѣ зачатки, но все это блѣдно, чахоточно; видно, что чего-то для развитія недостаетъ. Мертвенность эта можетъ удовлетворять только человѣка, долго жившаго исключительно личными интересами, которому чужды всякіе интересы своей родины; но для человѣка, который хоть сколько-нибудь заглядываетъ въ будущее, для человѣка интеллигентнаго, для человѣка, такъ или иначе заботящагося о благѣ своей родины, мертвенность эта способна убить всякую энергію къ дѣятельности, вселить опасное чувство равнодушія къ жизни своей родины и такимъ путемъ убить въ ней всякую жизненность и способность къ развитію. Не пора ли очнуться намъ? Не пора ли заявить свои кровныя нужды теперь на рубежѣ трехсотлѣтія Сибири, на ея трехсотлѣтней тризнѣ? Въ чемъ состоятъ ваши нужды,—нужно ли говорить объ этомъ; нужно ли повторять то, что́ давно уже высказано передовыми людьми Сибири и ея представительницею, печатью? Мнѣ кажется, говорить объ этомъ всегда не лишнее, а тѣмъ болѣе теперь, когда правительство выступило на путь преобразованій и улучшеній, когда лица, стоящія во главѣ управленія, призываютъ общество къ совмѣстной съ ними дѣятельности и, наконецъ, когда съ высотъ престола раздались благостныя слова Государя, что, вступая на него, онъ посвятитъ себя прежде всего дѣлу внутренняго развитія, будетъ служить Россіи, ея благоденствію, надѣясь заслужить любовь. Наше трехсотлѣтнее существованіе даетъ намъ право говорить о своихъ пользахъ и нуждахъ, и теперь, мнѣ кажется, лучшее для этого время. Нужды Сибири, нужды наши слишкомъ велики и обширны, велики потому, что мы дома, почти 300 лѣтъ, были пасынками Россіи, были обдѣлены всѣмъ, за исключеніемъ лишь извѣстнаго законодательнаго акта 16 іюня 1870 г., распространившагося

и на сибирскую окраину. Наша мать Россія уже пользовалась многими коренными реформами, мы же, сибиряки, страдая отъ нашихъ неурядицъ, могли только плакаться и завидовать ей. Поэтому-то наши нужды и требованія и должны быть обширны и велики; но это не должно смущать насъ, потому что. пріобрѣтая коренныя измѣненія и улучшенія въ нашей жизни, мы пріобрѣтемъ залогъ для нашего лучшаго будущаго, вступимъ въ общечеловѣческія права, дѣлающія жизнь человѣка похожею на жизнь человѣка въ полномъ смыслѣ слова.

„*Наши первыя и настоятельныя нужды—это введеніе земства, гласнаго суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселеній и прекращенія ссылки въ Сибирь.*

„Пріобрѣтая ихъ, мы пріобрѣтемъ нужную и великую силу для борьбы съ невѣжествомъ, съ бѣдностью нашей жизни, произволомъ суда и администраціи, обезопасимъ свою личность и имущество отъ вторженія разныхъ хищниковъ Сибири. Вотъ объ этихъ-то нуждахъ нашихъ наступила теперь пора, гг. гласные, позаботиться. Намъ предстоитъ объ нихъ ходатайствовать предъ Государемъ, на рубежѣ нашего 300-лѣтія, чтобы съ новыми полномочіями вступить на новый путь общественной самодѣятельности для служенія благу нашего края“ [1]).

Въ этихъ заявленіяхъ сказываются тѣ ожиданія, которыя волнуютъ общество, а также сказывается вся важность переживаемаго историческаго момента.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что развитіе страны достигло въ настоящее время извѣстной гражданской зрѣлости, и моментъ трехсотлѣтняго юбилея совпадаетъ съ моментомъ ожидаемаго полноправія. Необходимость сибирскихъ реформъ до такой степени ясно сознается нынѣ правительствомъ и обществомъ, что трудно предполагать, чтобы настоятельныя нужды населенія не были удовлетворены. Русскій народъ, совершившій не мало заслугъ на окраинахъ, пріобрѣтшій цѣлую страну, доставившій въ эти три

[1]) 26 октября 1881 г., по случаю празднованія первой побѣды Ермака, появилось не мало обозрѣній и статей, рисующихъ современное положеніе этого края. Всей русской печатью были высказаны въ это время одинаково пожеланія гражданскаго преуспѣянія края, введенія гражданскихъ реформъ, земства, новаго суда и проч. Сибиряки того же 26 октября единодушно и горячо выразили надежды на обновленіе своей родины и дарованіе ей общихъ правъ. Осуществятся ли эти желанія и что ждетъ Сибирь къ 300-лѣтнему юбилею присоединенія въ 1883 г. покажетъ будущее.

столѣтія огромныя богатства государственной казнѣ, конечно, не будетъ лишенъ общихъ гражданскихъ правъ. Его способности къ самостоятельной жизни, его таланты къ самоустройству и общественному хозяйству достаточно выразились въ новой странѣ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Сибирское населеніе, жившее внѣ опеки крѣпостнаго права, давно пріобрѣло навыкъ къ самоуправленію, а борьба съ обстоятельствами сдѣлала его развитымъ, бойкимъ и предпріимчивымъ. Въ правоспособности свободнаго сибирскаго населенія едва ли могутъ встрѣтиться сомнѣнія: къ этому самосознанію и самодѣятельности уже призывалъ сибирское общество Сперанскій 50 лѣтъ тому назадъ.

Такимъ образомъ, послѣ предшествовавшей работы для этого края, ожидается еще бо́льшее развитіе внутреннихъ силъ. Если до сихъ поръ народная жизнь и народныя стремленія въ обширной колоніи Россіи, слагаясь инстинктивно и почти безсознательно, совершили многотрудную историческую работу, то есть полное основаніе предполагать, что тѣ же силы, призванныя къ болѣе сознательной жизни, способны будутъ тѣмъ болѣе доказать свою жизненность при условіяхъ внутренняго самоусовершенствованія.

Пробужденіе общественной самодѣятельности, развитіе образованія на востокѣ и осуществленіе подготовляющагося университета можетъ создать иную, лучшую роль сибирской окраинѣ, а европейскія условія существованія придадутъ этому безжизненному краю свѣтъ и тепло цивилизаціи.

Должно принять во вниманіе, что, не смотря на трехсотлѣтіе, сибирское общество все-таки—исторически молодое общество, а судьба молодыхъ обществъ и колоній весьма часто представляетъ завидное существованіе сравнительно съ старыми обществами, пережившими долгую жизнь. Если первыя изжили многое, потерпѣли много разочарованій и огорченій, исчерпали богатства, истощили земли, наклонны къ сохраненію старины и къ косности, обладаютъ часто предразсудками старчества, принуждены бороться съ неодолимыми препятствіями, созданными предшествовавшими ошибками, то вторыя свободны отъ многихъ изъ этихъ неудобствъ. Они кипятъ избыткомъ силъ производительности, обладаютъ многими дарами природы, стоятъ у начала исторіи; дорога ихъ — торная, можетъ быть, не сулящая многихъ превратностей; они не имѣютъ предразсудковъ стараго міра и такъ сказать на обломкахъ старыхъ цивилизацій свободны создать новую лучшую жизнь, обвитую свѣжими розами.

Нерѣдко великія идеи и плоды человѣческаго прогресса доступнѣе колоніямъ, и онѣ прогрессируютъ быстрѣе метрополій. На западѣ нерѣдко изъ нихъ развертываются новые государственные организмы, создающіе новыя цивилизаціи. Мы далеки, чтобы мечтать о подобномъ будущемъ и сближать судьбы европейскихъ колоній съ нашей далекой и глухой окраиной. Нечего говорить, какъ она стоитъ неизмѣримо ихъ ниже, здѣсь нѣтъ даже отдаленнаго сходства. Америка и Австралія, на которыя часто указываютъ, въ гораздо кратчайшій періодъ, оказали величайшіе успѣхи въ смыслѣ развитія гражданской и культурной промышленной жизни. Но тѣмъ не менѣе и здѣсь есть извѣстная разница въ прожитыхъ періодахъ, въ условіяхъ новаго существованія и въ задаткахъ жизни, и здѣсь не можетъ не чувствоваться жизнь молодаго воспріимчиваго организма. Культурное развитіе, благодаря естественнымъ богатствамъ и простору, можетъ явиться пышнѣе и богаче, общественный складъ самобытнѣе и оригинальнѣе, въ новомъ положеніи страны могутъ явиться и новыя задачи.

Географическое положеніе въ Азіи, связывающее европейскій міръ съ азіатскимъ, указываетъ этому краю нѣкоторую своеобразную политическую роль и значеніе въ будущемъ. Конечно, азіатскія народности не всегда останутся въ періодѣ косности, замкнутости и полуварварства. Когда-нибудь здѣсь предвидится великая общечеловѣческая работа. Для того, чтобы выполнить ее, необходимы всѣ средства цивилизаціи и прежде всего собственное развитіе.

Нельзя не предсказать, такимъ образомъ, для этого края все-таки извѣстнаго значенія и участія его въ міровой исторіи. Стоя у начала историческаго процесса, у колыбели нарождающагося существованія, естественно остановиться мыслью на его будущемъ и сознать задачи, налагаемыя современностью.

Въ интересахъ человѣчества, какъ и въ интересахъ русской народности, наступаетъ время призвать наши окраины къ новой жизни, пробудить ихъ общественныя силы къ самодѣятельности, и тѣмъ положить начало новому историческому періоду. Признаніе совершеннолѣтія общества, дарованіе ему гражданскихъ правъ, удовлетвореніе общечеловѣческихъ стремленій есть священнѣйшій долгъ метрополіи по отношенію ко всякой молодой развивающейся на ея рукахъ странѣ: великая обязанность налагается на нее Провидѣніемъ передъ лицомъ всего человѣчества и будущей исторіи.

Какова бы ни была исторія этого края, у него нельзя отнять

извѣстной будущности. Съ вѣрою въ его жизнь, въ его призваніе соединяются нынѣ лучшія ему пожеланія. Они окрылятъ вдохновеніемъ людей ему преданныхъ и придадутъ энергію труду въ новой странѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что русскимъ колоніямъ на Востокѣ, при условіяхъ просвѣщенія и цивилизаціи, не менѣе чѣмъ другимъ народамъ суждено будетъ пожать плоды общечеловѣческаго счастія.

КОНЕЦЪ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ
О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ
СИБИРИ.

Пространство и населеніе Азіатской Россіи въ 1879 г.

	Кв. верстъ.	Кв. миль.	Жителей.	
			Об. пола.	На 1 кв. в.
Тобольская губ.	1.297,853 [1]	26,749,8	1.206,430	0,92
Томская губ.	759,068	15,688,6	1.032,579	1,36
Акмолинская обл. . . .	479,200	9,903,9	454,205	0,94
Семипалатинская обл. . .	428,528	8,856,7	525,979	1,22
Енисейская губ.	2.259,562	46,699,8	428,517	0,19
Иркутская губ.	703,650	14,542,8	383,578	0,54
Якутская губ.	3.452,656	71,358,2	242,001	0,07
Забайкальская обл. . . .	547,966	11,325,2	488,000	0,89
Амурская обл.	544,984	8,163,4	34,859	0,06
Приморская обл.	1.661,373	34,336,7	73,217	0,04
	12.134,840	247,625,1	4.869,365	0,4

[1]) Пространство Сибири опредѣляется въ 226,924,2 кв. миль или 10.979,687 кв. верстъ, включая двѣ области Акмолинскую и Семипалатинскую 245,701 кв. м. или 11.885,415 кв. в. По исчисленію Венюкова 268,855 кв. м., но сюда присоединены земли Пермской и Оренбургской губ. за Уралomъ и земли Оренбургскихъ, Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ и зачуйскія; безъ нихъ протяженіе равно 246,158 кв. м.

Нельзя не замѣтить, что всѣ вычисленія дѣлаются доселѣ весьма приблизительно.

Тобольская губернія	по	Кеппену	27,028	кв.	м.		
„ „ „		Готскому альманаху 1864 г.	27,000	„	„		
„ „ „		исчисленію Венюкова . .	25,663	„	„		
„ „ „		Календарю Суворина . .	25,021	„	„	или 1.210,677	кв. в
„ „ „		Стрельбицкому.	—	„	„ „	1.297,853	„ „
„ „ „		Губернскому показанію. .	—	„	„ „	1.295,758	„ „
Томская губернія	по	Кеппену	15,714	„	„ „	—	„ „
„ „ „		Альманаху Гота	15,733	„	„ „	—	„ „
„ „ „		Венюкову	15,566	„	„ „	—	„ „
„ „ „		Швейцеру	15,713	„	„ „	—	„ „
„ „ „		Календарю Суворина . .	15,476	„	„ „	748,819	„ „
„ „ „		Центр. Стат. Комитету .	15,688	„	„ „	759,068	„ „
„ „ „		Военно-Стат. Сборнику .	—	„	„ „	725,000	„ „
„ „ „		свѣд. И. Завалишина . .	—	„	„ „	732,027	„ „

СВѢДѢНІЯ

о количествѣ земель и крестьянскихъ надѣлахъ въ Западной Сибири.

Земли Государственныя.	Вообще земель по межевымъ свѣдѣніямъ [1]).	Удобныхъ земель.	Въ пользованіи крестьянъ.	Удобныхъ земель на 1 душу крестьянскаго населенія.	Надѣлы по волостямъ.		
					Многоземельные болѣе 18-ти десятинъ.	Малоземельные менѣе 18-ти десятинъ.	Неимѣющіе.
Округа:							
Тобольскій	11.119,062	487,714	284,884	15,5	3	6	23
Тюменскій	1.775,208	609,973	370,935½	20,7	6	11	5
Туринскій.	7.967,708	475,068	169,948	21,3	6	6	12
Ялуторовскій. . . .	2.057,916	1.193,168	784,855	16,4	5	23	—
Тарскій.	7.339,791	1.039,852	645,231	25,6	8	—	109
Тюкалинскій (бывш. Омскій).	6.183,332	2.916,339	985,793	51,5	10	—	7
Ишимскій.	3.769,792	2.283,299	1.488,159	26,7	16	2	10
Курганскій	2·147,917	1.511,943	1.043,760	17,4	7	22	—
Березовскій.	92.616,069	—	—	—	—	—	—
Сургутскій							
Итого . .	134.976,795	10.517,356	5.773,565½	24,8	61	70	166
Томская губернія:							
Томскій.	25.721,190	552,283	703,589	22,6	5	—	5
Маріинскій.		1.341,111	391,107	59,4	5	—	—
Каинскій	7,303,460	1.349,870	1.460,914	28,6	7	—	4
	33.024,650	3.243,264	2.555,610	34,5	17	—	9

[1]) Свѣдѣнія эти разработаны нами по мѣстнымъ межевымъ даннымъ въ виду полнаго отсутствія поземельной статистики въ Сибири.

Земли Кабинета Его Величества.	Земель въ пользованіи крестьянъ.	Сколько приходится на крестьянскую душу.	Пропорція земли по волостямъ.
Алтайскій Горный округъ заключаетъ часть Томскаго.	7.264,787	по 44 д. 1,529 саж.	Въ 21 вол. съ 77 селеніями въ 47 сел. по 100-150 дес.
Барнаульскій			„ 14 „ „ 200 „
Бійскій.			„ 10 „ „ 300 „
Кузнецкій.			„ 2 „ „ 500 „
			„ 4 „ „ 1,000 „
Инородческій раіонъ Алт. округа	11.401,400	494,9	Въ 34 волостяхъ съ 106 сел.: „ 18 сел. по 2—7 дес. „ 88 „ „ 7—14 „ „ 33 „ неизмѣрены.
По всей Западной Сибири земель Государственныхъ	2.533,999 кв. в. [1])		
Земель кабинета.	328,000 кв. в.		
Казачьихъ земель	48,058 кв. в. или 4.995,233 д.	На каз. насел. по 76,6 дес.	

[1]) Изъ числа этихъ земель пожаловано и продано до 250,000 дес. въ частную собственность и 769,545 дес. въ числѣ оброчныхъ статей.

Движеніе переселеній въ Тоболь скую губернію съ 1846 г. по 1878 г.

Изъ какихъ губерній переселенцы.	Въ 1846 г.	Въ 1847 г.	Въ 1848 г.	Въ 1849 г.	Въ 1850 г.	Въ 1851 г.	Въ 1852 г.	Въ 1853 г.	Въ 1854 г.	Въ 1855 г.	Въ 1856 г.	Въ 1857 г.	Въ 1858 г.	Въ 1859 г.	Въ 1860 г.	Въ 1861 г.	Въ 1862 г.	Въ 1863 г.	Въ 1864 г.	Въ 1865 г.	Въ 1866 г.	Въ 1867 г.	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.	Въ 1872 г.	Въ 1873 г.	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.	Въ 1876 г.	Въ 1877 г.	Въ 1878 г.	А всего.
Вологодской . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	763	197	—	—	8	—	—	968
Воронежской . . .	—	—	973	551	—	—	3224	10	—	54	65	—	—	543	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5427
Витебской	—	—	—	46	—	—	—	1700	139	—	—	—	199	185	74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2343
Владимірской . . .	—	—	—	—	—	—	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Вятской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	42
Курской	—	29	318	419	—	—	1512	1809	297	29	19	—	114	453	158	150	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5337
Калужской	—	—	—	—	4	—	1596	2636	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4251
Орловской	63	46	135	164	284	143	528	1193	36	—	9	—	657	390	—	—	—	—	—	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3662
Оренбургской . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	213	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	218
Московской. . . .	—	—	—	22	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22
Пензенской. . . .	140	—	—	—	—	842	149	163	—	—	—	80	—	338	—	—	87	505	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2312
Псковской	6732	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	299	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7031
Пермской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	144	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	146
Полтавской. . . .	—	—	—	—	—	128	398	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	526
Рязанской	186	—	8	—	—	63	37	—	—	—	6	—	—	238	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	539
Смоленской. . . .	185	—	397	—	—	—	2679	4668	3	—	—	320	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8252
Саратовской . . .	—	—	—	—	—	—	230	124	419	—	3	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	843
Самарской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28
Тульской	—	—	—	—	—	—	417	—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	429
Тамбовской. . . .	—	—	—	141	17	—	69	16	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	287
Уфимской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67	—	—	—	552	—	—	—	—	—	—	—	—	619
Черниговской . . .	11	—	—	—	—	—	116	253	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	380
А всего .	7317	75	1831	1343	305	1176	11046	12572	894	130	114	467	970	2446	232	157	117	506	—	149	486	—	42	2	552	—	763	197	—	—	8	—	—	43753

Въ какіе округа переселенцы переселились.

Съ какого времени.	Ялуторовск.	Курганскій.	Ишимскій.	Тарскій.	Тюкалинск.	А всего.
Съ 1846 года	5	7141	140	31	—	7317
„ 1847 „	—	75	—	—	—	75
„ 1848 „	8	1339	4	82	398	1831
„ 1849 „	464	80	599	57	203	1343
„ 1850 „	305	—	—	—	—	305
„ 1851 „	128	—	—	1019	29	1176
„ 1852 „	2004	64	3997	662	4319	11046
„ 1853 „	3567	4935	1739	1925	406	12572
„ 1854 „	—	3	741	38	112	894
„ 1855 „	7	—	4	82	37	130
„ 1856 „	—	—	21	25	68	114
„ 1857 „	—	58	—	342	67	467
„ 1858 „	—	—	—	313	637	970
„ 1859 „	—	157	36	1999	254	2446
„ 1860 „	6	—	13	213	—	232
„ 1861 „	—	—	—	157	—	157
„ 1862 „	—	—	3	114	—	117
„ 1863 „	—	1	367	138	—	506
„ 1864 „	—	—	—	—	—	—
„ 1865 „	—	5	—	—	—	5
„ 1866 „	—	371	67	—	48	486
„ 1867 „	—	—	—	—	—	—
„ 1868 „	—	—	—	—	42	42
„ 1869 „	—	—	—	—	—	—
„ 1870 „	—	—	—	2	552	554
„ 1871 „	—	—	—	—	—	—
„ 1872 „	—	—	—	—	763	763
„ 1873 „	197	—	—	—	—	197
„ 1874 „	—	—	—	—	—	—
„ 1875 „	—	—	—	—	—	—
„ 1876 „	—	—	—	—	8	8
„ 1877 „	—	—	—	—	—	—
„ 1878 „	—	—	—	—	—	—
Итого	6691	14229	7671	7199	7963	43753

ВѢДОМОСТЬ

о перечисленіи крестьянъ въ Томскую губернію съ 1870 по 1879 годъ, по свѣдѣніямъ Томской казенной палаты.

Изъ какихъ губерній переселенцы.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.	Въ 1872 г.	Въ 1873 г.	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.	Въ 1876 г.	Въ 1877 г.	Въ 1878 г.	Въ 1879 г	ВСЕГО.
Вятской	349	374	299	210	310	120	184	358	236	289	2729
Тамбовской.	206	241	440	185	184	94	131	202	191	303	2177
Тобольской.	30	147	79	303	256	125	254	303	230	377	2104
Воронежской	86	171	441	225	129	27	138	171	235	232	1855
Пермской	31	250	157	140	96	76	157	122	272	338	1639
Самарской	43	123	118	218	311	31	51	60	64	35	1054
Оренбургской.	—	39	98	—	127	72	54	52	102	30	574
Пензенской.	55	47	108	12	10	28	34	26	24	45	389
Курской	13	—	109	—	54	92	25	23	19	52	387
Владимірской.	250	12	8	13	5	36	26	13	5	15	383
Тульской.	4	2	254	—	2	9	8	16	37	24	356
Рязанской	3	28	13	4	67	42	43	64	49	38	351
Вологодской	119	9	36	46	14	9	55	18	21	9	336
Симбирской	105	—	10	—	2	13	34	10	31	32	237
Орловской	18	—	2	—	17	38	3	11	2	34	125
Нижегородской	5	17	13	—	3	21	26	9	4	10	108
Уфимской	—	37	—	2	—	40	8	5	—	4	96
Енисейской	7	32	4	2	14	3	—	—	10	12	84
Ковтромской	—	4	—	—	—	45	1	2	6	6	64
Казанской	25	17	11	3	—	2	6	7	1	3	75

Изъ какихъ губерній переселенцы.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.	Въ 1872 г.	Въ 1873 г.	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.	Въ 1876 г.	Въ 1877 г.	Въ 1878 г.	Въ 1879 г.	ВСЕГО.
Саратовской	54	—	—	1	1	—	—	—	—	1	57
Харьковской	—	—	—	—	—	9	1	5	28	12	55
Смоленской.	9	—	1	23	—	11	5	—	1	4	54
Тверской.	—	8	1	—	—	16	1	—	—	—	36
Семирѣченской	—	—	—	—	—	—	—	—	13	19	32
Архангельской	—	3	5	—	5	10	2	—	—	3	28
Семипалатинской	—	1	—	—	—	—	—	—	12	16	28
Калужской.	—	1	—	—	—	15	2	—	—	—	18
Могилевской	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Гродненской	—	—	—	—	—	6	2	—	—	—	8
Амурской	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	8
Астраханской.	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Виленской	—	—	1	—	—	3	1	—	1	—	6
Московской.	—	—	1	—	—	3	—	—	—	—	4
Акмолинской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4
Екатеринославской . . .	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	4
Иркутской	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	3
Минской.	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	3
Новгородской	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	2
Черниговской.	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	2
Якутской.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
Ковенской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Витебской	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Тифлисской.	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Кіевской.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Итого . . .	1419	1574	2210	1393	1608	1008	1254	1477	1606	1952	15501

ВѢДОМОСТЬ

о переселеніи крестьянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи въ Алтайскій Горный округъ, по свѣдѣніямъ Алтайскаго Горнаго правленія.

Изъ какихъ губерній переселенцы.	Въ 1866 г.	Въ 1867 г.	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.	Въ 1872 г.	Въ 1873 г.	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.	Въ 1876 г.	Въ 1877 г.	ВСЕГО.
Пермской	36	206	57	60	224	165	75	76	144	63	11	14	1131
Самарской	84	9	11	16	59	69	181	237	219	8	13	—	906
Вятской	56	72	40	61	104	78	82	182	158	44	34	42	953
Владимірской	5	2	—	1	5	7	12	11	—	—	—	—	43
Оренбургской	7	18	7	6	26	28	64	92	146	23	12	3	432
Вологодской	22	4	12	24	12	15	7	8	25	9	3	—	141
Тульской	6	15	—	14	4	10	2	—	5	8	2	1	67
Воронежской	33	62	17	18	70	402	226	165	79	5	90	50	1217
Нижегородской	1	—	—	5	—	—	—	—	—	4	1	—	11
Пензенской	10	1	—	7	—	3	—	26	10	—	2	—	59
Курской	1	—	—	—	5	76	11	45	67	9	—	1	215
Тамбовской	39	47	17	202	108	259	242	265	124	42	15	16	1376
Астраханской	6	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	11
Костромской	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	3
Архангельской	2	1	—	—	—	4	—	—	6	4	—	1	18
Московской	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Тверской	—	4	4	—	—	—	—	—	—	1	—	—	9
Орловской	—	—	—	1	—	—	78	30	9	—	—	1	119
Иркутской	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Могилевской	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Саратовской	—	—	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—	5
Харьковской	—	—	—	—	—	—	1	32	28	—	—	—	61
Уфимской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Симбирской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Тобольской	68	199	83	29	30	147	79	303	90	39	29	15	1111
Енисейской	1	1	5	5	7	32	4	2	14	3	—	—	74
Итого	382	642	253	460	648	1295	1068	1475	1124	262	214	145	7979

ИЗЪ КАКИХЪ ГУБЕРНІЙ.	Въ какіе округа Томской губерніи на Алтайскія заводскія земли				Всего.
	Барнаульскій.	Бійскій.	Кузнецкій.	Томскій.	
Всего въ 12 лѣтъ переселившихся:					
Пермской	393	566	96	76	1131
Самарской	315	591	—	—	906
Вятской	450	203	207	63	953
Владимірской	20	23	—	—	43
Оренбургской	281	151	—	—	432
Вологодской	28	112	1	—	141
Тульской	40	27	—	—	67
Воронежской	244	972	1	—	1217
Нижегородской	5	6	—	—	11
Пензенской.	30	29	—	—	59
Курской	102	53	—	—	215
Уфимской	—	—	1	—	1
Тамбовской.	364	936	72	4	1376
Астраханской.	—	11	—	—	11
Костромской	—	2	1	—	3
Тверской	—	9	—	—	9
Архангельской	15	3	—	—	18
Могилевской	—	10	—	—	10
Московской.	—	4	—	—	4
Орловской	15	104	—	—	119
Симбирской	—	1	—	—	1
Саратовской	1	4	—	—	5
Харьковской	28	33	—	—	61
Иркутской	1	—	—	—	1
Тобольской.	484	586	37	4	1111
Енисейской.	36	24	11	2	74
	2942	4460	427	150	7979

Статистическія свѣдѣнія о ссылкѣ.

	Препровождается ссыльныхъ ежегодно.
Въ 1867 году	12,395
„ 1868 „	8,970
„ 1869 „	16,861
„ 1870 „	12,451
„ 1871 „	14,034
„ 1872 „	13,124
„ 1873 „	17,048
„ 1874 „	18,786
„ 1875 „	19,054
„ 1876 „	19,063
„ 1877 „	17,424
„ 1878 „	17,760
„ 1879 „	18,274

Распредѣленіе по категоріямъ за 10 лѣтъ.

Каторжныхъ	18,582
На поселеніе.	23,383
На житье	2,551
Административныхъ. . .	78,686
	123,202

Распредѣленіе ссыльныхъ съ 1870 по 1877 г.

	Въ Западную Сибирь.	Въ Восточную Сибирь.
Каторжныхъ . . .	1,195	11,925
На поселеліе. . .	1,488	21,711
На водвореніе . .	292	12,444
На житье	1,543	336
Административн. .	57,249	6,193
	61,767	52,609

	Распредѣленіе ссыльныхъ по поламъ по свѣдѣніямъ 1876 г.		Семейства добровольно слѣдовавшія за ссыльными.			
			Взрослыхъ.		Дѣтей.	
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	М.	Ж.
Каторжныхъ	1,993	157	4	248	210	219
На поселеніе	3,252	139	2	398	358	344
По суду на житье.	185	11	—	18	26	30
На водвореніе.	1,335	59	—	4	5	4
Административныхъ	5,687	231	7	1,367	1,514	1,266
	12,442	597	13	2,035	2,113	1,863
Всего	14,568	4,495				
или	83%	17%				

Болѣзни и смертность въ партіяхъ по свѣдѣніямъ 1878 года.

	Заболѣвало.	Умерло.
Въ Тюменскей пересыльной тюрьмѣ на 17,191 ссыльныхъ	767 мужч.	80
	276 женщ.	21
	479 дѣтей	220
„ Томской „ „ „ 9,425 „	1,798	321
На баржахъ до Тюмени въ 1878 г. на 10,440 „	624	27
Въ Ачинскѣ	1,074	56
„ Красноярскѣ	1,205	96
„ Каинскѣ	932	27

Число ссыльныхъ въ Западной Сибири.

Округа:	Ссыльныхъ.	1 ссыльн. на число душъ мѣст. сельск. населенія.
Тобольскій . . .	2,309	13½
Тюменскій . . .	2,014	14¾
Туринскій . . .	2,965	7½
Ялуторовскій. . .	4,866	15
Курганскій . . .	6,145	14
Тарскій	8,737	4½
Тюкалинскій . . .	15,931	3½
Ишимскій	16,167	5½
	59,134	
Въ Томской губ.		
Томскій	13,642	1¾
Каинскій	7,343	4¾
Маріинскій . . .	7,843	2¾
	28,828	

Число прописанныхъ ссыльныхъ въ городахъ Западной Сибири.

	Ссыльныхъ.	Мѣщанъ старожиль.
Въ Тобольскѣ . .	539	2,545
„ Ишимѣ . . .	632	345
„ Ялуторовскѣ .	688	249
„ Тарѣ . . .	955	1,436
„ Курганѣ . .	789	696
„ Тюкалинскѣ .	180	397
„ Туринскѣ . .	416	749
„ Маріинскѣ. .	1,501	1,497
„ Каинскѣ . .	1,149	693
„ Нарымѣ. . .	387	917
„ Томскѣ. . .	1,050	4,470

	Число ссыльныхъ
Въ Тобольской губерніи по свѣдѣніямъ 1876 г.	
Было прописано	46,756
На лицо было	34,293
Въ неизвѣстной отлучкѣ .	16,829
Въ Томской губерніи въ 1878 г.	
Прописано	28,828
На лицо	19,032
Въ неизвѣстной отлучкѣ .	9,796

	Недоимокъ на ссыльн. Руб.	К.	Число ссыльн.
Въ Тобольской губ.	641,930	23	
Въ Томской губ. .	191,496	—	
Въ богадѣльняхъ обѣихъ губерній . .	—	—	181
На попеченіи сельскихъ обществъ .	—	—	1,347
Содержалось въ тюрьмахъ за новыя преступленія съ 1870 по 1876 г.			
Въ Тобольской . .	—	—	9,828
Въ Томской . . .	—	—	6,728

Статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ Западной Сибири [1]).

Тобольская губернія. Округа:	Тюркскаго племени.		Финскаго племени.		Самоѣдовъ.	Всего инородческаго населенія.	Процентъ инородцевъ на число русскихъ.
	Бухарцевъ.	Татаръ.	Вогуловъ.	Остяковъ.			
Тобольскій	3,774	11,010	2,158	1,270	—	18,212	16,92%
Тюменскій	2,844	6,255	—	—	—	9,099	9,34%
Тарскій.	1,975	6,755	—	—	—	8,730	7,06%
Ялуторовскій	134	5,133	—	—	—	5,267	3,05%
Туринскій	—	—	3,913	—	—	3,913	6,72%
Березовскій	—	—	—	15,160	7,916	23,076	445,90%
Сургутскій.	—	—	—	5,923	—	5,923	354,67%
	8,727	29,153	6,071	22,353	6,916	74,220	13,12%

Томская губернія. Округа:	Тюркскаго.		Финскаго.		Алтайцы монгольскаго племени.			Всего инородцевъ.	Процентъ инородцевъ на число русскихъ.
	Татары.	Бухарцы.	Самоѣды.	Остяки.	Телеуты и потомки ихъ смѣшавш. съ русскими.	Черневые татары.	Калмыки.		
Томскій. . . .	5,891	152	2,916	4,211	1,285	—	—	14,155	7,94
Барнаульскій . .	—	—	—	—	1,236	—	—	1,236	0,56
Маріинскій . .	1,870	—	—	—	—	—	—	1,870	2,42
Кузнецкій . . .	—	—	—	—	2,985	17,803	—	20,788	16,48
Бійскій	—	—	—	—	225	5,791	17,018	22,034	12,84
Каинскій . . .	2,225	—	—	—	—	—	—	2,225	1,83
ВСЕГО .	9,986	152	2,916	4,211	5,731	23,594	17,018	63,608	7,00

Области.	Киргизы.				Всего.	Процентъ инородцевъ на число русскихъ.
	У нихъ ауловъ.	Кибитокъ.	Муж. п.	Жен. п.		
Семипалатинская . . .	560	106,411	254,528	218,228	472,656	428,04
Акмолинская	349	66,106	171,185	154,629	325,814	854,92

[1]) Настоящія свѣдѣнія составляютъ результатъ нашихъ самостоятельныхъ изслѣдованій о современномъ числѣ и положеніи инородцевъ.

Въ 1879 г.	Тобольской губ.		Томской губ.		Акмолинской обл.		Семипалатинск. обл.		Всего въ Зап. Сиб.	
	Посѣяно	Снято	Посѣяно	Снято	Посѣяно	Снято	Посѣяно	Снято	Посѣяно	Снято
	четвертей									
Озимой пшеницы	3382	4954	5488	24818	—	—	—	—	8870	29772
Озимой ржи	257496	1042971	162886	720628	9836	38903	1146	4353	431364	1806855
Яровой пшеницы	284661	1037953	255138	1227934	21269	50461	12678	53544	573746	2369892
Овса	695297	2192140	320383	1404956	14065	29397	6360	36988	1036105	3663481
Ячменя	58875	181035	52436	234663	971	3476	1212	8362	113494	427536
Гречихи	10706	24017	4919	31315	20	75	5	8	15650	55415
Картофеля	154415	616428	66603	335013	4309	20529	3386	16450	228713	988420
Прочихъ яровыхъ хлѣбовъ	75704	321107	126282	536829	870	1788	1060	9507	203916	869231
Итого	1540536	5420605	994135	4516156	51340	144629	25847	129211	2611858	10210602
									средній урожай 3,95	

1879 г.	Въ Тобол. губ.		Въ Томск. губ		Въ Акмолинской обл.				Въ Семипалатинской обл.				Всего въ Западной Сибири.			
	У осѣдлаго населенія	На 100 душъ об. п.	У осѣдлаго населенія	На 100 душъ об. п.	У осѣдлаго населенія	На 100 душъ об. п.	У киргизовъ	На 100 душъ об. п.	У осѣдлаго населенія	На 100 душъ об. п.	У киргизовъ	На 100 душъ об. п.	У осѣдлаго населенія	На 100 душъ об. п.	У киргизовъ	На 100 душъ об. п.
Лошадей	622899	52,9	800000	77,4	48051	41	703261	208	45843	88	589119	124	1516793	36,5	1292380	159
Рогатаго скота . .	564293	48	650000	63	53610	46	194595	57	34662	66	240112	60	1302565	55	434707	54
Верблюдовъ	—	—	—	—	148	0,1	95957	28	238	0,4	74318	15,6	386	0,01	170275	21
Овецъ простыхъ. .	855965	72	750000	72	66616	59	1258200	372	35298	68	2606215	549	1709879	72	3864415	476
Овецъ тонкорун. .	1190	0,1	—	—	3345	2,8	77	0,02	—	—	—	—	4535	0,19	77	0,009
Свиней	220649	19	200000	19	3782	3,2	—	—	359	0,7	—	—	424790	18	—	—
Коз	43286	3,7	25000	2,2	2384	2	93891	28	—	—	—	—	70670	2,9	93891	11,5
Оленей (въ Березовскомъ и Сургутскомъ окр . .	93579	312	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	93579	312	—	—
	2401861	199	2425000	234	179936	155	2345981	694	116400	224	3509764	740	5123197	215	5855745	721
															10978942	

Наименованіе фабрикъ и заводовъ. 1880 г.	Тобольской губ.			Томской губ.			Акмолинской обл.			Семипалатинской обл.			Всего въ Западной Сибири.		
	Число заведеній	Сумма производительности въ рубляхъ	Число рабочихъ	Число заведеній	Сумма производительности въ рубляхъ	Число рабочихъ	Число заведеній	Сумма производительности въ рубляхъ	Число рабочихъ	Число заведеній	Сумма производительности въ рубляхъ	Число рабочихъ	Число заведеній	Сумма производительности въ рубляхъ	Число рабочихъ
Бумажныхъ	1	2505	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2505	24
Винокуренныхъ	11	714374	669	15	1269915	514	1	62992	80	1	211728	117	28	2259009	1380
Воскобойныхъ	—	—	—	21	13287	63	—	—	—	—	—	—	21	13287	63
Водочныхъ	5	173000	33	—	—	—	3	87479	20	—	—	—	8	259479	53
Гончарныхъ	26	4580	45	25	4801	57	—	—	—	—	—	—	51	9381	102
Для выдѣлки муки	80	956560	522	—	—	—	1	3429	13	—	—	—	81	959989	535
Канатныхъ	15	7690	51	13	6060	53	—	—	—	—	—	—	28	13755	104
Кафельныхъ	—	—	—	2	574	4	—	—	—	—	—	—	2	574	4
Кирпичныхъ	178	16199	190	78	47621	1006	24	20093	238	60	9060	182	340	92973	1616
Кожевенныхъ	397	2324060	1117	81	255612	592	27	322217	226	23	124644	66	528	3026533	2001
Картофельно-паточныхъ	17	137905	234	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	137905	234
Колокольныхъ	4	4487	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	4487	8
Клееваренныхъ	4	7700	36	—	—	—	5	7800	24	—	—	—	9	15500	60
Лосиныхъ и оленьихъ	3	800	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	800	6
Маслобойныхъ	159	57194	266	84	18868	202	1	900	2	1	150	1	245	77112	471
Мыловаренныхъ	19	132800	50	30	37597	107	3	6651	3	7	4073	9	59	181121	169
Мѣдеплавильныхъ	—	—	—	—	—	—	1	248000	183	1	1404	23	2	249404	206
Овчинныхъ	6	1773	10	—	—	—	10	111940	49	—	—	—	16	113713	59
Для трепанія шерсти	—	—	—	—	—	—	2	200000	211	—	—	—	2	200000	211
Табачныхъ	—	—	—	1	30456	56	—	—	—	—	—	—	1	30456	56
Пиво- и медоваренныхъ	5	22020	22	17	204785	117	3	17897	15	—	—	—	25	244702	154
Пимокатныхъ	26	8400	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26	8400	37
Свѣчныхъ Восковыхъ	—	—	—	8	90982	45	1	20200	4	—	—	—	9	111182	49
Свѣчныхъ Сальныхъ	19	73390	51	15	45450	58	4	11320	8	—	—	—	38	130160	117
Салотопенныхъ	92	918394	279	17	41500	58	43	871426	183	5	16275	14	157	1848595	534
Содовыхъ	—	—	—	1	54000	39	—	—	—	—	—	—	1	54000	39
Спичечныхъ	3	3740	11	3	13469	35	—	—	—	—	—	—	6	17209	46
Стекольныхъ	14	56600	196	2	37530	238	—	—	—	—	—	—	16	94130	434
Суконныхъ	1	193446	329	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	193446	329
Скипидарныхъ	3	792	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	792	3
Судостроительныхъ	2	свѣд. нѣтъ	496	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	496
Чугунолитейныхъ	3	138750	381	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	138750	381
Экипажныхъ	—	—	—	14	11689	128	—	—	—	—	—	—	14	11689	128
Итого	1093	5958164	5066	427	2184196	3372	129	1991344	1259	98	367334	412	1747	10501038	10109

Къ 1880 г.	Тобольская губ.					Томская губ.					Акмолинская обл.					Семипалатинская обл.					Всего въ Западной Сибири				
	Число учебныхъ заведеній			Число учащихся		Число учебныхъ заведеній			Число учащихся		Число учебн. заведеній			Число учащихся		Число учебн. заведеній			Число учащихся		Число учебныхъ заведеній			Число учащихся	
	Въ губерніск. городѣ	Въ окружн. городахъ	Въ округахъ	Мужчинъ	Женщинъ	Въ губерніск. городѣ	Въ окружн. городахъ	Въ округахъ	Мужчинъ	Женщинъ	Въ областн. городѣ	Въ уѣздныхъ городахъ	Въ уѣздахъ	Мужчинъ	Женщинъ	Въ областн. городѣ	Въ уѣздныхъ городахъ	Въ уѣздахъ	Мужчинъ	Женщинъ	Въ губерніск. городахъ	Въ уѣздныхъ городахъ	Въ уѣздахъ	Мужчинъ	Женщинъ
Мужскія гимназіи	1	—	—	239	—	1	—	—	230	—	—	1	—	160	—	—	—	—	—	—	2	1	—	629	—
Военная гимназія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	332	—	—	—	—	—	—	—	1	—	332	—
Женскія гимназіи	—	—	—	—	—	1	—	—	—	369	—	1	—	—	349	—	—	—	—	—	1	1	—	—	718
Духовныя семинаріи	1	—	—	149	—	1	—	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	229	—
Учительскія семинаріи . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	88	—	—	—	—	—	—	—	1	—	88	—
Военная прогимназія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	224	—	—	—	—	—	—	—	1	—	224	—
Женскія прогимназіи	—	6	—	—	518	—	2	—	—	146	—	2	—	—	293	1	—	—	—	99	1	10	—	—	1056
Реальныя училища	—	1	—	42	—	1	—	—	203	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	245	—
Духовныя окружныя училища.	1	1	—	289	—	1	1	—	238	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	527	—
Горное окружное училище. .	—	—	—	—	—	—	1	—	207	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	207	—
Женское училище 2 разряда .	—	1	—	—	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	16
Уѣздныя училища	1	7	—	439	—	1	2	—	224	—	—	1	—	145	—	1	—	—	92	—	3	10	—	900	—
Войсковыя окружн. училища.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	48	—	—	1	—	27	—	—	1	1	75	—
Маріинская женская школа .	1	—	—	—	253	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	253
Городск. приходскія училища.	2	15	—	894	48	9	10	—	1022	554	2	9	—	581	97	1	7	—	337	131	14	41	—	2834	830
Горныя сельскія училища . .	—	—	—	—	—	—	—	11	407	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	407	—
Сельскія училища	—	—	199	3632	792	—	—	137	2609	421	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	336	6241	1213
Войск. станич. и пос. школы.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80	1494	445	1	5	47	1028	167	1	5	127	2522	612
Миссіонерскія школы. . . .	—	—	2	53	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	53	20
Ветеринарн. и фельдш. школы.	1	—	—	23	—	1	—	—	20	—	—	3	—	114	—	—	—	—	—	—	2	3	—	157	—
Повивальныя школы	1	—	—	—	39	1	—	—	—	20	—	1	—	—	30	—	—	—	—	—	2	1	—	—	89
Ремесленныя школы	1	—	—	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	23	—
Пріюты и благотворительныя школы	2	1	—	126	160	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	126	160
Магометанскія школы . . .	—	1	26	435	125	2	—	—	80	3	1	7	2	213	80	7	5	—	642	92	10	13	28	1370	300
Интернаты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	6	2	92	76	—	1	—	20	—	2	7	2	112	76
Киргизскія школы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	9	—	—	—	—	—	—	—	1	—	9	—
Еврейскія школы	—	—	—	—	—	1	—	—	17	6	—	—	—	—	—	1	—	—	10	—	2	—	—	27	6
Народныя школы.	—	—	—	—	—	1	—	—	128	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	128	—
Итого . . .	12	33	227	6344	1971	21	16	148	5465	1519	5	35	85	3500	1730	12	19	47	2156	489	50	103	507	17465	5349
																					660			22814	

ОПЕЧАТКИ.

					Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Страница	47	строка	23	сверху	не отразилась	отразилась
„	—	„	24	„	не сдѣлала	сдѣлала
„	86	„	15	„	пострѣла	пестрѣла
„	92	„	21	„	главныя	глазныя
„	100	„	36	„	„еурожаи“	„неурожан“
„	103	„	2	„	углероды	углеводы
„	106	„	1	„	Условіе	Условія
„	107	„	14	„	всѣ	всѣмъ
„	206	„	13	„	Шпрекъ	Шперкъ
„	223	„	6	„	Слово о немъ.	Слава о ней.
„	303	„	8	снизу	Кородавлевъ	Козодавлевъ
„	370	„	1	„	и условія какъ оптиместическія	и усвояли какъ оптимистическія
„	374	„	2	сверху	Шаттъ	Шаппъ